ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2012 Том 18

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 4

июль - август

Учредитель
Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

4 **Сальников Е.В., Кузьмин Ф.А., Фатеев М.М., Богатушин А.В.**
Показатель суммарной степени воздействия на сердечный ритм в оценке вегетативного статуса организма при изменении активности медленных кальциевых каналов L-типа у крыс, находящихся в различных состояниях

8 **Алиев С.И.**
Экологическая характеристика макрозообентоса рек Шабранчай и Кудиалчай Большого Кавказа

10 **Баранов А.В., Баранова Н.С., Величко И.И.**
Совершенствование системы управления селекционным процессом в костромской породе

14 **Кирин Ю.П., Краев С.Л., Яковлев В.В.**
Поддержка принятия решений в управлении процессом восстановления титана

17 **Немчинова А.В., Петухов И.Н., Кощеева А.С., Хорошев А.В., Иванова Н.В.**
Эколого-ценотическая индикация свойств южнотаежных ландшафтов на примере лесов заповедника «Кологривский лес»

22 **Попов И.П.**
Свободные гармонические колебания в системах с элементами различной физической природы

24 **Сулейманов С.Ш., Сеид-Рзаев М.М.**
Характеристика нерестового стада каспийского пузанка Alosa caspia caspia (Eichwald, 1838) у берегов Азербайджана

28 **Чимитдоржиева Э.О., Чимитдоржиева Г.Д., Давыдова Т.В., Цыбенов Ю.Б.**
Чистая первичная продукция постагрогенных почв Западного Забайкалья

ИСТОРИЯ

32 **Горохова О.В.**
Варнавинские народная и публичная библиотеки: Оппозиция или альянс?

37 **Иванова Е.С.**
Сенаторские ревизии Костромской губернии в первой половине XIX века

41 **Комиссаров П.А.**
Структура управления Костромской епархией во второй половине XIX – начале XX века

45 **Лапшин А.Г.**
Ересь петробрюсиан

47 **Лобанов В.Б.**
Терское антибольшевистское восстание (июнь-ноябрь 1918 года): современный взгляд

51 **Наградов И.С.**
Старообрядчество в условиях либерализации государственной политики в 1860-е годы (на материалах Ярославской и Костромской губерний)

55 **Шанцева Е.Н.**
Начальный этап партизанского движения на Брянщине
58 **Редков С.К.**
Реформы XIX века и их влияние на правовую культуру российского общества

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

65 **Волкова В.В.**
Методологические основания к пониманию феномена субкультуры
68 **Кизин М.М.**
Новый этап в развитии русской школы пения начала XX века
71 **Корольков С.В.**
Традиции северной резьбы по кости у современных мастеров
75 **Мазалова Н.Е.**
Целительница из Нерехты

ЛИНГВИСТИКА

79 **Волотов Д.А.**
История батальной лексики французского происхождения: названия военных укреплений (на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир»)
82 **Ермакова Л.А.**
Семантическое поле «женщина» в лирике М. Цветаевой
85 **Косенкова И.О.**
Субъективное время в романе Гайто Газданова «Возвращение Будды»
88 **Рец Н.И.**
Периферийный сегмент поля причинности в разноструктурных языках
93 **Румянцева О.Н.**
Языковые средства наименования и описания наказаний в царской России второй половины XIX века в русских народных сказках
97 **Рец Н.И., Губанов А.Р.**
Интенсивная прагматическая установка в сложных речевых актах обусловленности
102 **Рыбакова Е.А.**
Игры с фразеологизмами в языке современной немецкой молодёжи
106 **Цветкова Е.В.**
К вопросу о структурно-словообразовательной характеристике топонимов
110 **Яренчук Е.Э.**
Интерактивно-аналитический дискурс как детерминатор коммуникативного саботажа (на материале ток-шоу «Специальный корреспондент» и «НТВшники»)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

114 **Андреева В.Г.**
О нескольких центральных антитезах в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»
118 **Баталова Т.П.**
Ф.М. Достоевский и Н.А. Некрасов: творческий диалог (семантика мотива Дела в произведениях 1860-х – 1870-х годов)
122 **Дорохова А.С.**
Многоуровневость «эссеизации» романа XX века: «Игра в бисер» Германа Гессе и «Ночной поезд на Лиссабон» Паскаля Мерсье
125 **Зленко Г.А.**
Диалог культур в критической деятельности В. Набокова
128 **Маслова А.Г.**
Поэтическое творчество Н.М. Карамзина в контексте масонской поэзии XVIII века
132 **Морозов Н.Г.**
Значение теории А.А. Потебни в объяснении феномена актуализации старой литературной формы в реализме начала XX века
137 **Котлов А.К.**
Фольклорно-мифологические истоки хронотопа «Казенной сказки» Олега Павлова

ПОЛИТОЛОГИЯ

142 **Зайцев А.В.**
Политические переговоры и диалог государства и гражданского общества: сходство и различие
146 **Зайцев А.В., Никовская Л.И., Якимец В.Н.**
Публичная политика в Костромской области: субъекты и институты (по результатам социологического исследования)
153 **Швецова Н.А.**
Особенности формирования политической культуры в процессе модернизации российского образования

СОЦИОЛОГИЯ

157 **Савельев О.Н.**
Инновации и их социологическое обеспечение (кейс-стади на примере ЗАО «ОКБ МЭЛ»)

ФИЛОСОФИЯ

160 **Белкина Т.Л., Янцевич И.А.**
Интеллигенция Костромской губернии в контексте трансформаций русского общества второй половины XIX – начала XX веков
165 **Васильев А.А.**
Интуиция в социальных отношениях (на примере юридических)
168 **Кукунина Е.В.**
Воображаемое в философии И. Канта

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

172 **Моисеева О.В.**
Законность применения законодательства о защите прав потребителей к договору имущественного страхования
175 **Рощин Б.Е.**
Российская трудовая повинность в первый год становления «пролетарской диктатуры»: идеолого-правовые основания

ЭКОНОМИКА

181 **Бабаев Б.Д., Боровкова Н.В., Чекмарев В.В.**
О рекреационном освоении территорий: мезоэкономический анализ
186 **Брагина З.В., Овсянников А.А.**
Оптимизация инвестиционной компоненты в структуре тарифа на передачу электрической энергии
189 **Губин В.А.**
Особенности эффективного функционирования фермерских хозяйств
193 **Еремин В.Н., Еремина Е.В.**
О некоторых факторах определения стоимости часа педагогической нагрузки

197 Ратькова А.Б.
Корректирующее воздействие государства на экономику: достоинства и недостатки
200 Свиридов Н.Н., Блинов М.В.
Институты в системе муниципального управления
202 Субботин В.О.
Закономерности развития гражданского общества в постиндустриальной общественно-экономической формации
206 Чекмарев В.В.
Аксиоматика принципов стратегии обеспечения экономической безопасности государства
207 Чистяков С.В., Колесов Е.В.
Базовые принципы построения модели сетевой формы экономических отношений
210 Мамелин О.Р.
К вопросу о взаимодействии банковской системы и реального сектора. Региональный аспект
214 Савельев И.А.
Кластерная форма пространственной организации экономических взаимодействий

СИСТЕМОТЕХНИКА
220 Токарева И.В.
Системный анализ особенностей корпорации как объекта управления

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
224 Цветкова Е.В.
XIII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья»

ПАМЯТЬ
225 ЭПИТИФИ́Я, или нота времени историка В.Н. Маина

227 SUMMARY

236 ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

УДК 591.1 + 615.1

Сальников Евгений Валентинович
доктор биологических наук
Ярославская государственная медицинская академия
salnikov_evgeny@mail.ru
Кузьмин Федор Андреевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Фатеев Михаил Михайлович
доктор биологических наук
Ярославская государственная медицинская академия
fateev52@mail.ru
Богатушин Алексей Вячеславович
кандидат биологических наук
Ярославская государственная медицинская академия
bav333@list.ru

ПОКАЗАТЕЛЬ СУММАРНОЙ СТЕПЕНИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СЕРДЕЧНЫЙ РИТМ В ОЦЕНКЕ ВЕГЕТАТИВНОГО СТАТУСА ОРГАНИЗМА ПРИ ИЗМЕНЕНИИ АКТИВНОСТИ МЕДЛЕННЫХ КАЛЬЦИЕВЫХ КАНАЛОВ L-ТИПА У КРЫС, НАХОДЯЩИХСЯ В РАЗЛИЧНЫХ СОСТОЯНИЯХ

Применение различных блокаторов медленных кальциевых каналов изменяет активность отделов автономной нервной системы разнонаправленно. Данные временного и спектрального анализов сердечного ритма часто противоречивы. Предложена формула расчета суммарной степени воздействия изучаемого вещества на сердечный ритм. При экспериментальной хронической сердечной недостаточности у крыс длительное применение верапамила резко увеличило тонус парасимпатического отдела, а нифедипин и циннаризин незначительно изменяли активность автономной нервной системы, поэтому эффективнее нормализовали сердечный ритм.

Ключевые слова: *вариабельность сердечного ритма, хроническая сердечная недостаточность, автономная нервная система, верапамил, нифедипин, циннаризин.*

Метод исследования вариабельности сердечного ритма (ВСР) [1–6; 8–11; 16–21] широко применяется в экспериментальных исследованиях и клинической практике для оценки функционирования сердечно-сосудистой системы. Изменения, происходящие в данной системе, служат индикатором состояния организма в целом.

Мы использовали данный метод при изучении блокады медленных кальциевых каналов L-типа у белых крыс – самцов, находившихся в состоянии наркоза (45 животных); при иммобилизационном стрессе при однократном и длительном введении блокаторов (контрольная группа – 30 и две экспериментальные группы – по 45 животных); при полученной экспериментальным путем хронической сердечной недостаточности (ХСН) [7, 14] и длительном введении блокаторов (контрольная группа – 30 и экспериментальная группа – 45 животных) [3–6]. Ранее мы также широко применяли данный метод для изучения блокады бета-адренореактивных структур и блокады ангиотензинпревращающего фермента (АПФ) [8–11; 13].

Для подавления активности медленных кальциевых каналов L-типа использовали блокаторы кальциевых каналов (БКК), отличающиеся по механизму действия, химической структуре и физико-химическим свойствам: верапамил (группа фенилалкиламинов) действует на проводящую систему сердца и в меньшей степени на сосуды, взаимодействуя с медленными каналами плазматической мембраны и участками связывания кальция на мембране; циннаризин (группа дифенилпиперазинов) обладает преимущественно внутриклеточным механизмом действия, избирательно влияет на артериальные сосуды головного мозга; нифедипин (группа дигидропиридинов) имеет мембранный и внутриклеточный механизм действия, преимущественно влияет на сосуды [15].

При изучении ВСР определяли следующие показатели временного анализа: минимальная – Mn (мс) и максимальная – Mx (мс) длительность всех интервалов R-R, частота сердечных сокращений (ЧСС), среднее квадратичное отклонение – SDNN (мс), коэффициент вариации – CV (%), квадратный корень из суммы квадратов разности величин последовательных пар интервалов R-R – RMSSD (мс); геометрического анализа: вариационный размах – MxDMn (мс), мода – Mo (мс), амплитуда моды – AMo (%), стресс-индекс – SI (усл. ед.); корреляционной ритмографии: площадь скаттерограммы – EllSq (мс^2), отношение ширины к длине скаттерограммы – EllAs (%); и спектрального анализа: мощность волн низкой частоты – LF (мс^2), мощность волн высокой частоты – HF (мс^2), общая мощность спектра TP (мс^2), относительное значение мощности волн высокой HF (%) и низкой LF (%) частот, индекс вагосимпатического взаимо-

 © Сальников Е.В., Кузьмин Ф.А., Фатеев М.М., Богатушин А.В., 2012

действия – LF/HF (усл. ед.) [1; 2]. При расчете геометрических показателей шаг гистограммы был равен 2 мс. У наркотизированных крыс диапазон LF составлял 0.02–0.15 Гц, у бодрствующих стрессированных животных 0,02–0,75 Гц. Диапазон HF – 0,15–2,0 Гц у наркотизированных крыс и 0,75–3,0 Гц у бодрствующих [8].

Наши многочисленные исследования при изучении различных веществ, влияющих на сердечно-сосудистую систему, выявили, что показатели ВСР изменяются неоднозначно.

Данные спектрального анализа при однократном введении БКК крысам, находящимся в состояниях покоя (при наркозе) и иммобилизационного стресса, не всегда совпадали с данными временного и геометрического анализов. У наркотизированных животных результаты спектрального анализа совпадали с другими видами анализа ВСР только при воздействии верапамила и циннаризина и указывали на повышение тонуса парасимпатического отдела автономной нервной системы (АНС). По данным временного и геометрического анализов введение нифедипина несколько увеличило активность симпатического отдела, а по данным спектрального анализа – парасимпатического отдела. То же самое наблюдается и при действии БКК на организм крыс в состоянии стресса. В этом случае результаты временного и геометрического анализов свидетельствуют о том, что под воздействием верапамила и нифедипина происходит снижение общей ВСР и повышение активности симпато-адреналовой системы, а данные спектрального анализа указывают, наоборот, на повышение тонуса парасимпатического отдела АНС.

Такое же несовпадение результатов спектрального анализа с другими видами анализа наблюдалось и при изучении воздействия на организм стрессированных крыс бета-адреноблокаторов [8–10] и ингибиторов АПФ [11; 13]. По нашему мнению, это объясняется тем, что при стрессе на фоне блокады бета-адренорецепторов и снижения активности АПФ происходит включение в управление сердечным ритмом высших отделов центральной нервной системы (гипоталамического и, возможно, коркового). Считаем, что в случае с БКК наблюдался тот же эффект.

Но на практике физиологу и клиницисту чаще всего необходимо знать итоговый, суммарный эффект воздействия изучаемого вещества (или комбинации веществ) на АНС. Чтобы избежать длительного и детального анализа, мы предложили показатель суммарной степени воздействия (ССВ) и методику его расчета [12]. Итак, ССВ складывается из суммы показателей RRNN, SDNN, CV, RMSSD, MxDMn, AMo, SI, EllSq, EllAs, LF и HF, выраженных в относительных условных единицах (рис. 1) к одноименным показателям в исходном состоянии (принятых за единицу), деленной на число используемых для определения ССВ показателей, минус единица:

$$CCB=\frac{RRNN+SDNN+CV+RMSSD+MxDMn+AMo+SI+EllSq+EllAs+LF+HF}{11}-1$$

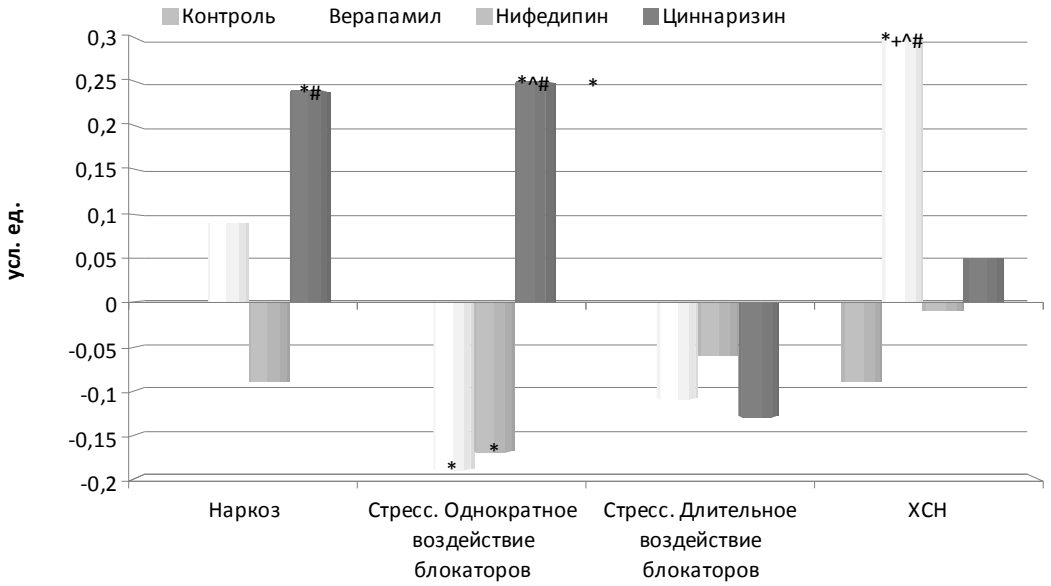

Рис. 1. Влияние ингибирования активности медленных кальциевых каналов L-типа различными по механизму действия БКК на показатель суммарной степени воздействия на сердечный ритм у крыс, находившихся в различных состояниях.

Достоверные отличия: $p<0.05$

* – по сравнению с интактными, + – по сравнению с контролем, ^ – верапамил по сравнению с остальными блокаторами, # – между нифедипином и циннаризином.

Показатели Mn и Mx, ЧСС и Mo, LF% и HF% исключили из определения ССВ в связи с тем, что они отражают разнонаправленные одинаковые изменения, TP – сумму LF и HF и LF/HF (уже является коэффициентом).

ССВ равен нулю при паритете активности симпатического и парасимпатического отделов АНС. Очевидно, что значение показателя меньше нуля соответствует активации симпатического отдела АНС и катехоламинергической системы, а больше нуля – активации парасимпатического отдела и, возможно, высших отделов центральной нервной системы, так как в показателе LF отражается активность не только симпатического отдела АНС, но и другие нейрогуморальные механизмы.

Итак, на основании изменения показателя ССВ можно более точно сделать выводы о том, какое вещество в большей степени изменяет сердечный ритм (рис. 1).

У крыс под наркозом однократное введение верапамила и циннаризина значительно увеличило тонус парасимпатического отдела АНС. Повышение ССВ при применении циннаризина было достоверным по сравнению с исходным состоянием и по сравнению с влиянием нифедипина. Нифедипин незначительно увеличил активность симпато-адреналовой системы. Такое повышение общей вариабельности сердечного ритма, а, следовательно, активности парасимпатического отдела АНС при введении циннаризина связано, скорее всего, с тем, что этот блокатор улучшает мозговое кровообращение и тем самым косвенно способствует изменению активности стволовых структур центральной нервной системы.

Однократное введение БКК крысам, находящимся в состоянии кратковременного иммобилизационного стресса, привело к возрастанию активности симпато-адреналовой системы при действии верапамила и нифедипина. Верапамил снижает ЧСС и другие показатели ВСР: SDNN, CV, RMSSD, MxDMn, AMo, SI и EllSq, поэтому наряду с увеличением тонуса парасимпатического отдела АНС (об этом свидетельствуют и данные спектрального анализа) дополнительно повышается активность симпато-адреналовой системы. На фоне действия циннаризина произошло увеличение тонуса парасимпатического отдела АНС, как и у наркотизированных животных (рис. 1).

Длительное использование БКК у интактных крыс привело к незначительному увеличению активности симпато-адреналовой системы. В этом случае мы можем говорить о том, что животные адаптировались к приему данных препаратов. Необходимо учитывать тот факт, что через сутки после последнего введения верапамила происходит резкое увеличение ЧСС, которое мы связываем с «синдромом отмены».

У крыс в состоянии дезадаптации (экспериментальная модель ХСН) по данным анализа ВСР произошло незначительное повышение активности симпато-адреналовой системы. Хотя ЧСС достоверно была меньше по сравнению с интактными животными, общая вариабельность сердечного ритма снизилась значительно (рис. 1). Наши данные соответствуют результатам экспериментальных исследований показавшим, что при развитии ХСН повышается тонус симпатического отдела АНС [8; 14; 19; 21].

Длительное применение БКК у дезадаптированных животных привело к тому, что при использовании верапамила резко увеличивается тонус парасимпатического отдела АНС. В этом случае для избежания «синдрома отмены» регистрация ЭКГ происходила через час после последнего введения верапамила. Применение нифедипина, наоборот, лишь незначительно повышает активность симпато-адреналовой системы. Это соответствуют результатам исследований на людях, больных гипертонией и стенокардией [16; 19]. Циннаризин привел к небольшому увеличению тонуса парасимпатического отдела АНС.

Результат действия верапамила достоверно отличался как от контрольной группы, так и от групп, получавших нифедипин и циннаризин. Таким образом, эти два последних вещества в большей степени нормализовали сердечный ритм у крыс с ХСН при длительном применении.

Библиографический список

1. *Бабунц И.В., Мириджанян Э.М., Машаех Ю.А.* Азбука вариабельности сердечного ритма. – Ставрополь: Принт-мастер, 2002. – 112 с.

2. *Баевский Р.М., Иванов Г.Г., Чирейкин Л.В., Гавилушкин А.П. и др.* Анализ ВСР при использовании различных электрокардиографических систем (методические рекомендации) // Вестник аритмологии. – 2001. – № 24. – С. 65–87.

3. *Григорьева М.В., Сидоров А.В., Кузьмин Ф.А., Фатеева К.М.* Вариабельность сердечного ритма у бодрствующих иммобилизированных и дезадаптированных крыс при воздействии эналаприла и верапамила // Ярославский педагогический вестник. – 2011 – Т. III (Естествознание). – № 1. – С. 109–113.

4. *Григорьева М.В. Фатеев М.М., Кузьмин Ф.А.* Особенности вариабельности сердечного ритма у наркотизированных и бодрствующих иммобилизированных крыс при блокаде кальциевых каналов // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. – 2012. – Т. 153. – № 5. – С. 585–590.

5. *Кузьмин Ф.А., Фатеев М.М., Григорьева М.В.* Однократное и длительное воздействие циннаризина на вариабельность сердечного ритма у крыс, находящихся в различных состояниях // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 2. – С. 18–22.

6. *Кузьмин Ф.А., Фатеев М.М., Григорьева М.В.* Влияние однократной и длительной блокады кальциевых каналов на сердечный ритм крыс, находящихся в состоянии кратковременного иммобилизационного стресса // Материалы X юбилейной международной научно-практической конференции «Диалог культур – культура диалога». – Кострома, 2011. – С. 198–203.

7. *Румянцева Т.А., Фатеев М.М., Федоров В.Н., Сальников Е.В., Сидоров А.В.* Морфологические доказательства наличия хронической сердечной недостаточности, индуцированной у крыс методом дробного дозированного олеоторакса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 5. – С. 123–127.

8. *Сальников Е.В.* Вариабельность сердечного ритма у крыс с экспериментальной хронической сердечной недостаточностью, длительно получавших бета-адреноблокаторы // Бюлл. эксперимент. биол. и мед. – 2009. – Т. 147. – № 2. – С. 139–143.

9. *Сальников Е.В., Сидиров А.В., Ноздрачев А.Д., Фатеев М.М.* Вариабельность сердечного ритма у крыс, находящихся в различных состояниях // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2008. – Сер. 3. – Вып. 4. – С. 137–142.

10. *Сальников Е.В., Фатеев М.М., Сидоров А.В., Федоров В.Н., Григорьева М.В.* Вариабельность сердечного ритма у бодрствующих и наркотизированных крыс при воздействии β-адреноблокаторов // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. – 2007. – Т. 144. – № 10. – С. 372–375.

11. *Сидоров А.В., Григорьева М.В., Кузьмин Ф.А., Фатеева К.М.* Вариабельность сердечного ритма у крыс с экспериментальной хронической сердечной недостаточностью, длительно получавших ингибиторы ангиотензинпревращающего фермента и блокаторы кальциевых каналов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – Т. 17. – № 1. – С. 29–35.

12. *Фатеев М.М., Сальников Е.В.* Оценка вегетативного статуса организма по коэффициенту суммарной степени воздействия на сердечный ритм // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 1. – С. 106–109.

13. *Фатеев М.М., Сидоров А.В., Григорьева М.В., Раков А.А., Фатеева К.М.* Вариабельность сердечного ритма у бодрствующих и наркотизированных крыс при воздействии ингибиторов ангиотензинпревращающего фермента // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. – 2011. – Т. 152. – № 11. – С. 521–525.

14. *Федоров В.Н., Ноздрачев А.Д., Сальников Е.В., Сидоров А.В., Яльцев А.В., Фатеев М.М.* Динамическая модель тотальной хронической сердечной недостаточности у крыс // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2006. – Сер. 3. – Вып. 2. – С. 103–107.

15. *Хохлов А.Л., Федоров В.Н., Раков А.А.* Сердечно-сосудистые средства: от клинической практики к доказательной медицине. – Ярославль: Ремдер, 2003. – 238 с.

16. *Forslund L., Bjorkander I., Ericson M. et al.* Prognostic implications of autonomic function assessed by analyses of catecholamines and heart rate variability in stable angina pectoris // Heart. – 2002. – Vol. 87. – P. 415–422.

17. *Lin J.L., Chan H.L., Du C.C. et al.* Long term beta-blocker therapy improves autonomic nervous regulation in advanced congestive heart failure; a longitudinal heart rate variability study // Amer. Heart J. – 1999. – V. 137. – P. 658–665.

18. *Malliani A., Lombardi F., Pagani M.* Power spectral analysis of cardiovascular variability in patients at risk for sudden death // J. Cardiovasc. Electrophysiol. – 1994. – V. 23. – P. 274–286.

19. *Minami J., Numabe A., Andoh N. et al.* Comparison of once-daily nifedipine retard in the treatment of essential hypertension // Br. J. Clin. Pharmacol. – 2004. – Vol. 57. – № 5. – P. 632–639.

20. *Sato Y., Ichihashi K., Kikushi Y., Shiraishi H., Momoi M.Y.* Autonomic function in adolescents with orthostatic dysregulation measured by heart rate variability // Hypertens. Res. – 2007. – Vol. 30. – № 7. – P. 601–605.

21. *Tjeerdsma G., Brouwer J., de Kam MSc. P.J. et al.* Effect of mibefradil on heart rate variability in patients with chronic heart failure // Inter. J. Cardiology. – 2000. – Vol. 73. – P. 55–60.

УДК 577.472 (28)

Алиев Салех Илтизам оглы
Бакинский государственный университет (Азербайджан)
alisaleh@rambler.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАКРОЗООБЕНТОСА РЕК ШАБРАНЧАЙ И КУДИАЛЧАЙ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Изучен видовой состав макрозообентоса рек Шабранчай и Кудиалчай на территории северо-восточного склона Большого Кавказа в пределах Азербайджана. Особое внимание уделено экологическому характеру фауны, а также гидрологическим и гидрохимическим параметрам этих рек.

Ключевые слова: *макрозообентос, экология, фауна, литофилы, реофилы.*

Исследуемые реки, протекая по северо-восточному склону Главного Кавказского Хребта, впадают в Каспийское море. В районе верховьев рек господствует холодный климат, а в низовьях, при выходе на Самур-Дивичинскую низменность, – умеренно-теплый. Длина рек Шабранчай и Кудиалчай 113 км и 108 км соответственно.

В питании рек преобладают талые снего-ледниковые воды, половодье охватывает весенне-летний период, и в это время проходит более 60% годового жидкого и твердого стока. Прозрачность речных вод (по стандартному шрифту) колеблется в теплый период года до 8 см, а в холодный – в пределах 4–20 см.

Температура воды р. Кудиалчай по сезонам изменяется в среднегорной зоне в следующих пределах: зимой 1,3–2,0°С, летом 13,1–16,0°С и осенью 12,7–4,3°С. В Шабранчае температура воды на 1–3°С меньше, чем в Кудиалчае. В зависимости от суровости зимы на 1–3 месяца формируются забереги [1; 4].

По химическому составу обе реки относятся к гидрокарбонатному классу с минерализацией воды 300–600 мг/л. Жесткость воды умеренная. В период половодья минерализация воды уменьшается до 200–300 мг/л, а в маловодье увеличивается до 500–600 мг/л. В районе устья рек минерализация доходит до 800–1000 мг/л. Содержание растворенного кислорода в водной среде в холодный период года увеличивается до 11–14 мг/л, а в теплый уменьшается до 6–10 мг/л. Количество кислорода в районе устья уменьшается на 20–30%. В течение года показатель pH варьируется в пределах 7,9–8,6, а в теплый период года несколько увеличивается.

Концентрация биогенных элементов в воде данных рек в зависимости от водности года, температура воды и других условий варьируется в широких пределах. Содержание их следующее: N общий 0,25–1,9 мг/л, P общий 0,020–0,195 мг/л, Fe общее0,01–026 мг/л и Si общий 1,0–6,4 мг/л [3].

По уровню загрязнения воды р. Шабранчай по ИЗВ (индексу загрязнения воды) относятся ко II классу чистых вод, а воды в низовьях р. Кудиалчай – к III классу умеренно-загрязненных вод.

Сбор макрозообентоса проводился сачком и скребком. Материал собран из различных участков и биотопов рек Шабранчай и Кудиалчай. Количественные пробы на илистых и слабозаиленных грунтах собраны дночерпателем (S=0,025 см^2), а на каменистых – рамочным методом (S = 25 см × 25 см). Мягкотелые, ручейники и поденки собраны вручную на камнях русла рек. После промывки собранных грунтов, остаток с животными помещали в полиэтиленовые банки, фиксировали 4%-ным формалином, этикетировали и в таком виде доставляли в лабораторию для дальнейшей обработки. Пробы взяты и обработаны общепринятыми методами [1].

При сборе донных проб измерялись глубина, скорость течения воды, прозрачность и визуально определялся характер грунта. Собраны также образцы высших водных растений для определения видового и количественного состава растений.

В макрозообентосе исследованных рек в течение 2006–2008 гг. обнаружено 62 вида организмов. Исследование проводилось в среднем и нижнем течении рек. Общими для исследованных рек были всего 44 вида. Эти общие виды являются эврибионтными и широко распространенными формами. Среди обнаруженных видов по количеству доминируют вторичноводные животные, в основном личинки ручейников и стрекоз. По встречаемости в макрозообентосе доминируют реофилы.

Экологический характер фауны складывается в соответствии с особенностями водной среды, к которой в исследованных реках относятся: резко выраженный фактор течения, господство каменистых грунтов, высокое содержание кислорода, отношение к грунтам и слабое развитие водной растительности. Следует отметить, что течение является одним их важнейших экологических факторов водной среды, влияющих на функционально-морфологические и экологические особенности макрозообентоса. Под воздействием течения образовалась особая группа реофильных бентосных животных, но реофилия у речных представителей макрозообентоса выражена в различной степени, так как тесно связана со скоростями течения.

Реофилы, заселяющие жесткие грунты, приобретают обычно уплощенную, обтекаемую форму тела, часто вооружены дополнительными крючками и шипами для фиксации или же выделяют клейкие, быстро затвердевающие в воде вещества и при

© Алиев С.И., 2012

помощи них прикрепляются к субстрату. Реофилы, заселяющие пластические грунты, строят в них свои убежища или же просто временно зарываются в грунт. Вместе с тем течение оказывает и положительное, иногда как бы компенсирующее влияние на макрозообентос. Течение способствует постоянному обеспечению фиксированных донных реофилов транзитной пищей, устраняет продукты их жизнедеятельности и исключает возможность наступления кислородного дефицита, способствует равномерному распределению температуры во всей толще воды. Сильное течение почти на всем протяжении реки позволяет широко распространиться и достичь большого количественного развития и видового разнообразия группе реофилов не только в среднем, но и в нижнем течении исследованных рек. К этой группе собственно реофилов, к которым относятся организмы, имеющие специальные физиологические и морфологические приспособления к обитанию в водном потоке и, как правило, не встречающиеся в стоячих водах, среди исследованных относятся следующие виды: *Heptagenia sulfurea* Mull., *Ecdyonorus* sp., *Ephemerella ignita* Poda, *Hydropsyche ornatula* McLachlan, *Baetis rhodani* Pictet, *Cloeon dipterum* Linnaeus, *Tanytarsus exiguus* Johannsen, *Eukiefferiella longicalcar* Thienemann и др.

Все эти виды встречаются, притом некоторые в массовых количествах, как в среднем, так и в нижнем течении.

К этой группе экологически близка группа литофилов, которые в условиях Шабранчая и Кудиалчая обитают на каменистых грунтах на течении большей или меньшей силы, но обыкновенны также и на каменистых биотопах, особенно олиготрофных, не показывая, таким образом, специальной адаптированности к жизни в потоке. Основной особенностью, сближающей их с реофилами, является их оксифильность [1]. К этой группе видов, очень распространенных в среднем и нижнем течении Шабранчая и Кудиалчая можно причислить: *Glossiphonia comlanata* Linnaeus, *Herpobdella octoculata* Linnaeus, *Helobdella stagnalis* Linnaeus, *Coenagrion scitulum* Rambur, *C.armatum* Charpentier, *Lestes viridis* Vander Linden, *Enallagma cyathigerum* Charpentier, *Cryptochironomus defectus* Kieffer, *C.demeijerei* Kruseman, *C.zabolotzkii* Goetghebuer.

Все эти виды более или менее многочисленны в среднем и нижнем течении Кудиалчая. Перечисленный комплекс реофильных и отчасти литофильных организмов, предъявляющих высокие требования к кислородному режиму, включает около 34-х видов.

К числу псаммофилов, которые, в отличие от псаммореофилов, нередко населяют не только песчаные отложения рек, но и пески стоячих водоемов, должны быть отнесены особенно многочисленные в среднем течении Шабранчая и Кудиалчая *Cryptochironomus pararostratus* Tshernovskij, *C.defectus* Kieffer, *C.viridulus* Fabricius, *C.fuscimanus* Kieffer, *C.anomalus* Kieffer, *C.conjugens* Kieffer, *Anadonta cyrea* Drouët, *Pisidium casertanum* Poli.

К этим видам непосредственно примыкают организмы, хорошо выносящие, а иногда и предпочитающие известную степень заиливания песком. Это *Tanytartus mancus* V.D. Wulp., *T.lobatifrons* Kieffer, *Endochironomus tendes* Fabricius, *Chironomus plumosus* Linnaeus, *C.salinarius* Kieffer, *Ephemella iqnita* Poda, *Atherix* sp., *Tabanus* sp., *Sphaerium corneus* Linnaeus.

Они наиболее близки к группе пелореофилов, обитающих на умеренных отложениях окисленных минеральных илов. Собственно пелореофильные виды, характерные только для илистых грунтов рек, в фауне исследованных рек выделить невозможно. В этом биоценозе встречаются: *Limnodrilus udekemianus* Claparède, *L.claparedeanus* Ratzel, *Tubifex tubifex* O.F. Müller, *Peloscoles ferox* Eisen, *Ordella macrura* Stephens, *Chironomus plumosus*, *C.thummi* Kieffer, *Procladius choreus* Meigen и др.

В незначительном количестве развивается в Шабранчае фитофильная фауна, связанная с высшей водной флорой. К числу фитофилов относятся: *Lymnaea auricularia* Linnaeus, *L.stagnalis* Linnaeus, *Costatella acuta* Draparnaud, *Aplexa hypnorum* Linnaeus, *Gyraulus albus* O.F. Müller, *Valvata pulchella* Studer и др.

Таблица 1

Средняя численность и биомасса различных экологических групп макрозообентоса рек Шабранчай и Кудиалчай (экз/г×м²)

Группы	Шабранчай				Кудиалчай			
	верхнее течение		нижнее течение		верхнее течение		нижнее течение	
	Численность	Биомасса	Численность	Биомасса	Численность	Биомасса	Численность	Биомасса
Литореофилы	398	3,02	494	3,84	278	0,72	316	2,82
Литофилы	152	2,16	218	0,62	94	0,34	52	0,42
Фитофилы	20	0,10	28	0,08	–	–	–	–
Псаммофилы	12	0,16	8	0,04	32	0,09	46	0,30
Псаммореофилы	8	0,03	6	0,02	14	0,05	28	0,14
Псаммопелофилы	18	0,06	24	0,08	24	0,06	14	0,08

Относительное значение всех этих экологических групп в составе макрозообентоса различных участков исследованных рек отражено в таблице 1.

Для жизни животных одним из ведущих факторов является кислородный режим водной среды. Кислород регулирует не только газообмен и окислительные процессы в организме, но и весь обмен веществ в целом. Неравномерность распределения растворенного кислорода в природных слоях рек наложила глубокий отпечаток на донную фауну и привела к образованию различных экологических форм по их отношению к кислороду.

В макрозообентосе Шабранчая и Кудиалчая часто встречаются оксифильные виды: *Ophidonais serpentina* O.F. Müller, *Theodoxus pallasi* Lindholm, *T.danubialis* Pfeiffer, *Melanopsis variabilis* Busch., *Tanytarsus exiguus* Johannsen, *Ablabesmia monilis* Linnaeus и др.

Вместе с тем в составе макрозообентоса исследованных рек встречаются виды, переносящие кислородный дефицит: *Limnodulus hoffmeisteri* Claparède, *L.udekemianus* Claparède, *Euilyodrilus hammoniensis* Michaelsen, *Chironomus semireductus* Lenz. и др.

На самом деле, данные организмы имеют расширенный экологический диапазон. Эти виды встречаются в составе литореофильных биоценозов, основные компоненты которых являются стеноксибионтными оксифилами. Однако почти все они составляют основную массу пелофильных биоценозов, из придонных слоев которых временами почти полностью исчезает кислород. В связи с этим именно реофильная и оксифильная фауна наиболее характерна для исследованных рек.

Библиографический список

1. *Жадин В.И.* Методика изучения донной фауны водоемов и экологии донных беспозвоночных // Жизнь пресных вод СССР. – 1956. – Т. 4. – Ч. 1. – С. 278–288.

2. Ежегодные данные о качестве поверхностных вод суши Азербайджанской Республики. – Баку, 2000–2008.

3. *Касымов А.Г.* Пресноводная фауна Кавказа. – Баку: Элм, 1972. – 285 с.

4. Материалы по гидрографии СССР. Реки Азербайджанской ССР. – Баку: Издательство АН Азерб. ССР; Nafta-press, 2002. – С. 160–180.

УДК 636.22/28.034

Баранов Александр Васильевич
Костромской научно-исследовательский институт сельского хозяйства Российской академии сельскохозяйственных наук
Баранова Надежда Сергеевна
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
Величко Ирина Игоревна
Костромская государственная сельскохозяйственная академия
irina19-1975@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЕКЦИОННЫМ ПРОЦЕССОМ В КОСТРОМСКОЙ ПОРОДЕ

При разведении малочисленных пород крупного рогатого скота необходимо учитывать, что влияние материнской основы на генетический потенциал может реализовываться как через матерей, так и через селекционное ядро быков производящих стад. При селекционной работе с крупным рогатым скотом, в первую очередь, учитываются удельный вес и структура селекционного ядра с учетом требования селекции, экономики и последующей оптимизации по их взаимодействию.

Ключевые слова: *костромская порода, племенное ядро, интенсивность селекции, уровень отбора.*

В Костромской области основной породой крупного рогатого скота для разведения считается костромская порода. Она характеризуется высокими удоями и содержанием белка в молоке, хорошими адаптационными способностями, плодовитостью и оплатой корма продукцией, устойчивостью к таким инфекционным заболеваниям, как лейкоз, туберкулез и бруцеллез. Скот костромской породы имеет крепкую конституцию, прочный копытный рог, поэтому хорошо приспособлен к промышленной технологии производства молока и пастбищному содержанию [1, с. 48–51]. В то же время, несмотря на ряд преимуществ по сравнению с другими породами, костромская порода скота нуждается в дальнейшем повышении молочной продуктивности.

Целью нашей работы явилось изучение реализации эффекта племенного ядра коров костромской породы в условиях племенного завода.

Исследования проводили в течение 2005–2010 гг. на информационной базе, включающей данные племзавода Колхоз «Родина» Красносельского района Костромской области. Объем базы по живому и выбывшему поголовью содержит данные о 783 животных костромской породы.

Помимо баз данных, сформированных на магнитных носителях, использовалась информация по коровам и племенным быкам (формы 2-мол и 1-мол

© Баранов А.В., Баранова Н.С., Величко И.И., 2012

за 2000–2010 гг.), информация Селекционного центра по бурым породам скота, а также информационные материалы ВНИИплем, ВНИИРГЖ и ВИЖ.

СПК Колхоз «Родина» основан в 1928 г., а с 2008 г. является племенным заводом по разведению крупного рогатого скота костромской породы. Среднегодовое поголовье коров в этом хозяйстве за последние пять лет составляет 450 голов (43,2% в структуре стада). Наивысший удой на корову был получен в 2007 г., он составил 6353 кг молока с массовой долей жира в молоке 3,83%. Выход телят на 100 коров находится на уровне 80,0–83,7%.

Живая масса телок в 18 месяцев составляет 389–397 кг, что превышает действующий стандарт породы (1975 г.) на 50 кг и новый стандарт (2010 г.) на 10 кг и свидетельствует о хорошей интенсивности выращивания телок в данный возрастной период. Искусственное осеменение телок в хозяйстве проводят при достижении ими живой массы 410 кг в возрасте 21–25 месяцев.

Основными факторами, на которые опирается вся племенная работа с крупным рогатым скотом, являются генетические, доля их влияния на молочную продуктивность коров составляет 25–30% [9, с. 3–5]. В то же время продуктивность крупного рогатого скота зависит от множества паратипических факторов, к примеру, продуктивность на 10–15% зависит от условий содержания животных [8], а 75% молочной продуктивности коров определяется факторами среды [4, с. 30–31]. По данным ряда авторов [5, с. 14–15; 3], рост удоев коров за счет селекционной работы возможен при достаточном уровне кормления.

Известным с давних времен и проверенным практикой приемом улучшения племенных и продуктивных качеств животных является отбор. Отбирая животных с определенными качествами, например, обильно-молочных коров, и выбраковывая особей менее ценных, можно развить желательные для человека свойства животных. При этом результаты отбора будут зависеть и от условий, в которых находятся животные. Таким образом, отбор представляет собой комплекс мероприятий, направленных на сохранение в стаде лучших животных для воспроизводства и удаление из стада худших.

К самому простому варианту отбора относится отбор в племенное ядро. Племенное ядро состоит из лучших животных стада, потомки которых пойдут на его обновление. Повышение продуктивности стада за счет наследственного улучшения начинается с планирования ремонта стада, то есть с планирования величины племенного ядра. Величина племенного ядра зависит от воспроизводства стада и выбраковки низкопродуктивных коров, предусматривающей увеличение продуктивности.

Коровы племенного ядра реализуют себя как матери коров и матери быков во всех селекционных системах [2, с. 11–13; 10, с. 20–23; 7, с. 14–15; 12, с. 59–93]. Выявлено, что прямое и косвенное давление отбора в разрезе племенного ядра на селекционные процессы может достигать 32%.

Изучая изменчивость генетического потенциала при отборе коров в племенное ядро, Ю.В. Бойков [2, с. 11–13] включил в экспериментальные варианты отбора следующие признаки: надой, МДЖ%, выход молочного жира, живую массу, индекс молочности, продолжительность сервис-периода. При жестком отборе коров по признакам молочной продуктивности в племенное ядро целесообразно включать коров с высокими удоями за лактацию и пожизненной продуктивностью, но с пониженными воспроизводительными качествами.

В случае создания стада коров с высоким генетическим потенциалом по пожизненной продуктивности эффективнее проводить отбор коров в племенное ядро по индексу молочности при средних показателях молочного жира.

Эффект племенного ядра имеет бинарный характер, и на продуктивные показатели стада он оказывает как прямое, так и косвенное воздействие. В первом случае он обуславливается превосходством над уровнем продуктивности стада, во втором – повышением потенциала ремонтных телок. Объем, уровень продуктивности, потенциал племенного ядра обусловлены рядом объективных факторов, в частности, это объем ежегодной выбраковки (Рв), уровень воспроизводства (Ув), среднегодовой выход телочек на 100 коров (Пт) и отход молодняка при выращивании до 18-месячного возраста (Рс). Количество коров племенного ядра определяют по формуле:

$$Пя = Рв \times Ув / Пт (100 – Рс)$$

Для данного стада число коров племенного ядра равно: $Пя=113 \times 100 / 40 (100 – 17) = 340$ голов, или 75,5%.

На первом этапе оптимизации объем племенного ядра (и, соответственно, его удельный вес в стаде) берется по расчетным данным. В дальнейшем эта величина и интенсивность селекции рассматриваются в органической связи с интенсивностью селекции первотелок, так как коровы племенного ядра являются матерями ремонтных телок. С учетом интенсивности селекции, а также стандартного отклонения для подконтрольной популяции или стада рассчитывается экономико-селекционный показатель – превосходство коров племенного ядра.

Расчет выполняется по формуле:

$$Ппл = Хст + \delta x * i,$$

где Хст – средняя продуктивность стада; δx – среднее статистическое отклонение по продуктивности; i – интенсивность селекции [6].

В нашем случае превосходство коров племенного ядра, рассчитанное на основе результатов оценки селекционно-генетических параметров и интенсивности селекции, составило

$$Ппл = 5596 + 680*0,4249= 5884,93 \text{ кг.}$$

Следует отметить, что оптимизация племенного ядра лучших стад оказывает прямое селекционное давление на потенциал популяции в целом.

Следующий подконтрольный элемент, который в дальнейшем находит свое отражение в управляющей части, – эффект используемых быков-производителей. Фоновые различия стад обуславливают различную реализацию генетического потенциала быков. В этой связи контроль должен вестись в двух направлениях: прямая оценка быка-производителя (метод дочери-сверстницы) и реализация на конкретном стаде его материнской основы [11].

Удельный вес животных племенного ядра за последние три года составил 75,5–79,4%. С учетом выхода телят, потребности в ремонте и норме воспроизводства, плановый показатель численности племенного ядра составил 340–360 голов.

Анализ селекционных результатов за ряд лет показывает, что фактическое превосходство коров племенного ядра оказывается в пределах 300–320 кг, фактическая удельная масса животных племенного ядра составила 77–80%. Следует отметить, что уровень отбора коров ниже 50% не оправдан экономически. Таким образом, оптимальная интенсивность селекции находится в пределах 50–76% (i = 0,4080–0,7970), при этом количество коров племенного ядра для стада составляет от 300 до 340 голов. Их превосходство над уровнем продуктивности стада заключается в пределах от 310 до 330 кг молока. Анализ изменения интенсивности селекции племенного ядра от минимально допустимой до максимально допустимой величины показал следующее: в интервале уровня отбора от 30 до 40% его влияние на изменение величины генетического потенциала (учетная единица – превосходство коров племенного ядра или матерей коров) составляет 16,8%; в пределах от 45 до 55% уровня отбора – 21,2%, от 60 до 65% – 22%; от 70 до 80% – 26,1%, от 80 до 90% – 20%. Прослеживается явная нелинейная зависимость с максимальным действующим эффектом, приходящимся на величину уровня отбора от 70 до 80%. Следует отметить, что в эти границы попадает также фактический и оптимальный уровень отбора коров в племенное ядро.

Из вышеприведенных исследований можно сделать вывод о целесообразности введения фактора «селекционное ядро» в систему управления селекционным процессом. Оптимальный вариант по интенсивности отбора коров в племенное ядро должен соответствовать комплексу селекционно-экономических требований. С одной стороны, это максимально повысит потенциал стад, с другой – сохранит нормы их ремонта.

Нами выполнен расчет уровня отбора при определенном для данного хозяйства выходе телят на 100 коров и нетелей, а также продолжительности межотельного периода. При сложившейся хозяйственной ситуации (выход телят на 100 коров, сохранность молодняка, уровень ввода нетелей) трудно добиться существенной эффективности по управлению генетическим потенциалом. Увеличение интенсивности селекции коров племенного ядра ведет к уменьшению его численности и, соответственно, к снижению выхода ремонтных телок (при условии, что ремонт производится только за счет племенного ядра). В данном случае выход заключается в краткосрочном изменении самой системы селекции в стаде, учитывающем норму эффективного ремонта только племенного ядра. Создается эффект «стада внутри стада», то есть ремонт основного стада приобретает симультативный характер, в значительной степени обеспечиваемый за счет выранжировки животных из племенного ядра.

В программном комплексе MATLAB 2000 выполнена пошаговая проверка эффективности использования племенного ядра, при которой учитывались 40 переменных по удельному весу, 120 переменных – по продуктивным показателям, 100 переменных – по изменению генетического превосходства. Оптимальный уровень отбора составил 71,3%, при этом количество коров в племенном ядре уменьшится на 36 голов по сравнению с фактическим, улучшение продуктивных показателей коров составит 37 кг или 10,7%.

На основании полученных данных подтверждается ранее сделанный вывод: снижение доли коров племенного ядра связано с уменьшением числа ремонтных телок и, в свою очередь, со снижением уровня браковки полновозрастных коров. Поэтому, по данным Н.Ю. Чекменёвой [10, с. 20–23], снижение доли коров племядра с целью управления генетическим потенциалом стада не рекомендует-

Таблица 1

Изменение генетического потенциала при увеличении жесткости отбора матерей коров

Год	Уровень продуктивности стада, кг молока	Превосходство коров племенного ядра, кг молока	Фактический генетический потенциал по надою, кг молока	Генетический потенциал при i=0,7978	Изменение ГП на 1% увеличения жесткости отбора коров племядра
2006	5883	283,6	+78,4	+83,1	0,361
2007	6353	296,3	+81,9	+82,6	0,061
2008	5553	338,6	+99,3	+99,8	0,048
2009	5596	310,8	+85,5	+97,62	0,378
2010	5598	316,4	+87,5	+97,3	0,466

Таблица 2

Результаты оптимизации эффекта племенного ядра

Выход молодняка на 100 коров	Поголовье племядра, %	Сервис-период, дни	Эффект племенного ядра в кг молока	Эффект племенного ядра в %
70	75	130	-727,2	87,0
75	75	120	-454,0	91,
80	70	110	0,00	100,0
82	68	100	281,2	105,0
84	66	90	562,4	110,0

ся проводить более трех лет.

Для более наглядной характеристики влияния племядра на генетический потенциал стад мы искусственно завысили предельно допустимый уровень отбора (50%, при I = 0,7978).

Из данных таблицы 1 видно, что в зависимости от уровня продуктивности стада среднегодовое увеличение генетического потенциала (ГП) достигает 110–132%. При этом проявляется четкая обратная зависимость: чем выше продуктивность стада, тем меньше изменяется его потенциал.

Исследователями Н.Ю. Чекменёвой, Ю.В. Бойко [10, с. 20–23; 2, с. 11–13] установлено, что в племядро наиболее целесообразно выбирать животных по тому признаку, который в первую очередь необходимо получить в стаде, что результативность направленного улучшающего отбора матерей резко снижается по тому признаку, по которому в стаде достигнуты высокие показатели.

Для получения оптимальных компонентных составляющих при работе с племенным ядром был использован симплекс-метод. В расчетах употреблялось стремление к оптимуму по удельному весу коров племенного ядра, выходу телят и продолжительности сервис-периода. Вектор весовых коэффициентов учитывал положительное и отрицательное направление регрессии. При оптимуме (соответственно условий симплекс-метода) эффект племенного ядра составляет 100%.

Уравнение имеет следующий вид:

Эпя = {ввм (Вм-Вмо) – впя (Ппя-Ппяо) – всп (Псп-Пспо)}+Хст /Хст,

где: в – коэффициент регрессии для симплекс-метода, рассчитанный в программе MATLAB 2000; ввм – коэффициент регрессии для выхода молодняка 21,45; впя – коэффициент регрессии для поголовья племенного ядра 36,15; всп – коэффициент регрессии для сервис-периода 16,6; Вмо – оптимум для выхода молодняка 80 голов; Ппяо – оптимум поголовья племядра 70 %; Пспо – оптимум сервис периода 110 дней; Вм, Ппя, Псп – пробандные показатели; Хст – продуктивность стада.

В таблице 2 приведены выборочные данные для оптимизации эффекта племенного ядра, которые характеризуют изменения эффекта племенного ядра в зависимости от отклонения от оптимумов.

В результате оптимизации нами были получены оптимальные показатели, необходимые для увеличения эффекта племенного ядра. Наибольший эффект, составляющий 562,4 кг молока будет достигнут при выходе молодняка в 84%, поголовье племенного ядра в 66% и сервис-периоде в 90 дней.

Библиографический список

1. *Баранов А.В., Шалугин Б.В.* Оценка и рациональное использование генофонда костромской породы скота // Достижения науки и техники АПК. – 2011. – С. 48–51.

2. *Бойков Ю.В.* Хозяйственно-полезные качества коров племядра при отборе их по разным признакам // Бюллетень ВНИИГРЖ. – СПб, 1987. – №98. – С. 11–13.

3. *Булатов А.П., Курдоглян А.А.* Раздой коров: теория и практика. – Курган: «Зауралье», 2006. – 232 с.

4. *Виноградов В., Стрекозов Н.* Разведение высокоудойных коров // Животноводство России. – 2004. – № 5. – С. 30–31.

5. *Лазаренко Н., Райхлин П.* Опыт повышения реализации генетического потенциала в молочном скотоводстве // Животноводство России. – 2003. – № 5. – С. 14–15.

6. *Никоро З.С., Стакан Г.А., Харитонова З.Н., Васильева Л.А., Гинзбург Э.Х., Решетникова Н.Ф.* Теоретические основы селекции животных – М.: Колос, 1968. – 440 с.

7. *Пилипенко А.А.* Эффективность двух программ отбора ремонтных животных // Новые методы селекции и биотехнологии в животноводстве. – Киев, 1991. – С. 14–15.

8. *Погребняк В.А.* Селекционные аспекты повышения продуктивного потенциала молочного скота – Омск: ОмГАУ, 2000. – 145 с.

9. *Прохоренко П.Н.* Кормление – главное в повышении интенсификации использования генетического потенциала животных // Зоотехния. – 2003. – № 3. – С. 3–5.

10. *Чекменева Н.Ю.* Изменение характеристик коров племядра при отборе по разным признакам в стаде племзавода колхоза им. Владимира Ильича // Бюллетень ВНИИРГЖ. – 1990. – № 93. – С. 20–23.

11. *Шталь В., Раш Д., Шиллер Р.* Популяционная генетика для животноводов-селекционеров – М.: Колос, 1973. – 439с.

12. *Kral M., et al.* Ocinnost selekce plemenic skotu s ohledem na naslednou uzitkovost stad //Acta sci. (CSSR). – 1988. – № 31. – P. 59–93.

УДК 669.295.681.5

Кирин Юрий Петрович
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Березниковский филиал
klu2010@mail.ru
Краев Сергей Львович
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Березниковский филиал
ksl63@mail.ru
Яковлев Владимир Викторович
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Березниковский филиал
yvvhome@mail.ru

ПОДДЕРЖКА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УПРАВЛЕНИИ ПРОЦЕССОМ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТИТАНА

В статье предложен способ снижения энергозатрат процесса восстановления титана, основанный на передаче тепла из зоны экзотермической реакции в зоны подогрева аппарата восстановления. Сформулирован критерий энергозатрат зон подогрева. Рассмотрен алгоритм поддержки принятия решений, обеспечивающий энергосберегающее управление зонами подогрева аппарата восстановления.

Ключевые слова: *процесс восстановления титана, экзотермическая реакция, энергозатраты, зоны подогрева, энергосберегающее управление.*

Восстановление тетрахлорида титана магнием – высокотемпературный экзотермический процесс, основанный на реакции химического превращения:

$$TiCl_4 + 2Mg = Ti + 2MgCl_2 + 519 \text{ кДж}.$$

Процесс проводят в герметичном реакторе в атмосфере инертного газа. Выделяемое тепло отводят направленным потоком воздуха, подаваемым в зону экзотермической реакции вентилятором. Соседние с зоной экзотермической реакции нижняя и верхняя части реактора подогреваются для поддержания в жидком (расплавленном) состоянии магния и хлорида магния. Подогрев осуществляется нихромовыми нагревателями [1].

Анализ теплового баланса процесса восстановления показывает, что при воздушном охлаждении теряется значительная часть тепла экзотермической реакции (26,1%). Много энергии расходуется на подогрев нижней и верхней зон реактора (22,8%). Поэтому для снижения энергозатрат процесса восстановления целесообразно подогревать нижнюю и верхнюю зоны, используя теплоту экзотермической реакции.

Известен способ снижения энергозатрат, основанный на передаче тепла из зоны экзотермической реакции в зоны аппарата восстановления, требующие подогрева, с помощью теплообменника с межканальной транспирацией воздуха [2]. Применение теплообменника с межканальной транспирацией воздуха существенно усложняет конструкцию аппарата восстановления. Это обстоятельство ограничивает возможность использования данного способа в промышленном производстве губчатого титана.

Решение проблемы снижения энергозатрат значительно упрощается, если информацию о количестве передаваемого в зоны подогрева тепла экзотермической реакции извлекать из динамики позиционного регулирования температуры зон подогрева. В данном случае задача энергосберегающего управления состоит в поддержании такого температурного режима зоны экзотермической реакции и зон подогрева, при котором из зоны экзотермической реакции в зоны подогрева передаётся наибольшее количество тепла. Для этого в зонах подогрева измеряют параметры автоколебаний тем-

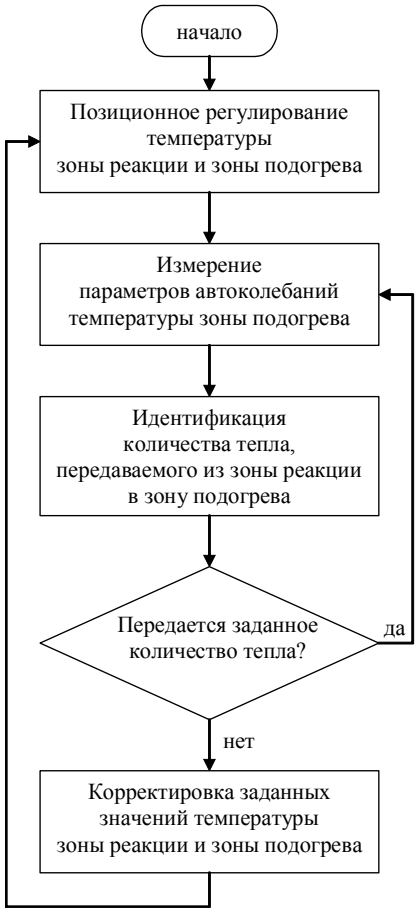

Рис. 1. Алгоритм энергосберегающего управления процессом восстановления

© Кирин Ю.П., Краев С.Л., Яковлев В.В., 2012

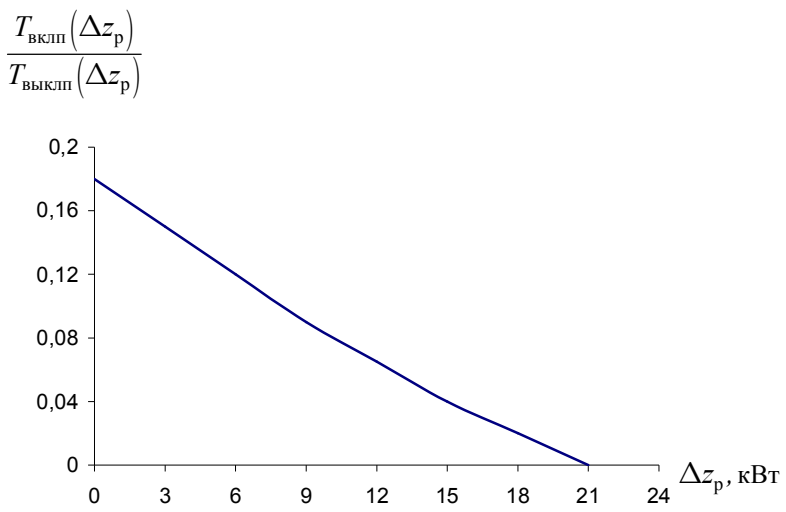

Рис. 2. Изменение отношения $T_{\text{вклп}}(\Delta z_{\text{р}}) / T_{\text{выклп}}(\Delta z_{\text{р}})$ в процессе поступления в зону подогрева тепла экзотермической реакции

пературы (амплитуды отклонений температуры от заданных значений, время включения и выключения нагревателей) и по их изменению идентифицируют количество передаваемого в зоны подогрева тепла. Результаты идентификации используют для корректировки в позиционных регуляторах заданных значений температуры зоны экзотермической реакции и зон подогрева [3].

В общем случае алгоритм энергосберегающего управления температурой зоны экзотермической реакции и одной из зон подогрева может быть представлен в виде, изображенном на рисунке 1.

Рассмотрим процесс передачи тепла из зоны экзотермической реакции в зону подогрева промышленного аппарата восстановления, анализируя характер изменения параметров автоколебаний температуры зоны подогрева. Очевидно, что энергозатраты зоны подогрева снижаются в том случае, если передаваемое из зоны экзотермической реакции тепло $\Delta z_{\text{р}}(t)$ компенсирует тепловые потери зоны подогрева $x_{\text{тп}}$, то есть изменяется в диапазоне $0 \le \Delta z_{\text{р}}(t) \le x_{\text{тп}}$. Установлено, что наиболее информативными параметрами автоколебаний температуры, характеризующими $\Delta z_{\text{р}}(t)$, являются время включения $T_{\text{вклп}}(\Delta z_{\text{р}})$ и время выключения $T_{\text{выклп}}(\Delta z_{\text{р}})$ нагревателя зоны подогрева. При этом в процессе поступления $\Delta z_{\text{р}}(t)$ в зону подогрева первый параметр уменьшается, второй возрастает. В данном случае в качестве критерия энергозатрат зоны подогрева целесообразно использовать величину отношения $T_{\text{вклп}}(\Delta z_{\text{р}}) / T_{\text{выклп}}(\Delta z_{\text{р}})$ [4].

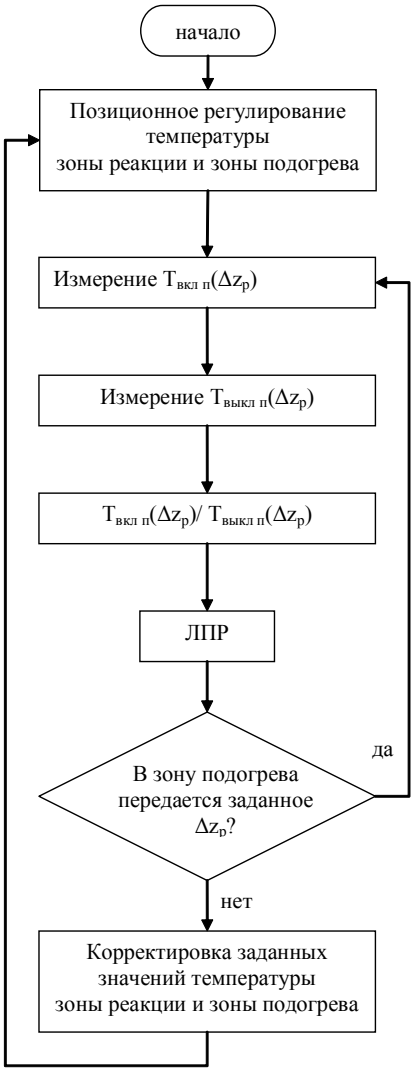

Рис. 3. Алгоритм поддержки принятия решений в управлении процессом восстановления

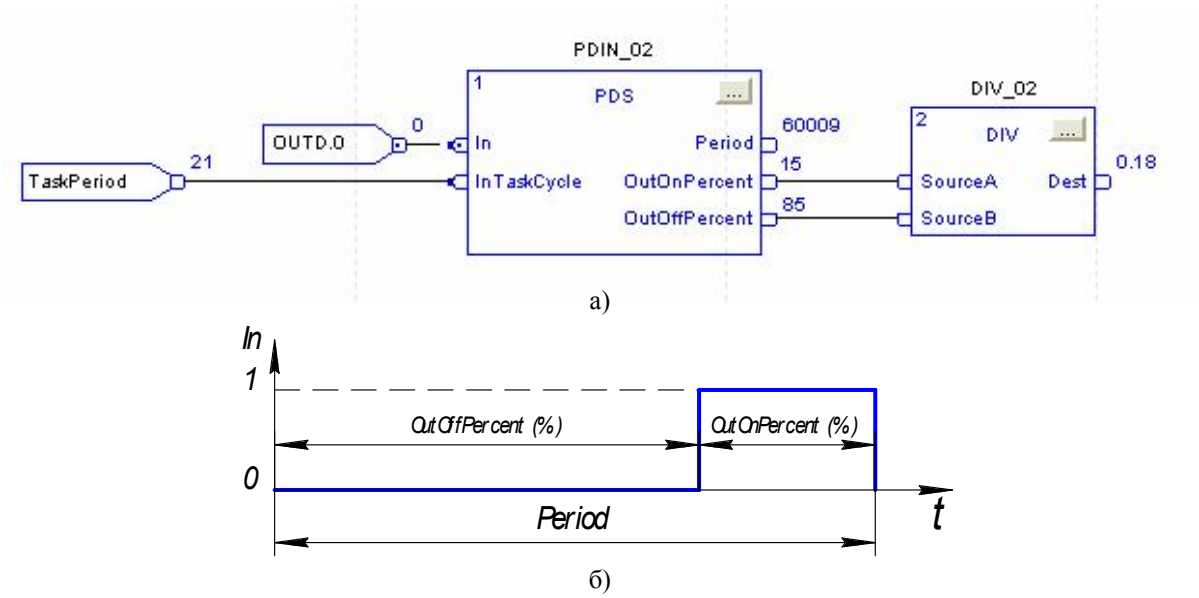

Рис. 4 Схема измерения критерия энергозатрат зоны подогрева
а – программная реализация схемы; б – диаграмма состояний инструкции «*PDS*».
OUT.0 – входное состояние; *TaskPeriod* – время цикла программы; *PDS* «*Period Discret State*» – инструкция, определяющая период (мс) «*Period*» и проценты «*OutOnPercent, OutOffPercent*» нахождения бита «*In*» в состоянии «*1*» и «*0*»; *DIV* «*Divide*» –инструкция делит «SourceA» на источник «SourceB» и помещает результат в «Dest»; вспомогательный тег «*InTaskCycle*» необходим для корректного определения периода переключения бита «*In*».

В работе [3] получена зависимость, связывающая это отношение и $\Delta z_{\text{р}}(t)$ (рис. 2).

Как видно из рисунка, величина отношения и, следовательно, энергозатраты зоны подогрева снижаются с увеличением $\Delta z_{\text{р}}(t)$. Так, например, она составляет 0,18 при $\Delta z_{\text{р}}(t)$=0; 0,04 при $\Delta z_{\text{р}}(t)$=15 кВт; 0 при $\Delta z_{\text{р}}(t) = x_{\text{тп}} = 21$ кВт. В последнем случае $\Delta z_{\text{р}}(t)$ компенсирует $x_{\text{тп}}$. Данная зависимость дает возможность технологу – лицу, принимающему решение (ЛПР), – контролировать и при необходимости корректировать по величине отношения $T_{\text{вклп}}(\Delta z_{\text{р}}) / T_{\text{выклп}}(\Delta z_{\text{р}})$ количество поступающего в зону подогрева тепла экзотермической реакции, то есть корректировать энергозатраты зоны подогрева в системах ситуационного управления [5].

Определение в реальном времени значения критерия энергозатрат зон подогрева обеспечивает информационную поддержку решений ЛПР в управлении процессом восстановления (рис. 3). Принимаемые в данном случае решения о корректировке заданных значений температуры зоны экзотермической реакции и зоны подогрева основываются на собственном понимании ЛПР технологического процесса и опыта управления им.

Текущее значение критерия энергозатрат измеряют в ходе процесса восстановления с помощью программируемого логического контроллера ControlLogix в среде разработки RSLogix 5000 на языке FBD (рис. 4).

На практике заданные значения позиционных регуляторов температуры зоны экзотермической реакции, нижней и верхней зон подогрева назначаются ЛПР из условия минимума энергозатрат [3], при котором $\Delta z_{\text{р}}(t)$ компенсирует $x_{\text{тп}}$, то есть

$$\lim_{\Delta z_{\text{р}} \to x_{\text{тп}}} \left[T_{\text{вклп}}(\Delta z_{\text{р}}) / T_{\text{выклп}}(\Delta z_{\text{р}}) \right] = 0 .$$

Выполнение этого условия обеспечивает энергосберегающее управление температурой зон подогрева аппарата восстановления и снижение энергозатрат процесса восстановления на 120–150 кВт/ч на тонну получаемого губчатого титана.

Библиографический список

1. *Тарасов А.В.* Металлургия титана. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. – 328 с.

2. *Затонский А.В.* Передача тепла из зоны реакции в зону подогрева аппарата восстановления титана // Наука в решении проблем Верхнекамского промышленного региона: сб. науч. трудов. – Березники: БФ ПГТУ, 1998. – Вып. 1. – С. 41–46.

3. *Кирин Ю.П., Затонский А.В., Беккер В.Ф., Бильфельд Н.В.* Энергосберегающее управление температурой процесса восстановления титана // Математические методы в технике и технологиях – ММТТ-20: сб. трудов 20-й Международной научн. конф. – Ярославль: ЯГТУ, 2007. – Т. 7. – С. 260–262.

4. Патент 2179597 РФ. Способ регулирования температурного режима процесса получения губчатого титана / Ю.П. Кирин, Н.А. Носков, Д.А. Рымкевич и др. // БИ. – 2002. – №5.

5. *Кирин Ю.П., Краев С.Л.* Ситуационное управление процессами производства губчатого титана // Промышленные АСУ и контроллеры. – 2011. – № 11 – С. 6–11.

УДК 581.55 03.02.08

Немчинова Анна Викторовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
nemanvic@rambler.ru
Петухов Илья Николаевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
xen8787@mail.ru
Кощеева Анна Сергеевна
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Anna.Koscheeva@erm.com
Хорошев Александр Владимирович
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
akhorosh@orc.ru
Иванова Наталья Владимировна
Пущинский государственный естественнонаучный институт
natalya.dryomys@gmail.com

ЭКОЛОГО-ЦЕНОТИЧЕСКАЯ ИНДИКАЦИЯ СВОЙСТВ ЮЖНОТАЕЖНЫХ ЛАНДШАФТОВ НА ПРИМЕРЕ ЛЕСОВ ЗАПОВЕДНИКА «КОЛОГРИВСКИЙ ЛЕС»*

На примере ландшафтов заповедника «Кологривский лес» проверяется значимость факторов среды для формирования растительности с участием широколиственных пород деревьев и неморальных видов травянистых растений в лесных сообществах.

Ключевые слова: *эколого-ценотическая структура, фитохоры, почвенный анализ, ландшафты Костромской области, заповедник «Кологривский лес».*

Согласно современной системе классификации и картирования растительности, территория Костромской области относится к бореально-неморальной лесорастительной полосе [1]. Леса ядра заповедника «Кологривский лес», принятые за эталон коренных южнотаежных плакорных ельников, характеризуются многими признаками (субклимаксовых) лесов бореально-неморальной зоны [1], приурочены к ландшафту с чехлом покровных пылеватых суглинков [4]. Наличие чехла лессовидных отложений моренных ландшафтов со средними или тяжелыми суглинками на поверхности обеспечивает формирование ареалов пихтово-еловых лесов с участием широколиственных пород и видов неморальной эколого-ценотической группы (ЭЦГ) травяного яруса [4]. Кроме влияния эдафических факторов высока роль антропогенного фактора [5]. В результате смены эдификаторов после сплошной вырубки или пожара возрастает доля растительных сообществ с преобладанием бореальных видов [2]. Остается пока невыясненным, является ли Кологривский лес своеобразным экстразональным ландшафтом, в котором высокий процент неморальных видов – результат восстановительной сукцессии, связанной со спецификой относительно богатых почвообразующих отложений, либо он представляет собой природный действительно малонарушенный южнотаежный ландшафт.

Цель исследования – на примере лесов заповедника «Кологривский лес» выяснить, может ли неморальный характер эколого-ценотической структуры (ЭЦС) растительных сообществ южной тайги достоверно выступать индикатором определенных свойств ландшафта. В 2011 г. на территории заповедника «Кологривский лес» в Костромской области в бассейне реки Вонюх выполнены геоботанические и ландшафтные описания (75) на двух отличных по характеру и степени антропогенной нарушенности участках – в коренных лесах ядра заповедника «Кологривский лес» (естественные урочища) и на участке лесов, пройденных рубками 30–85-летней давности на разных стадиях восстановительной сукцессии (вырубленные урочища). Урочища обоих участков отнесены к ландшафту моренной холмистой лессово-суглинистой равнины, границы которой установлены по классификации космического снимка Ландсат-7. Для сравнительного анализа привлечено 103 геоботанических описания 2001 г. во вторичных лесах соседнего ландшафта водноледниковой пологохолмистой песчано-суглинистой равнины, в бассейне реки Понга. Наличие и теснота связей измеренных свойств ландшафтов оценивались расчетами коэффициен-

* Исследования поддержаны грантом РФФИ 11-05-00954-а.
Экспедиция организована Государственным природным заповедником «Кологривский лес».

© Немчинова А.В., Петухов И.Н., Кощеева А.С., Хорошев А.В., Иванова Н.В., 2012

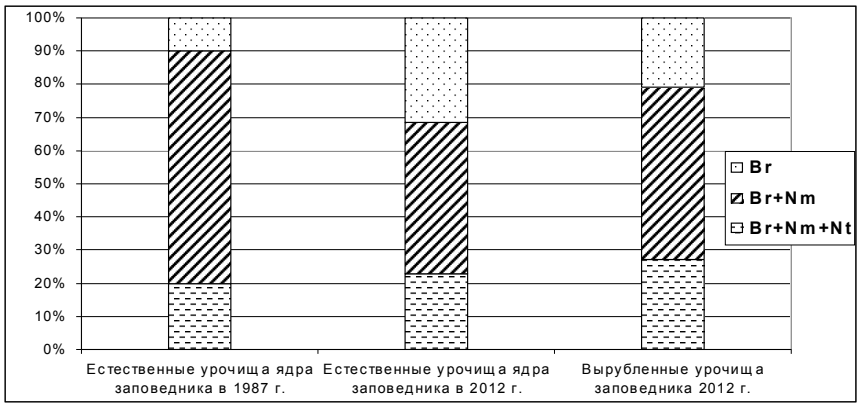

Рис. 1. Соотношение ценотических фитохор в естественных субклимаксовых урочищах ядра заповедника и окружающих вырубленных урочищах по результатам исследований разных лет

тов корреляции Пирсона и ранговой корреляции Спирмена с проверкой достоверности t-критерием Стьюдента, а также расчетами мультирегрессионных уравнений. Использованы результаты определения кислотности почв, содержания органического углерода, обменных катионов (ГОСТ 26207-91, 26207-84, 26487-85), измерений массовой доли элементов в почве [6] (аналитик Д.В. Ладонин). Анализ растительности на профилях катены проведен методом выделения фитохор [7], наиболее близких к урочищам в понимании ландшафтоведения. Для оценки структурного эколого-ценотического разнообразия построены спектры по относительному (в %) участию видов и на основе преобладания видов одной или двух ЭЦГ (вариант модального соотношения). Учитывались ЭЦГ из классификации эколого-ценотических свит А.А. Ниценко и исторических свит Г.М. Зозулина [8; 9]. На модальной основе выделены типы ценотических фитохор [7] – бореальная (Br), бореально-неморальная (Br+Nm), неморальная (Nm), бореально-неморально-нитрофильная (Br+Nm+Nt).

В ходе работы проверено несколько гипотез о причинах повышения доли видов неморальной ЭЦГ в модальном соотношении с бореальными в растительных сообществах и числа таких сообществ в ландшафтах различного ранга. Оказалось, что те свойства ландшафта, которые оказывают значимое влияние на повышение доли неморальных видов в естественных урочищах, малозначимы или совсем незначимы на вырубленных урочищах. Только на уровне ландшафтов низкого ранга, таких как фации, можно наблюдать реагирование растительности на изменение экологических условий после вырубок в разных частях рельефа в виде ее «неморализации» или «борелизации».

Анализ структурного эколого-ценотического разнообразия не показал существенных отличий между альтернативными (естественными и нарушенными) урочищами – увеличились доли болотной и луговой ЭЦГ на 1% каждая, уменьшилась доля высокотравной ЭЦГ на 2%. Но доля фитохор с преобладанием неморальных и бореальных (Br+Nm) на малонарушенном участке за 25 лет снизилась почти в 2 раза и стала сопоставимой с долей бореальных (Br) фитохор. На вырубленных урочищах в настоящий момент доля Br+Nm выше, чем на естественных.

Следующая гипотеза о том, что повышение доли неморальных видов сопровождает процесс сукцессии и индицирует относительно поздние сукцессионные стадии сообществ, в наших исследованиях

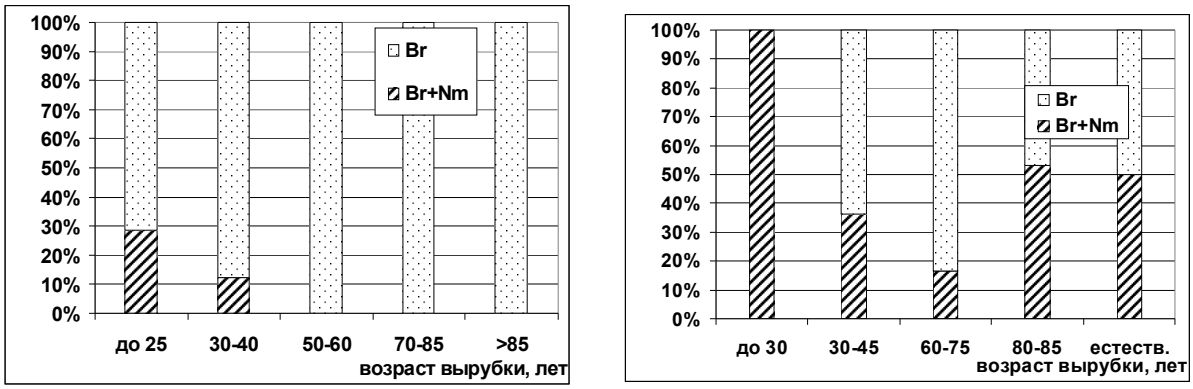

Рис. 2. Графики распространения ценотических фитохор на вырубках различного возраста на водоразделах (долины исключены) моренно-водноледниковой песчано-суглинистой равнины (слева) и моренной лессово-суглинистой равнины (справа)

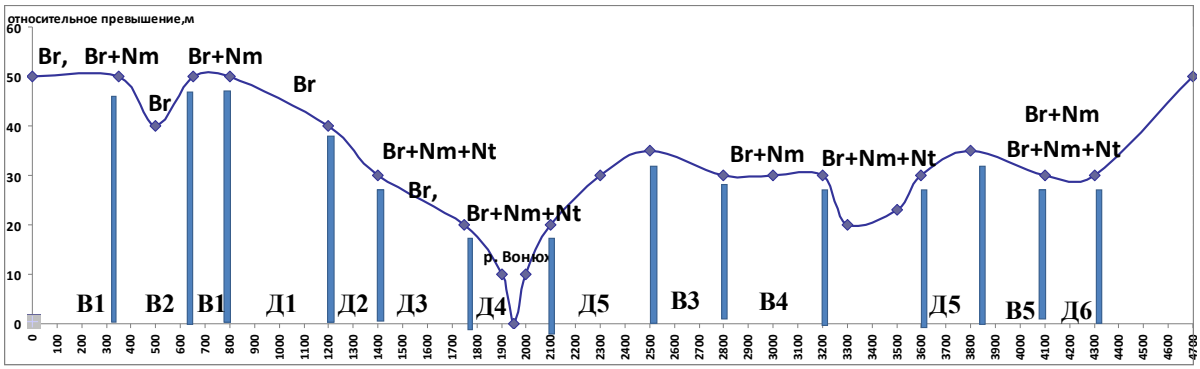

Рис. 3. Распределение ценотических фитохор на схеме профиля катены реки Вонюх ядра заповедника «Кологривский лес» (рассчитано по преобладанию ценотических фитохор в частях рельефа).

В1 – выпуклые формы рельефа; В2 – водосборное понижение; В3 – очень пологий приводораздельный склон; В4 – приводораздельная плоская поверхность; В5 – пологий приводораздельный склон; Д1 – придолинный склон очень пологий; Д2 – придолинный склон пологовогнутый; Д3 – придолинный склон крутой; Д4 – глубоковрезанное днище долины р. Вонюх; Д5 – пологий придолинный склон; Д6 – верховье реки слабоврезанное.

не подтверждена из-за фактов проявления «борелизации» не только вырубок, но и естественных урочищ, а также случаев с изначально высокой степенью «неморальности» определенных частей ландшафтов. Например, для ландшафта моренной лессово-суглинистой равнины отмечено некоторое повышение встречаемости Br+Nm фитохор с возрастом вырубки (рис. 2). Выбиваются из ряда описания в культурах ели 30 лет на месте концентрированной вырубки, восстановившейся березой, где процент Br+Nm оказался высок, несмотря на короткий срок после рубки. В условиях другого типа ландшафта, моренно-водноледниковой песчано-суглинистой равнины, наблюдается обратная ситуация – снижение доли Br+Nm фитохор с повышением возраста вырубки. Однако проверка степени насыщенности неморальными видами самих растительных сообществ в обоих ландшафтах показала, что с возрастом (25–85 лет) доля неморальных видов достоверно повышается (коэф. Спирмена +0,74 (значимый) и +0,81 (значимый)).

Следующим шагом исследования стала проверка гипотезы наличия сопряженности между долей неморальных видов в фитохорах и их положением в рельефе. Несмотря на разные типы сравниваемых ландшафтов, было отмечено сходство – приуроченность Br+Nm фитохор к фациям выпуклых водораздельных частей рельефа, приводораздельной плоской поверхности, крутым придолинным склонам, независимо от характера и срока воздействия антропогенного фактора. Бореальные фитохоры чаще встречаются в водосборных понижениях на водоразделе и на некоторых пологих склонах (рис. 3). Высоко участие бореально-неморально-нитрофильных (Br+Nm+Nt) фитохор в фациях днищ долин рек, слабоврезанных верховьев рек, пологих и пологовогнутых придолинных склонов.

Объяснение закономерности дифференциации фитохор в рельефе получено при проверке другой гипотезы причин «неморализации» урочищ, фитохор (фаций) и сообществ – различий эдафических условий в разных частях рельефа. Проверена чув-

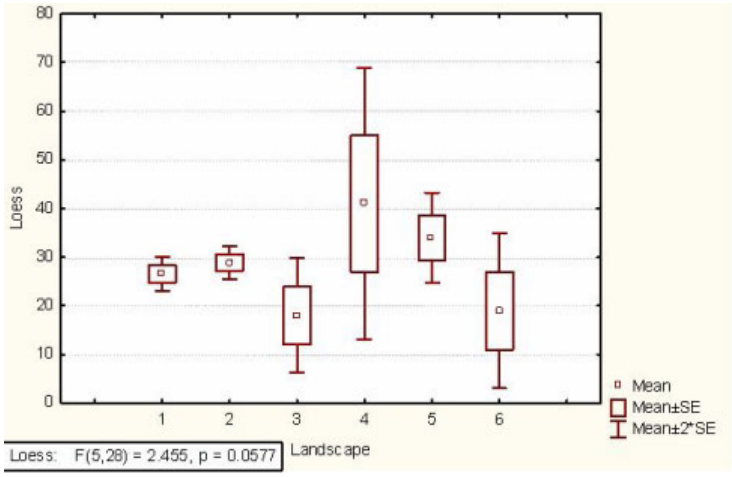

Рис. 4. Мощность чехла лессовидных суглинков по видам урочищ.

1 – плоское междуречье; 2 – пологий приводораздельный склон; 3 – водосборное понижение; 4 – пологий склон долин; 5 – покатый склон долин; 6 – пойма.

Таблица

Коэффициенты корреляции (Спирмена) мощности чехла покровных суглинков с показателями насыщенности сообществ неморальными видами

	Ландшафт			
	лессово-суглинистой равнины			песчано-суглинистой равнины
	ландшафт в целом	естественные урочища	вырубленные урочища	вырубленные урочища
	мощность чехла покровных суглинков			
доля неморальных видов	+0,17 (не значимый)	+0,59 (значимый)	-0,33 (не значимый)	+0,66 (значимый)
насыщенность состава древостоев	+0,78 (значимый)	+0,34 (не значимый)	+0,71 (значимый)	+0,74 (значимый)

ствительность ЭЦС сообществ к мощности чехла покровных пылеватых суглинков и, соответственно, глубине кровли моренных суглинков. Только в условиях субклимаксовых лесов доля неморальных видов в шкале «неморальные-бореальные» виды может значимо индицировать этот эдафический фактор (коэф. Спирмена +0,59, достоверен) (табл.). На вырубках статистически значимую зависимость от этого фактора проявил показатель насыщенности состава древостоев коренными южнотаежными породами, включая широколиственные (табл.). Сама мощность чехла сильно дифференцирована в рельефе (рис. 4), что согласуется с распределением ценотических фитохор (рис. 3).

Более высокая доля неморальных видов в сообществах (в ср. 89% против 76% в естественных) и процент самих бореально-неморальных сообществ (фитохор) на вырубленных территориях ландшафта лессово-суглинистой равнины по сравнению с естественными (рис. 1) объясняется отличиями по целому комплексу факторов: трофности, кислотности и переменности увлажнения почв, независимо от характера и давности воздействия. Средние показатели pH почв и трофности корнеобитаемых горизонтов почв (до 25 см) на водоразделах вырубленных урочищ выше, чем в естественных (рис. 5), но не за счет интенсификации гумусонакопления от лиственной растительности, а, скорее, из-за различий свойств и глубины залегания подстилающих пород, так как с мощностью лессовидного чехла на вырубках повышается также суммарная мощность оподзоленных горизонтов (коэф. Спирмена +0,74 (значим.)), а насыщенность верхних горизонтов органическим углеродом ниже (рис. 5).

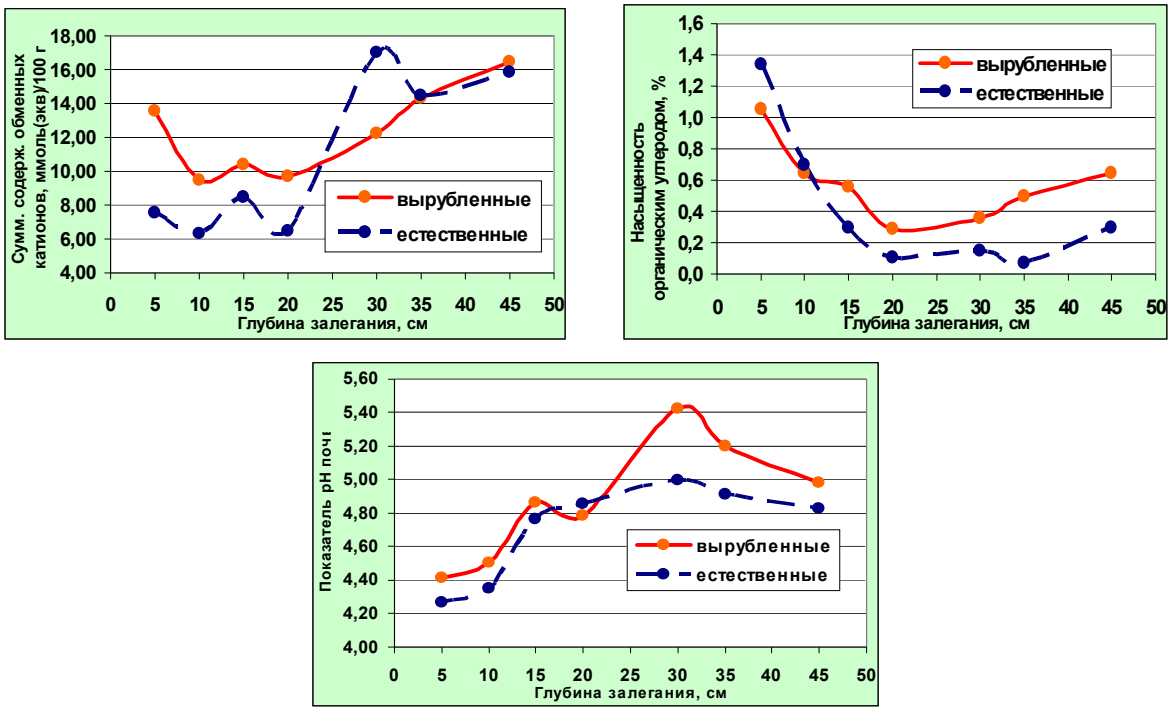

Рис. 5. Графики послойного суммарного содержания обменных катионов (Ca^{2+}, Mg^{2+}, Na^{+}, K^{+}, H^{+}, Al^{3+}) (слева), насыщенности органическим углеродом (справа), показателя pH в почвенных горизонтах вырубленных и естественных водораздельных урочищ лессово-суглинистой равнины

Среди проверенных эдафических факторов высокой долей неморальных видов на вырубленных урочищах лессово-суглинистой равнины индицируется только высокий pH почв на глубине 5–10 см (коэф. Спирмена +0,47 (значим.)). Однако при рассмотрении в масштабе всего ландшафта проверяемый признак достоверно коррелирует с обогащенностью катионами кальция и магния (коэф. Спирмена +0,44 и +0,42) и кислотностью почв на глубине 10 см. (+0,47), с содержанием органического углерода на глубине 25 см. (+0,6), с наличием оглеенных горизонтов (коэф. Пирсона –0,52). Доказательством значимости для формирования растительности промывного водного режима, характерного для гумидных ландшафтов района исследования, послужили результаты ординации растительности ландшафта песчано-суглинистой равнины [5] по градиентам среды, выраженным в баллах экологических шкал Цыганова. Была выявлена тесная взаимосвязь факторов кислотности, трофности и переменности увлажнения почв.

Проверена также роль ключевых видов в формировании ЭЦС ландшафтов разных уровней. Теснота связи проверяемого индикатора с показателями присутствия и обилия коренных южнотаежных пород в разных ярусах сообществ проявилась только на вырубленных урочищах. Для неморальных видов важным оказалось присутствие коренных пород, особенно в кустарниковом ярусе (коэф. Пирсона +0,69; Спирмена +0,57), и их суммарное балловое (по Браун-Бланке) обилие в разных ярусах на площадках по 100м^2 (коэф. Пирсона +0,41; Спирмена +0,75). Максимально тесная связь обнаружена с обилием клена остролистного *(Acer platanoides)* в обоих типах ландшафта (коэф. Спирмена +0,76 и +0,91). Высоки также коэффициенты с обилием липы (*Tilia cordata)* (+0,7). По результатам решения мультирегрессионного уравнения зависимости проверяемого признака от сумм площадей сечения лесообразующих пород снижение доли неморальных видов в сообществах может происходить под влиянием высокого обилия ели *(Picea abies* (L.) Karst.*)* в древесном ярусе.

Показатель доли неморальных видов в составе растительности может индицировать определенные свойства ландшафта, но его проявление зависит от иерархического уровня рассмотрения. Только на уровне ландшафтов низкого ранга, таких как фации, можно наблюдать проявление «неморализации» – «борелизации» в разных частях рельефа. При этом экотопическая и ценотическая неоднородность внутри фации, как и внутри сообществ, может индицироваться разными вариантами соотношения неморальных и бореальных видов. Ландшафт лессово-суглинистой равнины можно считать экстразональным, так как его эколого-ценотическая структура, несмотря на вырубки, практически не меняется. «Неморализация» проявляется в виде «мерцающей мозаики» – пятен с повышенной и возрастающей во времени долей неморальных видов, размещающихся в пределах экологического оптимума в рельефе, в зависимости от ценотического окружения, связанного с насыщенностью состава сообществ коренными породами и обилием ключевых видов – клена остролистного и ели. Концентрация неморальных сообществ после рубок в ландшафте лессово-суглинистой равнины остается высокой и индицирует низкую кислотность, высокую трофность и переменность увлажнения почв. Процессы сукцессии растительных сообществ могут сопровождаться повышением доли неморальных видов, в сравнении с бореальными, но высокая доля неморальных видов не может считаться индикатором позднесукцессионных стадий.

Библиографический список

1. Восточноевропейские леса: история в голоцене и современность: в 2 кн. / Центр по пробл. экологии и продуктивности лесов. – М.: Наука, 2004. – Кн. 1 / отв. ред. О.В. Смирнова. – 479 с.

2. *Немчинова А. В.* Тенденции восстановления лесного растительного покрова южнотаежных ландшафтов Костромской области // Ландшафтоведение: теория, методы, региональные исследования, практика: материалы XI Междунар. ландшафт. конф. – М.: Геогр. фак. МГУ, 2006. – С. 552.

3. *Дылис Н.В.* Основы биогеоценологии. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 172 с.

4. Ландшафты и экологическая сеть Костромской области. Ландшафтно-географические основы проектирования сети Костромской области / А.В. Хорошев, А.В. Немчинова, В.О. Авданин. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 776 с.

5. *Немчинова А. В.* Дифференциация лесных фитохор бассейна р. Понга на примере ландшафтов «Кологривского леса»: Дис. … канд. биол. наук. – Сыктывкар, 2005. – 251 с.

6. Методика выполнения измерений массовой доли элементов в твердых минеральных объектах методом масс-спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой на масс-спектрометре Agilent ICP-MS 7500. – М.: МГУ, 2009. – 54 с.

7. Методические подходы к экологической оценке лесного покрова в бассейне малой реки / Л.Б. Заугольнова, Т.Ю. Браславская (отв. ред.). – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. – 383 с.

8. Ценофонд лесов европейской России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mfd.cepl.rssi.ru/flora/ (дата обращения – 10.01.2012).

9. Обоснование системы эколого-ценотических групп видов растений лесной зоны Европейской России на основе экологических шкал, геоботанических описаний и статистического анализа / В.Э. Смирнов, Л.Г. Ханина, М.В. Бобровский // Бюлл. МОИП. Отд. биол. – 2006. – Т. 111. – Вып. 2.– С. 36–47.

УДК 537.862+534.014.1+534.014.4

Попов Игорь Павлович
Курганский государственный университет
popov_ip@kurganobl.ru

СВОБОДНЫЕ ГАРМОНИЧЕСКИЕ КОЛЕБАНИЯ В СИСТЕМАХ С ЭЛЕМЕНТАМИ РАЗЛИЧНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

В статье рассматриваются инертно-индуктивная и упруго-емкостная колебательные системы и возникновение в них свободных гармонических колебаний. В инертно-индуктивной системе происходит взаимное превращение кинетической энергии инертного тела в энергию магнитного поля катушки индуктивности. В упруго-емкостной системе – взаимное превращение потенциальной энергии пружины в энергию электрического поля конденсатора.

Ключевые слова: *свободные гармонические колебания, система, инертный, упругий, индуктивный, емкостный.*

Известные колебательные системы имеют параметры, физическая природа которых одна и та же [1, с. 546]. Например, в выражении для собственной частоты пружинного маятника

$$\omega_0 = \sqrt{\frac{k}{m}} \qquad (1)$$

при этом оба параметра – коэффициент упругости k и масса m – являются механическими величинами. В формуле для электрического колебательного контура

$$\omega_0 = \frac{1}{\sqrt{LC}} \qquad (2)$$

параметры индуктивность L и емкость C являются электрическими величинами.

Целью последующего рассмотрения является моделирование колебательных систем, одновременно включающих механические и электрические компоненты. При этом задача исследования заключается в установлении функциональных зависимостей, связывающих между собой механические и электрические параметры, а также в определении собственных частот колебаний таких систем, зависящих как от механических, так и от электрических величин. Актуальность разработки этой темы обусловлена потребностями быстро развивающейся в последнее время мехатроники, охватывающей механические и электрические явления в их взаимосвязи. В литературе по отдельности представлены механические составляющие мехатронных систем и их электрические компоненты [2, с. 247], а также механические [3, с. 129] и электрические [4, с. 53] колебательные системы. В то же время мало освещены объекты и процессы, имеющие параметры смешанной природы [5, с. 300].

Свободные гармонические колебания в инертно-индуктивной (*mL*) системе. На рисунке 1 представлена инертно-индуктивная (mL) колебательная система. Масса магнита m, магнитная индукция в зазоре B, между полюсами находятся n проводников с длиной активной части l. Индуктивность катушки L. Активное сопротивление, потери на трение, индуктивность и емкость рамок не учитываются. Пусть начальные условия: $x(0) = 0$; $dx/dt\,(0) = v_0$; $i(0) = i_0$. Механическое и электрическое состояния mL колебательной системы описываются двумя уравнениями в соответствии со вторыми законами Ньютона и Кирхгофа:

$$m\frac{d^2x}{dt^2} = Blni\,, \qquad (3)$$

$$Bln\frac{dx}{dt} + L\frac{di}{dt} = 0\,. \qquad (4)$$

Здесь x – перемещение инертного тела (магнита), $Blni$ – сила Ампера, $Bln\,dx/dt$ – ЭДС электромагнитной индукции, $-L\,di/dt$ – ЭДС самоиндукции. B, l, n, – параметры, обусловливающие электромеханическое взаимодействие. Их целесообразно объединить в параметрический коэффициент

$$y = (Bln)^2 \qquad (5)$$

Из (4) $\dfrac{d^2x}{dt^2} = -y^{-0,5}L\dfrac{d^2i}{dt^2}$,

при подстановке в (3) $\dfrac{d^2i}{dt^2} + \dfrac{y}{mL}i = 0$.

Последнее выражение представляет собой классическое уравнение свободных гармонических колебаний. Его решение

$$i = I_m \sin(\omega_0 t + \varphi),\ x = y^{-0,5}L\left[I_m \sin(\omega_0 t + \varphi) - i_0\right],$$

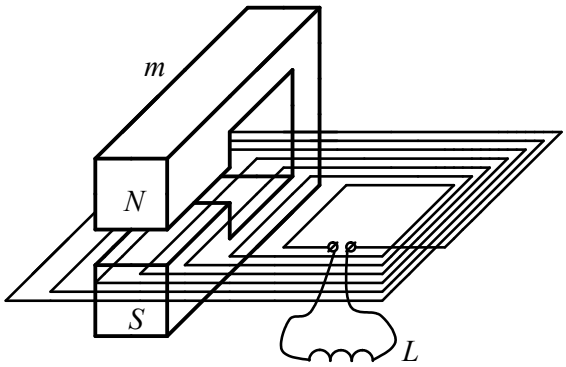

Рис. 1. Инертно-индуктивная (mL) колебательная система

© Попов И.П., 2012

$$I_m = \sqrt{i_0^2 + \frac{E_0^2}{X_{mL}^2}} = \sqrt{i_0^2 + v_0^2 \frac{m}{L}},$$

$$\varphi = \operatorname{arctg} \frac{i_0 X_{mL}}{E_0} = \operatorname{arctg} \frac{i_0}{v_0} \sqrt{\frac{L}{m}}.$$

Собственная частота автономной консервативной mL-системы:

$$\omega_0 = \sqrt{\frac{y}{mL}}. \qquad (6)$$

Волновое сопротивление колебательной mL-системы:

$$X_{mL} = \sqrt{\frac{yL}{m}}. \qquad (7)$$

Таким образом, в mL-системе происходят свободные гармонические колебания.

Свободные гармонические колебания в упруго-емкостной (kC) системе. На рисунке 2 представлена упруго-емкостная (kC) колебательная система.

Емкость конденсатора C, коэффициент упругости пружины k. Масса не учитывается. Остальные допущения такие же, как для mL-системы.

Уравнения системы, по аналогии с (3) и (4), с учетом закона Гука имеют вид:

$$kx = Blni, \qquad (8)$$

$$Bln\frac{dx}{dt} + u_C(0) + \frac{1}{C}\int_0^t idt = 0. \qquad (9)$$

Последнее слагаемое – напряжение на конденсаторе.

Пусть начальные условия: $u_C(0) = u_0$, $i(0) = 0$.

Производная (8) с учетом (5)

$$\frac{dx}{dt} = \frac{y^{0,5}}{k}\frac{di}{dt}.$$

При подстановке в (9)

$$\frac{y}{k}\frac{di}{dt} + u_C(0) + \frac{1}{C}\int_0^t idt = 0.$$

При дифференцировании последнего выражения получается классическое дифференциальное уравнение свободных гармонических колебаний

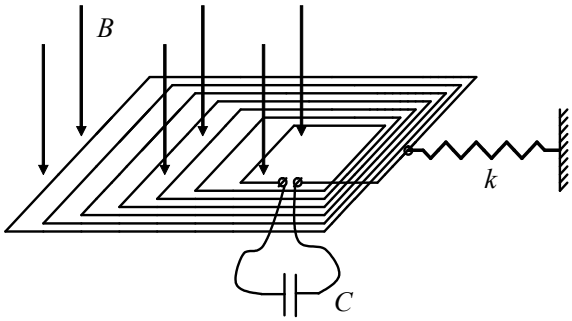

Рис. 2. Упруго-емкостная (kC) колебательная система

$$\frac{d^2 i}{dt^2} + \frac{k}{yC} i = 0.$$

Его решение $i = I_m \sin\omega_0 t$, $I_m = u_0\sqrt{\frac{kC}{y}} = \frac{u_0}{X_{kC}}$, где волновое сопротивление:

$$X_{kC} = \sqrt{\frac{y}{kC}}, \qquad (10)$$

собственная частота автономной консервативной kC-системы:

$$\omega_0 = \sqrt{\frac{k}{yC}} \qquad (11)$$

Таким образом, в рассматриваемой kC колебательной системе могут возникать свободные гармонические колебания.

Искусственные механические и электрические величины. Сопоставление выражений (6) и (11) с формулами (1) и (2) позволяет установить существование искусственных механических и электрических величин.

Искусственная (емкостная) масса

$$m_C = yC. \qquad (12)$$

В материальном виде она представляет собой (kC) колебательную систему без пружины.

Искусственная (индуктивная) упругость

$$k_L = \frac{y}{L}. \qquad (13)$$

Ее устройство отличается от искусственной (емкостной) массы тем, что вместо конденсатора к виткам подключена катушка индуктивности.

Искусственная (инертная) емкость

$$C_m = \frac{m}{y} \qquad (14)$$

представляет собой (mL) колебательную систему без катушки индуктивности.

Искусственная (упругая) индуктивность

$$L_k = \frac{y}{k} \qquad (15)$$

выполнена в виде (kC) колебательной системы без конденсатора.

Выражения (12) – (15) позволяют привести соотношения (6), (7), (10), (11) к классическому виду.

$$\omega_{0mL} = \sqrt{\frac{y}{mL}} = \frac{1}{\sqrt{C_m L}} = \sqrt{\frac{k_L}{m}},$$

$$X_{mL} = \sqrt{\frac{yL}{m}} = \sqrt{\frac{L}{C_m}} = \frac{y}{\sqrt{mk_L}} \qquad (16)$$

$$\omega_{0kC} = \sqrt{\frac{k}{yC}} = \frac{1}{\sqrt{CL_k}} = \sqrt{\frac{k}{m_C}},$$

$$X_{kC} = \sqrt{\frac{y}{kC}} = \sqrt{\frac{L_k}{C}} = \frac{y}{\sqrt{m_C k}} \qquad (17)$$

Свободные гармонические колебания могут происходить при взаимодействии величин различной физической природы – инертной массы и индуктивности, упругости и электрической емкости.

В традиционных колебательных системах происходит взаимное превращение энергии, обусловленной *движением*, – кинетической энергии и энергии магнитного поля в энергию, обусловленную *положением*, – энергию деформированной пружины и энергию электрического поля. В отличие от них в *mL*-системе происходит взаимное превращение энергии, обусловленной *движением*, – энергии магнитного поля катушки в энергию, обусловленную также *движением*, – в кинетическую энергию инертного тела. В *kC*-системе происходит взаимное превращение энергии, обусловленной *положением*, – потенциальной энергии пружины в энергию, также обусловленную *положением* – в энергию электрического поля конденсатора.

В соответствии с выражениями (16), (17) *mL* и *kC* системы могут быть представлены как электрические колебательные контуры с искусственными индуктивностью или емкостью, либо как механические маятники с искусственными массой или упругостью.

Между величинами различной физической природы может существовать функциональная зависимость. Выражения (12) – (15) устанавливают функциональные зависимости между электрическими и механическими величинами. Эти зависимости являются частными, поскольку справедливы лишь в рамках рассмотренных систем.

Колебательные свойства *mL* и *kC* систем могут учитываться, в частности, при разработке линейных электромеханических преобразователей с инертной нагрузкой и упругими связями.

Библиографический список

1. *Попов И.П.* Свободные гармонические колебания в системах с однородными элементами // ПММ. – 2012. – Т. 76. – Вып. 4. – С. 546–549.

2. *Егоров О.Д., Подураев Ю.В.* Конструирование махатронных модулей. – М.: Изд-во МГТУ «Станкин», 2004. – 368 с.

3. *Tongue Benson*. Principles of Vibration. – Oxford University Press, 2001. – 367 p.

4. *Зайцев В.В., Зайцев О.В., Никулин В.В.* Интегральные модели автоколебательных систем // Физика волновых процессов и радиотехнические системы. – 2006. – Т. 9. – № 1. – С. 53–57.

5. *Попов И.П.* Реализация частной функциональной зависимости между индуктивностью и массой // Российский научный журнал. – 2012. – №6 (31). – С. 300, 301.

УДК 597.553.1; 591.59

Сулейманов Сулейман Шакир оглы
Институт зоологии НАН Азербайджана (г. Баку)
suleyman.s@mail.ru
Сеид-Рзаев Мирджафар Миртаги оглы
Институт зоологии НАН Азербайджана (г. Баку)

ХАРАКТЕРИСТИКА НЕРЕСТОВОГО СТАДА КАСПИЙСКОГО ПУЗАНКА *ALOSA CASPIA CASPIA* (EICHWALD, 1838) У БЕРЕГОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

В статье представлены результаты исследования нерестового хода каспийского пузанка (Alosa caspia caspia) вдоль западных берегов Южного Каспия, длины и массы рыб, соотношения полов, упитанности, роста рыб, возрастного состава уловов, повторности нереста. Анализируются причины изменений биологических показателей пузанка в продолжение ряда лет. Отмечено увеличение доли каспийского пузанка в общих уловах каспийских сельдей, в стадах которых увеличивается доля особей старших возрастов.

Ключевые слова: *каспийский пузанок, юго-запад Каспия, сроки нерестового хода, численность, распределение, возрастной состав.*

Ареал каспийского пузанка (*Alosa caspia caspia)* охватывает все моря, дельту Волги и принадлежит к наиболее многочисленным морским сельдям, составлявшим в прошлом основу берегового промысла [5; 10; 16]. Добыча сельди закидными неводами только у азербайджанского побережья составляла в 1959 г. 11,1 тыс. тонн. Состав нерестовой популяции каспийского пузанка в различные периоды показан в ряде публикаций [1; 7; 11; 15]. С 1966 г. по настоящее время в исследовательских целях лов каспийского пузанка и других морских сельдей ведется только во время их нерестового хода у побережья Азербайджана и Дагестана. Их уловы в последнее десятилетие (2002–2011 гг.) в Азербайджане составили, в среднем, 100–155 тонн, а эти цифры не отражают уровня их запасов. В этих уловах каспийский пузанок составляет в среднем 17,2–25,8%.

Целью настоящей работы является выяснение биологического состояния нерестовой популяции каспийского пузанка у западного побережья Южного Каспия в условиях стабилизации численности стада в результате прекращения промысла.

Материалом для анализа послужили результаты научно-исследовательского лова сельдей, проведенного в марте–мае 2009–2011 гг. на Азербайд-

© Сулейманов С.Ш., Сеид-Рзаев М.М., 2012

Таблица 1

Средние показатели длины (по Смитту) и массы каспийского пузанка в 2009–2011 гг.

Пол	2009 г.		2010 г.		2011 г.	
	Длина, см	Масса, г	Длина, см	Масса, г	Длина, см	Масса, г
Самцы	18,0±0,11	82,6±0,35	86,5±0,15	86,2±0,46	19,4±0,13	95,7±0,38
	14,8–22,7	35–129,7	15,3–22,0	41,5–135,3	15,0–24,2	46,0–144,7
Самки	19,7±0,18	107,0±0,40	20,8±0,12	113,8±0,50	21,1±0,22	126,5±0,54
	16,1–24,0	48–163,5	16,4–23,7	53,2–173,0	16,1–26,7	64,2–187,0
Оба пола	18,9±0,15	95,2±0,39	19,4±0,13	98,3±0,48	20,3±0,18	114,4±0,44
	14,8–24,0	35–163,5	15,3–23,7	41,5–173,0	15,0–26,7	46,0–187,0

Примечание: над чертой – среднее значение показателя и его ошибка, под чертой – пределы варьирования показателя.

жанском побережье (Нариманабад 1, Шихов) Южного Каспия. В качестве орудия лова применяли ставные сети длиной 25 м, с ячеей 40, 44 мм. Сети устанавливали на глубине 4–25 м. Для биологического анализа было использовано в 2009 г. – 353 экз., в 2010 г. – 270 экз. и в 2011 г. – 425 экз. Биологический анализ выполнялся по общепринятой методике [3; 4; 6; 14]. При проведении биологического анализа рыб проводилось измерение (длина по Смитту – АС), взвешивание (общая масса и масса без внутренностей), определялся пол и стадия зрелости, масса гонад. У всех рыб бралась чешуя для определения возраста.

При статической обработке данных были использованы руководства Н.А. Плохинского [13].

Весенняя нерестовая миграция каспийского пузанка вдоль западного побережья Южного Каспия начинается в середине или в конце марта при температуре воды 6–7°С, то есть в период быстрого развития половых желез. Максимальный ход обычно наблюдается во второй половине апреля при температуре воды 9–12°С, а заканчивается в начале мая. В некоторые годы после заметного спада нерестовой миграции в конце первой декады мая вновь происходит усиление хода, но не такое мощное, как в апреле. Мощность береговых подходов каспийского пузанка зависит не только от численности стада, но и от особенностей гидрологического режима прибрежной зоны.

Каспийский пузанок – сравнительно небольшая рыба. По данным трехлетних наблюдений в нерестовом стаде представлены особи длиной от 14,8 до 26,7 см, наиболее часто – от 18 до 22 см, в среднем – 18,9 см, массой от 35 до 187 г, наиболее часто – от 85 до 125 г, в среднем – 96 г.

Преобладали самцы длиной 18–20 см, массой 65–103 г и самки длиной 19–22 см, массой 85–125 г. В 2009–2010 гг. средние размерно-массовые показатели самцов и самок оставались почти неизменными, в 2011 г. наблюдалось увеличение длины и массы (табл. 1).

Это объясняется различным соотношением возрастных групп пузанка в уловах: в 2009–2010 гг. количество двухгодовалых рыб было велико, а с 2011 г. в уловах, особенно к концу хода, наблюдалось заметное уменьшение их доли. Различия в возрастном составе между 2009, 2010 и 2011 гг. представлены в таблице 2. Из данных видно, что с возрастом относительное количество самцов в стаде уменьшается, а самок – возрастает. Однако, вследствие более раннего созревания, самцы преобладали среди рыб младших возрастов (2–3), составив 54–60%; в более старших возрастных группах наблюдалось численное превосходство самок, которые в возрасте 4–5 лет составили 60–70%. В результате межгодовые различия в возрастном составе мигрирующих особей вызывают соответствующие изменения в половом составе.

Таблица 2

Возрастной состав нерестового стада каспийского пузанка в 2009–2011 гг, %

Пол	Возраст, лет						Средний процент	Средний возраст	*n*
	2	3	4	5	6	7			
2009 г.									
Самцы	10,8	43,0	33,3	11,8	1,1	-	52,7	3,5	186
Самки	2,4	22,7	52,7	18,0	3,6	0,6	47,3	4,0	167
Оба пола	6,8	33,4	42,5	14,7	2,3	0,3	100	3,7	353
2010 г.									
Самцы	14,6	45,0	37,1	3,3	-	-	55,9	3,3	151
Самки	3,4	36,1	45,4	15,1	-	-	44,0	3,7	119
Оба пола	9,6	41,1	40,8	8,5	-	-	100	3,5	270
2011 г.									
Самцы	7,2	41,1	36,2	12,1	3,4	-	48,7	3,6	207
Самки	1,9	24,3	37,1	31,2	4,6	0,9	51,3	4,2	218
Оба пола	4,4	32,5	36,7	21,9	4,0	0,5	100	4,0	425

Таблица 3

Линейный и массовый рост каспийского пузанка

Возраст, лет	Длина, см			Масса, г			Упитанность по Фультону			*n*
	Самцы	Самки	Оба пола	Самцы	Самки	Оба пола	Самцы	Самки	Оба пола	
2009 – 2010 гг.										
2	15,4	16,7	16,0	44,3	58,2	50,5	1,21	1,25	1,23	50
3	17,9	19,0	18,3	65,4	84,7	74,2	1,14	1,24	1,21	229
4	19,4	21,4	20,4	87,3	112,0	105,2	1,20	1,14	1,24	260
5	20,7	22,7	22,0	102,4	144,6	126,4	1,16	1,24	1,19	75
6	22,1	24,3	23,3	125,5	168,4	147,3	1,16	1,18	1,17	8
2011 г.										
2	16,2	17,6	16,8	48,5	64,7	53,8	1,14	1,19	1,14	19
3	18,7	19,4	19,0	71,2	93,3	84,7	1,09	1,28	1,24	138
4	20,2	21,7	21,0	103,1	126,4	116,3	1,25	1,24	1,26	156
5	21,3	23,5	22,6	116,0	164,7	140,1	1,20	1,27	1,21	93
6	22,3	24,5	23,5	134,4	180,2	161,5	1,21	1,23	1,25	17

Установлено, что в начале и конце хода в большом количестве представлены самцы, а в период массового хода преобладают самки. Данные по соотношению полов в нерестовом стаде каспийского пузанка, полученные из сетных уловов, показывают незначительное преобладание самцов (табл. 2).

Пополнение нерестового стада урожайным поколением значительно повышает процент самцов (2-годовики), что направлено, как и у других полицикличных видов с ранним созреванием, на обеспечение высокого темпа воспроизводства за счет быстрорастущих и рано созревающих рыб [8].

Половые различия в росте довольно значительны: самки растут несколько быстрее самцов, и средние размеры одновозрастных самок превышают таковые самцов (табл. 3). Наиболее интенсивно каспийский пузанок растет в первые два года жизни, причем наибольший рост приходится на первый год. Начиная с трехлетнего возраста у самцов и самок не обнаруживается значительного прироста. Такое замедление связано с массовым наступлением половой зрелости. Для всех возрастных групп отмечается та же закономерность – интенсивность линейного роста последовательно уменьшается от второй к пятой возрастной группе, в то время как прирост массы увеличивается. Эта закономерность роста каспийского пузанка хорошо объясняется особенностями полового созревания.

Самцы каспийского пузанка начинают созревать в двухлетнем возрасте. Массовая половозрелость пузанка наступает в возрасте трех лет [9]. Судя по нерестовым отметкам, особей, преимущественно самок, впервые идущих на нерест, много и в четырехлетнем возрасте, а в пятилетнем возрасте они единичны.

В последние годы, особенно в 2009–2010 гг., отмечается снижение темпа роста в основных возрастных группах (3–4-годовиков) по сравнению с тем временем, когда велся интенсивный промысел пузанка (табл. 4). Это изменение роста каспийского пузанка отмечается и другими исследователями морских сельдей на Каспии [2; 15; 16]. Однако это снижение незначительно, и, в целом, темп роста пузанка остается близким к наблюдавшемуся в период интенсивного промысла. В 2009–2011 гг. нерестовое стадо каспийского пузанка состояло из шести возрастных групп (2–7). Основу его (около 76–82%) составляли в 2009–2010 гг, 3–4-годовики, в 2011 г. – 3–5-годовики (89,1%). Рыбы в возрасте 6–7 лет в уловах 2010 г. не встречались, а в 2009, 2011 гг. они составили 2,6–4,5% (табл. 2).

Проведенные исследования показали, что изменение роста в современных условиях у нормирующихся стад произошло в результате снижения относительной величины в пополнении, составившей у трехгодовиков 68,3%, тогда как ранее эта величина в стаде Каспийского пузанка составляла 85% [11].

Среди исследованных в 2009–2011 гг. рыб 58% не имели нерестовых марок на чешуе, 25,1% имели одну нерестовую марку, 13,2% – две, 3,7% – три марки. Эти данные показывают, что нерестовое стадо каспийского пузанка формируется преиму-

Таблица 4

Сравнительные данные по темпу роста каспийского пузанка в различные годы, см

Год	Возраст, лет						Автор, год
	2	3	4	5	6	7	
1940–1947	18,6	20,3	21,8	23,0	-	-	Остроумов, 1948
1981	18,0	19,5	20,8	22,8	23,2	24,3	Кушнаренко,1984
1984	17,1	18,6	20,1	22,3	-	-	Пушбарнэк, 1987
1980–2000	16,4	18,7	20,3	22,5	-	-	Абдусамадов и др., 2011
2009–2010	16,0	18,3	20,4	22,0	23,3	-	Наши данные
2011	16,8	19,0	21,0	22,6	23,5	-	Наши данные

Таблица 5

Средние показатели темпа полового созревания каспийского пузанка, %

Годы	Возраст, лет											
	2			3			4			5		
	Самки	Самцы	Оба пола	Самки	Самцы	Оба пола	Самки	Самцы	Оба пола	Самки	Самцы	Оба пола
1937-1942	6,5	21,3	14,8	54,6	57,3	56,4	34,4	19,5	26,1	4,5	1,9	3,0
2009	4,8	19,0	11,9	44,6	54,5	49,5	40,7	24,3	32,5	9,9	2,2	6,1
2010	2,2	20,9	11,5	39,2	55,1	47,1	46,9	20,3	33,6	11,7	3,7	7,7
2011	2,7	24,1	13,4	56,4	45,6	51,0	32,4	29,3	30,9	8,5	1,0	4,7
2009-2011	3,2	21,3	12,3	46,8	51,8	49,3	40,0	24,6	32,3	10,0	2,3	6,1

Примечание: данные за 1937–1942 гг. – Остроумова [11].

щественно из рыб, идущих на нерест впервые, и пополнение значительно преобладает над остатком. В настоящее время в стаде каспийского пузанка рыбы, нерестующие в третий и четвертый раз, то сеть с двумя и тремя нерестовыми отметками, составляют, в среднем, 16,9%, тогда как ранее, в период интенсивного промысла, они составляли 6,6% [11].

Учитывая, что у повторно созревающих рыб плодовитость и масса гонад выше, чем у впервые нерестящихся, можно сделать вывод о наличии тенденции к повышению эффективности их воспроизводства.

Проведенные исследования темпа созревания каспийского пузанка показали, что среди впервые созревающих рыб отмечается увеличение рыб старших возрастов. Так, например, если в период интенсивного промысла (1937–1942 гг.) 4–5-годовики в стаде каспийского пузанка составляли 29,1% среди впервые созревающих рыб [12], то в настоящее время их количество возросло до 39% (табл. 5).

Анализ роста, созревания и данные экспериментальных уловов ставными сетями показали, что в настоящее время рост каспийского пузанка снизился, а созревание замедлилось, несмотря на наблюдавшееся в отдельные периоды (2011 г.) ускорение созревания.

Эти изменения незначительны и остаются близкими к аналогичным показателям, отмечавшимся в период интенсивного промысла морских сельдей на Каспии, когда запасы их были на высоком уровне. Усиление промысла не может отрицательно воздействовать на запасы каспийского пузанка, так как величина его промыслового стада определяется не остатком, а пополнением. В связи с прекращением морского лова пузанка в нерестовом стаде вдвое увеличилась доля старых рыб с двумя и тремя нерестовыми отметками. Пополнение нерестовой популяции каспийского пузанка относительно урожайным поколением 2009 г. свидетельствует о благополучном состоянии его запасов, а значительное увеличение вылова в исследовательских целях всех морских мигрирующих сельдей в 2011 г. говорит о возможности повышения добычи этих сельдей при восстановлении морского лова в будущем. Тенденция увеличивать стадо производителей каспийских сельдей накоплением рыб старших возрастов не имеет биологического смысла.

Проведенные наблюдения за уловами сельди сетями и анализ многолетних данных, с учетом ежегодно складывающихся гидрологических условий, интенсивности проведения и организации лова, показывают, что в настоящее время сохраняются условия для образования у берега промысловых скоплений, на которых базируется береговой лов.

Библиографический список

1. *Абдусамадов А.С., Мусаев П.Г., Мирзоев М.З., Макарова Н.А., Пущбарнэк Э.Б., Таибов П.С.* Биологическая характеристика морских рыб в западнокаспийском районе в 2005 г. и перспективы их промысла // Рыбохозяйственные исследования на Каспии. – Астрахань, 2006. – С. 289–302.

2. *Абдусамадов А.С., Пушбарнэк Э.Б., Мусаев П.Г.* Многолетние изменения промыслово-биологических характеристик каспийских морских сельдей у западного побережья Каспия // Материалы IV Межд. науч.-практ. конф. «Проблемы сохранения экосистемы Каспия в условиях освоения нефтегазовых месторождений». – Астрахань, 2011. – С. 15–20.

3. *Анохина Л.Е.* Закономерности изменения плодовитости рыб. – М.: Наука, 1969. – 291 с.

4. *Замахаев Д.Ф.* Нерестовые марки на чешуе каспийских сельдей // Тр. ВНИРО. – 1940. – Т. XIV. – С. 3–20.

5. *Казанчеев Е.Н.* Сельди Каспийского моря, современное состояние их запасов и перспектива // Тр. ВНИРО. – 1975. – Т. 108. – С. 135–143.

6. *Киселевич К.А.* Материал по биологии Каспийских сельдей // Тр. Астрах. ихт. лаборатории. – 1923. – Т. 5. – Вып. I. – С. 1–56.

7. *Кушнаренко А.И.* Формирование запасов каспийских сельдей в условиях запрета морского промысла // Вопросы ихтиологии. – 1984. – Т. 24. – Вып. 6. – С. 907–916.

8. *Лапин Ю.Е.* Закономерности динамики численности рыб в связи с длительностью их жизненного цикла. – М.: Наука, 1971. – 159 с.

9. *Махмудбеков А.А.* О созревании различных форм каспийского пузанка // Зоол. журн. – 1947. – Т. 26. – Вып. 2. – С. 143–149.

10. *Махмудбеков А.А.* Состояние запасов и перспективы промысла сельди на Каспии // Тр. Всесоюзн. н.-и. ин-та морск. рыбн. хоз-ва и океаногр. – 1972. – Т. 33. – С. 325–332.

11. *Остроумов А.А.* О составе нерестового стада каспийского пузанка // Тр. Касп. фил. ВНИИ морск. рыб. хоз-ва и океаногр. – 1948. – Т. 10. – С. 97–105.

12. *Остроумов А.А.* Темп полового развития каспийского пузанка // Зоол. журн. – 1949. – Т. 28. – Вып. 5. – С. 1056–1081.

13. *Плохинский Н.А.* Математические методы в биологии. – М.: МГУ. – 264 с.

14. *Правдин И.Ф.* Руководство по изучению рыб. – М.: Пищ. пром., 1966. – 372 с.

15. *Пущбарнэк Э.Б.* Характеристика состояния нерестовой части популяции каспийского пузанка *Alosa caspia caspia* у берегов Дагестана в 1980–1984 гг. // Вопросы ихтиологии. – 1987. – Т. 27. – Вып. 4. – С. 593–597.

16. *Сулейманов С.Ш., Надиров С.Н.* Сезонная динамика уловов сельдей на западном прибрежье Южного Каспия // Проблемы сохранения экосистемы Каспия в условиях освоения нефтегазовых месторождений: Мат. III Межд. науч.-практ. конф. – Астрахань, 2009. – С. 204–207.

17. *Шубина Л.И.* Рост и половое созревание каспийского пузанка *Alosa caspia caspia* (Eichwald) // Вопросы ихтиологии. – 1981. – Т. 21. – Вып. 2. – С. 305–316.

УДК 631.484

Чимитдоржиева Эржена Очировна
Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН (г. Улан-Удэ)
erzhena_ch@mail.ru
Чимитдоржиева Галина Доржиевна
Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН (г. Улан-Удэ)
galdorj@gmail.com
Давыдова Туяна Владимировна
Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН (г. Улан-Удэ)
maust678@mail.ru
Цыбенов Юрий Бадмажалович
Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН (г. Улан-Удэ)
jur-cybenov@rambler.ru

ЧИСТАЯ ПЕРВИЧНАЯ ПРОДУКЦИЯ ПОСТАГРОГЕННЫХ ПОЧВ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Величина NPP в сухой степи невысока: аридность климата ограничивает как продукцию, так и деструкцию органического вещества в почвах. Несмотря на это, в постагрогенных системах идет интенсивное накопление углерода. При этом во всех сообществах в формировании чистой первичной продукции отмечено преимущественное участие подземной фитомассы.

Ключевые слова: *чистая первичная продукция, растительные остатки, чернозем, каштановая почва.*

Растительность и связанное с ней функционирование разных типов почв являются едиными саморегулирующими природными экосистемами. Антропогенные воздействия на экосистемы, в частности смена вида эксплуатации земель, изменяют запас органического углерода почв. Распашка целинных земель приводит к значительной эмиссии CO_2 в атмосферу, в то время как зарастание брошенных пахотных угодий приводит к постепенному восстановлению естественного состояния почв и накоплению в них углерода. В последние десятилетия целинные земли в Российской Федерации не осваивали, поэтому основным видом изменения землепользования является зарастание сельскохозяйственных угодий. Согласно проведенным ориентировочным расчетам с использованием модели RothC [1], ожидается, что в северных регионах страны поглощение атмосферного углерода почвами залежных земель может происходить достаточно интенсивно. Однако отсутствие верификации данной модели для условий других регионов, в том числе Забайкалья, не позволяет оценить реальную скорость накопления углерода в этих постагрогенных почвах.

Известно, что при переходе пахотных почв в разряд залежных земель в них в ходе естественных сукцессий меняется направленность потоков основных биогенных элементов в системе растение–почва–атмосфера: вследствие отсутствия отчуждения растительного материала в виде урожая, происходит постепенное восстановление естественного состояния почв и накопление углерода как в почвах, так и в растениях. Самовосстановление заброшенных пахотных угодий можно определить как совокупность естественных природных процессов, проявляющихся в «стремлении» почвенной системы вернуться в исходное, ненарушенное состояние.

© Чимитдоржиева Э.О., Чимитдоржиева Г.Д., Давыдова Т.В., Цыбенов Ю.Б., 2012

Цель данной работы состоит в качественной и количественной оценке чистой первичной продукции залежных земель Западного Забайкалья. Объектами исследования являлись 20-летние залежные черноземы и каштановые почвы, расположенные в Тугнуйской котловине Западного Забайкалья.

Физико-химические свойства почв определяли общепринятыми методами [2; 3]. Чистая первичная продукция (NPP) определялась по методике А.А. Титляновой [4], в том числе надземная (ANP) и подземная (BNP). Химический состав фитомассы определен на элементном анализаторе CHNS/O Series II фирмы Perkin Elmer.

Условия формирования забайкальских черноземов отличаются от восточноевропейских «эталонов» суровостью климата и режимом осадков. Резкоконтинентальный климат исследуемого региона в почвообразовательных процессах черноземов проявляется в первую очередь через жесткий гидротермический режим. Почвы находятся в промерзшем состоянии 6–7 месяцев и промерзают на глубину до 240–270 см. Среднесуточная температура января составляет –23° – –28° С, в отдельные годы опускается до –47° – –54° С. Коэффициент увлажнения в весенний и раннелетний периоды в степях Бурятии крайне низкий, он равен 0,13–0,29, а в период летнего увлажнения (июль-август) достигает единицы [5]. Такой резкий контраст увлажнения не наблюдается в других степных районах.

Для изученных черноземов свойственны укороченность гумусового профиля, малогумусность, легкий гранулометрический состав. Для верхних горизонтов характерна реакция среды, близкая к нейтральной (pH =6,7–6,9), а в средней и нижней частях профиля слабощелочная/щелочная реакция почвенного раствора. Почвы имеют небольшую сумму поглощенных оснований (22,6–29,7 мг·экв / 100 г почвы).

В сухостепных геосистемах Тугнуйской котловины преобладающим типом почв являются каштановые, где аридность почвенного климата проявляется в наиболее резкой форме. Главной особенностью климата сухостепной зоны является еще большее, чем в степи, несоответствие между количеством выпадающих осадков и испаряемостью. В течение года выпадает 180–250 мм осадков, а испаряемость превышает их в два-три раза, составляя 340–875 мм, К = 0,33–0,55 [5]. Во время суровой, длительной зимы почвы накапливают большой «запас холода», они промерзают на 200–300 см и находятся в мерзлом состоянии 5–7 месяцев. Весна в указанной местности холодная, сухая, с частыми ветрами и с большими суточными колебаниями температуры, а лето жаркое, сухое, короткое, безморозный период длится 80–119 дней.

Исследуемым каштановым почвам, функционирующим в условиях более жесткого режима увлажнения, свойственны небольшая мощность гор. А (24–26 см), содержание гумуса в каштановых почвах низкое (1,0–2,3%), отмечается резкое снижение его количества с глубиной. Среди них преобладают разновидности легкого гранулометрического состава. Эта особенность определяет водно-физические свойства, незначительное содержание гумуса, низкую емкость катионного обмена.

В разных экологических условиях образование фитомассы и поступление ее в почву качественно и количественно различаются. При постоянном дефиците влаги и элементов питания корни сухостепной растительности переплетают верхнюю толщу почв, образуя мощную дернину, масса корней образует биологический экран, удерживающий многие элементы питания, концентрируя их в верхних горизонтах почвы, и гумусовый горизонт имеет малую мощность. Корневая масса в сухой степи Забайкалья в слое 0–20 см достигает до 2,0 кг/м^2 [6]. В условиях Казахстана и Западной Сибири дернина и корни растительности на целине в слое 0–20 см составляют 2,0–2,5 кг/м^2 [7]. Для степных криоаридных почв Горного Алтая эта цифра равна 1,5–2,6 кг/м^2 [5]. Общая фитомасса степной травянистой растительности колеблется от 1,0 до 2,5 кг/м^2 [8].

Характерная особенность травянистой растительности – ежегодное отмирание не только надземной, но и корневой системы, составляющей обычно не менее половины всей фитомассы. Общая фитомасса корней под природной степной растительностью колеблется от 0,9 до 2,1 кг/м^2. Фитомасса ежегодного надземного и корневого опада (в слое 0–20 см) в степях составляет 1,5–2,0 кг/м^2, в сухих степях она немного отличается от фитомассы степей и колеблется в пределах 1,2–2,1 кг/м^2. В степной зоне в этом слое корневой опад доходит до 80–82%, в слое 20–40 см. до 11–15%, а уже в слое 40–100 см – до 4–8% массы корней метрового слоя почвы. В зоне сухой степи в слое 0–20 см сосредоточено 85% всей корневой массы [6]. Эта величина в условиях Русской равнины и Казахстана равна 1,8–2,2 кг/м^2 [9].

Травяные экосистемы являются высокопродуктивными, с очень высокой скоростью оборота углерода. Чистая первичная продукция нарастает в них от 1,0 до 4,5 кг/м^2 в год и линейно зависит от степени увлажнения почв. Все показатели биологического круговорота, кроме чистой первичной продукции, меняются в зависимости от степени увлажнения нелинейно, но всегда находятся под влиянием увлажнения. Варьирование показателей между провинциями одной ландшафтной зоны может быть больше, чем между зонами и типами экосистем. Травяные экосистемы чрезвычайно динамичны, все параметры продукционного процесса изменяются в течение сезона и от года к году. Степень варьирования обычно нарастает с дефицитом увлажнения.

В зональных сообществах от подзоны опустыненных степей к луговым величина NPP возрастает в среднем от 1,0 до 2,0 кг/м^2 в год [10]. В разнотравно-злаковом сообществе умеренно засушливой лесостепи величина NPP достигает 2,4 кг/м^2 в год, подземная продукция составляет 80% от NPP [11]. Сходные данные мы встречаем для влажного луга Западной Сибири [10]. Близкие значения первичной продукции, а также соотношения надземной и подземной биомассы связаны с эдафическими условиями, а также ботаническим составом доминантных видов, складывающих данные сообщества [11].

Несмотря на равные величины чистой первичной продукции злаково-разнотравного луга в мерзлотной лесостепи Западного Забайкалья и степи Западной Сибири, отношение подземной массы к надземной (BNP/ANP) в криогенной экосистеме в 6 раз выше вследствие того, что растения более континентальных степей транслоцируют в подземные органы значительно большую долю фотосинтетатов (до 90%). Это отмечено рядом исследователей [см., например: 4; 12]. В мерзлотной лесостепи продуктивность фитоценозов низкая, что обусловлено коротким вегетационным периодом, лимитом тепла, присутствием мерзлоты. Эти условия приводят к угнетению растений на ранних фазах развития и к ответной реакции на стрессовые экологические ситуации [11].

Ранее Г.Д. Чимитдоржиевой [6] было выявлено, что величина ANP злаково-разнотравного сообщества на лугово-черноземных мерзлотных почвах составляла 0,23 кг/м^2 в год, а отношение BNP/ANP было равным 5,6. Из-за ухудшения условий функционирования травостоя, вызванного усилением пастбищной нагрузки, за четверть века величина надземной чистой продукции уменьшилась до 0,13 кг/м^2 в год и отношение BNP/ANP возросло до 11,2. На целинных черноземах соотношение BNP/ANP составляло 7,8, на пахотных – 1,3, а на целинных каштановых почвах – 29,1, пахотных – 3,0.

Осоково-злаково-разнотравное сообщество сухой степи накапливает NPP за счет активного прироста корней, отношение BNP/ANP составляет 10,6, то есть здесь процессы биотического круговорота более интенсивны в подземном ярусе вследствие дефицита влаги в весенний и раннелетний периоды [12]. С возрастанием водообеспеченности в сообществах (например, разнотравно-ячменевый луг) увеличиваются NPP и доля в ней надземной фитомассы, при этом отношение BNP/ANP сужается до 6,6 [13]. По данным Н.И. Базилевич и А.А. Титляновой [14], средняя величина BNP в сухих степях составляет 1,3 кг/м^2 в год и превышает величину ANP в 6,5 раза.

Близки также между собой величины NPP настоящих степей, занимающих плакорные позиции (Казахстан) и южные склоны сопок (Забайкалье). В то же время величина NPP степи северного склона последнего ниже. Переход от опустыненных степей к сухим увеличивает NPP на 0,5 кг/м^2 в год, от сухих к настоящим – на 0,4 кг/м^2 в год.

По нашим данным, в черноземе целинном размеры NPP составляют 1,34 кг/м^2 в год, пахотном – 0,32, постагрогенном – 1,20; на каштановой почве: 1,47, 0,27 и 1,06 соответственно (см. табл. 1), из которых на надземную массу приходится 4–10%, а на подземную – 90–96%. В связи с малым продуцированием растениями исследуемых степных экосистем надземной растительной массы выявлены большие различия в весовом соотношении надземной и подземной частей фитоценозов, которые составляли на черноземах 1:8,9–1:18,6, на каштановых почвах – 1:14,7–1:23,5.

Растительные остатки разлагаются активно, если содержат 1,5–1,7% азота. Анализ биохимического состава гумусообразователей показал, что

Таблица 1

Характеристика растительных остатков, поступающих в почву

Угодье	Растительная ассоциация, агроценоз	Продукция, кг/м^2 в год			BNP/ANP	C	N	C:N
		NPP	ANP	BNP		% на воздушно-сухое вещество		
Черноземы								
Целина	Злаково-разнотравная	1,34	0,11	1,23	10,9	42,4*/45,0	2,1/2,2	20,1/20,4
Залежь	Полынно-злаково-разнотравная	1,19	0,12	1,08	8,9	32,1/47,7	2,0/2,3	16,1/20,7
Пашня	Яровая пшеница	0,33	0,08**	0,24	2,8	35,6/31,3	2,4/1,8	14,8/17,3
Каштановые почвы								
Целина	Полынно-разнотравно-злаковая	1,47	0,06	1,41	23,5	40,3/41,7	2,1/2,4	19,2/17,4
Залежь	Злаково-разнотравно-полынная	1,06	0,07	0,99	14,7	37,78/42,40	1,9/2,2	19,8/19,3
Пашня	Яровая пшеница	0,27	0,08**	0,19	2,5	36,58/30,34	1,5/1,3	24,4/23,1

Примечание: *над чертой – надземная масса, под чертой – подземная, ** – стерневая масса.

содержание азота в фитомассе растений на исследованных почвах значительное. Причем корневая масса растений данных ценозов накапливает азота немного больше, чем надземная (см. табл. 1). Содержание азота в надземной массе растений, произрастающих на целинных черноземах, составляет 2,1%, на залежных – 2,0% и на пахотных – 2,4%. В корнях азот содержится в количестве 2,2, 2,3 и 1,8% соответственно. В надземной фитомассе сухостепных сообществ азот содержится в целинной каштановой почве в количестве 2,1%, на залежи – 1,9% и на пашне – 1,5%, а в корнях – 2,4, 2,2 и 1,3% соответственно. Несмотря на достаточное содержание азота в растительных остатках, неблагоприятный гидротермический режим снижает интенсивность трансформации ОВ.

Итак, величина NPP в сухой степи невысока. Аридность климата ограничивает как продукцию, так и деструкцию органического вещества в почвах. Во всех сообществах в формировании чистой первичной продукции отмечено преимущественное участие подземной фитомассы. Вместе с растительными остатками в целинный чернозем ежегодно поступает примерно 0,6, в пахотный – 0,1, в залежный – 0,5 кг С/м^2. Поступление углерода вместе с растительным опадом в целинную каштановую почву составляет – 0,6, в агрогенную – 0,1, в постагрогенную – 0,4 кг С/м^2. Таким образом, в постагрогенных системах идет интенсивное накопление углерода, в целинных – наблюдается состояние динамического равновесия, в агрогенных – большая часть углерода выносится вместе с урожаем зерновых.

Библиографический список

1. *Романовская А.А.* Почвенный углерод залежных земель в России // Почвоведение. – 2006. – № 1. – С. 52–61.

2. *Аринушкина Е.В.* Руководство по химическому анализу почв. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 487 с.

3. Агрохимические методы исследования почв. – М.: Наука, 1975.

4. *Титлянова А.А.* Биологический круговорот азота и зольных элементов в травяных биогеоценозах. – Новосибирск: Наука, 1979. – 149 с.

5. *Ногина Н.А.* Почвы Забайкалья. – М.: Наука, 1964. – 312 с.

6. *Чимитдоржиева Г.Д.* Гумус холодных почв: экологические аспекты. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1990. – 145 с.

7. *Кононова М.М.* Органическое вещество почвы. – М: Изд-во АН СССР, 1963. – 314 с.

8. *Волковинцер В.И.* Степные криоаридные почвы. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1978. – 208 с.

9. *Александрова Л.Н.* Органическое вещество почвы и процессы его трансформации. – Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1980. – 288 с.

10. *Титлянова А.А., Нурмедов С.С.* Продукционно-деструкционные процессы и баланс растительного вещества в пустынной экосистеме Западной Туркмении // Экология. – 1982. – № 3. – С. 31–37.

11. *Титлянова А.А., Базилевич Н.И., Снытко В.А.* Биологическая продуктивность травяных экосистем. Географические закономерности и экологические особенности. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1988. – 134с.

12. *Чимитдоржиева Г.Д., Егорова Р.А., Мильхеев Е.Ю., Цыбенов Ю.Б.* Потоки углерода в степных экосистемах (на примере южного Забайкалья) // Растительный мир Азиатской России. – 2010. – №2. – С. 33–39.

13. *Bazilevich N.I., Titlyanova A.A.* Comparative studies of ecosystem function // Grasslands, system analysis and man. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1980. – P. 713–759.

14. *Базилевич Н.И., Титлянова А.А.* Биотический круговорот на пяти континентах: азот и зольные элементы в природных наземных экосистемах. – Новосибирск, 2008. – 376 с.

ИСТОРИЯ

УДК 02(09):021.2(471.317)

Горохова Ольга Вячеславовна
Военная академия радиационной, химической и биологической защиты и инженерных войск (ВА РХБЗ и ИВ) им. Маршала Советского Союза Тимошенко
O.Gorohova@gmail.com

ВАРНАВИНСКИЕ НАРОДНАЯ И ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКИ: ОППОЗИЦИЯ ИЛИ АЛЬЯНС?

Варнавинские народная и публичная библиотеки, почти одновременно открывшиеся в небольшом городке на рубеже прошлого и позапрошлого столетий, рассматриваются как исторический и культурный феномен. Уставы обеих библиотек публикуются впервые.

Ключевые слова: *народная библиотека, публичная библиотека, устав библиотеки, Варнавин, Костромская губерния.*

Четыре года, то есть полный избирательный цикл, варнавинское земство саботировало постановление Костромского губернского земского собрания об устройстве в каждом из уездных городов бесплатной библиотеки-читальни «во ознаменование радостного события бракосочетания Государя Императора» [13, с. 83–84], ожидая то ли расторжения брака, то ли роспуска собрания. Ни того, ни другого события не последовало, но народная библиотека-читальня в память бракосочетания Его Императорского Величества Государя Императора Николая II в здании уездной земской управы 23 сентября 1898 года все же открылась [4, л. 12].

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи, прошедшей годом ранее, население Варнавина составляло 1444 человека, грамотными из которых являлось 736, в их числе 429 мужчин и 307 женщин [14, с. 2, 66–67]. Если даже предположить, что каждый из них ежемесячно стал бы брать в народной библиотеке хотя бы по одной книге, для прочтения 1439 книг и журналов [5, л. 31 об.] им потребовалось бы целое столетие. Однако не прошло и десяти лет, как 9 ноября 1905 года под одной крышей с народной библиотекой открылась публичная, получившая имя бывшего председателя уездной земской управы (1892–1904) князя Александра Петровича Трубецкого (1871–1920) [3, с. 447], а это обстоятельство требует рассмотрения.

Сепаратизм и компатриотизм, всегда отличавшие жителей этого края, породили, как известно, не только Уренскую республику в 1918 году, но и полувеком ранее – Ветлужскую, которую с благословения Александра Ивановича Герцена посреди Российской Империи строил отставной поручик лейб-гвардии Кирасирского полка (1861) и безвременно ушедший предводитель ветлужского уездного дворянства (1863–1866) Святослав Федорович Лугинин (1837–1866) и атрибутами которой являлись, к примеру, собственная почтовая служба и собственное же статистическое общество [16, с. 119–124]. Это был недвусмысленный вызов центральной и губернской властям – почтовому управлению, часто нерегулярно доставлявшему почту лишь до уездных городов, и статистическому комитету, напоминавшему канцелярию губернатора и подбиравшему сведения к его ежегодному всеподданнейшему отчету.

Среди атрибутов Ветлужской республики была и общественная библиотека, составленная из пожертвованных земцами книг [11, с. 142–143], а инициатором, попечителем, членом распорядительного совета и одним из крупнейших жертвователей Варнавинской публичной библиотеки являлся член Ветлужского статистического общества, депутат костромской Удельной конторы (1864), затем акцизный надзиратель третьего (1866), второго (1870) и первого (1879) разрядов Нижегородской губернии, член Костромской губернской (1896–1907) и председатель Варнавинской уездной (1905–1907) земских управ Яков Прокофьевич Железнов (1842–1911) [5, л. 5]. Другими жертвователями были податной инспектор Леонид Николаевич Копылов (144 т.) [5, л. 27], варнавинский уроженец, судебный следователь 2 участка Варнавинского уезда (1903–1906), затем секретарь губернского присутствия (1910–1912) и первый директор костромского Романовского музея (1913), искусствовед и археограф Иван Александрович Рязановский (1869–1927) (141 т.) [5, л. 27] и сам имядатель, выпускник Императорского Пажеского корпуса (1888), камер-юнкер (1900), действительный член Костромской (27.11.1902) [12, с. 3] и Нижегородской (26.06.1904) [8, с. 68] губернских ученых архивных комиссий князь Александр Петрович Трубецкой, расставшийся с 324 книгами [5, л. 27].

И наоборот, из публичной библиотеки в народную земцы незамедлительно препроводили «книги религиозно-нравственного и исторического содержания, полученные от издательской комиссии при Святейшем Синоде и др., по своему содержанию не подходящия к публичной библиотеке и обреченныя на лежание в шкафах, в которых и без того ощущается недостаток» [1, с. 197].

© Горохова О.В., 2012

В 1906 году народная библиотека насчитывала 1603 тома книг и журналов [19, с. 370–371], публичная – 1412 томов [17], среди которых, судя по каталогу, были Полное собрание драматических произведений У. Шекспира (СПб., 1865), История государства Российского Н.М. Карамзина (СПб., 1851–1853, т. 1–12), Подробный словарь русских гравированных портретов Д.А. Ровинского (СПб., 1886–1889, т. 1–4) и др. Если на содержание и пополнение народной библиотеки губернское земство выделяло 100 рублей в год [13, с. 83–84], а варнавинское земство – 125 рублей [4, л. 4], то на содержание и пополнение публичной библиотеки варнавинское земство ежегодно выделяло 550 рублей [5, л. 26 об.].

Сопоставление уставов народной и публичной библиотек и декларация в последнем из них каких-никаких прав читателей, наличие льгот для учащихся и широкой демократии, преимущества, распространявшиеся на врача, фельдшера, акушерку, трех учителей, агрономического смотрителя и смотрителя ремесленных классов, попечителей училищ и больниц обоего пола и всех годовых платных абонентов библиотеки, уплативших годовой взнос в начале года сполна, юридическая самостоятельность и коммерческий подход, а также намек на книги, «не изъятые из обращения правительственною властью» характеризуют Варнавинскую публичную библиотеку как свершившийся факт эволюции.

Противостояние элитарной и массовой культур на примере рассматриваемых библиотек выглядит вполне сложившимся, однако располагались варнавинские народная и публичная библиотеки, как уже было сказано, в одном и том же здании уездной земской управы, и попечителями обеих состояли председатели уездной земской управы. Более того, библиотекарем в 1906–1915 годах в них был один и тот же учитель Кирюшинского начального училища Варнавинского уезда А.Н. Добровольский [5, л. 16], по-видимому, составивший каталог публичной библиотеки, в котором выходные сведения большинства изданий отсутствуют, а «Потерянный рай» Дж. Мильтона находится в отделе всеобщей истории [17, с. 6].

Ему же или председателю Варнавинской уездной земской управы (1908–1915) и попечителю обеих библиотек Сергею Александровичу Поливанову (?–1915) принадлежало и такое наблюдение: «На деятельности библиотек в отчетном году сильнейшим образом отразилось два фактора – война и прекращение пьянства. Война возбудила интерес к чтению, а трезвость обнаружила досуг. Та и другая способствовали тому, что деятельность библиотек и особенно читальни достигла высокой степени интенсивности и трудно сказать, в какое другое время жизненная необходимость существования этого просветительного учреждения обнаружилась бы наиболее ярко» [2, с. 113].

В 1914 году библиотеки вместе насчитывали 6237 томов книг и периодических изданий и 776 читателей, что соответствовало половине населения Варнавина [18, с. XVI], однако по-прежнему существовали раздельно.

Дело в том, что деятельность народных библиотек-читален подчинялась «Правилам о народных библиотеках и читальнях», утвержденных Министерством внутренних дел еще 15 мая 1890 года [15, с. 505–508]. Согласно указанным правилам, библиотека могла быть открыта лишь с разрешения губернатора и закрыта им же без объяснения причин, а объем и состав народных библиотек-читален определялся образцовыми каталогами Ученого комитета при Министерстве народного просвещения [9; 10], исключавшими книги экономического и политического содержания и заполненными преимущественно книгами для «народного чтения», половину которых составляли духовные издания. В 1894 году в ознаменование «приема государем костромской земской депутации» Костромское губернское земское собрание ассигновало 3 тыс. рублей на устройство по всей губернии бесплатных народных библиотек-читален по одной на уезд, которым Костромская губернская земская управа направляла книги по составленному ее специалистами примерному каталогу. Но утвержденные министерствами правила и каталоги народных библиотек никто не отменял.

И только Советская власть покончила с культурным, духовно-светским и прочим размежеванием и объединила народную и публичную библиотеки в одну общественную библиотеку с фондом 4158 томов [6, л. 8 об.; 7, л. 45–46 об.].

Приложения

Устав Варнавинской бесплатной народной библиотеки-читальни в память бракосочетания ЕИВ Государя Императора Николая II [4, л. 12–13 об.]

Утвержден костромским вице-губернатором 23 сентября 1898 г.

1. Варнавинская народная библиотека-читальня имеет целью предоставить всем жителям Варнавинского уезда бесплатное пользование книгами для чтения.

2. Варнавинская библиотека-читальня учреждается на основании постановления Костромского губернского собрания от 16 декабря 1894 г. на средства, ассигнованные этим собранием и содержится: а) пособиями, назначаемыми губернским и Варнавинским уездным земскими собраниями и волостными и сельскими сходами, б) на пожертвования деньгами и книгами, поступающими от разных учреждений и частных лиц, сборами с подписок, спектаклей, концертов и т.д., устраиваемых на

общем основании с разрешения подлежащего начальства.

3. Варнавинская библиотека-читальня находится в гор. Варнавине при уездной земской управе. Помещение, отопление, освещение и содержание прислуги для нее обеспечивается из средств, ассигнуемых губернским и уездным земскими собраниями.

4. Библиотека-читальня имеет отдельное помещение, достаточное и удобное для хранения, выдачи и чтения в нем книг.

5. Библиотека-читальня состоит из книг и периодических изданий, допущенных действующими узаконениями и правилами.

6. Библиотека-читальня пополняется ежегодно книгами, газетами и журналами.

7. Составление списка, подлежащих к выписке книг, лежит на обязанности попечителя библиотеки и заведующего ею библиотекаря.

8. На каждые три года Варнавинское уездное земское собрание, на основании ст. 105 Положения о земских учреждениях, избирает попечителя библиотеки.

9. Библиотекарь состоит ответственным пред правительством лицом открываемой библиотеки.

10. Библиотекарь назначается Варнавинской уездной земской управою по возможности из лиц, свободных от других служебных занятий.

11. Библиотекарь получает вознаграждение за труд по определению Варнавинского уездного земского собрания сообразно местным средствам.

12. Библиотекарь выдает книги, дает читателям необходимые разъяснения и советы, наблюдает за порядком в читальне, ведет инвентарную и другие книги и ежегодно составляет отчет о деятельности библиотеки. Примечание: В случае надобности к библиотекарю может быть избираем помощник, за действия которых ответственность должна лежать на библиотекаре.

13. Порядок распределения сумм и отчетности библиотеки определяется Варнавинским уездным земским собранием.

14. Книги из библиотеки выдаются: а) для чтения на дом всем жителям Варнавинского уезда, б) для чтения в читальном помещении всем посетителям его.

15. Библиотекарь не взимает ни платы за чтение, ни залогов, ни штрафов за просрочку, порчу и утрату книг.

16. Библиотека открыта: ежедневно в будни с 3 часов до 8 по полудни и в праздничные дни с 12 часов дня до 6 часов.

17. Библиотека закрыта: в первые два дня праздника Пасхи, 24 декабря и 5 января, первые два дня Рождества Христова.

18. Каждому читателю выдается на дом одна книга. Не выдаются на дом и оставляются в помещении: а) два последние нумера газет и последние книжки журналов, б) словари и справочные книги, в) особенно ценные и редкие книги по списку, составленному заведующим библиотекой.

19. Выданные на дом книги возвращаются в определенный библиотекарем срок, и отсрочка определяется лишь с его согласия.

20. Для посетителей имеется особая книга, в которой они записывают свои желания по выписке книг и указания на замеченные ими недостатки и неудобства.

21. Правила библиотеки вывешиваются на видном месте для всеобщего сведения.

22. Лица, нарушающие правила читальни, могут быть лишены права пользования книгами на срок, определенный заведующим библиотекой.

23. Составленный библиотекарем отчет представляется Варнавинскому уездному земскому собранию на утверждение.

24. В библиотеке ведутся записи как выдаваемых книг, так и читатели их.

25. В библиотеке имеются: а) инвентарная книга и б) систематический каталог.

Устав Варнавинской публичной земской библиотеки имени князя А.П. Трубецкого [5, л. 40-41 об.]

Утвержден 22 декабря 1906 г.

§ 1. Публичная библиотека открыта в г. Варнавине при Уездной Земской Управе и содержится на средства Варнавинского Земства, отпускаемые в виде постоянного кредита по постановлению Уездного Земского собрания 18 марта 1905 года.

§ 2. В состав библиотеки входят все книги, журналы и газеты, избранные Распорядительным Собранием и не изъятые из обращения правительственною властью.

§ 3. Распорядительное Собрание состоит из состава Уездной Земской управы, врача, фельдшера, акушерки, трех учителей, агрономического смотрителя, техника, смотрителя ремесленных классов, десяти членов по выбору Земского Собрания, попечителей училищ и больниц и всех годовых платных абонентов библиотеки, уплативших годовой взнос в начале года сполна. Приглашение других лиц зависит от Председателя Распорядительного Собрания.

§ 4. Председателем Распорядительного Собрания состоит Председатель Управы. Он же назначает в Собрание врача, фельдшера, акушерку и учителей.

§ 5. Членами Распорядительного Собрания всех категорий могут быть лица обоего пола. Члены от Земского Собрания избираются как из состава его, так из среды всех платных абонентов библиотеки и других лиц, могущих быть полезными для библиотеки.

§ 6. Распорядительное собрание созывается по мере надобности, не менее 2 раз в год, преимущественно в праздничные дни.

§ 7. О дне Распорядительного Собрания члены его извещаются заблаговременно. Созыв производится по распоряжению Председателя либо по заявлению не менее 3 членов. Заседание считается состоявшимся при всяком числе членов, прибывших в библиотеку к 12 часам дня, в который назначено заседание. Все участвующие в заседании имеют решающий голос. Дела решаются большинством голосов, при равенстве которых перевес дает голос Председателя.

§ 8. Распорядительное Собрание определяет расход из сумм, находящихся в распоряжении библиотеки, рассматривает и утверждает отчеты о состоянии ее, дает библиотекарю указания о порядке записи книг, уплате стоимости утраченного и поврежденного, постановке дела в библиотеке, ведении инвентаря и проч., избирает из своей среды Секретаря Собрания для каждого заседания, определяет, в какие дни и часы должна быть открыта библиотека, намечает вопросы, подлежащие внесению в Уездное Земское Собрание по предметам, касающимся библиотеки и т.п. Такие же права принадлежат распорядительному Собранию и по отношению к Варнавинской бесплатной народной библиотеке-читальне.

§ 9. Заведывание библиотекою и попечение о ее благосостоянии вверяется Попечителю библиотеки, избранному Уездным Земским собранием из членов этого Собрания или из других лиц обоего пола, доказавших свое сочувствие библиотеке. Попечитель является ответственным за состав библиотеки и непременным членом Распорядительного Собрания.

§ 10. Выдача книг производится особым лицом по назначению Председателя Управы, наблюдение за исправностью и правильностью удовлетворения предъявляемых библиотеке просьб и за всею перепискою по ней принадлежит Председателю Управы.

§ 11. Отчет о ходе библиотеки и движении принадлежащих ей сумм представляется ежегодно Земскому Собранию вместе с замечаниями Распорядительного Собрания.

§ 12. За пользование книгами из библиотеки полагается следующая плата в год: а) за чтение книг, всех журналов и газет 3 рубля в год, в полгода 2 рубля 50 коп., б) за чтение одних книг и журналов прошлых лет 2 рубля, в полгода 1 рубль, в) за чтение одних журналов и газет 1 рубль, в полгода 50 коп., при подписке на один месяц полагается плата по п. **а** 30 коп. и по п. **б** и **в** 20 коп., кроме служащих в земстве, которые, пользуясь правами абонентов по п. **а**, платят по 10 коп. в месяц. Внесенная плата возврату не подлежит.

§ 13. При выдаче на дом название газеты считается за книгу.

§ 14. Каждому лицу предоставляется брать для чтения не более одного тома издания, или три книги разных изданий; более же трех книг зараз не выдается; что же касается журналов текущего года, то одному лицу выдается каждый раз одна книжка какого-либо журнала этого года на сравнительно короткий с другими изданиями срок. Газет более 10 №№ предыдущих почт зараз не выдается. Новые же газеты и журналы последней почты должны находиться в библиотеке в течение 6 дней.

§ 15. Лицами, живущими в городе, журналы, газеты и все книги удерживаются 2 недели, лицами, живущими в уезде не далее 15 верст, 3 недели, живущими же далее 15 верст 1 месяц.

§ 16. Абонирующийся в библиотеке на чтение книг, журналов и газет на дому выдает, при взносе условленной платы, особую подписку об исправном возвращении взятого. За дорогие книги берется денежный залог, сообразно стоимости выданной книги. Книги же редкие и справочные на дом не выдаются. Учащимся во всех учебных заведениях предоставляется брать по одной книге или одному журналу бесплатно, за поручительством лиц, известных библиотекарю.

§ 17. Подписчики имеют право просить о переписке взятых ими книг и старых журналов на новый срок, если на взятые книги не заявлено требование другими подписчиками.

§ 18. Каждый подписчик по своему абонементу может менять книги только один раз в день.

§ 19. За удержание журналов и книг свыше срока взыскиваются штрафы: за новый журнал по 10 коп., за старый журнал или книгу по 5 коп., за газету по 3 коп. в сутки.

§ 20. В случае отсутствия книги подписчик имеет право потребовать у библиотекаря сведений, кем взята эта книга и когда будет возвращена, с тем чтобы она была записана за ним по возвращении.

§ 21. Подписчики обязаны беречь общественную собственность: не портить книг, не пачкать, не рвать, не делать никаких надписей и пометок и т.д. За испорченные или утерянные книги, журналы и газеты подписчик уплачивает их действительную стоимость.

§ 22. Подписчики при сдаче и получении книг, равно и при денежных взносах, должны сами следить за тем, чтобы в их абонементных листках своевременно делались библиотекарем соответствующие отметки и наклейка платежных квитанций.

§ 23. Неудовольствие на служащих или на порядки в библиотеке записываются в книгу жалоб, находящуюся для этой цели в библиотеке с подписью и адресом лица, записавшего жалобу.

§ 24. За чтение в читальном зале взыскивается плата 2 коп. в сутки с лиц, не состоящих абонентами библиотеки.

§ 25. Библиотека закрыта в первые три дня Пасхи и Рождества Христова и во все двунадесятые праздники и воскресные дни. Склад же (§ 30) должен быть открыт и в воскресные дни с 12 до 4 часов дня.

§ 26. Письменные сношения библиотеки ведутся библиотекарем (ст. 29) под наблюдением председателя Управы.

§ 27. Библиотека имеет свою печать, которою запечатываются все ее пакеты и посылки; такие пакеты и посылки принимаются на почту без платежа весового сбора в случаях, указанных в Уставе Почтовом.

§ 28. Библиотеке присвоено наименование: «Публичная библиотека князя Александра Петровича Трубецкого».

§ 29. Должность Попечителя библиотеки считается почетною, библиотекарь же числится в штате канцелярии Управы и получает содержание из общих канцелярских средств, на одинаковых с остальными канцелярскими служителями Уездного земства основаниях.

§ 30. При библиотеке состоит склад книг, картин, учебных принадлежностей и т.п. для удовлетворения потребностей земских учреждений уезда, книжных складов при школах, библиотек-читален, народных чтений. г.г. абонентов библиотеки и т.п.

§ 31. Выписка и покупка товара в складе производится 1) за счет тех учреждений и лиц, которые будут пользоваться посредническими услугами склада, 2) в кредит по срочным счетам, 3) на комиссию и 4) наложенным платежом за счет оборотного капитала склада. Капитал этот составляется из отчислений в него прибылей, получающихся с 1 января 1906 года от всякого товара, прошедшего через склад для потребностей всех учреждений и лиц, названных в § 30.

§ 32. Склад принимает посредничество по выписке книг, периодических изданий, учебных принадлежностей и т.п., не изъятых из обращения правительственною властью, от всех лиц и учреждений, находящихся в уезде.

§ 33. Изменение и дополнение настоящих правил принадлежит Варнавинскому Уездному Земскому Собранию.

Библиографический список

1. Варнавинское уездное земское собрание. Сб. постановлений … очередной сессии 1906 г. – Варнавин: Тип. И.Л. Шевякова, 1907. – 515 с. (XV).

2. Варнавинское уездное земство. Сб. постановлений … за 1915 г. – Варнавин: Тип. И.Л. Шевякова, 1916. – 434 с. (XVI).

3. *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909–1911. – Т. 4. – 800 с. (XXXII).

4. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 133. Оп. 2. Д. 10806. Л. 1–56.

5. ГАКО. Д. 13744. Л. 1–13, 16, 20, 26 об. – 27 об., 31–32 об., 35–39, 40–41 об.

6. ГАКО. Р. 915. Оп. 1. Д. 3493. Л. 8 об.

7. ГАКО. Д. 3543. Л. 45–46 об.

8. Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Журнал и доклады заседаний с 22 октября 1908 по 11 мая 1909 года. Список членов Комиссии. – Нижний Новгород: Б.и., 1909. – 71 с.

9. Каталог книг для бесплатных народных читален / М-во народ. просвещения. – СПб.: Б.и., 1896. – 168 с.

10. Каталог книг и периодических изданий для бесплатных народных читален / изд. по распоряжению М-ва народ. просвещения. – Изд. 2-е, доп. – СПб.: Б.и., 1897. – 7, 194 с.

11. *Колюпанов Н.П.* Обзор десятилетней деятельности Ветлужского земства. 1866–1876: в 2 вып. – Кострома: Губ. тип., 1876. – Вып. 2. – 146 с.

12. Костромская губернская ученая архивная комиссия. Журнал годичного заседания … 27-го ноября 1902 года. – Кострома: Губ. тип., 1903. – 43 с.

13. Костромское губернское земское собрание. Постановления Костромского очередного губернского земского собрания созыва 1894 года. – Кострома: Типо-литогр. Ф.А. Фальк, 1895. – С. XI, 152, 343, 186.

14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XVIII. Костромская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб.: Центр. статист. комитет МВД, 1903. – 274 с.

15. *Пругавин А.С.* Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. – СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1898. – 785 с. (XXII).

16. *Резепин П.П.* Ветлужское статистическое общество // Страницы времен: ист.-краевед. журнал. – Кострома. – 2009. – № 3. – С. 119–124.

17. Систематический каталог Варнавинской публичной библиотеки. – Варнавин: Тип. И.Л. Шевякова, 1906. – 69 с.

18. Справочная книжка по Костромской губернии и календарь на 1914 г. / Костром. губ. стат. комитет; под ред. Е.Н. Вахрамеева. – Кострома: Губ. тип., 1914. – С. X, 185, CX, 56, 22.

19. *Хавкина Л.Б.* Библиотеки, их организация и техника: руководство по библиотековедению. – 2-е изд. – СПб.: изд. авт., 1911. – 404 с. (VIII): ил.

УДК 947

Иванова Елена Сергеевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
eivanova.30@mail.ru

СЕНАТОРСКИЕ РЕВИЗИИ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Цель статьи – исследование сенаторских ревизий как одной из основных форм надзора за деятельностью местной администрации. Автор рассматривает причины, ход и итоги сенаторских ревизий, проводившихся в Костромской губернии в первой половине XIX века. Исследование проводится на основе законодательства Российской империи о сенаторских ревизиях и материалах четырёх сенаторских ревизий Костромской губернии.

Ключевые слова: *местное управление, сенаторская ревизия, губернатор, дворянские выборы.*

В первой половине XIX века контроль деятельности местной администрации осуществлялся, в первую очередь, через доклады губернаторов императору о состоянии губернии и данные сенаторских и министерских ревизий. Но если отчёты о состоянии губернии отсылались в столицу нерегулярно и очень часто содержали недостоверные сведения, то осуществляемые сенаторами ревизии позволяли получить правдивую и полную информацию о состоянии дел в той или иной губернии. Некоторые из этих ревизий осуществляли полную проверку дел в губернии, некоторые – проверку определённых присутственных мест [15, с. 620].

Сенаторы, осуществлявшие полную ревизию дел в губернии, действовали на основе инструкции от 1 августа 1805 года, по которой сенаторы должны были проверять канцелярское делопроизводство губернских и уездным присутственных мест; осматривать школы, больницы, тюрьмы; принимать жалобы от населения [17. т. XXVIII. № 21861]. Новая инструкция для сенаторов, состоявшая из 29 параграфов, была утверждена 17 марта 1819 г. и уточняла ранее обозначенные функции сенаторов [17, т. XXXVI. № 27722].

Сенаторы ревизовали Костромскую губернию на протяжении первой половины XIX века четыре раза. Если первая ревизия И. Дмитриева 1808–1809 гг. касалась только судебных и казённых мест трёх уездов (Костромского, Чухломского и Галичского), то ревизии А.В. Алябьева 1815 г., Е.А. Дурасова 1827 г. и И.А. Лобанова-Ростовского 1844 г. касались всех сфер местного управления и стоили постов губернаторам Н.Ф. Пасынкову, К.И. Баумгартену и Н.И. Жукову.

Ревизовавшие губернию сенаторы рисовали совсем не радужную картину местной системы управления в целом, а также давали нелестную характеристику чиновникам, служившим в местных органах власти.

Первая ревизия Костромской губернии была осуществлена сенатором И. Дмитриевым в 1808–1809 гг. Если деятельность Казённой, Уголовной, Гражданской палат, Приказа общественного призрения и трёх уездных казначейств Дмитриев оценил достаточно высоко, то деятельность нижних земских судов он оценил крайне негативно, отмечая крайнюю медлительность в ведении дел и беспорядок в них. В качестве наказания присутствующих и секретарей И. Дмитриев предложил губернскому правлению «предать суждению», а также «иметь строжайшее смотрение за ходом дел в тех местах от него зависящих». Сенатор выделил две основные причины медлительности в делах судебных мест: во-первых, «малое число чиновников, в присутствии состоящих», во-вторых, недостаток в сумме, «положенной на содержание канцелярских служителей» [18, л. 1 об., 4].

Нужно заметить, что похожие объяснения повторялись при каждой ревизии, и, несмотря на то что центральные органы власти в первой половине XIX века предпринимали неоднократные попытки перестроить систему местных органов власти и повысить оклады чиновникам и канцелярским служителям, присутственные места не могли справиться с всё возрастающим количеством поступаемых дел.

Жалоб на губернское начальство И. Дмитриев не получал, зато после жалоб представителей разных сословий на местное начальство начались следующие ревизии.

Решение о полной ревизии Костромской губернии в 1815 году было принято после очередной жалобы представителей костромского дворянства. В апреле 1815 года полковником Шулепниковым от лица 52 дворян была подана жалоба на притеснения костромского гражданского губернатора Н.Ф. Пасынкова [9, л. 2 об.; 5, л. 16]. Помимо проверки представленных в жалобе злоупотреблений, сенатор А.В. Алябьев должен был осуществить общую ревизию губернии.

А.В. Алябьев нашёл множество недостатков в сфере делопроизводства. В практике сенаторских ревизий часто бывало, что присутственные места подавали заниженные данные о числе нерешённых дел. Например, при первоначальной подаче ведомостей о решённых и нерешённых делах по губернскому правлению было показано 143 нерешённых дела, а в казённой палате – 246 дел [4, л. 13 об.; 5, л. 122]. Но после требования именных ведомостей оказалось по губернскому правлению нерешённых дел уже 603, а в казённой палате – 675. Советник

© Иванова Е.С., 2012

губернского правления Телешов объяснял это тем, что различия произошли оттого, что «в первоподанной ведомости были показаны только те дела, коих решение зависело от губернского правления, а те которые со стороны правления кончены и состояли в отчёте других мест, в той ведомости показаны не были, во второй же поданной по требованию сенатора ведомости, помещены были уже и те и другие дела» [7, л. 4 об.]. Но Телешов умолчал о том, что губернское правление специально отсылает дела по другим местам, чтобы уменьшить у себя количество наличных нерешённых дел.

В различных канцеляриях нарушения были сходными: отсутствие настольных регистров за некоторые годы, отметок о решении дела, запись поступаемых в разное время дел в одно число и т.д. [5, л. 116, 112–113 об., 126 об.]. При ревизии была выявлена также «крайняя медлительность» в решении дел. Причины такой медлительности А.В. Алябьев видел в чрезмерной и необязательной переписке между присутственными местами.

Особенно много нареканий вызвало положение дел в губернском правлении. Сенатор нашёл, что дела в правлении находятся «в беспорядке, смешаны кой как, бумаги к ним не подобраны», и открыл немало дел, «по которым действия правления не согласовывались с порядком и законом» [4, л. 13 об.]. Причины неисправностей в губернском правлении губернатор Н.Ф. Пасынков объяснял нехваткой «количества присутствующих», из-за того что «губернское правление не имеет довольной суммы на содержание канцелярии, не может иметь у себя лучших и искусных письмоводцев, на таком малом жаловании, которое получают многие приказные от 50 до 100 рублей в год» [2, л. 147].

Слова Н.Ф. Пасынкова отчасти подтверждаются и самим А.В. Алябьевым, который в донесении Сенату так описывает одного из чиновников губернского правления Юрьева: «Советник губернского правления Юрьев служит более 40 лет беспорочно, в военной службе слишком долго продолжаемой, он изувечен в сражении, не владеет от того одной рукою. Самый беднейший человек и в преклонных летах. Занимал место действительно не для вида, но для пропитания себя жалованьем. Человек, не знающий совершенно дел в слабости здоровья своего, не мог никак соблюдать порядка по его должности. Он подписывал только журналы и исходящие, не имея никакого понятия о последствии» [7, л. 3].

По высочайше предоставленному А.В. Алябьеву праву он мог отстранять от должности виновных за «беспорядки и упущения по службе», но делал это он только за вопиющие проступки, многие же чиновники, хотя и отдавались под суд, оставались на своих местах. Объяснял это А.В. Алябьев тем, что «он отстранил бы от должности тех, которые виновны, но останавливается за тем, что в присутственных местах по производству дел будет остановка» [5, л. 17 об.].

Помимо ревизии присутственных мест сенатор принимал жалобы от местного населения. Большинство жалоб, поданных А.В. Алябьеву, касалось проблем неправильной отдачи в рекруты, лихоимства и вымогательства чиновников. Подавались просьбы об определении жалования вдовам, сиротам и участникам ополчения, решении земельных споров. Немало жалоб касалось медленного разрешения дел. Так, мещанин Фёдор Пыпин подал жалобу о том, что его дело по поводу завладения его землею титулярной советницею Анной Михаевой в местной полиции рассматривается уже пять лет [2, л. 163].

Сам губернатор Н.Ф. Пасынков был обвинён по 22 делам, отозван от должности, но после разбирательства в Правительствующем Сенате по 6 делам он был оправдан [3, л. 23; 12, л. 4]. Среди дел, по которым был оправдан губернатор, два дела касались качества обмундирования рекрутов и ополчения. Губернатор вместе с вице-губернатором, губернским прокурором и стряпчим обвинялись в получении подарков при принятии рекрутов по Яковлевской волости Костромского уезда, но Правительствующий Сенат признал, «показания крестьян и записки о подарках недостаточными и немало не доказанными» [9, л. 34, 100 об., 115].

Дела, по которым Н.Ф. Пасынкова признали виновным, в большинстве своём, были связаны с обеспечением армии, организацией ополчения, дворянскими выборами, а также неправильной организацией торгов на содержание почтовых станций [9, л. 2 об. – 47, 100–120].

Обвинения, повлекшие за собой денежные взыскания с губернатора, касались дел о несостоятельном почтосодержателе мещанине Четвертном и о торгах в 1814 г. на содержание почтовых станций. Н.Ф. Пасынков обвинялся в незаконном вторичном включении денег на содержание почтовых станций в общую раскладку земских повинностей и неправильном назначении новых торгов на содержание почтовых станций. [12, л. 4–4 об., л. 7–7 об.]. По этим делам было принято решение взыскать недостатки с Н.Ф. Пасынкова, но только сумму этих недостатков Правительствующий Сенат долго не мог точно назначить. Связано это было с тем, что дети Н.Ф. Пасынкова вели активную переписку с Правительствующим Сенатом, пытаясь всячески обосновать неправильность размера установленного с их отца взыскания [12, л. 8].

Обвинялся губернатор также в неправильном назначении дворянских выборов 1814 г. и незаконном утверждении четырёх чиновников, выбранных в органы дворянского самоуправления. А.В. Алябьев в ходе ревизии установил, что по выборам назначены и утверждены губернатором в разные должности такие чиновники, которые по закону не

должны были совсем избираться: один из них не имел недвижимого имения, другие не служили в обер-офицерских чинах, а третьи находились под судом и следствием. Правительствующий Сенат пришёл к выводу, что «незаконное утверждение чиновников доказывают, что цель таковых выборов не могла быть благонамеренной, и губернатор, устраняя большую и лучшую часть дворян от всякого участия при оных, искал поместить в разные должности только тех, которых он желал, и чрез коих мог достигать своих намерений» [9, л. 108–109].

Губернаторство Н.Ф. Пасынкова пришлось на годы Отечественной войны и заграничных походов русской армии. И здесь в действиях губернатора по вопросам снабжения армии и организации ополчения А.В. Алябьев нашёл существенные нарушения. В 1812 году Н.Ф. Пасынков вместо покупки артиллерийских лошадей разложил поставку их на участки дворянских имений и назначил самые крайние сроки для представления их в Кострому, чего многие исполнить не могли, а потому и вынуждены были покупать лошадей в Костроме. А там губернатором была учреждена особая комиссия из губернского предводителя и полицеймейстера, от коей купец Юдин и ставил уже лошадей вместо участков, получая за каждую не по 150 рублей, назначенных казною, но от 350 до 400 рублей – такая плата и самое разложение лошадей на участки не могли не быть отягощением для дворян. Современники считают, что губернатор немало обогатился на этом деле [9, л. 104 – 105 об.]. Вмешивался бывший губернатор в ход выборов в ополчение. Его признали виновным в том, что он «находился в собрании дворян … вопреки узаконениям, воспрещающим входить губернаторам в дворянские выборы, что давал советы окружному начальнику гр. Толстому кого оставить из тех чиновников на службе или переменить … что губернатор назначал членов в комитет пожертвований сам собою» [9, л. 9].

Н.Ф. Пасынков был признан виновным в неисполнении своих обязанностей, в нарушении законного порядка, в отступлении от именных высочайших указов, в самовластных и неправильных распоряжениях, в неосновательном донесении начальству, в противозаконном назначении выборов и утверждении по оной чиновников, в слабом надзоре за течением дел по присутственным местам [9, л. 124–124 об.].

Если дело Н.Ф. Пасынкова рассматривали в Правительствующем Сенате, то дела губернских и уездных чиновников рассматривались в костромских палатах суда и тянулись несколько лет. В Сенате отмечали, что «в производстве всех тех дел (по ревизии Алябьева) происходит ощутительная медлительность большей частью от нескорой дачи подсудимыми ответов и неисполнение в своё время Присутственными местами требований палаты», и требовали ускорения в их решении 8, л. 20 об.].

Но многим чиновникам удалось избежать наказания. Интересен тот факт, что по ревизии сенатора Е.А. Дурасова Костромской губернии в 1827 г. обнаружилось, что «член костромской Врачебной управы штаб-лекарь надворный советник Шрейбер, который прежде сего по делу о злоупотреблениях, найденных ревизовавшим Костромскую губернию сенатором Алябьевым, был уже обвинён в лихоимстве при рекрутских наборах, но от суда и следствия освобождён, по недоказательству …ныне по многим уездам вновь называется прикосновенным к лихоимству, коим обогащал себя при отдаче рекрут» [6, л. 66 об]. Из этого примера видно, что избежавшие наказания чиновники продолжали и дальше свои злоупотребления.

Дело самого Н.Ф. Пасынкова также затянулось. В 1836 г. Костромскому дворянскому депутатскому собранию было предписано взыскать с бывшего гражданского губернатора Н.Ф. Пасынкова 22 тыс. недоимок по дворянскому имению. Однако в 1837 г., в связи со смертью должника, указом Правительствующего Сената недоимка была списана [16, с. 42.]

Следующая сенаторская ревизия Костромской губернии произошла в 1827 г. Она была проведена в ответ на жалобы крестьянина Т.А. Косопанова и директора гимназии Ю.Г. Бартенева.

Жалоба Т.А. Косопанова касалась притеснения крестьян со стороны разных чиновников и их чрезмерного мздоимства. Он обвинял советника казённой палаты Николая Карцова в поборах при рекрутских приёмах, который отдавал губернатору «по сто рублей с рекрута», а, следовательно, крестьянам «входу никакого нет для защиты к губернатору». Кроме этого, по словам крестьянина, секретарь губернатора Новгородский «берёт по прочим делам страшные взятки и губернатору передаёт», а у самого секретаря «более ста тысяч капиталу и дом выстроил, а в доме наполнено всякого добра много множество». Жаловался Т.А. Косопанов и на судей: «всем судьям дана (от губернатора) полная свобода… до которого судьи дело дошло без денег и входу нет» [11, л. 2].

Первоначально в ответ на прошение Т.А. Косопанова в Костромскую губернию был послан состоящий при МВД статский советник Кильдюшевский, но результаты его ревизии оказались очень скромными по причине запугивания крестьян со стороны местных чиновников [11, л. 3 об.]. Отправленный по повторной жалобе Т.А. Косопанова, а также жалобе Ю.Г. Бартенева сенатор Е.А. Дурасов произвёл ревизию уже всей губернии.

Ю.Г. Бартенев обвинял К.И. Баумгартена в том, что во время его губернаторства произошёл целый ряд злоупотреблений, в первую очередь, по дворянским выборам и по развернувшемуся в губернии

активному строительству. Причём Ю.Г. Бартенев заметил, что нарушения по дворянским выборам происходили осознанно, так как губернатор, управляющий губернией «по собственному произволу своему к удовлетворению корыстолюбия», старается иметь чиновников, способных к таковым же злодеяниям». Губернатор обвинялся в том, что по его влиянию «допускаются к выборам люди немеющие права ни подавать голоса свои, ни быть выбранными. Напротив того пользующиеся уважением добросовестные дворяне, бывают под разными предметами оскорбляемы и потому не только уклоняются от помещения на почётные места в губернии, но не приезжают даже к выборам. Напротив, таким образом, дворянское собрание большим числом людей недостойных и удалив из оного всех дворян, соединяющих с твёрдостью характера истинное достоинство и честные правила, мздоимный губернатор действует чрез кревлетов своих к избранию людей, нужных ему к совершению предполагаемых злодеяний, или, по крайней мере, таких, которые угнетению народа и явному беззаконному нарушению правосудия не были препятствием» [14, л. 11–11 об.].

Касалось это в первую очередь губернского предводителя дворянства, земских исправников. Также Ю.Г. Бартенев замечает, что нарушения при выборе исправников влекли за собой нарушения и при выборах волостных. «Порядок выборов в волостях и селениях искажается исправником подобным образом; как выборы дворянские искажаются влиянием губернатора, места голов, старост, сотских и прочих продаются порочнейшим поселянам, подобно как вышесказанное о местах земских чиновников, сотские и прочие облачаются от исправников … налогом таким же образом как исправники облагаются губернатором» [14, л. 12–12 об.].

В развернувшемся при К.И. Баумгартене активном строительстве Ю.Г. Бартенев также нашёл немало способов для хищений и мздоимства. Для построения казённых зданий «сметы делаются чрезвычайно увеличенные, принимающие на себя сии работы подрядчики поставлены в необходимость платою значительных сумм отклонять от себя неимоверные притеснения городского и губернского начальства, не имеют возможности понижать цены надлежащим образом … сверх сего здания строятся нередко умышленно непрочно, дабы исправление оных могло доставить также выгоды» [14, л. 14 об.].

Сенатор Е.А. Дурасов, отправляясь ревизовать Костромскую губернию, получил наставления с характеристиками некоторых чиновников и с жалобами на происходящие нарушения. В представленных ему записках очень часто можно встретить такие характеристики чиновников: «он приобрёл в самое короткое время и самыми недозволительными средствами огромное состояние», «нажил большое состояние, разорил совершенно казённых крестьян», «имеет совесть самую неодобрительную»; и намного реже – «нравственности хорошей и имеет весьма небольшое состояние», «пользуется весьма хорошей репутацией», «человек честный, твёрдый» [13, л. 6 об.].

Ревизия сенатора Е.А. Дурасова подтвердила справедливость и правдивость жалоб Т.А. Косопанова и Ю.Г. Бартенева. Сенатор откомандировал во все уезды Костромской губернии чиновников и из представленных ими следствий усмотрел, что по уездам: Костромскому, Галичскому, Нерехтскому, Буйскому, Чухломскому, Юрьевецкому, Макарьевскому, Ветлужскому и Кинешемскому – «в продолжение нескольких лет существовавшие большие злоупотребления, к крайнему разорению казённых поселян излишними и отяготительными поборами в пользу разных чиновников» [11, л. 66].

Как и в 1815 г. А.В. Алябьев, Е.А. Дурасов нашёл множество нарушений при дворянских выборах. В ходе ревизии сенатор обнаружил, что выборные должности нередко занимают дворяне, «поступками своими доказавшие, что они по свойствам своим не заслуживали занимать предоставленных им мест». Такие чиновники Е.А. Дурасовым отрешались от должностей и предавались суду [19, л. 19 об. – 20].

Сам К.И. Баумгартен был обвинён в «слабом надзоре за подчинёнными ему местами и лицами», в том, что он «весьма далёк от того, чтобы содержать губернию в должном устройстве». Причины такого положения Е.А. Дурасов видел, во-первых, в «неопытности в делах гражданской службы», во-вторых, в неосмотрительности «в выборе достойных чиновников» и, в-третьих, в «излишней доверенности тем, кто оной не заслуживал, а иногда явное к ним пристрастие» [19, л. 2–3].

Возможно, Е.А. Дурасов использовал слишком мягкие формулировки для характеристики деятельности К.И. Баумгартена, так как открытые им злоупотребления, в частности по «отягощению казённых крестьян поборами» и по дворянским выборам, говорят не о «неведении» губернатора о данных нарушениях, а о попустительстве и активном участии губернатора в данных злоупотреблениях.

Всего же в ходе ревизии сенатора Е.А. Дурасова, помимо К.И. Баумгартена, было отрешено от должностей и предано суду более 100 чиновников. Только по Ветлужскому уезду в ходе ревизии были преданы суду 32 чиновника и канцелярских служителя [10, л. 1 об. – 2].

Последней сенаторской ревизией первой половины XIX века была ревизия И.А. Лобанова-Ростовского 1844 года. В ходе этой ревизии также были найдены «различные неисправности, упущения, беспорядки и отступления от закона», как и в предыдущих ревизиях [3, л. 3]. Бывший в то время костромским губернатором Н.И. Жуков был уволен от занимаемой должности, «без назначения в сенаторы, хотя был тайным советником» [1, с. 367].

Таким образом, проводившиеся в первой половине XIX века сенаторские ревизии являлись одной их форм надзора за деятельностью местной администрации. Ревизии выявляли множественные нарушения в области губернского и уездного управления, в результате чего многие чиновники, и в том числе губернаторы, были уволены и преданы суду. Особенно много нарушений сенаторы выявляли в сфере делопроизводства, дворянских выборов, взиманию повинностей с казённых крестьян и т.д.

Библиографический список

1. *Бутурлин М.Д.* Записки // Русский архив. 1897 г. Кн. 11.
2. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 133. Оп. 1. Д. 5748.
3. ГАКО. Ф. 122. Оп.1. Д. 1918.
4. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1091.
5. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1094.
6. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1247.
7. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1265.
8. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1305.
9. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1442.
10. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 1895.
11. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д.2047.
12. ГАКО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 2123.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 2. Д. 109.
14. ГАРФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 2. Д. 679.
15. История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. Т. 3. – СПб., 1911.
16. Костромские губернские ведомости. – 1839. – № 13 (8 апреля). Прибавление к Костромским губернским ведомостям.
17. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ I). – СПб., 1830.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 4. Д. 623.
19. РГИА. Ф. 1341. Оп. Д. 695.

УДК 947

Комиссаров Павел Андреевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pavel88-11@mail.ru

СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ КОСТРОМСКОЙ ЕПАРХИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье на примере Костромской епархии проведено исследование функций лиц и учреждений, составляющих систему епархиального управления, и рассмотрено их взаимодействие как между собой, так и с высшей церковной властью.

Ключевые слова: *епархиальное управление, архиерей, консистория, благочинные, Синод.*

Костромская епархия как самостоятельная административно-территориальная единица была образована 16 июля 1744 г. указом императрицы Елизаветы Петровны [12, с. 13]. Пределы Костромской епархии совпали с границами прежних провинций Костромской и Галичской. В провинцию, кроме главных городов Костромы и Галича, вошли следующие уездные города: 1) Любим (с учреждением в 1788 г. наместничества Любим с монастырями и церквами отчислен к Ярославской епархии. Но в 1786 г. были приписаны к Костромской епархии из Суздальской города Кинешма, Юрьевец и Лух), 2) Судиславль, 3) Буй, 4) Кадый, 5) Унжа, 6) Чухлома, 7) Соль Галичская, 8) Судай, 9) Парфеньев, 10) Кологрив. К Костромской провинции принадлежали 2 пригорода: Плёс и купеческий посад Большая Соль [13, с. 6–7]. Данные границы епархии не претерпели изменений во 2-й половине XIX века.

Во главе епархии стоял архиерей (или преосвященный, епископ) – представитель монашествующего духовенства. Все архиереи Костромской епархии происходили из среды учёного монашества, имели высшее духовное образование, причём со второй половины XIX века преосвященными Костромской епархии становились, как правило, выпускники Московской или Петербургской духовных академий [13, с. 13–45]. Всего с 1850 по 1910 гг. Костромскую кафедру занимали 8 владык. Резиденцией Костромских епископов являлся первоклассный Ипатьевский мужской монастырь.

Епархиальный архиерей рассматривался как «настоятель и главный учитель веры в своей епархии» [15, с. 16]. Он обладал административной, судебной и хозяйственной властью над вверенным ему духовенством. Преосвященный рукополагал в сан священнослужителей, назначал на должности церковнослужителей, налагал на них наказание за различные проступки. Он отвечал за состояние веры и нравственности, надзирал за проповеднической и богослужебной деятельностью духовенства, руководил подведомственными ему учреждениями и возглавлял духовный суд. Епархиальный архиерей имел право вносить в Синод законодательные и административные предложения, а также представлял интересы церкви перед местными органами власти.

Преосвященный ежегодно совершал поездки по епархии с целью обозрения, совершения литургий, освящения церквей, преподавания наставлений

© Комиссаров П.А., 2012

священно- и церковнослужителям, а также пастве. На этом поприще отличился Игнатий Рождественский, который занимал епископскую кафедру с 1878 по 1883. «Первый год управления епархией был рядом непрерывных священнослужений; в течение 5 лет и 2 месяцев он обозрел все обители и лежавшие на пути сёла и города девяти уездов, с ежедневным богослужением» [13, с. 39].

Ежегодно епархиальный архиерей отправлял в Синод отчёты о состоянии епархии, в которые входили и перечневые ведомости с различными статистическими показателями, а также ответные донесения на присылаемые от Синода указы и прочие документы. По мнению Э.В. Фроловой, в синодальный период прерогативы епархиальных архиереев существенно ограничились вследствие централизации церковного управления и существования власти Святейшего Синода [16, с. 56]. С этой точкой зрения трудно не согласиться, принимая во внимание государственную политику в отношении церкви того времени.

В связи с бюрократизацией государственного аппарата в синодальный период все более сложным становилось и делопроизводство епархиальных управлений. Вследствие усиливавшейся централизации бесчисленное количество дел подлежало донесению в Святейший Синод, а на рассмотрение епископов представлялась масса мелочей, которые вполне могли бы быть решены на местах. Ежедневно из Святейшего Синода, от обер-прокурора или его канцелярии поступал поток циркуляров, постановлений и запросов, которые требовали ответа. В результате епископ оказывался по большей части прикован к своему письменному столу, что затрудняло его поездки по епархии [14, с. 189].

В Костромской епархии для помощи преосвященному в 1866 г. был учреждён институт викарных епископов. Викарии избирались Святейшим Синодом и назначались императорским указом. Викарный архиерей находился в ведении епархиального, выполнял его поручения и распоряжения. Обширность Костромской епархии, рост раскольничьего движения, особенно в Макарьевском и Варнавинском уездах, явились решающими причинами для назначения викария. Его резиденцией стал город Кинешма, а сам священнослужитель получал наименование Епископ Кинешемский, викарий Костромской. Первым Костромским викарием стал в 1866 г. Иоанафан Руднев [13, с. 46].

Другим важным органом управления епархией являлась Духовная консистория (от лат. consistorium – помещение для собраний), которая под руководством преосвященного осуществляла административные и судебные функции. Консистория, как и епархиальный архиерей, состояли в ведении Синода, от него принимали указы и распоряжения. Никто из лиц и ведомств, кроме Синода и епархиального архиерея, не мог останавливать решений и распоряжений консистории [8, с. 221]. Правовой основой епархиального управления являлся устав духовных консисторий, утверждённый в 1841 г. и переизданный с небольшими доработками в 1883 г. Устав состоял из четырёх частей и включал в себя: общие положения о консисториях и их задачах; полномочия и порядок деятельности епархиального управления; определения об епархиальных судах и их производстве; состав консисторий и их делопроизводство.

Консистория состояла из присутствия и канцелярии. Присутствие составляли архимандриты, игумены, иеромонахи, протоиереи и иереи, наиболее опытные и образованные. Они назначались архиереем и утверждались Синодом, кроме ректора Костромской Духовной семинарии, который входил в присутствие «по должности» и не был обязан участвовать во всех заседаниях и делах. В рассматриваемый период численность членов присутствия консистории не была одинаковой. Так, в 1851 г. было 9 присутствующих, из них только 2 представителя чёрного духовенства [6, с. 75–76]. А в 1862 г. присутствие составляли 6 человек [7, с. 62–63]. Численность членов Костромской духовной консистории была упорядочена благодаря утверждённым в 1869 г. штатам духовных консисторий, согласно которым теперь присутствие состояло из четырёх штатных членов [10, с. 134–135].

Обязанности членов консистории заключались в слушании дел, вынесении по ним решений и предоставлении «мнений» на суд архиерея, в исполнении его резолюций, рассмотрении дел и выработке собственных консисторских постановлений. В случае несогласия с мнением консистории преосвященный принимал собственное решение, которое приводилось в исполнение. Епархиальный архиерей мог устранить члена консистории из присутствия, уволить в отпуск или назначить временно присутствующего.

Для осуществления делопроизводства консистория имела канцелярию, которую возглавлял секретарь, назначавшийся и увольнявшийся Синодом по предложению обер-прокурора. В то же время секретарь, будучи на месте своей службы в консистории, находился под начальством епархиального архиерея. Известный исследователь Синодального периода РПЦ И.К. Смолич считал секретаря консистории «сильной и независимой от епископа опорой обер-прокурора в епархиальном управлении» [14, с. 204]. Такое «двойное подчинение» секретаря консистории подготавливало почву для конфликтов, которые могли возникнуть между ним и архиереем. Данный вопрос требует дальнейшего изучения и детальной проработки.

Фиксацией входящих и исходящих документов занимался регистратор. Сами дела рассматривались в отделениях, или «столах», которые возглавлялись столоначальниками. Копировали докумен-

ты копиисты или «писчики». Охрану консистории осуществляли сторожа. При этом каждый стол вверялся наблюдению одного из членов присутствия, за исключением ректора семинарии [8, с. 255]. Секретарь консистории ежегодно отправлял в Синод отчёты о состоянии епархии и консисторского делопроизводства. В Костромской духовной консистории в указанный период было четыре стола, а в 1908 году был учреждён пятый стол сверх штата, который был создан для упорядочения делопроизводства и скорейшего рассмотрения большого числа нерешённых дел. В этом же году был назначен и сверхштатный член присутствия консистории, число которых возросло до пяти [3, л. 4 об.].

В Синодальный период епархии делились на благочиннические округа, которые определялись в зависимости от количества церквей в той или иной местности. Как правило, смотрению благочинного над причтами поручалось от 10 до 30 окрестных церквей с их причтами. Если благочинному поручалось более 15 церквей, расположенных на значительном пространстве, то ему мог быть придан помощник [8, с. 231]. Количество благочиннических округов в Костромской епархии не было одинаковым. В 1893 г. в епархии насчитывалось 66 благочиннических округов: 4 – в Буйском уезде; 11 – в Нерехтском; 7 – в Галичском; в Кинешемском – 8; Юрьевецком – 6; Солигаличском – 3; Чухломском – 4; Макарьевском – 5; Кологривском – 3; Ветлужском – 3; Варнавинском – 2; г. Костроме и Костромском уезде – 10 [5, с. 118–121]. Благочинных было 75 человек [4, л. 1]. К 1910 г. число благочиннических округов возросло до 73 [11, с. 77–80], а благочинных только до 79, причём четверо из них являлись иноками – смотрителями над монастырями епархии [3, л.6].

Рост численности православного населения епархии вызывал необходимость строительства новых приходских церквей и молитвенных домов, а вместе с ними увеличивалось число благочиний и благочинных. О состоянии Костромской епархии к середине XIX века можно судить по данным «Военно-статистического обозрения Российской империи»: в епархии тогда числилось 14 мужских и 3 женских монастыря, 1007 храмов, 1 244 молитвенных дома и часовни [1, табл. 18]. К 1910 г. число мужских монастырей уменьшилось до 13, а женских увеличилось до 10; количество церквей возросло до 1200, из которых 1 011 являлись приходскими, а часовен и молитвенных домов – до 1692 [2, прил., с. 4–8]. Таким образом, на одного благочинного в среднем приходилось 13–14 приходских церквей, что несколько противоречит данным, взятым из отчёта епархиального архиерея, где среднее количество церквей на одного благочинного определяется числами 12–13 [3, л. 6].

Благочинные назначались епископом из числа особо ответственных и благочестивых священнослужителей епархии. Они осуществляли надзор за вверенными им церквами или монастырями; при каждом посещении церквей производили освидетельствование ризницы и церковной утвари, осматривали состояние храмов, кладбищ, проверяли наличность церковных капиталов со всем приходом и расходом денежных сумм. Они просматривали всё церковное письмоводство, останавливая внимание на служебной и моральной исправности церковного клира. Благочинные исполняли все распоряжение епархиальной власти, помогали раскрывать нужды и недочёты церковно-приходской жизни. По окончании года благочинные принимали от церквей клировые ведомости, ведомости о причтах и приходах, дополняли их свидетельствами об исправности поведения священно- и церковнослужителей и предоставляли архиерею.

Таким образом, благочинный являлся своеобразным посредником между приходом и епархиальным управлением, причём за свой нелёгкий и ответственный труд он не получал никакого вознаграждения. Согласно архивным документам были нередки случаи, когда благочинные запаздывали с предоставлением консистории рапортов и ведомостей без уважительных причин и «не всегда оказывались на должной высоте своего назначения» [3, л. 12 об. – 13].

В 1889 г. в епархии были учреждены благочиннические советы, состоявшие из благочинного и двух или трёх лиц, выбранных из окружного духовенства и утверждаемых епархиальным начальством. Ведению и решению их подлежали жалобы и споры, возникавшие по разным поводам между членами причтов и между причтами и прихожанами. В конце года ими пересматривались метрические, обыскные и приходо-расходные книги, клировые ведомости. К 1893 году в Костромской епархии насчитывалось 38 благочиннических советов [4, л. 1 об.].

Из полученных сведений в консистории составлялись перечневые ведомости, которые ежегодно отправлялись в Синод. С принятием постановления «О порядке и времени представления епархиальными начальствами в Святейший Синод срочных сведений», утверждённого 25 ноября 1865 г., перечневые ведомости предоставлялись в Синод в виде приложений к отчёту о состоянии епархии: 1) о бывших и не бывших у исповеди и Св. Причастия; 2) о присоединившихся к православию; 3) о воспитанниках духовно-учебных заведений, поступивших в епархиальное ведомство и не определённых к местам; 4) о монастырях и монашествующих, а также о церквах и причтах и белом духовенстве; 5) о родившихся, браком сочетавшихся и умерших. Обо всех похищениях при церквах на сумму ниже 150 рублей прилагалось общее донесение Синоду за год при отчёте о состоянии епархии. О членах консистории представлялись только

краткие именные ведомости вместо послужных списков. Отменялось представление именных ведомостей о протоиереях и благочинных епархии [9, с. 183–184].

Вспомогательными органами управления Костромской епархией в 1910 г. являлись: 1) Епархиальное попечительство о бедных духовного звания; 2) Епархиальный училищный совет с его 12 уездными отделениями; 3) Федоровско-Сергиевское братство, учреждённое в 1887 г. для противодействия расколу; 4) Эмеритальная касса духовенства, образованная в 1895 г.; 5) Епархиальный комитет народной трезвости; 6) епархиальные съезды духовенства [3, л. 2].

На основе анализа структуры епархиального управления Костромской епархии во 2-й половине XIX – начале XX веков можно сделать следующие выводы. Главой епархии являлся архиерей, под начальством которого находилась духовная консистория, действовавшая главным образом через благочинных, осуществлявших наблюдение и надзор за вверенными им церквами и монастырями. Епархиальное начальство исполняло постановления и распоряжения Святейшего Синода, распространяло их по церквам и монастырям епархии через благочинных, а с 1885 года и через Костромские епархиальные ведомости, и, в свою очередь, собирало статистические сведения о состоянии епархии и отправляло в Синод в форме отчётов и перечневых ведомостей.

С ростом численности населения епархии, с обострением раскольнического движения и ведением государственной политики, направленной на ограничение власти архиерея, усложнялась и структура управления епархией, строились новые храмы, возрастало число благочиннических округов, появлялись новые должности и учреждения в духовном ведомстве, вспомогательные органы епархиального управления. Всё это нашло своё отражение и в Костромской епархии. Несомненно, у такой системы управления были свои недостатки. Управление духовным ведомством строилось по коллегиальному принципу, по аналогии со светским. Бюрократизация, возрастание делопроизводства, усложнение структуры духовных учреждений, безусловно, отрицательно сказывались на управлении епархией. К тому же донесение сведений, ведомостей, рапортов от благочинных и причтов в консисторию, а от консистории и архиерея в Святейший Синод осуществлялось исключительно в бумажном варианте, что никак не способствовало процветанию церковного духа.

Вместе с тем возникает ряд не до конца рассмотренных и изученных вопросов. Была ли костромская духовная консистория «личной канцелярией» епархиального владыки или существенно ограничивала его власть? Случались ли конфликты между консисторским секретарём и архиереем из-за непосредственного подчинения обер-прокурору первого? Каким образом велось делопроизводство в Костромской духовной консистории? Эти вопросы требуют дальнейшего изучения и детальной проработки.

Библиографический список

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при первом отделении департамента Генерального штаба. Т. IV. Ч. 3. Костромская губерния. – СПб., 1848.

2. Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству Православного вероисповедания за 1908–1909 годы. – СПб., 1910.

3. ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Ед. хр. 135 (За 1910 г.).

4. ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Ед. хр. 126. Т. 6.

5. Костромской календарь на 1893 г. – Кострома, 1893.

6. Памятная книжка Костромской губернии на 1851 г. – Кострома, 1851.

7. Памятная книжка Костромской губернии на 1862 г. – Кострома, 1862.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 16. Отд. 1. – СПб., 1842.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 40. Отд. 2. – СПб., 1865.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 44. Отд.1. – СПб., 1873.

11. Справочная книжка по Костромской губернии на 1910 г. – Кострома, 1910.

12. Архиепископ Костромской и Галичский Александр. История учреждения Костромской епархии. – Кострома, 2004.

13. Протоиерей И. Сырцов. Архипастыри Костромской епархии за 150 лет её существования (1745–1898). – Кострома, 1898.

14. *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917 гг. – М., 1996.

15. *Федоров В.А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). – М., 2003.

16. *Фролова Э.В.* Деятельность архиереев и духовной консистории в системе епархиального управления Русской православной церкви (на материалах Владимиро-Суздальской епархии. 1744 – февраль 1917 г.): Дис. … канд. ист. наук. – Иваново, 2010.

УДК 94(4)

Лапшин Александр Геннадьевич
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
a-lapshin@vlsu.ru

ЕРЕСЬ ПЕТРОБРЮСИАН

Статья посвящена рассмотрению одного из эпизодов истории христианских ересей Западной Европы эпохи средневековья. Первым в типологическом ряду так называемых «новых еретиков» был Петр из Брюи, осуществлявший свою проповедь в 20-е – 30-е гг. XII века. Ересь петробрюсиан апеллировала к традициям апостольской церкви и была проявлением развития критической религиозности.

Ключевые слова: *средневековая ересь, религиозные диссиденты, религиозность, Петр Достопочтенный, Петр из Брюи.*

В XII веке усиливаются претензии к церковной иерархии. Это отражается в появлении апеллировавших к Евангелию религиозных групп и отдельных людей, которые не хотели или не могли объединиться с дискредитировавшим себя в их глазах папством. Однако папская церковь, видя угрозу в распространении новых еретических идей, не приходит к пониманию специфики новой ереси и пытается бороться с ней, не выходя за рамки концептуальных схем, обеспеченных патристикой, в частности текстами августиновской традиции. В XII–XIII веках при ответах на вопросы религиозно-этического характера все чаще обращались к закону и силе, прибегая к жестким способам принуждения.

Впервые вопрос об обращении к жестокости в борьбе с новыми ересями был рассмотрен в трактате преподобного Петра Достопочтенного, аббата монастыря в Клюни [7, col. 719–850]. Трактат был написан в тридцатые годы XII века и предназначался прелатам архидиоцезов Амбрена и Арля и диоцезов Ди и Гап. Целью трактата было обеспечить клир доктринальными инструментами для понимания еретической опасности, созданной проповедями некоего Петра из Брюи и его последователей, и, таким образом, победить ересь со знанием дела.

О жизни Петра из Брюи известно очень мало. Миссионерскую деятельность он начал в одной из деревень Верхних Альп в конце первого десятилетия XII века. Церковь осудила его идеи: по инициативе прелатов Амбренского архидиоцеза Петр был изгнан из Прованса. Он отправился в Гасконь. Однако какое-то время спустя его преследования возобновились. После этого Петр вновь появился в Провансе, где его арестовали и предали сожжению на костре в г. Сен-Жиль или недалеко от него. В вопросе о дате сожжения нет определенности: в историографии XIX века называется 1125/1126 г. [1, с. 233], публикации второй половины XX века определяют лишь период: не раньше 1132 г. и не позже 1139 г. [4, с. 311–335; 5, с. 67–100; 6, с. 23–26].

Деятельность Петра, длившаяся более двадцати лет, оценивалась современниками-мирянами неоднозначно. В рассказе Петра Достопочтенного о сожжении Петра из Брюи имеется интересная деталь: аббат монастыря в Клюни утверждал, что ересиарха сожгли по настоянию верующих. Отсюда можно полагать, что проповедь Петра из Брюи вызвала волнение и негодование паствы, и Петр Достопочтенный не преминул подчеркнуть нетерпимый характер важной экзекуции. Не следует, однако, исключать возможность того, что «настояние верующих» обозначает лишь положительный ответ мирян на церковный призыв применения жестких мер в борьбе с ересью. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на свидетельства в пользу популярности идей, распространяемых Петром из Брюи. Действия прелатов юго-восточной Франции (возможно, вплоть до обращения к светским властям), вынудившие Петра из Брюи перебраться в Гасконь, можно толковать как проявление серьезной озабоченности церковников успехами деятельности миссионера. Еще большим свидетельством в пользу массовости петробрюсианской ереси является тот факт, что даже после сожжения Петра сторонники его идей вызывали серьезное беспокойство прелатов: аббат престижного монастыря в Клюни – глава мощной клюнийской конгрегации – посвятил вопросу борьбы с этой ересью целый трактат. Выше уже отмечалось, что трактат предназначался священникам архидиоцезов Амбрена и Арля и диоцезов Ди и Гап. Из этого «адреса» следует, что ересь получила распространение на значительной территории: от Коттских Альп до средиземноморского побережья. В таком случае сообщение Петра Достопочтенного о сожжении ересиарха по настоянию верующих касается, скорее всего, лишь *части* населения юго-восточной Франции XII века. Определить соотношение сторонников и противников петробрюсианской ереси хотя бы на уровне *большинство-меньшинство* не представляется возможным. Однако совершенно ясно, что верующих, принявших идеи Петра из Брюи, было довольно много.

В трактате Петр Достопочтенный изложил содержание ереси петробрюсиан, суммировав ее в пяти положениях. Каждое из этих положений включает тезис, сформулированный клюнийским аббатом и подкрепленный ссылкой на проповедь ересиарха или описанием одного из его деяний. Пока-

© Лапшин А.Г., 2012

зательно, что все пять положений представляют собой перечень того, что отрицали еретики в церкви, которую защищал Петр Достопочтенный. Аргументы ересиарха и его последователей клюнийский аббат не рассматривал.

Итак, ересь петробрюсиан состояла в следующем. Во-первых, отрицание таинства крещения. Во-вторых, отрицание храмов. В-третьих, отрицание креста как предмета культа. В-четвертых, отрицание таинства евхаристии. В-пятых, отрицание благих деяний в пользу усопших. В целом представляется возможным говорить об отрицании Петром из Брюи и его последователями посреднической функции церковной иерархии [2, с. 45].

В историографии высказывалось мнение о возможности того, что положения, представленные в трактате Петра Достопочтенного, не соответствуют или отличаются от идейных установок самого Петра из Брюи [6, с. 24]. При столь остром дефиците источников по истории этой ереси данный вопрос вряд ли можно прояснить. Однако бесспорным остается то, что клюнийский аббат был озабочен распространением конкретных еретических идей, представлявших опасность для католической церкви.

В глазах твердых католиков идеи петробрюсиан были разрушительны: все, что они отрицали, вело к распаду той целостности, каковой была Римско-католическая церковь конца XI – начала XII веков. В контексте этого становится понятной нетерпимость верующих, по настоянию которых и был сожжен еретик. Но тогда как и чем объясняется терпимость тех же самых верующих в течение более двадцати лет проповеднической деятельности Петра из Брюи и широкое распространение его идей среди жителей альпийских деревень и южно-французских городов, то есть принятие его идей частью римско-католической паствы?

Сам Петр Достопочтенный высказывал интересные мысли, позволяющие нам разобраться в этом вопросе. В частности, клюнийский аббат обратил внимание на то, что ересь Петра из Брюи родилась в горной местности с неплотным и незажиточным населением, здесь она была принята и отсюда усилиями местных епископов была изгнана. Далее ересь переместилась в южную Францию – зону интенсивной урбанизации. Принятие ереси в новой социокультурной среде предполагает соответствие ее (ереси) культурному и религиозному стереотипам, принятым здесь. В таком случае логично предположить близость социокультурных установок населения горных районов и населения городов. Предположение довольно смелое, ибо, на первый взгляд, сопоставление социокультурных условий альпийских деревень и городов приморской зоны Прованса выявляет сильный контраст между ними. Однако автор трактата высказывает мысли, которые могут быть приняты в качестве объяснения столь смелого предположения: люди гор отличны от всех других – они поставлены в изоляцию условиями жизни среди холодных и вечно заснеженных вершин и, по причине собственной культурной отсталости, более поддаются влиянию проповедников, несущих неверную догму; городское население привыкло к контакту с людьми и идеями различного происхождения, таким образом, его открытость ереси в большей степени определяется любопытством и уступчивостью. Способность идей петробрюсиан к адаптации в различных социально-культурных условиях представляет собой важную особенность этой ереси. Вместе с тем не следует забывать об особенностях культурно-исторического развития Прованса и Лангедока, определивших предрасположенность этих территорий к восприятию ересей.

Петр Достопочтенный пытался разобраться в явлении для него новом. Именно поэтому петробрюсиане определены им как *новые еретики* (*novi haeretici*) [7, col. 728]. Новизна ереси определялась ее нетрадиционностью: неверная догма петробрюсиан не была связана с христологической или тринитарной проблематикой, но предполагала радикально критическое отношение к Церкви как иерархической административной структуре, претендующей на роль единственного посредника между Богом и людьми. Таким образом, новизна ереси петробрюсиан выражалась в ее антисацердотальном характере.

Характер ереси в сочетании с ее способностью адаптироваться в различных социально-культурных условиях представляли серьезную угрозу для папства. Резкость действий католических прелатов против Петра из Брюи и озабоченность главы клюнийской конгрегации масштабами распространения ереси свидетельствуют об осознании опасности, которую заключала в себе *новая ересь* для римско-католической Европы. Вместе с тем открытость различных социальных групп к восприятию ереси говорит о том, что во второй четверти XII века идея о единстве христианской Европы была лишь иллюзией.

Библиографический список

1. *Осокин Н.А.* Исторія альбигойцев и их времени. Т. 1. – Казань, 1869. – 592 с.

2. *Ли Г.Ч.* История инквизиции в средние века. Кн. I. – М., 1994. – 560 с.

3. *Chatillion J.* Pierre le Venerable et les Petrobrusiens// Pierre Abelard, Pierre le Venerable. Les courants philosophiques, litteraires et artistiques en Occident au milieu du XII siecle. – Paris, 1975. – P.165–179.

4. *Fearns J.* Peter von Bruis und die religiose Bewegung des 12. Jahrhunderts // Archiv fur Kulturgeschichte. – 48 (1966). – S. 311–335.

5. *Manselli R.* Il secolo XII: religione popolare ed eresia. – Roma, 1983. – 383 p.

6. *Merlo G.G.* Eretici ed eresie medievali. – Bologna, 1989. – 145 p.

7. *Petrus Venerabilis* Tractatus adversus Petrobrusianos // Petri Venerabilis ... opera omnia ... accurante J.-P. Migne [Patrol. Lat. Vol.189]. – Paris, 1854. – Col. 719–850. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://books.google.ru/books/about/Petri_venerabilis_opera_omnia_accurante.html?id=V8UUAAAAQAAJ&redir_esc=y (дата обращения – 09.01.2012); см. также: Petri Venerabilis Contra Petrobrusianos hereticos / ed. by *J.Fearns*. 3-d ed. Series: Corpus Christianorum, Continuatio Mediaevalis, 10. – Turnholti: Brepols, 1973. – 180 p.

УДК 94(470)"1918"

Лобанов Владимир Борисович

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова

lobanov19772009@yandex.ru

ТЕРСКОЕ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ (июнь-ноябрь 1918 года): СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

В данной статье рассматриваются эпизоды, связанные с борьбой против большевиков в Терской области на первом этапе Гражданской войны (июнь-ноябрь 1918 г.). Показана расстановка военно-политических сил накануне восстания, его начало, участие терского казачества, части осетин и кабардинцев в нем, политическая ориентация его руководителей Г.Ф. Бичерахова, Э. Мистулова, Н. Федюшкина. Предпринята попытка представить причины поражения восстания, выявить последствия для развития Гражданской войны в северокавказском регионе.

Ключевые слова: *терское казачество, Бичерахов, Деникин, Киров, Шкуро, Добровольческая армия, Северный Кавказ.*

Терское восстание – одно из череды вооруженных эсеро-меньшевистских выступлений конца весны – начала лета 1918 года, когда Гражданская война из локальных окраинных столкновений постепенно превращается в широкомасштабное фронтальное противостояние. Можно упомянуть в этой связи чехословацкий мятеж, ярославское восстание, восстание левых эсеров в Москве, ижевско-воткинский мятеж. Терское восстание было наиболее продолжительным (с июня по ноябрь 1918 г.), что отражало сильные антибольшевистские тенденции того периода на Северном Кавказе. Современные исследователи довольно подробно освещают восстание, справедливо считая его значительным событием в истории Гражданской войны на Северном Кавказе в 1918 г. Среди них нужно выделить московских историков Р.Г. Гагкуева [1, с. 245–248] и В.Ж. Цветкова [2, с. 174–177], петербургских историков А.С. Пученкова [3, с. 165], А.Х. Даудова и Д.И. Месхидзе [4, с. 54–55], владикавказского исследователя Ф. Киреева [5, с. 107–114], кабардино-балкарских исследователей Э.В. Бурду [6] и О. Жанситова [7, с. 38–53], махачкалинского историка Р. Джамбулатова [8].

Терское казачество, как ярко выраженная контрреволюционная сила, боровшаяся за сохранение своего привилегированного положения, должна была рано или поздно проявить себя по примеру Дона и Кубани. Однако в начале 1918 г. советская власть здесь была установлена достаточно мирным путем. Набиравшие силу большевики во главе с С.М. Кировым, воспользовавшись бессилием Терско-Дагестанского правительства, собрали в конце января 1918 г. 1-й съезд народов Терека в Моздоке, куда съехались казачьи и горские представители. Обе эти стороны хотели его использовать в своих интересах, для своей корыстной пользы. В итоге вопрос о власти повис в воздухе. Большевики организовали Терский народный совет, на некоторое время было установлено двоевластие, так как Терско-Дагестанское правительство еще формально функционировало, фактически же власть постепенно переходила к большевикам. Положение контрреволюционного правительства было настолько непрочным, что после 2-го съезда народов Терека, на котором бурную деятельность развивал Киров, в Терской республике (как стала называться область после этого съезда) была достаточно мирно установлена советская власть, новопровозглашенная республика стала составной частью РСФСР.

Все это, с одной стороны, укладывалось в ленинскую концепцию «триумфального шествия» советской власти по стране, с другой стороны, у казачества, превратившегося из привилегированного в угнетаемое сословие, появилась живительная почва для антисоветского восстания. Ведь горские народы, прежде всего чеченцы и ингуши, признавая советскую власть, желали всего лишь вернуть себе отнятые ранее земли на равнине, и новая власть нужна была как средство для достижения этого. Не без основания следует сказать, что новая власть была антиказачьей. Здесь большевики теперь уже в своих корыстных целях использовали национальный и земельный вопросы для захвата и удержания власти. Антиказачью суть советской власти тонко подметил прибывший весной 1918 г. с Персидского фронта полковник А.Г. Шкуро, который впоследствии использовал и не без успеха недовольство казачества для организации партизанского движения. Он писал о том, что даже наименование «казак» считалось контрреволюцион-

© Лобанов В.Б., 2012

ным, вместо этого понятия появились непривычные термины «гражданин» и «товарищ». Обострились земельные конфликты с иногородними, советская власть не пользовалась уважением у подавляющей части казачества [9, с. 107]. Сделав ставку на горцев, советская власть стала проводить антиказачью политику достаточно решительно, что выразилось в передаче четырех станиц сунженской линии ингушам под тем предлогом, что они когда-то принадлежали ингушам и в свою очередь разделяли горную и равнинную части Ингушетии. В этом контексте важнейшим моментом является то, что именно передача земли имела место в Ингушетии, а не в Чечне, где чеченцы тоже могли предъявить подобные претензии казакам. Советское руководство, зная о малоземелье ингушей, стремилось упрочить свое положение опорой на самый угнетенный и, следовательно, в будущем самый преданный им народ. Здесь одновременно намеренно разжигался национальный вопрос: советская власть представала перед горцами как избавитель от завоевателей-казаков. Такими своеобразными мероприятиями насаждался интернационализм во взрывоопасном в этническом плане Северном Кавказе. С другой стороны, большевики отчетливо сознавали, что без проведения столь непопулярных в казачьей среде мероприятий, как частичная передача земли горцам, начнется открытое их противостояние с казаками, а в таком случае горцев уже будет невозможно привлечь на свою сторону и советская власть потеряет свою единственную опору в регионе. Недвусмысленная ориентация на горцев создавала объективные предпосылки для казачьего восстания.

Восстание первоначально планировалось начать в августе, после полевых работ, однако взятие Кисловодска отрядом А.Г. Шкуро 13(26) июня ускорило его начало [10, д. 19, л. 2]. Г.А. Вдовенко, непосредственный участник восстания, позже ставший терским атаманом, в качестве одного из поводов к выступлению указывал на намерение большевиков арестовать председателя Пятигорского (по другим – Моздокского) отдельского совета Г.Ф. Бичерахова, пользовавшегося известным авторитетом среди казаков. В конечном счете он стал во главе терского антисоветского движения.

Прежде чем остановиться на самом восстании, необходимо предварительно рассмотреть расстановку противоборствующих сил к его началу. Сведения, представленные в Москву командующим СКВО военспецом А.Е. Снесаревым, проливают свет на терскую ситуацию. 12 июня он писал о том, что, по сведениям прибывшего в Царицын командира владикавказского отряда М. Томашевского, за советскую власть стоят 600 тыс. человек, а против нее – 410 тыс. человек. Численность красных войск в области достигала 5 тыс. человек. Максимальное число, на которое, по словам М. Томашевского, могли рассчитывать большевики здесь при мобилизации, было 20 тыс. человек: «…12 июня 1918 года… В Терской области всего до 300 тысяч чеченцев, около 80 тысяч ингушей, 130 тысяч осетин, 250 тысяч казаков, 250 тысяч крестьян... Наших сторонников около 600 тысяч человек, против нас около 410 тысяч человек. Большевики являются защитниками государственности и противниками сепаратистских настроений. Войск имеется: во Владикавказе три батальона (около 1500 человек) с 8 пулеметами, один эскадрон, две полевые батареи, 4-48-[лин.] гаубицы; в Георгиевске два батальона (около 1000 человек) с четырьмя пулеметами и одна полевая батарея; в Моздоке полроты пехоты и гаубичная батарея (4 гаубицы); в Пятигорске два батальона пехоты и 6 орудий; в Грозном два батальона (1000 человек) и 6 орудий; летучий железнодорожный отряд – одна рота; один бронированный поезд и еще один оборудуется. Всего войск около 5000 человек…» [11, с. 265–266].

Следует остановиться на этих цифрах. Численность противников советской власти не намного меньше, чем ее сторонников: это в свою очередь определило ожесточенный характер борьбы. Очевидно, что противниками М. Томашевский определил большую часть казаков, часть иногородних крестьян и, возможно, определенную часть осетинского и кабардинского населения [10, д. 19, л. 14], проявлявшего еще до революции лояльность старой власти. В числе противников, без сомнения, были ингуши, чеченцы, часть крестьян и незначительное количество казаков, которых в своей среде считали отщепенцами, предателями казачьих интересов. Положение усугублялось еще и тем, что казачье население не проживало компактно в определенной местности, а имело распространение по всему Тереку, в том или ином отделе составляя значительную часть населения. Именно этим можно объяснить тот факт, что восстание распространилось по всей территории Терской советской республики. Что касается численности терских советских войск, то основными красными силами были гарнизоны Грозного и Владикавказа, каждый по 1 тыс. бойцов. Это не в меньшей степени повлияло на ожесточенность противостояния на Тереке, даже несмотря на то, что все же это было локальное восстание, не поддержанное Добровольческой армией, которая тогда, в его начале, сражалась на Кубани.

Восстание изначально имело мало шансов на победу. Мало того, что оно не располагало существенной помощью извне, так оно еще переживало внутренние противоречия. Восставшими казаками непосредственно командовало несколько человек: после того как генерал Э.А. Мистулов в самом начале движения был ранен в бою за Прохладную, на этом посту его сменил полковник Н.К. Федюшкин. После своего выздоровления Э.А. Мистулов

снова руководил восставшими, а после его самоубийства восстание возглавил присланный А.И. Деникиным генерал И.Н. Колесников. Все эти перестановки в командовании происходили на протяжении пяти месяцев длившегося восстания, что не способствовало укреплению боеспособности казачьих войск. Далее, хотя восстание вспыхнуло почти на всей территории Терека, были осаждены Грозный и Кизляр, чуть не был взят даже Владикавказ, бои шли с 6 по 17 августа, и они стали по праву пиком восстания: «…Хорошо поставлено было дело обороны в Верхне-Осетинской слободке, где даже сформированы были два пеших и одна конная осетинских сотни. Вот на эти-то сотни осетин и на центральную часть самообороны и решили опереться казаки во время нападения на Владикавказ.

Сношениями с осетинами и самооборонщиками заведовал полковник Беликов, казачьи же части в Архоне и Ардоне и вообще на владикавказской линии готовил к набегу полковник Данильченко и начальник его штаба генштаба полковник Соколов. К сожалению связи в работах полковника Беликова и полковника Данильченко никакой не было – никто их не объединял, а наоборот высшая власть края в лице Казаче-Крестьянского совета официально объявляла, что никаких нападений на город не предполагается и допущено нападение не будет. Это успокаивало комиссаров владикавказских и 4-й народный съезд, а также и ингушей, весьма ревниво следивших чтобы Владикавказ не попал в руки казаков, так как если бы это случилось, обещанных ингушам на грозненском съезде станиц и земель им не пришлось бы и увидеть…» [12, д. 30, л. 13–15] (орфография и пунктуация подлинника. – *В.Л.*). Только внутренние неурегулированные проблемы не позволили одержать победу. Контрреволюционные силы действовали разрозненно, малочисленные отряды под командованием В.К. Агоева, Я. Хабаева (осетины) («…полковник Агоев (пятигорский фронт) был тяжело ранен… часть казаков из-под ст. Прохладной отступила к станице Котляревской и соединилась с войсками полковника Хабаева под начальством полковника Белогорцева (начальника штаба командующего войсками…»)) [12, д. 30, л. 24], Г.А. Кибирова, З. Даутокова-Серебрякова (кабардинцы) («…Малокабардинские князья усилили террор над оставшимися большевиками. Под руководством наемника Даутокова-Серебрякова по Малой Кабарде были выставлены виселицы…») [13, д. 55, л. 23], – не координировали между собой свои действия.

Но основная причина поражения восставших заключалась в самом его руководстве: речь идет о Г.Ф. Бичерахове и казаче-крестьянском совете (одновременно было создано Временное народное правительство Терского края) [14, л. 38, д. 71]. Перед нами очередной пример «керенщины». На Северном Кавказе, как и на территории остальной революционной России, эта тенденция была широко распространена, и именно терское восстание оказалось наиболее ярким ее примером. Во главе восстания стаяла достаточно колоритная личность: еще в период Временного правительства Г.Ф. Бичерахов был назначен его комиссаром в свой родной Моздокский отдел. По политическим взглядам он принадлежал к эсерам. Вместе с тем Г.Ф. Бичерахов обладал значительным авторитетом среди казачества и, несмотря на то что по происхождению он был осетином, возглавил антисоветское восстание. Но очевидно и то, что он не отрекся от революционных идеалов до конца, в частности, это проявилось в недовольстве рядового офицерства его попытками договориться с большевиками, желании перевести борьбу красных и белых в русло борьбы с горцами (прежде всего, в борьбу с чеченцами и ингушами). В 1918 г., когда, казалось бы, все иллюзии по поводу политики А.Ф. Керенского должны были исчезнуть, Георгий Федорович проводил, по мнению офицерства, ту же гибельную политику, но уже теперь в масштабе одной области. Как вспоминал корнет Кабардинского конного полка А. Арсеньев, наиболее ярким проявлением такой политики была дискредитация строевого офицерства, что выражалось в запрещении ношения погон: «…Эсеровское правительство Бичерахова… боялось влияния офицеров, дискредитировало их и не позволяло ношение погон» [15, с. 316], что воспринималось как прямое оскорбление. Естественным в этой связи кажется образование другого центра притяжения, вокруг которого концентрировались все идеологические противники «бичераховщины». Условно назовем его проденикинским. Во главе него стал полковник Н.К. Федюшкин, обосновавшийся в Прохладной, в то время как Бичераховцы собирались в Моздоке. Эти противоречия во многом определили отношение двух различных политических центров восстания к Добровольческой армии. Очень характерным в этом контексте звучало высказывание Г.Ф. Бичерахова, получившего сведения о движении Добровольческой армии к границам области: он заметил возможность войны и с ней. Такая позиция руководителя восстания впоследствии определила маршрут отступления после поражения и направленность взаимоотношений с горскими властями.

В связи с тем, что отступавшей Красной Армии потенциально угрожает удар с тыла, советское руководство приняло решение подавить терское антисоветское движение. Документально это было отражено в приказе РВС Южного фронта от 24 сентября о наступлении на Северном Кавказе, в параграфе 6 которого указывалось на сохранение за республикой грозненских нефтепромыслов: «…Командующему войсками Северного Кавказа т. Сорокину, предписывается принять все меры для ограждения г. Грозного от нападений кадетских банд

и охраны от порчи всех промыслов…» [11, с. 338], то есть достаточно очевидно ставилась задача разгрома казачества на Тереке. По предложению Чрезвычайного комиссара юга России Г.К. Орджоникидзе в октябре 1918 г. была создана 1-я Советская Ударная Шариатская колонна во главе с Г. Мироненко. Характерен и ее состав – значительное число бойцов колонны составляло мусульманское духовенство. Создание такой силы было поистине символическим шагом. Упор был сделан на то, что именно горцы, да еще с религиозной направленностью, идут на подавление терских казаков. Таким образом, советское руководство стремилось привлечь на свою сторону горцев-мусульман хотя бы под лозунгом борьбы с их угнетателями. Численность колонны удалось довести до 17 тыс. бойцов [16, с. 108]. Что касается самой военной операции, то она началась 2 ноября и была приурочена к первой годовщине Октябрьской революции. Терское восстание, раздираемое внутренними противоречиями, было в достаточно короткий срок подавлено. 9 ноября красные взяли Прохладную, где концентрировались проденикинские силы (в этот же день, не вынеся поражения, застрелился командовавший восставшими генерал Э.А. Мистулов), а 23 ноября Г.Ф. Бичерахов оставил Моздок.

Различная идеологическая направленность восставших определила и направление их отступления. Отряд численностью до 4 тыс. человек через Кабарду соединился с Добровольческой армией, а силы Г.Ф. Бичерахова во главе с И.Н. Колесниковым (до 2 тыс. бойцов) направились в Дагестан на соединение с отрядом Л.Ф. Бичерахова, не подозревая, что его уже там нет. Вот что по этому поводу говорил сам генерал Колесников на заседании Терского войскового круга 25 февраля 1919 года: «…22-го ноября [1918 года] отдал приказ № 1. Свел людей в 2 конных полка, 2 пеших батальона и батарею. Дисциплина и полное подчинение мне и начальству. Приказ [был] покрыт долгим несмолкаемым “ура”… 24-го ноября [1918 года] отряд вынужден был перейти на правый берег Терека и, по сношении с правительством Союза Горцев в Темир-Хан-Шуре, расположиться в сл. Чир-Юрт и окрестных селениях…» [14, д. 38, л. 83–86]. В Дагестане Г.Ф. Бичерахов заключил соглашение с Горским правительством о совместной борьбе против большевиков и о фактическом вхождении Терской области в Горскую республику, не имея на это обоснованных полномочий [12, д. 31, л. 5–5об; 14, д. 38, л. 78–79; 17, с. 33–34]. Этот документ интересен еще и тем, что проливает свет на реальную подоплеку отношений Горского правительства и британцев. В частности, в 4 пункте договора подразумевалось на все время операций против большевиков командование вооруженными силами доверить «представителям держав согласия», то есть в данном случае – британцам. Фактически вставал вопрос о политическом подчинении Терека и Дагестана англичанам. Они с помощью договора, который, видимо, был написан под их диктовку, сделали еще один шаг к достижению своей цели – захвату грозненских нефтепромыслов. Здесь уже напрямую сталкивались интересы белогвардейцев и британцев, и разрешение всех возникших противоречий в течение ближайших месяцев должно было решить судьбу региона.

Подводя итоги восстания, следует сказать, что оно было наиболее продолжительным на начальном этапе Гражданской войны (с июня по ноябрь 1918 года), это отражало сильные антибольшевистские настроения в регионе. Влияние восстания не стоит преуменьшать: оно сковывало значительные силы красных на Северном Кавказе тогда, когда шли решающие бои за регион на Кубани и Ставрополье. Добровольческая армия генерала А.И. Деникина была бы в более критическом положении, если бы терское казачество в союзе с частью осетин и кабардинцев не восстало против политики Северо-Кавказской Советской республики. Успешно развиваясь на первоначальном этапе, восстание постепенно зашло в тупик в силу внутренних противоречий. Эсеро-меньшевистская тенденция, которую олицетворял Г. Бичерахов, столкнулась с проденикинской, достигнуть компромисса не удалось. Поражение антисоветских сил в этих условиях было всего лишь вопросом времени. Насколько противоречия были непреодолимы, показывает тот факт, что часть участников восстания, после его поражения, ушла на запад, на соединение с Добровольческой армией, а часть – на восток, на соединение с Кавказской армией генерала Л. Бичерахова. Только позднее, после ухода с командного поста Л. Бичерахова и перехода его частей под командование генерала Пржевальского, то есть фактически тогда уже Главнокомандующего ВСЮР генерала А.И. Деникина, конфликт сам собой был исчерпан. Победа проденикинской, правокадетской тенденции отразила слабость и бесперспективность правосоциалистического вектора антибольшевистского движения в России в целом и на Северном Кавказе в частности.

Библиографический список

1. *Гагкуев Р.Г.* Белое движение на юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. 1917–1920 гг. – М., 2012. – 704 с.

2. *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). – М., 2009. – 636 с.

3. *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (лето 1918 – весна 1920) // Русский сборник. – 2010. – № 8. – С. 158–259.

4. *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924 гг.). – СПб., 2009. – 224 с.

5. *Киреев Ф.* Владикавказская операция // Белая гвардия. – 2005. – № 8. – С. 107–114.

6. *Бурда Э.* Терское казачество в период революций и гражданской войны 1917–1921 гг. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.apn.ru/publications/article23240.htm (ч. I); http://www.apn.ru/publications/article23275.htm (ч. II); http://www.apn.ru/publications/article23335.htm (ч. III); http://www.apn.ru/publications/article23367.htm (ч. IV); Он же. Бичераховское восстание. К 94-й годовщине кровавых событий в Терской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.apn.ru/publications/article26773.htm (ч. 1); http://www.apn.ru/publications/article26791.htm (ч. 2).

7. *Жанситов О.А.* Антибольшевистское движение и деникинский режим в Кабарде и Балкарии. 1917–1920 годы. – Нальчик, 2009. – 151 с.

8. *Джамбулатов Р.* Гражданская война в Терской области в 1918 – начале 1919 г. // Вопросы истории. – 2008. – № 12. – С. 78–90.

9. *Шкуро А.Г.* Записки белого партизана // Белое дело: избр. произведения: в 16 кн. Кн. 7. – М.: Голос, 1996. – С. 75–247.

10. Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 39779 (Партизанский отряд генерала Бичерахова. 1918–1919). Оп. 2.

11. Директивы командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.) Сб. док.: В 4 т. Т. 1. Ноябрь 1917 – март 1919 г. – М.: Воениздат, 1971. – 788 с.

12. Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-446 (Политическая канцелярия Особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами на юге России). Оп. 2.

13. Институт Гуманитарных Исследований Российской Академии Наук Кабардино-Балкарской Республики (ИГИ РАН КБР). Ф. 2 (Архив документов периода Гражданской войны). Оп. 1.

14. ГА РФ Ф. Р-5351 (Войсковое правительство Терского казачьего войска). Оп. 1.

15. *Арсеньев А.* Воспоминания о службе в Кабардинском конном полку // Возрожденные полки Русской армии в Белой борьбе на Юге России. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. – С. 303–317.

16. *Крутоголов Ф.Ф.* На Кубани и Тереке. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1967. – С.160.

17. *Цветков В.Ж.* «…Добровольческая армия идет на Ингушетию не с миром, а с войной» // Военно-исторический журнал. – 1999. – № 1. – С. 31–40.

УДК 94(47).081; 908(470)

Наградов Илья Сергеевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
nastavnik_kim@rambler.ru

СТАРООБРЯДЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В 1860-Е ГОДЫ (на материалах Ярославской и Костромской губерний)

В статье исследуются взаимоотношения старообрядцев, русской православной церкви и органов гражданской власти в 1860-е гг.

Ключевые слова: *старообрядчество, Великие реформы, религиозная политика.*

Вторая половина 1850-х гг. была отмечена бурными дебатами среди представителей высшей бюрократии и духовенства по вопросу об изменении правового положения староверов [22, с. 103–106]. Великому князю Константину Николаевичу и группе либеральных бюрократов не удалось добиться существенных перемен в законодательстве. Однако общая либерализация общественных отношений, прекращение мощного административного давления на сторонников старой веры с началом нового десятилетия позволили последним почувствовать себя более уверенно.

В первой половине 1860-х гг. правительство вплотную занималось проведением крестьянкой реформы, и попытки реформировать законодательство о «расколе» были отложены. С изменением ситуации в стране вопрос о правах старообрядцев вставал всё острее. По этой причине появилось несколько проектов разрешения старообрядческого вопроса. Путёвку в жизнь получил проект министра внутренних дел П.А. Валуева. Его обсуждение и утверждение проходило в рамках Особого комитета для рассмотрения предложений о раскольниках под председательством управляющего II отделением Собственной е. и. в. канцелярии В.Н. Панина. Комитет работал с 14 марта по 19 мая 1864 г. [1, с. 168, 172]. Была пересмотрена классификация старообрядческих толков. Сторонники старых обрядов были поделены на приверженцев менее вредных и более вредных толков. Значительная часть беспоповцев попала в число последователей «более вредных» толков и не могла рассчитывать на широкие права. Члены «менее вредных» толков в тех местностях, где преобладали староверы, получили право занимать должности сельских старост, волостных старшин, сборщиков податей. При этом они не могли занимать должность городского головы. Старообрядцы имели право совершать

© Наградов И.С., 2012

молитвы без «публичного оказательства раскола». Распечатывание моленных и их ремонт мог быть осуществлен с разрешения начальника губернии или МВД. При этом должны были отсутствовать внешние атрибуты храма. [19, с. 26–29]. При этом сохранялся негласный надзор за старообрядцами. [3, л. 1 – 1 об.]. Другого положения дел вряд ли стоило ожидать в рассматриваемый период. Старообрядцы продолжали вызывать подозрения у гражданской власти. И хотя с середины 1860-х гг. структуры МВД на местах перешли к контролю над участниками польского восстания, высланными в центральные губернии, и число дел о старообрядцах существенно снизилось, староверы оставались в поле зрения всевидящего ока министерства. Уже в 1865 г. МВД разослало губернаторам приказ о доставлении в министерство сведений о старообрядцах. Причём «для некоторых соображений» требовалась карта с нанесёнными на неё населёнными пунктами, где проживают записные (официально признанные и зарегистрированные) и незаписные (официально числящиеся православными) старообрядцы [4, л. 3]. В 1868 г. губернаторам было предложено узнать, усиливается ли старообрядчество или ослабевает, причины этих процессов, а также имена старообрядческих лидеров [18, л. 1].

С другой стороны, П.И. Мельников в своей работе «Счисление раскольников», написанной во второй половине 1860-х гг., отмечал современные общественные тенденции: «В последние годы, когда система правительственных действий относительно раскольников значительно изменилась, и они уже не преследуются за свои заблуждения, когда затем крепостная зависимость крестьян от помещиков прекратилась, незаписные раскольники стали открыто заявлять принадлежность свою к расколу, которому, впрочем, следовали со дня своего рождения. Число раскольников, собственно говоря, не увеличивается, оно остаётся то же, но раскол начинает выходить наружу …» [21, с. 394–395].

Рассмотрим различные проявления этого процесса на местах. Во-первых, в 1860-е гг. возложенная на них ответственность ***по надзору за «расколом»*** стала особенно тяготить полицейских. В 1869 г. полиция потребовала от духовенства Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии доставить сведения о старообрядчестве в уезде. Однако два священника из сел Раменье и Давыдово отказались это делать. В результате разбирательства гражданская власть признала, что согласно указу Синода от 20 января 1866 г. духовенство обязано предоставлять сведения только своему высшему начальству и губернской статистической комиссии [18, л. 2]. Полицейские чины просили ярославское губернское правление разъяснить им, как собирать сведения [17, л. 2]. Это говорит о том, что систематический сбор информации полицией в уезде не производился.

Напротив, старообрядцы часто стремились ***занять общественную должность***, что давало возможность помогать развитию своего толка. В селе Чёрной Варнавинского уезда Костромской губернии, по словам местного священника, начальство с волостного старшины до рассыльного являлись старообрядцами. Это позволяло им укрывать беглых (вероятно – старообрядческих священников) [2, л. 12 об. – 13].

В конце 1850 – начале 1860-х гг. уже не вёлся столь тщательный ***поиск старообрядческих храмов***, как в годы правления Николая I. О существовании молитвенных домов сообщали священнослужители. Отношение же гражданской власти на местах было различным: от высылки организаторов до индифферентного отношения и разрешения официальной работы. Многое зависело от того, насколько лояльно относился к староверам местный исправник и его подчиненные, так как губернатор часто полагался на их мнение. Но по причине наличия моленных, функционировавших без разрешения, говорить о значительном влиянии на развитие старообрядчества пункта постановления 1864 г., разрешающего открывать моленные, также не приходится. Старообрядцы одновременно обращались с прошениями об открытии моленных и в то же время открывали их без разрешения, по словам священника Д. Ювенского, «пользуясь слабым надзором за ними гражданского начальства» [6, л. 78 об.].

В известном центре поповцев белокриницкого согласия Ярославской губернии села Елохино моленная находилась в доме казенной крестьянки Авдотьи Андреевой Затеевой и была запечатана вначале 1850-х гг. В 1862 г. крестьяне обратились к губернатору с просьбой открыть моленную. Учиненное губернатором расследование показало, что моленная была запечатана, так как староверы не смогли представить доказательств, что она построена до запрещения на строительство старообрядческих культовых зданий, состоявшегося в 1826 г. Летом 1863 г. на место был отправлен чиновник особых поручений при губернаторе, секретарь Тихомиров. Еще несколько лет назад подобный приезд не сулил бы крестьянам ничего хорошего. Однако Тихомиров провел опрос старожилов соседних деревень, не принадлежавших к белокриницкому согласию, и установил, что моленная действительно была сооружена ранее 1826 г. Вскоре, в ноябре 1863 г., она была распечатана. Ободренные победой, староверы в 1864 г. подали ещё одно прошение, теперь уже о ремонте моленной, выстроенной якобы с разрешения царя Алексея Михайловича. На основании мнения местного исправника в этой просьбе им было отказано [11, л. 1–30]. Активность староверов была налицо, и даниловский уездный исправник честно писал о ситуации в уезде и в селе Елохино в частности: «…Молельни

поправляются, местное сельское начальство потворствует, все скрыто, приказаний не слушают, так что полиция, при тех средствах, которые имеются, иногда затрудняется, как поступить в исполнении требований». Обеспокоенные невиданными ранее успехами «раскольников», духовные власти стали предпринимать ответные действия. По настоянию архиепископа Ярославского и Ростовского, а также по просьбе даниловского уездного исправника, губернатор И.С. Унковский 26 июля 1865 года отдал распоряжение о закрытии молельни и о передаче книг в Ярославскую духовную консисторию. В 1869 году Авдотья Андреевна вновь обращалась к губернатору с прошением об открытии молельни, согласно указу Московской судебной палаты 1869 г., но в просьбе ей было отказано [20, с. 150].

Изменилось отношение к ***старообрядческим молениям***. Зачастую на поступавшие в их адрес заявления со стороны духовенства местные полицейские органы рапортовали начальству о фактическом наличии «раскольников», но категорически отвергали наличие каких-либо преступлений со стороны последних [8, л. 1, 4; 13, л. 1, 4]. Случаи обыска заканчивались благополучно даже для старообрядцев-странников: отобранные 1863 г. во время «собрания раскольников» в доме крестьянина деревни Шашково Матвея Самсонова (Семёнова) богослужебные книги после рассмотрения в полиции (а не в консистории, куда было положено отправлять изъятые книги) были возвращены старообрядцам. В отношении же правомерности действий станового пристава Разумова по жалобе крестьян было проведено дознание [7, л. 1–3]. Что касается вопроса, распространяет ли указанный крестьянин «раскол», то «ясных доказательств на это нет» [12, л. 1, 2, 6, 10].

Ситуация с ***погребениями старообрядцев*** в первой половине 1860-х годов обострилась. Центральная власть старалась решить вопрос, пересмотрев отдельные постановления предыдущего царствования. В мае 1865 г. МВД обратилось к ярославскому губернатору с предложением отменить в губернии действие императорских указов от 3 ноября 1838 г. и 28 ноября 1839 г. об обязательном освидетельствовании тел умерших «раскольников» местной полицией на предмет насильственной смерти, по результатам которого выдавалось разрешение на погребение. Уездные исправники, мнение которых было затребовано, поддержали отмену данных законов, но этот факт вызвал активное обсуждение на местах.

Наибольшую активность проявил старшина Бухоловского волостного правления Аверьянов. В его волости родственники умерших старообрядцев требовали освидетельствования покойников в волостном правлении и погребения их по своим обрядам без обращения к приходскому духовенству. Для этого волостному правлению нужно было иметь списки «раскольников», которые местные священники предоставлять отказывались. А это было очень важно, так как погребать таким образом можно было только «записных раскольников», то есть официально признанных таковыми (не более 10% от общей численности старообрядцев). Списки можно было получить и в полицейском ведомстве, но и они не соответствовали показаниям крестьян. Церковные же ведомости были не верны, так как священники, вопреки желанию крестьян, «отмечают собственно для своей пользы и сами хоронят как раскольников, но только с тем, что они вынужденно получают с крестьян большие вознаграждения и тем возбуждают ропот между крестьянами». Это подтверждали и сами крестьяне – жители деревни Заручье Угличского уезда. В 1862 г. они обращались к губернатору со следующим заявлением: «священноцерковнослужители за выдачу свидетельства и дозволение предать тело земле (по старым обрядам. – *И.Н.)* требуют денег до 30 руб[*лей*] серебром <…> и тем приводят в разорительное положение. Если же со стороны крестьян желание священноцерковнослужителей не будет исполнено, то они заводят разные несправедливые следствия и тем самым приводят в затруднительное положение местное начальство» [10, л. 1, 2, 3 об.]. Следовательно, в условиях сохранения старого ограничительного законодательства, желание старшины искоренить злоупотребления и «ввести совершенную правду по части раскольников» было неисполнимым, а предложение руководствоваться при погребении по старым или новым обрядам не списками «раскольников», а показаниями крестьян чересчур либеральным.

Двойной надзор за погребениями привел к борьбе между волостными правлениями, где было сильно влияние старообрядцев и духовной власти [5, л. 33, 33 об.]. Стороны жаловались друг на друга губернатору, одновременно отрицая свою вину. Губернатор старался занять промежуточную позицию. 17 января 1864 г. он разрешил Ермаковскому волостному правлению Даниловского уезда хоронить «раскольников» по желанию родственников на особо отведенных кладбищах. Но в уже в 1866 г., при рассмотрении жалобы архиепископа на действия старшин, губернатор приказал отводить для погребения староверов особые места на общих кладбищах, а выдавать разрешения для погребения на неофициальных староверческих погостах запретил [15, л. 1–5]. Подобное «соломоново» решение было принято и в конфликте вокруг старообрядческого федосеевского кладбища в деревне Андрюково Любимского уезда [14, л. 5, 5 об., 38 – 40 об., 46 – 47 об., 54–57].

Следовательно, о проблеме было известно всем уровням власти, однако долгое время она не решалась. Однажды угличский исправник передал прошение крестьян деревни Заручье по вопросу о клад-

бище в Ярославское губернское правление, за что получил отповедь от вице-губернатора Коханова: «чтобы он (исправник. – *И.Н.*) впредь не осмеливался утруждать начальство подобными просьбами под опасением за противное ответственности по закону». [10, л. 1, 2, 3 об.].

Отказывая старообрядцам в помощи, губернская гражданская власть в этот период не спешила и полностью вставать на сторону церкви. Не зря духовенство часто упрекало её в бездействии. В октябре 1865 г. ярославский архиепископ жаловался на старообрядцев села Никольское-на-Колокше Романово-Борисоглебского уезда, провожавших похоронные процессии на кладбище через шесть православных селений и этим смущавших прихожан местной церкви. Придя на кладбище, крестьянки отпели умерших староверов по своим обрядам. По мнению исправника, на присутствующих там православных это не произвело никакого впечатления. Опираясь на это мнение, губернатор рекомендовал епископу обратиться во вновь созданные судебные органы и не использовать административные возможности гражданской власти. [16, л. 1–13 об.].

Однако конфликтовать с духовенством губернская власть тоже не спешила. Это проявилось в делах ***о конфискованных старообрядческих вещах.*** Они по факту находились в руках духовной власти, и забрать их из ризниц было просто физически не возможно. Губернаторы это прекрасно понимали и не вмешивались в конфликт. Так, в 1860 г. на прошение старообрядцев села Вятское Даниловского уезда Ярославской губернии о возвращении 4 книг и 5 икон губернатор ответил, что они возвращены быть не могут в соответствии с мнением консистории [9, л. 1, 10, 32–32 об.].

В первой половине 1860-х гг. административный надзор за старообрядцами со стороны центральных органов власти заметно ослабел, хоть и не прекратился совсем. Это привело к тому, что староверы на волне общественного подъема начали укреплять свои позиции, используя как официальные пути (прошения, выдача разрешений на погребение), так и неофициальные (самовольные постройки, погребения и т.д.). В этом им помогали безразличие к религиозной стороне дела местных органов полиции, компромиссный характер политики губернских властей и участие в органах местного сельского самоуправления самих старообрядцев. Решительным противником староверия оставалась синодальная церковь. Большинство дел, возбужденных в отношении староверов, инициировалось именно священнослужителями. В первой половине 1860-х гг. борьба происходила ещё с использованием устаревшего законодательства, не соответствовавшего новым общественным условиям, что объясняет её остроту и нерешительность губернской власти, балансировавшей между требованиями законодательства и реалиями новых общественных отношений.

Библиографический список

1. *Алексеева С.И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственный учреждений пореформенной России. – СПб., 2003.

2. Государственный архив Костромской области. Ф. 131. Оп. 1. Д. 148. (Далее – ГАКО).

3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1518.

4. Государственный архив Ярославской области. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2798. (Далее – ГАЯО).

5. ГАКО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 1249.

6. ГАКО. Ф. 134. Оп. 4. Д. 854.

7. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 2712.

8. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2717.

9. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2144.

10. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2584.

11. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2585.

12. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2586.

13. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2746.

14. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2754.

15. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2755.

16. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2806.

17. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2852.

18. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 2956.

19. *Ершова О.П.* Роль министерства внутренних дел в формировании государственной политики в отношении старообрядчества в 60-е гг. XIX века // Старообрядчество. История. Культура. Современность. – М., 1996.

20. *Мальцева Н.Ю.* Старообрядцы села Вятское и его окрестностей // Старообрядцы Верхневолжья. – Кострома, 2005.

21. *Мельников П.И.* Счисление раскольников // Мельников П.И. Полн. собр. соч. – Т. 14. - СПб., 1898.

22. *Наградов И.С.* Борьба либералов за права старообрядцев в конце 1850-х годов // Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры: сб. докладов и материалов конференции. – М., 2008.

УДК 94.(47)

Шанцева Елена Николаевна
Брянский государственный технический университет
mjordon@yandex.ru

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА БРЯНЩИНЕ

В статье описывается начальный этап партизанской борьбы, который начинается в процессе оккупации региона в августе – октябре 1941 г. и ограничивается завершением битвы под Москвой, изменившей ситуацию на его территории. Рассматриваются процесс формирования партизанских отрядов, решения об организации истребительных батальонов во всех районах и городах области для борьбы с вражескими диверсантами.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, партизан, партизанский отряд, подполье, диверсии, сопротивление.*

22 июня 1941 г. германские и союзные им войска без объявления войны напали на СССР. Началась Великая Отечественная война. 29 июня Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) требует «в захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия» [7, ф. 17, оп. 59, д. 401, л. 8–11]. В ней звучит призыв формировать партизанские отряды и диверсионные группы для подрыва мостов, порчи дорог и линий связи.

3 июля 1941 г. И.В. Сталин выступил по радио с речью, призывая «немедленно перестроить всю работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага. Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу» [6]. 18 июля 1941 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск», направленное во все прифронтовые зоны. В нем были определены задачи по созданию на захваченных территориях сети подпольных и партизанских организаций для борьбы с оккупантами [7, ф. 17, оп. 59, д. 401, л. 18–21].

В эти недели германские войска и их союзники подошли к Брянскому региону, который лежал на пути их стратегического наступления на Москву. Во второй половине августа 1941 г. на территории западных районов Орловской области, куда тогда входила большая часть Брянщины, развернулись ожесточенные бои. 17 августа 2-я танковая группа генерала Г. Гудериана, усиленная пехотными дивизиями 2-ой полевой армии из района Кричева, повела наступление на Унечу, Стародуб, Новгород-Северский: 17 августа захвачена Унеча, 18 августа – Стародуб, 21 августа – Почеп. 30 сентября германская армия начала операцию «Тайфун». 1 октября 24-й танковый корпус противника занял Севск. 2 октября наступление продолжалось. Брянский фронт был прорван. 4-я немецкая танковая дивизия заняла Кромы, достигнув тем самым шоссейной дороги, идущей на Орел, и 3 октября взяла его. 4 октября «3-я и 18-я немецкие бронетанковые дивизии направлялись на Карачев». Другие части германской армии «дошли да железной дороги Сухиничи – Ельня». «В тылу группы армий, – отмечал Г. Гудериан, – впервые стала обращать на себя внимание деятельность партизан» [2]. Согласно отчету «О боевой деятельности Бытошского партизанского отряда», в ночь с 3 на 4 октября 1941 г. отрядом была взорвана плотина озера, и в результате наводнения были снесены «все мосты, что задержало продвижение противника в сторону г. Дятьково на два дня» [5]. 7 октября был захвачен Брянск. Части Брянского фронта, находившиеся к югу (3-я и 13-я армии) и к северу (50-я армия) от города, оказались окружены. 10 октября от немецкого командования группы армий были получены новые указания: овладеть Курском; очистить «котел» в районе Трубчевска; завершить окружение «котла», образовавшегося северо-восточнее Брянска; нанести удар по Туле. 17 октября разгромленная 50-я армия отступила. В плен попало, по данным Г. Гудериана, более 50 тыс. солдат и офицеров РККА. 20 октября завершилось окружение части войск 3-й и 13-й армий в районе Трубчевска. Из окружения удалось выйти не более 20% личного состава [2; 3].

Эти события положили начало партизанской борьбе на территории Брянского региона. В 1941 г. Орловская область (куда входила современная Брянская область) имела 66 районов и 5 крупных городских центров: Орел, Брянск, Клинцы, Орджоникидзеград (ныне Бежицкий район г. Брянска) и Елец. Одной из особенностей региона было то, что в нем располагался огромный лесной массив – по левому берегу реки Десны и ее притокам. В зависимости от местоположения района леса имели разные названия: Дятьковские, Клетнянские, Трубчевские, Суражские, Суземские и т.д. Сегодня это названия районов Брянской области. Болотистые непроходимые для техники леса стали естественной природной средой для организации и развертывания партизанского движения.

Партизанские формирования, действовавшие в Брянских лесах, составляли три основные группировки: Южную, Западную и Северную [1, д. 95, л. 2].

© Шанцева Е.Н., 2012

Южная группировка включала в себя отряды, сформированные в Брянске, Брянском, Навлинском, Севском, Суземском, Трубчевском, Брасовском, Комаричском, Погарском районах. Базировались они южнее Брянска, Карачева, северо-западнее Севска, севернее Новгород-Северского, Почепа и действовали по железным дорогам Брянск – Конотоп, Брянск – Льгов, Брянск – Гомель.

Западную группировку составили отряды, действовавшие в Клетнянских лесах и сформированные в Клетнянском, Клинцовском, Унечском, Мглинском, Жирятинском, Новозыбковском, Климовском и Злынковском районах (Новозыбковский, Климовский и Злынковский отряды в начале 1942 г. вошли в подчинение командира партизанского соединения А.Ф. Федорова и затем были выведены им на территорию Украины). Находилась западная группировка на железных дорогах Брянск – Смоленск, Унеча – Орша, Клетня – Жуковка, Новозыбков – Гомель, Новозыбков – Н.-Северский.

В третью, Северную, группировку входили отряды, организованные в Бежице и северо-западных районах Орловской области: Дятьковском, Жуковском, Дубровском, Рогнединском. Они действовали на железных дорогах Брянск – Вязьма, Брянск – Смоленск [1, д. 95, л. 2–5].

Поскольку по территории Брянщины проходила разграничительная линия между войсками Брянского и Западного фронтов, Южная группировка была подчинена Брянскому штабу партизанского движения при Военном Совете Брянского фронта, а Западная и Северная – Западному штабу партизанского движения. Руководство партизанской борьбой на территории Брянщины осуществлял Орловский обком ВКП(б).

Подготовка баз к диверсионной борьбе на будущих возможных основных коммуникациях противника началась до оккупации. Основная тактика будущих диверсионных групп определялась так: внезапные нападения, засады, разрушение проводной связи, то есть создание помех для дальнейшего наступления врага. 26 июня 1941 г. Орловским обкомом ВКП(б) и областным исполнительным комитетом (облисполкомом) было принято решение об организации истребительных батальонов во всех районах и городах области для борьбы с вражескими диверсантами. Для проведения работы по организации истребительных батальонов Управление НКВД образовало штаб истребительных батальонов при УНКВД: начальником штаба был назначен майор Масанов, командирами батальонов – сотрудники НКВД, комиссарами – партийные работники. В задачи истребительных батальонов входили: борьба с вражескими парашютистами и десантниками; обучение и подготовка бойцов и командиров к боевым действиям, на случай оставления их в тылу противника [8, ф. 1650, оп. 1, д. 64, л. 1–2]. Уже в середине июля 1941 г., по данным АУФСББО, было сформировано 75 истребительных батальонов общей численностью до 10 тыс. человек [1, д. 95, л. 1]. В Брянске истребительный батальон насчитывал 260 человек [4].

Одновременно обком ВКП(б) обязал райкомы ВКП(б) совместно с НКВД приступить к формированию партизанских отрядов, организации для них баз с оружием и продовольствием, используя для этой цели труднодоступные лесные массивы, как районы будущей дислокации диверсионных групп и партизанских отрядов.

С целью подготовки кадров подрывников, диверсантов, подпольщиков для работы в тылу врага по решению бюро обкома ВКП(б) 10 августа в Орле была организована межобластная диверсионная школа, в которой обучалось 2359 человек. По сведениям бывшего заместителя начальника Брянского штаба партизанского движения, командира объединенных бригад Юга Брянских лесов А.П. Горшкова, 22 августа школа произвела свой первый выпуск: 135 диверсантов и 50 инструкторов диверсионного дела. Большая часть из них стала боевым костяком диверсионных групп в партизанских отрядах [8, ф. 451, оп. 1, д. 166].

Первоначально основу отрядов в регионе, таким образом, составили сотрудники государственной безопасности и привлеченные ими люди, а истребительные батальоны впоследствии во многих случаях стали костяком партизанских отрядов. НКВД явился центральным звеном, ядром в организации партизанского движения, органом, который взаимодействовал с партийными и армейскими структурами.

В юго-западных районах Орловской области 1 сентября 1941 г. была создана оперативная группа 4-го отдела регионального управления НКВД. Ее возглавил младший лейтенант госбезопасности Д.В. Емлютин. В результате деятельности этой группы были созданы крупные партизанские отряды общим количеством в 9 тыс. партизан. Под руководством Д.В. Емлютина были намечены районы базирования партизанских отрядов, заложены базы с вооружением и продовольствием. Д.В. Емлютин также отвечал за подготовку агентуры. Около 300 партизан этих отрядов были обучены в брянской и орловской спецшколах, обеспечены спецтехникой [7, ф. 69, оп. 1, д. 746, л. 2–4].

В соответствии с директивой обкома ВКП(б) создавались подпольные райкомы ВКП(б). Руководство партизанскими отрядами и боевыми группами, как правило, возглавляли секретари или члены бюро райкома или работники НКВД. Например, в начале июля 1941 г. одним из первых на Брянщине был сформирован Дубровский истребительный батальон, насчитывавший более 180 человек. Его возглавил начальник районного отделения НКВД Юркин. В начале августа 1941 г. он был преобразован в Дубровский партизанский отряд.

Брянский подпольный горком ВКП(б) и партизанский отряд возглавил первый секретарь горкома Д.Е. Кравцов. По некоторым данным, отряд одним из первых имел радиосвязь с «большой землей».

В первый организационный период опорные группы и партизанские отряды проводили вооружение своих членов, тормозили выполнение поставок немецкому командованию, разрушали насаждаемую немцами фашистскую власть через своих представителей, изменивших родине, – старост и полицейских» [8, ф. 1650, оп. 1, д. 214, л. 23].

К формированию городского подполья приступили также в августе 1941 г., когда немецкие войска приблизились к территории Брянщины. Было организовано около 30 подпольных групп. Они собирали сведения о враге, организовывали диверсии, распространяли листовки, проводили беседы с местным населением, что было не менее важным, учитывая недостаток информации.

В Брянске связь с партизанами осуществляла В. Сафронова, добровольно оставшаяся в городе для подпольной работы. В Сещинском подполье действовала интернациональная группа, которую возглавили К. Поваров и А. Морозова. Успешно действовали подпольщики в Навле, которыми руководила Л. Карпова, в Унече – во главе с Д. Минаковым.

События разворачивались стремительно. В конце августа первые партизанские отряды западных районов региона по мере отхода с боями частей Красной армии приступили к действиям.

К примеру, 28–29 августа 1941 г. Клетнянский партизанский отряд под командованием Глебова уничтожил 3 бронемашины противника [5].

28 августа 1941 г. Новозыбковским партизанским отрядом в селе Бобовичи уничтожено 3 моста на большаке Новозыбков – Красная заря. В этот же день группа партизан в количестве 25 человек «под командованием комиссара отряда тов. Савина осуществила налет на немецкую разведку, которую полностью уничтожила, в том числе, одного офицера»[5, с. 73].

На 12 сентября 1941 г. в Понуровском районе Унечский партизанский отряд им. Щорса уничтожил «7 человек предателей и немецкого ставленника старосту» [1, д. 22, л. 2].

Еще одним источником партизанского сопротивления в регионе стали «окруженцы» [1, д. 95, л. 1]. При выходе из окружения разбитых частей, прежде всего Брянского фронта, в лесах остались отдельные разрозненные их группы, которые частично сдавались врагу, другие создавали свои боевые группы или вливались в уже созданные партизанские отряды.

Так, оказавшись в окружении, части 13-й армии Брянского фронта двигались на восток, но значительная часть войск через линию фронта не прорвалась. Оказавшись в тылу врага, военнослужащие продолжали борьбу, вступив в партизанские отряды. 26 января 1942 г. в селе Поды Хомутовского района Курской области был создан партизанский отряд № 1 им. К.Е. Ворошилова [1, д. 95, л. 1]. В октябре в Навлинском районе организовался и начал действовать партизанский отряд военнослужащих под командованием лейтенанта 155-й стрелковой дивизии 13-й армии Ф.Е. Стрельца и политрука 133-го кавалерийского полка В.Г. Бойко.

Реакция германского командования полевой кадровой армией на действия партизан была вначале весьма сдержанной. Они торопились решить стратегические задачи по захвату Москвы и таким образом победоносно завершить войну в соответствии с гитлеровским планом. Первоначально командование тыловым районом 2-й танковой и 2-й пехотной армии не проводило широкомасштабных мероприятий против партизан. В 1941 г. партизаны еще не беспокоили немецкий тыл так, как это будет в 1942–1943 гг. В первые недели оккупации Брянщины вопрос борьбы с партизанами решался с помощью воинских частей действующей армии.

Уже на этом этапе тактика партизан начала меняться. Вместо «мелких уколов» стали совершаться более крупные диверсии на железных дорогах противника. 20 сентября 1941 г. около разъезда Корабынич группа партизан в 16 человек под командованием Матюхина и при содействии группы железнодорожников во главе с Арефьевым (житель г. Унеча, партизан) минировала полотно железной дороги, в результате чего пущен под откос бронепоезд (4 бронеплощадки и 1 бронепаровоз) [5]. Это были первые попытки серьезного использования партизан в целях разрушения инфраструктуры противника для фронтовых целей во время сражения за Москву.

Библиографический список

1. АУФСББО (Архивное управление Федеральной службы безопасности по Брянской области). Открытый фонд. Д. 22, 95, 208.

2. *Гудериан Г.* Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне, 1939–1949 / пер. с англ. Д.А. Лихачева. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 226–227.

3. *Гавренков А.А.* Роль Брянского фронта в битве под Москвой (30 сентября 1941 г. – март 1942 г.) // Брянщина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Люди. События. Факты. Материалы круглого стола, посвященного 65-летию освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков / под общ. ред. проф. В.В. Изонова, доц. Ю.Н. Лунева. – Брянск, 2011. – С. 30–36.

4. История партийной организации Брянщины. – Тула: Приокское книжное изд-во, 1972. – С. 86.

5. Партизаны Брянщины: сб. документов и материалов / сост. З.А. Петрова, А.И. Ткаченко,

И.И. Фишман – Тула: Приокское книжное издательство, 1970. – С. 233.

6. Правда. – 1941. – 3 июля.

7. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 59. Д. 401; Ф. 69. Оп. 1. Д. 746.

8. ЦНИБО (Центр Новейшей истории Брянской области). Ф. 1650. Оп. 1. Д. 64, Д. 214; Ф. 451. Оп. 1. Д. 166. (Из воспоминаний бывшего заместителя начальника Брянского штаба партизанского движения А.П. Горшкова «О периоде Великой Отечественной войны на Брянщине».)

УДК 947

Редков Сергей Константинович
кандидат педагогических наук
Ивановский филиал ВЮИ ФСИН России

РЕФОРМЫ XIX ВЕКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье дан анализ проводимых российским государством общественно-политических реформ конца XIX – начала XX века. В основу анализа положена судебная реформа как основополагающая всего реформирования правовой системы.

Ключевые слова: *судебная реформа, правовая культура общества, правотворчество и правосознание, правовая политика, массовая культура.*

Во второй половине XIX века в России возникает необходимость проведения реформ. Важным этапом в правовом регулировании стала реформа 19 февраля 1861 г., закрепившая систему, в которой сельская община явилась и органом хозяйствования, и органом управления.

Земская и городская реформы Александра II были направлены на децентрализацию управления и развитие начал местного самоуправления в России. Правовое регулирование земского самоуправления осуществлялось Положением о губернских и уездных земских учреждениях. Особенностью реформы стало не только введение земств на уездном и губернском уровне, но и четкая правовая регламентация их деятельности.

Наиболее прогрессивным стало Городовое положение 1870 г., по которому распорядительные функции предоставлялись городской думе, а исполнительным органом стала управа. На губернатора возлагался надзор за деятельностью органов городского самоуправления. Судебную защиту им обеспечивали губернские по городским делам присутствия.

Целью Земской (1864) и Городской (1870) реформ была децентрализация управления и развитие местного самоуправления в России. В их основе лежала выборность власти: все органы местного самоуправления избирались и контролировались избирателями.

Новым витком в развитии земского самоуправления явилось принятие Положения о губерниях и уездных земских учреждениях 1890 г., которое значительно ограничило их права и усилило зависимость учреждений земского самоуправления от органов государственной власти. Для надзора за деятельностью земских учреждений были созданы специальные губернские по городским и сельским делам присутствия. Земство из всесословного превратилось в сословное: дворяне получили абсолютное большинство. Положение ужесточало контроль бюрократии над земскими учреждениями и фактически отрицало всякую связь с идеей местного самоуправления.

Городовое положение 1892 г. урезало избирательное право для горожан, уменьшив число избирателей в 6–8 раз, управа была поставлена в более независимое от думы положение, права городского головы были значительно расширены за счет прав гласных, дума была лишена права отдачи под суд членов управы. Вместе с тем выборные должностные лица городского управления приравнивались к правительственным чиновникам, что ставило их в дисциплинарную зависимость от администрации.

Реформы 1890–1892 гг. отбросили устройство местной власти в России далеко назад.

XX век принес понимание того, что демократическое, правовое государство, гражданское общество может решать свои основные задачи только при наличии развитой системы самоуправления как местного, так и общественного. Жители населенных пунктов должны иметь возможность самостоятельно, под свою ответственность решать вопросы организации своей жизни, используя формы как прямой демократии, так и через избранные ими органы самоуправления. Причем объем полномочий этих органов должен определяться возможностями их реализации и ничем иным. Только при таком подходе возможно оптимальное сочетание интересов государства в целом и его граждан. Только такой подход обеспечивает в максимальном объеме права, свободы и интересы граждан.

Иными словами, самая значимая для развития государства реформа – реформа местного самоуправления к началу XX века потерпела крах. Примерно также сложилась судьба и многих других социально значимых реформ, таких, как реформа здравоохранения, образования, военная, судебная реформа и т.д.

© Редков С.К., 2012

Рассмотрим судьбу судебной реформы 1864 года.

Естественно, что правовая политика непосредственно формирует правосознание государства. Именно она формирует правоотношения между субъектами общественного взаимодействия. Характер этого взаимодействия зависит от состояния правовой культуры общества и личности.

На формирование новой правой политики и была нацелена судебная реформа. Она вводила в стране новое судоустройство и судопроизводство, построенные на принципах буржуазного права.

В результате судебной реформы была устранена судебная власть помещиков над крестьянами. Суд стал всесословным, за некоторым исключением, например, духовного или военного суда.

Новая судебная система отличалась определенной стройностью. Во введении к ст. 1 Учреждения судебных установлений от 29 ноября 1864 года говорится: «Власть судебная принадлежит: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему сенату – в качестве верховного кассационного суда». О том, что суд стал всесословным говорится далее в ст. 2: «Судебная власть означенных в предшедшей 1-й статье установлений распространяется на лица всех сословий и на все дела, как гражданские, так и уголовные». Для разбора мелких уголовных и гражданских дел учреждался институт выборных мировых судей. Мировой судья единолично рассматривал дела по обвинению в преступлениях, за совершение которых могло быть определено одно из следующих наказаний: замечание, выговор, внушение, денежное взыскание на сумму не свыше 300 рублей, арест на срок не свыше 3 месяцев, заключение в тюрьму на срок до одного года.

Кандидатом в мировые судьи мог быть житель данной местности, обладающий необходимым имущественным цензом, 25-летним возрастом, высшим или средним образованием и трехлетней юридической практикой (Ст. 19 Учреждения судебных установлений).

Каждый мировой судья осуществлял судебную власть на определенной территории – участке. Кроме участковых мировых судей избирались почетные мировые судьи. Почетные мировые судьи не получали жалования и исполняли судейские обязанности периодически, не оставляя своих повседневных занятий. Обычно это были крупные помещики, отставные чиновники и военные. Почетные мировые судьи обладали всеми правами участкового судьи.

Мировые судьи, как почетные, так и участковые, избирались на три года. Выборы мировых судей производились на уездных земских собраниях.

Второй контролирующей инстанцией был съезд мировых судей, в который входили все участковые и почетные судьи данного округа. Из своего состава они избирали председателя сроком на три года. Заседания съезда происходили в сроки, назначенные земскими собраниями или городскими думами. В зависимости от характера рассматриваемых дел съезд мировых судей был апелляционной или кассационной инстанцией. По окончательным решениям мировых судей мировой съезд рассматривал только кассационные протесты и жалобы. По неокончательным решениям съезд принимал апелляционные жалобы о пересмотре дела по существу. В заседании съезда мировых судей принимал участие один из товарищей прокурора окружного суда, который давал заключения по рассматриваемым делам. Решения съезда мировых судей были окончательными и могли отменяться Сенатом только в кассационном порядке. Прогрессивная система мирового суда была отменена контрреформой в результате принятия закона от 12 июля 1889 года об упразднении института мировых судей. Функции мирового суда в сельской местности исполнялись земскими начальниками.

Мировые судьи сохранились только в Петербурге, Москве и Одессе. В остальных городах их функции передавались так называемым городским судьям, назначаемым министром юстиции.

Уголовные и гражданские дела, не подсудные мировым судьям, рассматривались в окружных судах. Окружной суд состоял из председателя, его товарищей, членов суда, судебных следователей (ст.ст. 77–80 Учреждения судебных установлений).

Членов окружного суда нельзя было переводить из одного города в другой без их согласия. Отстранение судьи от должности допускалось только по решению суда в случае совершения судьей уголовного преступления. Несменяемость судей способствовала судейской независимости. В окружном суде дела рассматривались с участием присяжных заседателей или без них.

Присяжные заседатели привлекались для рассмотрения таких дел, по которым предусматривалось наказание, соединенное с ограничением или лишением прав состояния. Присяжные заседатели должны были решать вопрос о виновности подсудимого, а в случае признания виновности также вопрос о том, заслуживает ли подсудимый снисхождения при определении меры наказания, которое назначалось уже постоянными членами окружного суда в соответствии с существующим законодательством.

Присяжные заседатели избирались из местных обывателей всех сословий, состоящих в русском подданстве, в возрасте от двадцати пяти до семидесяти лет, проживающих не менее двух лет в том уезде, где производилось избрание в присяжные заседатели (ст. 81 Учреждения судебных установлений).

Судебный процесс в окружном суде был гласным, велся устно и проходил по принципу состязательности сторон.

Приговоры окружного суда с участием присяжных заседателей считались окончательными. Их

можно было обжаловать только в кассационном порядке в сенат.

Создание института суда присяжных было прогрессивным и значимым фактом проводимой судебной реформы, как для демократического развития российского общества, так и для общественного мнения, становления нового правосознания и новой правовой культуры.

Судебные преобразования XIX века привели к тому, что судебная сфера жизни общества перестала быть тайной, запретной. В правосознании населения сформировались новые образы суда и судей, а также прокурора, адвоката, присяжных заседателей, подсудимых и т.п. На это указывают анекдоты того времени, исследованные А.А. Демичевым [4].

Однако после оправдания 31 марта 1878 года Веры Засулич правительство принимает ряд нормативно-правовых документов, ограничивающих демократическую сущность суда присяжных. Так, закон от 9 мая 1878 года о временном изменении по некоторым преступлениям исключил из ведения суда присяжных дела об убийстве или покушении на убийство должностных лиц при исполнении или вследствие исполнения ими своих служебных обязанностей. Рядом указов ограничивалась публичность судебных процессов.

В 1884 и 1887 годах были предприняты меры к качеству состава присяжных заседателей. Значительно был увеличен имущественный ценз; обязательным стало знание русской грамотности. Все это сократило возможность участия в числе присяжных заседателей части крестьянства, которая допускалась в общие и очередные списки.

Новые законы усилили влияние администрации на подбор присяжных заседателей. С 1884 года полноправными членами земских комиссий стали представители администрации: уездный исправник, полицмейстер и товарищ прокурора окружного суда. В 1889 году из-под юрисдикции суда присяжных было изъято более четверти из всех ранее подсудных ему дел.

Параллельно с умалением роли суда присяжных заседателей все большее значение приобретал суд с участием сословных представителей, где большинство голосов принадлежало назначаемым судьям. А законом 1885 года, который предоставлял право увольнять судей по решению дисциплинарного присутствия Сената, практически была ликвидирована несменяемость судей.

Согласно Учреждению судебных установлений судом второй инстанции являлись судебные палаты. Судебная палата разделялась на департаменты. Каждый департамент судебной палаты состоял из председателя и определенного штатами числа членов. В общем собрании всех департаментов судебной палаты председательствовал назначенный один из председателей департаментов, который именовался старшим (ст.ст. 111–113 Учреждения).

Решения судебных палат, вынесенные с участием сословных представителей, апелляционному обжалованию не подлежали, допускалось лишь кассационное обжалование в Сенат.

Следовательно, высшим судебным органом пореформенной России был Сенат. Он осуществлял надзор за деятельностью всех судебных учреждений и выступал в качестве кассационной инстанции по окончательным приговорам съездов мировых судов, окружных судов и судебных палат. В 1872 году наиболее значительные политические дела отошли к образованному в составе Сената особому присутствию. Приговор особого присутствия мог быть обжалован в кассационном порядке в общее собрание кассационных департаментов Сената.

Судебная система пореформенной России включала в себя также органы предварительного следствия, прокуратуры и адвокатуры.

Судебные следователи учреждались при окружных судах, имели судейские чины, являлись членами окружных судов. Как и на судей, на них распространялся принцип несменяемости. Жалобы на действия следователей рассматривал тот суд, при котором они состояли. По окончании предварительного следствия обвинительная камера судебной палаты с участием прокурора предавала обвиняемого суду.

Формально судебный следователь не находился в подчинении прокурора, однако, следствием руководил прокурор, указания которого следователь не мог игнорировать. Кроме того, получила распространение практика назначения следователями кандидатов на судебные должности. Это дало возможность освобождать судебного следователя от занимаемой должности в случае неповиновения прокурору. Иными словами, судебные следователи становились орудием в руках прокуроров.

В компетенцию прокуратуры входило: возбуждение уголовных дел, надзор за органами предварительного следствия и дознания, поддержание обвинения в суде, составление кассационных заключений, надзор за исполнением приговора, за местами заключения, за деятельностью административных органов и др. Прокурорский надзор вверялся обер-прокурорам, прокурорам и их товарищам под высшим наблюдением министра юстиции как генерал-прокурора (ст. 124 Учреждения). На чинов прокурорского надзора не распространялось правило несменяемости.

Для осуществления защиты по уголовным делам и ведения в судах гражданских дел была учреждена адвокатура. Адвокаты назывались присяжными поверенными. Присяжными поверенными могли быть лица, имеющие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук и имеющие пятилетнюю судебную практику (ст. 354 Учреждения). Как мы видим, требования к кандидатуре адвоката гораздо выше, чем, например, к кандидатуре ми-

рового судьи. Появление в России института адвокатуры воспринималось передовыми представителями общества как социально значимое явление. Да и сами присяжные поверенные воспринимались как передовая часть общества. Не случайно присяжные поверенные образовывали бесплатные консультации для малоимущих, в которые могли входить только лучшие представители этого сословия. Адвокатура изначально создавалась как учреждение самоуправляющееся и независимое от вмешательства государственных чиновников поверенных. Ее высшим органом управления было общее собрание присяжных поверенных и т.д. На общем собрании мог быть избран исполнительный орган – совет присяжных поверенных. Он обеспечивал участие присяжных поверенных в судах по делам неимущих, вел прием в состав присяжных и их помощников, рассматривал жалобы на присяжных и т.д.

Вот что пишет о присяжных поверенных Леонид Андреев: «Нельзя сказать, чтобы сословие присяжных поверенных, людей, по роду своей деятельности и образованию специально подготовленных и призванных к широкой общественной работе, всегда стояло на высоте своей задачи. Из-за деревьев оно часто не видело леса; из-за клиентов оно часто не замечало самого дела. Оставаясь в большинстве добропорядочными, честными работниками-специалистами, присяжные поверенные и их совет вели скромное существование, безобидное, но и бесполезное в смысле сознательной общественной деятельности. Отдельные лица выскакивали вперед, в качестве особо выдающихся грешников или деятелей, но большинство, масса, добродушно прозябало, немножко греховодничая, немножко благотворя. Пополнявшая ряды сословия молодежь, в начале, рьяная, как и всякая молодежь, быстро угасала в атмосфере благодушного покоя и отсутствия самодеятельности; патрон за помощника думал, патрон жил за помощника, пока тот бегал по мировым. У патрона были и собрания, и право голоса и инициативы – у помощника ничего этого не было, и когда после пяти лет стажа он приобретал право говорить, управлять судьбами сословия и проявлять инициативу – ничего этого ему не хотелось, и ни к чему этому он не был способен.

Единственное место, где помощник перестает быть молчаливой тенью патрона, это консультация. Явилась она на свет без участия совета, явилась, как нечто необходимое, созданное потребностью юной части сословия не только существовать, но и действовать. Преследуя благородную задачу – оказание юридической помощи неимущему люду, консультация уже тем самым резко разошлась с сословием, в котором «благотворительность» была только между прочим. В консультации у помощника, имевшего равный голос с патроном в обсуждении ее дел, создавались известные общественные привычки: сознание своих общественных обязанностей, стремление расширить рамки узкой профессиональной деятельности, умение самоуправляться, столь необходимое для будущего члена сословия, которому законом даровано право самоуправления» [7, с. 2]. Статья была написана под влиянием попыток московского совета присяжных поверенных руководить консультациями, то есть покушения на адвокатское самоуправление. В статье упоминаются помощники присяжных поверенных, которые обязаны были проходить пятилетнюю стажировку под руководством наиболее опытных адвокатов. К помощникам присяжных поверенных предъявлялись такие же требования, как и к самим присяжным поверенным.

При недостаточной численности присяжных поверенных в том или ином городе интересы тяжущихся сторон могли представлять так называемые частные поверенные. Частным поверенным могло быть лицо, не имеющее юридического образования, избранное участниками процесса и получившее специальное разрешение суда для ведения уголовных или гражданских дел.

Особое место в судебной системе России занимало министерство юстиции. Аппарат министерства состоял из министра и его товарища, консультации, канцелярии, двух департаментов. Министр юстиции был одновременно генеральным прокурором. С помощью сотрудников министерства он осуществлял надзор за судебными учреждениями, ведал назначениями и передвижениями судейских чиновников. Консультация министерства пользовалась правами министерского совета и рассматривала сложные дела, поступавшие из Сената. Канцелярия заведовала личным составом судебных ведомств и ревизиями судебных учреждений. Департаменты занимались законодательной, судебной, хозяйственной, распорядительной и статистической деятельностью. В 1895 году министерству юстиции было передано из ведения министерства внутренних дел главное тюремное управление.

Российская традиция анализа массовой культуры возникла в середине XIX века как «антимещанская» в русле «русского социализма» (А. Герцен, К. Леонтьев, В. Розанов, А. Блок и др.).

Российские исследователи обнаружили связь между массовой культурой и нарождающимся «обществом потребления». Иными словами, в центре исследования стоял конфликт между системой нравственных ценностей и новыми мировоззренческими установками.

В ходе реформирования общественно-политической жизни России передовой частью общества были высказаны опасения по поводу распространения индивидуализма, вызванного экспансией европейской модернизации.

Русские мыслители считали, что новые продукты массовой культуры, пришедшие с Запада, несут разрушительную энергетику для культурной само-

бытности российского общества и личности в отдельности.

Реформы второй половины XIX века затронули все слои населения. Бывшие крепостные становились носителями новой буржуазной культуры с элементами крестьянской патриархальности, менее успешные становились городскими пролетариями, пополнив культурный пласт люмпенскими традициями.

В пореформенной России претерпела изменение не только крестьянская культура, но и аристократическая.

Для недопущения падения высокого статуса дворянского сословия были введены правила, затрудняющие получение потомственного дворянства, обеспечено содействие учреждению дворянских пансионов-приютов, учреждены новые «институты благородных девиц» и т. д.

Упомянутые правила были разработаны Особым Совещанием, созданным императорским указом. Особое Совещание было неспособно бороться с культурной деградацией дворянства, и было закрыто 1 января 1902 года.

Г.П. Федотов писал: «Дворянство социально разлагается – оно не в силах пережить "эмансипации" и теряет культурную гегемонию» [9]. Размывание межсословных границ в результате реформ определило появление «общественного мнения».

Рыночные отношения в русской культуре в первую очередь начали проявляться в литературе, и она же стала рупором массовой культуры. Выразителями общественного мнения являлись писатели и публицисты, которые изучали и анализировали изменения, происходящие в массовой культуре, и ее влияние на становление правовой культуры. Еще А.С. Пушкин осознавал наступление «века торгаша». То есть наступление нового, «купи-продайского» социосознания и соответствующей социокультуры.

Если мы согласимся с положением о том, что сознание лавочника изначально преступно, то естественно, оно формирует свою особую систему нравственных ценностей, где все нравственно, что ведет к выгоде. Соответственно формируется правосознание и правовая культура.

Правовая культура – понятие многоуровневое, которое включает в себя в объемном смысле *правовую культуру индивида, правовую культуру профессиональной группы, правовую культуру социальной группы (сословия), правовую культуру государства*. В содержательном смысле правовая культура включает в себя *правознание, правосознание, правоповедение, правотворчество, правоотождествление*.

Правознание – это уровень информированности индивида о правовых номах.

Правосознание – соотнесение уровня правознаний через призму индивидуальных морально-этических норм с уровнем принятия правовых норм и их осознанной необходимости.

Правоповедение – качественный уровень деятельности индивида, группы, общества, государства (в лице его представителей) по исполнению правовых норм.

Правотворчество – уровень качества, разумности и допустимости в процессе создания и регулирования правовых норм комплексом средств и методов правовой политики.

Правоотождествление – регулируемое общественным мнением отнесение индивида к праволояльной или правоантагонистической группе.

В первую очередь, правовая культура формировалась именно у русских писателей, которые с появлением жанра бестселлеров, столкнулись с проблемами защиты авторских прав, и стали изучать эту часть правового поля.

20 мая 1882 года на международном литературном конгрессе в Риме комплексно обсуждались проблемы литературной собственности. Были рассмотрены различные формы посягательства на авторское право: даровые переводы, даровые перепечатывания сочинений и т.п. Те же процессы происходили и в театральном искусстве. В конце XIX века происходит массовое приобщение к театру. В 1882 году появились частные театры: Суворинский, «Аквариум», Кроша и Московский Художественный театр. Театры, как и литература, живопись были вынуждены отражать массовую культуру и удовлетворять потребности обывателя. В этот период верхний культурный пласт составляли уже не аристократы, а разночинцы (мещане, студенты, офицеры, чиновники). Нижний культурный пласт составляли городские люмпенизированные социальные слои общества.

Формирование правовой культуры нижних социальных слоев общества формируется под влиянием правовой политики государства и правовой культуры исполнителей его воли. Но правосознание исполнителей воли государства того времени было восточно-деспотийным, и его необходимо было повернуть в сторону к европейско-цивилизационного.

В нашем понимании восточно-деспотийное правосознание основано на праве сильного, на подавлении и унижении социально незащищенных слоев общества. Россия долгое время была аграрно-крепостнической страной, что, естественно, сказалось на правосознании общества и отдельного индивида. Институт права собственности сформировал правовую политику исключительно как кару провинившегося холопа.

«По капле выдавливать из себя раба» российское общество стало с отменой крепостного права в 1861 году и начавшимися государственно-правовыми реформами. Реформы по своей сути и были первой русской революцией, совершенной в сознании общества и его бытия. Однако восточно-деспотийную правовую культуру изменить не удалось

и до настоящего времени, не взирая на смены общественно-экономических формаций.

Европейско-цивилизационная правовая культура основана на осознании ценности каждого человека в обществе, его защищенности, независимо от положения и состояния, на принципе справедливости, не являющемся декларацией.

Формула достаточно простая: если правовая полтика справедлива, то правоповедение граждан становится осмысленной необходимостью и правовая культура формируется как совместный продукт государства, общества и гражданина.

Если правовая политика несправедлива, то правоповедение граждан и правотворчество диаметрально противоположны. То есть законы действуют не на все категории граждан. А когда законы нарушаются представителями власти, должностными лицами, то правосознание обывателя формируется в антагонистическом ключе по отношении к государству и его правовой политике.

О том, как влияет поведение должностного лица на правосознание граждан хорошо сказал выдающийся адвокат XIX века П.А. Александров на защите Веры Засулич: «Всякое должностное, начальствующее лицо представляется мне в виде двуликого Януса, поставленного в храме, на горе; одна сторона этого Януса обращена к закону, к начальству, к суду; она ими освещается и обсуждается; обсуждение здесь полное, веское правдивое; другая сторона обращена к нам, простым смертным, стоящим в притворе храма, под горой. На эту сторону мы смотрим, и она бывает не всегда одинаково освещена для нас. Мы к ней подходим иногда только с простым фонарем, с грошовой свечкой, с тусклой лампой, многое для нас темно, многое наводит нас на такие суждения, которые не согласуются со взглядами начальства, суда на те же действия должностного лица» [8, с. 36].

Иными словами, действия должностного лица должны быть понятными, справедливыми и соответствовать нормам закона и морали.

Российские граждане не должны повторять мытарств «маленьких людей», «униженных и оскорбленных», которые в изобилии описаны в произведениях классиков XIX века. «Маленький человек» должен быть уверен, что любая его жалоба будет рассмотрена надлежащим образом и в срок. Тем более, если жалоба исходит от заключенного, человека, лишенного обычного образа жизни, свободы и возможности действия по своему усмотрению.

Духовный и социально-психологический синтез двух социокультурных пластов, образовавшийся в результате новой культурно-исторической рефлексии, определил особую правовую культуру общества, которая составляла не только правотворчество, но и отношение к закону и его представителям, правовое поведение и правовое сознание, правовую этику и эстетику. Изучению этого феномена были посвящены работы писателей и публицистов того времени.

Проведение реформ проходило сложно и противоречиво. Оно сопровождалось резкой конфронтацией различных политических сил тогдашнего общества. В каждом политическом движении были свои мыслители, писатели, публицисты, выставлявшие при проведении реформ присущие им идейно-политические, социально-правовые, государственные и нравственные идеалы. Свое воздействие на ход проведения реформ они выражали через печать и другие формы общественного воздействия (губернские дворянские собрания и комитеты, записки и проекты реформирования страны, адресуемые царю и правительству, распространение прокламаций и т.п.).

Уже вскоре после проведения реформ и их реализации в системе общественного обновления России начали появляться аналитические исследования, авторы которых по-разному подходили к их оценке и социальному значению.

Например, В.В. Григорьев, бывший начальником по делам печати в 70-е годы, издал в 1881 году книгу «Очерки внутренней политической жизни в России за последнюю четверть века (1855 по 1880 г.)», в которой рассматривал результаты всех реформ 60-годов, за исключением судебной [3]. Он утверждал, что российская провинция была разочарована реформами из-за невнимания правительственной бюрократии к ее нуждам, к простому народу и даже к мелкопоместному дворянству.

В 90-е годы XIX – начале XX вв. значительный вклад в изучение судебной реформы внес Г.А. Джаншиев [5]. Его оценка отличалась либерально восторженным духом.

Анализу земской реформы посвящены работы И.Д. Беляева [1] и Б.Б. Веселовского [2]. Оба автора подчеркивали значимость для России земского дела в развитии просвещения и медицины.

Кадет-либерал А.А. Корнилов пытался проанализировать историю Крестьянской реформы 1861 г., а также историю общественного движения в пореформенную эпоху (1855–1881 гг.). Он считал, что незавершенность и ограниченность реформ, особенно в аграрном вопросе, привела к революции 1905 года [6].

Основная необходимость в изучении влияния государственно-правовых реформ минувших эпох заключается в том, чтобы при естественном стремлении к прогрессу российское общество не повторило ошибок прошлого.

Библиографический список

1. *Беляев И.Д.* Судьбы земщины и выборного начала на Руси. – М., 1905.

2. *Веселовский Б.Б.* История земства за 40 лет. – СПб., 1909–1911. – Т. 1–4.

3. *Григорьев В.В.* Очерки внутренней политической жизни в России за последнюю четверть века (1855 по 1880 г.). – СПб., 1881.

4. *Демичев А.А.* Образ подсудимого в российском правосознании второй половины XIX – начала XX в. История государства и права. – 2009. – №8. – С. 18–21.

5. *Джаншиев Г.А.* Основы судебной реформы. – М., 1889.

6. *Корнилов А.А.* Общественное движение при Александре II (1855–1881). – М., 1909.

7. Курьер – 16.02.1901 – № 347.

8. *Смолярчук В.И.* Гиганты и чародеи слова. Русские судебные ораторы второй половины XX – начала XX века. – М.: Юрид. лит., 1984. – 272 с.

9. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. – СПб., 1991. – Т. 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

Волкова Виктория Валерьевна
Волжская государственная академия водного транспорта (г. Нижний Новгород)
volk_vik@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ К ПОНИМАНИЮ ФЕНОМЕНА СУБКУЛЬТУРЫ

Статья раскрывает содержание понятия «субкультура» и ее отношение к официальной культуре; рассматриваются существующие методы изучения феномена «субкультура» и предлагается новый взгляд на методологию исследования данного явления.

Ключевые слова: *субкультура, культура, методология, метод, понимание, синергетика.*

Острый интерес гуманитарной науки к феномену субкультуры обусловлен не только потребностью в рефлексии культурной специфики современного социума, но и постоянным возрастанием с начала второй половины XX века значимости субкультурных аспектов социальных процессов. В условиях усиливающейся глобализации, сопровождаемой появлением все большего разнообразия жизненных стилей, что, в частности, выражается в ускоряющемся распаде традиционных коллективных жизненных форм, углубленное изучение феномена субкультуры становится все более актуальным.

Важным аспектом настоящего исследования является ещё не до конца осознанная проблема межсубкультурного взаимодействия в едином культурном пространстве. Неустойчивость положения «господствующей» культуры и обилие возникающих контркультурных течений образуют огромный вакуум, лишающий гуманитарные науки сколько-нибудь значимой прогностической силы относительно культурных процессов современности.

Кроме того, методология исследования субкультурных явлений в наше время характеризуется отсутствием общепринятых подходов. В литературе нет согласия даже относительно экспликации термина «субкультура». Исследователи вынуждены ситуативно конструировать рабочий метод анализа того, что они в каждом конкретном случае склонны называть субкультурой.

Учитывая, что в современной литературе существует более 500 определений культуры, мы исходим не из широкого (все созданное человеком) и не узкого (искусство) ее понимания, а из качественной характеристики, однажды представленной А. Уледовым. В его понимании культура – это все позитивное, положительное, ценное в историческом развитии цивилизации. Цивилизацию часто и определяют как «тело культуры». Но это «тело» обрастает наростами не только позитивного, но и негативного характера (терроризм, фашизм, преступность, наркомания и т.д.). Понятие же культуры отражает только позитивное в этом историческом процессе [7].

Субкультура понимается нами как частичная культурная подсистема официальной культуры, определяющая стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей. То есть субкультура – это подкультура или культура в культуре [2, с. 123].

Мы имеем дело именно с субкультурой, а не с полностью независимой культурой, так как всякая культура состоит из многих элементов, составляющих ее специфику (язык, религия, обычаи, нравы, искусство, хозяйственный уклад и т.д.), а субкультура во многом идентична или очень близка базовой, отличается лишь несколькими чертами. Существование субкультур связано с тем, что практически каждое конкретно-историческое сообщество внутренне неоднородно, включает в себя помимо основного этнического и социального ядра и определенные вкрапления – группы со специфическими этнографическими, сословными, конфессиональными, функциональными и иными признаками [8].

Нами было выявлено, что каждая наука, изучая «субкультуру», интерпретирует и описывает ее применительно к своему предмету и методологии. Под методом мы понимаем систему принципов теоретической и практической деятельности человека.

Методология, с нашей точки зрения, является способом социальной деятельности в любой ее форме. В ней устанавливаются цели деятельности, объекты и результаты, а также пути их достижения. Сюда включаются системы определенных способов, приемов и операций в той или иной сфере деятельности и учение о самой системе, то есть теория метода.

Определение методологии всегда было центральным моментом философского научного познания действительности. В настоящее время методологические вопросы дискутируются среди таких направлений мысли, как диалектический материализм, философия науки, феноменология и т.д. Методология сводится к действиям, ориентирующим познающего субъекта на решение конкретных задач и достижение определенных результатов. Известно, что методология не порождает истин, но облегчает их поиск, позволяет двигаться к целям кратчайшим путем с наименьшими затратами

© Волкова В.В., 2012

средств и энергии, что немаловажно для современного рационального, но не стабильного мира. Однако следует подчеркнуть, что основной функцией методологии является регулирование познавательной, теоретической и научной форм деятельности.

Применение методологии позволяет выделить объект социального анализа из многообразия социума, определить его с помощью логических операций над понятиями, его сущностью, основными атрибутами, тенденциями развития, а также возможностью воздействия на него со стороны человека в социокультурной деятельности. Все методологии имеют право на существование, но их результат обязательно должен быть подтвержден практикой.

В настоящее время трудно поставить точку в перечне методов, которые выдвинуты и используются в разных науках. Остановимся на тех, которые позволяют глубже проникнуть в сущность понятия «субкультуры». Кратко охарактеризуем их.

Генетический подход заключается в отождествлении системы духовных ценностей с набором генов. Иерархический подход интерпретирует культуру как иерархически организованную систему, в которой культуры высшего уровня развиваются по собственным законам, отличным от законов нижнего уровня. Системно-динамический подход заключается в представлении субкультуры как сложной системы, претерпевающей фазовые преобразования. Информационный подход представляет образ культуры (субкультуры) как сочетания социальных феноменов с информационными, где коллективное сознание (несущее в себе духовные ценности) формируется в процессе передачи информации от индивида к индивиду, а СМИ (телевидение, радио, пресса) активно влияют на этот процесс. Трофический подход основан на принципе: верхний уровень развивается за счет низшего уровня. Трофические уровни выстраиваются в цепочку, начало которой есть преобразование мира человеческих чувств в мыслительные образы. Экологический подход рассматривает субкультурные общности как целостные образования в широкой социокультурной среде. Эпидемиологический подход уподобляет процесс формирования субкультур распространению инфекционной болезни: возбудитель – социальный миф, формируясь в массовом сознании, передается от индивида к индивиду, охватывая массу пораженных [1, с. 130]. Когнитивный подход заключается в представлении о субкультуре как системе познавательных теоретических конструктов, сквозь призму которых воспринимается окружающая действительность.

Культурологический подход представляет собой интегративный метод анализа, в рамках которого происходит описание, обобщение и систематизация данных эмпирических исследований субкультурных явлений. Главной его сутью становится проблема понимания. Это означает, что ведущей характеристикой исследуемого культурного объекта становится его смысл, а главной задачей исследования – реконструкция этого смысла. Впрочем, эта последняя проблема имеет не только общекультурный, но и общенаучный характер. Поэтому рассмотрим ее в более широком контексте.

Представляется весьма резонным утверждение, что понять нечто – значит суметь его объяснить. Так что понимание и объяснение – весьма близкие понятия. Вместе с тем историки науки различают два вида знания: индивидуальное и, так называемое, несубъектное знание (знание социального коллектива, или объективное). В этом втором смысле знание является не нашей личной заслугой, а результатом истории познания соответствующего фрагмента действительности, зафиксированного на каких-либо носителях информации. Существование знания двух разных типов делает актуальным различие между объяснением и пониманием. Мы согласны, что понимание – это особенное состояние сознания субъекта, стремящегося познать мир или определенный круг явлений [5, с. 212]. Отсюда с очевидностью вытекает, что мы можем ввести в рассмотрение степень понимания субъектом того или иного явления, а также степень достоверности имеющегося у субъекта знания, а это вынуждает нас вводить некие критерии оценки того и другого.

Культурологический подход рассматривает понятие субкультуры в контексте культуры, которая обладает относительной целостностью, но сама по себе неоднородна. В то же время нельзя забывать об автономном, целостном характере субкультуры. Культурологический подход позволяет рассмотреть субкультуру и как «очаг духовных нововведений», и как «содержательно-структурную единицу культуры» [6; 4].

Основным же методом исследования субкультуры, ее сущности и содержания является системный подход, раскрывающий научно-познавательные, идеологические и практические функции культуры как общественного явления. Он дает возможность комплексного, междисциплинарного изучения культуры как целостной системы на основе совокупности ряда диалектически взаимосвязанных исследовательских принципов: качественного, количественного, структурного, генетико-исторического, пространственного и сравнительного анализа. Методологическую основу этого подхода составляют диалектика, принцип историзма, логика. Такой подход дает возможность формирования объективного научного мировоззрения, целостного видения развития человека, общества и государства в пространстве и во времени.

При этом базисной основой развития субкультуры является культура, которая обнаруживает принципиальное отличие от системы духовного производства. Ибо именно культура представляет

собой субъективный, личностный аспект исторического развития – сферу творческой самореализации общественного индивида, который самим составом своей предметной деятельности выступает как субъект культурного исторического процесса, причем даже в тех условиях, когда этот процесс в целом стихиен. Это значит, что принципом, определяющим направленность творческой деятельности в любой сфере, является самоорганизация.

Методологический потенциал синергетики в исследовании систем самоорганизации в последнее время получил довольно широкое распространение. Логика исследования строится на изучении феномена синергетики в двух уровнях. На первом уровне синергетика рассматривается в неразрывной связи с диалектикой при изучении самой себя. На втором уровне синергетический подход необходим для изучения самоорганизующихся систем различного уровня.

Крайне важен тот факт, что фундаментальная наука решает одну из важнейших проблем современности – построение целостной научной картины мира. А естественнонаучные и гуманитарные знания существуют раздельно, нет интегративной теории, которая могла бы рассмотреть их как единое целое. По нашему мнению, синергетический подход в исследовании выполняет эту роль. При этом он взаимосвязан с философской методологией и другими исследовательскими подходами: системным, структурным, функциональным, кибернетическим и т.д.

Возможности применения каждого из перечисленных подходов в отдельности имеют свои ограничения при изучении сложных феноменов. Только синтез их исследовательских потенциалов позволяет получить эффективный комплекс методов, способствующих решению задач, связанных с появлением новых свойств, обусловленных внутренним взаимодействием в системе. Таким образом, синергетика увеличивает спектр возможностей, необходимых для описания вероятностного поведения самых сложных многоуровневых систем, но со строго ограниченным количеством параметров.

Поэтому важной стороной методологии, с нашей точки зрения, в соответствии с которой должны определяться сущностные характеристики субкультуры, является подход, который должен учитывать нелинейность развития культуры. Каждая из подсистем культуры может развиваться по собственному пути, с разной силой оказывая воздействие на состояние системы культуры и метасистемы социального бытия в целом. Поэтому принципиальное значение для феномена субкультуры имеет понимание разнонаправленности и темповых различий динамических изменений в сфере культуры, выявление механизмов и факторов, влияющих на разные уровни культуры.

Благодаря междисциплинарным возможностям синергетики, культура может быть понята в своей противоречивой целостности. Играя роль интегративного начала и осуществляя духовную связь между различными дисциплинами, синергетика позволяет не сбрасывать со счетов различные концепции и подходы, примиряет философское осмысление и социально-культурологическое объяснение культуры как феномена в рамках одного исследования. Синергетический подход выступает теоретико-методологическим инструментом преодоления ограничений и противоречивости различных путей познания культуры, без которого не может состояться познание сложных феноменов естественного и искусственного мира.

Следует отметить, что субкультура характеризуется цикличностью, переходя от неустойчивости к устойчивости, при условии относительно уравновешенного действия ее двух начал: порядка и хаоса (в соответствии с законами синергетики). При этом субкультура, как «социальная единица, находится в постоянном общении с окружающей ее “внешней” средой (другими субкультурами, базовой культурой общества и т.п.); в то же время каждый человек, входящий в данную субкультуру, с одной стороны, общается с другими людьми внутри субкультуры, обмениваясь различной информацией, принятыми смыслами, навыками, стилем поведения и т.п., с другой – общается с “внешним миром” уже как самостоятельная единица, а не как частичка субкультуры» [3, с. 17].

Можно сделать вывод, что субкультуры остаются открытыми системами, несмотря на внешнюю закрытость, что позволяет подобрать оптимальные способы взаимодействия с ними.

Чтобы обозначить новые методологические основания для понимания феномена субкультуры, необходимо иметь четкое объяснение механизмов возникновения и функционирования субкультур, ответить на ряд общих вопросов: 1) по каким критериям можно определить, что в данной социальной группе существует или зарождается определенная субкультура; 2) как происходит процесс образования субкультур; 3) какие факторы способствуют, а какие мешают любой социальной группе общества создавать свою субкультуру; 4) насколько образованная субкультура является устойчивой; 5) может ли субкультура, созданная одной социальной группой, быть воспринятой другими субкультурами как своя; 6) существует ли преемственность между субкультурами, отделенными друг от друга во времени. Понятно, что этими вопросами очерченная проблематика не исчерпывается. Однако они представляются ключевыми с точки зрения ее дальнейшей разработки.

Библиографический список

1. *Колесин И.Д.* Подходы к изучению социокультурных процессов // Социологические исследования. – 1999. – № 1. – С. 130–136.

2. Культурология: учебник для студ. техн. вузов / под ред. Н.Г. Багдасарьян. – М.: Высш. школа, 2001. – 511 с.

3. *Левикова С.И.* Молодежная субкультура. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 608 с.

4. *Матвеева С.Я.* Субкультуры в динамике культуры // Субкультурные объединения молодежи: критический анализ. – М.: Мысль, 1987. – 160с.

5. *Овчинников Н.Ф.* Методологические принципы в истории научной мысли. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 296 с.

6. *Степанов Е.Н., Лузина Л.М.* Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания. – М.: ТЦ Сфера, 2008. – 83 с.

7. *Уледов А.К.* Духовная жизнь общества. Проблемы методологии исследования. – М.: Мысль, 1980. – 271 с.

8. *Флиер А.Я.* Культурология для культурологов. – М.: Академический проект, 2000. – С. 152–154.

УДК 7.03

Кизин Михаил Михайлович

Российский институт культурологии Министерства культуры Российской федерации

Kizine@bk.ru

НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ РУССКОЙ ШКОЛЫ ПЕНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена периоду поиска новых художественных образов героев оперы в начале XX века; рассматривается значимость творческого союза композиторов, художников, певцов.

Ключевые слова: *русская школа пения, опера, композитор, театр, музыка, дикция, актер, певец, роль, режиссер, художник.*

В начале XX века Большой театр представлял собой один из крупнейших центров оперной культуры в музыкальной жизни России. На сцене Большого театра появляется созвездие великих певцов – Ф. Шаляпин, Л. Собинов, А. Нежданова. Вместе с ними выступали видные представители русской вокальной школы – Е. Азерская, Л. Балановская, М. Гукова, К. Держинская, А. Богданович, А. Боначич, Г. Бакланов, Л. Савранский.

Этот период творческой деятельности солистов Большого театра справедливо рассматривать как наиболее насыщенный поиском вариантов усовершенствования актерского и певческого исполнительства. Ценными являются дополнительные сведения о творческом союзе солистов-певцов, дирижеров и художников, литераторов. Такой союз являлся основой синтеза оперного жанра. Справедливо воссоединяя участие представителей разных жанров искусства в развитии вокального мастерства, мы открываем новую панораму новаторской деятельности в развитии школы пения, что красноречиво подчеркивает значимость коллективного, а не индивидуального осмысления, обогатившего знания и практику в русском музыкальном театре. Открываются новые нюансы художественных поисков актера-певца в работе над музыкальными образами героев опер и романсов, являющиеся актуальными и в настоящее время. Как все жанры искусства, вокальное направление имеет свои этапы развития в русской музыкальной культуре. Русская школа пения не является авторской, где авторство принадлежит только выдающимся русским певцам. Русскую школу пения формировало сообщество деятелей искусства своего времени.

В 1899 году в труппу Большого театра был приглашен Федор Иванович Шаляпин, волевой и энергичный деятель, сумевший заставить дирекцию считаться со своим творческим мнением по вопросам усовершенствования русской певческой школы. Благодаря настойчивому и убедительному вмешательству Ф. Шаляпина репертуар Большого театра обогатился произведениями композиторов «Могучей кучки» – Н. Римского-Корсакова и М. Мусоргского. Постановка «Бориса Годунова» с Ф. Шаляпиным в партии Бориса знаменовала собой окончательный поворот Большого театра к русскому репертуару, к творческому поиску новых средств выражения в пении и сценическом мастерстве. Ф. Шаляпин, осознавая важность сценографической атмосферы оперного спектакля, привлек в Большой театр художников К.А. Коровина и А.Я. Головина, до этого работавших в частной опере С. Мамонтова, они произвели коренной переворот в декоративном оформлении спектаклей сцены Большого театра. Ф. Шаляпин стремился создать атмосферу театрального действа, максимально приближенную к художественной правде. Именно синтез искусств в опере ставил перед певцами задачу глубокого осмысления вокального текста музыкального спектакля и развития традиции работы над ролью с позиции русской культуры.

«Работа в театре так была связана с Ф.И. Шаляпиным, К.С. Коровиным, А.Я. Головиным, что говорить об одном из них, не касаясь невольно других, почти невозможно», – писал директор императорских театров В. Теляковский [9, с. 132]. Отсюда следует, что сплоченное творчество деятелей искусств являлось одним из элементов развития неповторимой и своеобразной системы вокально-

© Кизин М.М., 2012

актерского перевоплощения в правдивые образы героев опер и вокальных произведений.

Важно отметить, что видные представители изобразительного искусства получали большие возможности для реализации своих замыслов в художественном оформлении опер, принимали активное участие в развитии театра, проникаясь музыкальными особенностями и режиссерской концепцией спектакля. «Коровин принимает участие в составлении репертуара, выборе новых опер и балетов, даже в режиссуре, добиваясь всеми средствами того единства зрительно-музыкального образа, которое было обязательным требованием новых постановок, нового принципа исполнительства и режиссуры» [3, с. 114]. Таким образом, творчество художников создавало декоративную атмосферу оформления оперного действа, необходимую для вокального осмысления, предполагающую более глубокое проникновение в характеры героев спектаклей.

Серьезный «переворот» в творческой деятельности Большого театра и развитии русской школы пения произвел приход нового дирижера. Им оказался С. Рахманинов. Он начал свою деятельность в Мамонтовской опере и именно там сдружился с Ф. Шаляпиным. Приглашение С. Рахманинова состоялось по причине большой заинтересованности Ф. Шаляпина. Известно, что переговоры начались еще осенью 1901 года. Но только весной 1904 года С. Рахманинов дал свое согласие, подписав контракт на два сезона. Следовательно, гениальный композитор, пианист, дирижер С. Рахманинов вынашивал свою концепцию работы над музыкой и вокальными партиями опер. В 1904–1906 гг. в Большом театре он дирижировал, дав новую жизнь русской оперной классике.

За два сезона С.Рахманинов поставил двенадцать опер других композиторов: «Русалка», «Евгений Онегин», «Князь Игорь», «Иван Сусанин», «Пиковая дама», «Опричник», «Демон», «Борис Годунов», «Пан воевода»; и три собственные: «Алеко», «Скупой рыцарь» и «Франческа да Римини» (последние две оперы прозвучали впервые в Большом театре).

21 сентября 1904 года, к столетию со дня рождения М. Глинки, была возобновлена опера «Иван Сусанин». Ее решили приблизить к оригиналу, устранив всяческие музыкальные приписки, купюры и искажения. В этом просматривается стремление отражения чистоты русского композиторского почерка М. Глинки, правильного истолкования оперы, несмотря на то что процесс редактирования затянулся и оставил С.В. Рахманинову всего семь репетиций. Партии с певцами С.В. Рахманинов проходил сам, аккомпанируя им на рояле и раскрывая музыкальную драматургию. Такие индивидуальные занятия дирижера и певца говорят о создании системы анализа музыкальной формы вокальной драматургии в опере на практике. Премьера, в которой пели Ф. Шаляпин (Сусанин), А. Нежданова (Антонида), Е. Збруева (Ваня), прошла с большим успехом. «Вчера в Большом театре возобновили “Жизнь за царя”. Спектакль оказался очень интересным. Если это была не идеальная “Жизнь за царя”, то все же такая, какой Москва давно не слыхала. Новые декорации, новые костюмы, а главное новый талантливый дирижер (г. Рахманинов) и оттого, может быть, новые силы у всех исполнителей, начиная с первых певцов и кончая хором и оркестром, новое желание подняться, подтянуться, дать лучшее. И публика, переполнившая театр, почувствовала это. Общее впечатление было, по-видимому, такое – что хороши не только г. Шаляпин, г-жа Нежданова или мазурка, но что начинает удаваться вся “Жизнь за царя”. А ведь это – главное. Особый интерес спектаклю придало исполнение некоторых эпизодов… которые обыкновенно выпускаются… Надо было для возможности успеха, чтобы появились новые, свежие силы, у которых сочетались бы талант с непредубежденностью и авторитет с готовностью идти наперекор установившимся традициям. Таким оказался г. Шаляпин, во многом заново и ярко осветивший Сусанина, хотя кое-где слишком здесь нервничающий. Таков, кажется, и г. Рахманинов… Сколько свежего в Рахманинове!.. Как привлекает его дирижирование умением схватить основной жизненный нерв всякого темпа, стремлением соскоблить безобразные наросты на глинкинской музыке, дать ее по возможности в чистом, беспримесном виде… Много жизни и свежести внес г. Рахманинов во второй акт (у поляков). Все танцы, исполненные на этот раз без обычных пропусков, сыграны были с редкой тонкостью и изяществом» [14, с. 136, 159].

С особым трепетным отношением С. Рахманинов работал над операми «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», раскрывая смысловые стороны психологической трагедии, продолжая развитие системы осознанного пения. Но особенный интерес у общественности возбудили две новые оперы С. Рахманинова, поставленные в один вечер 11 января 1906 года: «Скупой рыцарь» по примеру А. Даргомыжского («Каменный гость») и Н. Римского-Корсакова («Моцарт и Сальери»), написанный на неизмененный текст А.С. Пушкина в речитативно-декламационном стиле. Правда, было признано, что эта опера «не для большой публики». С. Рахманинов писал оперу, полагая, что партию Барона споет Ф.Шаляпин, но тот от участия в спектакле уклонился, считая, что композитор не вполне справился с декламационной стороной. Критика, вспоминая потрясающее впечатление, производимое Ф. Шаляпиным в «Моцарте и Сальере», предполагала, что если б он спел Барона, то и здесь получился бы поразительный результат. На премьере же эту партию пел Г. Бакланов, «обыкновенный

хороший артист» с большим и красивым голосом. «Беда только в том, что для того, чтобы музыкально воплотить “Скупого рыцаря”, надо быть больше, чем просто “хорошим артистом”», – говорилось в прессе. Возможно, однако, что критика, завороженная могучим талантом Шаляпина, считала все остальное «обыкновенным», сколь хорошо оно ни было. Партнерша же Бакланова отмечала, что это был «юный, высокий, стройный красавец с баритоном необыкновенной силы и красоты» [7, с. 151]. Красивый голос уступает место осмысленному пению, наполненному чувствами и выразительным средствам, проникновенной, четкой вокальной фразе.

Решив полностью отдаться творчеству, С.В. Рахманинов уже ранней весной 1906 года оставил дирижерский пульт Большого театра, уехав за границу. Двухлетняя работа С.В.Рахманинова в Большом театре составила эпоху в творческой жизни оперного коллектива. Он осуществил ряд превосходных оперных постановок, поднял музыкальную культуру артистов, сумел добиться исключительного ансамбля.

«Шаляпин и Рахманинов чрезвычайно высоко ценили друг в друге природный художественный гений. Они часто выступали вместе в симфонических и камерных концертах, оперных спектаклях. Композитор посвятил Шаляпину свои романсы «Судьба», «В душе у каждого из нас…», «Воскрешение Лазаря», «Ты знал его». Художник Б. Альмединген рассказывал, как однажды Рахманинов слушал «Судьбу» в исполнении Шаляпина. Оно так потрясло композитора, что он вдруг схватился за голову и воскликнул: «Неужели я это написал?!» [1, с. 62].

«Артистическая деятельность Шаляпина, творчество Л. Собинова и А. Неждановой могут быть объяснены и охарактеризованы во всей полноте лишь с учетом общего идейно-художественного роста русского оперного театра. Л. Собинов и А. Нежданова в своем репертуаре совершали то же дело, которое отстаивал Шаляпин: они изгоняли устоявшиеся на оперной сцене трафареты, согласно которым все “лирические” теноровые или все «колоратурные» сопрановые партии исполнялись на один лад с применением одной “установленной” гаммы красок и приемов. Великие русские оперные актеры-певцы, опираясь на опыт драматического театра, придавали каждой создаваемой ими роли глубочайшую индивидуальную своеобразность, законченность, типизированную характерность» [10, с. 55].

Русская музыка, основанная на вековых симпатиях к пению, нашла свое полное и яркое отражение в операх М. Глинки, А. Даргомыжского, А. Бородина, М. Мусоргского, Н. Римского-Корсакова, П. Чайковского и многих других гениальных русских композиторов. Творчество композиторов, столь различных по характеру таланта и формам его проявления, объединено общими чертами, раскрывающимися в русском слове, мелодике произношения предложений, эмоциональной окраске и самобытности.

Все русские оперы, при всем их разнообразии, имеют общие черты, которые основаны на русскоязычном либретто. «В русской оперной музыке, каким бы именем она ни подписана, мы видим, прежде всего, стремление по возможности связать музыку со словом, – стремление в своем напряжении изредка доходящее до крайности, до обезличения музыки в пользу слова, но никогда почти не ослабевающее до допущения противоположной крайности, бессмысленного нанизывания слов с исключительной целью блеснуть вокальной виртуозностью» [15, с. 298].

Русская опера практически исключает героев, которые обретают черты концертной «витринности», или просто исполнителей эффектного, костюмированного музыкального вокального номера. Либретто, в основном основанные на выдающихся произведениях русской художественной литературы, отражают яркие и жизненные сценические образы, которые поставлены в естественные драматические обстоятельства.

Музыкальная декламация, речитатив, само вокальное слово до начала XX века не достигли совершенства в творчестве исполнителей. Обученные на приемах западных школ пения, артисты руководствовались навыками «навязанного методой» звуковедения, «правильного пропевания гласных», вокально-технической дрессуры с «механическими» особенностями исполнения мелизмов, рулад и других необходимых навыков, требующих лишь только качественного озвучивания вокальной партии в опере. Сценическим мастерством овладевали в меру одаренности, эмоциональности, заимствуя актерские приемы у старшего поколения – корифеев того времени. Из этого следует, что становление русской певческой школы – это совокупность деятельности в этом направлении русских композиторов, русских режиссеров, русских художников, русских певцов, и это отличает русскую певческую школу от западноевропейских традиций частных авторских школ и классов пения.

Библиографический список

1. *Дмитриевская Е.Р., Дмитриевский Н.Д.* Рахманинов в Москве. – М.: Московский рабочий, 1992. – 160 с.

2. *Иванов А.П.* Искусство пения. – М.: Голос-Пресс, 2006. – 431с.

3. *Коровин К.А.* Жизнь и творчество. – М., 1963. – 561 с.

4. *Пазовский А.М.* Дирижер и певец. – М.: Музгиз, 1959. – 157 с.

5. *Покровский Б.А.* Размышление об опере. – М.: Советский композитор, 1979. – 279 с.

6. *Ротбаум Л.Д.* Опера и ее воплощение. – М.: Сов. композитор, 1980. – 262 с.

7. *Салина Н.В.* Жизнь и сцена. Воспоминания, письма, материалы. – Л.; М., 1941. – 183 с.

8. *Станиславский К.С.* Моя жизнь в искусстве. – М.: Искусство, 1983. – 424 с.

9. *Теляковский В.А.* Воспоминания. – М.; Л.: Искусство, 1965. – 484 с.

10. *Шавердян А.И.* Большой театр Союза ССР. – М., 1952. – 229 с.

11. *Шаляпин Ф.И.* Литературное наследие. Т. I. – М.: Искусство, 1976.

12. *Шаляпин Ф.И.* Литературное наследие. Статьи, высказывания, воспоминания о Ф.И. Шаляпине. Т. 1–2. – М.: Искусство, 1960. – 630 с.

13. *Шаляпин Ф.И.* Страницы моей жизни. – Л.: Музыка, 1990. – 352с.

14. *Энгель Ю.Д.* Глазами современника: избр. статьи о русской музыке. 1898–1918. – М., 1971. – 55 с.

15. *Энгель Ю.Д.* В опере: сб. ст. об операх и балетах. – М., 1911. – 62 с.

16. *Adler Kurt.* Phonetic and Diction in singing. – N.-Y., 1965.

УДК 621

Корольков Сергей Владимирович
Училище культуры и искусств им. Л.В. Лапцуя
oshalevshii_man@mail.ru

ТРАДИЦИИ СЕВЕРНОЙ РЕЗЬБЫ ПО КОСТИ У СОВРЕМЕННЫХ МАСТЕРОВ

В статье рассматривается история становления косторезного промысла у малых народов Севера, а также современная интерпретация исторического наследия ремесла; выявляются материально-бытовые, исторические, географические, индивидуально-личностные факторы, повлиявшие на искусство резьбы по кости. Автор приходит к выводу, что своеобразие современных косторезных миниатюр заключается в умелом сочетании творческого замысла художника-мастера с исторической традицией.

Ключевые слова: *резьба по кости, косторез, школа резьбы, центр промысла, скульптурная композиция, мастер.*

…Резные скульптурки! Забавные и искрометные, грустные и серьезные. Они будто частицы драгоценной мозаики, содержание которой – жизнь народов Крайнего Севера. Эпическое величие края, масштабность трудовых свершений, образы простых и добрых людей, тонкое движение души человека, аллегория, метафора, символика – все это оказалось подвластным волшебному резцу.

А.А. Валов

Одним из интересных и древних видов декоративного искусства, сопровождавших человечество на протяжении всей его истории, является художественная обработка кости. Путь развития косторезного творчества – от очень простых утилитарных предметов до гармоничных по форме и орнаментации произведений декоративно-прикладного искусства. В каждое произведение вложен не только труд и талант одного человека, исполнителя данной вещи, но навыки многих поколений, многих безымянных творцов, чьи достижения получили достойных восприемников в лице косторезов последующего времени. Рассмотрим становление косторезного промысла на Севере России, традиции, сохранившиеся в обработке кости у современных мастеров, на примере четырех наиболее известных косторезных промыслов: в Архангельской области, в городе Тобольске, на Чукотке и в республике Саха (Якутия).

В глубокой древности коренные жители Сибири и Крайнего Севера изготовляли из кости животных различные хозяйственные и охотничьи изделия: ножи, наконечники для гарпунов, амулеты. Такие предметы, найденные археологами на побережье Чукотки, относятся к началу нашей эры. Повседневные практические и полезные вещи отличались простотой изготовления, не имели каких-либо декоративных орнаментов, но в процессе их изготовления складывались определенные навыки работы с костью – благородным и прекрасным материалом. В настоящее время изделия из кости сохраняют свое утилитарное назначение, а также развивается художественная обработка кости как вид декоративно-прикладного искусства.

В развивающихся школах резьбы по кости большое значение имеет наличие в достаточном количестве того или иного материала: на Чукотке велась добыча и обработка кости – клыков моржа, с древности органически входящая в образ жизни охотников на морского зверя. В Сибири бивни мамонта находили и находят до сих пор в вечной мерзлоте тундры, где складываются благоприятные условия хранения. Эти виды кости сейчас становятся все большей редкостью и используются современными мастерами для изготовления уникальных произведений и высокохудожественных работ,

© Корольков С.В., 2012

выполняемых малыми сериями. Для более массовой продукции используют простую второсортную кость – цевку. В производстве художественных изделий из кости древними мастерами использовались традиционные способы обработки, которые сохранились и широко применяются у современных мастеров.

Начнем с художественного промысла резьбы по кости, сформированного на Русском Севере, близ города Холмогоры, возникшем на берегу реки Северная Двина, недалеко от Архангельска. Наряду с оживленной торговлей с Западной Европой на Русском Севере получает развитие художественная резьба по кости. Немаловажную роль в развитии резьбы сыграли находки бивней мамонтов в обвалах крутых речных берегов Архангельской губернии и побережья Ледовитого океана, а также добываемый клык моржа. Местные жители ходили на судах за моржовым промыслом на остров Вайгач, Новую землю, Югорский Шар. Мастера XVII века постепенно вместе с простой костью (цевкой) чаще используют для изготовления различных бытовых предметов моржовый клык и бивень мамонта. Традиционные изделия из мамонтовой кости и клыка моржа воспринимались как предметы роскоши и пользовались спросом не только у местных жителей, но и шли на экспорт. Возможно, с этого времени в устную традицию былин входит описание убранства кораблей и домов, где присутствуют предметы из кости: гребни, шахматы, трости, пороховницы и т.д.

Оружейная палата была своеобразной художественной академией того времени, где косторезы работали с мастерами других специальностей: оружейниками, серебряниками, художниками, граверами, резчиками по дереву, токарями. В одном изделии мастера могли сочетать различные приемы декорирования, например, изысканная ажурная резьба и цветная гравировка, особая орнаментальная изощренность, использование драгоценных материалов. Приостанавливается резьба по кости на Русском Севере в первой четверти XVIII в., кость поступает в Петербург в распоряжение Адмиралтейства и используется при строительстве кораблей, изготовлении инструментов, различных деталей и блоков, требующих большого количества кости, появляется необходимость изготовления сложных предметов с применением токарных станков. Нехватка материала повлияла на изготовление предметов: мастера косторезы в целях экономии сырья изготавливали небольшие по размеру изделия. К середине XVIII века мастера начинают окрашивать костяные пластинки в зеленый или коричневый цвет, позднее, в конце XVIII – начале XIX вв., цвета теряют свою яркость, заменяются блеклыми желтыми и глухими зелеными тонами. Меняется облик изделий и утрачивается праздничность, изделие становится более строгим, в чем проявляется влияние ведущего стиля эпохи – классицизма. После октябрьского переворота 1917 года художественный промысел резьбы по кости, угасший в начале XX в., возрождается. В 1931 г. в селе, носящем имя М.В. Ломоносова (бывшее Денисовка), организуется современная артель, впоследствии фабрика художественной резьбы по кости. С этого времени растет и формируется разнообразный ассортимент изделий на основе северорусской резьбы, которая прославилась искусством резьбы «на проем». Благодаря издавна сложившимся традициям, где наиболее распространенные, создаваемые холмогорскими резчиками изделия (костяные ларцы, табакерки, гребни) становятся символом холмогорского мастерства в настоящее время. Холмогорские мастера продолжают богатые традиции прошлого, создавая произведения, отвечающие стилистической направленности декоративного искусства наших дней.

С древних времен известна Чукотская резьба по кости, основанная на побережье Берингова пролива, где местные жители, чукчи и эскимосы, занимались охотой на морского зверя, разведением пушных зверей и оленеводством. Найденные на Эквене (местность близ поселка Уэлен) костяные статуэтки северных животных восхищают совершенством и гармонией форм. Древние резчики узнаваемо передавали головы хищников – белого медведя, тюленя, моржа. Вместе с тем они наделяли их фантастическими чертами в соответствии с первобытными верованиями, представлениями о всесильных духах, которые воплощались в фигурках животных. Скульптуры, изображающие животных, служившие амулетами – предвестниками счастливой охоты, выполненные мастерами как в V–VII вв., так и в XVIII–XIX вв., отличаются скупостью порезки, но, несмотря на это, большой выразительностью. Декоративные скульптуры имели простые очертания, минимум деталей и выражали самое типичное для данного зверя: грозную силу медведя, неподвижность могучего моржа. Стремление отобразить окружающий мир особенно ярко проявилось в сюжетной гравировке на клыке моржа, популярной у чукчей и эскимосов в конце XIX – начале XX в. В 20–30-е годы XX века постепенно менялся быт и взгляды мастеров на свое искусство. Мастера, чукчи и эскимосы, объединяются в 1931 году в мастерскую, расположенную в поселке Уэлен. Теперь резчики все реже создают предметы из кости. В основном их творчество связано с созданием скульптуры и гравюры на клыках.

Резные фигурки и разнообразные костяные гравированные бытовые предметы отличались наблюдательностью и талантом чукотских мастеров. Характерными мотивами художественного промысла становятся миниатюрные изображения оленьих и собачьих упряжек. Охота на морских животных по-прежнему играет важную роль в жизни наро-

дов Крайнего Севера. Поэтому анималистическая тема является ведущей в скульптурных работах. Хорошо зная повадки и особенности животных, постоянно наблюдая их во время охоты, мастера выбирают для изображения самые типичные моменты движения, самые важные моменты борьбы. Охота на моржа или схватка медведя с собаками полны напряжения и динамики, убедительны и правдивы при известной условности в передаче пространства и трактовки формы. Художники передают свое уважительное отношение к диким животным, подчеркивая их мощь и природную красоту. При небольшом размере скульптуры, которая может легко уместиться в ладони, мастера лаконичными средствами дают точную характеристику животного, акцентируя самые необходимые детали. Ритм в чередовании фигур охотников и животных (если, например, изображается сцена охоты) создает выразительную группу, в которой хорошо просматривается движение, а верно выбранный силуэт подчеркивает декоративность скульптуры. На боковой стороне подставки, как правило, резался гравированный рисунок, дополняющий рассказ об охоте или другом событии, зафиксированном в персонажах скульптуры. Сочетание двух видов искусства – скульптуры и гравюры – подчеркивает и расширяет содержание изображаемого события. Также в современной гравировке произошли значительные изменения: повысилось мастерство рисунка, обогатился цвет, расширился круг сюжетов, усовершенствовалось и усложнилось построение многофигурной композиции. В то же время мастера сохранили ценные черты чукотско-эскимосского искусства: скупость художественных средств, выразительность скульптурных образов.

В якутском косторезном искусстве нашли яркое воплощение особенности этнического мышления народа саха и традиции, передававшиеся из поколения в поколение. В XVIII веке якутские мастера следовали традициям холмогорского косторезного искусства, подражая предметам, привезенным переселенцами и путешественниками с Русского Севера. Но так как якутские резчики обладали навыками обработки дерева и бересты, используя технику плоскорельефной и ажурной резьбы, то и в косторезном искусстве они в очень короткий срок выработали собственный национальный стиль. В основе лаконичной выразительности якутской резьбы по кости лежит обобщенная пластика форм, сочетающаяся с изощренной изобразительной повествовательностью и строгостью декоративного оформления. Определилось формирование косторезного промысла как одного из ярких видов местного народного творчества.

Во второй половине XIX столетия усилилась ориентация на объемную резьбу, которая получила широкое развитие и в XX веке. В жанровых композициях, посвященных жизни сибирского народа, проявился интерес мастеров к пространственной взаимосвязи фигур и предметов. В 1924 году якутские мастера объединились в артель «Муосчут» («Косторез»), но спустя год она распадается. В 1930-х годах в промартели «Ширпотреб» открывается косторезный цех, где начинают заниматься изготовлением бытовых предметов: гребней, мундштуков, трубок. Во второй половине 40-х годов XX века в косторезном искусстве наметилось стремление переосмыслить богатые традиции местной художественной резьбы по бивню мамонта. В 1945 году в Якутии создается художественное училище, что способствует становлению косторезного искусства. Опираясь на народные традиции якутской резьбы, художники разработали якутскую орнаментацию. В 1968 году в Якутске организуется фабрика «Сардаана», которая объединяет мастеров по изготовлению национальных утилитарных и декоративных изделий из природных материалов. Якутские мастера предпочитают шлифованную и полированную поверхность, любят сочетать изделия из кости и рога с другими материалами, а также украшают изделия чеканным рисунком геометрического орнамента. Ассортимент изделий включает в основном три группы: утилитарные предметы, украшенные резьбой (ножны с ручками в виде головы оленя, деревянные ножны с костяными накладками); предметы-украшения (чаще всего это серьги) и декоративные (скульптуры и скульптурные композиции «Охота на медведя» и другие). Старшее поколение мастеров, сохранивших приемы ремесла, возрождает и обогащает якутскую резную кость новыми образами и приметами преображенной жизни, тем самым определяет дальнейшие пути развития этого самобытного вида искусства.

Тобольск, один из основных российских центров резьбы по кости, основанный в результате похода Ермака в Сибирь, на протяжении XVII–XVIII веков являлся административным, военным, культурным и религиозным центром Сибири. Первые косторезные изделия появляются в Тобольске в начале XVIII века. Наличие ископаемой мамонтовой кости, которую до сих пор находят в Сибири, а также опыт народностей, проживающих в бассейне реки Обь (ханты, манси), подсказывают возможность заниматься художественной обработкой кости и русскому населению. Вскоре организовываются мастерские, где налаживается изготовление изделий из мамонтовой кости. Ориентация мастеров на критический реализм, в русле которого развивалось русское изобразительное искусство второй половины XIX в., направляла их внимание на реалистическое изображение человека в типичной обстановке. Особенно заметно такой подход к скульптуре проявлялся в однофигурных композициях, когда образ человека имел ярко выраженные этнические признаки в лице, одежде, пропорциях. Сочувствие обездоленным, тема социальной неспра-

ведливости занимала в творчестве тобольских резчиков важное место. Рядом с этим выполнялись композиции «поездки на оленях» и другие экзотические сцены из жизни народов Севера и Сибири, которые раскупались как сувениры. Изготовлялись мастерами и недорогие предметы декоративно-прикладного искусства – шкатулки, ножи для разрезания бумаги – с применением техники инкрустации, скульптурных дополнений формы предмета.

Небольших размеров скульптурные композиции определяли основной путь художественного развития тобольских мастеров. Они изображали северных жителей, занятых своими повседневными делами (кормление собак, ловля рыбы, охота, хозяйство остяков). Персонажи скульптур вырезались отдельными фигурами и размещались на подставке. При большом количестве фигур, деревьев и чума вся скульптурная группа напоминала макет, в котором рассказ о событии был важнее художественно-пластической организации пространства.

Судьба промысла в дореволюционный период аналогична другим центрам народного искусства. В конце 1920-х годов мастера, владеющие резьбой, были объединены в артель. Возрождение ассортимента и восстановление мастерства началось с повтора типичных для старого промысла многофигурных композиций. Правда, теперь это сцены, отражающие преобразования в жизни народов Севера. Вместо чума появляются здания фактории, включается в композицию и самолет. Иногда макетные наборы приобретали большой размер и становились непонятными по назначению. Гораздо ближе к декоративной скульптуре стоят традиционные поездки на собаках или оленях, хотя принцип макетности изживается и здесь не так быстро.

С 1950-х годов в работах тобольских мастеров начинают складываться принципы композиции, приближающие скульптуру к декоративной выразительности. Сцены «поездок» приобретают единство ритма и динамики в передаче движения и расстановке фигур животных на подставке. В композициях на эту тему становится убедительнее силуэт всего построения, лаконичнее прорабатывается форма. Постепенно мастера отказываются от излишней детализации.

С переходом на выполнение изделий из зуба кашалота уменьшается размер работ и наблюдается интерес к созданию очень компактной скульптуры. Если раньше объем скульптуры расчленялся, фигура человека находилась в сильном движении, то теперь это почти монолитные куски материала, рельефная проработка которых выявляет самое необходимое для обозначения скульптурного мотива. «Старик, курящий трубку», «Мать с ребенком, делающим первые шаги», «Дети, играющие с собакой». В каждой такой скульптуре скупая лепка формы усиливается привлекательностью материала, бережно сохраняемого резчиком. Подлинная скульптурность миниатюрной пластики окончательно вытеснила подставки, на которых раньше монтировались даже несложные двухфигурные группы.

Обозначившееся в 1960-е годы направление закрепилось в творчестве тобольских мастеров на долгие годы. Согласно такому подходу к скульптурной форме создаются и более сложные композиции, главным достоинством которых являются отказ от макетности и постоянное совершенствование пластики как средства выразительности. Современный ассортимент изделий тобольского промысла не ограничен скульптурой. В комбинации кости с деревом мастера выполняют курительные трубки, миниатюрные панно, украшения женской одежды, приборы для рабочего стола, закладки-листорезы. На темном фоне дерева твердых пород кость применяют как инкрустацию или рельефную накладку. В настоящее время зависящие от размера и назначения вещи, костяные вставки имеют как орнаментальные, так и изобразительные сюжеты.

Рассмотрев развитие традиционных центров резьбы по кости, можно отметить, что весьма плодотворными для всех были 1960-е – 1980-е годы. Как и во всем советском декоративно-прикладном искусстве, основным становится возрастание декоративного начала, внимание к текстуре материала, характерной – обобщенная пластика, в общее решение активно вводится силуэт, объемно-линейный ритм. Эти общие требования, тем не менее, давали возможность всем мастерам косторезных школ проявить творческое, индивидуальное начало, а пластические характеристики соответствовали возможностям материала. Плодотворность изучения своей национальной культуры и искусства приносит косторезам Севера и Сибири несомненный успех. Их творчество постоянно развивается, совершенствуясь в техническом и эстетическом отношении, так как искусство резьбы по кости не может развиваться без традиций и прошлых достижений. Стремление как можно лучше познать традиционное искусство, сочетание знаний с освоением нового и возможности собственной творческой индивидуальности постоянно помогают в процессе развития искусства у современных мастеров.

На рубеже XX–XXI столетий заметно меняется общая картина российского косторезного искусства. Этот период характеризуется своего рода переломом, поиском новых тем и сюжетов, новых видов и стилей, новых образно-пластических решений, новых вариантов организации производства, новых способов взаимоотношений художника и рынка. Возникает одновременное сосуществование разных стилей, линий. В целом, наиболее образно и художественно выразительные произведения создаются косторезами, обращающимися к традиционной культуре, к мифологии. Это свойственно не только для косторезного искусства: процесс возрастающего темпа культурных изменений, бы-

строй смены стилистических и образных систем, характерный для искусства в целом, привел к необходимости обращения к традициям, способным быть и ценностными ориентирами, и источниками новых форм. Искусство резной кости продолжает развиваться, несмотря на утрату многих уникальных приемов старинной техники, и с приходом современных технологических приемов работы с костью. Народные традиции живы и находят свое продолжение в работах современных мастеров.

Библиографический список

1. *Абросимова А.А., Каплан Н.И., Митлянская Т.Б.* Художественная резьба по дереву, кости и рогу: практ. пособие. – М.: Высш. школа, 1989. – 160 с.

2. *Давыдов Исай.* Тобольские косторезы. – Тюмень, 1954. – 72 с., илл.

3. *Иванов В.Х.* Якутская резьба по кости. – М.: Наука, 1979. – 111 с., илл.

4. *Петерс Б.Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1986. – 185 с., илл.

5. Северорусская резная кость XVIII – начала XIX вв.: альбом. – М.: Сов. художник, 1969. – 105 с., илл.

6. *Уханова И.Н.* Северорусская резная кость XVIII – начала XIX века: альбом. – Л.: Сов. художник, 1969. – 112 с., илл.

7. *Федотов Г.Я.* Дарите людям красоту. Из практики нар. худож. ремесел: кн. для учащихся ст. классов. – М.: Просвещение, 1985. – 255 с., илл.

8. Художественная резьба по дереву, кости и рогу: учеб. пособие для средн. ПТУ. 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., 1984. – 159 с., илл.

УДК 39

Мазалова Наталия Евгеньевна
Музей антропологии и этнографии РАН
mazalova.nataliya@mail.ru

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА ИЗ НЕРЕХТЫ

В статье рассматривается ритуальная деятельность целительницы из Нерехты, сакральное знание связано с представлениями биоэнергетики и других современных теорий. Автор исследует функции и статус ритуального специалиста в современном обществе и делает вывод о том, что социальные функции современных целительниц заключаются в том, что их деятельность направлена на помощь членам общества в адаптации к условиям динамически изменяющейся социальной среды.

Ключевые слова: *этномедицина, целители, сакральное знание, социальный статус, социальные функции.*

В настоящее время в России есть целители, обладающие традиционными «тайным знанием» и способами лечения, и целители, сакральное знание которых представляет соединение традиционных народных верований с представлениями биоэнергетики и других современных теорий. В последние годы в отечественной науке исследователи обратились к проблемам, связанным с изучением различных аспектов деятельности современных ритуальных специалистов [3; 5]. Вместе с тем недостаточно исследованными остаются некоторые вопросы, например, новые функции целителей.

В наши дни, в связи с повышением роли церкви, вновь усиливаются христианские элементы в народном православии. В последние годы появились «знающие», которые «лечат святыми». Они являются посредниками между больными и христианскими святыми, и их основная функция заключается в передаче силы или энергии святых. С одной из новых «знающих», Галиной Александровной Смирновой (1930 г.р.), я работала в г. Нерехта Костромской области в 2005 г. Нерехта – старинный город с населением в несколько десятков тысяч человек, в советское время там были льнокомбинат, макаронная фабрика и оборонное предприятие. Сейчас многие предприятия закрыты, часть населения ездит на работу в Ярославль, в городе много безработных. Следует отметить, что в Костромской области в настоящее время чрезвычайно активна церковь и высок ее авторитет: возрождаются монастыри, восстанавливаются церкви. Здесь очень много воцерковленных людей, принадлежащих к разным слоям общества. Именно к таким воцерковленным относится Галина Александровна. Она много молится, читает книги из библиотеки при монастыре. Галина Александровна – достаточно образованный человек, в прошлом – учительница со среднеспециальным образованием.

Мировоззрение Г.А. Смирновой, как и других современных «знающих», включает традиционные элементы, христианские, а также новые, почерпнутые из современных научных концепций наук о природе Вселенной и человека, среди которых – теории торсионных полей и физического вакуума. С этим связаны и изменения в практиках лечения. Наряду с традиционными способами лечения (заговорами, фитотерапией, мануальной терапией) появляются новые. В.И. Харитонова отмечает такие новые методы воздействия на человеческий организм, получающие все большее распространение среди практикующих нетрадиционное лечение, как биоэнергетическое воздействие, эниосуггестия, гипноз, оккультизм и др. [6].

Галина Александровна относится к числу «посвященных», она получила свои магические спо-

© Мазалова Н.Е., 2012

собности – «дар» от Бога и святого Николая Чудотворца; здесь мы имеем вид получения магического знания с помощью «дарения от Бога» [7, с. 99], по словам целительницы, дар дал Бог: дар, по народным представлениям, – сложное понятие, оно обозначает дарование, способности, талант; кроме того, по христианскому учению, дар – способность к благодеянию, ниспосланная свыше, данная от Бога, а также свойство быть щедрым, великодушным. У Галины Александровны были видения: «Видела я святых. Первым я видела Николая Угодника. Ночью… на потолке вижу овал, а в овале – мужчину, волосы растрепаны, а лицо доброе. Мне объяснили, что он выбрал меня (лечить. – *Н.М.*)» [1, л. 14].

Для православной иконописной традиции характерен специфический «портретный» облик Николая – высокий лоб, заботливый облик «пастыря».

По мнению целительницы, Бог наделил ее «даром», потому что и ее родители, и она сама старались делать добро, вели праведную жизнь, не грешили, например, по ее словам, она не делала абортов.

Магические способности она получила после того, как сама тяжело болела и лечилась у целительницы, которая лечит святыми. По словам знающей, вначале у нее открылось внутреннее зрение: она могла видеть с закрытыми глазами.

В соответствии с представлениями, которые сложились у современных целителей, святые помогают «знающей» при диагностике больного (по ее словам, «иногда святой дает на подсознание»), чаще больной орган определяется с помощью металлической рамки или маятника – части металлической телевизионной антенны, которая в случае порчи вращается на 180° против часовой стрелки. После лечения – маятник вращается по часовой стрелке. Этот способ диагностики основан на представлениях биоэнергетики. Целительница считает, что в процессе лечения ей также помогают святые, она мысленно обращается к ним за помощью: «Я прошу поработать, а святые делают»; «Пациенты сидят, с ними святые работают» [1, л. 32]. На мой вопрос, какой именно святой помогает при определенных болезнях, Галина Александровна затруднилась ответить. По некотором размышлении она предложила, вероятно, собственную классификацию, основанную на христианских представлениях: «Детьми до 10–12 лет управляет Божья матерь, она детей направляет, людей до 25–30 лет – Иисус Христос, после 30-ти лет – Николай Угодник» [1, л. 19]. Здесь мы сталкиваемся с формированием новых элементов индивидуального мировоззрения. Она предлагает свою интерпретацию некоторых элементов Священного Писания. Вместе с тем представление о том, что святые выступают в роли помощников святых – основное в магических практиках традиционных русских знахарей, главная установка которых – «Я с помощью Бога лечу» [4, с. 92].

После проведения диагностики «знающая» читает молитвы «Отче наш», «Да воскреснет Бог» (чтение молитв является способом введения себя и больного в особое состояние сознания), а в это время больные сидят с протянутыми руками ладонями вверх. Затем «знающая» просто беседует с пациентом, расспрашивает его о жизни. При мне пациентами целительницы были несколько местных пенсионерок, 35-летняя учительница старших классов местной школы, 54-летний инженер (отставной военный) из г. Ярославля и др. Мне рассказывали, что иногда у Галины Александровны одновременно на сеансе лечения присутствовало более 30 человек. Это отличает его от лечебных обрядов традиционных «знающих», где существует прямая связь «знахарь – больной».

В некоторых случаях, например, при лечении порчи, «знающая» прибегает к бесконтактному массажу. Бесконтактный массаж (биоэнергетическое воздействие), который она практикует, связан не только с новыми знаниями, полученными в результате обучения у экстрасенса, закончившего курсы биоэнергетики, чтения специальной литературы и т. п., но и с внутренними ощущениями ее самой, появившимися внезапно, после травмы, которую она получила.

Во время сеанса лечения «знающая» испытывает болезненные ощущения: «То позвоночник болит, то в сон клонит, то руки тяжелеют». Ощущения тяжести и сонливость свидетельствуют о том, что болезнь переходит на нее. После проведения сеанса она иногда чувствует себя больной и обессиленной; она говорит: «Когда снимаю отрицательную энергию, вся мокрая, и в глазах темно». Считает, что когда работает руками (бесконтактный массаж), «боль частично берется руками, нужно смыть или стряхнуть» [1, л. 32]. По представлениям современных «знающих», на них переходит отрицательная энергия пациента. Следует отметить, что подобные представления связаны и с практикой традиционных «знающих» – во время проведения лечебного обряда болезнь переходит вначале на знахаря, а затем уже он должен изгнать ее во внешний мир.

Нередко после того, как Галина Александровна начинает лечить сильную порчу, ее начинает пугать нечистая сила: «пристает нечистая сила». Это также совпадает с традиционными представлениями.

Г.А. Смирнова в социуме выполняет функцию священника, который выступает в качестве предстоятеля общины, посредника между общиной и Богом; так, в некоторых ситуациях она пытается заменить священника, например, проводя экзорцизм. Целительница отваживается на экзорцизм – изгнание бесов, хотя и признает, что «не имеет на это права». По научной терминологии, она обладает способностью входить в особые состояния сознания и в это время контактировать с бесами. Так,

Галина Александровна пыталась изгнать бесов из больной женщины, в которую, как считает целительница, вселился бес. Женщина поселилась у «знающей». По рассказам целительницы, она вела с бесом длительные разговоры, бес, в ее изложении, – существо грубое, скандальное и зловредное; так, он пытался спровоцировать больную убежать неодетой на мороз: «Пойдем отсюда. Сюда сегодня самый главный (сатана. – *Н. М.*) прилетает» [1, л. 17]. Правда, по мнению самой целительницы, ей не удалось справиться с ним до конца, и она отправила больную на долечивание в монастырь Оптину Пустынь к священнику. Больная поправилась, но, как она считает, не до конца, постоянно посещает целительницу: боится возвращения болезни. Женщина эта – очень нервозная, впечатлительная, с проблемами в семейной жизни, у нее сильно пил муж. Сложилось впечатление, что она находится в полной зависимости от Галины Александровны.

Г.А. Смирнова считает, что получила благословение священника из Оптиной Пустыни, который прислал ей поздравление с Пасхой в ответ на ее письмо, где она рассказывала о своей целительской практике. Проблема взаимоотношений знахарей и церкви в работах, посвященных народной медицине, остается неосвещенной. Как известно, официальная православная церковь не признает лечения знахарскими методами, считая их сатанинскими.

Следует отметить, что в наши дни «одержимость бесами» – распространенное психическое заболевание, ими страдают, например, некоторые юноши, воевавшие в Чечне. В традиционном социуме знахари занимались лечением других, по народным представлениям, менее опасных болезней, изгнать беса могут только священники, причем очень немногим из них позволено отправлять экзорцизм. Эта практика бытует и в наши дни.

Отправление магических практик – серьезный источник доходов Г.А. Смирновой – пенсионерки и инвалида. В 2005 г. она брала за сеанс 50 р. Следует отметить, что это нисколько не соотносится с традиционной практикой лечения: обычно платят продуктами натурального хозяйства, едой и т.п., но не деньгами и не определенную таксу, а кто сколько может.

Такие «знающие», как Г.А.Смирнова, выполняют еще одну важную функцию – контроль за соблюдением норм поведения социума. По традиционным представлениям, причиной болезни, например порчи, может явиться и нарушение норм поведения, в частности, норм поведения в семье, по отношению к старшим, к «знающим». Галина Александровна анализирует с пациентом житейские ситуации, указывает, какие ошибки он совершил, и в случае надобности с помощью магических практик разрешает ситуацию.

Многие из современных целительниц в прошлом занимали руководящие посты (например, бригадир) либо привыкли заниматься воспитанием (учителя). Пациенты у них разные: большая часть – женщины с низким уровнем образования, но есть также мужчины и женщины с высшим образованием. К целительницам также обращаются представители власти.

В современном российском социуме происходит ослабление некоторых связей – производственных, семейных. Большинство пациентов целительниц – одинокие люди, некоторые – не работающие. Они нуждаются не только в лечении, но и в дружеской, социальной поддержке. В этих условиях целители начинают выполнять не только лечебные функции, но и властные. Постепенно целительница и ее пациенты формируют структуру взаимоотношений с определенной иерархией. Целительница является лидером этой структуры. Она реализует властные функции, в том числе – через делегирование полномочий от верхних уровней иерархии вниз. Пациентам, находящимся на верхнем уровне иерархии (как правило, это более состоятельные люди и с более высоким уровнем образования), целительница уделяет больше внимания во время лечения. С некоторых пациентов она берет меньше денег за лечебный сеанс или лечит их бесплатно. Такие пациенты выполняют некоторые ее задания, например, купить крестик в церкви для новых пациентов, с особо доверенными она отмечает праздники, и т.д. Пациенты соперничают за более высокое место в иерархии.

Для этой структуры характерен патерналистский стиль управления, обычно характерный для лидера-мужчины. Выполнение распоряжений целительницы строго контролируется. Несмотря на строгую иерархию, взаимоотношениям придается личностный характер, выходящий за чисто служебные рамки. Сама она играет роль матери, а ее пациенты выступают в роли детей. Предметом ее заботы являются не только здоровье пациентов, но и их личная жизнь. Пациенты обращаются к ней с самыми разными житейскими проблемами, например, Галина Александровна помогает решать семейные неурядицы, иногда выступает наперсницей в сердечных делах, в роли свахи.

Отметим, что многие из больных находятся в значительной психологической зависимости от целительницы. Здесь, вероятно, следует говорить о личной власти целительницы, которую Дж. Миллер определяет «как способность вызвать изменения, то есть взять что-нибудь от “А” и передать “Б”, что может включать в себя даже передачу чувств и эмоций, являясь очень сильным воздействием»[8, p. 38]. И.В. Грошев называет такую функцию власти амотивной [2, с. 35].

На наш взгляд, взаимоотношения целительницы и пациентов в рамках иерархической структу-

ры обладают некоторым сходством с отношениями внутри сект. Однако имеются существенные отличия. Как правило, религиозная секта возникает как оппозиционное течение по отношению к официальным религиозным направлениям с характерными установками на исключительность своей роли и доктрины. В случае с целителями и их пациентами идея избранничества и изоляционизм являются следствием динамических изменений, происходящих в социальной среде, и не носят оппозиционного характера по отношению к православию и обществу.

Галина Александровна – очень деятельный, властный, доброжелательный человек; например, сотрудники Краеведческого музея г. Нерехты осыпали ее похвалами, характеризовали как очень доброго человека, который помогает многим людям, никому не отказывает. Ее функции заключаются не только в лечении; по словам целительницы, она не только лечит, она советует. В городе она известна очень многим жителям и пользуется у них авторитетом и уважением.

Следует отметить, что и в традиционном социуме «знающие» играли значительную роль и в какой-то мере осуществляли властные функции, здесь следует говорить о власти в понимании М. Фуко: власть – знание и власть – прямое воздействие на тело индивида.

Появление ритуальных специалистов, «лечащих святыми», привело к тому, что традиционных «знающих», которые лечат заговорами, обвинили в колдовстве. Так, знахарку в Нерехте, долгие годы лечившую испуг, грыжу, кожные заболевания, объявили колдуньей. Очевидцы рассказывают, что ее дом временами ходуном ходит – «набит нечистой силой» [3, с. 238]. Магические способности «знающей» связывают с бесами. Следует отметить, что в отдаленных деревнях России, где не открылись церкви, и в настоящее время продолжают функционировать знахарки, в мировоззрении и практиках которых преобладают магические элементы.

Изучение мировоззрения современных целителей, в том числе – Г.А. Смирновой, представляет особый интерес в связи с изучением народного православия. В последние десятилетия исследователи обратились к изучению народного православия как единого целого (Н.И. Толстой, Т.А. Бернштам, Е.Б. Смилянская и др.). На наш взгляд, продуктивным является изучение не в отдельности христианских и магических элементов, а разных форм сочетания магического и христианского компонентов в народной религиозности. Для того чтобы описать народную религию, следует описать религиозность отдельной личности в конкретную историческую эпоху. Важно исследовать, «каковы в этой религии коренные представления о Боге, иерархии ценностей, соотношение мира земного и потустороннего, ведь участие человека в религии выражается не только в усвоении религиозной истины», но и в «отражении ее в человеческих знаниях, чувствованиях и деятельности» [5, с. 11]. Исследование характера соединения магических, христианских и современных элементов, восприятие личности «знающего» в разные временные периоды важно для исследования мировоззрения отдельной личности.

В наши дни абсолютное большинство целительниц в деревнях и маленьких городах – женщины. Несмотря на демократические процессы, происходящие в современном российском обществе, по-прежнему статус женщины в социуме ниже, чем мужчины. Некоторые женщины, овладев «особым» знанием, повышают свой статус. В наши дни, когда в деревнях и маленьких городах зачастую очень слаба официальная медицина, возрастает статус целителей.

Социальные функции современных русских «знающих» заключаются в том, что их «деятельность» направлена на помощь членам социума в адаптации к условиям динамически изменяющейся социальной среды, в том числе – отрицательным; в переломные моменты истории людям необходимы дополнительные знания, и такими знаниями являются специализированные знания целителей.

Библиографический список

1. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Ф. 1. Оп. 2. № 1880. Г. Нерехта. Костромская обл. 2005. Полевые материалы автора.

2. *Грошев И.В*. Гендерные представления власти // Социс. – 2000. – №12.

3. *Ермакова Е.Е.* Сибирская заговорная традиция (конец XX – начало XXI вв.). – Тюмень: Издатель Пашкин, 2005. – Т. 1–2.

4. *Мазалова Н.Е.* Этнографические аспекты изучения личности «знающего» (XIX – начало XXI в.). – СПб.: Петербургское востоковедение, 2011.

5. *Смилянская Е.Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные» преступления в России XVIII в. – М., 2003.

6. *Харитонова В.И.* Заговорно-заклинательное искусство восточных славян. Проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. – М., 1999. – Т. 1–2.

7. *Харитонова В.И.* Традиционная магико-медицинская практика и современное народное целительство: ст. и материалы. – М., 1995.

8. *Miller J.B.* Women and power: Reflection ten years later // Women and power: perspectives for family therapy/ ed. T/J. Goodrich. – New York: Norton, 1991.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 882.09

Волотов Дмитрий Андреевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
vadmit87@mail.ru

ИСТОРИЯ БАТАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: НАЗВАНИЯ ВОЕННЫХ УКРЕПЛЕНИЙ (на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир»)

Батальная лексика французского происхождения в русском языке начала XIX века многочисленна. Анализ языка романа Л.Н. Толстого «Война и мир» помогает определить степень ассимиляции галлицизмов, обозначающих укрепительные сооружения, – батарея, редут, флешь, уточнить их семантику, структурные и функциональные свойства в аспекте истории русского литературного языка.

Ключевые слова: *галлицизм, батальный, заимствование, семантика, ассимиляция.*

Недаром помнит вся Россия про день Бородина!
М.Ю. Лермонтов

В 2012 году исполняется 200 лет битве между русской и французской армией, известной мировой истории как «сражение на Москве-реке», а в России – носящей название «Бородинское сражение». Широкую известность эта крупнейшая битва Отечественной войны получила из-за общей численности участвовавших в ней войск и огромных потерь с той и с другой стороны, а также решающего исхода сражения, по мнению отечественных историков, в пользу русской армии. Дата исторического сражения особо памятна в наши дни ещё потому, что этому событию было посвящено множество литературных произведений русских поэтов и писателей. Так, Л.Н. Толстой в нескольких главах описал сражение при Бородине в «Войне и мире», А.С. Пушкин отразил тему Бородинского сражения в ряде стихотворений, М.Ю. Лермонтов посвятил этому событию балладу «Бородино», работу с одноимённым названием написал историк Е.В. Тарле. Эти произведения достоверно отражают реалии военных событий начала XIX века и лексику, их называющую, преимущественно французского происхождения: *авангард, аванпост, армия, арсенал, артиллерист, артиллерия, арьергард, атака, баталия, батальон, батарея, бивак, бомбардирование, бригада, бригадир, гарнизон, генерал, генерал-аншеф* и т.д. В этом списке находим номинации реалий военной деятельности, от которых во многом зависел исход военных операций – *апрош, батарея, бруствер, капонир, люнет, окоп, редан, редут, ретраншементы, тет-де-пон, траншея, флеши, шанец, эскарп* и др. Почти все выявленные нами в различных источниках, словарях и энциклопедиях (например, в ВЭС [2, с. 69, 630, 780], ЭСБЕ [5, т. 5, с. 174; т. 51, с. 472; т. 71, с. 132]) наименования оборонительных укреплений и их частей, использовавшихся русскими войсками в начале XIX века, являются галлицизмами, чаще непосредственного заимствования.

В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» неоднократно используются галлицизмы *батарея, редут, флешь*. Именно эти три заимствования из французского языка, превратившиеся со временем в историзмы, остаются широко известными и в настоящее время благодаря тексту романа «Война и мир». Эти слова являются необходимыми и важными для описания батальных сцен в романе-эпопее, а многочисленные по употребительности словосочетания с этими лексемами – *батарея Раевского, Шевардинский редут, Багратионовы флеши* – давно стали идиоматическими и по сей день олицетворяют доблесть и отвагу русской армии.

Лексема *редут* в русском языке однозначна – в словарях русского языка приводится единственное значение, сопровождающееся обычно пометой *воен.* Так, МАС даёт следующее толкование лексем: **РЕДУТ**, -а, *м. Воен. устар.* Полевое земляное укрепление с наружным рвом и валом, применявшееся до начала 20 в. *Сквозь дым летучий // Французы двинулись, как тучи, // И все на наш редут. Лермонтов, Бородино* [Франц. redoute] [3, т. 3, с. 696]. Пример употребления лексемы взят из поэмы «Бородино», в которой Лермонтов упоминает точно те же события, что и Толстой в «Войне и мире».

Функционирование лексемы *редут* в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» является частотным (36 употреблений), что позволило точно определить семантику слова в её парадигматических и синтагматических связях. Слово *редут* в романе имеет обычное значение для этого слова: ‘укреплённое сооружение для обороны, располагающееся обычно на возвышении впереди основных сил армии’ – *редут этот состоял из кургана, на котором с трех сторон были выкопаны канавы. В окопанном ка-*

© Волотов Д.А., 2012

навами месте стояли десять стрелявших пушек, высунутых в отверстие валов... [4, кн. 2, с. 231]. *Осмотрев местность против Шевардинского редута, Наполеон... указал на места, на которых должны были быть устроены к завтрему две батареи для действия против русских укреплений, и места, где рядом с ними должна была выстроиться полевая артиллерия* [4, кн. 2, с. 218]. Будучи укрепительным сооружением, редут строится заранее, обычно накануне дня сражения, когда дислокация войск уже известна. Цель сооружения редута, который также выполняет функции укрытия, заключается в создании так называемого барьера, труднодоступного для атаки этого редута и дальнейшего продвижения противника. На редуте, то есть на возвышенности, обычно располагают артиллерийские орудия (иногда вместе с пехотой) для лучшего обзора местности и для лучшей дальности стрельбы. Значение такого сооружения в практике боя очень велико: *редут этот состоял из кургана, на котором с трех сторон были выкопаны канавы. В окопанном канавами месте стояли десять стрелявших пушек, высунутых в отверстие валов. В линию с курганом стояли с обеих сторон пушки, тоже беспрестанно стрелявшие. Немного позади пушек стояли пехотные войска. Входя на этот курган, Пьер никак не думал, что это окопанное небольшими канавами место, на котором стояло и стреляло несколько пушек, было самое важное место в сражении* [4, кн. 2, с. 231].

Слово *редут* органично включается в авторскую речь при описании военных сцен, оно часто звучит в речи героев романа, военнослужащих как русской, так и французской армий: *наш центр. Правый фланг наш вот где (он указал круто направо, далеко в ущелье), там Москва-река, и там мы три* ***редута*** *построили очень сильные. Левый фланг... – и тут офицер остановился* [4, кн. 2, с. 195]. Русский офицер, объясняя Пьеру позицию русских войск, рассказывает, как он строил все наши укрепления, где располагаются наши правый и левый фланги и центр, где были устроены редуты. Пьер Безухов, как человек далекий от военного дела, по всей видимости, понимает значение военного термина *редут*, использованного офицером в разговоре. Французский офицер использует лексему в том же значении: *La grande* ***redoute*** *a été tenace, nom d'une pipe [Хорошо держался большой* ***редут****, черт возьми]* [4, кн. 2, с. 364]. Шевардинский редут, устроенный перед Бородинским сражением, у французов имел своё название – *Курган, на который вошел Пьер, был то знаменитое (потом известное у русских под именем курганной батареи, или батареи Раевского, а у французов под именем* ***la grande redoute, la fatale redoute, la redoute du centre*** *[большого редута, рокового редута, центрального редута] место, вокруг которого положены десятки тысяч людей и которое французы считали важнейшим пунктом позиции* [4, кн. 2, с. 231]. Здесь лексема охарактеризована тремя атрибутивами *grande*, *fatale*, *du centre*. Оценочные определения *grande*, *fatale* нетипичны для данной лексемы – военного термина, атрибутив же локального характера *du centre* вызван облигаторными способностями данной лексемы и является обычным и уместным в употреблении. Различие в наименовании данного редута у русских и французов объясняется тем, что для французского командования большее значение имело не трудновыговариваемое географическое название местоположения редута, а его роль, которую французы приписывали этому редуту во время сражения. Такая мотивировка в экспрессивной характеристике лексемы *редут* подчёркивает исключительное значение данного наименования. Словосочетания *потеря редута, атаковать редут, наткнуться на редут, Шевардинский редут, взятие редута, местность против редута, направиться к редуту, засыпать редут снарядами, подъехать к редуту, большой редут, роковой редут, центральный редут, видеть с редута* и др. свидетельствуют о его свободной сочетаемости с другими частями речи и конкретизируют значение слова, делают его зримым и ёмким, подчёркивают его значимость. В отличие от французского языка, где слово употребляется как имя существительное женского рода, в русском языке слово обозначает неодушевлённое понятие мужского рода, что свидетельствует о морфологическом приспособлении галлицизма к системе русского языка. Лексема имеет окончания существительных 2-го склонения и в предложении выполняет синтаксические функции, типичные для этой части речи.

Другой элемент исследуемой лексико-семантической группы (ЛСГ) «Фортификационные сооружения и их части» – лексема *флешь* – имеет несколько иное значение. Так, в МАС лексема охарактеризована следующим образом: **Флешь**, -и, ж. Воен. устар. Полевое укрепление в форме тупого угла, обращенного вершиной к противнику. *Залпы шевардинского боя еще громыхали изредка между редутами и флешами.* Голубов, Багратион. [От франц. flèche – стрела]. [3, т. 4, с. 570]. Флешь, как и редут, является укрепительным сооружением, отличаясь от редута формой и характером построения. Такие полевые или долговременные укрепления состояли из двух фасов (сторон), которые образовывали тупой угол, обращённый к противнику (напоминающий в плане наконечник стрелы) [2, с. 787]. Название происходит от мотивированного французского слова flèche ‘стрела’ [6, с. 434].

В романе Л.Н. Толстого «Война и мир» эта лексема также обладает высокой фреквенцией, насчитывая 21 употребление. В нарративе произведения нет точной семантизации лексемы, поэтому сам автор даёт примечание при первом употреблении

этого слова в тексте романа: *Потом под гору и на гору они проехали вперед через поломанную, выбитую, как градом, рожь, по вновь проложенной артиллерией по колчам пашни дороге на флеши [род укрепления. (Примеч. Л.Н. Толстого.)], тоже тогда еще копаемые* [4, кн. 2, с. 202]. Ясно то, что флешами в «Войне и мире» называются некие 'сооружения, предназначенные для обороны'. В мастерски созданных Л.Н. Толстым детальных описаниях батальных сцен выкристаллизовываются нюансы значений лексемы, из которых складывается её семантический валёр. Объём значений раскрывается в контекстах, в парадигматических связях с другими лексемами. *В диспозиции сказано, первое: чтобы устроенные на выбранном Наполеоном месте батареи… всего сто два орудия, открыли огонь и засыпали русские* ***флеши*** *и редут снарядами* [4, кн. 2, с. 219]; *Перекатная пальба пушек и ружей усиливалась по всему полю, в особенности влево, там, где были* ***флеши*** *Багратиона, но из-за дыма выстрелов с того места, где был Пьер, нельзя было почти ничего видеть* [4, кн. 2, с. 233]; *Не только с того места внизу, где он стоял, не только с кургана, на котором стояли теперь некоторые его генералы, но и с самых* ***флешей****, на которых находились теперь вместе и попеременно то русские, то французские, мёртвые, раненые и живые, испуганные или обезумевшие солдаты, нельзя было понять того, что делалось на этом месте. В продолжение нескольких часов на этом месте, среди неумолкаемой стрельбы, ружейной и пушечной, то появлялись одни русские, то одни французские, то пехотные, то кавалерийские солдаты; появлялись, падали, стреляли, сталкивались, не зная, что делать друг с другом, кричали и бежали назад* [4, кн. 2, с. 239], – в этих отрывках из описания Бородинской битвы флеши, устроенные русскими войсками, или флеши Багратиона, подвергаются ожесточённой атаке со стороны французов, а русские артиллеристы, отважно сопротивляясь, отвечают канонадой выстрелов, из-за густого дыма от которых становится ничего не видно. В данном сражении Багратионовы флеши играли очень важную роль как для русской армии в плане обороны своих позиций, так и для французов – для дальнейшего продвижения к Москве: обе армии попеременно пытались овладеть флешами любой ценой, несмотря на огромные потери солдат.

Этимология и значение галлицизма *флешь* в русском языке известны, но открытым остаётся вопрос о времени и об условиях заимствования лексемы и её функционировании в русском языке. Очевидно, что в первой половине XIX века слово *флешь* находилось на этапе вхождения в русский язык, о чём свидетельствуют пояснения Л.Н. Толстого для новой лексической единицы (см. выше) и вариативность её употребления в романе. В «Войне и мире» лексема *флешь* имеет варианты написания в форме родительного падежа множественного числа *флеш/флешей*: *С* ***флеш*** *они поехали еще левее дорогою, вьющеюся по частому, невысокому березовому лесу* [4, кн. 2, с. 202]; *Когда с левого фланга прискакал Щербинин с донесением о занятии французами* ***флешей*** *и Семеновского, Кутузов, по звукам поля сражения и по лицу Щербинина угадав, что известия были нехорошие, встал, как бы разминая ноги, и, взяв под руку Щербинина, отвел его в сторону* [4, кн. 2, с. 247]. Стоит заметить, что во французском языке большинство лексем (*approche, lunette, caponnière, redoute, escarpe*) относятся к группе имён существительных женского рода, тогда как в русском языке мы сталкиваемся с фактом морфологического приспособления – заимствования меняют женский род на мужской – *апрош, люнет, капонир, редут, эскарп*. Вероятно, под влиянием этого процесса у слова *флешь* происходит колебание рода, но вариант написания слова с мягким знаком на конце в литературе начала XIX века всё же преобладает и закрепляется в словарях русского языка более позднего периода.

Наиболее частотной в романе «Война и мир» (86 употреблений) среди элементов ЛСГ «Фортификационные сооружения и их части» является лексема *батарея*. В романе она употребляется в двух значениях. В первом значении лексема обозначает «организационную тактическую единицу артиллерии, подразделяющуюся на несколько взводов» [1, т. 1, с. 295], второе значение образуется от ядерного значения на основе метонимии, переноса по смежности – «2. воен. Укрепление, место, где устанавливаются артиллерийские орудия» [1, т. 1, с. 295]. Дополнительные оттенки значений лексемы, которые не даны в словарных дефинициях, позволяет выявить текст «Войны и мира»: *Пушки с этой* ***батареи*** *беспрестанно одна за другой стреляли, оглушая своими звуками и застилая всю окрестность пороховым дымом* [4, кн. 2, с. 232]; *К десяти часам уже человек двадцать унесли с* ***батареи****; два орудия были разбиты, чаще и чаще на* ***батарею*** *попадали снаряды и залетали, жужжа и свистя, дальние пули. Но люди, бывшие на* ***батарее****, как будто не замечали этого; со всех сторон слышался веселый говор и шутки* [4, кн. 2, с. 233]; и др. В этих контекстах более полно проявляется семантика слова, заключённая в его ассоциативных связях с образами войны, – свист пуль, звуки от разрывов снарядов, густой дым от выстрелов, груды тел убитых и раненых, – придающими сухому терминологическому значению слова многообразные дескриптивные свойства и образность.

В словарях современного русского языка почти все эти лексемы отмечены пометой *устар.* С течением времени они действительно превратились в историзмы, поскольку военная наука не стояла на месте, изменились и характер и способы ведения

войн, что отразилось и на ситуации употребления терминов в современном русском языке. Несмотря на отсутствие необходимости использовать такие укрепительные сооружения в условиях нового времени, лексемы до сих пор остаются известными всем и даже бессмертными благодаря произведениям литературы. Батареи, редуты, флеши, являются необходимыми атрибутами войн XIX века и воплощением войны в целом. Однако, будучи оборонительными укреплениями, защищающими солдат и мирное население от страшных последствий войны, в интерпретации Л. Н. Толстого они всё же несут идею «мира» и «добра».

Библиографический список

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 12. – М.; Л., 1957.

2. ВЭС – Военно-энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1986.

3. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1985.

4. *Толстой Л.Н.* Война и мир: в 2 кн. – М., 2010.

5. ЭСБЕ – Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.

6. Petit Larousse illustré – dictionnaire encyclopédique pour tous, 1976.

УДК 882.09

Ермакова Любовь Алексеевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЖЕНЩИНА» В ЛИРИКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

В статье анализируется семантическое поле «женщина» в лирике М. Цветаевой, выявляются особенности её идиостиля, а также гендерная специфика лексико-синтаксических единиц, создающих самобытный образ лирической героини.

Ключевые слова: *семантическое поле, лирическая героиня, гендерные характеристики языковых средств.*

Убедилась, что я – мужчина?
Убедился, что я – женщина?
Ну, а теперь можно об этом позабыть навек.

М. Цветаева

С полевым подходом к изучению лексики связаны работы многих отечественных и зарубежных лингвистов, которые уже в конце XIX – начале XX вв. выявили определённые закономерности семантической связи между языковыми единицами. Термин «семантическое поле» появился впервые в трудах немецких лингвистов Й. Трира и Г. Ипсена в первой половине XX в. Теоретическое осмысление этого понятия получило дальнейшее развитие в лингвистике благодаря таким ученым, как В. Порциг, Л. Вайсгербер, Ю.Н. Караулов, Г.С. Щур, А.А. Уфимцева и др.

Наряду с семантическим полем выделяются такие лексические группировки, как синонимические ряды, лексико-семантические группы и поля, лексико-фразеологические и фразеосемантические поля, тематические группы, ассоциативные, фоносемантические, смысловые, эпидигматические поля и др. М.А. Кронгауз под семантическим полем понимает множество слов, объединённых общностью содержания или имеющих общую нетривиальную часть в толковании [3, с. 130]. Важным признаком семантического поля является наличие различных элементов, характеризующихся определенными типами отношений и связей и образующих ядро, центр и периферию поля.

Согласно А.В. Бондарко, соотношение центра и периферии определяется совокупностью таких черт, как максимальная концентрация специфических признаков (центр) и их разреженность (периферия), участие в максимальном числе оппозиций (центр) и ослабление связей (периферия), наибольшая специализированность языковых средств (центр) и меньшая степень специализации (периферия), регулярность функционирования данного языкового средства (центр) и меньшая степень регулярности (периферия) [6, с. 18]. Основным условием при системной организации лексики в семантическое поле является наличие интегрального признака, объединяющего все единицы поля, и дифференциальных признаков, по которым единицы поля отличаются друг от друга.

Полевой подход к анализу художественного текста позволяет определить картину мира писателя, выявить особенности его восприятия и интерпретации действительности. В данной статье мы предприняли попытку проанализировать структурно-смысловую организацию семантического поля «Женщина» в ранней лирике М. Цветаевой.

Серебряный век стал периодом переосмысления творческой женской личности, этапом развития литературы, признающим способность женщины на художественное самовыражение и ее стремление отвоевывать место в культурном пространстве, принадлежащее до этого преимущественно мужчине. Серебряный век выдвинул значительное количество женщин-стихотворцев, которые ставят на первый план ощущения и переживания женщи-

© Ермакова Л.А., 2012

ны и ее взаимоотношения с окружающим миром. Из всей плеяды великих русских поэтов XX в. Цветаева стоит обособленно по ряду причин. Прежде всего потому, что она явилась уникальным случаем, когда ощущение амбивалентности, двойственности природы человеческого существования превратилось в материал искусства [1, с. 155]. С одной стороны, ее творчество пронизывает оппозиция фемининности и маскулинности, с другой – в нем гармонично соединяются и отражаются различные ипостаси мужского и женского: *Я – он, верней сказать: одета // Как мальчик – как бы вам сказать? // Я – девочка* [9, с. 237].

Образ женщины, традиционно наделяющейся безальтернативной ролью матери и супруги, в начале XX века заметно меняется в сторону отказа от семейно-центрических ценностей и брачно-репродуктивных норм [2, с. 65], что отражается, в первую очередь, в произведениях искусства. Ранняя лирика М. Цветаевой (1908–1916) обладает исключительной интимностью изложения, своего рода дневниковостью, которая отмечалась многими критиками её творчества (Н. Гумилев, М. Волошин, В. Ходасевич, М. Шагинян). Укоренившийся облик женского лирического «я» лишается общепринятых коннотаций «женскости» [2, с. 66], что отражается в рассматриваемом нами семантическом поле.

С учётом большого количества лексических единиц, входящих в семантическое поле «Женщина», в данной статье анализируются только нарицательные имена существительные и субстантивные типы словосочетаний, стержневое слово которых также является именем существительным.

В структуре семантического поля выявляются следующие характеристики. В ранней лирике М. Цветаевой насчитывается около 200 номинаций, входящих в рассматриваемое семантическое поле, ядро которого представлено гиперсемой «женщина». Распределение лексических единиц по уровням поля обосновывается наличием у слов идентичных сем с ядром, а также частотностью их употребления. Расположенные в центре лексические единицы включают в себя номинации, имеющие гипонимические отношения с ядром.

Семантическое поле «женщина» в ранней лирике М. Цветаевой включает в себя несколько микрополей, характеризующих женщин по разной степени родства: *мать, дочь, жена, вдова, тетя, бабушка, внучка* и др.; по возрасту: *девочка, женщина, бабушка* и др. (максимально приближенные к ядру); по национальной и этнической принадлежности: *цыганка, персиянка, калмычка, полька*; по профессии и роду занятий: *монашка, колдунья, няня, актриса, певица, пастушка, экономка, амазонка, джигитка, гимназистка, идолопоклонница, странница, Fraulein* и др.; по социальной принадлежности: *царица, княгиня, царевна, принцесса, раба, крепостница* и др.; по межличностным отношениям: *невеста, любовница, ученица, подруга, милая, соперница, соседка, первая встречная, незнакомка, желанная, дорогая, гостья, любимая, другая* и др.; по качественной характеристике: *самозванка, демон, цветок, луч, сердце, бедняжка, красавица, мученица, пленница, роза Востока, непрочитанная страница, строгая загадка, прозрачный силуэт, шалунья, невидимка, разъярительница ветров, искательница приключений, грех* и др. (удаленные от ядра). Следует пояснить основания для включения некоторых единиц в семантическое поле «Женщина». Поэтической речи свойственна метафоризация действительности, поэтому многие элементы, входящие в наше поле, не имеющие семы ‘женщина’ в общеязыковом значении, приобретают ее в контексте стихотворения.

Определим общее значение поля. В малом академическом словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой дана следующая дефиниция слова *женщина*: ‘лицо, противоположное по полу мужчине’, ‘лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств’, ‘лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке’ [7, с. 478]. Следовательно, максимально приближенными к ядру единицами будут такие наименования женщины, как *мать, жена, вдова, бабушка*, так как все они называют лиц женского пола, то есть имеют со словом *женщина*, по крайней мере, одну общую сему. Такие лексемы, как *цветок* ‘часть растения, обычно имеющая вид венчика из лепестков, окружающих пестик с тычинками’ [7, с. 635], *демон* ‘в христианской мифологии: злой дух, падший ангел’ [7, с. 385], *сердце* ‘орган как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека’ [7, с. 30], *луч* ‘узкая полоса света, исходящая от какого-л. источника света, светящегося предмета’ [7, с. 205], не имеют общих сем со словом «женщина», однако в лирических произведениях предстают в качестве номинаций лиц женского пола, расширяя образную структуру стихотворения и характеризуя особенности индивидуально-авторского мировосприятия. Например, в стихотворении «Анне Ахматовой» читаем: *Вся ваша жизнь – озноб, // И завершится – чем она? // Облачный – темен – лоб // Юного* ***демона*** [9, с. 86].

Также в состав поля входят микрополя «сказочные и мифологические существа женского рода» и «самохарактеристика лирической героини». Отличительной особенностью последнего микрополя является наличие большого числа лексических единиц, употребленных в метафорическом значении и не имеющих общих сем с ядром, но играющих очень важную роль в структурной организации поля. Среди существительных, обозначающих лиц женского рода, можно выделить следующие: *амазонка, сестра Эльфов, мятежница, только девочка, сестра, незнакомка, жена, странница, хищница, чернокнижница, разбойница, преступница,*

покойница, беззаконница, схимница, метельщица, колыбельщица, мамка, ничья жена, кабацкая царица и под. Включение определённых номинаций в семантическое поле художественного произведения помогает исследователю выявить концептуальное содержание поэтического текста. Однако следует заметить, что смысл слова в поэтической речи формируется в лексическом окружении, которое более точно раскрывает семантику слова, актуализируя определенные системы ассоциаций. Так, например, лексема *мама* 'женщина по отношению к рожденным ею детям' [7, с. 224] употреблена в ранней лирике 74 раза, и наряду со стилистическими синонимами *мать* (16 употреблений), *мамка* (1 употребление) и *мамочка* (3 употребления) является единицей, наиболее приближенной к ядру, что свидетельствует о принципиальной значимости этой номинации в языковой картине мира Цветаевой. Тот факт, что женщине-поэту трудно совмещать в себе поэзию, любовь и материнство, указывает контекст, без которого невозможно было бы определить коннотативные смыслы этой единицы: *Ради барских твоих нужд – хошь в* ***метельщицы****! // Только в* ***мамки*** *– не гожусь – в* ***колыбельщицы***! [9, с. 100]

Отличительной особенностью микрополя «самохарактеристика лирической героини» является наличие гендерно маркированных лексем, обозначающих лиц мужского пола, но служащих для создания образа лирической героини. Следует упомянуть такой факт цветаевской биографии, согласно которому в ней слишком мало было «девического» с самых ранних лет. Её сестра в своих воспоминаниях пишет о Цветаевой следующее: «Марина росла, как растет молодой дубок» [8, с. 6], а А. Эфрон, дочь М. Цветаевой, отмечала, что у ее матери была «фигура египетского мальчика» [10, с. 1]. Будучи ребенком, Марина заявляла о себе как о самостоятельной личности, не любила, когда ее пытались ограничить какими-то рамками. Она смело проявляла своеволие, силу и превосходство в отношениях со своей младшей сестрой, а впоследствии со всеми окружавшими ее людьми. Исключительная сила наблюдается уже в маленькой девочке. Хотя, по мнению Б. Парамонова, слово «девочка» в высшей степени неуместно, так как в Цветаевой не было ничего ангелического и детского: ребенок, как сильное и злое существо, орет и пинает няньку ногами [5, с. 356]. Кроме единичных лексем *мальчик* 'ребенок, подросток мужского пола', 'молодой, незрелый, несерьезный человек' [7, с. 223], *пес* 'собака' [7, с. 113], в состав микрополя входят сверхсловные единицы: *спартанский ребенок*, *тонущий корабль*; *змей, похитивший царевну*; *всем женихам жених*; *бродяга, родства не помнящий* и др., например: ***Мальчиком*** *бегущим резво, // Я предстала Вам. // Вы посмеивались трезво // Злым моим словам* [9, с. 66]. Одним из категориальных значений существительного *бродяга* является его принадлежность к общему роду, однако в стихотворении лексема приобретает значение мужского рода, что выражается синтаксическим показателем: действительное причастие *помнящий* согласуется с существительным *бродяга* и указывает на его род: *Я пришла к тебе черной полночью, // За последней помощью, // Я –* ***бродяга, родства не помнящий****, //* ***Корабль тонущий*** [9, с. 102].

Явная противоречивость качеств лирической героини указывает на «соприсутствие» в личности самой Цветаевой свойств и черт, опровергающих друг друга. По мнению Цветаевой, жизнь является концентрацией самых разных красок, которые, дополняя друг друга, воспроизводят неоднозначную картину бытия. Исследовательница творчества Цветаевой И. Кудрова подмечает, что многозначность, многомерность, многоликость, резко контрастирующие грани, которые улавливала и запечатлевала в своем творчестве Марина Ивановна, присутствовали и в ней самой. Неоднозначность мгновения в любом проявлении всегда притягивала Цветаеву, которая никогда не спешила предпочесть одну сторону и отбросить другую [4, с. 19].

Таким образом, структурирование семантического поля «Женщина» помогает постичь не только стилистические особенности языка автора, но и тематическую специфику ранней лирики М. Цветаевой. Детальное исследование семантического поля перспективно для углубленного изучения гендерной проблематики как в творчестве одного автора, так и в сравнительном аспекте при исследовании особенностей языковой личности разных поэтов.

Библиографический список

1. *Бродский И.А.* Власть стихий: эссе. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – 224 с.

2. *Дзуцева Н.В.* Поэтика автопортрета в лирике М. Цветаевой // Лики Марины Цветаевой: XIII Международная научно-тематическая конференция (Москва, 9–12 октября 2005 г.): сб. докл. / отв. ред. И.Ю. Белякова. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. – С. 63–76.

3. *Кронгауз М.А.* Семантика. – М.: Академия, 2005. – 352 с.

4. *Кудрова И.В.* Контрасты и лики Марины Цветаевой // Лики Марины Цветаевой: XIII Международная научно-тематическая конференция (Москва, 9–12 октября 2005 г.): сб. докл. / отв. редактор И.Ю. Белякова. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. – С. 9–20.

5. *Парамонов Б.М.* МЖ: Мужчины и женщины. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 479с.

6. Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры / отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. – СПб.: Наука, 2005. – 480 с.

7. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т русс.яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981.

8. *Цветаева А.И.* Воспоминания. – М.: Советский писатель, 1983. – 768с.

9. *Цветаева М.И.* Полн. собр. поэзии, прозы, драматургии в одном томе. – М.: Изд-во «АЛЬФА-КНИГА», 2009. – 1214с.: ил. – (Полн. собр. в одном томе).

10. *Эфрон А.* О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери / Проект «Мир Марины Цветаевой». Координатор проекта: Ф. Левичев, 1999–2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/ariadna/strvosp.html (дата обращения – 20.09.2012).

УДК 882.09

Косенкова Ирина Олеговна

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

joss.17@yandex.ru

СУБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ В РОМАНЕ ГАЙТО ГАЗДАНОВА «ВОЗВРАЩЕНИЕ БУДДЫ»

В статье рассматривается субъективное время как важный аспект категории времени в романе Гайто Газданова «Возвращение Будды», прослеживается раскрытие и связь образов времени и жизни, времени и смерти в восприятии героя-повествователя; осуществляется обращение к интерпретации жизни как временной протяжённости в романе.

Ключевые слова: *время, герой-повествователь, интерпретация жизни, случайность, субъективное время.*

На пути исследования категории времени в творчестве Гайто (Георгия Ивановича) Газданова представляется важным рассмотрение времени субъективного. По утверждению Д.С. Лихачёва, «художественное время, в отличие от времени объективно данного, использует многообразие субъективного восприятия времени… Художественное произведение делает это субъективное восприятие времени одной из форм изображения действительности» [3, с. 211]. Роман «Возвращение Будды» (1949), по наблюдению исследователя О.М. Орловой, является замыкающим в череде произведений Гайто Газданова, объединённых индивидуальным стилем, «который во многом определялся автобиографическим героем-повествователем» [5, с. 117], и это «последний роман об автобиографическом герое, который, наконец, должен свершить то, к чему стремился, и получить всё, о чём мечтал...» [5, с. 248]. Сквозь призму сознания и памяти газдановского повествователя проходит весь художественный мир – пространство и время, осмысляемые героем. Н.А. Николина указывает, что «в прозаическом произведении субъективное время обычно представлено… в речи повествователя (рассказчика), воссоздающей различные аспекты его непосредственного темпорального опыта» [4, с. 179], и заключает, что «субъективное время нелинейно, оно преодолевает однонаправленность объективного времени и отражает особый способ восприятия мира и его осмысления» [4, с. 179].

Нестандартный подход Гайто Газданова к построению концепции художественного времени в романе «Возвращение Будды» реализован уже в непосредственном начале повествования: «*Я умер, – я долго искал слов, которыми я мог бы описать это, и, убедившись, что ни одно из понятий, которые я знал и которыми привык оперировать, не определяло этого, и то, которое казалось мне наименее неточным, было связано именно с областью смерти…*» [1, т. 3, с. 139]. В прозе XX века, как отмечает Н.А. Николина, «получают распространение зачины, или вообще не локализованные во времени, или непосредственно вводящие адресата in medias res» [4, с. 161]. Зачин «Возвращения Будды» информационно насыщен и отчасти оксюморонен: автор сочетает обозначения действий – глагол в форме прошедшего времени совершенного вида *умер* и глаголы в форме прошедшего времени несовершенного вида *искал*, *знал* – таким образом, что в контексте деятельность субъекта обоих действий продолжается, хотя форма совершенного вида *умер* не оставляет такой возможности. Посредством глагола *казалось* и сложной превосходной степени прилагательного *неточный* в текст вводится мотив призрачности. Утверждается семантически противоречивая сочетаемость наименований понятий и явлений, дано и обоснование противоречий: герой *долго* искал «*наименее неточное*» наименование произошедшего. Так в контексте романа впервые происходит сближение понятий ***время*** и ***смерть***. Далее герой-рассказчик замечает: «*Для того чтобы эти понятия – время и смерть – появились передо мной во всей их непоправимости, <…> нужно было победить звуковую неубедительность этой последовательности букв «р», «е», «м»…*» [1, т. 3, с. 184]. В данном фрагменте представлены метаязыковые комментарии автора: анализ звуковой формы слов *время* и *смерть* приводит к выделению сходных звуковых комплексов «р-е-м» и «м-е-р», которые сближают эти формальные стороны языковых знаков, делают их созвучными. В буквенном и акустическом обликах слов *время* и *смерть* герою субъективно видится *неубедительность*, буквенно-звуко-

© Косенкова И.О., 2012

вой комплекс одной лексемы получает зеркальное отражение внутри другой лексемы – поддерживается эффект отражения одного названного явления в другом, взаимного созерцания времени и смерти. В значение самих понятий субъективно вносится такой компонент, как *непоправимость*; таким образом, время и смерть как явления художественного мира сближаются благодаря фонетическим и смысловым особенностям их наименований, а общим значением времени и смерти становится для рассказчика *бесконечная перспектива собственного умирания*. Процесс жизни, жизненное движение личного времени человека сводится к умиранию, приближению к смерти, которую рассказчик сравнивает со Страшным судом: «*Сколько человек успело умереть с той минуты, что я подошел к окну, сколько их агонизирует сейчас <...>? Я закрыл глаза, и передо мной возник «Страшный суд» Микеланджело...*» [1, т. 3, с. 184]. Иконический образ в романе – фреска Сикстинской капеллы «Страшный суд» – сквозь призму восприятия рассказчика перерастает в глобальный символический образ постоянного умирания огромного количества современников, переданного глаголами *успело умереть*, *агонизирует*, *корчится*; «Страшный суд» наступает для каждого и каждый день, снова и снова, это особенное время – «*последний и неумолимый день жизни*» [1, т. 3, с. 184].

Время и смерть получают в тексте ещё один общий признак, выраженный прилагательным *неумолимый*. Метонимический образ обречённости человека («*рука, которая не могла писать, высекла из мрамора Давида и Моисея*» [1, т. 3, с. 184]) даёт рассказчику возможность подчёркнуть, что даже гений бессилен перед неубедительным, непоправимым, неумолимым временем, являющим ему перспективу умирания, в рассуждениях о последнем письме Микеланджело, «*в котором он говорит, что не может больше писать <...> гений его растворился в том же самом небытии, из которого он возник; и каждое его произведение – это была кажущаяся победа над смертью и над временем*» [1, т. 3, с. 184]. Метафорическое сопоставление произведения искусства с *кажущейся* победой *над смертью и над временем* позволяет закрепить в контексте мотив тщетности. Оба мотива вводятся с помощью ключевых слов соответствующих семантических полей: *кажущийся*, *призрачный* (*призрачной победе воспоминаний и воображения над действительностью и над очевидностью*), *иллюзорность* (*иллюзорность его нечеловеческого могущества*), *напрасность* (*земная напрасность его неповторимого гения*). В романе имеет место апокалиптический мотив, поддерживаемый функционированием в контексте прилагательного *апокалипсический* как метафорического определения. *Апокалипсический* имеет прямое значение *относящийся к Апокалипсису, связанный с ним* [2, т. 1, с. 237] и переносное *вызывающий представления о конце света; ужасный* [2, т. 1, с. 237]. «*Что вызвало их к жизни из апокалипсического небытия? Случайное и, может быть, минутное соединение двух человеческих тел однажды вечером или однажды ночью, несколько десятков лет тому назад?*» [1, т. 3, с. 183] – в данном примере оно выступает определением существительного *небытие* и соседствует со словами *соединение*, *человеческих* (*тел*); так контекст перекликается с иконическим образом Страшного суда, который проходит десакрализацию и тиражируется как многократно реализуемое во времени событие, по характеру близкое биологическому бытию. «*Было уже поздно, а мы всё сидели и говорили о самых разных вещах <...> что земная апокалипсическая мерзость, характерная для любой эпохи человеческой истории, по-видимому, так же неизбежна, как отвратительна*» [1, т. 3, с. 221], – десакрализованный образ Страшного суда спроецирован на временной отрезок истории человечества и маркирован словом с негативной семантикой *мерзость*; в предваряющем контексте среди тем разговора героев перечислены наименования отрицательных явлений действительности: «*о том, как умирают нищие на улицах, о том, как живут калеки, <...> о том, что миром правят иногда невежественные и преступные тираны*» [1, т. 3, с. 221]. Так образ Страшного суда приобретает черты протяжённого во времени коллективного страдания человечества.

Герой-повествователь «Возвращения Будды» предстаёт личностью, наделённой нетривиальным опытом – он способен рассказать о пережитой собственной смерти в рамках последовательного и целенаправленного изложения фактов своей жизни. Субъективность его восприятия мира (и времени) подчёркнута лексически – за счёт использования прилагательного *единственный* (*я был единственным человеком, знавшим об этой смерти, и единственным ее свидетелем*) и композиционно – повествованием от первого лица. Описываемый период, пребывание в эмиграции, охарактеризован им как «*неверные и далекие времена*» [1, т. 3, с. 145], когда его преследовали внезапно наступающие видения. Гибель, постигшая героя в одном из тех видений, равносильна и равноценна – согласно его восприятию – аналогичному событию, которое могло бы произойти в реальности; таково и его отношение к совокупности опыта, полученного в параллельной ирреальной жизни, которую вынужден вести повествователь, и не имеющего аналогов в обыденном бытии героя. Момент смерти, вопреки её сути, становится вехой жизненного пути героя, одной из множества ситуаций, пережитых в видениях, – наравне со свиданиями, путешествиями, опасностями, болезнями, увечьями, – и точкой отсчёта времени в повествовании. Повествование от первого лица делает время принципиаль-

но важной для личности главного героя субстанцией; повествователь выбирает и предлагает точку отсчёта исходя из субъективных переживаний и опыта. Именно субъективное время в романе «Возвращение Будды» занимает бóльший сектор временной организации. Н.А. Николина отмечает, что «термин “субъективное время” охватывает широкий круг явлений отражения реального времени в восприятии рассказчика или персонажей» [4, с. 179].

Время в данном романе видится протяжённостью и ходом **жизни,** самой жизнью, которая осмысляется (либо остаётся неосмысленной) человеком. Гайто Газданов последовательно реализует два типа интерпретации жизни как временной протяжённости: 1) осмысление жизни как смены случайных событий и 2) взгляд на жизнь как на смену видений.

Подробнее остановимся на первом типе интерпретации. Согласно ему, жизнь осмысляется как «*случайная смена случайных событий*» [1, т. 3, с. 143]. Мотив случайности последовательно выстраивается на разных уровнях текста. Лексико-семантическим средством выражения мотива случайности выступают ключевые слова с семантическим компонентом ***случайное***: «*...В силу непонятного соединения случайностей, я нахожусь вне этих тягостных состояний болезни или увечья*» [1, т. 3, с. 144]; «*незначительное матерьяльное недоразумение*» [1, т. 3, с. 288]; «*кроме слепой и неумолимой механики случая*» [1, т. 3, с. 253], «*я живу случайно и произвольно*» [1, т. 3, с. 286].

Последовательное соединение случайных событий отражается в контексте на морфологическом уровне – с помощью глагольных форм прошедшего времени совершенного вида – например, в рассуждениях Кости Воронова, по прозвищу Джентльмен, знакомого и собеседника главного героя: «*Вот и смотрите, как выходит: у каких-то давно умерших людей было состояние, перешло к старшему сыну – утонул. Перешло к младшему – убили. Так? И вот деньги этих покойных родителей достались вам, – а вас еще и на свете, может быть, не было, когда они умерли*» [1, т.3, с. 284]; «*...вы – неизвестный молодой человек, который Бог знает откуда взялся*» [1, т. 3, с. 288]. Повествователю видится в подобной точке зрения («*в этой случайной фразе, сказанной пьяным нищим*» [1, т. 3, с.288]); «*парадоксальная, но несомненная истина*» [1, т. 3, с. 285], созвучная его собственным размышлениям и опыту. Такое стечение жизненных обстоятельств, как получение наследства, в субъективном понимании главного героя приобретает признаки *недоразумения*, окраску своеобразной иронии судьбы: «*И я начинал иногда думать, что действительно, наследство Щербакова было, вероятно, предназначено все-таки не мне, хотя я знал теперь, почему именно он составил завещание в мою пользу – и это тоже было результатом недоразумения. <...> «Составить завещание. Студенту в благодарность за десять франков», те десять франков, которые я ему дал в Люксембургском саду*» [1, т. 3, с. 287]. Он приводит факт, оставшийся никому более не известным: «*...я просто не мог поступить иначе, <...> в моем бумажнике было только два кредитных билета, один в сто, второй в десять франков. <...> Это было незначительное матерьяльное недоразумение, в результате которого у него возникло неправильное представление о моем мнимом великодушии <...> ошибке суждения я был обязан всем, что у меня было сейчас...*» [1, т. 3, с. 287–288]. Человеческое существование предстаёт переплетением многочисленных разноплановых случайностей и обстоятельств, более или менее серьёзных, способных сближать либо разъединять людей, что не вызывает глубоких и серьёзных вопросов у большинства героев, но сам повествователь не перестаёт мысленно спрашивать, «*каковы могли быть их желания, надежды, стремления*»[1, т.3, с. 183], «*во имя какой, собственно, цели каждый из них послушно и терпеливо делал все одно и то же каждый день*» [1, т. 3, с. 183], «*что вызвало их к жизни из апокалипсического небытия?*» [1, т. 3, с. 183].

Рождение и смерть человека, вероятность встречи и расставания, факт совершения либо несовершения того или иного поступка оказывается невозможно поместить в рамки какой-либо закономерности: «*...что, казалось, кроме слепой и неумолимой механики случая, могло связать мою судьбу <...> с неизвестной мне жизнью индусского артиста, бесспорному и в какой-то мере крамольному искусству которого золотой Будда был обязан своим возникновением?*» [1, т. 3, с. 253]. Повествователь внимателен к своей судьбе, как и к судьбам других людей; в реальности судьбу обретают даже предметы, которые перемещаются, влияя на человеческую судьбу; так, золотая статуэтка Будды, похищенная убийцей, позволяет найти его и снять подозрения с главного героя.

Осмысление жизни как смены случайных событий в романе связано с механистическим восприятием времени, которое отражается в образах маятника и механизма: «*на углу двигалась, как маятник, Мадо*» [1, т. 3, с.186]; «*Всё было как всегда <...> то показывался, то скрывался силуэт Мадо, вышедшей на свою работу и ходившей взад и вперед всё на одном и том же пространстве – тридцать шагов туда, тридцать шагов обратно; где-то неподалёку играло механическое пианино*» [1, с. 182–183]. Повторяемость движений, выраженная такими языковыми средствами, как использование слов и выражений с семантикой повтора (наречия *как всегда*, *туда*, *обратно*, выражения *взад и вперёд*, *одно и то же*, союз *то-то*) и употребление глагольных форм прошедшего времени несовершенного вида (*двигалась*, *сидели*; *то показывался, то скрывался*; *играло* и др.), пре-

образуется в цикличность, ставшую здесь элементом механистического восприятия времени, которое также поддерживается использованием лексики, принадлежащей семантическому полю *механика* (*маятник*, *механическое пианино*). Замкнутость пространства, в котором протекает механистическое время, создаётся при помощи синтаксических конструкций и лексики с соответствующей семантикой (*на узкую улицу*; *всё на одном и том же пространстве – тридцать шагов туда, тридцать шагов обратно*; *напротив*; *неподалёку*).

Рассказчик наблюдает сверху, он не принадлежит повторяющейся механизированной среде, но ощущает её воздействие: «*Днем я почувствовал непонятную усталость, вернулся домой и проспал три часа подряд. Затем я встал, умылся и пошел обедать в ресторан, а из ресторана опять домой. Было около девяти часов вечера. Я долго стоял у окна и смотрел вниз, на узкую улицу*» [1, т. 3, с. 182], – цепочки глагольных форм прошедшего времени несовершенного вида служат для изображения автоматизированной зацикленности. Созерцая «*убогое подобие существования*» [1, т. 3, с. 183] парижан, чьи занятия всегда одинаковы, а разговоры (и нечастые размышления) ведутся на одни и те же темы, герой приходит к мысли о власти «*слепой и неумолимой механики случая*» [1, т. 3, с. 253], вследствие которой разумное существо видится заводной игрушкой и оказывается в состоянии, сопоставимом с духовным анабиозом, что неестественно (хотя и привычно для многих), по убеждению героя-рассказчика.

Взгляд на жизнь как на смену случайных событий имеет особое значение для газдановского повествователя, так как, ведя ежедневное существование не только в обыденной, но и в призрачной реальности, герой делает отчётливым своё основное стремление «*в одном огромном и отчётливом представлении найти себя и вдруг постигнуть наконец скрытый смысл всей [моей] судьбы...*» [1, т. 3, с. 143] – жажду «*подлинного существования*» [1, т. 3, с. 172].

Таким образом, в романе Гайто Газданова «Возвращение Будды» имеет место особая концепция художественного времени, доминирующую роль в которой играет время субъективное. Оно передаётся такими языковыми средствами, как сложные тропеические структуры, семантически противоречивые сочетания лексических единиц, повторы слов *случайность*, *недоразумение*, *случай*, *неубедительность* и др.

Библиографический список

1. *Газданов Гайто*. Собр. соч.: в 5 т. / под общ. ред. Т.Н. Красавченко. – М.: Эллис Лак, 2009.

2. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.; СПб.: Наука, 2004–2012. – Т. 1–19.

3. *Лихачёв Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – 360 с.

4. *Николина Н.А.* Категория времени в художественной речи. – М.: Прометей, 2004. – 276 с.

5. *Орлова О.М.* Гайто Газданов. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 275 с.

УДК 81.115

Рец Наталия Ивановна
Российская таможенная академия
nata717@yandex.ru

ПЕРИФЕРИЙНЫЙ СЕГМЕНТ ПОЛЯ ПРИЧИННОСТИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ*

В работе проанализированы способы выражения смысловых отношений причинности в русском и чувашском языках. Исследование типологических различий отдельных семантических групп и предложно-падежных конструкций разноструктурных языков уточняет периферию данной микросистемы.

Ключевые слова: *функционально-семантическое поле, языковые средства, предложно-падежные конструкции, чувашский язык, причинные связи, частотность, синтаксемы.*

В современной лингвистике *поле* определяется как континуальное образование с центром (ядром), где формирующие его характеристики представлены наиболее однозначно, и постепенно ослабевающими к периферии зонами [5–7]. Функционально-семантические поля проецируются как на систему языковых средств, так и на закономерности их функционирования в высказывании и в речи. Периферийность конструкции со значением причинности определяется дополнительной предикативностью, полным или частичным имплицированием причинной связи, контаминацией других семантико-синтаксических отношений и тенденцией к дискурсивно связанному употреблению. А имплицитная предикативность формируется в предложно-падежной форме за счет отглагольности или отадъективности стержневого имени в сочетании с предлогами или имплицирования семантики каузации (при сочетании с существительным конкретной семантики,

* Исследование выполнено по государственному контракту 16.740.11.01.19 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009/2013 гг.

© Рец Н.И., 2012

имеющим при себе уточняющее определение), обусловленной этимологией производного предлога [2; 4].

Предложно-падежные конструкции занимают, как показывает практический материал русского и чувашского языков, значительное место в системе средств выражения значения причинности. Это связано с таким явлением, как сирконстантная структура глагола, то есть способность глагольной лексической единицы сохранять ясные связи с именными предложно-падежными конструкциями в ассоциативно-вербальной сети носителя языка.

Предложно-падежные конструкции со значением причинности отличаются необыкновенным разнообразием, как формальным, так и смысловым. Исследование предложно-падежных конструкций с данным значением позволяет сконструировать модель соответствующего семантического поля и вскрыть механизм реализации функционально-семантической категории обусловленности, предполагающий описание не только потенциала, но и закрепившихся в узусе ее реализаций.

Периферийный слой эксплицитной причинности в русском и чувашском, как и в других тюркских языках, составляют структуры с зависимыми пропозитивными компонентами – девербативным существительным.

Одним из основных средств выражения причинности при помощи девербативов в русском языке является предложная конструкция. Аналогичную функцию в чувашском языке выполняют как аффиксальная, так и послеложные именные конструкции. Следует отметить, что в семантических особенностях предлога и послелога заключается качественное различие. В чувашском языке, как показывают примеры, отсутствует прямой аналог предлога: в одних случаях ему соответствует послелог-имя, в других – собственно послелог, в третьих – аффикс «причинного» падежа в качестве функционального эквивалента. Полные соответствия чувашских послеложных и падежных форм и русских предложно-падежных форм могут быть установлены, как нам кажется, только в каждом конкретном случае. В основном, сущность расхождения, различия между функциональными эквивалентами (предлогов и послелогов) заключается в конкретизации причинных значений и, наоборот, в обобщенном выражении оттенков в значении послелогов.

Синтаксемы-каузативы в русском языке по своей степени активности могут быть различными: одни могут входить в любую модель предложения, а другие – обслуживают только определенные модели. К активным (центральным) каузативам относятся синтаксемы, образованные на основе предложно-падежных сочетаний, в состав которых входят предлоги ***из, от, с, из-за, по, за***: *Что же вы думаете, мы терпели это из нужды? (Шолохов); Это уже от усталости* (Островский). К центральным каузативам относятся производные предлоги в силу того, что они по своей этимологической определенности четко указывают на причинный смысл: ***по причине, вследствие, в результате, в силу***: *Мы сильнее и лучше становимся в результате повседневной работы над собой* (Островский).

В центральном массиве причинных глагольно-субстантивных конструкций в чувашском языке особое место занимает специальный падеж для выражения причинного смысла – причинно-целевой падеж, в котором совмещены две противоположные группы значений: обстоятельственное значение цели действия и значение объекта-цели действия, с одной стороны, и обстоятельственное значение причины действия и значение объекта-причины действия – с другой. Приведем примеры на каузатив в причинно-целевом падеже: *Вал сак печек япалашан лайахмарланса кайре (Турхан); Малтанхи йанашшан вал харатче те ватанатче кана* (Уяр).

Самую высокую продуктивность и регулярность в употреблении обнаруживают каузативные синтаксемы, образованные на базе творительного падежа, который относится ко «второму малому ряду» (темпоральной локальной подсистеме) тюркского склонения. В чувашском языке творительный падеж многофункционален: в нем отражаются противопоставления обстоятельственных (в том числе и причинных) и объектных значений. Ср.: *Эпе хурлахпа, нушапа саван пек пултам енте.*

Зависимый пропозитивный компонент также может выражаться девербативом в исходном падеже (исходный падеж является одним из центров локальной подсистемы тюркского склонения): *Вал ытлашши сутаран кусне хесре (*Юхма).

В оформлении эксплицитной причинности участвуют послеложно-падежные сочетания со специализированными причинными послелогами ***пула, пирки***, которые расширяют семантический потенциал основного и дательно-винительного падежей. Как известно, основной падеж во всех тюркских языках лишен специального аффикса, однако данный падеж имеет гораздо более широкие функции, чем русский именительный падеж. В чувашском языке имя в именительном (неопределенном) падеже выступает в предложении не только как подлежащее, но и в роли других членов предложения. «Основной падеж, совмещая в себе функции прямого и косвенных падежей, пережиточно отражает ту стадию развития языка, когда синтаксические отношения, передаваемые в современном языке с помощью аффиксов, выражались другими средствами, – главным образом, порядком слов в предложении» [1, с. 14]. Действительно, значения основного падежа определить трудно, так как отсутствует падежный показатель, и поэтому при определении его семантики следует учитывать семантику зависимого компонента.

Функциональными эквивалентами русских глагольно-субстантивных причинных конструкций

в чувашском языке выступают четыре синтаксемы без послелога (каузативы в дат., вин., исх., творит., прич.-целев. падежах) и две причинные синтаксемы, образованные на базе послеложно-падежных сочетаний. Недостаточное развитие грамматической (большой ряд форм) подсистемы тюркского склонения (в выражении причинного смысла) компенсируется системой послелогов, в частности, семантические поля основного и дательного падежей расширяются с помощью послелогов.

Главной причиной появления в чувашском языке зависимых условных конструкций является периферийность позиции предложно-падежной формы, называющей условие, событийная природа условного детерминанта. Примеры свидетельствуют, что простые предложения с условным отношением различаются способами выражения соответствующих конструкций: а) средства предложно-падежной формы: *В случае приезда специалистов он их всех направит по нужным объектам* (Ажаев). – *Специалистсем килес пулсан вал весене пурне те кирле объектсене лессе ярать.* В данных конструкциях имеется потенциональный субъект (специалистов) и потенциальный предикат (приезда) дополнительной предикации; б) для оформления дополнительной предикации привлекается субъект основной предикации: *При сих словах многие мужчины громко засмеялись* (Пушкин). – *Сак самахсене илтне хыссан ар сынсем нумайаше хыттан кулса ячес.* В зависимости от характера потенциального предиката в условных конструкциях выделяются следующие разновидности: а) глагольная конструкция (в составе предложно-падежной формы с условным значением имеется отглагольное существительное, которое не утратило связи с глаголом и называет действие (является потенциальным предикатом): *Болезнь уступит только при покое организма. – Организм кансан анчах чир иртсе кайма пултарать;* б) именная конструкция (образована сочетанием предложной формы существительного, являющегося в этом случае потенциальным субъектом предикации): *В случае уклонения лица от службы его могут наказать в дисциплинарном порядке. – Службаран паранса юлас текенсене хыта айаплама пултарассе.* Соответствующие ситуанты имеют следующие модели: 1) родительный падеж с предлогом ***в случае***: *Ведь* ***в случае*** *новых потрясений казаки Первого и Четвертого полков перестреляют своих офицеров (Шолохов). –* Сенерен *асар-писер тавалла вахатсем пусланас* ***пулсан****, Перремешпе Таваттамеш полксенчи казаксем хайсен офицересене пурне те пере-пере парахес;* ***В случае*** *нападения женщин и детей пришлось бы вывозить в тайгу (Ажаев). – Весем пирен сине тапанас* ***пулсан****, пирен херарамсемпе ачасене тайгана илсе каймалла пулна пулечче;* 2) предложный падеж с предлогом ***в***: а) *В сложных случаях Павел давал человеку записку в город к знакомому адвокату, а когда мог – объяснял дело сам* (Горький). – Ес *каткас* ***пулсан****, Павел вал сынна хулара пуранакан паллана адвокат патне кайма хут сырса парать, хай пултарсан – хаех лаплантарать;* б) *Иван Степанович звал его к себе* ***в*** *трудных* ***случаях****, когда надо было посоветоваться* (Кочетов). – *Йывар самантсенче, канашласа пахма кирле чухне, Иван Степанович яланах ана хай патне ченет*; в) *Антон, как и он, Илья Матвеевич,* ***в*** *таких* ***случаях*** *отправлялся в корпусообрабатывающую мастерскую и строго требовал дать ему эти материалы (Кочетов). – Антон ун пек чухне вара, ашше майлах, корпус яналисене хатерлекен мастерскоя каятче те сав материалсене часрах тутарма тарашатче;* г) ***В*** *таком* ***случае*** *удовлетворите Ивана Иваныча изделъями своей профессии, – сказал квартальный, – он, может быть, согласится взять картинами* (Гоголь). – *Апла* ***пулсан****, Иван Иваныча хавар туна картинасене парр, – тере квартальнай, – тен, вал хваттер уксишен картинасем илме килешет;* 3) предложный падеж с предлогом «при»: а) *Уеду* ***при*** *любых условиях* (Шолохов). – *Хать те менле* ***пулсан*** *та каятапах; Жутковато делалось* ***при виде*** *пылающей в сумерках земли* (Кочетов). – *Кас пулттинче сер ялкашса суннине пахсан, хараса каймаллах туйанать;* б) *Ты что, ослеп, что ли, или вчера пришел сюда! – закричал он на Костьку, зная, что сверло неизбежно выйдет из строя* ***при*** *таком* ***обращении*** (Островский). – *Эсе, мен, суккар е кунта енер сес килне-и! – тесе кашкарса парахна вал Костьана,* ***сапла тыткаланипе*** *пара семерелессе пелсе;* 4) родительный падеж с предлогом ***без***: ***Без*** *кисета и махорки вкус не тот уже. Слаба!* (Твардовский); 5) предложный падеж с предлогом ***с***: *Со мной ты выживешь сама, где выжить не смогла бы* (Твардовский); 6) другие предложно-падежные формы: *Только* ***при условии*** *наступления на Царицын можно говорить об установлении единого командования* (Шолохов). – *Царицын сине перле наступленипе* ***каяс пулсан*** *сес пер командовани тавас пирки каласма пулать.* В приведенных примерах выделенные предложно-падежные сочетания выражают условие, при котором происходит или может произойти названное в сказуемом явление.

Используя прием подстановки предлогов, можно внутри рассматриваемых конструкций выделить два вариативных синонимических ряда, различающихся структурой и обусловленными этой различной структурой оттенками грамматического значения: 1) конструкции с предлогами ***в случае, при, в, с*** и предложным сочетанием ***при условии***, называющие явления, присутствие которых обусловливает или могло бы обусловить какое-то действие или признак: ***в случае – при случае необходимости... – при необходимости ...*** – *кирле вахатра... – кирле чухне...;* ***при условии заключения договора...,*** –

в случае заключения выгодной сделки..., – при выгодных условиях – *килешу тавас пулсан...*, *тупашла ес пирки каласса таталас пулсан, тупашла условисенче...* (конструкция с предлогом ***в случае*** отчетливее выражает значение условия, конструкция же с предлогом ***при*** имеет временной оттенок, и синонимия имеет место, ***если*** в роли стержневого слова данных конструкций выступают существительные, способные сочетаться как с предлогом ***при***, так и с предлогом ***в случае*** – отглагольные существительные (при заболевании, нападении, переходе – в случае заболевания, нападения, перехода), могут сочетаться также с некоторыми отвлеченными именами существительными, образованными от имен прилагательных (при необходимости – в случае необходимости), однако синонимичной пары не существует, ***если*** стержневым словом условной конструкции является существительное, которое может сочетаться только с одним из двух предлогов: либо с предлогом ***в случае*** (в случае войны, в случае начала войны, в случае успеха и т.д.), либо с предлогом ***при*** (при солнечном свете, при личных отношениях и т.д.); ***в, при*** (при таких условиях ..., в таких условиях ...) кун пек условисенче... – синтаксические конструкции образуют конструкции с предлогами при и в, в роли стержневого слова которых выступает существительное ***условие***, и выделенные конструкции дифференцируются оттенками грамматического значения и стилистическими оттенками: конструкции с предложным сочетанием при условии – есть конструкции книжного литературного языка, имеют условно-временное значение; конструкции с предлогом ***в случае***, а особенно с предлогом ***при*** употребляются и в разговорной речи: ***в случае, при, в***: В случае подобной ситуации...; В (при) подобной ситуации...; При такой ситуации... – Кун пек ситуаци сиксе тухсан...; Кунашкал ситуацинче...; Кун пек ситуацинче...; ***с – в случае, при***: С появлением на улице...; В случае появления на сцене...; При появлении на свет... Урамра курансан...; Енчен те сцена сине тухас *пулсан*...; Сут тенчере суралсан... (значение условия совмещается часто со значением причины и времени, конструкция с предлогом ***при*** имеет условно-временное значение, а конструкция с предлогом ***в случае*** – чисто условное; 2) конструкции с предлогом без и предложными сочетаниями ***при отсутствии, в отсутствии,*** называющие явления, отсутствие которых вызывает или может вызвать какое-то действие или явление (конструкция с предлогом ***без*** стилистически нейтральна, она преобладает в количественном отношении –часто употребляется в предложениях с отрицанием, указывая в этом случае на условие, отсутствие которого определяет неосуществимость названных в остальной части предложения явлений: *Без листьев растение не растет*, а сочетание ***при отсутствии*** используется преимущественно в предложениях без отрицания: *Раствор глюкозы долгое время сохраняется при отсутствии в нем бактерий и грибков.*

Таким образом, синтаксические синонимы при выражении, в частности, условных отношений в простом предложении, обнаруженные в каждой из двух выделенных групп предложно-падежных сочетаний с условным значением, различаются грамматически и стилистическими оттенками значения, что препятствует замене и представляет говорящему возможность выбора условной конструкции в соответствии с речевой ситуацией.

Сферу потенциального условия по признаку локализованности событий условного и следственного компонентов во времени образуют ряд синтаксических синонимических парадигм: 1) стержневое слово – отглагольное существительное – «без + отгл. сущ. в род.п. + сущ. в род.п.»: *Без дальнейшего углубления и развития теории невозможен расцвет прикладной и практической науки (Карпинский). – Теорине малалла таранлатмасар тата аталантармаср наукари практика ыйтавесене татса пама май сук; Если не углублять и не развивать теорию, то невозможен расцвет прикладной и практической науки. – Енчен те енчен теорине малалла тарнлатмасан е аталантармасан, наукари практика ыйтавесене татса пама май пулме.* В русском языке при трансформации производятся следующие операции: предлог ***без*** элиминируется, перед придаточным предложением трансформа вводится союз ***если***, отглагольное существительное в форме род. падежа заменяется в трансформе инфинитивом с отрицанием ***не*** (необходимость введения отрицания обусловлена отрицательной семантикой предлога ***без*** в исходном предложении), объектное существительное в форме род. п., следующее за отглагольным существительным, заменяется в трансформе существительным винит. парцеллят. В чувашском же, как известно, функции предлогов выполняют послелоги, а в данном случае послелоги не участвуют вместо русского предлога ***без***, в трансформе принимает участие релятив ***енчен;*** 2) стержневое слово – существительное неотглагольного происхождения. В данном случае в русском языке проводятся следующие операции: предлог ***без*** элиминируется, вводится союз ***если***; отрицательная семантика предлога ***без*** требует введения трансформ отрицания ***нет***; существительное в форме род. падежа остается в трансформе неизменным: ***Без*** *идеалов, то есть* ***без*** *определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительности (Достоевский). – Идеалсем**сер**, пархатарла ессем**сер**, нихасан та чипер чанлах пулас сук;* ***Если*** *нет идеалов, то есть,* ***если*** *нет определенных хоть сколько-нибудь желаний лучшего, никогда не может получиться никакой хорошей действительнос-*

*ти. – **Енчен** те идеалсем сук **пулсан**, тепер терле каласан пархатарла ессем сук **пулсан**, нихасан та чипер чанлах пулас сук.*

Анализ синонимической парадигмы в данном микополе в сопоставляемых языках показывает: постепенное увеличение или уменьшение структурной сложности компонентов, образующих парадигму, изменение семантических оттенков компонентов парадигмы (особенно четко это можно проследить при сопоставлении компонента парадигмы с его вариантами, то есть сопоставление, в частности, по горизонтали: так, если предложно-именное сочетание «при + сущ. в предл. пад.» имеет в данной парадигме условно-временное значение, то его вариант, сочетание «с + сущ. в творит. пад.», – условно-следственное значение, или: если гипотаксическая конструкция с придаточным, вводимым с союзом ***если (енчен те)***, имеет значение чистого условия, то союз ***когда*** (*саван чухне*) придает предложению условно-временное значение, а союз ***раз*** – условно-причинное значение; по вертикали: так, если сложноподчиненное предложение с придаточным, вводимым союзом если, имеет «чисто» условное значение, то сочетание «при + сущ. в предл. пад.» придает простому предложению условно-темпоральный оттенок), стилистическое функционирование конструкций, образующих парадигму: простые предложения с предложно-именными сочетаниями и деепричастными оборотами, а также гипотаксис более характерен для научного и официально-делового стилей речи, в то время как сложносочиненные предложения употребляются чаще в разговорной речи.

Также и в выражении уступительного значения в русском и чувашском (как и в других тюркских) языках участвуют зависимые пропозитивные компоненты. Субстантивные уступительные синтаксемы выступают, как показывает практический материал, двумя функциональными блоками: 1) группа синтаксем с предлогами ***несмотря на, невзирая на, вопреки, против, наперекор,*** подчеркивающими противоречие, противоположность события-уступки и события-следствия: а) *Уже второй час ночи, но, **несмотря на** это, он будит кондукторов и вместе с ними идет по вагонам контролировать билеты* (Чехов); 2) группа с зависимым компонентом, которая своим лексическим значением подчеркивает не столько противоположность уступки и следствия, сколько момент хотя и контрастного, но существования событий, связанных уступительными отношениями. В образовании соответствующих синтаксем выступают предлоги: ***независимо от, помимо*** и его вариант ***мимо***: *Теперь, помимо воли и желания, я шел к нему на поклон. – Хале енте, тем пек камал туртмасан та, ун патнех пуссапма каймалла*. В чувашском языке в качестве типологических форм выступают не предложно-падежные конструкции, а полипредикативные конструкции. Этому способствует то, что в предложно-субстантивных сочетаниях со значением уступительности чаще всего употребляются абстрактные (отглагольные и отадъективные) существительные, обладающие наибольшей потенциальной предикативностью (если предлоги сочетаются с конкретными именами существительными, то и в этом случае они имеют событийный характер). Ср.: ***Несмотря на*** *все желания, мне было в то время буквально невозможно сойтись с ними (Толстой). – Камалам тем тери вайла туртансан та, эпе весемпе сывахланма пачах пултараймарам.* Как видно из примеров, в чувашских конструкциях предикаты чаще всего употребляются в отрицательном аспекте. В таком же аспекте выступает зависимый пропозитивный компонент, формируемый при помощи глагольного компонента ***пах*** («смотреть») и дат. п. имени ситуации: *Нехлюдов, напротив, был энтузиаст в высшей степени и часто, **несмотря на** насмешки, пускался в рассуждения о философских вопросах и о чувствах (Л. Толстой). – Нехлюдов, пачах урахла, калама сук хавхаланулла, хастар сын, час-часах, хайне тарахланине пахмасар, философи ыйтавесемпе туйамсем инчен пуплеме пикенет; **Несмотря на** жару, он пускал своего коня то крупной рысью, то наметом, и лишь изредка переводил его на шаг* (Шолохов). – *Шарах санталака пах**мас**ар вал лашине сиккипе хавалаpе, сайра-хутран ситрен сес ана каштах уттаркаласа илче; Несколько раз она выходила из правления колхоза вместе с Давыдовым, **вопреки** суровым хуторским обычаям брала его под руку и даже слегка прижималась плечом* (Шолохов); *Темисе хут та ана колхоз правленийенчен перле тухнине курна. Хуторти хаяр йалана пах**мас**ар, вал Давыдова хуленчен ярса тытна, хулпуссипе ун сумне тершенме те именмен.* Как показывает практический материал, уступительные конструкции с зависимым пропозитивным компонентом в сопоставляемых языках встречаются чаще, чем конструкции, выраженные с помощью гипотаксиса и паратаксиса.

Исследование типологических различий отдельных семантических групп и предложно-падежных конструкций разноструктурных языков дает возможность уточнить ядро и периферию данной микросистемы, а также перспективы развития данной категории в современном русском и чувашском языках.

Библиографический список

1. *Андреев И.А.* Чаваш синтаксисен ыйтавесем. – Шупашкар, 1975. – 189 с.

2. *Апресян Ю.Д.* К построению языка для описания синтаксических свойств слова // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1973. – С. 278–348.

3. *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М., 1967.

4. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. – М., 1976. – 383 с.

5. *Бондарко А.В.* О грамматике функционально-семантических полей // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1984. – Т. 43. – № 6. – С. 492–503.

6. *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М., 2000.

7. *Гулыга Е.В., Шендельс Е.И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. – М., 1969.

УДК 413.0: 398.21

Румянцева Ольга Николаевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

olgaolga1005@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА НАИМЕНОВАНИЯ И ОПИСАНИЯ НАКАЗАНИЙ В ЦАРСКОЙ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

В статье представлен анализ языковых средств репрезентации властеотношений в аспекте функционирования правил, наказаний за нарушения норм в обыденном (традиционном) понимании и в официально принятом мнении. Выделенные властеотношения в сказках чётко разграничивают субъект и объект власти и характер их взаимодействия.

Ключевые слова: *языковые средства, субъект и объект власти, наказание, верховная власть, харизматическая, авторитетная власть, Священная Особа Государя Императора, антонимические отношения.*

Цель работы – исследование языковых средств репрезентации властеотношений в аспекте функционирования правил, наказаний за нарушения норм в обыденном, традиционном понимании.

Специфика концепта в той или иной культуре объясняется культурными доминантами поведения, исторически закреплёнными ценностными ориентациями, принятыми в соответствующей лингвокультуре [4]. Традиционно понимаемые понятия, образы, поведенческие стереотипы выступают проективными и редуцируемыми формами [8, с. 3–4] и находят отражение в фольклоре. Одна из функций власти – утверждение норм и контроль над их исполнением, определение наказания за нарушение норм.

Содержательный минимум дефиниции *наказание,* установленный в результате анализа словарных единиц, определяется следующим образом: *1. Мера воздействия на кого-то, кто совершил проступок, преступление* [6, с. 380]. *2. Перен. о ком-то, чём-то трудном, тяжёлом.* Смыслы обусловливаются основными значениями понятия, основными аспектами концептуального содержания глагола *наказать – 1. Подвергнуть наказанию, налагать взысканье, карать, взыскивать вину. 2. Наказать – Дать наказ, наставление* [6, с. 381]. *3. Приказать строго, повелеть (о словесном приказанье)* [3, т. 2, с. 420].

Содержательный минимум конкретизируется в трёх направлениях, которые могут быть представлены в следующих определениях:

1. Следствие вины.

2. Статусные отношения субъекта и объекта наказания.

3. Концептуальная метафора *Отец – Государь в доме.* Эта модель формируется в форме реакции на восприятие жизни как сложной и опасной и понимается следующим образом: это семья, где отец несёт основную ответственность за обеспечение и защиту. Он обладает правом «нравственной власти» – авторитета родителей, которая обеспечивает подчинение его указаниям.

Связь индивидуального и общественного отражается в системе норм и оценок. Общая система нравственных оценок, отражённых в русском фольклоре, была определена мифологическими представлениями о Царе-Солнце, обусловливающими верховную власть как авторитетную (способную осуществлять свою волю на основе признания, путем прямого воздействия) и харизматическую (основанную на сверхъестественных, необыкновенных способностях властителя, его личности). Теократическая форма правления, в которой властитель обладает сакральным знанием, порождала в народном сознании принцип автократии (самодержавия), складывающий и завершающий социальную иерархию в сказке. В XIX веке российского монарха в официальных документах принято было именовать *Священной Особой Государя Императора*. Эпитет *Священный* сохранял значение харизматический с дополнительным христианским (православным) наполнением: *святой; // освящённый...* [3, т. 4, с. 162]. *Чрезвычайно почётный и исключительный по важности, святой. В религии: обладающий святостью, божественный; соответствующий религиозному идеалу* [6, с. 704]. Этимологический анализ слова *Особа* в древнерусском языке выделяет предметно-понятийное ядро лексического значения – «отдельный» [18, с. 602], так как «особиться – уединяться» [18, с. 602]. В XIX веке значение слова конкретизируется: *особа* – лицо, личность, всякий человек по себе [3, т. 2, с. 701], выделенный из окружения. Семантика лексемы *Император:* неограниченный высший по

© Румянцева О.Н., 2012

сану правитель [3, т. 2, с. 42] сохраняется на протяжении XIX–XX веков. Слово *Государь* интерпретировалось, обозначая следующее: «всякий светский владыка, верховный глава страны, владетельная особа: император, царь, король, владетельный герцог и пр.» [3, т. 1, с. 387]. Раньше «*государь или осударь* употребляли безразлично, вместо господин, барин, помещик, вельможа; поныне царю говорим и пишем: *Всемилостивейший Государь;* великим князьям: *Милостивейший Государь;* всем частным лицам: *Милостивый Государь»* [3, т. 1, с. 387]. Следовательно, общее значение наименования *Священной Особы Государя Императора* определяется как *Чрезвычайно почётный и исключительный по важности, обладающий святостью, божественный, выделенный из окружения правитель, обладающий неограниченной властью на территории страны.* Номинация Российского монарха *Священная Особа Государя Императора* транслирует значения – наделённый харизматической и авторитетной властью.

В Уложении наряду с номинацией *Священная Особа Государя Императора* используется словосочетание *Власть Верховная*. Значение слова *Власть* определяется В.И. Далем как право, сила и воля над чем, свобода действий и распоряжений; …// начальник или начальники. Эпитет *Верховная* также имеет значение «*начальство»* [3, т. 1, с. 184]. Следовательно, *Власть Верховная* – это начальство начальников. Поэтому *Великая власть от Бога,* и *Бог даёт тому власть, кому похочет.* Оттого *всякая власть от Бога,* а *Закон определяет власть каждого должностного лица, а верховная власть выше закона.* Значит, *всякая власть Богу ответ даёт. Одну Богу государь ответ держит* [3, т. 1, с. 213]. Общее значение словосочетания *«Власти Верховной и установленных Ею властей»* коррелирует со смыслом наименования *«Священной Особы Государя Императора и Членов Императорского Дома».* Обозначим термином «*поле семантическое*» – поле, организованное по иерархическому принципу, в котором отражаются родовидовые отношения между понятиями, отображающими предметы и явления действительности. Каждый член поля может быть представлен формулой. Так, *Священная Особа Государя Императора:* один + мужской пол + наивысшее положение. *Власти Верховной:* один/много + мужской пол + наивысшее положение. *Член Императорского Дома:* мужской пол + нисходящая линия + родство по крови. *Установленных Ею властей: много + мужской пол + нисходящая линия + нет родства по крови.* Следовательно, гипероним (более широкое родовое понятие) – это *Власть Верховная,* гипоним (узкое видовое понятие) – *Священная Особа Государя Императора.*

Используя дистрибутивный анализ, представим структуру номинаций: *«Власти Верховной и установленных Ею властей»:* сущ. + прил. + **союз** + прич. + мест. + сущ., *«Священной Особы Государя Императора и Членов Императорского Дома»:* прил.+ сущ. + сущ. + сущ. + **союз** + сущ. + прил. + сущ. Метод дистрибутивного анализа указывает на соположение двух частей, соединённых сочинительным союзом *и.* В каждом наименовании в первой части отрывка называется правитель, а во второй – соподчинённые. Союз *и,* соединяя два компонента, указывает на сходную роль и одинаковое отношение к третьему компоненту, в котором *«посягается на неприкосновенность прав»* номинируемых персон: «О преступлениях против *Священной Особы Государя Императора и Членов Императорского Дома*» (глава 1, параграф 241, с. 27) и «О бунте против *Власти Верховной* и государственной измене» (глава 2, параграф 249, с. 28) [8]. Подобное представление находим в народных пословицах: *Никто, как Бог да государь. Ведает Бог да государь* [3, т. 1, с. 387]. В перечисленных пословицах *государь и Бог* объединены отношениями смыслового подобия – выделенности государя из всех людей. Оттого главный судья в реальной и сказочной жизни – царь.

В сказках государство рассматривается как семья народностей, племён. За отказ от родственных связей персонажи наказываются – с них «*взыскивают вину*»: «*царь взял его* (солдата. – *О.Р.*) *за руку, перед всем войском благодарил за свое спасение и наградил генеральским чином, а старшего брата его в солдаты разжаловал: не отказывайся вперед от роду от племени!*» [13, с. 40]. Антиномия: *Наградил чином – в солдаты разжаловал* представляет комплементарную противоположность видовых понятий, которые дополняют друг друга до родового *(мера действия)* и являются предельными по своему характеру: «*наградил» – «разжаловал».* В первой части сложносочинённого предложения группа сказуемого расположена обычным порядком слов, указывая на стилистически нейтральную речь: «…*царь взял его* (солдата. – *О.Р.*) *за руку, перед всем войском благодарил за свое спасение и наградил генеральским чином…».* Во второй части сложносочинённого предложения, начинающегося с противительного союза *а,* зависимое предложно-падежное сочетание слов *в солдаты* стоит перед сказуемым: *в солдаты разжаловал*, вводя экспрессивный порядок слов, подтверждая большую значимость наказания перед наградой. Фразеологический оборот *от роду от племени* со значением «от родных и близких» [17, с. 391] указывает на традиционную норму: *Русский человек без родни не живёт* [3, т. 4, с. 11]. Семью и род в русских народных сказках объединяет неразрывной связью между предками и потомками дом. Вместе с тем жизнь мужа, родственников важнее владения самим домом, иначе он может пропасть: «*То горит дом моей сестры – зачем тебя не принима-*

ла да борзыми собаками травила, сундучок пожалела» [11, с. 138]. Наказание: *горит дом* – в значении *«поддаётся действию огня, уничтожается огнём»* [18, с. 204], указывает на наличие значительной управляемой разрушительной силы. Кара определена нарушением правил поведения: гостеприимства, щедрости, – традиционными для русского человека: *тебя не принимала да борзыми собаками травила, сундучок пожалел*а. Компоненты, отражающие морально-этической нормы, линейно соположены и функционально равноправны: ни один не является частью другого. Лексико-грамматические категории глаголов-сказуемых *не принимала, травила, пожалела* определяют прошедшее время совершённых поступков, их реальность (изъявительное наклонение). Действия, направленные на объект, представлены статистическими предельными глаголами [5, с. 105] *не принимала, травила,* передающими зависимость от воли субъекта, и непредельным глаголом *пожалела* в значении «поскупилась, пожадничала» [1, с. 375, 391], обозначающим состояние героини. Итоговое наказание за нарушение традиционных морально-этических норм *горит дом* необходимо исполнить для утверждения заданного в мире порядка, основанного на законе гармонической жизни.

На территории России система уголовных норм второй половины XIX века определялась правилами Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [8, т.15]. Отображение уголовных норм находим в «Сороцкой были»: «*Это быль про сороцково промышленника. ...Как хозеина убили, как йих* (матросов – *О.Р.*) *двух бросили, и как они умирали. ...Этих матросов* (что совершили преступление – *О.Р.*) *засудили, сквозь строй гнали на смерть* [14, с. 161–162]. Фактуальная информация реализуется последовательным развёртыванием сюжета в описании поступков, представляемыми сочетаниями слов: *Кресник...взял ружьё.... и выстрелил.... Хозеин и не крикнул – упал... Лодьи ушли. Эти двое* (матросов. – *О.Р.*) *остались. ...а есть нечево, приходится умирать. Один жил двенадцать дён, другой – шестнадцать. У второго был нож, и он ... на стенах вырезал всю историю* [14, с. 161]. Фактическая достоверность рассказа осуществляется в прямом указании на место действия: *«У нево были лодьи трехмачтовы, и промышлял он на Новой Земли... Изба была тут построена, называется становишше Кармакул...»* [14, с. 160–161] – и время протекания этого действия: *«На другое лето... прочитали всю историю. ...При Николае Палыче было дело»* [14, с. 162]. Исход очерченной ситуации – *«есть нечево, приходится умирать»* – установлен описанием оставленных матросов: *«Хлеба – што в брюхе, платья – што на себе»* [14, с. 161]. Языковые репрезентации наказания за гибель людей выделяют качественный признак действия: *сквозь строй, гнали на смерть.* Объектом оценки выступает действие человека, а объектом наказания – тот, кто совершил действие. Под субъектом наказания и оценки подразумевается представитель верховной власти социума – царь и суд, которому делегировано право совершать «разбирательство и приговор по спорному делу, или по проступку и преступленью» [3, т. 4, с. 355]: *Засудить* – «приговорить кого окончательно, обвинить по суду» [3, т. 4, с. 643]. Поведение всех членов общества находится под контролем верховной авторитетной власти: «*при Николае Палыче было дело»* [14, с. 162]. Общепризнанное народное мнение о строгости Государя определяется точным воспроизведением имени верховного властителя, хотя в официальных документах «*у нас всех членов царской семьи»* чествуют, «*ставя почёт (Государь) перед саном, где к сану или званию подданного прилагается господин: Государь Император; но перед именем, слово это ставится вместо сана: Государь Пётр Великий»*. [3, т. 1, с. 387].

За преступление определяющим наказанием была смерть / каторга, за проступок – тюремное заключение / битье кнутом и др. Отдельно предусматривались наказания для лиц, изъятых от телесных наказаний. Освобождались от наказания и девушки. Однако в сказочном материале нашло отражение наказание кнутом девицы. Так, в сказке «Царевнина талань» царю при рождении дочери было предсказано, что «*будет она по базару вожена и кнутом стёгана*» [15, с. 267]. Предсказание было выполнено, так как царская дочь переместилась в другое царство и, следовательно, изменила социальный статус. Царевна выполняет работы простой девушки: прядет, «*вышивает ширинки... может мне* (царю. – *О.Р.*) *шапку высадить земчугом*» [15, с. 267]. За утрату драгоценного украшения царь приказал: «*...веди ей до суда, под суд ей»*. В сказке отражается ведущая роль суда «в рассмотренье и решенье дел» [3, т. 1, с. 355]: *«Обсудили ей по базару водить и кнутом стегать»* [15, с. 268]. Выявляется форма бытовых наказаний: *по базару водить и кнутом стегать.*

Обе системы оценок и норм изначально зафиксировали характер действий, определяющих преступления – «О преступлениях (против кого?) ***против*** *Священной Особы Государя Императора и Членов Императорского Дома*» (глава 1, параграф 241, с. 27) и «О бунте (против кого?) ***против*** *Власти Верховной* и государственной измене» (глава 2, параграф 249, с. 28) [8]. Предлог ***против*** со значением «вопреки чему-нибудь, не в согласии с кем-чем-нибудь, борясь с кем-чем-нибудь» [6, с. 622] выражает антонимичные отношения между Верховной Властью и остальной частью общества. В сказках рубежа XIX–XX веков находим подтверждение оппозиции Священной Особы Государя Императора и Членов Императорского Дома к народу:

«*Капитонко* (бедняк-пьяница. – *О.Р.*) *царя услыхал, обрадовался, здороваться лезет, целоваться… Это царю неприлично:*

– Кисла ты шерсь, ну, куда ты мостиссе?! Кака я те, пьянице, пара? …Капитонку это не обидно ли?

– Не ты, тиран, напоил! Не тебя, вампира, и слушаю! Возьму батог потяжелее, всех разбросаю, кого не залюблю!» [10, с. 208]. В приведённом примере утверждается полярность царя и народа, готовность к бунту против верховной власти. Имя народного героя переводится с римского языка как «большую голову имеющий» [17, с. 27], то есть очень умный, толковый, способный, поступающий сознательно, обдуманно. Лексема *залюблю (*с отрицательной частицей *не)* указывает на эмоциональное «избранье и предпочтенье кого или чего волею (не рассудком)» [3, т. 2, с. 282]. Нарушение отношений определяется обидой, высказанной в форме риторического вопроса: *«…это не обидно ли?». Обида* – «всё, что оскорбляет, бесчестит, порицает, причиняет боль, убыток или поношенье, …брань, побои» [3, т. 2, с. 583]. «Такого рода психическое состояние проявляет бытие права» [7, с. 54]: обида, как выражение правовой эмоции, становится регулятором поведения Капитонки. Общая совместная деятельность *царя и мужичонка*: «*царь и ещё другой мужичонко исполу промышляли*» [10, с. 208], с точки зрения Капитонки, позволяет ему претендовать на более высокий социальный статус, уравнивающий его с приближёнными царя. Лексема *исполу* означает «на половину, …пополам» [3, т. 1, с. 55], что указывает на единство способа достижения цели противоположных сословий. *«Мужичонко»* из нравственной нормы выводит правовую: «то, к чему мы себя считаем обязанными, представляется нам причитающимися другому…» [7, с. 54]. Капитонко полагает возможным и силой принудить царя утвердить себе более высокий статус: в ответ царь слышит прямую угрозу: *«возьму батог потяжелее, всех разбросают…»,* представляя народный способ уличных драк (*батог* – «палка» [3, т. 1, с. 36]).

Закон, в народном понимании, должен объединять и уравнивать противоположные стороны: «*Царь с Капитоном драцца снялись. …Дале полиция их розняла, протокол составили*» [10, с. 208]. Исполнение закона о порядке обязательно для всех: «*Судятся они друг с другом* (царь и мужик. – *О.Р.*) *из-за каждого пустяка* [10, с. 208]. Глагол *судятся* с взаимно-возвратным значением называет действие, производимое двумя субъектами по отношению друг к другу: *они друг с другом*. Дополнение *из-за (каждого) пустяка,* усиленное определительным местоимением *каждый,* указывает на причину действий и непримиримость сторон. Отношение царя к Капитонке выражено именованием бранным словосочетанием *«кисла ты шерсь, …пьяница»,* диалектным словом *«зазуба»* со значением «придирчивый человек» [3, т. 1, с. 456]. Разрушенная прежняя связь передана фразеологическим оборотом *«напряду на кривое-то веретено»* со значением «попомнил, отомстил» [3, т. 2, с. 456]. Полон дум об отмщении царю и мужик: «*Мужичонко, где царя не увидат, всё стращат: "Погоди, навернёссе ты на меня.."*» [10, с. 208]. Языковые репрезентации *обиды* мужичонка на царя выделяют качественный признак: *супу не идёт хлебать, на царя сердце несёт, всё стращат, наиграт* – и передают состояния, зависящие от воли субъекта. В ситуации, предшествующей наказанию, субъект оценки при её вынесении подчёркивает свою волю: «*Не ты, тиран, напоил! Не тебя, вампира, и слушаю»*. Давая оценку «*тиран»* – «жестокий деспот, злой мучитель» [3, с. 406], *«вампир»* – «кровосос, упырь» [3, т. 1, с. 163], *«мужичонко»* представляет отношение народа к царю. Сниженные разговорные, просторечные выражения свидетельствуют об утрате царём харизматической власти и о потери власти авторитетной – «пользующейся общепризнанным значением, влиянием, общим уважением, и заслуживающей безусловного доверия» [6, с. 663].

Таким образом, языковые средства наименования и описания наказаний в царской России второй половины XIX века и в русских народных сказках показывают реалистические формы кар, используемые Верховной Властью: *травить борзыми собаками, сжечь дом, бить кнутом, разжаловать в солдаты, гнать сквозь строй*. Наряду с официальными формами наказаний называются народные способы выяснения отношений: «*возьму батог»*. Под субъектом наказания и оценки подразумевается представитель верховной власти социума – царь и суд, которому делегировано право совершать «разбирательство и приговор по спорному делу или по проступку и преступленью» [3, т. 4, с. 355].

В официальной речи номинация Российского монарха *Священной Особы Государя Императора* транслировала значения – наделённый харизматической и авторитетной властью: *чрезвычайно почётный и исключительный по важности, обладающий святостью, божественный, выделенный из окружения правитель, обладающий неограниченной властью на территории страны.* Сниженные разговорные, просторечные выражения, обращённые в сказках простолюдином к царю: *«тиран, вампир»* и параграфы Уложения о наказании *за преступления против* Священной Особы Государя Императора и Членов Императорского Дома и *за бунт против* Власти Верховной [8] свидетельствуют об утрате на рубеже XIX–XX веков царём образа идеального правителя. Как следствие, отношения между Верховной Властью и народом принимают антонимический характер. *Обида,* как выражение правовой эмоции, становится регулятором

поведения мужичка, свободно выражающего свою волю и отношение к царю.

Библиографический список

1. *Александрова З.Т.* Словарь синонимов русского языка / под ред. Л.А. Чешко. – М.: Рус. яз., 1986. – 600 с.

2. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. – М., 1998. – 469 с.

3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1999. – Т. 1: А–З. – 1999. – 699 с.; Т. 2: И–О. – 1999. – 779 с.; Т.3: П. – 1999. – 555 с.; Т. 4. – 1999. – 688 с.

4. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477с.

5. Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с.

6. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70000 слов. – 22-е изд., стер. – М.: Рус яз., 1990. – 921 с.

7. *Пяткина С.А.* Русская буржуазная правовая идеология: учеб. пособие. – М.: РИО ВЮЗИ, 1980. – 68 с.

8. Свод законов Российской империи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru.

9. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Akademia. – 2000. – 128 с.

10. Сказка. Золоченые лбы // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э. Озаровской. – М., 2000. – С. 208–209.

11. Сказка. Морской царь и Василиса Премудрая // Сб. народных русских сказок А.Н. Афанасьева, 1986. – Т. II. – Вариант 1. Записано в Воронежской губернии. – С. 137–142.

12. Сказка. Красавица под флёром // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э. Озаровской. – М., 2000. – С. 163–178.

13. Сказка. Солдат и царь в лесу // Сб. Сказки. – М., 1989.– С. 369–372.

14. Сказка. Сороцька быль // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э. Озаровской. – М., 2000. – С. 160–163.

15. Сказка. Царевнина талань // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э. Озаровской. – М., 2000. – С. 266–270.

16. Толкователь имён святых угодников Божих, чтимых русской православной церковью. – М.: Изд. СП «Эврика», 1990. – 121 с.

17. Фразеологический словарь русского языка / под ред. М.В. Лазова. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – 543 с.

18. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006. – Т. 1: А – Пантомима. – 621 с.; Т. 2: Панцирь – Ящур. – 559 с.

УДК 81.115

Рец Наталия Ивановна
Российская таможенная академия
nata717@yandex.ru
Губанов Алексей Рафаилович
Российская таможенная академия
alexgubm@gmail.com

ИНТЕНСИВНАЯ ПРАГМАТИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА В СЛОЖНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

В статье представлены результаты изучения конструкций, реализующих коммуникативную установку говорящего, рассмотрена проблема влияния интенсивных прагматических установок на интенцию коммуникантов.

Ключевые слова: *речевой акт, интенсивность, прагматическая установка, говорящий, адресат, коммуникативная интенция, невербальность, чувашский язык.*

В речевых актах участвуют говорящий и адресат, выступающие как носители определенных, согласованных между собой социальных ролей, или функций. Участники речевых актов обладают фондом общих речевых навыков (речевой компетенцией), знаний и представлений о мире (Винокур, 1993; Падучева, 1985; John R. Searle, 1965 и др.).

Речевые акты, как известно, находятся в зависимости от коммуникативных интенций адресанта. В этой сфере можно выделить речевые акты с прагматической установкой на низкую степень воздействия и прагматической установки на высокую степень воздействия. Первый тип представляет собой экспрессивно и эмоционально нейтральные высказывания, реализующие коммуникативную установку на беспристрастное информирование. Например: – *Назначу комиссию для того, чтобы обследовать его действия. Если недоброкачественное мясо... (Шолохов). – Унăн киревсĕр ĕçне йĕрлесе пĕлме комисси туса çирĕплететĕп. Яшка çине яма шăршлă какай панă пулсан, ăна...* Как мы видим из примера, адресант ограничивается сообщением о фактах, событиях и явлениях, передавая основную, наиболее существенную информацию. Языковые средства экспрессивной

© Рец Н.И., Губанов А.Р., 2012

и эмоциональной оценки отсутствуют, а интеллектуально логические оценки ограничены до минимума. Констативы данного типа передают новую или дополнительную информацию об адресанте и окружающем его мире, тем самым происходит расширение информационного фонда, единого для говорящего и слушающего. Пресуппозиция адресата при этом заключается в том, что эта информация ему неизвестна и/или может его заинтересовать. Коммуникативная интенция адресанта состоит лишь в сообщении информации. Посредством выполнения иллокутивного речевого акта утверждения адресант имеет намерение проинформировать адресата о состоянии дел и показать, что пропозиция отражает действительное состояние дел в мире произнесения. Речевые действия данного типа направлены на осмысление ситуации собеседником. Перлокутивный эффект высказывания заключается в получении информации и понимании ее адресатом. Второй тип речевых актов обоснования отражает авторское «я» и связан с личностной (модальной) оценкой адресантом сообщаемых фактов. Ср.: – *Позвольте, маменька, – сказала Вера, вставая, – если вы до меня дотронетесь, я уйду из дому, запрете – брошусь из окна. Я знала, как вы примете мой отказ, и обдумала, что мне делать. Сядьте и сидите, или я уйду* (Чернышевский). – *Тăхтăр-ха, аннеçĕм, – терĕ Вера та, ура çине тăрса, – эсир ман çума сĕртĕнес пулсан, эп кил-тен тухса таратăп, хупса лартатăр пулсан, – чуречерен сикетĕп. Эпĕ килĕшмесен, эсир мĕн хăтланасса пĕлнĕ эпĕ, çавăнпа хам мĕн тăвасси çинчен те шухăшланă. Ларăр та ан тапранăр, е эпĕ хам тухса каятăп.* В данном типе РА перлокутивная сторона выдвигается на передний план, иллокутивная цель становится равной достижению перлокутивного эффекта. К основным средствам, выполняющим функцию убеждения в истинности высказывания, относятся перформативы, в семантическую структуру которых входит сема «уверенность»*: Я смогу поехать к нему сегодня же, чтобы выручить его в этой ситуации* (Ажаев). – *Ку йывăр самантра ăна пулăшма эпĕ паянах кайма пултаратăп.*

В директивных речевых актах интенсивная прагматическая установка зависит от модальной характеристики средства выражения РА: 1) императивные предложения с формой субъекта во втором лице; 2) предложения с императивной формой совместного лица. В императивную парадигму входят: а) императивные формы 2-го лица. По сути дела, только формы 2-го л. ед.ч. типа *пой* и мн.ч. типа *пойте*, которые обозначают, что исполнителем действия является слушающий (адресат) или слушающие (адресаты), безоговорочно включаются в императивную парадигму всеми русистами: – *Оставайся, Петро, – посоветовал Ермаков. – Не к чему нам разбиваться (Шолохов). – Юл, Петро! – сĕнчĕ Ермаков. – Юрамасть пирĕн сапаланса пĕтме; – Найди. – Нет, зараз не буду искать. Ступай домой, Михайло, ступай от скандалу. – У меня с тобой скандал короткий... (Шолохов). – Туп. – Çук, халь шыраса тăмастăп. Кай килне, Михаил, харкашар мар. – Санпа харкашас сăмах ман кĕске...; – Нет, не зря. Почему тебя в такое время демобилизовали? Скажи прямо! – Не знаю (Шолохов). – Çук, пустуй мар. Мĕншĕн сана шăп çак вăхăтра демобилизацилерĕç? Тӳррине кала! – Пĕлместĕп; – У нас в сотне печати нету. – Ну, так ежли не хотите калмыкам под шомпола ложиться – послухайтесь моего совета! (Шолохов). – Пирĕн сотньăра пичет çук. – Эппин, калмыксен шомполĕ айне выртассăр килмесен, итлĕр эп каланине! – Мы скоро перейдем из дому, не серчай. – Да нет же! – досадливо сказал Григорий. – Живите в доме хоть до весны. Вы мне не помеха, а места мне с ребятами и у Аксиньи хватит (Шолохов). – Эпир кĕçех ак куçса каятпăр, кăмăлсăр ан пул. – Çук-çке! – терĕ кӳренерех Григорий. – Çуркуннеччен те пулин хамăр килтех пурăнăр. Эсир мана чăрмантармастăр, мана ачасемпе Аксинья патĕнче те вырăн çитет.*

Важная формальная особенность повелительных предложений заключается в том, что они не сочетаются с модально-оценочными словами и выражениями типа: *возможно, мне кажется, я думаю, по их мнению* и т.п. (Возможно, рисуй хорошо; мне кажется, позвоните вечером ему домой.) В то же время подобные слова и выражения свободно употребляются в повествовательных предложениях (По их мнению, ты рисуешь хорошо; Мне кажется, что вы позвонили вечером ему домой). Важная формальная особенность повелительных предложений заключается также в том, что входящие в них императивные глагольные формы могут присоединять постпозитивную частицу ***-ка***: – *Успел обжиться. – И обжиться и жениться, говорят, успел? Да ты что же это кривишь душой? Пей по всей! – Не хочу. У меня к тебе дело есть (Шолохов). – Эсĕ хăçан таврăнтăн? Чылай пулать-и? – Чылай ĕнтĕ. Хăнăхма та ĕлкĕртĕм. – Хăнăхма та, авланма та ĕлкĕрнĕ, теççĕ-и? Мĕн тата курнăçланса ларатăн? Ĕç тĕппипе! – Ĕçес килмест. Эпĕ ĕçпе килтĕм-ха сан патна; – Прочитай-ка, – заметил он, – потолкуем, может изменения какие внесем...; – Да уж без изменений, – отрезал Чапаев. – Ты у себя изменяй, а я как написал, так и отошлю. – Это почему? – изумился Федор и почувствовал, как его больно кольнул этот недружелюбный ответ. – Да потому... Раз «председатель», так свое мнение и докладывай... А я «спец»... Я только «спец»... (Фурманов). – Вуласа кăтарт-ха, – терĕ вăл, – калаçса пăхăпăр, тен, хăш-пĕр тĕле улăштармалла пулĕ... – Нимĕн улаштарса аппаланмалли те çук кунта, – тесе касса татрĕ Чапаев. – Эсĕ ху çырнине улăштар,*

эпĕ мĕнле çырнă, çаплипех яратăп, – терĕ. – Мĕншĕн апла тата? – тĕлĕнсе ыйтрĕ те Федор, Чапаев çапла сиввĕн калани ăна чĕрине касса çурнă пекех туйăнчĕ. – Çавăнпах ара... Эсĕ «председатель» вĕт, çавăнпа хăвăн шухăшна хăвах пĕлтер те... Эпĕ вара – «спец»... «Спец» эпĕ, – терĕ;

– Почему не время, деверек? И губы у тебя трясутся. Говори же все, не мучь. – Услышал крики я, сношенька, ее голос. Голову даю на отсечение. На серой лошади... Из деревни выехали... Вихрем дунули. Я было вслед. Да ведь кляча у меня – провались она пропадом. Не догнал (Ил. Мик.). – Чим-ха, ывăлсем, мĕншĕн çавăн пек хăратна майлă калаçатăн? – пăшăрхана пуçларĕ Сайте те. – Кăшкăрнине илтрĕм, инке. Селиме сассиех терĕм. Тахăш ялсем. Тимĕр кăвак лашапа. Ялтан тухсан, çил пек вĕçтерчĕç. Лашам питех мар. Тытаймарăм.

В повелительных предложениях нормой является отсутствие местоименного подлежащего, хотя запрета на его употребление нет: *– Стой, Данило! Горячему коню – стальные удила! Отдай мне дочку в жены! – Вот сказал речь! – усмехнулся Данило. – Да возьми, коли можешь! (Горький); – Тăхта, Данила! Харсăр ута хурçă çăварлăх кирлĕ! Хĕрне мана качча пар! – тет. – Вăт каласа хучĕ! – терĕ Данила кулса, – илме пултаратăн пулсан, ил! – Если решитесь прибегнуть ко мне, то принесите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба, я буду знать, что делать. Поняли? – Да (Пушкин). – Манран пулăшу ыйтас тетĕр пулсан, çĕрре çакăнта илсе килĕр, ăна çак юман хăвăлне ярăр, – эпĕ вара мĕн тумаллине пĕлĕп. Ăнланмалла-и?*

Маркерами императивных форм совместного лица выступают синтетические и аналитические формы «совместного лица» (2-е л.+ 1-е л.) ед.ч. типа *споем, давай споем, будем петь, давай будем петь* и мн.ч. типа *споемте, давайте споем/те/, будемте петь, давайте (будем/те) петь*, которые обозначают, что исполнителем действия является слушающий (адресат), то есть 2-е л. ед.ч., или слушающие (адресаты), то есть 2-е л. мн. ч., совместно с говорящим, то есть 1-е л. ед. ч.: *– Я не то говорю. В Рязань. – А, если так, то Маша поедет с чемоданами, а мы сядем вместе (Чернышевский). – Савнă тусăм, эпĕ те санпа пыратăп. – Тусăмçăм Верочка, эпĕ иккĕ тытса ларăп, ларма та вырăн çук. Эсĕ Машăпа юнашар лар. – Эпĕ ун пирки мар. Рязане каясшăн. – Апла пулсан, Маша чăматанĕсемпе кайтăр, эпир пĕрле ларăпăр; – Поедемте. Делайте потом со мною, что хотите, а я не останусь. Я вам скажу после, почему. (Чернышевский). – Каяр. Кайран мана хуть те мĕн тăвăр, анчах та эпĕ кунта юлмастăп. Мĕншĕн юлманнине эпĕ сире кайран калăп.*

Повтор, как основная форма нанизывания, побуждения, объясняется намерением говорящего лица придать больше интенсивности или требовательности своему высказыванию, тем самым усилить эмоциональное воздействие и увеличить вероятность выполнения требуемого действия: *Не плачь, не плачь, все как-нибудь наладится... Уходи (Юхма Мишши). – Ан йĕр, ан йĕр, – лăплантарчĕ ăна каллех Хусанкка. – Ху пĕлен ĕнтĕ: вăрçă тени хĕрарăм ĕçĕ мар. Эпĕ сана ăсатса ярăп. Алкумне тухса кĕтсе тăр-ха; Григорий с трудом собрал сотню, рысью повел ее на край станицы. Оттуда уже густо валили отступавшие казаки. – Куда?.. – Григорий схватил переднего за винтовку. – Пу-у-сти!.. – рванулся казак. – Пусти, сволочь... Чего хватаешь? Не видишь – отступают?.. (Шолохов). Григорий сотньăна аранах пĕр çĕре пуçтарчĕ те васкавлă юртăпа станци вĕçнелле ертсе кайрĕ. Унта ушкăнĕ-ушкăнĕпе каялла чакакан казаксем кĕпĕрленсе тараççĕ. – Ăçта?.. – винтовкинчен ярса илчĕ Григорий чи малта ывтăнса пыраканнине. – Я-а-ар! – туртăнчĕ казак. – Яр, теççĕ, шуйттан кĕвенти!.. Ма тытатăн? Курмастăн-им чакаççĕ?..*

Нанизывание повелительных форм встречается в таких случаях, когда говорящий особо заинтересован в совершении действия адресатом. Тогда он уговаривает слушающего, так как нуждается в совершении действия для удовлетворения своих целей (в таких побуждениях нередко употребляются ласкательные обращения для повышения воздействия на собеседника). В диалогической реплике нанизывание побудительных форм осуществляется также дублированием повелительных форм, образованных от разных глаголов. Причем каждая повелительная форма глагола представляет собой законченную побудительную единицу. Сюда входят конструкции, указывающие на ряд требуемых действий, этапность и последовательность действий.

Повелительное наклонение в чувашском языке является основным конституирующим элементом побудительных (повелительных) предложений, роль которых в процессе общения людей велика. Центральное положение тюркского императива в директивных речевых актах доказывается на основании следующих его признаков: а) императив является основным способом передачи побудительности прежде всего в силу однородного содержания (эта форма наиболее однозначно передает значение побудительности и наименее зависима от контекста; б) императив отличается особой регулярностью употребления; в) данная форма включает широкий диапазон семьи «побудительность» (обладает способностью выразить различные типы побуждения – от категорического приказа до смягченной просьбы).

Императив, представляющий собой составную часть системы наклонения чувашского глагола, занимает специфическое положение среди косвенных наклонений. Это обусловлено тем, что в императиве получают свое выражение разнообразные проявления воли. Приведем еще примеры на случаи

императивного выражения в чувашском языке*: Йăпăртлăха тух-ха, ĕç пур, – терĕ вăл мана кĕскен (Агаков). – Выйди ко мне на минуту, дело есть; Мана пулăшса çӳреме виçĕ салтак пар, – тет (Чув.ск.). – Дай мне в помощь трех своих солдат, – говорит он.*

В повелительных предложениях, выражающих приказ, факультативно могут быть формальные приметы: для таких предложений характерно использование препозитивных побудительных частиц ***ну, а ну, ну-ка, а ну-ка***: *– Ну, – сказал я, выкладывай: что тебе нужно? (Паустовский); – Ну, каласа пар-ха, мĕн кирлĕ сана? – терĕм эпĕ; – А ну, положи! – сказал я в полный голос (Шолохов). – Ну-ка, хур-ха вырăнне! – терĕм эпĕ ăна хыттăн.*

В русском и чувашском языках наблюдается сочетание различных способов выражения интенсивности прагматических установок на уровне одного речевого акта: что в целях повышения воздействия на собеседника и, следовательно, получения оптимальной реакции на побуждение говорящий ищет средства выражения во всем репертуаре побуждения*: Одевайся живей и дуй быстрей, потому что ты должен успеть. Прошу тебя, скажи там, чтобы сегодня ждали меня. Ждать меня там, где мы условились, если спросят (Чехов). – Тумлан часрах, ĕлкĕрмелле. Кала вĕсене, кĕтчĕр вĕсем мана. Ыйтас пулсан, калаçса татăлнă çĕрте кĕтчĕр мана.* В данных репликах в сопоставляемых языках наблюдается параллельное употребление множества средств побуждения, которые взаимодополняют друг друга. Эти средства выступают как единый комплекс, части которого служат достижению намерения говорящего. Следует отметить, что в формировании интенционального смысла высказывания также участвует императивная интонация.

В сопоставляемых языках многочисленные группы средств выражения интенсивности прагматических установок говорящим составляют косвенные речевые акты. Степень автоматизированности процесса вывода коммуникативного смысла косвенных форм зависит от степени конвенционализованности ситуации, в которой употребляется данная форма. Когда косвенные формы употребляются в стандартизованных ситуациях, они могут восприниматься как директивы, а в тех случаях, когда нет устойчивой ассоциативной связи между формой и ситуацией, интерпретация осуществляется по правилам речевого общения. Приведем примеры на использование косвенных форм выражения побуждения: а) повествовательные предложения с модальными предикатами*: Свою надо иметь, если чужими брезгуете. – Но ты помолчи, молодка!.. (Шолохов). – Çын япалинчен йĕрĕнетĕр пулсан хăвăрăн пулмалла. – Э, ан шарла эс, çамрăкки!; – А вам здесь оставаться нельзя, мешать мне будете (Фадеев). – Сирĕн ĕнтĕ кунта юлма юрамасть: мана чăрмантарма пултаратар;* б) вопросительные предложения: *Почему лампу не зажигаете: керосина нема? (Катаев). – Мĕншĕн лампа çутмастăр, краççин çук-и мĕн?; – Ты вот не веришь в заговоры, а я на себе испытала. Хотя ты и не веришь, но чего не послать! Руки ведь не отвалятся от этого (Чехов). – Ав эсĕ вĕруçе ĕненместĕн, эпĕ вара ăна хам сăнаса пăхнă. Ху ĕненместĕн пулин те, ма ярса пăхас мар-и вара? Аллу хăрса лармĕ-çке уншăн; – Но почему же вам самому не познакомиться с нею, если она так интересует вас? (Чернышевский). – Анчах, вăл сире çав териех кăсăклантарать пулсан, мĕншĕн унпа хăйпе паллашмастăр-ха?* Как видно из примеров, в русском и чувашском языках использование косвенных форм выражения РА-обоснования происходит по причинам различного характера: этическим, эстетическим, социальным, ситуативным. В этих примерах мы видим снижение категоричности директивных актов, что осуществляется с помощью увеличения косвенности выражения коммуникативного намерения, а также с помощью языковых единиц (модальные предикаты, вопросительность), служащих для выражения уважительного отношения к собеседнику, то есть в соответствующих обусловленностных речевых актах действует Принцип Вежливости.

Интенсивность прагматических установок в вопросительных речевых актах с кондициональным компонентом объясняется характерностью постановки вопроса с указанием на обусловленность данного факта. В сценической (условной) части устанавливается абсолютная или сравнительная ценность какого-либо объекта, дается его оценка (*хорошо – добро, плохо – зло*). Действие, которое может последовать за вопросом, зависит от того, как оценивается событие – как позитивно или негативно ценное. Вопросительная часть получает разные иллокутивные функции. Например, условные предложения с *кто*-вопросами моделируют проблемную ситуацию, связанную с выбором лица (лиц) неких субъектов, ответственных за происходящее, выступающих в качестве виновных, жертвой или, наоборот, защитников тех, кто идет на выручку, исправляет положение дела, изменяет ситуацию. В сценарной части моделируется экстремальная ситуация. Типизированные лексические элементы ее – лексемы со значением совершения угрожающего, нежелательного. В вопросительной части на первый план выдвигается субъект-исполнитель. А в предложениях с *какой*-вопросами инвариантно содержатся изъяснительно-объектные отношения, на которые наслаиваются атрибутивные значения. С помощью вопросов, содержащих местоимение *какой*, определяется качественный признак, связанный с конкретизацией ситуации, заданный в условно-сценарной части; эти вопросы уточняют некоторый предмет, в узком или широ-

ком смысле обозначенный в сценарной части. Условные сирконстантные вопросительные предложения специализируются в системе различных косвенных речевых актов, способствующих осуществлению различных коммуникативных намерений. *Как (мĕнле)*- и *сколько (миçе)*-предложения дифференцируются по признакам наличия / отсутствия сем «способ действия». *Зачем*-предложения появляются в речи для того, чтобы показать возникновение моментов противоречивости. Эти предложения реализуют речевой акт возражения. Значения причины, следствия постепенно убывают в речевых актах возражения. Они чаще функционируют как вторые реплики в споре, направлены на выявление искренности и, далее, истинности высказывания. А основная специализация конструкций с причинным вопросом – выражать допущение (с оттенком сомнения) и с помощью вопросительной части попытаться его опровергнуть.

Асимметричные реплики рассматриваемых РА коммуникативно достаточны, и компрессия в них является нормой. Конечно, иногда в диалогической речи употребляются и эксплицитные варианты таких конструкций. Однако в этом случае развернутые (симметричные) реплики приобретают экспрессивный характер. Получая вербальное выражение, главная часть сложного предложения (*Что будет – «Мĕн пулать*?») выполняет функцию акцентного выделителя. Такого рода эксплицитные реплики требуют от собеседника максимально полной характеристики предполагаемой ситуации. Например: – *Что будет, если я скажу «нет»? – Я буду считать, что вы его не сказали; Эпĕ «çук» тесе каласан мĕн пулать?*

В *а если – «енчен те»*-репликах невербализованное звено закономерно интерпретировалось как главная предикативная единица, содержащая сему бытия (с глаголом *быть*, *учиться*, *произойти*...). Однако далеко не всегда такая интерпретация оказывается верной. Часто коммуникативное задание реплики-стимула направлено на выяснение более конкретных аспектов предполагаемой ситуации. В качестве примера приведем следующее диалогическое единство*: – А если кто не пойдет? – Хватайте за руки, за ноги, и тащите с почетом как икону Богородицы (Гайдар). – Енчен кам та пулин каясшăн мар пулсан? – Алли-урисенчен тытăр та Тур амăшĕн иконне йăтнă пек хисеплĕн йăтса кайăр.*

В конкретных условиях речевого общения отвечающий воспринимает коммуникативную установку реплики-стимула однозначно: что нужно делать спрашивающему при возникновении указанных обстоятельств. Отсюда – форма повелительного наклонения в реплике-реакции. А невербализованное звено реплики-стимула может быть эксплицировано следующим образом: «*А (что делать) (нужно делать), если кто не пойдет? – Хватайте за руки, за ноги и тащите с почетом, как икону Богородицы». – Кам та пулин каймасан мĕн тумалла? – Алли-урисенчен тытăр та Тур амăш иконне йăтнă пек хисеплĕн йăтса кайăр? Ср. также: А если там кто-нибудь уже есть? – Тогда шарах в кусты. Сиди да посвистывай (Гайдар). – Енчен те кам та пулин пур пулсан; – Вара тĕмсем хушшинелле. Лар унта шăхăркаласа.*

Невербализованное звено *а если*-реплик может содержать запрос о мнении собеседника по тому или иному вопросу, то есть представлять собой апелляцию не к диктуму, а к модусу реплики-реакции*: Какие красивые кораблики, – а если пустить их плавать в ванне? – Что за глупости? Ср.: «Как ты думаешь, можно пустить их плавать в ванне? – Я думаю – это глупость» («По-моему, это глупо»).*

Библиографический список

1. *John R. Searle*. What is a speech act? // Philosophy in America / ed. Max Black. – London: Alien and Unwin, 1965. – P. 221–239.

2. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М., 1993.

3. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М., 1985.

УДК 811.112.2' 276.3-053.6

Рыбакова Елена Александровна
Московский городской педагогический университет
rybakov68@mail.ru

ИГРЫ С ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ МОЛОДЁЖИ

В статье предлагается анализ приёмов, лежащих в основе окказиональных преобразований фразеологизмов и направленных на достижение шуточного эффекта в языке современной немецкой молодёжи, а также исследуется людическая функция молодёжных фразеологизмов, что составляет новизну работы.

Ключевые слова: *язык молодёжи, фразеологизмы, трансформация фразеологизма, языковая игра, комический эффект.*

Языковая игра предоставляет широкие возможности для достижения шуточного эффекта в молодёжной коммуникации. Игра языковыми средствами может проявляться на любом уровне языковой системы. Но самым богатым по средствам комизма является лексический уровень. Шутки, в которых обыгрываются фразеологизмы, активно употребляются в языке молодёжи.

Изучению различных аспектов фразеологии посвятили свои работы многие отечественные и зарубежные исследователи языка (И.И. Чернышова, Н.М. Шанский, В.Н. Телия, О.С. Ахманова, Т.В. Зайковская, Г.И. Краморенко, В. Фляйшер, А.Д. Райштейн, J. Androutsopoulos, H. Ehmann и др.). Хотя следует признать, что исследователи фразеологии не смогли прийти к единому мнению относительно того, что является фразеологизмом. В нашей работе мы ориентируемся на определение фразеологизмов, данное Н.М. Шанским, который считает, что «фразеологизм, фразеологическая единица, – общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания и предложения), а воспроизводятся в ней в социально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава. Семантические сдвиги в значениях лексических компонентов, устойчивость и воспроизводимость – взаимосвязанные универсальные и отличительные признаки фразеологизмов» [2, с. 132]. Однако мы считаем, что это определение также не полностью отражает суть данного явления в языке молодёжи.

Молодёжные фразеологизмы имеют ряд специфических черт, отличающих их от общенациональной фразеологии. С одной стороны, они обладают устойчивостью, как всякий фразеологизм, с другой стороны – неустойчивостью, как любая единица языка молодёжи. Устойчивость в молодёжном языке характеризуется относительно. Фразеологизмы, проникающие в язык молодёжи, претерпевают значительные изменения в семантическом и/или в структурном плане. Кроме того, молодёжные фразеологизмы характеризуются большой экспрессивностью, внутренней нелогичностью, семантической избирательностью и формальной эксплицитностью. Они ориентированы на игру и в коммуникации часто выполняют людическую, карнавализирующую функцию.

Следует отметить, что к анализу фразеологических единиц мы привлекали не исследованный ранее материал, извлечённый из современных словарей молодёжного сленга, ресурсов Интернета, СМС-сообщений. Современность исследуемого материала, подверженного быстрому устареванию и обновлению, также определяет новизну исследования.

Как показывают результаты нашего исследования, фразеологический фонд языка современной немецкой молодёжи включает в себя следующие основные категории фразеологизмов: 1) фразеологизмы, в состав которых вклиниваются определённые элементы; 2) фразеологизмы, структура которых расширяется за счёт добавления определённых элементов в постпозиции; 3) фразеологизмы, в которых заменяется один или несколько компонентов; 4) фразеологическая контаминация; 5) собственно-молодёжные фразеологизмы, созданные молодёжью, главным образом, по определённым моделям и/или на основе рифмы.

Большую часть фразеологизмов составляют переосмысленные и не мотивированные для носителей молодёжного языка единицы. С нашей точки зрения, преобладание этой части фразеологических единиц вполне оправданно, так как молодёжные устойчивые выражения являются не средством номинации, а средством эмоционально-экспрессивного воздействия на адресата и часто носят игровой характер. При этом повышенная экспрессивность достигается за счёт расширенной лексической семантики, которая помимо понятийного компонента включает также дополнительные коннотативные смыслы, порождающие соответствующий эффект воздействия [1, с. 51].

Использование молодёжью фразеологических единиц, представляющих собой своего рода языковую игру, часто нацелено на достижение комического эффекта. Это обусловлено тем, что большинство из них характеризуется повышенной эмоциональностью, необычностью формы и содержания, экспрессивной окраской. Тем самым речи при-

© Рыбакова Е.А., 2012

дается своеобразие, необычность и оригинальность. Играя с фразеологизмами, можно получать наивысшее удовольствие от скучных повседневных ситуаций. Возникающий комический эффект, шутовство, осмеяние различных ситуаций способны оказывать сильное эмоциональное воздействие на адресата. Кроме комизма, молодёжные фразеологизмы характеризуются также абсурдностью, гиперболичностью и метафоричностью.

С целью игры молодые люди придают фразеологизмам необычную форму, видоизменяя их. Преобразование фразеологизмов могут выражаться в расширении его состава за счет «включения» в стандартную структуру фразеологизма какого-либо переменного элемента, выбор которого зависит от речевой ситуации.

В нашем материале встретились примеры, в которых вклинивание происходит на уровне лексемы. Состав фразеологизма часто расширяется благодаря введению уточняющих слов:

Morgenstund
hat zwar Gold im Mund…
Aber wenn du jetzt
zu mir kommst
versilber ich dir
den Tag [SMS].

В широко известную пословицу «*Morgenstunde hat zwar Gold im Munde»* («утро вечера мудренее») вклинивается слово «***zwar»*** (хотя) с целью усиления эмоционально-экспрессивного воздействия на адресата. В этом же примере происходит замена компонентов в устойчивом выражении «*j-m die Hände versilbern»* (дать взятку кому-либо) на лексемном уровне. Очевидна замена компонента *die Hände* → *den Tag*, используемая для того, чтобы привлечь внимание адресата к конкретному факту действительности, а именно: адресант готов «посеребрить» день того, кому адресовано сообщение, если адресат придёт к автору письма прямо сейчас (глагол *versilbern* (посеребрить) употребляется в СМС-сообщении в своём первоначальном значении).

Если к стандартной синтаксической структуре фразеологизма добавляется определённый элемент, примыкающий к нему в постпозиции, то происходит расширение фразеологизма. Комический эффект в этом случае возникает, как правило, из-за того, что этот компонент-«приложение» придаёт фразеологической единице некую неуместность, парадоксальность, курьёзность. Ср. следующий пример:

Hans: Im Ranking war jemand 'ne Weile ganz vorne unterwegs. Bis plötzlich offensichtlich wurde, wie es dazu überhaupt kam.

Ulf: Ja, ***es ist nicht alles Gold, was glänzt – es könnte auch bloß ein frischer, in der Sonne funkelnder Hundehaufen sein*** [7].

К пословице «*Es ist nicht alles Gold, was glänzt»* (Не всё то золото, что блестит) добавляется целое предложение «***es könnte auch bloß ein frischer, in der Sonne funkelnder Hundehaufen sein***». Использование расширяющего элемента создаёт комический эффект. Говорящий в форме некой усмешки пытается подтвердить точку зрения о том, что действительно, не только золото блестит, вместо золота «может блестеть на солнце свежий собачий помёт». Адресат сначала воспринимает фразеологизм как нейтральный, в его известной, традиционной форме. Но использование расширяющего элемента производит эффект «комического шока», при этом реализуется эффект «обманутого ожидания». Неожиданная развязка ситуации имеет комический характер, и фразеологизм с его расширяющим компонентом вызывает экспрессивный эффект.

Игра с фразеологизмом может строиться также на основе замены одного или нескольких компонентов исходного фразеологизма. Например, хорошо известная пословица «*Was lange währt, wird endlich gut*» (что зреет медленно, даёт хороший плод) в молодёжной коммуникации трансформируется в «***Was lange gärt, wird endlich Wut»*** [7]. В этом фразеологизме пословичного типа с целью создания комического эффекта происходит замена *währt* → *gärt, gut* → *Wut*. Замена компонентов придаёт пословице негативную окраску. Фразеологизм является примером иронического отражения окружающей действительности и игры слов. Основу для комического эффекта здесь создаёт несоответствие, возникающее при сравнении исходного и заменяющего слова, поскольку в замену вовлекаются далекие друг другу в смысловом отношении лексемы.

Замена происходит также в следующем примере. Знаменитую фразу, ставшую крылатой, из произведения В. Шекспира «Гамлет» «*Sein oder nicht sein, das ist hier die Frage»(«быть или не быть – вот в чём вопрос»)* молодёжь в своей речи трансформирует в «***Canceln oder gecancelt werden, das ist hier die Frage»*** (*canceln = Beziehungen beenden, j-n verlassen* (прекращать отношения)) [3, с. 88]. Причём в качестве заменяющих лексем используются англоязычные компоненты, подстроенные под морфологические нормы немецкого языка.

Причиной комического звучания речи становится также контаминация элементов различных фразеологизмов. Сталкиваться могут фразеологизмы, в которые входит одно и то же слово, происходит обмен частями внутри одной или двух фразеологических единиц. Столкновение далёких по смыслу слов создаёт комический эффект.

Во фразеологизме пословичного типа «***Reden ist Schweigen und Silber ist Gold»*** [7] происходит обмен компонентов внутри самого фразеологизма. В оригинальном варианте пословицы «*Reden ist Silber, Schweigen ist Gold»* (слово – серебро, молчание – золото) меняются местами слова *Schweigen* и *Silber*. Возникший контаминированный фразеологизм является образцом бессмыслицы, выполняя развлекательную функцию, вызывая смех.

Столкновение разных в смысловом отношении слов, входящих в состав фразеологизмов «*Da liegt der Hund begraben*» и «*Da liegt der Hase im Pfeffer*» (Вот где собака зарыта), приводит к появлению новой пословицы, которая является результатом фразеологической контаминации: «***Der Hund liegt da im Pfeffer, wo der Hase begraben ist***» [7]. Фразеологическая контаминация здесь также порождает бессмыслицу и абсурдность, используется с игровой целью. Комический эффект этого шуточного фразеологизма основан на столкновении несовместимых утверждений.

Следует заметить, что лексический фонд языка современной немецкой молодёжи пополняется за счёт создания ими их собственных фразеологизмов. Согласно нашему исследованию, эти фразеологизмы составляют самую большую группу из всех, встретившихся нам (75%). Причем преобладают в основном клише, штампы, крылатые выражения, например:

Lass uns an der Tanke mal ***nen Puffer einlegen*** (***Puffer einlegen*** = *Pause machen* – делать перерыв) [4, с. 124].

Stirb langsam! (=Будь здоров! (когда кто-либо чихает)) [5, с. 112].

Широко распространены застывшие фразы и фразеологизмы пословичного типа, являющиеся реакцией на определенную ситуацию и выражающие то или иное эмоциональное состояние адресанта. Ср.:

1) Wollmar: Mann Jupp, bist du schon wieder zu spät nun is dein Bier warm wie Pisse.

Jupp: Ja ja wieder zu spät und ***hätt der Hund net geschissen, hätt er die Katz erwischt*** [7].

Фразеологизм-пословица «***Hätt der Hund net geschissen, hätt er die Katz erwischt***» употребляется в ситуации, если, несмотря на договоренность, человек опаздывает к назначенному времени («Если бы собаку не застрелили, она бы поймала кошку»).

2) ***Da boxt doch der Papst im Kettenhemd. Ich glaube, mein Schwein pfleift*** [6].

Фразеологизмы такого типа используются как возглас удивления на неожиданную ситуацию. Использование слова *Schwein* (свинья) придаёт устойчивому выражению некую фамильярную окраску. В основе этих выражений лежит невозможность описываемого фразеологизма в жизни: свинья не умеет свистеть, а священник не может драться в тяжёлой кольчуге. Нереальность образа придаёт фразеологизму особую эмоциональную окраску – выражение удивления.

Наиболее наглядно языковая игра проявляется во фразеологизмах, **создаваемых** молодёжью. Часто таким фразеологизмам свойственна ритмичность. Рифмованные фразеологизмы – это результат словотворчества немецкой молодёжи. Как показал исследуемый материал, рифма присуща многим фразеологическим единицам молодёжного языка. Например, чтобы выразить плохое или хорошее настроение, молодые люди используют фразеологизмы типа***: «Epileppy aber happy»*** или «***Spastisch aber elastisch***».

Фразеологизм ***«Ich bin total drauf!», «Poppermord ist Punkersport!»*** выражает согласие или несогласие с чем-либо. Пытаясь что-то объяснить другим, человек использует рифмованный фразеологизм ***«Anarchie ist machbar, Herr Nachbar!»*** или ***«Lieber schwul und Punker sein, als ein alter Popperschwein!»*** Оценка скучного или «ненормального» предложения содержится в высказывании ***«Auch ein Hippy muss mal Pippi».*** Шутку выражает фразеологизм, не имеющий никакого смысла– «***Lieber Rotwein als tot sein».*** Выражению экспрессии служит рифма– «***Das Berühren der Figuren mit den Pfoten von Idioten ist verboten»*** (используется в качестве призыва ничего не трогать).

Фразеологизм ***«Ende im Gelände»***, выражающий негативную оценку, возник в начале XXI века. Эта фразеологическая единица выражает беспомощность, а также демонстрирует полное непонимание того, о чём идёт речь: *Was soll ich dir sagen –* ***Ende im Gelände!*** [3, с. 53].

Ярко выраженная игра слов проявляется во фразеологизме ***«Darf ich ihre Flamme küssen?»*** (просьба прикурить сигаретку), в том случае, если фразеологизм адресован молодому человеку, находящемуся с девушкой. Дело в том, что слово *Flamme* в языке молодёжи имеет значение «подруга, возлюбленная». Столкновение прямого и переносного значения даёт возможность говорящему поиграть с этим словом, используя его во фразеологизме.

В приведённых выше фразеологизмах на первый план, с нашей точки зрения, выступает эмоциональная составляющая и игровой момент. В большинстве этих фразеологических единств содержательная сторона не играет существенной роли при их построении. При создании собственных фразеологизмов для молодых людей гораздо важнее подобрать созвучные друг другу слова, срифмовать их, чем задуматься над их содержанием. Поэтому часто в состав таких рифмованных фразеологизмов входят лексические единицы, не имеющие между собой ничего общего, а иногда и не совместимые по значению.

Однако не всегда кажущаяся на первый взгляд бессмысленной фраза такова на самом деле. Некоторые из сентенций являются вариантами молодёжных пословиц и заставляют молодых людей задуматься. Например: «***Wer früher stirbt, ist länger tot***» или «***Nieder mit der Schwerkraft – es lebe der Leichtsinn!»***

Часто молодые люди создают новые выражения по аналогии, имея перед собой определённую модель и наполняя её любым содержанием. Созда-

ются «стереотипные» выражения со стабильной структурой. Стереотипам языка молодёжи свойственны такие качества, как комизм, абсурдность, бессмысленность, ироничность, гиперболичность. Опираясь на собранные нами примеры языковых игр с фразеологизмами, мы установили, что в основе большинства выражений, «изобретённых молодёжью», лежит сравнение, выраженное с помощью конструкции ***lieber...als***. Например: ***Lieber schwul und Punker sein, als ein altes Popperschwein. Lieber knieweich als nie reich. Lieber Mund rot als mundtot.***

Lieber Morgenrot als morgen tot. Lieber Mulatte als nie Latte [7].

Lieber Schweinegrippe von ner geilen Sau als BSE von ner blöden Kuh! [8]. В этом стереотипно-сравнительном выражении используется метафорически переносное значение слов *Sau* и *Kuh*, пренебрежительно обозначающее в языке молодёжи лиц женского пола.

Сравнению подвергаются, как правило, созвучные и рифмующиеся между собой, но абсолютно не подходящие друг другу по значению и не представляющие никакой семантической ценности в составе фразеологизма слова. Образ-сравнение возникает неожиданно, поэтому и поражает своей непредсказуемостью. Важнейшая особенность «стереотипной» фразеологии – это её экспрессивно-оценочный характер.

Другой «абсурдной» конструкцией, на основе которой строится ряд фразеологизмов, является конструкция ***Da+ Verb+ Pron.+ N***. Например:

Da klappt einem doch die Kinnlade weg. Da fliegen gleich die Löcher aus der Käse. Da flitzt dir ja die Kloschüssel weg. Da klappt einem ja der Kragen hoch.

Все эти фразеологизмы являются реакцией на что-то неожиданное, внезапно и вдруг произошедшее. Основное семантическое правило во всех этих выражениях – выразить что-то невероятное.

Довольно часто в качестве стереотипа присутствует конструкция ***(Ohne) (Kein)+ N+ N***. Ср.: ***Kein Streß beim Crash. Gott ist Schrott. Fleisch ist Mord. Ohne Frust keine Lust. Kapitalismus ist Kannibalismus.***

Эти фразеологизмы содержат такие формальные признаки, как рифма конца слов и аллитерация. Конструкции такого рода в письменном варианте можно увидеть на наклейках, плакатах, футболках, в граффити и т.д. В устной коммуникации их использование характеризует шутки.

Трансформируя уже готовые фразеологизмы или создавая собственные на основе рифмы или по определённому образцу, молодёжь охотно играет с ними. Трансформация фразеологизма базируется не только на изменении его формы, но и содержания. Созданные молодёжью собственные шуточные фразеологизмы, которые в коммуникации реализуют, как правило, комическую функцию и людически ориентированы, определённым образом воздействуют на коммуникативно ориентированное речевое поведение адресата: чаще всего, развеселить, вызвать эмоции, смех.

Проанализированные нами эпизоды языковых игр позволяют сделать вывод о том, что фразеологизмы довольно широко используются молодёжью в речи с целью создания шуточного эффекта: 145 (или 22%) из общего числа игр на лексическом уровне. Даже незначительные изменения в структуре фразеологизма оказывают на адресата огромное воздействие, поскольку изменяется также семантика трансформируемого фразеологизма.

Часто варианты молодёжных фразеологических единиц являются бессмысленными и кажутся абсурдными, им присуща внутренняя нелогичность и противоречивость. Игра с составляющими фразеологических единиц, соединение их в бессмысленную, но звучную комбинацию выходят на первый план. Именно во фразеологии проявляется живое творческое начало молодых людей и стремление к игре словами.

Библиографический список

1. *Стегер Л.В., Киселёва В.В.* Экспрессивность как лингвостилистическая категория // Вопросы функциональной лексикологии. – М., 1987. – С. 50–54.

2. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1985. – 192с.

3. Ehmann H. Endgeil. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck Verlag, 2008. – 179 S.

4. HÄ?? Jugendsprache unplugged 2011. Deutsch-Englisch-Spanisch-Französisch. – Berlin/München: Langenscheidt, 2011. – 168 S.

5. PONS Wörterbuch der Jugendsprache 2009. – Stuttgart: Klett, 2008. – 141 S.

6. www.kinder-jugendforum.de

7. www.mundmische.de

8. www.witze-service.de

УДК 808.2

Цветкова Елена Вячеславовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТОПОНИМОВ

Статья посвящена вопросам структурно-словообразовательного анализа топонимии, рассматриваемым на топонимическом материале костромского края. Поскольку словообразование и семантика топонимов взаимосвязаны, выявление особенностей топонимообразования имеет значение для характеристики как топонимической, так и в целом лексико-семантической системы говоров.

Ключевые слова: *топоним, микротопоним, словообразование, структура топонима.*

Связь семантики со словообразованием была предметом исследований еще в ранних работах по сравнительному славянскому словообразованию (Ф. Миклошич, А. Белич, А. Мейе, В. Вондрак и др.). Описание производилось от формы к значению и от очень широкого и обобщённого значения к форме. Н.И. Толстой писал: «Однако давно было замечено, что отдельные суффиксы привязаны в конкретных славянских языках не (или не только не) к обобщённым, широким семантическим сферам, а к конкретным словам с довольно узкой и специфической семантикой. Затем было обращено внимание на то, что в пределах какого-либо отдельного и достаточно ограниченного семантического пространства могли быть в разных языках не только как наборы суффиксов, что естественно и может служить хорошим отличительным признаком, но и одинаковые наборы с разным семантическим противопоставлением компонентов. Такую ситуацию ярко отражает славянский диалектный материал» [4, с. 101].

Каждой топонимической системе свойственны топонимы определённой структуры. Однако та или иная структура не является строго обязательной для какой-либо конкретной территории. Топонимические системы отдельных регионов, как известно, отличаются друг от друга главным образом соотношением компонентов. Господство определённых компонентов в тех или иных районах обычно объясняется историческими закономерностями. «Каждое географическое название образуется по законам того языка, которому оно принадлежит, следовательно, изучение топонимических структурных типов представляет интерес не только для топонимики, но и для лингвистики в целом. Изучение топонимических структур должно исходить из языкового принципа» [3, с. 61]. Следовательно, изучение структуры топонима является важным этапом региональных исследований. «Даже правильное установление этимона корневого элемента топонима не объясняет происхождение этого топонима, так как остаётся неизвестным, на каком этапе развития слово перешло в топонимию. Словообразовательная же структура названия отражает его историю, зашифрованно повествует о его происхождении» [1, с. 13].

Однако восстановить историю названия при формальном структурном анализе, основанном на семасиологическом подходе к топонимической единице (изучение структуры «готового» топонима путем соотношения с предполагаемым мотивирующим словом и сопоставления с рядом одноструктурных топонимов), во многих случаях оказывается невозможным. Именно поэтому приобретает значимость содержательный структурный анализ, основанный на ономасиологическом подходе, при котором изучается процесс создания топонима. Например, утерявшие этимологию костромские топонимы *Щукин пруд* (Кадыйск.), *д. Шалыгино* (Антроповск.), *д. Сынково* (Галичск.), основываясь на позиции семасиологии, можно сопоставить соответственно как с именами проприальными – антропонимами *Щука, Щукин*; *Шалыга, Шалыгин*; *Сынок, Сынков*, так и с апеллятивами – существительными *щука*, *шалыга*, *сынок*, прилагательными *шукин*, *шалыгин, сынков*. При ономасиологическом подходе анализируется контекст, помогающий понять путь образования топонима (например: антропоним *Щука* + притяжательный суффикс *-ин-* + географический термин *омут* → *Щукин пруд*; апеллятив *шалыга* + суффикс *-ин-* → *Шалыгино* и т.д.). В нестандартных случаях топонимообразования восстановить словообразовательный процесс помогут только сведения информантов, знающих историю возникновения, являющихся свидетелями появления топонимов или даже их создателями, и (или) исторические данные.

В лингвистике существуют различные классификации топонимов по структуре. Анализ топонимических классификаций, осуществлённый Е.М. Черняховской [5], выявил, что по поводу характера классификации имеются некоторые разногласия. Есть, например, мнение о том, что классификация должна быть только словообразовательной или только семантической, это позволит ей оставаться внутренне непротиворечивой. Детально словообразование топонимических единиц рассматривает профессор В. Шмилауэр в книге «Введение в топономастику», привлекая для исследования широкий топонимический материал и используя разнообразные источники на разных языках. Основные положения его классификации сво-

© Цветкова Е.В., 2012

дятся к следующему: 1. Рассмотрение словообразования (структуры названий) необходимо дополнять анализом значений, то есть классификация должна быть структурно-семантической. 2. Всегда надо помнить, что словообразование собственных имён отличается от словообразования имён нарицательных. Многие исследователи считают, что в основу структурного анализа могут быть положены два признака: 1) количество входящих в топоним компонентов; 2) способ словопроизводства. Высказывается мнение о том, что структурный анализ следует начинать с квантитативной классификации, а затем учитывать морфологические и синтаксические характеристики топонимов [5]. Под структурным типом топонимов понимается особая формульность их создания. Это ряд географических наименований, объединённых по структуре и общему способу образования. Для словообразовательного аспекта вводится понятие модели как формулы образования однотипных наименований с указанием словообразовательных средств и категориальной характеристикой производящей основы. Один и тот же структурный тип может быть образован по нескольким моделям.

Структурные типы географических названий следует рассматривать в соответствии с географическими объектами, которым они принадлежат, поскольку разным объектам могут быть свойственны разные структурные типы названий. А.В. Суперанская свою статью «Типы и структура географических названий» посвящает, с одной стороны, рассмотрению разных типов географических названий применительно к тем объектам, которым они даны, а с другой – рассмотрению названий применительно к выделенным типам географических названий [3, с. 62–118]. Всю совокупность географических названий, по ее мнению, можно условно разделить на две большие группы, связанные с природно-физической и политико-административной географией. Каждая из этих групп, в свою очередь, имеет более мелкие подразделения.

Любому типу географических наименований (гидронимы, оронимы и т.д.) свойственны определенные структуры, однако, как пишет А.В. Суперанская, «это, конечно, не значит, что какие-нибудь структурные типы не могут быть принадлежностью двух или нескольких типов географических названий, но это значит, что определенные структурные типы “привязаны” к определенным географическим объектам и что структура географических названий так же системна, как системна и топонимия определенной территории» [3, с. 70]. Под структурой географических названий в данном случае понимается их отдельный морфологический и словообразовательный состав, при этом имеется в виду не историческая морфология, близкая к понятию «этимология», а морфология современная, проявляющаяся в способности слова изменяться (склоняться), сочетаться с конкретными суффиксами и служить основой для определенных типов словообразования. А.В. Суперанская предлагает классификацию, по которой рассматриваются отдельно топонимы-существительные и топонимы-прилагательные.

Обладая специфическими чертами, различные классификации, учитывающие особенности наименований того или иного региона, имеют, на наш взгляд, много общего: в них обращается внимание на значение структурного анализа топонимии, выделяются три основных структурных типа (простые топонимы, сложные топонимы, составные топонимы), осуществляется распределение структурных типов по нескольким моделям, делаются попытки рассмотрения структурных типов топонимических единиц в различных аспектах.

Топонимы по структуре могут быть однословными и составными. Однословные в свою очередь представлены простыми и сложными единицами, оформленными аффиксально и без аффиксов, а составные – топонимами-словосочетаниями и предложно-падежными конструкциями. В соответствии с этим мы традиционно выделяем пять структурных типов топонимов: 1) аффиксные топонимы, имеющие в своей структуре топонимические аффиксы; 2) безаффиксные топонимы, не имеющие топонимообразующих формантов; 3) сложные топонимы – образования из двух и более основ; 4) словосочетания – топонимы, состоящие из двух или нескольких слов; 5) предложно-падежные конструкции – топонимы, состоящие из существительных с предлогами. При этом мы учитываем многоаспектность характеристики структурных типов топонимических единиц, опираясь на наиболее приемлемую схему, избрав ведущей квантитативную характеристику. Поскольку структура топонимов во многом определяется видом географических объектов, обращаем внимание на распределение структурных типов по видам объектов, выделяя ойконимы, гидронимы, оронимы, агроонимы, дримонимы, дромонимы и т.д. Особое внимание при этом уделяется микротопонимии рассматриваемого ареала (в данном случае топонимы разделяются на топонимы и микротопонимы по их функционированию).

Как показывают наши наблюдения, в костромской топонимической системе наиболее распространены однословные наименования (с преобладанием топонимов аффиксального и безаффиксального происхождения, количество сложных топонимов незначительно). Среди несколько менее употребительных составных наименований преобладают топонимы-словосочетания. Значительная часть топонимов – это бессуффиксные названия. В данном случае топонимы по форме тождественны апеллятивам: Село, Боны, Гать, Бочаг, Яма, Клин, Хутор, Камень, Пруд, Солоть и т. д. (распространены повсеместно по области).

Выделяя славянский топонимический тип как суффиксальный, исследователи топонимии обращают внимание на то, что новые названия не всегда образуются путем суффиксации, в связи с чем процент суффиксальных названий несколько сокращается. Действительно, нельзя сказать с уверенностью о том, что такие названия, как, например, ойконимы Репьёво, Бедрино, Калинки, Воробьёво (Судиславск.); Пигалицыно, Мешково, Куребрино (Буйск.); Плёткино, Соловьёво (Вохомск.) и т.п., образованы суффиксальным способом, так как достоверно неизвестна история их возникновения (например: д. Калинки – растение калина или антропонимы Калина, Калинка; д. Воробьёво – птица воробей или антропонимы Воробей, Воробьёв; Пигалицыно – птица пигалица ‘чибис’, пигалица ‘малорослый’, пигаль ‘надоедливый, докучливый’ или атропонимы Пигаль, Пигалица, Пигалицын и т.д.). Следует отметить и случаи употребления в качестве топонимов аффиксальных (чаще суффиксальных) слов без специальных топонимических аффиксов: дримонимы Аллейка, Ёлочки, Бочажина, Солотная (Судиславск.); Старка, Колодчик, Перелаз, Болотина (Кадыйск.); Солотина, Тропка, Бочажки (Макарьевск.); Островок, Овражек (Красносельск.) и т. д. (лексико-семантический способ образования). Значение аффиксов апеллятивов-основ в данном случае в определённой степени может сохраняться в образованных от них топонимах.

Бóльшая часть простых топонимов костромской топосистемы – суффиксальные топонимы. Наиболее продуктивными являются суффиксы славянской топонимии *-ов-* (*-ев-*) и *-ин-* (Борисово, Болотово, Жуково, Лазарево, Филипцево, Литвиново, Савино, Марьино, Володино, Дуткино, Палашкин, Яшкины и т. п.), которые служили некогда средством выражения принадлежности, образуя притяжательные прилагательные. Данная историческая функция сделала их господствующими в топонимии феодального периода, когда распространение собственности на землю стало главным признаком наименования места по его принадлежности кому-либо. Совпадающие по географическому расположению и исторической судьбе, эти суффиксы отличались тем, что присоединялись к основам разных грамматических форм. Суффикс *-ин-*, например, образовывал притяжательные прилагательные от основ на *-а*. Формами на *-а* личных имён объясняется и особенно широкое распространение созданных от них топонимов. Древними являются и относительные прилагательные с указанными суффиксами, также ставшие основой для топонимообразования. Подчас бывает невозможно точно определить, на прилагательном какого типа основано то или иное наименование.

Словообразовательные возможности суффиксов *-ов*(о), *-ев*(о), *-ин*(о) по мере развития топонимии региона расширялись, повышение их словообразовательной валентности сопровождалось общей для русской топонимии тенденцией исчезновения их первоначальной притяжательной семантики. О превращении их в топоформанты универсального типа свидетельствует и такой факт, как широкое распространение субстантивов с данными суффиксами, относящихся не только к населённым пунктам (характерное явление XV–XVII вв.), но и к другим, менее значительным объектам. Эти суффиксы по причине значимости их семантики продолжают оставаться продуктивными и в настоящее время.

Активным в образовании костромских топонимов является и древний суффикс *-ск-* – один из самых продуктивных в русской топонимии. Например, в топонимии междуречья Покши и Мезы: ойконимы Минское, Никольское, Семёновское, Покотское; гидронимы р. Мерская, родник Литвиновский, болото Алексинское; дримонимы Першутинский, Татарские, Обалтинская; агроонимы Барское, Бажуринское, Следовские; дромонимы Буртасовская, Калининская; оронимы Литвиновская, Стуловский и т.д. Согласно нашим наблюдениям, продуктивность суффикса *-ск-* в костромской топонимии не только не имеет тенденции к снижению, но и даже возрастает. В определении статуса суффикса *-ск-* (считать его притяжательным или относительным) у исследователей имеются колебания. Так, В.А. Никонов отмечает неточность определения его значения как выражения групповой принадлежности. На его взгляд, «верней определить -ск- как суффикс неличной принадлежности, сохранившийся после утраты прилагательных» [2, с. 71]. Этой же точки зрения придерживаемся и мы, характеризуя соответствующие наименования населённых пунктов. Что касается названий лесов, лугов, полей, покосов, дорог, троп, прудов, родников, возвышенностей и т.д. (обычно микротопонимов), то они образуются чаще двумя путями: 1) по фамилии, имени, прозвищу владельца или какого-либо другого жителя; 2) по названию селения, рядом с которой находится объект. В данном случае суффикс *-ск-* указывает на принадлежность.

И в названиях населённых мест, и в гидронимии костромского края значительный удельный вес занимает формант *-ка*. Первоначально он выражал уменьшительность, производно-принадлежность, нёс ощутимую окраску уничижительности (формы личных имён, особенно в XVI–XVIII вв.). Затем его функции формализовались, ограничились средством субстантивации, захватывая в дальнейшем самые различные значения, однако некоторый оттенок пренебрежительности им утрачен полностью [2, с. 73]. Расцвет его приходится на XVI–XVIII вв. В XIX в. этот формант утратил господство в образовании новых названий. На территориях с более молодой топонимией он занимает скромное место [2, с. 73]. В рассматриваемой топосистеме формант *-ка* довольно часто встречает-

ся: д. Слободка, д. Жирославка, омут Палашка, дорога Бетонка и т. д.

Редки в настоящее время топонимы с некогда продуктивным формантом *-иха*, в топонимии обозначавшим принадлежность или свойства, чаще отрицательные. В основном это старые названия: мельницы Куломзиха, Романиха, Лубениха (находились рядом с деревнями Куломзино, Романово, Лубенино) – со значением принадлежности; п. Бычиха, д. Галичиха, гора Груздиха, покосы Загониха, Круглиха и т.д. Малоупотребим сейчас и формант *-ище*, означавший в старых славянских названиях место, в котором что-либо происходит или происходило. В наших материалах имеются такие наименования, как д. Дубище, д. Кузьмищи, д. Липище, с. Селище и т.п. Не отличаются многочисленностью и более поздние наименования на *-ец, -иц, -ица, -ик-* и т.д.

Реже современная топонимия региона пользуется префиксами, которые ранее в славянской топонимии были более продуктивными. Активней префиксы участвуют в глагольном, а не в наиболее распространенном в топонимии именном словообразовании. Незначительное число префиксальных наименований сокращается за счет тех топонимов, в отношении которых трудно или невозможно определить, образованы ли они префиксацией или видимые в них префиксы принадлежат основе. Трудно осуществить анализ словообразования, восстанавливающий порядок возникновения слова, у многих названий. Такие наименования, как Заболоть, Завраг, Подлес и т.п., нельзя считать префиксальными, так как при их возникновении заимствовался весь апеллятив целиком. Префиксация в топонимии встречается, как правило, в сочетании с суффиксацией. Префиксально-суффиксальным способом чаще образуются названия больших территорий (формы, сочетающие префикс с суффиксом -je, развившиеся по своему происхождению из имён собственных), а также названия населенных пунктов: ойконимы Заболотье, Задубье, Зажарье, Заречье, Нагорье, Завражье, Подболотье, Подлесье, Починок; дримонимы Залесное, Перелесье; агронимы Загорье, Заполица и т.д. Наиболее часто встречаются топонимы с префиксами *за-, под-, по-, при-, на-*, сочетающимися с суффиксами *-je* (чаще), *-ок, -их(а), -иц(а), -н-*.

Поскольку имена собственные наделены лексическим значением не в той мере, в какой имена нарицательные, считать их полнозначными (или смысловыми) морфемами можно лишь с оговоркой. О корневых морфемах в собственных именах следует говорить в ином плане, чем о корневых морфемах в именах нарицательных: словообразовательная конструкция в именах нарицательных заключает в себе лишь обобщённую семантику создаваемого слова, а в именах собственных словообразовательная конструкция ограничивается лишь возможными в языке отношениями между определёнными основами, так как семантика имён собственных стремится к нулю.

Система словообразования базируется на том, что в ней участвуют не какие-то семантически аморфные основы, а основы определённых частей речи. Это касается и имён собственных, но на их примере можно более чётко представить конструкцию, отвлекаясь от значения, так как именно понятийно-смысловые ограничения сковывают словообразование нарицательных имен.

Итак, подход к определению структуры топонима может быть разным. В основном осуществляются так называемые морфолого-синтаксическая (состав, частеречная принадлежность, грамматические особенности) и словообразовательная (способ, средства словообразования) характеристики, а также обе эти характеристики одновременно. Топонимы, как слова, образуются теми же способами, что и имена нарицательные, с использованием тех же словообразовательных средств, однако словообразование топонимов отличается от словообразования апеллятивов. Поскольку структура, словообразование и семантика топонимов взаимосвязаны, выявление особенностей топонимообразования имеет значение для характеристики как топонимической, так и в целом лексико-семантической системы говоров.

Библиографический список

1. *Карпенко Ю.А.* Топонимика и её место в лексическом составе языка. – Черновцы, 1962.

2. *Никонов В.А.* Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965. – 179 с.

3. *Суперанская А.В.* Типы и структура географических названий // Лингвистическая терминология и прикладная ономастика. – М.: Наука, 1964. – С. 59–118.

4. *Толстой Н.И.* Славянская лексикология и семасиология // Избр. тр. Т. 1. – М.: Языки русской литературы, 1997. – 520 с.

5. *Черняховская Е.М.* История разработки топонимических классификаций // Развитие методов топонимических исследований. – М.: Наука, 1970. – С. 55–65.

УДК 800:159.9

Яренчук Елена Эдуардовна
Курский государственный университет
elenayarenchuk@gmail.com

ИНТЕРАКТИВНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ДЕТЕРМИНАТОР КОММУНИКАТИВНОГО САБОТАЖА (на материале ток-шоу «Специальный корреспондент» и «НТВшники»)

В статье обсуждаются результаты практического исследования вербального и авербального наполнения ток-шоу. Описываются особенности интерактивно-аналитического дискурса. Анализ материала позволяет выявить критерии использования коммуникативного саботажа в интерактивно-аналитическом дискурсе.

Ключевые слова: *ток-шоу, дискурс, интерактивно-аналитический дискурс, коммуникативный саботаж.*

Развлекательно-информационные передачи «разговорного жанра», характер которых отличается приближенностью к естественному повседневному общению, актуальностью тем, непринужденным поведением участников программы в телеэфире, привлекают внимание не только широкой аудитории, но и различных ученых. Речь идет о такой разновидности телевизионных передач, как ток-шоу, интерес к которым обусловлен их когнитивной насыщенностью: подобные телепрограммы предназначены для многомерной социальной репрезентации реальности. Генезис программ подобного рода лежит в активно-познавательном отношении человека к действительности. Они актуализируют результаты познания в самых разнообразных сферах – политической, экономической, социальной, культурной, научной и пр.

В качестве материала для нашего исследования нами были выбраны телевизионные программы, обладающие рядом специфических черт, а именно ток-шоу «НТВшники» и «Специальный корреспондент». Ситуация речевого взаимодействия коммуникантов в предлагаемых ток-шоу является дискурсивной, а «контекст находит выражение в тексте при посредстве дискурса, или живой знаково-эпистемической деятельности» [3, с. 53]. Принимая во внимание это утверждение, а также то, что «дискурс – это текст, погруженный в ситуацию общения» [2, с. 5], мы полагаем, что коммуникативные ситуации ток-шоу «НТВшники» и «Специальный корреспондент» следует считать ***дискурсом***. Предлагаемый нами тип дискурса характеризуется высокой степенью взаимодействия коммуникантов, несет информативный характер, позволяет участникам коммуникации вступать в полемику, рассуждать, заставляет мыслить, – все эти особенности данного дискурса позволяют называть его ***интерактивно-аналитическим***.

Среди особенностей интерактивно-аналитического дискурса необходимо отметить:

– наличие стандартных композиционных звеньев (приветствие телеведущего, введение в тему, вопросно-ответный характер программы);

– взаимодействие вербального компонента и оптических знаков в студии;

– раскованное поведение участников ток-шоу, возможность высказывания собственного мнения, спонтанная, неподготовленная речь;

– наличие разговорности (употребление слов с ярко выраженной негативной окраской, грубых, резких суждений и оценок; обвинений и упреков; использование фамильярности и иронии);

– конфликтность (стремление участников выделить важную информацию или оспорить точку зрения оппонента (интонация, жестикуляция, перебивание, выкрики, использование коммуникативного саботажа)).

Следует сказать, что конфликтность является немаловажной и неотъемлемой чертой интерактивно-аналитического дискурса. «Конфликт, как его трактует психолингвистическая конфликтология, подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе общения по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений. Данной речевой ситуации свойственна коммуникативная стратегия конфронтации. При осуществлении такого варианта взаимодействия происходит одностороннее или обоюдное неподтверждение ролевых ожиданий, расхождение партнеров в понимании или оценке ситуации и возникновение антипатии друг к другу» [4, с. 108]. Межличностное взаимодействие в интерактивно-аналитическом дискурсе ток-шоу зачастую порождает столкновения, вызванные противоречиями целей, взглядов, интересов, точек зрения двух сторон и носящие конфликтный характер. На наш взгляд, ситуация коммуникативного саботажа – это явление скрытого, то есть имплицированного столкновения, своего рода завуалированный конфликт. В.Ю. Андреева называет коммуникативный саботаж «мини-конфликтом». По ее мнению, «коммуникативный саботаж можно рассматривать как коммуникативный сбой в общении, своего рода разновидность коммуникативного конфликта» [1, с. 39].

Данная статья посвящена анализу ток-шоу «Специальный корреспондент». Мы полагаем, что языковая реализация коммуникативного саботажа обусловлена интерактивно-аналитическим дискурсом. С целью подтверждения данной гипотезы в настоящем исследовании мы делаем попытку оп-

© Яренчук Е.Э., 2012

ределить наличие как аналогичных черт двух телепередач – «НТВшники» и «Специальный корреспондент», так и нетождественных характеристик их когнитивной насыщенности.

Исследование и анализ продуктов совместной речевой деятельности участников телевизионного ток-шоу «Специальный корреспондент» позволили сделать вывод о том, что дискурс данной телепрограммы обладает рядом особенностей, присущих интерактивно-аналитическому дискурсу программы «НТВшники», которые были выявлены нами ранее [5, с. 119–121], а именно:

* наличие стандартных композиционных звеньев:

– Добрый вечер! В эфире программа «Специальный корреспондент». Тема нашей сегодняшней передачи – «Демография».

* взаимодействие вербального компонента и оптических знаков в студии:

– Вот Вы ***показывали эту картинку демографического креста. Вот эта ситуация*** *была предсказана в конце 60-х годов всеми советскими демографами, потому что суженный режим воспроизведения населения сложился уже в 69 году, и мы говорили, что в 90-е годы начнется депопуляция, но тогда эти наши предупреждения были проигнорированы. (А. Антонов).*

Настоящий пример подчеркивает неразрывную связь демонстрируемых в ходе эфира фильмов, сюжетов, изображений, графиков и языкового наполнения телепрограммы. Предлагаемый пример практически непонятен вне обсуждаемого дискурса: о какой *«картинке демографического креста»* и *«ситуации»*, которая *«была предсказана»*, идет речь, можно разобраться лишь при просмотре программы, так как в начале ток-шоу телеведущий представил схематическое изображение демографической ситуации в России. Таким образом, общение в настоящем дискурсе также напрямую зависит от видеоряда, видеосюжета, визуального наблюдения;

* раскованное поведение участников ток-шоу, возможность высказывания собственного мнения, спонтанная, неподготовленная речь:

– Я думаю, что рождаемость у нас упала, потому что, я ***вот…*** *что иссякла любовь между мужчиной и женщиной… (Н. Карачёва)*

– Что, что?(А. Мамонтов)

– Что мужчина с женщиной не так сильно стали друг друга любить, ***больше плотяная… ну, больше плоти любят, чем духом, чем душой, понимаете?*** *Вот поэтому, потребительское отношение друг к другу. (Н. Карачёва)*

В рамках ток-шоу любого рода возможность донести свои знания, взгляды и мнения дана каждому участнику программы. Вышеприведенный пример демонстрирует эту тенденцию, и использование частиц: *вот*, *ну*; словосочетаний: *любовь иссякла*, *любить плоть*, *любить духом, душой*; возможность поправить или дополнить сказанное: *больше плотяная… ну, больше плоти любят* подчеркивают спонтанность и неподготовленность речи;

* разговорность, представленная следующими характеристиками речевого поведения: фамильярность, нарочитая, показная грубость, резкость суждений и оценок:

– У меня дети, я в разводе, Вы знаете, я абсолютно согласна с Аркадием, на 200 рублей я своих двоих детей вряд ли смогу кормить, а если бы я не работала, а если бы я не была Тиной Канделаки, а если бы у меня свекровь с детьми не сидела… А если бы моя мама не сидела с детьми, и мне элементарно… ***Вы меня не передергивайте****, Вы меня выслушайте! (Т. Канделаки)*

– ***Я не передергиваю****… (Е. Афанасьева)*

– ***Я договорю, а потом скажете!*** *(Т. Канделаки)*

– Говорите как раз в общем… Все не могут быть Тиной Канделаки. (Е. Афанасьева)

– ***Не придирайтесь, я Вам сказала в другом контексте, Вы передернули. Хотите черное называть белым, называйте!*** *(Т. Канделаки)*

Настоящий пример демонстрирует использование нарочитой грубости, спора и пререканий, повышенные тона собеседниц и перебивания подчеркивают разговорный характер настоящего диалога.

Рассмотрим еще один пример, демонстрирующий наличие разговорности в интерактивно-аналитическом дискурсе:

– Сначала, конечно, хотела бы выразить глубокую благодарность нашему ***теперешнему*** *премьеру за внедрение такого замечательного закона, который теоретически мог бы помочь многим, но практически он совершенно не доработан и отдан на откуп регионам, где его реализация просто превратилась в какой-то* ***фарс и глумление над человеческим достоинством****. (С. Силантьева)*

Использование лексической единицы ***теперешний***, которая относится к разговорному пласту лексики, определяет как стремление говорящего к языковой экономии (в литературном языке нет однословного именования понятия), так и к оптимальному, доверительному характеру коммуникации. Лексические единицы ***фарс и глумление*** являются подтверждением недовольства говорящего и выражают его негативное отношение к власти.

Наряду с разговорностью еще одной отличительной особенностью публичной речи является конфликтность. Ее вербальная реализация может осуществлятся с помощью всевозможных стилистических приемов, интонации, а также коммуникативного саботажа. Рассмотрим несколько примеров:

– Но ведь Дмитрий Анатольевич подписал указ об этой земле для многодетных семей, отличная вещь, но он тут же подписал указ о расширении Москвы с этой гиперцентрализацией Москвы… (Ю. Крупнов)

– ***Да причем здесь Москва, мы про Россию говорим****! (А. Мамонтов)*

Интонация реплики адресата выражает его негативное отношение к высказываемой мысли, перебивание и использование коммуникативного саботажа свидетельствуют о наличие конфликтности, противоборстве двух сторон и несовпадении их мнений. В следующем диалоге коммуникативный саботаж указывает на намерения адресата уйти от ответа, подтверждая при этом его негативное отношение к обсуждаемой теме:

– ... Вот у меня в руках два конверта: на одном написано русский ребенок, а на другом – немецкий – это пособия на детей. Как Вы думаете, сколько в конверте на русского ребенка до 14–16 лет ежемесячно на питание дается. Сказать Вам, сколько? Вы угадаете? (А. Мамонтов)

– Да известно, что в 10–20 раз меньше, чем немецкому! (Ю. Крупнов)

– ***Сколько, сколько?*** *(А. Мамонтов)*

– ***Да не имеет значения!*** *(Ю. Крупнов)*

– ***200 рублей!*** *(А. Мамонтов)*

– ***Да не имеет значения!*** *(Ю. Крупнов)*

– Слушайте меня, 200 рублей! А немецкому, знаете сколько, до 24 лет, если он учится, а если не учится, то до 21 года? Знаете, сколько? 300 евро! (А. Мамонтов)

– ***И что?*** *(Ю. Крупнов)*

– Вот чем лучше немецкий ребенок моего русского ребенка? (А. Мамонтов)

Адресат дважды повторяет одну и ту же реплику, саботируя при этом высказывание адресанта и выражая свое нежелание отвечать на поставленные вопросы, обсуждать предлагаемую тему. Затем коммуникант посредством встречного вопроса игнорирует высказывание адресанта, стараясь тем самым обидеть собеседника, указывая на то, что его мысль не имеет отношения к теме беседы. Следует отметить, что говорящие саботируют высказывание собеседника, имея различные намерения и цели. В рассматриваемом примере коммуникант использует коммуникативный саботаж с целью ухода от ответа, а также старается задеть собеседника, о чем свидетельствуют интонация и повтор. Рассмотрим еще один пример, где коммуникант саботирует реплику собеседника, стараясь уйти от ремо-предикативного аспекта беседы:

– У меня один вопрос к Вам. Скажите, пожалуйста, а Вам, ну, скажем, в 63 или 73 с сыном поговорить или с дочерью на какую-нибудь тему, или так знаете, на веранде она дала Вам чашку чая… стакан и сказала: «Папа, у тебя будет внук» или «Папа, я тебе купил путевку на Мальдивы». Не хотите этого? (А. Мамонтов)

– ***Знаете, мы вот сейчас, потому что есть интернет, огромное количество воспитанников, это просто тысячи людей, большое количество, с которыми мы общаемся, и у них есть дети свои, внуки…*** *(А. Чистяков)*

Все рассмотренные примеры указывают на наличие стандартных черт двух телепередач «Специальный корреспондент» и «НТВшники». Тем не менее следует выделить еще одну характеристику ток-шоу, которая является неотъемлемым свойством телепрограмм такого рода, – это преимущество ведущего ток-шоу. В программе «НТВшники» ведущий, а именно А. Хреков, его соведущие и гости студии равноправны, ведущий лишь формулирует тему, представляет гостей, передает «право голоса» от одного участника коммуникации к другому. В ток-шоу «Специальный корреспондент» ведущий, напротив, пользуется большим преимуществом в процессе коммуникации. Он не просто более компетентен, но и не боится выражения собственных мыслей и проявления своих чувств и эмоций, на протяжении всей программы А. Мамонтов вступает в диалоги с гостями студии, перебивает их и спорит с ними, что также детерминирует наличие конфликтности в программе:

– А скажите, Рустам, извините, пожалуйста, у меня вопрос! Вы сейчас сказали слово «по поиску», сейчас мы прекратим вот этот диалог затянувшийся, но все-таки, Вы сказали «по поиску», а что нет кадастровых планов, нет?! Вы не знаете землю вокруг Казани?! Это терра инкогнита?! Почему «по поиску», в чем проблема там? Скажите нам. (А. Мамонтов)

– Нет, зачем, это не терра инкогнита, ***просто…*** *(Р. Нигматтулин)*

– ***Ну, а что тогда?*** *(А. Мамонтов)*

– Земли находятся в той или иной собственности, мы ведем переговоры с собственниками этих земель. (Р. Нигматтулин)

– А, понятно. (А. Мамонтов)

Таблица 1

		«НТВшники»	«Специальный корреспондент»
1.	Стандартные композиционные звенья	+	+
2.	Вербальный компонент и оптические знаки в студии	+	+
3.	Раскованное поведение участников ток-шоу	+	+
4.	Разговорность	+	+
5.	Конфликтность	+	+
6.	Преимущество ведущего ток-шоу	-	+

Общие черты контекстов двух программ, а также их отличительные особенности схематически представлены в таблице 1.

Таким образом, рассмотрев ток-шоу «Специальный корреспондент», проанализировав его лексическую составляющую, выявив общие черты двух телепрограмм и обозначив их отличия, мы можем говорить о полном совпадении целей и предметов двух телепередач и определить новый тип дискурса, который мы называем интерактивно-аналитическим.

Также мы можем заключить, что феномен коммуникативного саботажа в ток-шоу не только подтверждает наличие столкновений и противоречий, но и является разновидностью конфликта, языковая реализация которого обусловлена интерактивно-аналитическим дискурсом.

Библиографический список

1. *Андреева В.Ю.* Психолингвистический аспект коммуникативного саботажа // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. – 2008. – №88. – С. 39–42.

2. *Карасик В.И.* О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5–20.

3. *Касавин И.Т.* Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. Замысел книги. // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 19. (№1). – С. 53–56.

4. *Курьянович А.В.* Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации // Вестник ТГПУ *(Томский государственный педагогический университет)*. – 2005. – Выпуск 3 (47). – Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ФИЛОЛОГИЯ). – С. 106–112.

5. *Чернышева (Яренчук) Е.Э.* Интерактивно-аналитический контекст как контекст особого вида // Язык. Коммуникация. Культура: сб. материалов V Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участием: 30 мая – 4 июня 2011 г. – Курск: КГМУ, 2011. – С. 117–122.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882.09

Андреева Валерия Геннадьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
lanfra87@mail.ru

О НЕСКОЛЬКИХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ АНТИТЕЗАХ В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»

Автор статьи доказывает, что оппозиция «работа – бездействие» организует центральные противопоставления в романе «Воскресение» на уровне эпизодов, образов, этапов жизни движущихся героев.

Ключевые слова: *антитезы, труд, совершенствование личности, поэзия работы, преображающая сила работы, нравственная деградация и воскресение героев.*

Еще в литературоведении советского периода учеными было отмечено, что роман «Воскресение» Л.Н. Толстого полностью построен на системе контрастов. Действительно, многочисленные антитезы буквально пронизывают художественный мир произведения, дополняя друг друга. Но помимо противопоставления «социальных этажей» в романе необходимо увидеть полярные миропонимания, точки зрения, разнонаправленные векторы движения, осознать степени контрастов и, что намного важнее, основу построения антитез.

Роман «Воскресение» большинством ученых признается самым сложным и противоречивым, трудным для постижения художественным произведением писателя. Проповеднический пафос автора, обилие второстепенных персонажей романа, пересекающих путь Дмитрия Нехлюдова, огромный круг поднятых писателем политических, экономических проблем делают «Воскресение» романом, чтение которого не приносит удовольствие, а заставляет страдать, работать над собой.

Именно оппозиция «труд, работа – бездействие» в ее многочисленных жизненных вариациях составляет одну из центральных антитез в романе. Причем под работой человека Толстой подразумевает совокупность усилий, деятельность всех сторон личности. Скорее всего, писатель рассчитывал на то, что в процессе чтения его романа реципиент почувствует необходимость постоянного нравственного труда, встанет на путь совершенствования. О преображении читателя заботился Толстой при создании романа «Анна Каренина», и, видимо, в основе желания писателя работать с объемной эпической формой («Воскресение» было написано после ряда религиозно-публицистических трудов Толстого, повестей и рассказов) оказалась потребность проведения героев по ступеням восхождения в изменившихся условиях.

Роман «Воскресение» часто пытаются анализировать, абстрагируясь от текста и отыскивая в художественном мире произведения приметы толстовского отречения от православия, обращая пристальное внимание на сгущающиеся мрачные описания тюрем, камер, вагонов с заключенными, на отсутствие в нем света. По нашему мнению, «Воскресение», как и предыдущие романы Толстого, требует целостного, системного анализа, открытия «бесконечного лабиринта сцеплений». Но и сам «лабиринт сцеплений» в «Воскресении» имеет свои особенности. Так же, как и в «Анне Карениной», он призван привести читателя к уяснению смысла жизни, но теперь в художественном мире романа нет недоговоренностей, оставляющих возможности для ассоциаций и проведения скрытых параллелей. «В “Воскресении” нет ни второстепенных героев, ни второстепенных деталей. Здесь все значительно и важно в равной степени. Нет “фона”, а есть бескрайнее половодье “живой жизни”», – писал В.А. Туниманов [1, с. 556]. Проблема заключается уже не столько в распознании и глубоком понимании символов, мотивов в их многочисленных реализациях, сколько в адекватном взгляде на художественный мир и выявлении в жизненном потоке тех ключевых сопоставлений и противопоставлений, которые, по мысли автора, должны привести читателя к истине.

Толстой писал «Воскресение» параллельно с созданием трактата «Что такое искусство?», который, по словам К.Н. Ломунова, содержит толстовскую теорию искусства, «в своих главных чертах выросшую на основе творческого опыта ее создателя» [2, с. 49]. В названном трактате Толстой указал на единственный и несомненный признак настоящего искусства – заразительность. «Искусство как было, так и есть, так и не может быть не чем иным, как заражением одним человеком другого или других тем чувством, которое испытал заражающий» [4, т. 30, с. 164]. Писатель подчеркнул, что человек, воспринимающий произведение, должен прийти после прочтения в определенное состояние души.

Главной антитезой романа является противопоставление людей, способных к любому труду, тем существам, которые не могут, не желают трудиться физически, давно забыли про труд духовный. Среди последних некоторые отличаются тем, что скрываются за ширмами службы и полезной деятельно-

© Андреева В.Г., 2012

сти, фактически ничего не делая. Вспомним Вольфа, Масленникова, Топорова, графа Ивана Михайловича Чарского.

В романе «Анна Каренина» разговор о работе между одинаково относящимися к ней людьми мы слышали в гостиной Бетси Тверской, где Каренина удивлялась, зачем же ей нужно работать, когда ее работа никому не нужна. В романе «Воскресение» Нехлюдов, приехавший из деревни и воочию увидевший бедственное положение народа, страшную нищету, голод, сверхсильную работу женщин, бесконечную работу мужиков за луга, лес, ботву от картофеля, пытается объяснить своей тетушке, графине Чарской, странное недоразумение: «Разве это надо, чтоб мужики работали из последних сил и не ели досыта, а чтобы мы жили в страшной роскоши». На шутливый вопрос тети Нехлюдов заявляет, что хочет того, чтобы *«мы все работали и все кушали»* (курсив мой. – *В.А.*) [4, т. 32, с. 250]. Автор показывает, что ситуация в стране приближается к катастрофе, что огромная масса способных к труду людей оказывается лишена возможности получать за него достойное вознаграждение. А в это время другие субъекты, оградившие себя от малейших телесных и умственных усилий, мельчают душевно, поскольку и физический, и умственный труд, по мнению Толстого, гармонизирует состояние человека, отворачивает его от соблазнов, помогает жить в радости реального созидания.

В финале второй части романа представлены две кульминационные в указанной нами антитезе сцены. Два раза автор показывает шествие Корчагиных, в котором на перемещение притворяющейся немощной матери Мисси, транспортировку вещей тратятся огромные силы. Контрастом к первому «выходу» Корчагиных становится история Тараса, мужа Федосьи, контрастом ко второму «выходу» – появление рабочих, возвращающихся с торфяных болот и рассказ одного из них.

В повествованиях Тараса и мужиков центральным словом является слово «работа», которая предстает перед нами по-разному. Толстой словно желает показать читателю все стороны работы, объяснить, насколько важна она в совершенствовании человека. Если из рассказа пожилого рабочего становится ясно, что работа поддерживает человека, не дает ему расслабиться, то в истории Тараса и Федосьи читатель видит чудо работы, ее способность сближать людей, делать их родными.

Константин Левин, участвующий в косьбе вместе с мужиками, чувствует себя более близким к старику-косцу, нежели к брату. И, словно продолжая описание Ивана Парменова с женой, которых мы видели в романе «Анна Каренина», Толстой в «Воскресении» открывает «поэзию» работы, которая помогла Федосье полюбить когда-то ненавистного ей Тараса, сделала чужих людей самыми родными: «И взялась она, братец ты мой, с того часа работать. Да так работать стала, что на удивление. <…> Я кошу, она вяжет, а то оба жнем. Я на работу ловок, из рук не вывалится, а она еще того ловчее, за что ни возьмется. <…> И не говори, так присмолилась ко мне, что как одна душа. Что я вздумаю, она понимает» [4, т. 32, с. 357].

Но прежде чем подвести своего героя, Дмитрия Нехлюдова, к восприятию настоящей работы, которая, по мнению автора, невозможна без любви к людям, Толстой должен поднять его из той пропасти, в которой он оказался. То же самое относится и к героине, Катюше Масловой, ведь Маслова значительно преображается после того, как попадает к политическим заключенным. Она восхищается своими сотоварищами, особенно Симонсоном и красивой Марьей Павловной: «Ее поражало то, что эта красивая девушка из богатого генеральского дома, говорившая на трех языках, держала себя как *самая простая работница*, отдавала с себя другим все, что присылал ей ее богатый брат…» (курсив мой. – *В.А.*) [4, т. 32, с. 367]. Тюрьмы, места заключения воспринимаются автором «Воскресения» однозначно: люди, отбывающие наказание за преступления, оказываются в условиях не исправляющих, а развращающих человека, условиях «совершенной праздности или самого нездорового и бессмысленного труда» [4, т. 32, с. 123].

Словно по той схеме, которую Толстой представил еще в «Детстве», «Отрочестве», «Юности», его герои должны сначала отвергнуть подлинную ценность жизни, запутаться, отдать добрую часть сил на движение по ложному пути, а уже потом, после выпавших испытаний, выйти к истине. Примечательно, что в «Воскресении» Катюша и Нехлюдов в начале своего пути отвергают *труд, работу*. Обратим внимание на то, что любовь и труд у Толстого неразрывно связаны. В художественном мире романа «Воскресение» очень важно авторское уподобление целомудренной, лишенной чувственности любви радостному труду. Юная Катюша с ее чистой любовью ко всему миру после службы и слов о Воскресении Христа три раза целуется с Нехлюдовым и отвечает на его вопрос «тяжело, как будто после радостного труда, вздыхая всей грудью…» [4, т. 32, с. 57].

У Толстого ничего не происходит просто так. Сам факт падения Катюши и нравственной деградации Нехлюдова обусловлен в романе совокупностью причин. Толстой всегда большое внимание уделял происхождению своих главных героев, тому влиянию, которое на них оказывала среда. Не случайно Катюша оказывается дочерью дворовой женщины, работницы, и проезжего цыгана. Известно, что цыгане не любят, игнорируют физический труд, добывая средства для проживания настоящей работой очень редко. Еще до первой встречи с Нехлюдовым читатель узнает об избалованности Катюши, ее стремлении оградить себя от работы, тя-

желого физического труда: «За нее сватались, но она ни за кого не хотела идти, чувствуя, что жизнь ее с теми трудовыми людьми, которые сватались за нее, будет трудна ей, избалованной сладостью господской жизни» [4, т. 32, с. 7]. И ведь после рождения ребенка, по приезде в город, Катюша сторонится тяжелой работы.

Нехлюдов, поощряемый матерью и светскими людьми, постепенно усваивает роскошные привычки жизни. В начале романа мы видим его человеком, практически не способным ни к одному виду работы. Духовная работа в нем затихает из-за постоянного пребывания в светском обществе, душевная работа – из-за лживых, наигранных отношений, а также чувства самосохранения, поскольку обнажение души в светском мире пагубно. Кроме того, Нехлюдов, никогда не желавший служить, практически не работает ни умственно – он плывет по течению жизни, где за него все оказывается решенным, – ни физически.

Нехлюдов оказывается ведомым, почти не сопротивляющейся жертвой, над которой проводится хитрая работа, существующая в мире интриг и отражений: «Нехлюдов поморщился. Записка была продолжением той искусной *работы*, которая вот уже два месяца производилась над ним княжной Корчагиной…» (курсив мой. – *В.А.*) [4, т. 32, с. 14]. Толстой показывает, как герой обманывает сам себя, все дальше пряча и все больше забывая свойственную всякому человеку способность трудиться.

Отправляясь в суд в качестве присяжного заседателя, Нехлюдов успокаивает себя, воображая предстоящее дело: «Теперь надобно добросовестно, как я всегда делаю и считаю должным, *исполнить общественную обязанность*» (курсив мой. – *В.А.*) [4, т. 32, с. 19]. Однако его намерение расстраивается купцом, встретившим князя у комнаты присяжных. Добродушный купец не случайно дважды повторяет одно и то же слово: «Ну, что же, вместе *потрудимся*», «*потрудиться* надо». Купец напоминает Нехлюдову и читателям о том, что способность к труду может понадобиться в любую минуту, по Толстому, каждый из нас и ценен именно как личность, способная к разнообразной работе. Слова купца также являются предвестием будущего пробуждения Нехлюдова, ведь уже в суде в нем начинается «сложная и мучительная работа» [4, т. 32, с. 34].

Упоминания о начавшейся и происходящей в Нехлюдове работе обрамляют его воспоминания о приезде к тетушкам, о том дне, когда он соблазнил Катюшу. Перед читателем предстает еще одна важная антитеза. Душевное состояние Катюши и Нехлюдова перемежается с описанием пробуждения реки. В героине происходит внутренняя работа, гармонирующая с начавшимся движением льда: «Там, на реке, в тумане, шла какая-то мучительная неустанная, медленная работа, и то сопело что-то, то трещало, то обсыпалось, то звенели, как стекло, тонкие льдины» [4, т. 32, с. 61]. А вот по отношению к герою автор уже не использует лексему «работа», внутренние порывы Нехлюдова лишены чистоты и правильной упорядоченности. Рядом с ощущениями и действиями Нехлюдова Толстой описывает слышащиеся в весеннем воздухе звуки, благодаря которым мы представляем, что происходит в душе героя: «…Остался один туман и возня на реке» [4, т. 32, с. 62].

О.В. Сливицкая считает, что «нет в поворотах внутренней и внешней судьбы Нехлюдова той, говоря словами Толстого, “необходимости поэтической”», что «Нехлюдов движим духовными поисками, но они не взрывают глубокие душевные пласты» [3, с. 13–14]. В отличие от романа-эпопеи, «Анны Карениной», в которых Толстой подробно описывал душевную жизнь главных героев, «Воскресение» не содержит пространных описаний изменяющихся чувств и состояний Нехлюдова, однако это не означает, что душевная жизнь замирает. Душевные переживания, работа души Нехлюдова обусловливают и его духовный рост. Подробных описаний изменяющихся чувств, состояний Нехлюдова в романе нет, поскольку огромное место в нем занимает изображение страданий заключенных и историй отдельных лиц из народа. Нехлюдов (а с ним и читатель) является свидетелем большинства происшествий, он слышит из различных уст рассказы о бедах и несправедливостях.

Мысль о самосовершенствовании и стремление к духовному росту напрямую связаны в Нехлюдове с работой души. Пытаясь добиться справедливости по отношению к делу Масловой, Нехлюдов берется помогать и другим обитателям острога, поражаясь количеству бессмысленных и доведенных до абсурда обвинений, содрогаясь душевно.

Подробно не показывая душевную работу Нехлюдова, автор романа все-таки часто говорит о ней. Во-первых, Толстой показывает реакцию героя на события. Во-вторых, пусть кратко, но упоминает о его чувствах: на Нехлюдова, как и на героя рассказа «После бала», после упоминания о наказании арестантов розгами, «нашло то смешанное чувство любопытства, тоски, недоумения и нравственной, переходящей почти в физическую, тошноты, которое и прежде, но никогда с такой силой не охватывало его» [4, т. 32, с. 180]. Не случайно Толстой пишет о «смешанном» чувстве, антитетичные составляющие которого, объединяясь в целое, и передают работу души. В-третьих, глубинную работу души в Нехлюдове открывают отдельные детали и подробности: вспомним, как из массы вещей он выбирает старую фотографию с изображением его самого, чистой и сияющей Катюши и тетушек, как отвозит ее Масловой. Душевная и духовная работа в Нехлюдове и Катюше идет

параллельно, они как бы заражаются друг от друга стремлением к дальнейшему движению: «В ней шла мучительная работа. То, что ей сказал Нехлюдов, вызывало ее в тот мир, в котором она страдала, и из которого ушла, не поняв и возненавидев его» [4, т. 32, с. 167]. Учитывая это, очень символичным становится вручение фотографии Катюше, которая только при появлении снимка уже не может уйти от визуально констатируемой ею разницы между ее настоящим и далеким прошлым, временем юности.

Наконец, читателю, знакомому со стилем Толстого и с художественными мирами других его произведений, достаточно малого, чтобы понять, что душевная работа Нехлюдова, часто руководимая и «поэтической необходимостью», идет в этом тонком и восприимчивом человеке. Вспомним размышления Нехлюдова и его созерцание надвигающейся ночной грозы в имении Паново. Толстой сообщает читателю, что недоверию мужиков к Нехлюдову приходит конец после объяснения старушки, заявившей, «что барин стал о душе думать и поступает так для ее спасения» [4, т. 32, с. 232]. Это высказывание сопоставимо со словами Агафьи Михайловны, старой нянюшки и экономки Левина из романа «Анна Каренина», замечающей барину: «О своей душе, известное дело, пуще всего думать надо» [4, т. 18, с. 364]. Учитывая, что эта фраза Агафьи Михайловны входит в триаду высказываний, констатирующих душевную работу и духовный рост Левина, можно говорить об особой смысловой нагрузке, лежащей на словах старушки в романе «Воскресение».

Известно, что А.П. Чехов посчитал неуместным финал романа «Воскресение», где Нехлюдов читает отдельные главы Евангелия: «Конца у повести нет, а то, что есть, нельзя назвать концом. Писать, писать, а потом взять и свалить все на текст из Евангелия, – это уж очень по-богословски. Решать все текстом из Евангелия – это так же произвольно, как делить арестантов на пять разрядов…» [5, с. 386–387]. Однако именно в Евангелии мысль о необходимости постоянного роста человека, его стремлении к Богу в результате неустанной, не прекращающейся ни на минуту работы выражена наиболее ярко.

Еще более спорным и интересным является вопрос о выборе автором тех или иных отрывков Евангелия для финала своего романа. Но ведь Толстой указывает, что Нехлюдов начинает читать Евангелие с того места, где оно открылось. Кроме того, вряд ли правильным будет учитывать проповеднический пафос Толстого, его истолкования священных текстов, особое пристрастие писателя и публициста к Нагорной проповеди при анализе художественного мира романа. Нехлюдов не придумывает ничего своего, он не переписывает Евангелие. Его мысли и чувства останавливаются как раз на тех строках, которые наиболее важны для него, а вместе с тем и для понимания романа.

Центральный в «Воскресении» мотив работы в финале романа реализуется в притче о виноградарях. Не случайно автор романа дает свободный пересказ, даже свободное толкование этой притчи. Толстой, благодаря Нехлюдову, живо представляющему подлость, низкие стороны людей, концентрирует внимание читателя на синонимах «виноградари» – «работники». Автор, целью которого стало привлечение людей к работе, проводя реципиентов через галерею лиц, событий, внезапно показывает читателю его самого, ведь каждый из нас – один из виноградарей. Толстой, уже не в первый раз, предпринимает попытку вовлечения читателя в пространство, особенностью которого является то, что находящийся в нем человек ощущает себя способным ко многому, в том числе к постоянной работе, и осознает свою подчиненность высшему закону жизни.

Библиографический список

1. *Зверев А.М., Туниманов В.А.* Лев Толстой. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 782 с.

2. *Ломунов Н.К.* Над страницами «Воскресения». – М.: Современник, 1878. – 381 с.

3. *Сливицкая О.В.* «Человек Толстого» как динамическое тождество // Русская литература. – 2010. – №4. – С. 3–14.

4. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. – М.: Худ. лит., 1928–1958.

5. *Чехов А.П.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 12. – М.: Гослитиздат, 1957.

УДК 82.161.1

Баталова Тамара Павловна
Московский государственный областной гуманитарный социальный институт
slava964964@mail.ru

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И Н.А. НЕКРАСОВ: ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ (семантика мотива Дела в произведениях 1860-х – 1870-х годов)

Автор данной статьи анализирует семантику мотива Дела в произведениях Достоевского и Некрасова, его связь с мотивом Деспотизма. На этом основании делается вывод о том, что победить Деспотизм может только Жертвенное Дело.

Ключевые слова: *Достоевский, Некрасов, дело, жертва, мотив.*

Поставленная в предлагаемой статье проблема ранее не исследовалась. Однако думается, что подобное рассмотрение позволит более полно представить историософские взгляды, выраженные в произведениях Достоевского и Некрасова 1860-х – 1870-х гг.

О близости позиций писателей говорят интертекстуальные связи их произведений. Мотив Дела приобретает здесь характер жертвенности и в подтексте опирается на образ Христа. У Достоевского впервые он возникает в стихотворении «На европейские события в 1854 году» (1854):

Вновь распят он, вновь принял скорбь и муки,
Вновь плачут очи горькою слезой,
И распростёрты Божеские руки,
И тмится небо страшною грозой [1, т. 2, с. 204].

В некрасовской «Тишине» эти стихи переосмыслены с сохранением образа «Божеские руки» и рифмы: «муки» – «руки»:

Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной… [5, т. 4, с. 52].

Сюжеты поэмы Некрасова «Несчастные» (1856) и романа Достоевского «Идиот» (1868) строятся на противопоставлении мотивов Деспотизма и Жертвенного Дела. Думается, что это противодействие в «Идиоте» завершается созданием кризисной ситуации (термин Г.В. Краснова [см.: 4]). В.Н. Захаров охарактеризовал её очень точной метафорой, которая, по всей вероятности, передаёт и настроение самого писателя: «Роман Достоевского – роман Великой субботы, когда Бог умер, человек осиротел, человечество осталось наедине с собой и никто ещё не слышал о сошествии Христа в ад и проповеди в аду» [2, с. 659]. В романе противостоят друг другу и главные герои: Князь – воплощение жертвенности, Рогожин – средоточие деспотизма грубых страстей. Отметим значимость их поименования. «Лев» – говорит о высоте идеи; «Николаевич», отсылая к преданиям о Святом Николае, характеризует её; «Мышкин» – выражает способ её реализации – малыми делами. Думается, можно допустить, что эта оксюморонность восходит к образу Крота-Орла из «Несчастных». Он также творит малое, но доброе дело:

Но он учить не тяготился –
Он с нами братски поделился
Богатством сердца своего! [5, т. 4, с. 41].

Очевидно, Достоевский, читая эту поэму, помнил «внушительные» слова поэта: «Я тут об вас думал, когда писал это <...> это об вас написано» [5, т. 4, с. 541]. Заметим, что и Крот, и Князь отличаются высоким духом при физической слабости. Кажутся сопоставимыми и некоторые эпизоды данных произведений: героев в них сближает сила воздействия на окружающих. Крот, обычно «кроткий», «покорил» «строптивых» преступников:

Был вечер, скрежеща зубами,
Один из наших умирал. <...>
И стали в бешеном веселье
Его мы хором отпевать <...>
Вдруг кто-то крикнул: «Нет в вас Бога!» –
И песни не допели мы. <...>
Смутились мы. Какая сила
Ему строптивых покорила –
Бог весть! Но грубые умы
Он умилил, обезоружил,
Он нам ту бездну обнаружил,
Куда стремглав летели мы! [5, т. 4, с. 40].

Недаром каторжники, возвращаясь с похорон Крота, в «голос сказали»:

«Зачем его Кротом мы звали?
И мёртвый сходен он лицом
С убитым молнией орлом!» [5, т. 4, с. 47].

Сцена, по своему характеру близкая к этой, – в «Идиоте». При возвращении Льва Николаевича из церкви после несостоявшегося венчания его с Настасьей Филипповной «весь дом был буквально осаждён праздною публикой. Ещё с террасы услыхал князь, как Келлер и Лебедев вступили в жестокий спор с некоторыми, совершенно неизвестными <...> во что бы то ни стало желавшими войти на террасу. Князь подошёл к спорившим, осведомился в чём дело, и вежливо отстранив Лебедева и Келлера, деликатно обратился к одному уже седому и плотному господину, стоявшему на ступеньках крыльца во главе нескольких других желающих, и пригласил его сделать честь удостоить его своим посещением». Беседуя с вошедшими, «Князь отвечал всем так просто и радушно, и в то же время с таким достоинством, с такою доверчивостью к порядочности своих гостей, что нескром-

 © Баталова Т.П., 2012

ные вопросы затихли сами собой». О необоримой духовной силе, скрывающейся за этой «простотой» и «доверчивостью», говорит удивлённое восхищение Келлера. «Когда все разошлись, Келлер нагнулся к Лебедеву и сообщил ему: “Мы бы с тобой затеяли крик, подрались, осрамились, притянули бы полицию; а он вон друзей себе приобрёл новых, да ещё каких; я их знаю!” Лебедев, который был довольно “готов”, вздохнул и произнёс: “Утаил от премудрых и разумных и открыл младенцам, я это говорил ещё и прежде про него, но теперь прибавляю, что и самого младенца Бог сохранил, спас от Бездны, Он и все Святые Его!”» [1, т. 8, с. 494].

Итак, мотив Жертвенности можно назвать Никольским. Он связан с героями, принцип жизни которых – помогать людям в трудных обстоятельствах, творить Добро. Кроме Мышкина – это Николай Андреевич Павлищев и Коля Иволгин. Формально их дела носят частный характер, но окружающие оказываются под их благотворным воздействием.

Образным выражением мотива Деспотизма являются «большой мрачный» дом Рогожиных, кошмарные видения Ипполита. Символом этой давящей силы, питающейся тёмными страстями, рождающей насилие, можно считать Рогожина. Условно данный мотив и назовём Рогожинским.

Итак, в фабульном отношении в романе победили рогожинские страсти. Действительно, героиня убита. Но, чувствуя духовную силу Льва Николаевича, Рогожин, совершив преступление, испытывает необходимость признаться ему. Стремление лечь рядом с Князем – это напоминание о крестном братании и мольба о прощении. Таким образом, ценой своего душевного здоровья Князь спасает душу Рогожина. «Малое» жертвенное дело обратилось в Великое.

В то же время эта братская постель, напоминающая пушкинские сцены: Пугачёв и Гринёв – в одной кибитке, Марья Ивановна и Государыня – на одной скамейке («Капитанская дочка»), предваряющая совместное лежание на соломе в Америке Шатова и Кириллова («Бесы») – выражает мысль о своеобразном единстве противоположностей. Это онтологическая закономерность: деспотизм непременно вызывает жертвенность и побеждается только ею.

Размышления о природе деспотизма и влиянии его на русскую жизнь нашли своё отражение и в романе «Бесы» (1873). Мотив Дела здесь имеет два значения. Как выражение отрицательного смысла «дела», он связан прежде всего с образами Варвары Петровны и Петра Верховенского. Гнёт – уже в самой природе характеров этих персонажей. Варвара Петровна – дочь крупного откупщика. Цинизм Петруши Верховенского – результат кощунственных откровений отца о его матери. В то же время эти имена указывают и на то, что и деятельность этих героев направлена на подавление ближнего. Они стремятся властвовать (одна – над губернией, второй – над Россией). Но они – не власть имущие. Их успехи обусловлены поддержкой государственных властей.

Таким образом, ответственность за «воспроизводство» деспотизма и бесправия в стране писатель возлагает на самодержавие.

Никольский мотив здесь искажён Петровским. Это проявляется в несбывшемся мечтании Степана Трофимовича о «красивой гражданской постановке» и возможности Николая Ставрогина «сделать доброе дело <...> рядом» со злым. Его имя говорит о его добрых наклонностях; «Ставр» – в переводе с греческого – скрещение, крест (без религиозных коннотаций); имя «Николай» отсылает к преданиям о святом Николае; «Всеволодович» – всем владею – как бы объединяет противоположно направленные качества его характера. Думается, что этот персонаж напоминает людей типа «лишних», трагедиям которых сочувствует лирический герой стихотворения Некрасова «Ещё скончался честный человек…» (1855):

Но нас не поражает человек,
На дело благородное рождённый
И грустно проводящий тёмный век
В бездействии, в работе принуждённой
Или в разврате жалком; кто желал
Служить добру, для ближнего трудиться
И в жажде дела сам себя ломал,
Готовый на немногом помириться,
Но присмирел и руки опустил <...>
Не понимаем мы глубоких мук,
Которыми болит душа иная,
Внимая в жизни вечно ложный звук
И в праздности невольной изнывая <...>
И ежели сразит его судьба,
Нам смерть его покажется случайной,
И никому не интересной тайной
Останется сокрытая борьба,
Убившая страдальца… [5, т. 1, с. 169].

Комментируя эти строки, Г.В. Краснов выделяет понимание героем Чести как гражданского долга: «Истинная “трагическая повесть” – в душах этих “честных” людей, порою без вины виноватых. Честь, честность здесь – как выражение высокого начала, общечеловеческого мотива, нравственного и гражданского долга (“служить добру, для ближнего трудиться”…), как примета общественной зрелости нации (“Не от одних завалов и простуд // И на Руси теперь уж люди мрут…”)» [3, с. 46].

Образ Николая Ставрогина, в сравнении с некрасовским героем, как бы заострён. Это, вероятно, можно объяснить новым временем. В 60-е гг. менялись формы гражданской активности. Кроме того, здесь можно видеть и ещё один смысл – связь подобного типа людей с героями 40-х гг., неспособными к практическому делу (возможно, литературным прототипом Верховенского-старшего является Агарин, перешедший в 60-е гг.).

Допустимо предположить, что двойственность Ставрогина обусловлена воспитанием. Степан Трофимович открыл в Николае Всеволодовиче «избранную душу» и в то же время опошлил её своими ночными излияниями о «домашних секретах». Таким образом, он уже с детства лишил своего воспитанника чувства родного дома, родного уголка, родной земли, то есть всего святого. «В России я ничем не связан – в ней мне всё так же чужое, как и везде, – пишет он. – Правда, я в ней более, чем в другом месте, не любил жить». И тут же признаёт справедливость мысли о том, что «тот, кто теряет связь с своею землёй, тот теряет и Богов своих, то есть все свои цели» [1, т. 10, с. 513–514].

Очевидно, поэтому Ставрогин и не знал, куда приложить свою «беспредельную» силу. Это и стало причиной его метаний. Он признаётся Дарье Павловне: «Я пробовал везде мою силу <...> как и прежде, она оказывалась беспредельною. <...> Но куда приложить эту силу – вот чего никогда не видел, не вижу и теперь<...> могу пожелать сделать доброе дело и ощущаю от того удовольствие; рядом желаю и злого и тоже чувствую удовольствие» [1, т. 10, с. 513].

Он европейски образован. В то же время «пробовал большой разврат», хотя «не любил и не хотел разврата». Перед ним почти преклоняются и Шатов, и Кириллов, и Верховенский. Хроникёр сравнивает его с людьми, ценившими в себе стойкость и силу характера. Но окружающие его, в том числе и самые близкие, усиливают его драматизм. Его доброе дело – помощь Марье Тимофеевне – опозорено сплетнями и осмеяно. По словам Петра Верховенского, это – «чудачество», «баловство». В то время как Николай Всеволодович говорит о себе: «всё-таки имею привычки порядочного человека», Варваре Петровне приятнее распространять слухи о сумасшествии сына, нежели принять правду о его женитьбе. Его неотступно преследует Пётр Верховенский. Общение с «нашими» Ставрогину «мерзило»; отказ от сотрудничества – чреват погибелью. Не случайно Николай Всеволодович стремится к уединению, зовёт в Ури жену, а после её гибели – Дарью Павловну. Но любящая его Даша настолько подавлена Варварой Петровной, что без её одобрения не может «срочно», как просил Николай Всеволодович, послать ему ответ о своём согласии ехать с ним в Швейцарию. Понимая трагичность своего положения, он пишет: «Я знаю, что мне надо бы убить себя, смести с лица земли как подлое насекомое» [1, т. 10, с. 514].

Самоубийство Ставрогина – итог его метаний и страданий. Он сам писал об этом Даше: «Судите, до какой степени мне было легко и сколько я метался!» [1, т. 10, с. 514].

Итак, в романе «Бесы» мотив Жертвенного Дела искажён, можно считать, что он выведен в подтекст, чтобы подчёркнуть пагубность влияния Деспотизма на общественную и личную жизнь.

Интересно, что самооценка Николаем Ставрогиным своей силы – как «беспредельной» – настраивает на сопоставление этого образа с некрасовским Гришей Добросклоновым («Кому на Руси жить хорошо», 1876), о котором автор говорит: «Слышал он в груди своей // Силы необъятные». По всей вероятности, эта семантическая синонимия не случайна. Думается, Некрасов писал соответствующую главку поэмы «с оглядкой» на роман Достоевского. Об этом говорит ряд наблюдений. Сюжетообразующим мотивом для образа Гриши Добросклонова является мотив Жертвенного Дела. Автор показывает его истоки.

Если для Ставрогина в России «всё чужое», Гриша крепко связан со своей Вахлачиной. Эта взаимосвязь выражена мотивом Кормления. Его семантика неоднозначна. Вахлачиной буквально вскормлена вся семья дьячка Трифона. Гриша и Саввушка – «младенцами // Давно в земле истлели бы // <...> Не будь рука вахлацкая // Щедра, чем Бог послал» [5, т. 5, с. 226]. Но мотив Кормления имеет и духовный аспект. Гриша – сын дьячка, который, видимо, не использовал свою службу в материальных интересах:

Беднее захудалого
Последнего крестьянина
Жил Трифон <...>
Коровы нет, лошадки нет,
Была собака Зудушка,
Был кот – и те ушли [5, т. 5, с. 225].

Интересно, как меняется смысл противопоставления Вахлачины семинарии. Сначала речь идёт о пище в прямом значении:

У Гриши – кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо – их недокармливал
Хапуга-эконом <...>
Как ни бедна вахлачина,
Они в ней отъедалися [5, т. 5, с. 225].

Но далее через «песенку матушки» – «Солёную» – возникает мотив духовного хлеба, Веры. Очевидно, она основывается не на вызубренных догматах, а на впечатлениях, вынесенных из жизни Вахлачины, её страданий.

Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
Тихонько в семинарии,
Где было тёмно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Певал – тужил о матушке
И обо всей вахлачине,
Кормилице своей [5, т. 5, с. 227–228].

Здесь же мотив Любви к Матушке естественным образом перерастает в Любовь ко всей Вахлачине:

И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлачине
Слилась… [5, т. 5, с. 228].

Здесь проявилась взаимосвязь образов, характерная для всего творчества поэта [см.: 7]. Заме-

тим, что здесь Некрасов вступает в диалог с Достоевским и Пушкиным. С одной стороны, он поддерживает их мысль о значении семьи в воспитании Чести. Но, если у Пушкина и Достоевского на первое место в этой проблеме ставится Отец (например, Батюшка в «Капитанской дочке», Степан Трофимович в «Бесах»), то Некрасов подчёркивает роль Матери:

Дьячок хвалился детками,
А чем они питаются –
И думать позабыл.<...>
Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива<...>
Всю жизнь о соли думала [5, т. 5, с. 226].

По замечанию Н.Н. Скатова, у Некрасова мотив Матери, как правило, связан с мотивом Родины [см.: 6]. В то же время некрасовский герой как бы реализует мысль о взаимосвязи бытия народа и его Бога, то есть понимания им Добра и Зла, которое потерял Николай Ставрогин и которое не успел осмыслить Шатов. Кстати, само имя некрасовского героя – «Григорий» (с греческого – «бодрствующий») – говорит о готовности к деятельности, а фамилия – «Добросклонов» – о её характере. Именно «Любовь ко всей вахлачине» зовёт Гришу на Жертвенное дело:

…И лет пятнадцати
Григорий твёрдо знал уже,
Кому отдаст всю жизнь свою
И за кого умрёт [5, т. 5, с. 227–228].

О духовности устремлений Добросклонова говорит песня Ангела, которая «…души сильные / Зовёт на честный путь»:

На бой, на труд
За обойдённого,
За угнетённого,
Умножь их круг,
Иди к униженным,
Иди к обиженным –
И будь им друг! [5, т. 5, с .228, 229].

(Эпитеты, особенно слово «униженным», перекликаются с заглавием романа Достоевского.)

Таким образом, Гриша Добросклонов, в отличие от Николая Ставрогина, знает, «к чему приложить» свои «силы необъятные»:

Слышал он в груди своей силы необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного –
Пел он воплощение счастия народного!...
[5, т. 5, с. 235].

В вариантах текста конкретизируется жертвенность Дела Гриши:

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь… [5, т. 5, с. 517].

Итак, предложенное исследование показывает определённую близость взглядов Достоевского и Некрасова на русскую историю. Это проявляется, в частности, в том, что в рассмотренных произведениях 1860-х – 70-х гг. разрешаются общие для них вопросы. Возникающий мотив Дела выражает историософскую проблему: Деспотизм укоренён в самых глубинах русской жизни и возведён Петром I в главный принцип государственного правления. Поэтому ответственность за воспроизводство его лежит на властях. Победить его господство «снизу» сможет только Доброе Дело, которое в данных условиях должно быть Жертвенным.

Библиографический список

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л., 1972–1990.

2. *Захаров В.Н.* Воскрес ли мёртвый Христос // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Канонические тексты. Т. 8. – Петрозаводск, 2009. – С. 635–650.

3. *Краснов Г.В.* Н.А. Некрасов в кругу современников. – Коломна, 2002.

4. *Краснов Г.В.* Сюжеты русской классической литературы. – Коломна, 2001.

5. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч.: в 15 т. – Л.; СПб., 1981–2000.

6. *Скатов Н.Н.* Некрасов. – М., 1994.

УДК 820/888.09

Дорохова Алёна Сергеевна
Волгоградский государственный университет
das-das-87@mail.ru

МНОГОУРОВНЕВОСТЬ «ЭССЕИЗАЦИИ» РОМАНА XX ВЕКА: «ИГРА В БИСЕР» ГЕРМАНА ГЕССЕ И «НОЧНОЙ ПОЕЗД НА ЛИССАБОН» ПАСКАЛЯ МЕРСЬЕ

В статье рассмотрены свойства жанра эссе, их реализация в романах «Игра в бисер» Г. Гессе и «Ночной поезд на Лиссабон» современного швейцарского писателя П. Мерсье. Выявлены сходные черты и различия «эссеизации» – знакового явления литературы XX века – в данных романах.

Ключевые слова: *эссе, эссеизация, эссеизм, эссеистическое мышление, формообразующая роль эссе.*

Эссе сыграло важную роль в преобразовании романной прозы прошлого столетия, при этом видоизменяется и сам жанр эссе в литературном творчестве. Признаки эссеистическго мышления отмечаются в таких знаковых творениях, как «Человек без свойств» Роберта Музиля, «Волшебная гора», «Доктор Фаустус» Томаса Манна, «Назову себя Гантенбайн», «Штиллер» Макса Фриша.

Творчество Германа Гессе, в частности его роман «Игра в бисер» («Das Glasperlenspiel», 1943), является постоянным объектом литературоведческих исследований и критики, но вопросы, касающиеся влияния эссе на данное произведение, затрагиваются нечасто. Не менее очевидна формообразующая роль эссе в романе современного швейцарского писателя Паскаля Мерсье «Ночной поезд на Лиссабон» («Nachtzug nach Lissabon», 2004).

Своеобразие формальной организации «Игры в бисер» и «Ночного поезда» обусловлено в том числе и ее видоизменением под действием свойств эссе. Характеристика, отнесенная к роману-эссе Милана Кундеры «Бессмертие», отражает общее свойство двух данных произведений: «роман-самопознание: своей природы, своих возможностей, своей формы» [11, с. 209]. Но эссе, определенным образом сближая в некоторых моментах художественные тексты Гессе и Мерсье, одновременно наделяет каждый из них исключительностью.

Подвижность мысли в эссе, «гонимого духом странствий, стремлением все испытать и ничему не отдаться» [14], реализуется в форме романа Гессе, которая, не переставая, восполняет и преобразует сама себя. «Игра в бисер» – «целый конгломерат жанровых форм в рамках одного произведения» [6]. Текст романа включает биографию главного героя магистра Игры в бисер Иозефа Кнехта, легенду о его смерти, несколько стихотворений магистра и три жизнеописания, созданные им в студенческие годы.

Динамика формы осуществляется не прямолинейно, но подобно жизни Иозефа – «по кругу, эллипсису или по спирали» [2, с. 345], чему способствует идея о частичном совпадении противоположностей [9, с. 62]. Истины, множащиеся в философском плане произведения, часто противоречат друг другу. «Вращательное» движение мысли в романе, как это было сказано М.Эпштейном по поводу «Опытов» Монтеня [13, с. 336], выражено в «Игре в бисер» в постоянном возвращении к одним и тем же образам, ситуациям. По ходу развития действия скорость «вращения» усиливается, отстраненный тон биографа сменяется более динамичным в «Легенде», после – быстрота изменения эпох и героев в жизнеописаниях. Повторяются в разнообразных вариациях образы, например, учителя и ученика, наследующего мудрость своего наставника (Мастер Музыки – Иозеф, Кнехт – Тито Дезиньори, Туру – Кнехт, Дион – Фамулюс, индийский йог – Даса). К этому добавляется и один из возможных переводов словосочетания «Magister Ludi»: не только «магистр Игры», но также «школьный учитель». При этом каждый «мотив и образ углубляется смыслом другого». Непрекращающееся возвращение, обретение новых качеств, преобразование жизни в смерть и смерти в новую жизнь задействуют и мифологический пласт, тем более, что «общее содержание почти каждого из символических образов Гессе само по себе традиционно – оно связано с фольклором и мифологией» [9, с. 56].

«Эссе – мифология, основанная на авторстве», поскольку «устремляется к тому единству жизни, мысли и образа, которое изначально, в синкретической форме, укоренилось в мифе» [15]. Такой синкретизм в «Игре в бисер» демонстрируется не только в непосредственном обращении к образам мифологии, но и благодаря стремлению к синтезу различных философий (восточная философия даосизма, идеи Юнга, Шпенглера, Ницше), религии и язычества, когда в «раздельном единстве» соединяется «множественность центров бытия» [1, с. 220]. Мир представлен как разрушающий себя и воссоздающийся, восполняющийся заново, как и человеческий дух, отражающий в себе зыбкую гармонию мира.

Принципиальная разножанровость фрагментов, подчеркиваемая в самом начале биографии Кнехта, их отличия в стилевом отношении, следуя эссеистическим принципам парадоксальности и полижанровости, являются при этом условием создания

© Дорохова А.С., 2012

целостности. Структура и образная система романа «Игра в бисер», как и произведение эссеистического плана, «держится энергией взаимных помех, трением и сопротивлением не подходящих друг другу частей» [14].

Постоянно множащийся новыми смыслами противоречивый образ Игры в бисер, порожденной «мутным потоком» мира и противостоящей ему, достигает всеобъемлющего значения жизни как таковой и отражает в себе принцип эссеистического мышления, когда из частей составляется подвижное и развивающееся целое, готовое распасться и воссоздаться вновь. В лучших партиях Игры «синтез и гармонизация противоположных голосов не доводились <…> до конца», «эта гармонизация претерпевала целый ряд преломлений, она каждый раз, словно устав и отдышавшись, останавливалась перед разрешением и замирала в сомнении и вопросе» [2, с. 138]. Само произведение Гессе, как и образ Игры в бисер, – «уникальная и дерзкая попытка абсолютного синтеза» [12, с. 43], выражающего идею «единства Вселенной» [12, с. 44].

«В фокусе творческих интересов Г. Гессе – бытие индивидуального сознания личности» [5]. «Это не единство, а многосложнейший мир, это маленькое звездное небо, хаос форм, ступеней и состояний, наследственности и возможностей» [3, с. 244], – говорится о человеческой душе в «Степном волке». Такое понимание внутреннего мира личности во многом близко и ее концепции в «Ночном поезде на Лиссабон» Мерсье, где в качестве одного из эпиграфов даны строки из «Опытов» Мишеля Монтеня: «Мы все лишены цельности и скроены из отдельных клочков, каждый из которых в каждый данный момент играет свою роль. Настолько многообразно и пестро наше внутреннее строение, что в разные моменты мы не меньше отличаемся от себя самих, чем от других» [7, с. 4]. Поиск героями самих себя составляет основной сюжет произведений обоих писателей. Если у Гессе он «достигает кульминации в образе магического театра», демонстрирующего «не единство личности, а ее бесконечную многогранность» [17], о чем упоминается и в «Игре в бисер», то в «Ночном поезде» Мерсье внутренний мир человека также становится своеобразным «зазеркальем», отражающим различные аспекты бытия личности, но без свойственной текстам Гессе «мистической» составляющей.

Образ Кнехта в «Игре в бисер», следуя принципу эссе, обозначенному Робертом Музилем в его «Человеке без свойств» (предмет показан со многих сторон, но не охвачен полностью [8, т. 1, с. 291]), дан автором во взаимодействии различных взглядов и мыслей. Личность Магистра Игры показана в отношениях с контрастирующими во многом образами Дезиньори, Тегуляриуса, Ферромонте. Во взаимодействии этих взглядов создается неустойчивое, подвижное единство образа героя.

В «Ночном поезде на Лиссабон» Мерсье эссеизм связан главным образом с введением в основное повествование элемента метапрозы – сборника эссе «Золотых слов мастер» одного из героев – португальского врача Амадеу ди Праду. Преподаватель древних языков Раймунд Грегориус, прозванный Мундусом, становится читателем и переводчиком книги Амадеу и, движимый стремлением узнать что-либо о его жизни, отправляется в Лиссабон. Обособленность эссеистического и повествовательного пластов романа преодолевается их противостоянием и взаимовлиянием посредством аналогий, повторов, взаимодействия образов.

Образ Праду дан автором в пересечении различных взглядов извне и изнутри. В ходе своих поисков сведений о жизни португальского врача Грегориус посещает тех, кто его знал, и каждый из друзей и родных Амадеу раскрывает свой взгляд на этого человека. Объединяющей разные позиции становится концепция личности, основанной в своей душевной организации на противоречиях.

В «Ночном поезде на Лиссабон» показано движении мысли в глубины души, постоянно ищущей и не обретающей, открытой внешней жизни и замыкающей ее во внутреннем движении. Пространство мира аккумулируется внутри человека. Движение мысли в «Игре в бисер», напротив, исходя из точки духовного сомнения, из внутреннего космоса, стремится во вне, сообщаясь с динамикой внешней жизни, простираясь вплоть до недосягаемых небесных сфер. Отсюда – предельная открытость романной структуры, достигаемая с помощью постоянной динамики, возвращения и перерождения мысли. И если в «Ночном поезде» «исток истинного познания» [1, с. 220] для героев расположен в глубинах «сокровенной внутренней жизни, которая рвется на поверхность» [7, с. 26], то в «Игре в бисер» он – в безграничном мире.

Романная структура эссе Праду и всего романа «Ночной поезд на Лиссабон» также открыта. «Грегориус, соединяя разрозненные части жизни Праду, одновременно приобщается к его образу мысли» [18], но не становится обладателем достоверного и окончательного знания о человеческой душе. И кольцевая композиция произведения показывает бесконечность движения на внутреннем пути, где возможна постановка вопросов, но не исчерпывающий ответ. Праду чаще оперирует в своих сочинениях вопросительными конструкциями. «Проблематизируя, вопрошая предмет, эссе проблематизирует само вопрошание – до каких пределов оно может простираться» [4].

Амадеу скрупулезно исследует и анализирует свои ощущения, чувства. «Археолог души» [7, с. 18], он рассматривает себя как объект пристального изучения, выходит за рамки своего сознания, смотря на свои действия со стороны. Источник размышлений Праду – душевные противоречия. Так,

после спасения жизни ненавидимого всем городом жизни сотрудника тайной полиции Мендица, Праду задается вопросом: «Игла со спасительным ядом в сердце тирана – не потянулись ли к ней одновременно и рука священника, и рука убийцы? И не получил ли каждый из них то, чего хотел?» [7, с. 193].

Главным для Праду становится несказанное, непрочувствованное, непережитое – то, что придает «нашей жизни форму, цвет и мелодию» [7, с. 18]. Отсюда стремление к обновлению языка, который, с одной стороны, должен служить универсальности, всеохватности воздействия, исключительности, уникальности выражения, с другой – своеобразный univeritas literrarum, как это было в «Игре в бисер». Слова «должны быть безупречны, как шлифованный мрамор; совершенны, как звучание партиты Баха, и все, что не есть они сами, обращать в абсолютное безмолвие <…> Они стояли бы неподкупно и несокрушимо, и этим походили бы на слова Бога» [7, с. 28].

Внутренний сюжет «Золотых слов мастера», взаимодействуя с сюжетом основного повествования, проецирует некоторые эссеистические свойства на неэссеистический пласт текста. «Образ расширяется образом и восходит постепенно к обобщенности понятия» [13, с. 359]. Парадокс эссеизма состоит еще и в том, что он «расчленяет» художественный образ и одновременно «сочленяет его с понятием и бытием» [13, с. 368].

Как в романе Гессе образ Игры организует повествование, так в тексте «Ночного поезда» такой всеобъемлющей метафорой становится образ ночного поезда. Поезд упоминается старшей сестрой Праду Адрианой, рассказавшей о трепетном отношении брата к поездам и железной дороге. Амадеу в своих эссе неоднократно возвращается к образу едущего в ночи поезда, соотнося его с человеческой судьбой. Данный образ расширяется и перерастает из метафоры людской жизни [16] в метафору пути самопостижения, путешествия по собственной душе, метафору истории, времени. Образ поезда оказывается связанным с мотивом различия между внутренним миром человека и внешним его проявлением, мотивом одиночества, которое видится Амадеу не просто естественным свойством человеческой природы, но и защитой «от осведомленности других» [7, с. 81].

Несмотря на некоторые общие свойства, «эссеизация» в «Игре в бисер» и «Ночном поезде на Лиссабон» имеет различия. Роман Гессе можно сравнить с целостным объемным философским эссе, где все повествование действительно подчинено эссеистическим свойствам, проявляющимся на разных уровнях произведения. Это касается и биографического повествования о Йозефе Кнехте, и жизнеописаний, принадлежащих перу этого героя. Включение последних, а также стихотворений Магистра Игры, отражает не только принцип эссе, которое может включать в себя свойства разных жанров, но и совмещение разнообразных взглядов на явления, разных способов постижения действительности и человека.

Эссеистические компоненты предстают как одна из повествовательных романных форм, «моделирующих романную реальность» [10, с. 27], видоизменяющих форму всего произведения. Хотя в «Ночном поезде на Лиссабон» эссе подчеркнуто выделено как текст книги Праду, эссеистический пласт романа не исчерпывается фрагментами «Золотых слов мастера». Эссеизация касается и некоторых моментов сюжетной линии путешествия Грегориуса, который, по сути, становится для себя таким же объектом для изучения, как и Амадеу.

В сборнике Праду эссе максимально приближено к своему изначальному, традиционному виду, как это свойственно «Опытам» Монтеня, считающегося одним из создателей данного жанра. И в этом отношении эссеизация в «Ночном поезде на Лиссабон» становится в большей мере возвращением к традициям эссе, нежели их преобразованием и обновлением.

«Эссеизация» в романах Гессе и Мерсье проявляется на различных уровнях произведений: на идейно-тематическом уровне, как основная установка на познание человека; в композиции, особенно в ее «открытости», незамкнутости; в сюжете и сюжетном развертывании образов персонажей через взаимодействие нескольких точек зрения. Кроме того, эссе являет собой особую логику развития авторской мысли в романах.

Библиографический список

1. *Аристов В.* Эссе: онтологические установки и формальные границы // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 4. – С. 218–222.

2. *Гессе Г.* Игра в бисер / пер. с нем. С.К. Апта. – М.: Правда, 1992. – 496 с.

3. *Гессе Г.* Степной волк / пер. с нем. С. Апта // Гессе Г. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. – СПб.: Северо-Запад, 1994. – С. 190–398.

4. *Зацепин К.* Радикализация литературности как формула автономии. О двух современных эссе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.textonly.ru/case/?article=16870&issue=21 (дата обращения: 10.12.2011).

5. *Злочевская А.* Парадоксы зазеркалья в романах Г. Гессе, В. Набокова и М. Булгакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/voplit/2008/2/zl9-pr.html (дата обращения: 27.01.2012).

6. *Маркович Е.* Герман Гессе и его роман «Игра в бисер» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/GESSE/biser.txt (дата обращения: 26.01.2012).

7. *Мерсье П.* Ночной поезд на Лиссабон / пер. с нем. Л.Д. Ведерниковой. – М.: Мир книги, 2008. – 432 с.

8. *Музиль Р.* Человек без свойств. Роман в 2 кн. Кн. 1 / пер. с нем. С. Апта. – М.: Ладомир, 1994. – 751 с.

9. *Павлова Н.С.* Типология немецкого романа. 1900–1945. – М.: Наука, 1982. – 277 с.

10. *Пестерев В.А.* «Дон Жуан» Петера Хандке – поэтический роман-эссе // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – № 3. – С. 27–37.

11. *Пестерев В.А.* Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 1999. – 312 с.

12. *Хуцишвили Г.Ш.* Идея метакультуры в романе Г. Гессе «Игра в бисер» // Философские науки. – 1988. – № 2. – С. 43–52.

13. *Эпштейн М.Н.* На перекрестке образа и понятия (эссеизм в культуре Нового времени) // Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. – М.: Советский писатель, 1988. – С. 334–380.

14. *Эпштейн М.* Эссе об эссе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.emory.edu/INTELNET/esse_esse.html (дата обращения: 10.12.2011).

15. *Эпштейн М.Н.* Эссеизм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.topos.ru/article/2868 (дата обращения: 12.12.2011).

16. *Böhmer O.A.* Geheimnisse der Nacht [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zeit.de/2004/49/L-Mercier?page=all (дата обращения: 7.01.2012).

17. *Esselborn-Krumbiegel Helga.* Gebrochene Identität. Das Spiegelsymbol bei Hermann Hesse // Hesse Page Journal. – 2002. – №. 13. [Electronic text data]. – Mode of access: http://www.gss.ucsb.edu/projects/hesse/papers/papers3.html (дата обращения: 27.01.2012).

18. *Voigt Claudia.* Eine Reise ins Denken [Electronic text data]. – Mode of access: http://www.arlindo-correia.com/140405.html (дата обращения: 27.01.2012).

УДК 82

Зленко Галина Александровна
Костромской государственный технологический университет
zlenkoga@yandex.ru

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В КРИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. НАБОКОВА

Статья посвящена литературно-критической деятельности В.В. Набокова. В ней отмечается уникальность пребывания писателя в обстановке русского зарубежья, где диалог культур ощущался каждым участником непосредственно. Благодаря критическим статьям, литературоведческим штудиям, лекциям и переводам Набоков интегрировал русскую культуру в культуру Запада.

Ключевые слова: *амбивалентность культуры, полилингвальная деятельность, синтез культур, литературная интерпретация, интеграция русской культуры, приемы критической деятельности, интервью.*

Полилингвальная литературная деятельность – феномен художественного творчества Набокова – осуществлялась благодаря его проникновению в художественный мир других авторов, вхождению в чужое творческое пространство. Погружение в иной язык и культуру способствовало формированию новых способов мышления, являющихся сегодня предметом исследования культурологов. В историю мировой культуры В.В. Набоков вошел как создатель англоязычных произведений, как пропагандист и интерпретатор русской литературы за рубежом.

По мере знакомства с творческим наследием Набокова вслед за романами, переведенными едва ли не на все языки мира, открылась другая часть этого наследия – критические статьи и литературоведческие штудии. В них предстает «другой Набоков»: не только удачливый создатель сенсационных бестселлеров, но и глубокий исследователь, эссеист, ученый, практик и теоретик перевода, автор блистательного литературоведческого труда о Гоголе, подробнейших комментариев к «Евгению Онегину» и лекций по западноевропейской и русской литературе – сочинений, всегда ярких, убедительных, поражающих новизной авторского видения, меткостью наблюдений, точностью формулировок, вскрытием новых смыслов.

Среди великих писателей были такие, коих он хотел «поставить на место» (как Чернышевского и Горького) или «вывести на чистую воду» (как Достоевского). С. Карлинский справедливо замечал, что, за исключением Льва Толстого, не было в русской литературе писателя столь беспощадного в своих литературных суждениях, как Владимир Набоков [6, с. 549]. В набоковский «чёрный список» попадали авторы самые разные: Достоевский, Бальзак, Фрейд, Сартр, Цвейг, Фолкнер, Хемингуэй, Т. Манн, Голсуорси, Элиот, Э. Паунд, Дж. Конрад, Горький, Шолохов, Пастернак... Однако для Набокова почти все они являются представителями так называемой литературы Больших Идей, для борьбы с которой на страницах своих книг и в публичных выступлениях он никогда не жалел сил.

Особое раздражение Набокова вызывал тот факт, что его собственное творчество довольно часто сопоставлялось критиками с творчеством Достоевского. Речь зачастую шла о сознательных заимствованиях. Так, Ж.-П. Сартр говорил о том, что

© Зленко Г.А., 2012

Набоков «открыто пользуется приёмами Достоевского, но при этом осмеивает их прямо по ходу повествования, превращая в набор обветшалых и неминуемых штампов» [3, с. 270]; Н. Берберова пишет о манере Набокова «взять всё, что можно у знаменитого автора и потом сказать, что никогда не читал его» [2, с. 188]. Наиболее эксплицитным выражением неприязни Набокова к Достоевскому служат набоковские «Лекции по русской литературе», прочитанные им в Корнельском университете в 1941–1958 гг., а затем вышедшие отдельной книгой [9]. Большую известность получил «табель о рангах», составленный Набоковым-лектором, где Достоевский как художник оценивается ниже всех остальных классиков. Знаменательны воспоминания студентки Набокова: «В начале второго семестра Набоков сообщил нам, что он расположил русских писателей по степеням значимости и что мы должны записать эту систему в наши тетрадки и выучить её наизусть. Толстой был обозначен “5 с плюсом”, Пушкин и Чехов – “5”, Тургенев – “5 с минусом”, Гоголь – “4 с минусом”. А Достоевский был “3 с минусом” (или “2 с плюсом”...)» [5].

Набоков был чужд академизма, прагматизма и морализаторства, давно ставших «хорошим тоном» в университетах, – он оценивал произведения искусства по критериям собственно эстетическим. Однако он, подобно Ф.М. Достоевскому, не принадлежит ни к тем, ни к другим – чистое искусство для него тоже пустой звук. Ему важна личность – личность автора, личность читателя, их встреча тет-а-тет. Он писал: «…“Произведение искусства” не имеет ровным счетом никакого значения для общества. Оно значимо только для отдельного человека, и только отдельный читатель значим для меня. Мне наплевать на группы, сообщества, массы и т.д. Впрочем, мне нет дела и до лозунга “искусство ради искусства” – потому что, к сожалению, такие его проповедники, как, скажем, Оскар Уайльд и разные утонченные поэты, были на самом деле моралистами и нравоучителями» [3, с. 158].

Симптоматично, что в отличие от всех других авторов, разбираемых Набоковым, только Достоевский представлен практически всем корпусом романов: «Преступление и наказание», «Записки из подполья», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы». Для сравнения: например, из почитаемого им Толстого лектор берёт только «Анну Каренину» и «Смерть Ивана Ильича», из Тургенева – «Отцы и дети». Исследователь обнаруживает противоречие в логике Набокова: «Если ему как лектору... не хотелось включать Достоевского в курс (на что он имел полное право и свободу)... он... и не должен был его включать...» [3, с. 543].

Литература побуждает читателя самостоятельно интерпретировать художественный текст. Но всякий текст обращен и к внетекстовой реальности. Следовательно, формирование интерпретационных навыков определяет способность человека становиться творческим субъектом культурного процесса как процесса диалога эпох, поколений и народов, осуществляемого в текстах традиционных культур. Интерпретация, как видно, неотвратимо вырастает из недр живого читательского восприятия. Интерпретатор (критик) может порой превосходить изучаемого писателя, во-первых, благодаря присущей ему способности находить «интеллектуальные эквиваленты» художественных смыслов и, во-вторых, благодаря специализации на широких культурно-художественных контекстах творчества [14]. Таков в своих эссе Набоков-интерпретатор. Он как бы заново вскрывает новые смыслы, где их не видят другие. Так, в эссе о Гоголе Набоков отвоевывает Гоголя у «колченогих философов» [6, с. 244], вдохновенно создавая образ безумца, визионера, поглощенного метафизикой бытия и знать ничего не знающего о реальной жизни. «Гоголь – реалист!» – пошлое, абсурдное представление о гении. «Провалы и зияния в ткани гоголевского стиля соответствуют разрывам в ткани самой жизни» [10, с. 223]. Набоковское прочтение – это взгляд из нового столетия, с его катастрофическими потрясениями, возвращение в хаос. «На этом сверхвысоком уровне искусства литература, конечно, не занимается оплакиванием судеб обездоленного человека или проклятием в адрес власть имущих. Она обращена к тем тайным глубинам человеческой души, где проходят тени других миров…» [10, с. 225]. Это замечание Набокова звучит как творческое кредо критика, находящееся на уровне метафизики.

Метафизика В.В. Набокова основывается на «потусторонности» – другом мире или, скорее, иной стороне нашего мира («изнанке вещей»), которая приоткрывается для творческой личности в момент пика вдохновения. Полярность добра и зла размыта, автор не дает явных морально-этических оценок, не созидает общих идей, ведущих к переустройству социума, не проповедует. Центр художественной системы Набокова, его эстетический и этический идеал – художник, творческая личность, обладающая божественным даром, а посему являющаяся демиургом своего особого художественного мира.

Интервью – ещё один уникальный жанр творчества писателя. Интервью занимают значительное место в наследии Владимира Набокова. Общее их количество довольно тяжело поддается подсчету. Известно, что первые из них относятся еще к европейским эмигрантским годам. Но особенно много их приходится на американский период жизни писателя.

Представляя себе Набокова и зная его творческую установку, трудно предположить, что подобные публикации доставляли ему сколько-нибудь значительное удовольствие. Но он, несомненно,

сознательно подавлял в себе дух противоречия, стремясь привлечь внимание к своей персоне, к своему творчеству, к своей позиции. По мнению исследователя, после разразившегося вокруг «Лолиты» скандала Набокову необходимо было доказать, что он вполне серьезный автор, и вместе с тем не подорвать повышенный, ажиотажный спрос у читающей публики, способный гарантировать ему последующую финансовую (то есть, по сути, творческую) независимость [7].

Интервью, как известно, – диалогический жанр. Если журналист и его собеседник профессиональны, если они знатоки своего дела, то их диалог может привлекать своей виртуозностью. Тонко сформулированные, подчас неудобные вопросы провоцируют собеседника к самораскрытию. Они могут быть не менее важны и существенны, чем ответы интервьюируемой знаменитости. Конечно, жанровая специфика интервью такова, что личность журналиста вынужденно остается в относительной тени и сознание читателя фиксирует преимущественно впечатления от ответов. Тем не менее без воздействия журналиста, готовящего материал, последний ни при каких обстоятельствах не станет успешным.

Система работы с интервьюерами окончательно сложилась у писателя в начале 1960-х гг., когда, расставшись после грандиозного успеха «Лолиты» с преподаванием в Корнельском университете и с Америкой, он вместе с женой обосновался в Швейцарии, на берегу Женевского озера, в отеле «Монтрё-палас». Образ жизни Набокова стал после этого затворническим, контакты с окружающим миром минимизировались, а на телефонные звонки и письма отвечала Вера Набокова. Любому журналисту, претендующему на возможность взять интервью у «монтрейского отшельника», необходимо было заручиться принципиальным согласием его жены.

Но этим проблемы потенциального набоковского интервьюера не исчерпывались. Чтобы представить себе в полной мере их специфику, целесообразно обратиться к книге «Твердые суждения» (Strong Opinions, 1973) [11], в которой писатель собрал воедино 22 своих интервью, существенно их подработав. Эта книга, раскрывающая, казалось бы, многие существенные аспекты его личности, может рассматриваться и как одна из самых значительных его мистификаций, ибо создает некое специфическое представление о взаимосвязях монтрейского чародея с окружающим миром: «Писатель сделал решающий шаг к тому, чтобы увековечить монументальный образ “великого Набокова” и максимально точно, без чьего-либо посредничества изложить свои жизненные принципы и эстетическое кредо» [6, с. 32]. По остроумному замечанию одного исследователя, этому внушительному сборнику «суждено было стать чем-то средним между “Евангелием от Набокова” и изощренной ловушкой для восторженных почитателей (главным образом среди подозрительно легковерных диссертантов, частенько сводящих свои исследования к иллюстрации того или иного “твердого утверждения” набоковской персоны» [6, с. 32].

Исследователи неоднократно отмечали присутствие игрового элемента в том имидже, который В. Набоков создавал для себя – в том числе и средствами интервью: это отчасти игра, пародия, перманентная шутка, отчасти – средство отделаться от охотников за сенсациями, смеющих надоедать ему лишь потому, что он стал знаменитостью. То, что утверждения В. Набокова – в особенности самые экстравагантные – не следует интерпретировать буквально, отметил и В. Топоров: «Всё или почти всё, сказанное Набоковым “открытым текстом”, надо понимать наоборот. Декларируется любовь к Андрею Белому – значит, писателю на него наплевать. С явным презрением пишется о Зигмунде Фрейде – значит, “венская делегация” задела Набокова за живое…» [12, с. 74]. Как бы ни характеризовали исследователи неоднозначность творческой лаборатории писателя, можно утверждать, что оригинальные интервью-монологи, как и прочие мистификации, – средства для диалога с читателями, русскими и зарубежными.

Страницы предисловий, эссе и интервью – это интересное, художественно совершенное творение Набокова. В нем искусно сплавлены «бесхитростная правда и утонченный обман, исповедальная открытость и лукавое притворство; эфемерность фактов уравновешивается непреложностью мифов, а редкие блестки личных признаний почти неразличимы на фоне пышного фейерверка мистификаций и нарочитого эпатажа» [13]. Критические приговоры и оценки Набокова были обусловлены его собственным писательским опытом и художественными принципами, выработанными на протяжении двадцатилетнего русского периода, в сотрудничестве с берлинской литературной эмиграцией.

Отношения Набокова-критика с поэтами-эмигрантами «напоминают не шахматную партию, но скорее шахматный этюд, творимый по набоковским канонам гармонии и красоты» [4, с. 26]. Вообще, отношения с эмиграцией складывались от начала до конца трудно [1]. Даже об Айхенвальде, критике, сделавшем ему имя, Набоков говорил двусмысленно: «Он выработал странную манеру сочинения очерков о том или другом авторе в стиле этого автора. Отсюда ощущение претенциозности. В то же время ему должно поставить в заслугу развенчание двух жуликов, двух дутых репутаций – Брюсова и Горького. Полагаю, он был первоклассным критиком… Пожалуй, он был слишком сладкозвучен. Но очень честен» [3]. Несколько коротких фраз – и несколько уровней критики и понимания. Здесь и оценка критического метода писателя

и его стиля, и как бы между делом низвержение двух общепризнанных литературных мэтров, которых для Набокова не существовало.

Критическое наследие Набокова – серьезный вклад в раскрытие русской литературы и русского языка для мировой культуры. На каком бы языке он ни писал, темы, картины, люди – всё русское. В «Других берегах» определена его опора в литературе: «Пушкин и Толстой, Тютчев и Гоголь встали по четырем углам моего мира» [8, с. 200]. Запад многим обязан Набокову в плане знакомства с русской классикой. Переводы Пушкина, Лермонтова, Тютчева, «Слова о полку Игореве»; гигантский комментарий к «Евгению Онегину», имеющий филологическое и историческое значение; эссе «Николай Гоголь» и, конечно, педагогическая работа – все это свидетельства его принадлежности к когорте литературных критиков. Художественный пафос русской литературы был для Набокова предметом для раздумий. В критическом творчестве Набокова неизменно присутствовала «завороженность» русской литературой: даже полемизируя с ней, даже обособляясь от неё, он не мог освободиться от её притягательности.

Библиографический список

1. *Анастасьев Н.* Феномен Набокова. – М.: Сов. Писатель, 1992. – 317 с.

2. *Берберова Н.* Курсив мой // Вопросы литературы. – 1988. – № 11.

3. В.В. Набоков: pro et contra: антология. – СПб.: РХГИ, 1997. – 973 с.

4. *Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина. – СПб, 2004. – С.26.

5. *Карлинский С.* Лекции Набокова по русской литературе // Классик без ретуши. – М. – С. 549–554.

6. Классик без ретуши: Литературный мир о творчестве Владимира Набокова. – М.: Новое лит. обозрение, 2000. – 687 с.

7. *Люксембург А.* Имитация диалога: жанровая и игровая специфика интервью Владимира Набокова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: BiblioFond.ru >viaw.aspx?id=78964.

8. *Набоков В.В.* Дар; Приглашение на казнь; Другие берега; Весна в Феальте. – М.: Слово, 2000. – 680 с. – С. 181.

9. *Nabokov V.* Lectures on Russian Literature. Picador. – London, 1983.

10. *Набоков В.* Николай Гоголь // Новый мир. – 1987. – № 4.

11. *Nabokov V.* Strong Opinions. – N.-Y., 1973.

12. *Топоров В.* Набоков наоборот // Литературное обозрение. – 1990. – № 4. – С. 71–75.

13. *Филимонов А.В.* Набоков – критик поэзии русской эмиграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: proza.ru>2007/02/12 – 343.

14. *Хализев В.Е.* Интерпретация и литературная критика // Проблемы теории литературной критики: сб. ст. – М.: МГУ, 1980. – С. 49–92.

УДК 821.161.1-145

Маслова Анна Геннадьевна
Вятский государственный гуманитарный университет (г. Киров)
ag.maslova@mail.ru

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Н.М. КАРАМЗИНА В КОНТЕКСТЕ МАСОНСКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА

В статье дается характеристика индивидуальных особенностей интерпретации Карамзиным существенных для масонского мироощущения поэтических образов, представленных в поэзии масонских журналов «Утренний свет» (1777–1780) и «Вечерняя заря» (1782): мрачного пространства земной жизни и светлого небесного мира вечности. Показывается, что данные образы в творчестве Карамзина наполняются новыми смыслами, существенными для авторской концепции жизни, отличающейся от масонской философии.

Ключевые слова: *русская поэзия XVIII века, Н.М. Карамзин, масонская поэзия, философская лирика.*

В начале своего творческого пути, в 1780-е годы, Н.М. Карамзин был тесно связан с кругом московских масонов, к которому принадлежали Н.И. Новиков и А.М. Кутузов. Несмотря на то что, отправившись в путешествие по Европе, начинающий литератор разрывает все связи с этим течением, нравственное воздействие Новикова и Кутузова на молодого поэта было очень велико. Как справедливо замечает Ю.М. Лотман, в поэзии Карамзина, в особенности в 1790-е годы, сохраняется идущий от масонского субъективизма «повышенный интерес к психологии, внутреннему миру человека, стремление рассматривать этот внутренний мир вне связи его с действительностью» [6, с. 26]. Стоит обратить внимание на тот факт, что Карамзин, как заметил исследователь А. Кросс, в 1791 году обращается к переделке идиллии одного из своих любимейших немецких поэтов Соломона Геснера «Der Sturm», усиливая моральную сторону произведения немецкого автора [5, с. 217–218]. Заострение внимания на морально-этическом значении поэтического текста (в данном случае – утверждение принципа необходимости довольствоваться своей судьбой и не мучить себя воображением об отдаленных удовольствиях) выявляет внутреннюю связь Карамзина с этической

 © Маслова А.Г., 2012

позицией масонов. Безусловно, наряду с внутренней типологической близостью эстетической позиции Карамзина к характерной для масонства трактовке человека, ощущается и влияние поэтики масонских произведений на творчество Карамзина.

Задачей данного исследования является выявление индивидуальных особенностей интерпретации Карамзиным существенных для масонского мироощущения поэтических образов и символов, представленных в поэзии масонских журналов «Утренний свет» и «Вечерняя заря», выходивших в типографии Н.И. Новикова в период с 1777 по 1782 годы.

Одним из сквозных мотивов в стихотворениях Карамзина различных периодов является мотив осмысления земного человеческого существования и смерти. Эти же темы являлись ведущими в масонской поэзии.

Жизнь земная ассоциируется в масонской поэзии с пространством мрака, изгнания, узами, ограничивающими свободный полет светлой души к Богу. Путь земной жизни воспринимается масонскими поэтами как путь к смерти, освобождающей душу и ведущей к вечному бытию в гармоничном Божественном пространстве. Наиболее ярко эта идея выражена в стихотворении неизвестного автора «Размышление стремящегося к вечности», опубликованном в «Вечерней заре»:

А жители земли в изгнании своем
Скучают, мучатся злосчастным житием <…>
Когда телесные расторгну узы я?
Когда ко Господу прейдет душа моя?
О Боже мой! Когда к Тебе я вознесуся?
Тобой возвеселюсь, с тобою сообщуся?
Когда я истинну свободу получу,
И душу от страстей телесных отлучу?
[3, с. 306–307].

И в этом, и во многих других стихотворениях масонов, связанных с размышлениями о смерти, отражается кодекс правил поведения (или должностей) «вольного каменщика», в котором один из пунктов предписывает любовь к смерти. Как отмечает С.В. Аржанухин, описывающий метафизику и нравственную философию масонов, это правило связано с осознанием того, что «смерть не есть небытие». Масон должен часто размышлять о смерти, посещать страждущих, ходить на погребения, чтобы познать, что смерть – не внезапное и нечаянное событие земной жизни, но известное и ожидаемое, что смерть – «подательница Света», а Свет – «реальный аспект Божества» [1, с. 176–177].

«Любовь к смерти» выражается в многочисленных поэтических противопоставлениях земной жизни Божественному небесному миру, ночи плотского бытия – духовному свету вечности. Наиболее ярко противостояние небесного и земного миров выражается через антитезу света / тьмы, являющуюся важнейшей не только в масонской поэзии, но и в религиозно-духовной литературе в целом. Названия изданий «Утренний свет» и «Вечерняя заря» тесно связаны с данной символикой. Хронотопичные образы вечерней и утренней смены дня и ночи отражают переходное состояние души «вольного каменщика», стремящейся из мрака греховного земного мира к свету Божественного бытия.

В творчестве Карамзина проявляется близкое к масонскому мироощущение. В стихах Карамзина 1780-х годов часто появляется хронотопический образ «здесь», подразумевающий земное пространство. Сквозным становится этот образ в стихотворении «Часто здесь в юдоли мрачной…» (1787):

Ты здесь странник, не хозяин,
Все оставить должен ты.
Будь уверен, что здесь счастье
Не живет между людей;
Что здесь счастьем называют,
То едина счастья тень [4, с. 56].

В послании «Господину Д<митриеву> на болезнь его» (1788) вновь появляется образ «юдоли»: «В стране подлунной все томится, / В юдоли сей покоя нет» [4, с. 65]. «Мы живем в печальном мире…» – утверждает автор в стихотворении «Веселый час» (1791) и эту же строчку помещает в стихотворное посвящение к альманаху «Аглая» (1795). «Пристанища в сем мире нет», – повторяет автор и в более позднем стихотворении «К добродетели» (1802). Такое негативное восприятие земного бытия человека сопоставимо с поэтическими размышлениями «вольных каменщиков».

Мир «здесь», согласно мировосприятию Карамзина, распадается на царство природы, живущее по Божественным законам, и мир человеческой жизни, в котором не существует гармонии. В «Весенней песни меланхолика» (1788) рисуется картина природы, радующейся приходу весны, и этому настроению противопоставляется внутреннее состояние «печалью отягченного» человека, «уныло» бродящего по лесам. Осень (в стихотворении «Осень») навевает тоскливые мысли о всеобщем увядании, но природа «обновится весною, / С гордой улыбкой восстанет / В брачной одежде» [4, с. 79]. Для человека же осень – лишь напоминание о собственном увядании и невозможности возвращения молодости.

Можно сравнить поэтическую концепцию Карамзина с опубликованными в «Утреннем свете» «Стансами» («Взирая на поля, на рощи, на луга…»), в которых полное тревоги и горести человеческое пребывание на земле противопоставляется всему радующемуся жизни миру, поэтому автор уверен, что для человека «другой назначен век, где он почувствует, сколь счастлив человек» [8, с. 79].

В то же время в поэзии Карамзина проявляется не свойственное масонам глубоко скептическое отношение к человеку. В стихотворении «Весеннее чувство» (1793) поэт противопоставляет расцветающую весной любовь, властвующую в природе («Любовь! везде твоя держава; / Везде твоя сияет

слава, / Земля есть твой огромный храм» [4, с. 115]), жизни человека, который не поддается власти любви и затевает войну, разрушая гармонию весеннего цветения безумными убийствами «себе подобных». Можно говорить, что уже в начале 1790-х годов появляется в творческом сознании Карамзина мысль о далеко не доброй природе человека. Мрачная ирония слышится в строках, повторяющих идею масонов о величественном замысле Творца, создавшего человека «по образу и подобию своему»:

Бессмертный человек!.. созданный
Собой натуру украшать,
Любимец Божества избранный!
Венец творения и цвет!
Когда Природа оживает,
Любовь сердца зверей питает,
Он кровь себе подобных льет,
Безумства мраком ослепленный
И адской желчью упоенный,
Терзает братий и друзей [4, с. 115–116].

Миру человеческой жизни «здесь» противопоставляется не только мир природы, где царят Божественные законы, но и пространство «там», в небесах, за пределом смерти: «Счастье истинно хранится / выше звезд, на небесах; / Здесь живя, ты не возможешь / Никогда найти его» [4, с. 57]. Страдание не вечно, ведь после смерти «в страным блаженства вознесемся, / Где нет болезни, смерти нет» [4, с. 65].

Земная жизнь человека в поэзии Карамзина и в раннем творчестве, и в более поздние годы оценивается негативно. Неоднократно во многих стихах звучит мысль о невозможности счастья на земле или о его кратковременности (кроме уже рассмотренных произведений, можно назвать «Послание к Дмитриеву», 1794; «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву», 1794; «Надежда», 1796; «Опытная Соломонова мудрость», 1796; «Долина Иосафатова, или Долина Спокойствия», 1796; «К Добродетели», 1802; «Берег», 1802).

Согласно масонскому мировосприятию, земная жизнь – «суета суетств и всяческая суета», закрывающая дорогу к блаженству, потому что «К напастям в свете лишь отворены врата, / Все в свете как бы сон, все в свете суета» [2, с. 29]. Образ жизни-сна был широко представлен в барочной поэзии, и именно на нее ориентировались масонские авторы.

Ощущение земной жизни как сна характерно и для лирического героя карамзинской лирики. Вспоминая прошедшие годы в «Письме к И.И. Дмитриеву» (1787), Карамзин пишет:

Но все, мой друг, мне все казалось время сном –
Бывали страшны сны, бывали и приятны;
Но значат ли что сны? Не суть ли только дым? [4, с. 56].

Принято считать, что взгляды Карамзина близки масонскому мироощущению лишь в ранний период творчества, однако ощущение жизни как сна сохраняется и в самых поздних стихотворениях автора. В коротеньком посвящении «Лизе в день ее рождения» (1820) поэт пишет: «Здесь все мечта и сон; но будет пробужденье!» [4, с. 312]. В кратком двустишии 1825 года Карамзин вновь затрагивает тему жизни-сна: «Не сон ли жизнь и здешний свет? / Но тот, кто видит сон, – живет» [4, с. 314]. Таким образом, еще один символ, использованный масонами для изображения человеческого земного бытия, проникает в поэзию Карамзина.

При изображении земной жизни человека Карамзин использует широко распространенный в масонской поэзии и в поэтической традиции различных эпох образ бушующего моря, а смерть в данном случае ассоциируется с берегом и пристанью, несущей успокоение и отдых. В «Надгробной песни Перуанцев», опубликованной в «Утреннем свете», земная жизнь представляется небольшой ладьей в бурном море, а смерть – безопасной пристанью: «От бури ладию в волнах несому зри; / Спасенна, в пристани, спокойна, безопасна. / Подобну морям жизнь и бурю вобрази: / Да будет жизнь тебе, не смерть твоя ужасна» [7, с. 190]. Автор произведения учит любить смерть, ведь «оковы снимет смерть» и «смертию пойдешь ты в вечное блаженство» [7, с. 191, 194]. В оде «Къ» неизвестный автор, рассуждая о жизни и смерти, также использует традиционный образ ладьи, несущейся по морю, а смерть дает случай «навек быть горести лишенным / И быти некогда вмещенным / В исполненный утехи рай» [9, с. 269].

В стихотворении Карамзина «Берег» (1802) присутствуют те же образы бушующего моря и тихой пристани: «Жизнь! ты море и волненье! / Смерть! ты пристань и покой! Будет там соединенье / разлученных здесь волной» [4, с. 286]. Безусловно, эти образы характерны не только для масонской традиции, представление о жизни как плавании по морским волнам – архетипический образ, традиционный для многих культур, и однозначно соотносить стихотворение Карамзина с масонскими текстами мы не можем, но для нас в данном случае важна общая негативная трактовка земного бытия человека и осмысление смерти как освобождения от земных страданий.

Стремясь отразить в поэзии неоднозначность человеческой психологии, Карамзин представляет и иной взгляд на «тот» мир. В стихотворении «Кладбище» (1792) звучат два голоса. Для одного кладбище – «мертвая юдоль», страшное пространство, заполненное соответствующими, вселяющими ужас реалиями: воющие ветры, мрак, кости, черепа, черви, черные вороны, хищные звери, духота и безжизненность. Для другого – это «обитель вечного мира», где царят свет, спокойствие и тишина, цветут прекрасные благоухающие фиалки, жасмины и лилии, нежно поют птички, отдыхают кролики и голуби (животные и птицы, прямо противопоставленные хищникам, упоминаемым первым голосом, своим мирным, неагрессивным ти-

пом поведения). Второй взгляд ближе масонскому мироощущению, и именно он в наибольшей степени представлен в поэзии Карамзина.

Как можно убедиться, масонское правило воспитания в душе «любви к смерти» оказывается важным и для карамзинской концепции жизни человека. Поэт использует широко распространенные в поэзии масонов противопоставления мрачного мира земной жизни светлому миру небесного бытия, мотив «жизнь есть сон», образы морской стихии и тихой пристани. Концептуальным в поэзии Карамзина становится мотив ожидания смерти, которая принесет желанное спокойствие. Новым по сравнению с масонской интерпретацией мотива «любви к смерти» является у Карамзина связь этого мотива с любовной темой и темой дружбы: смерть дает человеку надежду на встречу в ином мире с умершими друзьями и возлюбленными. В 1803 году поэт пишет «Стихи на скоропостижную смерть Петра Афанасьевича Пельского», в которых упоминает о скончавшейся ранее супруге умершего и о том, какое горе испытывал оплакивавший любимую женщину друг автора. В этом мире любая «радость есть приготовленье / К утратам и печалям вновь», и может ли быть «в благах совершенство», если даже любовь «готовит только сожаленье / И гаснет завсегда в слезах», потому что один из любящих так или иначе обречен проливать слезы на могиле возлюбленной или возлюбленного [4, с. 297]. Такое представление о земном бытии человека закономерно ведет поэта к прославлению иного мира, где все умершие соединятся со своими близкими и будут навечно неразлучны:

Надежда смертных утешает,
Что мир другой нас ожидает:
Сей свет пустыня перед ним!
Там все, кого мы здесь любили <…>
И с теми, коих здесь оставим,
Мы разлучимся лишь на час.
Земля гостиница для нас! [4, с. 297–298].

Таким образом, в поэтическом творчестве Карамзина широко представлена поэтическая образность, использовавшаяся поэтами-масонами для передачи своего мироощущения. Свойственная масонам «любовь к смерти» художественно воплощается в образах, создающих положительное восприятие иного мира, ожидающего человека после смерти: пространство света, Божественные чертоги, тихая пристань. Противопоставляется тому миру пространство земного человеческого бытия, негативно представленное в образах пространства изгнания, мрака, оков, сна, непредсказуемой морской стихии. В творчестве Карамзина воссоздается подобное же отношение к земной жизни человека, для изображения которой используется сквозной в поэзии Карамзина образ мрачной юдоли и пространства печали. Как и в масонской поэзии, жизнь в этом мире представляется сном или ассоциируется с образом бушующего моря. Противопоставляется этому миру иное пространство после смерти, дающее человеку надежду на обретение счастья и покоя в небесном мире, ассоциирующемся с образом долгожданного берега, долиной спокойствия, настоящей жизнью (явью). Небесное пространство, куда попадает человек после смерти, наделяется у Карамзина дополнительным смыслом. Оно оказывается желанным не только потому, что там душа человека соединяется с Богом, но также и потому, что там можно обрести встречу с друзьями и близкими, покинувшими земной мир.

Библиографический список

1. *Аржанухин С.В.* Философские взгляды русского масонства: по материалам журнала «Магазин свободнокаменщический». – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995.

2. Вечерняя заря. Ч. 1. Январь – апрель. – М.: Университетская тип. у Н. Новикова, 1782.

3. Вечерняя заря. Ч. 3. Сентябрь – декабрь. – М.: Университетская тип. у Н. Новикова, 1782.

4. *Карамзин Н.М.* Полн. собр. стихотворений / вст. ст, подг. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. – М.; Л.: Сов. писатель, 1966.

5. *Кросс А.* Разновидности идиллии в творчестве Карамзина // XVIII век. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. – Л.: Наука, 1969. – С. 210–228.

6. *Лотман Ю.М.* Поэзия Карамзина // Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений / вст. ст, подг. текста и примеч. Ю.М. Лотмана. – М.; Л.: Сов. писатель, 1966. – С. 5–52.

7. Утренний свет. Ч. 5. Январь – апрель. – СПб., 1779.

8. Утренний свет. Ч. 7. Сентябрь – декабрь. – М.: Университетская тип., 1779.

9. Утренний свет. Ч. 8. Январь – май. – М.: Университетская тип., 1780.

УДК 821.16

Морозов Николай Георгиевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ А.А. ПОТЕБНИ В ОБЪЯСНЕНИИ ФЕНОМЕНА АКТУАЛИЗАЦИИ СТАРОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ФОРМЫ В РЕАЛИЗМЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье предлагается новое истолкование учения А. Потебни о скрытой форме художественного слова. Обладая повышенной информационной плотностью, такие слова выполняют особую коммуникативную функцию: переносят вершинные творения русской классической литературы XIX века в художественные тексты начала XX столетия.

Ключевые слова: *А. Потебня, скрытая форма слова, М. Бахтин, Ю. Кристева, Р. Барт, А. Белый, долгожительство русской литературы XIX века.*

В русской классической литературе второй половины XIX века и начала XX в. исследователи конца XX и начала XXI столетий обнаружили интересную закономерность, которой до настоящего времени не смогли дать исчерпывающее объяснение. Речь идёт о явлении повторяемости образов, сюжетов, мотивов и тем как в творчестве отдельных писателей и драматургов, так и в творчестве литераторов новых, заявивших о себе на рубеже веков и в начале XX столетия. Здесь нет особой необходимости выстраивать длинный ряд доказательств существования этого феномена, достаточно привести несколько наиболее очевидных примеров [4]. Так, образ Катерины заодно с мотивом трагической участи красоты и поэзии в среде душевно бездарных и духовно нищих обывателей воскресает в «Бесприданнице» А.Н. Островского, новые «Записки охотника» создает И.С. Тургенев, в Райском, герое романа И.А. Гончарова «Обрыв» угадывается Илья Ильич Обломов. Такого рода странствия литературных героев участились на рубеже XIX–XX вв. и в начале XX столетия.

Литературным долгожителем оказался умерший крепостной Собакевича со значащей фамилией Неуважай-Корыто. И он, как Собакевич, видимо, принципиально не уважал окружающих его соседей и знакомых, считал их, как и его барин, мошенниками, христопродавцами и разбойниками. Отсюда, вероятно, и возникло прозвище, ставшее фамилией, а заодно и эмблемой характера вечного разоблачителя всяческой неправды в словах и делах людских, недоверчивого и всех подозревающего в нечестности и проступках ворчуна и брюзги. В сатирической повести М.Е. Салтыкова-Щедрина «Дневник провинциала в Петербурге» гоголевский герой неожиданно заявит о себе в образе тупого космополита-западника Неуважай-Корыто, с энтузиазмом Собакевича проповедующего в литературном салоне Петербурга разоблачительные истины о западноевропейских корнях былинных богатырей и самого Владимира Красное солнышко («Он-то самый Канут и есть!»). А затем Неуважай-Корыто воскресает в повести А.П. Чехова «Моя жизнь»: упомянут он доктором Благово, подметившим этот характер в одном из разночинных сельских интеллигентов. В повести И.А. Бунина «Деревня» достаточно прозрачной оказывается параллель между Хорем и Калинычем и братьями Красовыми – кулаком-мироедом Тихоном и поэтом-графоманом Кузьмой. Смысл такого подтекстного сопоставления очевиден: тут заявляет о себе горькое раздумье автора о несбывшихся упованиях И.С. Тургенева относительно счастливого будущего крестьянской России после отмены ига крепостничества. Можно и далее приводить примеры в этом роде, но уместнее попытаться понять, объяснить истинные причины подобных явлений.

Глубинные причины всех этих литературных путешествий героев и сюжетов таятся в особой информационной плотности слова, впервые теоретически осмысленного и объясненного А.А. Потебнёй. В данном парадоксе есть некий тайный, укрытый от взоров исследователей смысл. Его необходимо понять, но лишь с учетом языковых процессов и вероятной связи их с психологией литературного творчества. Эту задачу поставил в своих научных штудиях и попытался решить А.А. Потебня в середине XIX века. Учёный выдвинул предположение о наличии некой скрытой формы у поэтического, то есть художественного слова. Эта скрытая форма впитывает в себя поэтическое содержание исходного, авторского текста. В свою очередь, авторский текст несёт в себе духовные ценности того исторического отрезка эпохи, в рамках которого развивается писательская деятельность того или иного художника слова. Минуя десятилетия, художественный текст, в составе которого находятся слова со скрытой поэтической формой, становится предметом читательского восприятия новых поколений, среди которых есть и новые писателя. И вот здесь-то и происходит высвобождение поэтического содержимого скрытой формы слова. Сознание нового писателя, воспринимая скрытое до времени содержание словесной формы, включает его в собственный авторский текст. Новый автор может придать образам и сюжетам чужого текста свой поворот, но сохранит доминирующую в них изначально содержательность – сатирическую, негативную или поэтическую, возвышенную, позитивную.

© Морозов Н.Г., 2012

А.А. Потебня не смог оформить свои размышления в научную монографию. Многое в его теоретических изысканиях осталось незавершенным. И здесь открывается широкое поле деятельности для последователей А.А. Потебни, стремящихся развить основные положения теоретического наследия видного ученого-филолога XIX века.

В ходе дальнейших рассуждений, по мере необходимости, я буду обращаться к отдельным положениям теории А.А. Потебни. Дело в том, что учёный не прояснил одного, весьма важного и существенного для понимания закономерностей скрытой формы слов условия. А.А. Потебня предоставил будущим поколениям лингвистов и литературоведов выяснить, при каких именно культурных, социальных и духовно-нравственных особенностях определённой эпохи становится возможным ослабление смысловой гравитации скрытой формы слова до значений, при наличии которых осуществляется транспортировка содержания для оптимального восприятия его новым поколением авторов. Потребность в «старом» содержимом скрытой формы слова может возникнуть в тот культурно-исторический период развития народа и страны, когда остро ощущается ослабление и умаление тех духовных ценностей, которые составляли питательную культурную среду художественного слова прошедших десятилетий. Речь, главным образом, идёт о христианских ценностях и святынях, составлявших, как теперь полагает всё большее число литературоведов, основу творчества выдающихся поэтов, писателей и драматургов XIX века [3]. Понять глубинные процессы, на основе которых русская классика XIX века обретает новую жизнь в творчестве писателей XX столетия, можно при условии изучения теоретического наследия А.А. Потебни.

Теория А.А. Потебни, основные положения которой были впоследствии развиты его учеником Д.Н. Овсянико-Куликовским, в отечественной филологии XX века, по вполне понятным причинам, была названа идеалистической и субъективной. Теперь этот факт известен и может вызвать лишь горькое чувство сожаления по поводу драматичной судьбы видного учёного с мировым именем, оказавшегося после завершения жизненного пути незаслуженно гонимым по причинам, не имеющим отношения к науке. Между тем наследие А.А. Потебни представляет интерес как для современного языкознания и литературоведения, так и для истории отечественной науки. С точки зрения историков науки, попытка А.А. Потебни и Д.Н. Овсянико-Куликовского объяснить загадку удивительной способности слова накапливать, согласно термину А.А. Потебни, в своей «скрытой форме» особое содержание, выходящее за пределы лингвистической специфики слова, обращённое к образному мышлению читателя (писателя), – заслуживала отдельного научного интереса. Заметим, прежде всего, что А.А. Потебня изобрёл термин «внутренняя форма», стремясь, по-видимому, объяснить необычайную информационную плотность отдельных слов. Кстати, учёный допускал, что слова могут иметь разную степень информационной плотности, то есть информационной наполненности своей «внутренней формы». Приведём в связи с этим одно интересное суждение А.А. Потебни: «…Образ слова, не ощущавшийся в речи прозаической, воспринимается теперь непосредственно <…> В художественном произведении образ, представление, внутренняя форма выступают на первый план и через него познаётся значение, мысль, идея. Если образ осознается нами после значения и не добавляет к нему нового, служа лишь знаком значения, – это не художественная речь и не художественный образ. Отсюда следует важный вывод.

В слове отношение между образом (внутренней формой) и значением определённо, так как образность слова – только средство создания мысли, “средство значения”» [7]. А.Б. Муратов, исчисляя научные заслуги А.А. Потебни перед отечественной и мировой филологией, отметил важность одного из направлений его теории, содержащего следующую мысль: «…Фундаментальные основания имеют и собственно теоретико-литературные выводы Потебни. Это утверждение о принципиальной многозначности художественного образа, внутренней емкости его эмоционального и понятийного содержания» [5, с. 21]. Соглашаясь с утверждением А.Б. Муратова о том, что труды А.А. Потебни синтетичны, заметим, что сущность их научного синтеза не исчерпывается лишь дисциплинами филологии. Теория А. Потебни отражает закономерности, ставшие предметом исследования учёных-естествоиспытателей конца XIX–XX столетий, открывших свою «внутреннюю форму» в мире атомной физики. Вспомним известные теперь факты бурных споров ведущих учёных Европы в 20-х – 30-х годах прошлого столетия о том, что ядра могут делиться. Имена Кюри, Резерфорда, Гейзенберга, Ферми, Бора и других исследователей в области физики атомного ядра вызывают у специалистов, учёных естественных наук, характерную реакцию уважения и восхищения.

Выскажем осторожное предположение о возможности установления некой параллели, тождества между гениальными открытиями ученых-физиков и блестящими выводами А.А. Потебни и его последователей относительно особого значения в историческом процессе литературного творчества «внутренней формы» художественного слова. Речь идёт о наличии в художественных текстах вершинных произведений русской классической литературы XIX века слов с тяжёлой «внутренней формой». Допуская неизбежные издержки сравнения этих слов с тяжёлыми ядрами, тяжёлыми частицами

атомной физики, попытаемся далее развить нашу мысль. Слитые воедино образность и эмоциональность, как отмечал А.А. Потебня, во внутренней форме художественного слова придают последней весьма большую информационную плотность. «Тяжёлыми» слова с насыщенной эмоциональной и образной содержательной структурой становятся в особой культурной среде, в которой «растворены» гуманистические идеи, являющиеся нравственной и эстетической атмосферой эпохи. Суть её выразил В.Г. Белинский, отметив «лелеющую душу гуманность» поэзии А.С. Пушкина. Сам поэт точно выразил в стихотворении «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» драгоценные черты свободы и милосердия, без которых XIX век навсегда остался бы убийственно жестоким. Гигантский заряд любви и созидательной энергии заключали в своих «внутренних формах» слова романов И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, повести и рассказы, драматические произведения А.П. Чехова. Сюда же следует отнести и наследие Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, драматургию А.Н. Островского.

На рубеже XIX–XX столетий, в разреженной, удушающей атмосфере кризисной переоценки «всех прежних малых дум и вер», как сказал А. Блок, слова русской классики XIX века стали отдавать живительные образы эпохе, утратившей художественную образность, обретающей уродливые образы и «футлярные» очертания. Если и возможна новая параллель с ядерной физикой, то полностью несостоятельна конечная цель ядерной реакции и реакции благодетельной для общества отдачи гуманистической, целительной энергии слов произведений русской классики XIX века. Цепная реакции деления ядер приводит к чудовищному по масштабом и жестокости разрушительному взрыву, страшной гибели огромной массы людей и мучительной гибели от радиации и страшных её последствий для уцелевших. Слово, имеющее, как следует из Священного писания, по своей природе имеет жизнетворческую, созидательную и врачующую цель. Литература XIX века, впитавшая в свои художественные тексты именно такое лексическое богатство, отдавала и будет отдавать его эпохам больным духовно, исцелять, врачевать народы. Уяснение функционального значения скрытой внутренней формы художественного слова, его духовно-восстанавливающего действия на социум кризисных эпох, – вот в чём состоит основной практический вывод одного из положений теории А.А. Потебни. На этом основании реализм начала XX века имеет право называться сотериологическим, спасительным, врачующим.

Теория А.А. Потебни привлекла внимание писателей и поэтов-символистов начала XX века. Оказавшись в горниле кризисной эпохи «рубежа веков», художники-символисты по-разному выражали те явления в литературе, которые были вполне объяснимы с учётом основных выводов, следовавших из положений теории А.А. Потебни. Однако более всех притягательное воздействие наследия А.А. Потебни испытал писатель и поэт Андрей Белый. Интерес А. Белого к идеям А.А. Потебни не был случайным явлением, но ярким подтверждением правоты научных прозрений учёного. В связи с этим есть необходимость привести обширную выдержку из статьи А.Б. Муратова «Теоретическая поэтика А.А. Потебни»: «Опыт литературы начала XX в. действительно “обнажил” специфическую природу художественного образа. Здесь можно указать и на так называемое “подводное течение” чеховского творчества, особенно его драматургии, в которой план выражения и план содержания непосредственно не совпадают, и на футуризм, который наиболее прямо соотносится с теорией Потебни в поисках художественного “самовитого” слова. Сюда же можно отнести и символистов, столь заинтересованно воспринявших Потебню, переосмысливших его, правда, но ведь для переосмысления должны же быть основания» [2].

Следует всё же оговориться по поводу различных творческих возможностей, которыми обладали символисты и футуристы в процессе восприятия теории А.А. Потебни. Символизм дал истории отечественной и мировой литературы художников словесного искусства, литературных критиков и теоретиков более высокого уровня, чем футуризм, где наиболее талантливыми поэтами, теоретиками и критиками были В. Хлебников и В. Маяковский. Кроме того, символизм был достаточно прислушлив к наследию великой русской классической литературы XIX века, чего нельзя признать за футуризмом. Если для А. Блока и А. Белого творчество Н.А. Некрасова представляло громадный интерес и питало их собственную поэзию, то для футуристов литературное наследие XIX века с А.С. Пушкиным во главе – эстетический хлам, достойный быть сброшенным с корабля современного искусства. Это всё – хрестоматийные истины, и потому гораздо больший интерес в связи с уяснением значения теории А.А. Потебни в историческом процессе передачи драгоценного наследия русской классики XIX века в художественные тексты писателей и поэтов начала XX столетия представляет история восприятия идей А.А. Потебни Андреем Белым. И вновь обратимся к суждениям А.Б. Муратова: «Так, приведя общие выводы Потебни, А. Белый поясняет их: “Слово и поэзия объединяются и тем, что в деятельности состоят из нераздельного взаимодействия трёх элементов: формы, содержания и внутренней формы, и, по нашей терминологии, – символического образа... Здесь Потебня подходит к границе, где начинается уже исповедание символистической школы поэзии” (*Бе-*

лый А. Символизм. – М., 1910. – С. 575)». Отмечая слишком расширительное понимание символистами теории Потебни, указывая на тот факт, что сам А.А. Потебня в толковании символа оставался на рационалистических позициях, следовал Гегелю, определяя символ как знак, А.Б. Муратов признаёт сильное воздействие идей А.А. Потебни на развитие «культурно-исторических и сравнительно-исторических принципов и методов» филологии [5, с. 20]. Всё отмеченное выше рассуждение А.Б. Муратова вполне справедливо, но, вместе с тем, дает основание для раздумий о непростой судьбе идей А.А. Потебни в XX и XXI столетиях.

Представляется возможным продолжить традицию А. Белого и символистов, расширенно переосмысливших идеи А.А. Потебни. Рациональное зерно в выводах А.А. Потебни, касающихся сверхнасыщенности «скрытой формы» художественного слова, в силу этой особенности способной переносить образы, идеи, сцепленные с ними фрагменты художественных текстов на достаточные временные историко-культурные расстояния, – имеют до сих пор актуальное значение. Все наблюдавшиеся лингвистами и литературоведами явления аллюзий, реминисценций, интертекстуальности, восстанавливающих образы и сюжетные фрагменты вершинных произведений русской классики XIX века, – суть различные, разнообразные формы, в которых проявляется действие транспортирующей функции утяжелённого (дополнительного) информационного объема художественного слова.

Действие такой закономерности, прямо вытекающей из теории А.А. Потебни, испытал на себе поэт А. Белый, в творчестве которого восстанавливались мотивы, лексика, фразеологические обороты, цитаты и т.п. явления «чужого текста», восходящие к романам Ф.М. Достоевского (проза А. Белого) и поэзии Н.А. Некрасова (стихи А. Белого). Изучение творчества А. Белого даёт основания предполагать, что поэт мог (на основе выводов А.А. Потебни) к 1921 году в поэме «Первое свидание» глубже и образнее выразить в своём творчестве прозрения современных ему учёных-физиков. Попытки уяснить культурологический аспект в теориях физиков начала XX века, понять смысл всего, что происходило в умах учёных-естествоиспытателей и филологов, открывавших «тяжёлые» элементы в различных по природе и происхождению средах, их способность передавать колоссальную энергию, – поможет многое прояснить в истории цивилизации XX века.

Именно А. Белому принадлежат вдохновенные строки, в которых впервые в отечественной и мировой литературе угадан и показан взрыв атомной бомбы и его чудовищные последствия:

И строгой физикой мой ум
Переполнял: профессор Умов.
<...>
Что взрывы, полные игры,
Таят томсоновые вихри,
И что огромные миры
В атомных силах не утихли,
Что мысль, как динамит, летит
Смелей, прокидчивей и прытче,
Что опыт – новый...
«Мир – взлетит!» –
Сказал, взрываясь, Фридрих Ницше...
Мир – рвался в опытах Кюри
Атомной лопнувшею бомбой
На электронные струи
Невоплощённой гекатомбой [1]

Пророческий смысл этого поэтического откровения Андрея Белого в полной мере постичь возможно лишь с учётом столь же глубоких и трагических прозрений событий XX века в стихотворении А. Блока «Двадцатый век» из Вступления к незавершенной поэме «Возмездие» и стихотворения О. Мандельштама «Стихи о неизвестном солдате». Глубокий и тонкий анализ этого итогового творения О. Мандельштама, «духовного завещания» поэта не только современникам, но всему человечеству XX века дан В.В. Мусатовым [6].

Эти воспоминания А. Белого о временах студенческой молодости, о весне жизни впитали в себя тревожные мысли о строгих, неумолимых законах природы, требующих от человеческого ума особой дисциплины и ответственности за результаты научных экспериментов. В такой же мере должны сознавать ответственность за слова люди, создающие философские системы и социальные теории. Не случайно А. Белый стирает в своих философских стихах границы между строго научными суждениями о гигантской энергии, дремлющей в «атомных силах». Пока что всё это – игра ума кабинетных учёных: «взрывы, полные игры» – определение, которое придумал учёный-физик, размышляя над вероятными процессами, протекающими в «томсоновых вихрях». Но за этими строками тут же следуют другие, повествующие о том, что мысль человеческая устремляется к различным областям знания с опасной для судеб цивилизации скоростью, она, «как динамит, летит». Шальная смелость иных мыслителей-естествоиспытателей, необдуманная, «прокидчивая» поспешность, «прыть», с которой они творят новые и новые эксперименты, грозят взорвать «мир», разрушить мироздание и уничтожить человечество. Злорадные нотки ощущаются в прогнозе философа Фридриха Ницше, на свой лад призывавшего возмездие на головы деградировавшего европейского человечества.

Далее поэт-символист А. Белый показывает, что подобные предсказания вызывают цепную реакцию в сети выдающихся умов научной элиты и на деле, на уровне пока ещё лабораторно-кабинетных опытов, готовят человечество к уничтожению, растеканию «на электронные струи». Особенно поражает здесь пророческая зоркость Белого: взрыв атом-

ной бомбы в опытах Кюри осуществлён на уровне мыслительном, но следствием этого интеллектуального эксперимента явилась «невоплощённая гекатомба», то есть массовое человеческое жертвоприношение. Масштабы его ужасают: в опытах Кюри «рвался», то есть разлетался «на электронные струи» целый мир. Поэт высказывает тревожную мысль об атомном апокалипсисе, к которому приведут опыты Кюри, других физиков, ум которых опаснее динамита, ибо прыткая бойкость его ведет к созданию особой взрывчатки, способной разнести мир в атомную пыль. Белый призывает от имени своего лирического героя не забывать, что человек – творение эфирных, божественных сил и потому обязан следить за тем, чтобы не сбиться со «стези» горней, «надмирной» (I, 241) и сохранить новый «век» и новый «мир» в том их облике, который дан был Создателем эфира, пребывающего в надмирной области Вселенной.

А. Белому не суждено было дожить до 1937 года, пережить Вторую мировую войну, узнать об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, испытаниях водородных бомб. Но, разрушительная, динамитная, реплика Фридриха Ницше, наследие которого ценил Гитлер, а также идеологи Третьего рейха, поставлена Белым в один ряд с опытами Кюри, с игрой в виртуальный взрыв «атомной бомбы» и гибелью мира заодно с человечеством. Поэт высказал горькую мысль относительно странного и опасного качества умов интеллектуальной элиты человечества XX столетия – от истового профессора Умова до философа Ницше и физика-экспериментатора Кюри. Все они, по мысли лирического героя-повествователя поэмы «Первое свидание», ведут опасные и неумные игры с мирозданием, стремясь прытко заскочить в ту область мироздания, куда им путь заказан Вечным Законом Вселенной. К таким умозаключениям пришел поэт и писатель А. Белый, подводя поэтические итоги своего первого свидания с наступившим XX веком.

Сделанные наблюдения подтверждают обоснованность вышеизложенной гипотезы о более широком понимании тезиса А.Б. Муратова о синтетичности идей А.А. Потебни. Речь не идёт о том, чтобы вопреки принципу историзма приписать А.А. Потебне мысли, которых он не мог высказать, оставаясь на позициях Гумбольдта и Гегеля, сохраняя верность принципам своего времени.

Идеи А. Потебни могли «подземным путём», по выражению А.Б. Муратова, воздействовать на художественную мысль А. Белого, соединившего на уровне поэтического синтеза выводы Потебни, данные современной ему экспериментальной и теоретической физики о делении ядер и разрушительном характере высвобождающейся при этом энергии. Наконец, скрытая форма поэтического слова и была в творчестве А. Белого информационным каналом, по которому поступало в творческое сознание автора XX века суммарное количество лексики и образов из вершинных творений поэтов и романистов великой русской классической литературы XIX века.

Библиографический список

1. *Белый А.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. Поэзия. Проза. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 241. (Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием тома и страницы. – *Н.М.*)

2. *Белькинд Е.* А. Белый и А.А. Потебня: К постановке вопроса // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А.А. Блока и русская культура XX века». – Тарту, 1975. – С. 160–164.

3. *Лебедев Ю.В.* История русской литературы XIX века: в 3 ч. Ч. 1. 1800–1830-е годы. – М.: Просвещение, 2007. – С. 3–8.

4. *Морозов Н.Г.* Введение (Актуализация старых литературных форм: феномен реализма конца XIX – начала XX вв.) // Морозов Н.Г. Судьбы крестьянской и дворянской России в прозе А.П. Чехова, И.А. Бунина, И.С. Шмелева. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. – С. 5–19.

5. *Муратов А.Б.* Теоретическая поэтика А.А. Потебни // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990.

6. *Мусатов В.В.* История русской литературы первой половины XX века (советский период). – М.: Высшая школа; Изд. центр «Академия», 2001. – С.243–246.

7. *Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. – Харьков, 1905. – С. 31.

УДК 882.09

Котлов Александр Константинович
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ak_kotlov@inbox.ru

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ХРОНОТОПА «КАЗЕННОЙ СКАЗКИ» ОЛЕГА ПАВЛОВА

Статья посвящена исследованию некоторых фольклорно-мифологических основ особого сказочно-притчевого хронотопа в «Казенной сказке» современного прозаика О. Павлова.

Ключевые слова: *хронотоп, фольклор, мифология, мотив, перевод, О. Павлов, «Казенная сказка».*

«Казенная сказка» (1994) – первое крупное произведение Олега Олеговича Павлова, благодаря которому тогда еще юный прозаик стал заметной фигурой не только в «московских литературных кругах» («in Moscow literary circles» [13, с. 173]), но и в современном литературном процессе в целом. Мрачная атмосфера жизни, «казенного» быта затерянного в карагандинских степях лагеря, внешне характеризующая книгу Павлова, в прозе 1990-х годов отнюдь не выглядела исключительной: социальная неустроенность тех лет могла во многом «конкурировать» с лагерным беспросветным существованием героев произведения. Однако, в отличие от отстраненной позиции автора в постмодернистском тексте, автор «Казенной сказки» не был подобным ироничным созерцателем – нравственный пафос истории указывал на отсутствие авторской индифферентности. Павлов не порывает авангардно с традицией, а, напротив, погружает своих героев в мир отнюдь не хаотических художественных сцеплений и вовсе не амбивалентных нравственных оценок. Причем в произведении выделяются как литературные, так и древнемифологические, фольклорные по своим истокам мотивы.

Сам Павлов в одном из интервью с горечью заметит, что многие восприняли «Казенную сказку» как «исторический документ», «не понимая, что в основе миф, ну, или замысел, скажем, авторский» [7]. Но павловская проза мифологична не только субъективно – с точки зрения авторской интенции, но и объективно – с точки зрения принципов организации художественного мира произведения, как результат. Это уже отмечалось в критических оценках как сразу по выходе повести, так и значительно позднее. Так, А. Вяльцев в статье «Пограничье», посвященной выходу сборника Павлова под одноименным названием – «Казенная сказка» (1999), скажет: «Это напоминает эпические произведения древности, греческие поэмы и скандинавские саги или даже русские сказки. Там так же слабо прослеживается мотивировка действий, либо она объяснялась чисто утилитарно, ближайшим интересом или эмоцией героя: местью, жадностью, завистью» [1]. Говоря о «моральном судье в эпическом произведении», критик оправданно упомянет в первую очередь «божество или рок» [1]. Сам Павлов, словно подтверждая данную мысль, в эссе «Гефсиманское время» мифологическую составляющую признает одной из главных в отечественной ментальности, определяющей специфику русского восприятия пространства и времени: «Временем в России управляет ее пространство. …Есть только миф, как сказочное “тридевятое царство в тридесятом государстве”. Поэтому главное государственное понятие – *русская земля*, существующая как бы в небесных пределах» (курсив автора. – *А.К.*) [5].

Некоторые фольклорно-мифологические истоки образа героя «Казенной сказки» С. Крылова попыталась осмыслить в литературоведческой статье, посвященной архетипу главного героя произведения [3]. Т.В. Романова рассмотрела определение «казенный» в заглавии повести с лингвистически-аксиологической точки зрения [9]. Однако, при всей важности осмысления фольклорно-мифологических составляющих «Казенной сказки», в литературоведении данный вопрос, на наш взгляд, далеко не исчерпан.

Цель данной статьи – проследить, как фольклорные мотивы и образы помогают создать сказку-притчу о русском человеке. Акцент при этом сделан на исследовании хронотопа произведения, в первую очередь – художественного времени в повести.

«Казенная сказка» Павлова на английском языке имеет в переводах различные названия. Так, слово «казенный» предстает то как «official» («An Official Tale») [13, с. 173], то как «bureaucratic» («The Bureacratic Fairy-Tale (Folk novel»)) [9, с. 10]. Не будем пока рассматривать подзаголовок произведения («Народный роман»), так как в издании 2001 года, на которое мы опираемся, он снят, и обратимся исключительно к неизменному компоненту заголовочного комплекса. Кстати, в официальном английском переводе книга вообще имеет совершенно иное название – «Степной капитан» («Steppe Capitan»), чем, собственно, была снята проблема адекватности перевода (тем более что определение «степной капитан» встречается в тексте у Павлова не однажды для характеристики центрального героя [см., например: 6, с. 18, 118, 140; далее в тексте статьи сноски даются на это изда-

© Котлов А.К., 2012

ние с указанием страницы]). Однако не исчезла проблема семантики самого слова «казенный» в названии произведения. На наш взгляд, емкость заглавия снижается при употреблении таких слов, как «state» [3, с. 161] и, особенно, «bureaucratic»: да, подобные смыслы, без сомнения, присутствуют в названии, являясь, конечно, доминантными, но они отнюдь не передают всю многомерность определения «казенный». В англо-русском словаре «bureaucratic» дается как однозначное слово [4, с. 100], тогда как «official» обладает бо́льшим семантическим диапазоном: «служебный», «официальный» и, что важно, «формальный, "казенный"»; а выражение «official red tape» обозначает «волокиту; бюрократизм» [4, с. 485].

Обратимся к русским толковым словарям. В современных изданиях у слова «казенный» лишь третье, причем переносное, значение «формальный, бюрократический», в то время как первые два, пусть и с пометой «устаревшие», не имеют сниженной коннотации: 1) *прил. к* казна (в 1 знач.), государственный; 2) относящийся к делопроизводству государственных учреждений, выполненный, написанный по строго установленной форме (о документах, бумагах и т.п.) [12, с. 14–15]. В словаре же В.И. Даля вообще не зафиксировано значение слова «казенный» как «бюрократический», а именно: «казенный» – «принадлежащий казне, правительству, государству». И даже «казенщина», которая сейчас утратила все смыслы, кроме негативного, в данном словаре трактуется совершенно нейтрально: «все казенное, казне принадлежащее» [2, с. 74]. Возможно, это обусловлено и цензурными запретами, поскольку в иллюстративный материал В.И. Даль включает фразы (в том числе и пословицы), указывающие на бытование слов «казна», и тогда в полной мере возникает издавна существовавшее отношение русского человека к «мертвящебюрократическим» явлениям в русском государстве: *Казна воюет, а сума горюет. Казна с голоду не уморит, да и досыта не накормит. Казны бойся. Казна первый обидчик. На казну нет суда. С казною судиться, своим поступиться. С казною судиться, что махалке с ветром тягаться* [2, с. 74]. В то же время не отменить и совершенно иных паремий, приведенных В.И. Далем: *Крепко царство казною. Казна миром живет, и мир казной.* Жаль, что в современном русском языке осталось лишь такое слово, как «казнокрад», хотя у В.И. Даля зафиксирован и антоним к нему – «казнодей», то есть «человек оборотливый, трудолюбивый, наживающий и сберегающий» [2, с. 75].

В рассматриваемом заглавии переплетаются все смысловые нюансы слова «казенный». Так, они подтекстово сталкиваются уже в эпиграфе к произведению: «Посвящается русским капитанам, этим крепчайшим служакам, на чьих горбах да гробах покоилось во все века наше царство-государство. Вечная всем память» [с. 5]. Здесь и «царство-государство», и «служака» (далеко не «казнокрад», а «казнодей»), но и одновременно «горбы да гробы» как неминуемая «цена» службы государству и «плата» за нее.

Второе слово в заглавии – «сказка» – не менее проблемно в плане как смыслового содержания, так и перевода. «Fairy-tale» – все же, прежде всего, «волшебная сказка», «небылица» [4, с. 259], что выглядело бы в соотнесении с сюжетом произведения Павлова, образом главного героя неприкрытой издевкой. Перевод канадского исследователя, по-видимому, ближе к истине – «tale»: да, сказка, но и просто рассказ [4, с. 713]. Кроме того, «сказка» как чисто жанровая спецификация перекрывается авторскими определениями «народный роман» (в первом издании), «повесть» (в издании трилогии «Повести последних дней» вместе с романом «Дело Матюшина» и повестью «Карагандинские девятины»).

С. Крылова говорит о заглавии «Казенная сказка» как об «оксюморонном гибриде», так как в повести нет «ни счастливого финала, ни чудес, ни лжи, в которой намек». Думается, исследователь не вполне прав: есть все эти приметы сказочного и в произведении Павлова. Как ни свирепствуй буран, а весна будет… Но в чем С. Крылова, безусловно, права, так это в том, что заглавная формула «имеет свое эстетическое поле воздействия как минимум на два фактора: эпичность и архетип героя» [3, с. 162]. Однако оба слова – «казенная», «сказка» – в равной мере включают в тексте культурно-исторические коды, открывающие в сознании читателя двери традиции, превращая сиюминутное в вечное.

Закономерно, что в произведении довольно условны портретные характеристики героев, скупы, часто лишь косвенны маркеры исторического времени, что еще более подчеркивает некий сказочно-притчевый характер произведения. Например, еще в первой главе сказано: «События, преображавшие все в мире, до степных мест не дохаживали, плутали» [с. 20].

Именно сказочные (в целом – фольклорные) мотивы, сопровождающие героя, несомненно, расширяют повествование, придают ему, кроме всего прочего, общенародное звучание и общечеловеческий, философский смысл. Подобные мотивы отмечались, например, в той же работе С. Крыловой [3, с. 162, 166 и др.]. Вспомним и формулу «царство-государство» в эпиграфе [с. 5], и название первой главы «Жили-были». Значимо, бесспорно, и имя главного героя – Иван. Причем в повести монологические тирады некоторых персонажей, обращенные к главному герою, стилистически близки к сказочной манере: «начальство» (некая темная сила, сказочно-обманная) – «Оставайся-ка, Иван…» [с. 6]; Илья Перегуд (сила фольклорно-богатырс-

кая, пусть и «заколдованная», в чем-то родная) – «Чего по ней (картошке. – *А.К.*) слезы лить, Ваня»; «Это верно, Ваня» [с. 121, 123]. «Дураком» окрестит Ивана Яковлевича начальник лагеря Синебрюхов: «Такой дурак – и на свободе» [с. 27] (конечно же, павловскому герою отнюдь не по плечу амплуа Ивана-царевича, но, как известно, в народном сознании и Иван-дурак симпатией не обделен).

Сказочен в чем-то и хронотоп повести. Так, часто теряются координаты времени в вяло текущей гарнизонной жизни: «Сколько времени минуло, не сказать: жизнь в полку наладилась, и счет времени потеряли» [с. 71]. Только явленные в народной жизни и отраженные в фольклоре времена года маркируют казенное «житье-бытье». Вот характерный для хронотопа повести диалог капитана с шофером в главе «Вся правда», странным образом коррелирующий с самим понятием «правда» в народном сознании главного героя: «…Всё, зима. В декабре уже заметет, будь уверен». – «Мамонька, год угрохали… Это ж прощальный дождичек, капитан?» – «Всё, жди их до весны, там киселя похлебаем». – «А весна-то будет? А если, говорят, льдом, на хрен, покроемся?» – «Хватит брехать… Быть такого не может» [с. 116].

Весь сюжет повести маркирован природно-временными отметами, что соответствует собственно народно-мифологическому, исконному мироощущению, сознанию русского крестьянина, сверяющему свою жизнь с природным циклом. Так, долгая русская зима отзывается в экспозиции произведения аллюзиями на «сонно-печную» жизнь Иванушки-дурачка: «Только зимой наваливалась на поселок *сонливая* тишина и натекал белый грязноватый *покой*, погружая Карабас в *спячку*. В то долгое время запоминалось, как теплится жизнь, и согревало ее *тепло*, эдакое *печное*. Капитан забывался в том тепле, *запекавшем* и многие его раны» (здесь и далее курсив наш. – *А.К.*) [с. 10]. Но, как известно, нужда заставляет сказочного соню, чтобы он, не слезая, правда, с печи, по материнскому слову, исполнил необходимое, должное (с чего и начинается сюжет народной сказки). В сказке «казенной» все та же нужда, но и одновременно практически родительские, отцовские чувства велят капитану накормить «сынков», с чего начнется развитие сюжета в повести Павлова, связанное с посадкой в степи картошки.

Особое значение в быте и бытии русского крестьянина, как известно, имела весна – это не только пробуждение природы, самой земли после зимней спячки, но и, в представлении наших предков, начало нового жизненного цикла (вспомним о праздновании нового года именно в начале марта). «Мухи, змеи, пропавшие кто осенью, кто зимой, в поселке в ту пору еще не появлялись. *И было ранней весной* грустно жить, так как из живых на поверку только люди и вши оставались» [с. 22], – так начинается вторая глава произведения («Картошка»), содержащая и фабульную завязку повести в целом, и начало законченного микросюжета данной главы. Годовой природно-жизненный цикл в данной части произведения уже представлен почти полностью: за упомянутой весной и последовавшей посадкой картошки – «Вспыхнуло сухое степное лето» [с. 27], за ним – осень («С исходом солнечных праздников и летнего цветенья землю не оставляли дожди» [с. 29]). Богатый урожай, а также «звонок генерала» вселяют в душу капитана надежду на сытую зиму: «Все будет по-другому, – проговорил с радостью Хабаров. – Все будет хорошо. Все будут сытыми» [с. 34].

Примечательна радость героя, выражающая его благодарность миру, народно-мифологическое преклонение перед природными силами: «Когда полыхало солнце, он *радовался*, думая, что картошка согреется его теплом. И когда поливали дожди, *радовался*, что картошка вдоволь напьется воды» [с. 29]. Словно исконное крестьянское поклонение непреложным законам бытия слышится в этих анафорически организованных фразах, в этих, по сути, фольклорных повторах. Подобное смиренное мировосприятие определяет народно-мифологическое восприятие жизни. Не случайно еще в экспозиционном представлении главного героя пусть и не указано на конкретные причины его выбора армейской службы, но сказано об особенностях течения жизни в гарнизоне, словно в забытой Богом деревне: «Жизнь в этой гуще не перетекает по годам и годами не сотрясается. Время тут не приносит легких, быстрых перемен, а потому живут вовсе без него, разумея попросту, что *всему свой черед*» [с. 6–7].

Картиной «языческого алтаря на пире плодородья» кажется сцена сбора урожая и позднего сытного ужина. Однако, как и в процитированных пастернаковских «живаговских» строках, древнемифологическое соединяется с христианским мироощущением, интуитивно-бессознательное, языческое в душе Хабарова сопрягается с христианским началом. Это отразится, прежде всего, в кульминационной для данной главы сцене молитвы героя.

Нет в сознании героя уверенности в результате предпринятого дела, а потому уже не к мифологическим «равнодушным» природным силам обращается он (солнце и дождь – силы, во многом стоящие над человеком), а к Богу, который, по словам И. Бродского, в деревне «живет не по углам», а «всюду», – единственному, кто может укрепить его надежду верой. Этот порыв рождается спонтанно-интуитивно, «вдруг» (в произведениях Павлова это «вдруг» появляется порою часто, как, например, в рассказе «Конец века»), из душевных глубин, в которых, казалось, молитвенное слово не могло появиться: «Капитан в Бога никогда не верил, но встал *вдруг* на колени посреди канцелярии» [с. 29]. Срока сбора картошки герой не знает: в его

сиротской жизни, давно, с ухода в армию оторванной от земли, все крестьянские знания, если и были, забылись. Но именно по-хабаровски обычно ждет русский крестьянин того дня, когда наступит пора убирать урожай, «будто это и должно было случиться в единственный день, как смерть или рождение» [с. 29]. Как кажется, утраченное на периферии действий героя, народное сознание глубоко запечатлено в его главных поступках, вплоть до «зимнего подвига» в сюжетной развязке повести (вспомним первоначальный подзаголовок – «народный роман»). Перед этим кульминационным эпизодом не случайно появляется воспоминание о русской деревне – единственное в произведении упоминание о детстве Хабарова, прошедшее вдали от карагандинских степей. Важно, что оно как раз деревенское, проникнутое молитвенной благодатью: «Хабаров любил тихую морозную зиму, когда хорошо – и кругом, и на душе. В такую зиму на русских равнинах окуриваются печным дымом избушки, *точно ладаном*. Деревни на огромных просторах стоят заиндевелые и погруженные в высокую тишину неба. Даже собаки не брешут по дворам, и дремлет *крещеный мир* в пышных снегах. Хоть свечку ставь перед той картиной, чудеснейшей, чем образа… Эту тихую морозную зиму горемычный наш капитан помнил с детства, быть может, больше хорошего он и не видел» [с. 144]. Эта молитвенная картина предваряет подвиг капитана, тогда как его молитва во второй главе – перед уборкой картошки, то есть еще одним маленьким подвигом, и опять – ради «сынков»: «Позвал его громко. И не молился, не бил поклонов, чего отродясь не умел, а, выпрямившись – как честный служака на смотру, – доложил для начала про то, что во всей великой стране имеется лишь гнилая картошка. И попросил, помолчав и переведя дыхание: “Если вы на самом деле есть, тогда помогите, если так возможно, собрать моей роте побольше картошки. Я за это в вас верить стану и *отплачу жизнью*, если потребуется”» [с. 29–30]. Так соединяются два самых важных в сюжете повести эпизода.

Однако после второй главы осенне-зимний сюжет произведения начинает «буксовать», превращаясь для главного героя в цепь мучительных испытаний. Мотив «хождения по мукам» соединяется в последующих главах повести с мотивом жертвенности: как в народной сказке, «казенному» Иванушке уготован тяжелый путь испытаний. С третьей главы, по словам С. Крыловой, «начинается крестный путь славного капитана» [3, с. 166].

Кроме того, и художественное пространство произведения, как и время, фольклорно в своей основе: то обрывается тупиками «богатырского распутья» (налево, направо, прямо – всё одно), то видится конечным, завершенным. Например, в экспозиции повести, в описании месторасположения лагеря отмечается: «К баракам тянулись вытоптанные сапогами стёжки, такие узкие, будто люди ходили *по краю, боясь упасть*. Эти же стёжки уводили к *тупикам*, *обрываясь* там, где начинались закрытые зоны и всякие другие запреты. Вольный доступ открывали Карабасу лагерная узкоколейка да степной большак, *обрывавшиеся* далеко за сопками. Еще уводил от лагеря, на отшиб, почти не примечаемый *могильник*, куда больничка захоранивала бесхозных зеков. …Вот и все сообщение, если так считать, *все пути да выходы*» [с. 8].

Полумифическая Долинка, служба в которой считалась в сравнении с Карабасом чуть ли не сказочным счастьем, для Хабарова располагается по-сказочному на краю земли – «там, где земля завершалась» [с. 117]. Однако искать лучшей доли (в названии Долинка слышится не только «дол, долина», но и «доля») в другом месте капитан Хабаров не намерен.

Т.Л. Рыбальченко, рассматривая сказочный сюжет возвращения в русской прозе второй половины XX века, утверждает, что данная фабульная основа «опровергается сюжетом реальности» [11, с. 59]. Думается, исследователь не прав, основываясь лишь на подобном «сюжете», в то время как метафизически осмысленный финал говорит не столько о «силе онтологического хаоса, не поддающегося космизации» [11, с. 60], сколько о гармонии вечности, понятой не безрелигиозно-апокалиптически, а христиански. Об этом говорят и последние строки повести («пускай душа его упокоится с миром» [с. 166]), и такой временной маркер, как весна, приобретающий в философском контексте произведения характер жизнеутверждающего символа.

Синонимом жизни весна всегда была и в народном сознании. Вновь вспомним разговор главного героя с шофером: «*А весна-то будет?* А если, говорят, льдом, на хрен, покроемся?» – «Хватит брехать… *Быть такого не может*» [с. 116]. В диалоге со своим мучителем особистом Скрипицыным Хабаров, как кажется, сломленный и по-христиански просящий прощения у своего врага, услышит от того: «Значит, *жди весны*, только дождись – и *все будет*!» Для Скрипицына эти слова скрывают иной смысл, нежели для капитана, – и вот уже Хабаров решает, что «останется зимовать в Карабасе, а весной с чистой совестью уйдет искать на земле место, где и помрет, если захочется» [с. 143]. Почти скрипицынские слова звучат и в прощальных словах главного героя, собирающегося за деньгами в полк, к отчаявшимся солдатам: «Два дня дайте, справимся, а потом и весна, *весной-то все у нас будет*!» [с. 151]. Действительно, в финале повести жертва капитана словно бы умилостивила небеса: «И был будничный день в самом конце марта. …плыл теплый солнечный свет. Такой же теплый, а то и душный, был воздух» [с. 159]. Странным, но символичным созвучьем рифмуются фразы о наступлении весны и об обнаружении трупа капита-

на: «И нашелся дурак, ахнул: “Хабаров *пришел*…”. А он не пришел, а ушел»; «*пришла* за зимою весна» [с. 160]. Весна становится в повести емким метафизическим символом.

Таким образом, фольклорно-мифологические мотивы и образы помогают Павлову создать особый народнопоэтический сказочно-притчевый мир, истоки которого – в народной метафизике.

Библиографический список

1. *Вяльцев А.* Пограничье (Олег Павлов. Казенная сказка) // Октябрь. – 2000. – №3. (Публикации в «толстых» журналах цитируются по электронным версиям с сайта: http://www.magazines.russ.ru.)

2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И–О. – М.: Рус. яз., 1989. – 779 с.

3. *Крылова С.* Архетип героя в повести Олега Павлова «Казенная сказка» // Studia Rossica Posnaniensia. – 2011. – vol. XXXVI. – P. 161–171.

4. *Мюллер В.К.* Англо-русский словарь. 24-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1992. – 848 с.

5. *Павлов О.* Гефсиманское время // Октябрь. – 2008. – № 1.

6. *Павлов О.* Казенная сказка. Повесть // Павлов О.О. Повести последних дней: трилогия. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – 494 с. (В тексте статьи произведение цитируется по данному изданию с указанием страницы.)

7. *Павлов О.* Одиночество – это работа // Российская газета (федеральный выпуск). – 2010. – № 5204 (10 июня) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2010/06/10/pavlov.html (дата обращения: 10.11.2012).

8. *Павлов О.* Очень жалко русских людей (интервью В. Кудрявцевой) // Русский мир. Информационный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russkiymir.ru/russkiymir.ru/ru/publications/interview0257.html (дата обращения: 13.11.2012).

9. *Романова Т.В.* Аксиологема «казенный» в романе О. Павлова «Казенная сказка (Народный роман)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2012/07/25/1257319452/Аксиологема%20казенный%20сказка.pdf (дата обращения: 9.11.2012).

10. Русско-английский словарь: ок. 55000 слов / сост. О.С. Ахманова, З.С. Выгодская, Т.П. Горбунова и др.; под общ. ред. А.И. Смирницкого. 16-е изд., испр., под. ред О.С. Ахмановой. – М.: Рус. яз., 1992. – 768 с.

11. *Рыбальченко Т.Л.* Ситуация возвращения в сюжетах русской реалистической прозы 1950–1990-х гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/fil/01/image/58-82.pdf (дата обращения: 12.11.2012).

12. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – Т. 2: К–О. – М.: Рус. яз., 1986. – 736 с.

13. *Shneidman N.N.* Russian Literature, 1995–2002: on the threshold of the new millennium. – Toronto [etc.]: Univ. of Toronto press, 2004.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 339.9

Зайцев Александр Владимирович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
aleksandr-kostroma@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И ДИАЛОГ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

В статье рассказывается о сходстве процессе трансформации понятия «диалог» и приобретении им нового значения «переговоры». В связи с этим диалог государства и гражданского общества в современной России начинает рассматриваться как переговорный процесс. В то же время эти понятия имеют не только сходство, но и отличия.

Ключевые слова: *диалог, переговоры, медиация, государство, власть, гражданское общество.*

Говоря о соотношении таких концептов политической науки, как диалог и переговоры, мы не можем не учитывать тех изменений, которые произошли в сфере общественно-политического языка, прежде всего в области лексики. На протяжении минувшего столетия неуклонно возрастала общественно-политическая значимость понятия «диалог», которое в процессе демократизации российского общества существенно трансформировалось, обогащаясь новыми смыслами. А его содержание эволюционировало «от первоначальной трактовки диалога как обмена информацией до представления о диалоге как сложном творческом процессе взаимодействия субъектов, носителей двух разных сознаний, разных систем ценностей, разных идейных позиций…», – сказано в редакционном предисловии к сборнику научных статей «Диалог культур и цивилизаций» [11, с. 5].

Как отмечается в научной литературе, в последние годы понятие «диалог» заняло едва ли не центральное место в сфере гуманитарных наук и в социально-политической жизни общества. В качестве субъектов диалога выступают не только индивиды, но и поколения, этносы, конфессии, государства, культуры и цивилизации. «Диалог становится, по-видимому, центральной метафорой нашей цивилизации. Распространение его таково, что практически вся социальная сфера пронизана диалогическими отношениями: диалог культур, диалог политический, диалог межэтнический, диалог духовный» [4, с. 5].

Как выше уже отмечалось, общественно-политические изменения, произошедшие в нашей стране, коснулись и русского языка, в том числе общественно-политической лексики, значительно расширив и обогатив его. Примером такой трансформации служит и «слово диалог, ныне явно включенное в политический словарь благодаря приобретению им новых значений» [8, с. 41]. Так, Л.Ю. Касьянова отмечает, что «лексическая единица *диалог»*, ранее использовавшаяся в значении «разговор между двумя лицами», «была подвергнута переосмыслению, и в настоящее время в политическом дискурсе слово функционирует в новом значении – “переговоры с целью мирного урегулирования конфликта”» [9, с. 6]. Для нашего исследования очень важны эти дискурсивные инновации, которые связаны с обогащением концепта «диалог» новыми, ранее не присущими ему семантическими смыслами, уже подмеченными целым рядом ученых-лингвистов.

В отличие от вышеназванного автора, О.П. Ермакова утверждает, что в общественно-политических контекстах 1990-х годов появились сразу четыре новых значения прежнего концепта «диалог»: «1) неофициальные переговоры (диалог с оппозицией); 2) дискуссия (манера диалога); 3) договоренность (диалог с руководством завода); 4) общение (развитие нашего диалога с внешним миром). Кроме того, особое значение диалог приобретает в деловых кругах, где слово обозначает «сотрудничество» (диалог с фирмой не получился). Слово «диалог» часто употребляется как антоним к слову «конфронтация» (диалог – мирное урегулирование конфликтов)» [9, с. 41].

Действительно, обращение к словарю синонимов показывает, что одним из синонимов понятия «переговоры», которое раньше использовалось исключительно во внешней политике, теперь в качестве его дискурсивного эквивалента используется его синоним «диалог» [12]. Точно так же, как и синонимом диалога, теперь выступает дипломатический термин «переговоры» [5].

В словаре-справочнике «Политическая наука» зафиксировано два основных значения термина «диалог»: «1) переговоры, свободный обмен мнениями, напр. политический диалог – форма целенаправленного двустороннего духовного взаимодействия политических субъектов в процессе реализации ими своих прав и полномочий в сфере власти; 2) форма устной речи, разговор двух или нескольких лиц; речевая коммуникация посредством обмена репликами...» [6].

Специалист по теории политических переговоров И.А. Василенко дала такое определение процесса переговоров: «*Политические переговоры*

© Зайцев А.В., 2012

можно определить как науку и искусство достижения политических соглашений в условиях конфликтного противостояния сторон» [2, с. 11]. М.М. Лебедева, как и целый ряд других исследователей, также склонна рассматривать переговоры в парадигме конфликта: «переговоры есть не что иное, как преодоленный конфликт сторон» [10, с. 183].

Политические переговоры сегодня все чаще становятся фактом повседневной жизни, способом диалогического взаимодействия разных народов и государств, политических партий и общественных организаций, государства и гражданского общества, которые готовы жить вместе, сотрудничать и рассматривать совместные отношения в терминах диалога, согласия, взаимного уважения и терпимости. С точки зрения В.М. Сергеева, изложенной им в монографии под названием «Демократия как переговорный процесс», наиболее естественной формой принятия решений являются переговоры, синонимичные с точки зрения норм современного русского языка по отношению к обсуждаемому нами понятию общественного диалога. Следовательно, как утверждает автор этой монографии, демократия, понимаемая как подлинное «народовластие», – это не электоральные процессы, не политические свободы, не местное самоуправление, многопартийность и не референдумы, а система общественных переговоров, диалог власти и общества. «Каждое правительство может существовать достаточно долго только тогда, когда оно легитимно, то есть, по крайней мере, терпимо для значительного большинства подданных… – пишет В.М. Сергеев. – Следовательно, правительство или господствующая элита должны в определенной мере всегда принимать во внимание интересы других групп и слоев общества… Но это можно сделать только в результате некоторого обмена информацией о положении дел с представителями этих групп и слоев. Фактически такой обмен информацией и учет требований выливается в систему переговоров...» [13, с. 16–17]. Институционализация переговорно-диалогового взаимодействия приводит к появлению новых демократических дискурсивных практик. А возникновение системы таких практик, покрывающей собой основные социальные группы и «вводимая в действие в случае обсуждения наиболее важных для общества проблем», позволяет «говорить о демократической политической системе. При этом предполагается, что демократическая практика затрагивает не только взаимоотношения власти и других социальных субъектов общества, но и взаимоотношения самих этих социальных субъектов – индивидуумов, групп, корпораций, политических партий и т.д.» [13, с. 17]. Такая «эффективная система переговоров между социальными субъектами» позволяет «поддерживать значительный запас легитимности политического режима» [13, с. 17].

Что касается общественного диалога, то его вполне возможно осмыслить как «определенный тип отношений между отдельными группами, которые называются общественными партнерами, с участием государства как партнера диалога или как его гаранта» [7, с. 2]. Или же с точки зрения более «широкого понимания общественного диалога как формы демократии, которая выходит за рамки трудовых отношений и охватывает все общество» [7, с. 2]. Участниками диалога в более широком смысле являются, прежде всего, различные виды общественных организаций, институтов гражданского общества или негосударственные так называемого «третьего сектора», которые создают важные сегменты для общественного развития и благополучия. В числе субъектов такого широкого диалога входят и государственные органы, властные структуры, политические институты, которые вступают в диалоговую коммуникацию с гражданским обществом в целом или же какими-то его сегментами с целью преодоления непонимания, разрешения конфликтов, координации действий и выработки социально взаимовыгодных, значимых политических решений. «Важнейшими понятиями, которые характеризуют суть общественного диалога, являются: переговоры и договоренности, компромиссы, участие и социальное партнерство» [7, с. 2]. Пространством, в котором происходит процесс согласования интересов различных политических субъектов – политический дискурс, – является публичная сфера общества.

«Общественный диалог, – по мнению Э.Я. Баталова, – это свободный, перманентный, идущий на равных обмен идеями и взглядами между государством и гражданским обществом, между институтами самого гражданского общества (включая политические движения, партии, общественные организации), между Центром и регионами, между верующими и атеистами, между правыми и левыми, между отдельными группами и между индивидами. Но прежде всего – между властями и подвластными» [3]. Общественный диалог – это важнейшая функциональная характеристика общества. Это, прежде всего, диалог гражданского общества и государства. Первое делегирует свои властные полномочия второму, отчуждаясь от постоянного и монопольного отправления властных функций. Можно сказать, что мера цивилизованности политики во многом определяется тем, насколько диалог между гражданским обществом и государством является открытым и равноправным.

При этом очень важно, чтобы субъекты общественного диалога были репрезентативны, то есть обладали бы полномочиями на соответствующую институциональную коммуникацию и были бы автономны, то есть финансово, организационно и политически независимы как от государства, так и от бизнеса, а также от зарубежных спонсоров. Следу-

ет помнить, что общественный диалог или переговоры власти и оппозиции – это инструмент, но не цель и не стратегия достижения изменений. Диалог сам по себе не панацея, и его результат зависит от того, насколько его субъекты готовы к полноценному, а не симулятивному парадиалогу.

Особенно велика роль переговоров в случае возникновения каких-либо острых общественно-политических конфликтов или даже социальных кризисов, когда интеракция между действующей властью и оппозицией, являющейся частью гражданского общества, а зачастую действующая от его имени, вступает в фазу политической конфронтации и противоборства. Здесь способом разрешения конфликта может выступить институт медиации, то есть политического посредничества между противостоящими друг другу сторонами. Медиатор помогает сторонам включиться в диалог, создать соответствующую переговорам социально-психологическую атмосферу, помочь преодолеть реальные и мнимые противоречия и прийти к обоюдной договоренности. «Переговоры нами понимаются как процесс конструктивного диалога, организованный по определенному последовательному алгоритму, – пишет специалист по медиации О.В. Аллахвердова. – Диалог между сторонами может быть обеспечен в случае адекватного использования коммуникации, взаимного информирования сторон, просвещения и адекватного использования власти, направленный на выработку взаимных обещаний (обязательств), в результате выполнения которых будут удовлетворены ущемленные интересы сторон» [1, с. 38].

Медиация – это наука и искусство достижения договоренности на основе честного диалога, осуществляющееся на практике посредством диалога. Медиация представляет собой коммуникативно-дискурсивную способность социума в целом и отдельных его частей приходить в спорах и конфликтах к консенсусу, к паллиативному решению, к выработке взаимовыгодного всем противостоящим сторонам договоренности о дальнейших действиях и процедурах. Государство сегодня всё чаще наталкивается на явное или латентное сопротивление со стороны граждан и институтов гражданского общества, особенно в случае принятия каких-то необоснованных, непродуманных и далеко не всегда взвешенных, ущемляющих чьи-то интересы, решений со стороны властей.

Главная задача медиации состоит не в том, чтобы определить правого и виноватого в конфликте, а в том, чтобы привести стороны к взаимопониманию, консенсусу или даже к политическому компромиссу. Общественно-политическая медиация и диалог – важнейшие инструменты развития демократии и ненасильственного осуществления власти. В целях институционализации переговорных процедур, 27 июля 2010 года был принят Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», вступивший в силу с 1 января 2011 года. Однако в настоящее время диалоговая процедура медиации применяется в основном лишь для досудебного разрешения гражданских правоотношений, а в социально-политической сфере конфликтной интеракции и общественно-политической коммуникации государства и гражданского общества своего места она пока еще не нашла.

При всем сходстве диалога и переговоров, необходимо видеть существующие между ними различия. Переговоры отличает отчетливо выраженный процессуальный аспект: правила, порядок обсуждения и протокол, то есть предварительное соглашение участников о правилах ведения переговоров. Ведение политических переговоров, в отличие от других видов политического общения, в том числе от диалога, консультаций, споров и конфликтов, – это всегда «прерогатива профессиональных политиков и государственных деятелей, которые хотят убедить политических оппонентов в своей правоте и склонить их к своей позиции» [2, с. 12]. Важным отличием политических переговоров всегда было «соглашение о проведении взаимно выработанного политического изменения: управляемого, сознательного, волевого изменения предшествующего конфликтного политического состояния» [2, с. 12]. И в этом вопросе диалог современного гражданского общества и государства еще только приближается к такому переговорному процессу, где стороны, признавая свою взаимную субъектность, могли бы заключать между собой действенные соглашения об обоюдных действиях, направленных на преодоление внутриполитических проблем и социальных конфликтов.

Переговоры, в отличие от общественного (политического) диалога, как правило, не являются публичными, их цель – достижение компромиссного решения, даже несмотря на серьезность противостояния и разные позиции сторон. Непрямые переговоры могут и вовсе проходить с помощью посредников, когда непосредственные контакты заинтересованных сторон затруднены либо по политическим, либо по каким-то иным причинам. О конфиденциальных, а тем более о тайных переговорах обычно вообще ничего не сообщается в открытой печати. Иногда, чтобы избежать давления прессы и политических воздействий извне, переговоры ведутся кулуарно, «за закрытыми дверями» и даже в обстановке повышенной секретности. Вопрос о том, насколько политические переговоры должны быть публичными и открытыми, решается в каждом конкретном случае отдельно.

Переговоры могут привести к окончанию конфликта, но они редко меняют взаимоотношения. Диалог же по преимуществу нацелен на измене-

ние взаимоотношений. Переговоры означают наличие сторон, которые уже готовы к достижению соглашения. А в диалог могут вовлекаться стороны, которые еще не созрели к такому компромиссу. Диалог подразумевает конструктивность не только в способах представления своей идеи, но и способность слушать и слышать другую сторону. Результатом диалога, как и в процессе переговоров, также может быть достижение компромисса или какой-то конкретной договоренности. Но в диалоге может быть и другой исход, когда стороны, несмотря состоявшийся обмен мнениями, доводами и аргументами, все равно остаются при своем мнении, хотя при этом отношения субъектов не носят характера конфликтного политического противостояния или (информационной) войны. Можно сказать, что переговоры обязательно включают в себя диалог, то есть обмен мнениями. Но сам диалог – в том числе между государством и гражданским обществом – может включать в себя формализованные переговорные процедуры лишь только в определенных общественно-политических ситуациях.

Библиографический список

1. *Аллахвердова О.В.* Медиация – новая коммуникативная практика // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. IX. – № 4.

2. *Василенко И.А.* Политические переговоры: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп.

3. *Баталов Э.Я.* Место для дискуссий: демократическая гражданственность и общественный диалог // Независимая газета. – 2012. – 25 мая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2012-05-25/5_discussion.html.

4. Диалог: теоретические проблемы и методы исследования: сб. научно-аналитических обзоров / отв. ред. Н.А. Безменова. – М.,1991.

5. Диалог // Тришин В.Н. Словарь синонимов ASIS, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/37322/диалог.

6. Диалог // Политическая наука: словарь-справочник / сост. проф. пол. наук И.И. Санжаревский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/902/Диалог.

7. *Дубровина В.* Развитие социального партнерства и предпринимательства в условиях рыночной трансформации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cpoi.narod.ru/downloads/soc-partnerstvo-vera-dubrovina.doc.

8. *Ермакова О.П.* Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 2000.

9. *Касьянова Л.Ю.* Семантическая неологизация в русском языке конца XX – начала XXI века // Вестник ТГПУ. – 2006. – Вып. 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (филология).

10. *Лебедева М.М.* Политическое урегулирование конфликтов. – М., 1999.

11. От редколлегии // Цивилизации. Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций. – М., 2006.

12. Переговоры // Тришин В.Н. Словарь синонимов ASIS, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/115026/переговоры.

13. *Сергеев В.М.* Демократия как переговорный процессс. – М.: Московский общественный научный фонд, 1999.

УДК 32.001

Зайцев Александр Владимирович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
aleksandr-kostroma@mail.ru
Никовская Лариса Игоревна
Институт социологии РАН (г. Москва)
nikovsky@inbox.ru
Якимец Владимир Николаевич
Институт системного анализа РАН (г. Москва)
iakim@isa.ru

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ: СУБЪЕКТЫ И ИНСТИТУТЫ (по результатам социологического исследования)

В статье изложены результаты социологического исследования публичной политики в Костромской области, которое было проведено в мае 2012 года. Анализируется состояние субъектов, институтов и механизмов межсекторного взаимодействия региональной власти, бизнеса и НКО. Определяется ЯН-индекс и приведена оценка состояния публичной политики в сопоставлении с другими регионами, где ранее уже проводились аналогичные исследования. Определяется тип публичной политики и антирейтинг субъектов и институтов публичной политики.

Ключевые слова: *власть, бизнес, НКО, публичная политика, ЯН-индекс, субъекты, институты.*

Институт публичной политики выступает тем социально-политическим образованием, которое по своей природе призвано выступать условием и средством, позволяющим обществу формировать стратегическую «повестку дня», создавать внутренние стимулы и ценности творческого и инновационного развития, переводить возникающие в этом процессе конфликты и столкновения в позитивно-функциональное русло, превращая их тем самым в элемент социальной динамики.

Публичная политика во всем многообразии своего проявления представляет собой широкий круг процессов и явлений. Во-первых, она являет собой особое качество государственного управления, которое ориентируется на идеи *постбюрократической организации*, предполагающей отказ от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства, кооперации, перехода от «логики учреждения» к «логике обслуживания», к развитию нового государственного менеджмента, исключающего жесткие вертикальные формы «господства-подчинения» (на это были нацелены все административные реформы, проводившиеся в современном мире в последней четверти XX века). Во-вторых, активное гражданское участие в процедурах подготовки и принятия властных решений, а также разработка с общественным участием различного рода программ расширяет возможности для развития партнерства при решении острых социальных проблем. В-четвертых, в основе публичной политики лежит процесс многосторонней коммуникации разнообразных общественных групп, выстраиваемых большей частью симметрично, в диалоговом режиме. Политологические исследования, более или менее охватывающие сферу публичной политики, концентрируются преимущественно либо на общей теории политики, либо на политических технологиях, востребованных электоральной практикой. Редко встречаются исследования, посвященные методам формирования публичной политики, механизмам реализации публичной политики, учету интересов различных групп населения и т.п. Нами был разработан количественный инструмент исследования состояния публичной политики в регионах России [1–3], в ходе применения которого была выявлена типология ее реализации в регионах, особенности ее институциональных и субъектных срезов формирования [4–6].

Разработанный новый инструмент для количественной оценки и мониторинга состояния публичной политики в регионах России [1; 3] (далее ЯН-индекс) строился на основе показателей, характеризующих состояние субъектов публичной сферы и степень развитости институтов и механизмов публичной политики. ЯН-индекс – составной. Он состоит из двух частных индексов, а именно: *ЯН-индекса развитости субъектов публичной политики* (оценивает развитость субъектов публичной сферы – представительной власти, исполнительной власти, НКО-сектора, бизнеса, партий, профсоюзов и пр.) и *ЯН-индекса, характеризующего состояние институциональной инфраструктуры публичной политики* (характеризует степень открытости и демократичности ключевых институтов и процедур, касающихся систем и каналов участия граждан в публичной политике (выборы, верховенство закона, возможности ведения экономической деятельности, гражданский контроль и пр.)).

В целом задачи расширения рамок и качества социально-политического представительства интересов полноценно может осуществляться и функционировать только в публичной сфере. Публичная сфера – это сфера диалога, общения, коммуникации, это сфера договора с государством по об-

© Зайцев А.В., Никовская Л.И., Якимец В.Н., 2012

щезначимым вопросам. Как только атрибут публичности начинает исчезать или ощутимо «уменьшаться», сразу же на смену ему идут закрытость, коррумпированность, клановость и пр. Каналы влияния на органы государственной власти начинают монополизироваться сильнейшими группами давления, а гражданские институты оказываются не в состоянии донести свои интересы до власть имущих.

Можно сказать, что публичная сфера – это своеобразный «инновационный инкубатор» для современных социальных технологий, задача которых заключается в следующем:

– оптимизация механизмов взаимодействия государства, бизнеса и гражданского общества на основе межсекторного социального партнерства;

– преодоление с целью конструктивного реформирования «закостенелости» государственных институтов и их способов коммуникации с гражданами;

– подключение ресурса гражданских инициатив к формированию государственной политики и к общественному контролю за деятельностью власти.

Публичная сфера выполняет четыре важнейшие функции взаимодействия власти и общества в формировании политики, выражающей публичный интерес [7]:

– артикуляция общественных интересов;

– публичный контроль деятельности власти и состояния дел в обществе, в государстве, в экономике, в социокультурной сфере;

– влияние на формирование государственной политики;

– политическое просвещение граждан.

В результате обработки данных, полученных в ходе исследования в 24 регионах России, было выявлено **пять типов** публичной политики (далее – ПП) в регионах [8; 9]:

1. **Регионы с консолидированными низкими оценками –** там, где респонденты из 3 секторов **одинаково низко** оценивают состояние ПП (Республика Дагестан, Мурманская и Иркутская области, Республика Коми и др.).

2. **Центрированные регионы** – там, где **консолидированно была дана средняя оценка** (характерены для Ярославской, Нижегородской, Курской и Амурской областей, Алтайского края и др.).

3. **Регионы с разрывами оценок** – там, где оценки ПП респондентами из разных секторов характеризуется **значимым разрывом** (выявлен в Краснодарском крае, Республике Татарстан, Пензенской, Архангельской и Тюменской областях).

4. **Регионы с партнерскими отношениями между секторами** – там, где, по крайней мере, респонденты из двух секторов дали **консолидированно высокие оценки** состояния ПП (Новосибирская и Челябинская области, а также Республика Карелия).

5. **Регионы с неконсолидированными оценками ПП** – там, где между оценками респондентов из разных секторов **большие разрывы в зоне низких оценок** (Хабаровский и Пермский края, Томская и Волгоградская области).

ЯН-индекс использовался при проведении в мае 2012 года социологического исследования особенностей состояния ПП в Костромской области. В опросе участвовали представители трех секторов общества:

1) государственные и муниципальные служащие, депутаты, сотрудники законодательной и исполнительной власти области;

2) представители малого и среднего бизнеса: владельцы и наемные работники;

3) представители «третьего сектора», включая членов некоммерческих и общественных организаций[1].

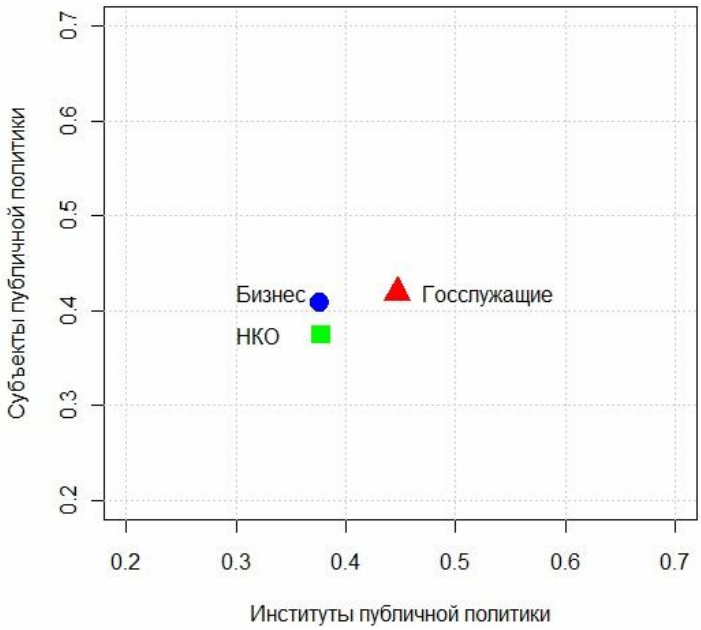

Рис. 1. ЯН-индекс, Костромская область, 2012 г.

Опросная анкета представляла собой набор из 22 вопросов, раскрывающих степень развитости субъектов и институтов ПП в регионе. При этом каждый из 22 вопросов характеризовал различные аспекты проявления публичной политики и публичной сферы в регионе, а также активных субъектов (акторов) этого процесса – партии, бизнес, НКО, региональную исполнительную и законодательную власть, местное самоуправление, профсоюзы и т.д. Респондентам из всех трех целевых групп необходимо было оценить по 10-балльной шкале каждый показатель. Так, респондентам было предложено оценить деятельность следующих институтов и механизмов ПП: 1) выборы; 2) механизмы освещения проблем в СМИ; 3) верховенство закона и институт суда; 4) терпимость к конфессиям и вероисповеданию; 5) институты защиты собственности; 6) механизмы противодействия коррупции; 7) институты образования; 8) система здравоохранения; 9) механизмы поддержки гражданских инициатив; 10) механизмы публичного контроля; 11) механизмы отстаивания общественных интересов; 12) деятельность института общественно-консультативныхструктур; 13) правила и условия для работы конструктивной оппозиции.

Соответствующим образом оценивалась и деятельность субъектов и акторов (участников) региональной ПП политики: 1) население; 2) представители малого и среднего бизнеса; 3) исполнительная власть; 4) законодательная власть; 5) местное самоуправление; 6) партии; 7) профсоюзы; 8) общественные и некоммерческие организации; 9) экспертные организации и СМИ.

Согласно результатам опроса, Костромская область попала в группу регионов с *консолидированно низкой оценкой состояния ПП.*

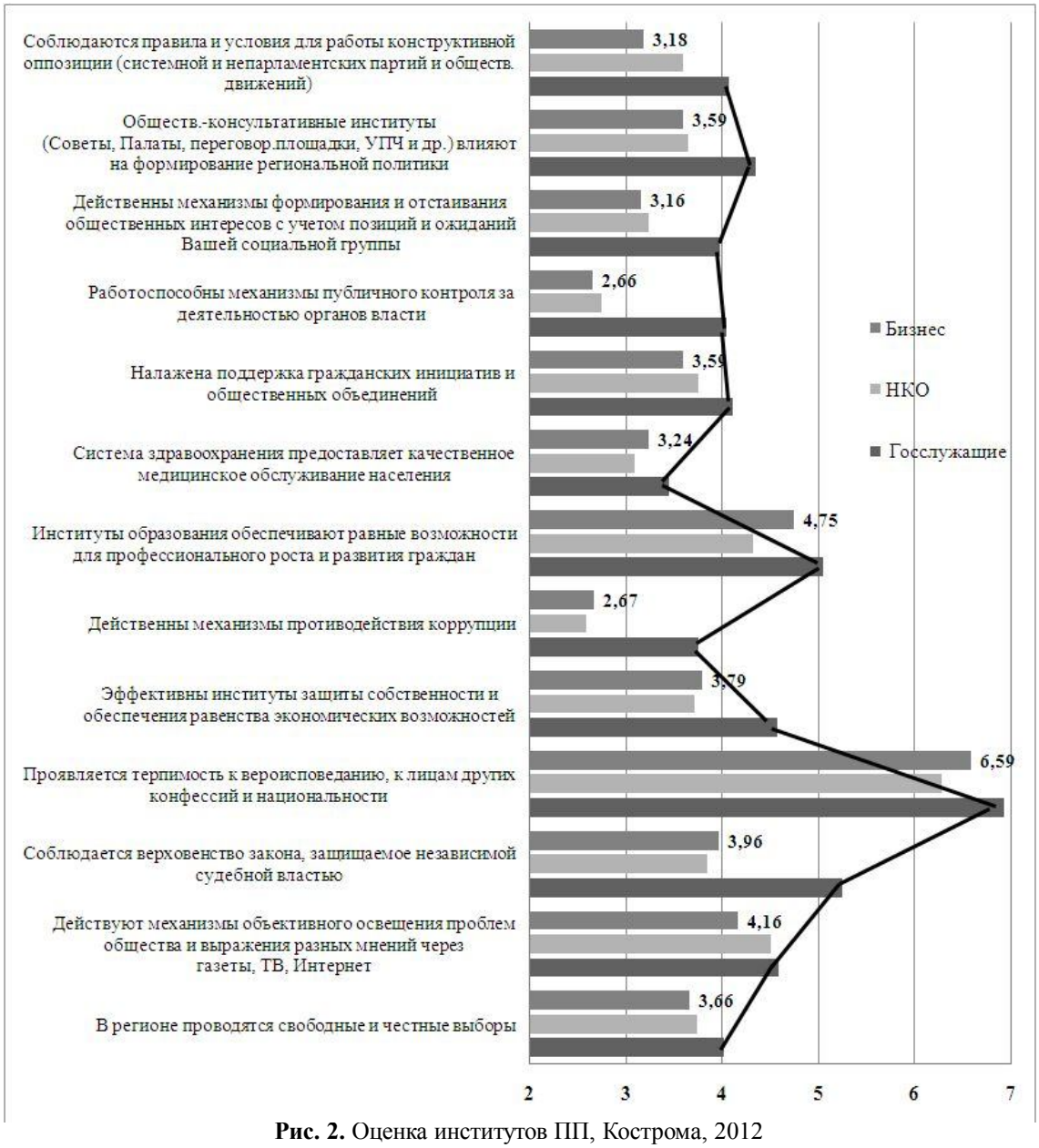

Рис. 2. Оценка институтов ПП, Кострома, 2012

Оценки, данные представителями всех трех секторов (власти, бизнеса и НКО) оказались весьма близки друг к другу (см. рис. 1). Это свидетельствует о том, что все значимые социальные группы регионального сообщества практически одинаково оценили состояние дел в публичной сфере – как неудовлетворительное. Следует отметить, что данное исследование проводилось в течение первой и второй декады мая 2012 года, почти сразу же после отставки губернатора И.Н. Слюняева, которая состоялась 13 апреля 2012 года. Кандидатура нового губернатора Костромской области – С.К. Ситникова – была утверждена 28 апреля 2012 года. Вследствие этого в оценках всех респондентов нашло отражение весьма негативное отношение к последствиям «ручного управления» областью в период довольно конфликтного руководства регионом со стороны прежнего губернатора.

После обработки анкет было проведено три экспертных сессии в виде фокус-групп (по одной с представителями власти, бизнеса, общественности), где были интерпретированы и уточнены полученные в ходе опроса результаты. Практически все эксперты подтвердили достоверность полученных результатов, прокомментировали и пояснили их региональную специфику.

Результаты оценки институтов ПП отражены на рисунке 2. Из него видно, что положительную оценку среди респондентов получил только один институт: терпимость к вероисповеданиям и лицам других конфессий и национальностей. Любопытно, что все оценки состояния институтов ПП со стороны представителей власти оказались более оптимистичны, чем со стороны второго (бизнеса) и третьего (некоммерческого) секторов. Так, довольно существенно разошлись мнения по поводу работоспособности механизмов публичного контроля за деятельностью власти, соблюдения принципов верховенства закона, борьбы с коррупцией. А вот по поводу наличия, а точнее – как это продемонстрировали результаты опроса – отсутствия в регионе честных выборов, все три сектора оказались чуть ли не единодушны.

Деятельность общественно-консультативных институтов (общественных палат, советов и других переговорных площадок), механизмы поддержки гражданских инициатив и, особенно, противодействия коррупции, а также действенности публичного контроля за деятельностью власти была оценена крайне низко. Чуть более высокую оценку получила активность местных СМИ по освещению социально значимых проблем региона и трансляции различных точек зрения на их разрешение. *Консолидированно низкой* оказалась оценка региональной системы здравоохранения. Правда, во время экспертных сессий представители всех трех секторов сообщили интервьюерам, что положение в здравоохранении, как и в ряде других сфер, характеризующих функционирование институтов ПП, при новом губернаторе стало заметно меняться

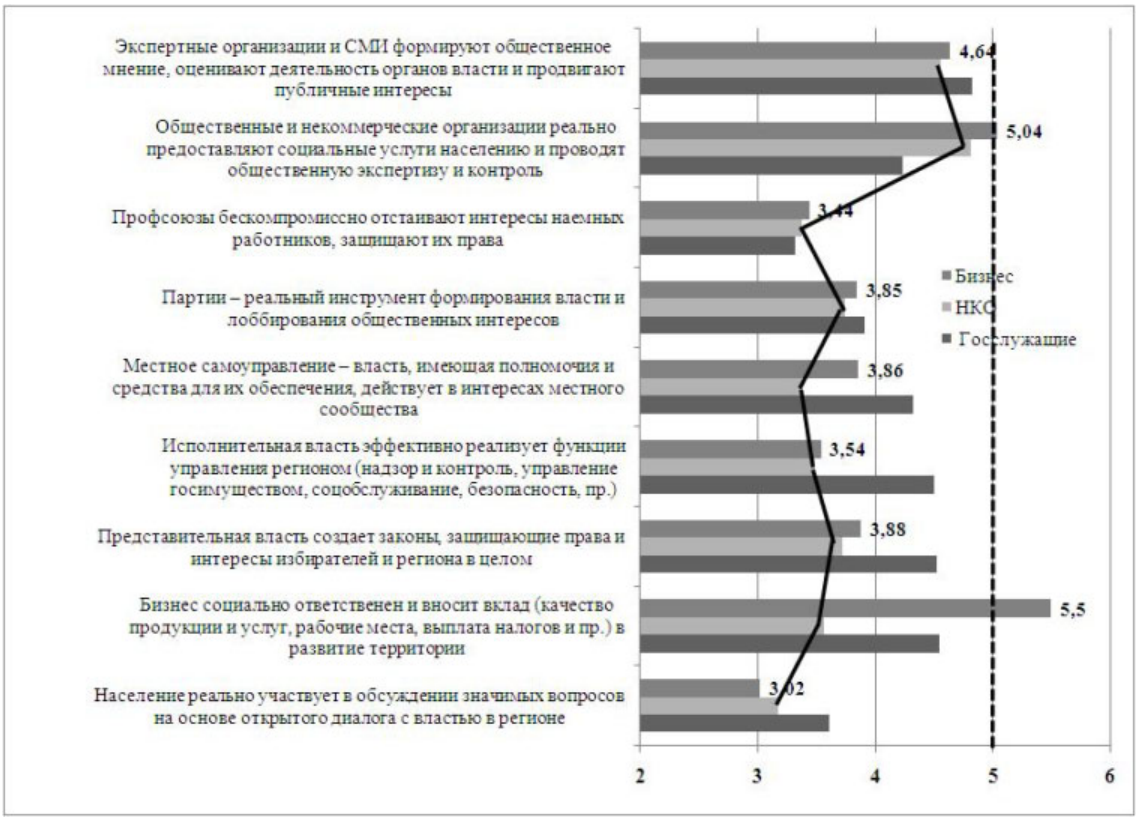

Рис. 3. Оценка субъектов и акторов ПП, Кострома, 2012

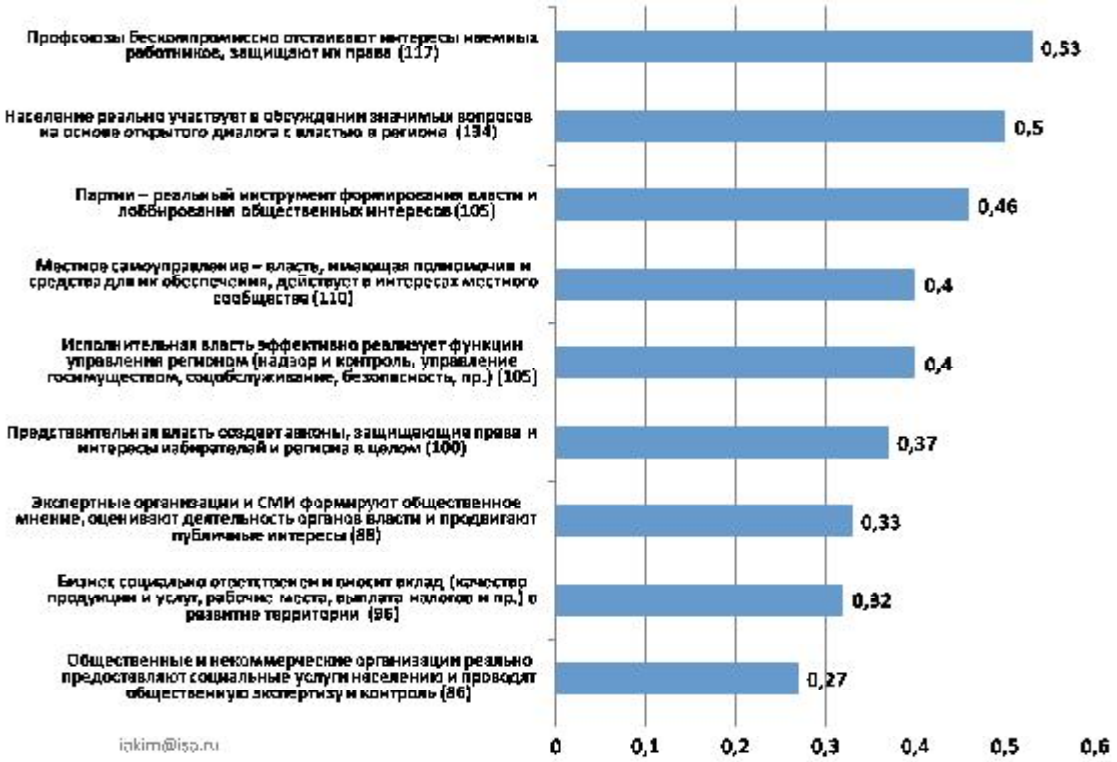

Рис. 4. Антирейтинг субъектов ПП в Костромской области

к лучшему. Однако о результатах только наметившегося позитивного тренда говорить рано. Реальные перемены в ПП – если они все-таки произойдут в области – можно будет зафиксировать в ходе повторного опроса весной 2013 г.

Среди субъектов ПП в области (см. рис. 3) лучше всего была оценена деятельность экспертных организаций и СМИ, а также некоммерческих и общественных объединений (около 5 баллов). Отметим, что это не самая высокая оценка из возможных 10 баллов. Своеобразной «региональной спецификой» ПП стала крайне низкая оценка реального участия населения в обсуждении значимых вопросов на основе открытого диалога с региональной и местной властью. Во время обсуждения данного факта на фокус-группе было выявлено, что такая проблема остро стояла при предыдущем губернаторе, который использовал командно-административные методы, на открытый диалог с бизнесом и институтами гражданского общества не шел, установил жесткий контроль над местными СМИ (даже предпринимал усилия по закрытию интернет-форума «Костромских джедаев»).

По итогам исследования по специальной методике [10] был составлен антирейтинг субъектов и институтов ПП Костромской области. Он рассчитывался с учетом числа респондентов, которые поставили тому или иному субъекту или институту ПП оценку ниже 5 баллов из 10 возможных. Лидером антирейтинга признавался тот институт или субъект ПП, который получал наибольшее количество низких оценок, что свидетельствовало о неудовлетворенности деятельностью данного института или субъекта со стороны большинства респондентов. Второе место принадлежало, соответственно, институту или субъекту ПП, деятельность которых оценивалась так же низко, но *меньшим* числом опрошенных, чем в первом случае, и т.д.

Лидером антирейтинга субъектов ПП в Костромской области оказались профсоюзы (см. рис. 4). Из 167 участников опроса 117 респондентов оценили этот субъект ПП крайне низко. Участники фокус-групп в этом отношении особо отметили, что речь идет не об отраслевых профсоюзах (образования, здравоохранения, культуры и т.д.), а об областной федерации профсоюзов. Там, судя по оценкам экспертов, к руководству пришла одна из местных бизнес-группировок, активно распродающая собственность, перешедшую к областной организации ФНПР еще от советских профсоюзов.

На втором месте в антирейтинге стоит население, которое, судя по результатам, практически не участвует в диалоге с региональной властью по социально значимым проблемам. Участники фокус-групп подтвердили факт пассивности населения, объяснив его сложившимися традициями, патерналистской политической культурой и нежеланием власти развивать активность членов общества. Кроме профсоюзов и населения лидируют в антирейтинге субъектов ПП политические партии, местное самоуправление, которое фактически контролируется областной исполнительной властью и не обладает реальными полномочиями даже в пределах своей компетенции. Столь же низкую

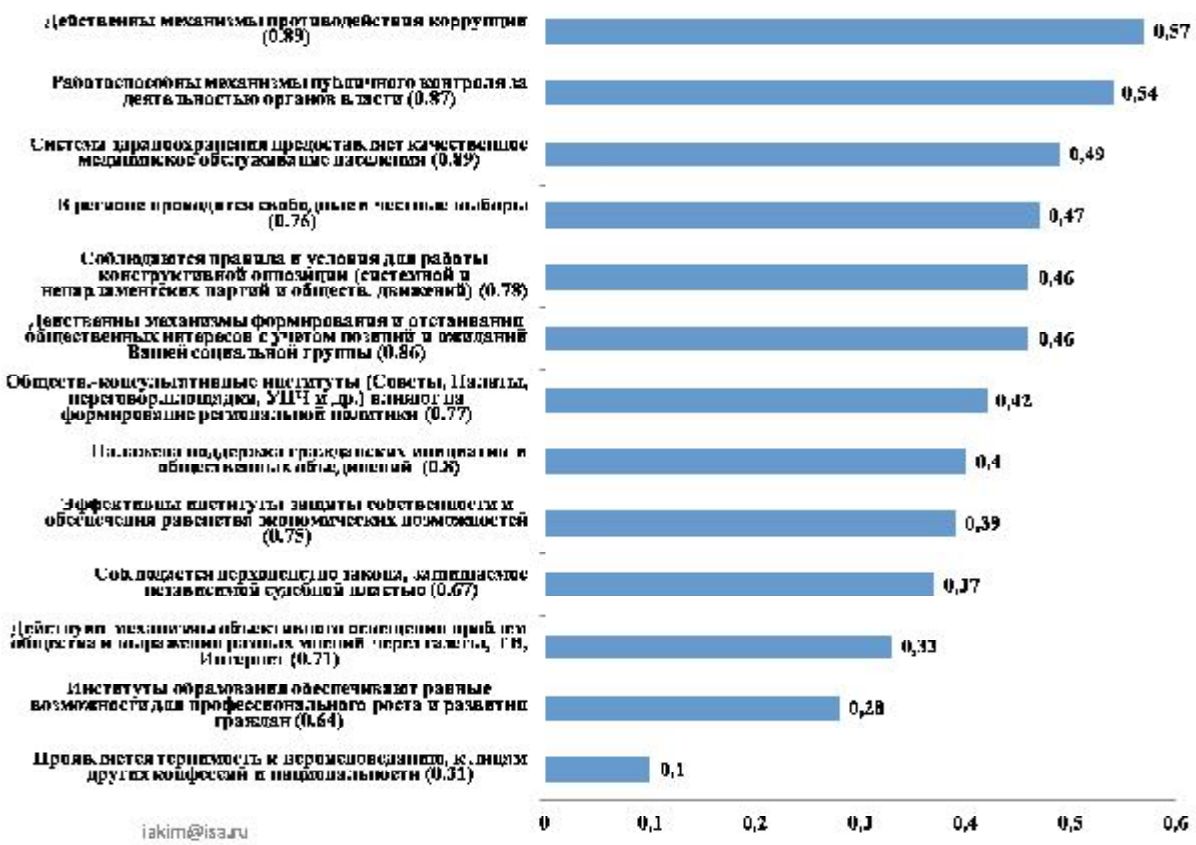

Рис. 5. Антирейтинг институтов ПП в Костромской области

оценку и аналогичное место в антирейтинге ПП получила и сама исполнительная власть региона. За ней следует представительная власть.

Подобным же образом рассчитывался антирейтинг институтов ПП Костромской области (см. рис. 5).

Лидером антирейтинга институтов и механизмов ПП стал региональный механизм противодействия коррупции. Дело в том, что борьба с коррупцией в Костромской области в основном ограничивается выявлением фактов мелкого взяточничества среди врачей, учителей и работников контрольно-правоохранительной сферы. Статистика внешне выглядит неплохо. Но реальные корни коррупции остаются не вскрыты, а настоящие коррупционеры – не наказаны.

Второе место в антирейтинге институтов и механизмов ПП занял механизм общественного контроля за деятельностью органов власти. Показательно, что представители областной исполнительной власти затруднились назвать конкретные формы осуществления такого контроля со стороны организаций и институтов гражданского общества. А представители НКО отметили реальное отсутствие *даже возможности* для такого контроля со стороны общества за функционированием власти.

В целом проведенное исследование состояния ПП в Костромской области подтвердило основную гипотезу нашего исследования, состоящую в том, что чем меньше развиты институты и субъекты публичной политики, тем больше степень социальной напряженности и конфликтности в регионе, недовольства эффективностью государственного и муниципального управления, тем хуже показатели социального взаимодействия с основными активными группами региона и, соответственно, использования их потенциала для решения социально значимых проблем регионального сообщества. При конструктивном выстраивании ПП граждане не только «сверху» должны воспринимать правильность принимаемых решений, но и быть подключены к поиску и реализации административных решений и иметь институциональные каналы для взаимного интенсивного обмена информацией, снятия напряжений и урегулирования конфликтных ситуаций. На рисунке 6 показано место Костромской области на фоне ряда других регионов РФ по уровню развитости и состоятельности институтов и механизмов ПП.

В условиях политической реформы, когда предложен пакет изменений основ функционирования политической системы, но выдвинуто предложение о формировании «стандартов открытости» в деятельности исполнительной власти регионов России[2], очень важной является такая функция публичной политики, как налаживание диалога между социально значимыми субъектами общественно-политического процесса: властью, бизнесом, гражданскими организациями и самим населением, ко-

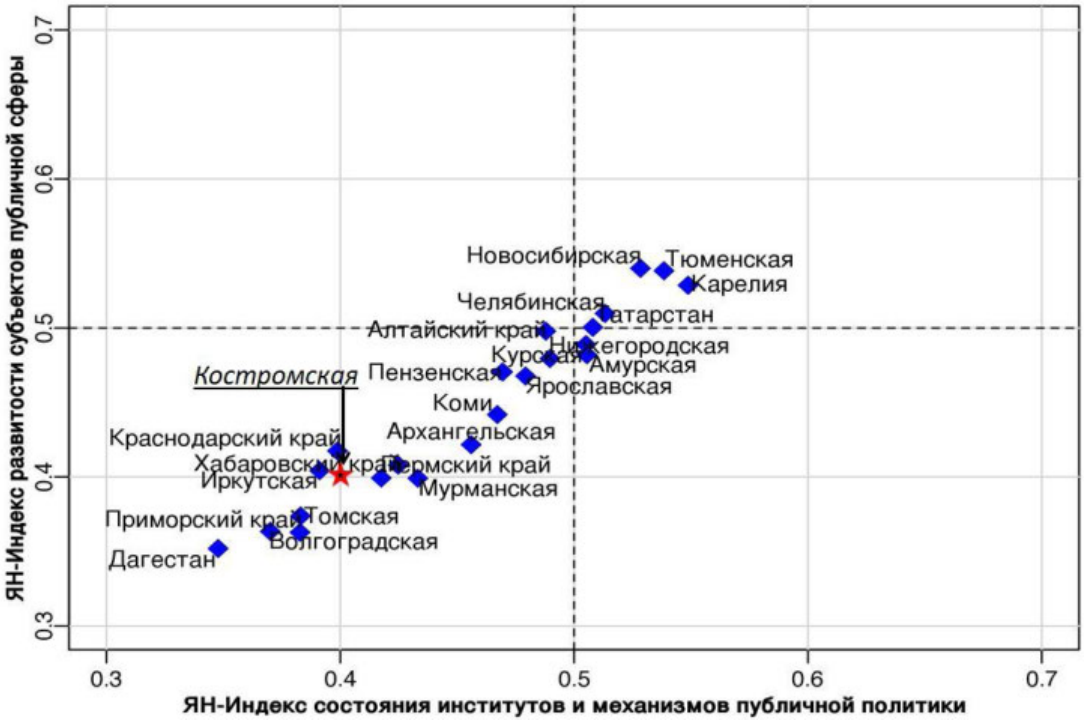

Рис. 6. Сводный ЯН-индекс состояния институтов и механизмов ПП

торое очень чувствительно реагирует на факторы снижения общественного благосостояния и невозможность донести до власти свою оценку по тем или иным социально значимым решениям. Расширение поля публичной политики может стать механизмом достижения общественного согласия среди различных активных групп общества и власти по формированию и принятию той «повестки дня», которая будет способствовать выходу общества из состояния социального напряжения и перехода к выстраиванию партнерства.

Получило подтверждение и то, что на характер и качество публичной политики в регионе существенное влияние оказывают региональные особенности социально-политических процессов, характер политико-государственного управления, сложившаяся политическая культура и реальная заинтересованность в развитии полноценного взаимодействия субъектов гражданского общества и власти, а также взаимная настроенность использовать обоюдный потенциал власти и гражданской и деловой инициативы. Представители всех трех секторов области оказались единодушны в негативной оценке результатов предыдущих процессов взаимодействия власти и гражданского общества, сложившихся в период работы предыдущего губернатора. А это значит, что они, в принципе, могут договориться друг с другом по поводу позитивной «повестки дня» в новых условиях, поскольку имеют весьма схожие представления о состоянии ПП в своей области, о тех проблемах и задачах, которые предстоит решать совместно. А от общего понимания проблемы до ее совместного разрешения – один шаг. Для реализации этой задачи в составе областной исполнительной власти 1 августа 2012 года было создано новое структурное подразделение – Управление по вопросам внутренней политики администрации Костромской области. И оно весьма заинтересованно отнеслось к потенциалу и ресурсам регионального гражданского общества, которое настроено на расширение рамок конструктивного диалога в пространстве публичной политики области.

Примечания

[1] После завершения процедуры опроса и выбраковки было оставлено для анализа 167 анкет. В том числе: 56 анкет от представителей государственной и муниципальной власти (из них 27 мужчин и 29 женщин; исполнительная власть – 23, представительная власть – 21, государственные и муниципальные служащие – 12); 55 анкет от бизнеса (из них 35 мужчин, 25 женщин; 31 – владельцы и совладельцы, 24 – наемные работники) и 56 анкет от НКО и общественных организаций (29 мужчин, 27 женщин).

[2] См.: Стенограмма первого заседания Правительственной комиссии по координации деятельности Открытого правительства 9 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://большоеправительство.рф/events/4526/

Библиографический список

1. *Якимец В.Н.* Индекс для оценки и мониторинга публичной политики в регионах России // Труды ИСА РАН. Т. 25 / под ред. А.П. Афанасьева. – М.: КомКнига, 2006. – С. 138–146.

2. *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Публичная политика в современной России: между корпоратив-

но-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Полития. – 2007. – №1. – С. 30–51.

3. *Якимец В.Н.* Индекс для оценки и мониторинга публичной политики // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт взаимодействия. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2008. – С. 107–121.

4. *Якимец В.Н.* Об изменении публичного диалога граждан, бизнеса и государства в условиях кризиса // Тезисы докладов Пятого Всероссийского конгресса политологов «Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы. 21 ноября 2009 года». – М., 2009.

5. *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Антикризисный потенциал публичной политики: введение в проблему оценки ее состояния в регионах России // Человек. Сообщество. Управление. – 2009. – № 3.

6. *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Особенности состояния публичной политики в регионах России: состояние и современные вызовы // Политэкс. – 2010. – № 1.

7. *Edwards A.* Scientific expertise and policy-making: the intermediary role of the public sphere // Science and Public Policy. – 1999. – Vol. 26. – June.

8. *Якимец В.Н.* Состояние гражданского общества и публичной политики в субъектах РФ: индексы, региональная специфика и межрегиональные сравнения // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2010. – № 4. – С. 101–113.

9. *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Публичная политика в регионах России // ПОЛИС: политические исследования. – 2011. – №1.

10. *Якимец В.Н.* Оценка состояния институтов и механизмов публичной политики в российских регионах // Политические институты в современном мире. – СПб.: ООО «Аллегро» / СПбГУ, 2010.

УДК 32.019.51

Швецова Наталья Анатольевна
Пермский институт ФСИН России
natashvetsova@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются особенности формирования политической культуры на современном этапе развития российского общества, основные черты его содержания и структуры. Сформулированы особенности методов формирования политической культуры в рамках гуманитарной парадигмы высшего образования.

Ключевые слова: *политическая культура, политическое сознание, политическое поведение, политические интересы, потребности, политическая деятельность.*

Актуальность изучения политической культуры российского общества обусловлена, прежде всего, ее трансформационным состояниям, потому что, как показали последние десятилетия XX века, в стране происходит переход к демократическим формам государственного устройства. Показателями, характеризующими уровень политической культуры в обществе, являются его политическая организация, формы и методы функционирования политических институтов, степень и способы участия граждан в политической жизни общества, накопленный социально-политический опыт, существующие политические традиции и обычаи, система политических идей, знаний и принципов политической деятельности.

Политическая культура – часть общей культуры, включающая исторический опыт, память о социальных и политических событиях, политические ценности, ориентации и навыки, непосредственно влияющие на политическое поведение. Политическая культура – структурно сложное образование, которое вбирает в себя политическое сознание, ценности, политические отношения, политические интересы, потребности, деятельность и поведение людей. Политическая культура – существующий в каждом обществе в конкретный период времени набор убеждений, символов и ценностей, связанных с политической системой. Политическая культура связана с уровнем и характером политических знаний, оценок и действий граждан, а также с содержанием социальных ценностей, традиций и норм, регулирующих политическое поведение [4, с. 422].

Политическая культура общества может быть проанализирована как по суммарным показателям уровней политических культур его членов-граждан, их социальных групп, слоев и классов, так и по показателям и структурным элементам, характеризующим общество как единый и неделимый организм. Точнее, в структуру политической культуры входят следующие элементы: знание политики, фактов, заинтересованность ими; оценка политических явлений; эмоциональная сторона политических позиций, например, чувство патриотизма, одобрение государственной политики или, наоборот, отчуждения от политики государства, признание в данном обществе норм политического поведения, которые определяют, как можно и следует вести себя в различных ситуациях.

© Швецова Н.А., 2012

Политическую культуру можно определить как исторически сформированную совокупность политических институтов, политических образцов и способов политического действия индивидуумов в общественных группах, достигнутый уровень политического сознания и сознательный потенциал политических интересов и потребностей. Важно иметь в виду, что политическая культура – это не изолированное явление данного государства, сообщества; а особая подсистема в области глобальной культуры, находящаяся в различных зависимостях с составными ее частями: экономической, правовой, моральной, управленческой, религиозной. Политическая культура – динамичный и одновременно достаточно инерционный феномен. Она развивается вместе со своими носителями. Политический опыт при передаче от поколения к поколению подвергается внешним воздействиям, которые либо укрепляют основы сложившейся политической культуры, либо видоизменяют ее. К таким воздействиям относят: динамику отношений в сфере производства и потребления, что ведет к перестройке социальной структуры, потребностей и интересов групп – обретению нового исторического опыта [3, с. 379].

Политическая культура связана с другими социальными институтами, с помощью которых происходит социальная адаптация к тем социальная ролям, которых человек должен придерживаться в своей деятельности в сфере производства, потребления и образования. Следует отметить, что политическая культура как в глобальном масштабе, так и в государственном, например, в России – это открытая система, которая ассимилирует стандарты восточной и европейской моделей политической деятельности. В связи с этим государству, власти, обществу приходится делать сложный выбор развития политической системы. Проблематичным также может быть соблюдение меры политической деятельности, которое зависит от менталитета. Политическое сознание включается в менталитет. В исследованиях выявлена многокачественность сущности русского национального менталитета, в соответствии с которой выделяются его следующие основные сущностные качества: парадоксальность ментальных проявлений, безмерность жизненного прорыва, стремление к абсолютным ценностям, созерцание сердцем, национальная стойкость, любовь к свободе, «мы»-психология, всечеловеческая толерантность [5, с. 272]. Многокачественность – структурная сложность, характерная не только для менталитета, но и для духовной жизни общества в целом. Она проявляется в уровнях, видах, формах духовной культуры. Обратим внимание на характерную особенность массового политического сознания – ориентацию на харизматического лидера, харизму, которая представляет особую актуальность для России как в истории её развития, так и в современном состоянии, поскольку проблема харизмы тесно соотносится с вопросами возможных социальных изменений и инноваций, создания новых институтов, а также проблемой поддержания социального порядка, придания ему значимости легитимности благодаря харизматичности. Феномен харизмы в политическом сознании проявляется как образ выдающейся личности, которой присуща определенная яркая духовная одаренность, оцениваемая окружающими людьми как необычайная или наделенная выдающимися природными и социальными качествами [6, с. 19]. Ее психологический источник – авторитет властителя и нередко авторитарность. Объективной основой и питательной почвой для харизматических процессов являются кризисы, войны, революции, то есть исторические переломы. Достаточно вспомнить мобилизующую силу харизмы в единении личности и масс в переломные эпохи – Сталина, Де Голля, Ф. Кастро и др.

Так, в политической культуре можно выделить уровень массовой политической культуры и элитарной. Массовая политическая культура проявляется в обыденном политическом сознании, для которой характерны фрагментарность, поверхностные представления о политике, бессистемность, стихийность формирования и проявлений. Однако массовому сознанию, в отличие от науки, трудно отделить харизму от ее имитаций, что открывает возможность манипулирования массовым сознанием в корыстных целях. Для научного политического сознания характерны критичность, доказательность, ориентация на достижение позитивных практических перемен.

Теоретическое политическое сознание проявляется в политических науках, доктринах, программах, реализующихся во внешней и внутренней политике государства. Оба уровня политического сознания взаимосвязаны, взаимопроникают. В этой связи возрастает роль системы образования в повышении уровня политического сознания и политической культуры российских граждан, в особенности специалистов в области политики, права, сферы управления, в которых повседневно требуется высокий уровень политической культуры специалистов в работе с людьми.

Политическая культура является не только результатом, но и единым, динамичным процессом созидания и освоения всех присущих данному политическому режиму политических ценностей, традиций и ориентаций. В этом смысле в политическую культуру можно включить также средства, методы, механизмы и результаты политической деятельности, а также политические отношения, складывающиеся в обществе. Динамичность политической культуры в российском обществе проступает в элементах демократизации политической системы, которые встраиваются в культуру, в модер-

низацию избирательной системы (повышение политической культуры митингов, становление процедуры предвыборных дебатов и т.п.).

Современная политическая культура имеет свой темп и динамику формирования, которые не совпадают с изменениями экономического и социального характера, хотя и испытывают их влияние. Противоречивость политической культуры постсоветского периода базируется на переплетении рациональных и иррациональных представлений, что детерминирует в свою очередь поддержание как активных, так и пассивных форм политического участия каждого члена общества. Тем самым политическая культура стремится объединить общество, обеспечить стабильность отношений субъектов политической власти и остального общества [2, с. 55].

Динамика социальных и политических процессов в России в настоящее время характеризуется заметным ростом заинтересованности граждан в процессах общественного бытия, политическом участии и взаимодействии с государственными и общественными структурами всей политической системы. В самом широком смысле «политическое участие» означает возможность и желание гражданина играть определенную роль в принятии политических решений.

Необходимо провести различие между «политическим участием» в данном значении, с одной стороны, и заинтересованностью, взаимодействием – с другой. «Заинтересованность» означает активную позицию, когда гражданин ощущает, что жизнь государства, политические решения и его частная жизнь взаимосвязаны и влияют друг на друга независимо от того, приводит это к осуществлению определенного права при принятии политических решений или нет. «Заинтересованность» и «участие» в полной мере реализуются во взаимодействии государственных институтов и граждан.

Без осуществления в политической жизни активной позиции граждан затруднительна реализация политико-правовых норм, заложенных в Конституции Российской Федерации, таких как правовое, демократическое, социальное государство, многопартийность, разделение власти и т.п.

Формирование социальной, политической активности личности – важнейшая ценностная ориентация современной гуманитарной парадигмы образования, нацеленной на осмысление человеком своего места в мире, на освоение базовых ценностей – труд, жизнь, мир, семья и др. – в противовес технократическому мышлению с его узкопрагматической ориентацией на человека-функцию [1].

Формирование политической культуры обучающихся – это целенаправленный процесс воспитания и обучения, включающий в себя освоение обучающимися государственного и личностного политического опыта, развитие соответствующего нормам современного демократического общества политического сознания и подготовку к адекватному политической реальности конвенциональному поведению; процесс становления личности как субъекта и объекта политических отношений.

Формирование политической культуры как социума в целом, так и индивида в частности происходит при активном влиянии макро- и микросферы посредством адаптации, коммуникации, социальной интеграции. Макросфера включает в себя политику, экономику, культуру, социальную среду. Семья, школа, ученические коллективы, вуз, ближайшее окружение составляют микросреду. Постоянное взаимодействие и взаимовлияние макросферы и микросферы формируют политическую культуру, под воздействием которой развивается личность.

Современная система образования должна давать достаточные комплексные знания обо всех видах общественных связей и отношений, в которые неизбежно вступает каждый человек: экономических, национальных, семейных, политических и др. Поскольку все эти отношения являются объектом социального регулирования, их невозможно изучить в отрыве от правовых и нравственных норм, которые порождены этими отношениями и направляют их в необходимое обществу русло.

Обучение и воспитание гражданина и человека – это не разные процессы, это единый процесс. Изучение политических, правовых и моральных норм ущербно, если оно не связано с реальной жизнью общества, с теми противоречивыми процессами, которые в ней протекают. Поэтому при изучении в школе и в вузе любого социального объекта (семья, производство, национальные отношения и т.п.) должны раскрываться все аспекты изучаемого: и объективные тенденции происходящего, и правовое регулирование, и нравственные нормы. Именно таким образом обучающийся будет введен в реальную жизнь общества и точнее, всесторонне осмыслит ту реальность, в которой он живет.

В этой связи наиболее актуален системный анализ реальной жизни во взаимной связи всех изучаемых дисциплин. В междисциплинарных парных связях гуманитарных дисциплин доминантой общей цели должна стать подготовка будущих специалистов к самостоятельному анализу реальной ситуации. Формирование навыка вариативного подхода, умения делать оптимальный выбор личностного поведения, формирование способности и готовности к социальной мобильности, конкурентности, закрепление устойчивых представлений о политических свободах и правах личности в трансформирующемся обществе, способности к активному участию в общественной и политической жизни страны, к укреплению и развитию ценностей демократии.

Все более востребована в образовательно-воспитательной деятельности идея толерантности, диалога, корректности, добрососедства в многонациональной среде, необходимость овладения навыками преодоления конфликтности среды, то есть качеств, неотъемлемых для политической культуры личности. Реализация этой многосложной идеи требует пристального внимания к вопросам политико-правового, морального взаимодействия и регулирования в образовательном пространстве.

Библиографический список

1. *Кукьян В.Н., Швецова Н.А.* Новые ценности образования в информационном обществе, противоречия их формирования // Вестник Челябинского университета. – 2011. – № 11. – С. 31–38.

2. *Новгородская Н.Е.* Политический менталитет как форма проявления политического сознания (философский анализ явления и его сущности) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2011. – №3. – С.54–62.

3. *Ольшанский Д.В.* Политико-психологический словарь. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга. 2002. – 576 с.

4. Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В.Г. Кузнецов. – М.: Инфра-М., 2004. – XVI, 731 с.

5. *Трофимов В.К.* Менталитет русской нации: учеб. пособие. – 2-е изд. – Ижевск: ИжГСХА, 2004. – 272 с.

6. *Швецова Н.А.* Феномен харизмы в общественном сознании: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Пермь, 2007. – 25 с.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.354:351/354

Савельев Олег Николаевич
Закрытое акционерное общество «ОКБ микроэлектроники» (г. Калуга)
sawelewOKBMEL@yandex.ru

ИННОВАЦИИ И ИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ (кейс-стади на примере ЗАО «ОКБ МЭЛ»)

В статье идет речь о применении метода кейс-стади в изучении социологического обеспечения инноваций; представлены результаты социологического обеспечения инноваций; рассмотрены инновационные процессы на конкретном предприятии.

Ключевые слова: *инновации, метод кейс-стади, социология инноваций, социология управления, социологическое обеспечение инноваций.*

Сегодня метод кейс-стади завоевал ведущие позиции и активно используется в зарубежной бизнес-практике, считаясь одним из эффективных способов решения типичных проблем. Одна из таких проблем, возникшая в процессе производственной деятельности ЗАО «ОКБ МЭЛ», и была проанализирована автором статьи совместно с группой ведущих специалистов данной компании с целью ее оценки и выбора лучшего варианта решения выхода из сложившейся ситуации.

Объектом исследования явился процесс внедрения автоматизации управления технологическими и трудовыми процессами на трех участках производства: разработка микроэлектронных изделий, сборка изделий собственной разработки, отдел сбыта и снабжения. Анализ каждого из них велся, во-первых, во взаимодействии технологических и социальных вариантов решений, во-вторых, в социокультурном контексте предприятия как целого. Предметом исследования было взаимодействие этих элементов в процессе перехода от исходного состояния к новому. Основную исследовательскую проблему данного нововведения составляли различия между технико-технологической рациональностью предлагаемых проектировщиками решений, с одной стороны, и социальной ценностью различных параметров содержания и условий труда – с другой. Решение поставленной проблемы виделось как поиск взаимных форм адаптации автоматизированной системы и работников. Концепция взаимоадаптации [5, с. 330–334] и легла в основу механизма перевода социотехнической подсистемы коллектива от исходного состояния в желаемое.

Рассмотрим ситуацию на примере сборщиков изделий электронной техники (микросхем). Это наиболее квалифицированная часть рабочих предприятий электронной промышленности. Но в коллективе особенно ценится их опыт, накапливаемый годами. Качество сборки изделий микроэлектроники на таких операциях, как приклейка платы, контактная сварка выводов, герметизация корпуса, задается сборщиком микросхем, ориентирующимся по увеличенному изображению изделия на экране компьютера или в объективе микроскопа, и определяется профессиональными качествами и интуицией конкретного работника.

С социологической точки зрения отсюда вытекает одно очень важное следствие: индивидуализация технологического процесса, то есть высокая зависимость эффективности и качества последнего от личных свойств сборщика (ибо опыт, способности, интуиция неповторимы, своеобразны). Подобное «авторство» процесса дает большие возможности для самоутверждения работника, реализации его личностного потенциала, ощущения им собственной роли на производстве.

Но с технологической точки зрения это означает сравнительно широкое «право на ошибку», то есть высокие допуски на брак. Ведь если возникает отклонение, например, в давлении инертного газа (азота) во время герметизации, сборщик склонен значительно усилить подачу газа и некоторое время держать давление «с запасом», чтобы исключить попадание влаги под корпус, то есть подольше стабилизировать процесс. Неизбежные при этом усиленный обдув подкорпусного пространства, платы с микроэлементами и перерасход сырья (газа) рассматриваются как естественная убыль.

Основной производственной задачей автоматизированной системы было преодоление неопределенности процесса сборки. Это должно было достигаться посредством охвата большего числа параметров процесса и точек контроля, а также более точного и избирательного воздействия на них. Специалистами службы измерительной техники совместно с отделом информационных технологий была установлена электронно-вычислительная машина с достаточным для данной задачи быстродействием; она была снабжена примерно десятью датчиками, регистрирующими состояние процесса (температуру в зоне герметизации, величину давления газа, расход газа, температуру отходящих газов и прочее). К центральному пульту подсистемы были также подключены те же регуляторы, которые использовались ранее. На центральном пуль-

© Савельев О.Н., 2012

те наладчика-оператора контроль процессов сборки и герметизации стал осуществляться автоматически. Если раньше он фиксировал отклонение в процессе, а затем решал, в какой мере добавить газа и усилить поддув, то теперь в ряде случаев изменение параметров, например давления или температуры, сразу вызывает включение или ограничение подачи инертного газа в рабочую зону. Иначе говоря, сборщик поделил выполнение своих функций с автоматикой.

Гораздо сложнее оказалась проблема другого деления функций: между двенадцатью сборщиками микросхем и шестью наладчиками-операторами. Ведь появление системы означало одновременно и появление новой социальной группы – наладчиков-операторов, обслуживающих центральный пульт. Возникла ситуация межгруппового отношения [3, с. 203–210]. Новая социальная ситуация оказалась конфликтной по самой своей сущности.

Методом фокус-группы была рассмотрена сложившаяся ситуация. В деловой встрече принимали участие шесть человек: автор статьи – координатор, исполнительный директор предприятия, технический директор, главный технолог, начальник производственного комплекса и заместитель начальника производственного комплекса. В процессе обсуждения было рассмотрено, в чем заключается конфликт.

В основе данного социального конфликта лежит важное техническое различие: новая система ведет процесс стабильнее сборщика, она сокращает период существенных отклонений в процессе герметизации микросхем на 10–20%. Зато сборщик лучше справляется с управлением в случаях существенных или аварийных отклонений. Но кто будет решать – когда следует подключать систему, а когда сборщику брать управление на себя? Наладчики-операторы и сборщики микросхем по-разному оценивают необходимый объем своего участия в контроле над процессом: они склонны преуменьшать значение друг друга.

Существенно снизилась степень технологической включенности сборщика. Кроме того, в социальных условиях труда сборщика появился новый фактор: усиление внешнего контроля за его служебным поведением. Во-первых, на центральном пульте точно фиксировалось время, на которое сборщики переключали процесс на автоматический режим. Администрация поощряла широкое использование автоматики. Во-вторых, регистрационная документация объективно и вполне наглядно стала демонстрировать качество и эффективность ведения ими процесса. В-третьих, в ситуации известной конкуренции с наладчиками-операторами «за контролем над установкой герметизации» сборщики оказались объектом придирчивого внимания своих партнеров. Усиление внешнего контроля стало фактором неудовлетворенности у всех сборщиков, которые в сложившейся ситуации поменяли свой статус. Стали появляться некоторые формы уклонения от внешнего контроля (сокрытие документации, искажение отчетности, даже поломка датчиков). Наконец, снизилась индивидуализация технологического процесса; он по изложенным выше причинам стал относительно более безразличным, что также повлияло на снижение самооценки сборщиков.

Столкнувшись с непредвиденным конфликтом, явным и скрытым сопротивлением сборщиков микросхем, участники фокус-группы приняли решение «запараллелить» обе системы управления: старую и новую, предоставив наладчикам-операторам, обслуживающим центральный пульт, и сборщикам микросхем на производственных участках делить время работы и функции между собой. Социологический анализ сложившейся ситуации, как уже говорилось, исходил из необходимости взаимоадаптации вводимого новшества и социальной организации коллектива. Посредством участвующего наблюдения, создания межпрофессионального диалога с помощью переговорщиков со стороны администрации и работников при участии медиатора [4, с. 6–15] удалось найти точку компромисса. Период существенных отклонений в технологическом процессе удалось сократить, но не исключить. Осталась неформализуемая часть этого периода, то есть такие отклонения, снятие которых пока не поддается алгоритмированию (например, попадание влаги в рабочую зону, сбои в работе оборудования, аварии и т.п.).

Выяснилось, что в ситуациях существенных отклонений в процессе сборщики микросхем, наделенные опытом и интуицией, оставались незаменимыми. Было сочтено социально целесообразным и технологически возможным реконструировать автоматизированную систему управления технологическим процессом таким образом, чтобы и подсистему «Герметизация» в порядке исключения выдвинуть (и физически, и управленчески) прямо в производственный комплекс, на участок герметизации. Центральный пульт системы освободили от контроля за работой установки герметизации, оставив за ним сугубо учетные функции по отношению к участку герметизации. Сборщик микросхем совместил в себе обе позиции: свою и наладчика-оператора, что нашло отражение в его трудовом договоре и должностной инструкции. Таким образом, параллельное управление герметизацией и вызванное этим противоречивое межгрупповое отношение были прекращены. В результате статус сборщика по объективным причинам возрос, ибо существенно повысилась его квалификация (прошел переподготовку), он стал представителем категории так называемых рабочих высококвалифицированного труда 6 разряда [2, с. 46–48], руководители предприятия теперь наделяют его еще большим признанием, считая сверхспециалистом в своем деле.

Автоматика по типу автопилота рекомендуется сборщику как новый технический инструмент, автоматизированный помощник. Снимаются внешний контроль и поощрения за подключение автоматики. Единственный критерий оценки его работы – количество и качество производимой за смену и сдаваемой в отдел сбыта и снабжения на реализацию продукции. Сборщик сам убеждается, что, полагаясь на систему, он освобождает время для анализа ситуации, улучшает показатели оценки своего труда. При необходимости же снятия или предупреждения существенных отклонений он полностью включается в контроль.

О чем говорит анализ данного нововведения? В разрешении противоречий в отношениях «человек – новая техника» необходимо придерживаться позиции взаимоадаптации обеих составляющих процесса нововведения. Но еще на стадии разработки и проектирования новшества задачи социологического обеспечения должны решаться с упреждением вероятных проблем, а не путем их запоздалого преодоления [1, с. 112]. Благодаря социологическому обеспечению процесса внедрения автоматизации управления технологическими и трудовыми процессами на производственном предприятии удалось добиться эффективности и своевременно преодолеть возникшие трудности, что привело к положительному итогу внедрения нововведения. Здесь был продемонстрирован опыт решения социотехнических задач на конкретном примере, хотя используемые здесь подходы и принципы имеют и более широкое значение.

Библиографический список

1. *Зайцев А.К.* Социальный конфликт. Изд. 2-е. – М.: Academia, 2001. – 464 с.

2. Инновационная деятельность и инвестиционная привлекательность предприятия: сб. статей Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2004. – 204 с.

3. *Кучко Е.Е.* Инноватика: проблемы определения и теории // Свободная мысль. – 2008. – № 6. – С. 203–210.

4. *Марченко Г.Н., Михайлов С.Н.* Инновационная и инвестиционная деятельность предприятия как фактор его развития. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2005. – 88 с.

5. Материалы конференции «Инновационные процессы в области образования, науки и производства»: в 2 т. Т. 2 / под ред. д.т.н., проф. В.И. Елизарова, В.П. Баранова, М.А. Закирова. – Казань: Учреждение-редакция «Бутлеровские сообщения», 2004. – 363с.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1 (470+571) (076.6)

Белкина Тамара Леонидовна
кандидат философских наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Янцевич Инна Александровна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В статье показано, что интеллигенция Костромской губернии, как и интеллигенция России в целом, разделялась по своим взглядам на разные направления, но при этом она была озабочена судьбами простого народа, что проявлялось в ее практической деятельности.

Ключевые слова: *интеллигенция, славянофилы, западники, народники, реформы, революция.*

Проблемы русской культуры и её места в мировом культурно-историческом процессе занимали умы многих представителей интеллигенции. По своим взглядам интеллигенция делилась на консервативную, либеральную, леворадикальную. Среди интеллигенции были люди, исповедовавшие западничество, славянофильство, народничество, реализм, марксизм и др. В 1909 году вышел в свет сборник статей о русской интеллигенции под символическим названием «Вехи» [1]. Авторы статей (Н.А. Бердяев, С.Н.Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.А. Франк) рассматривали русскую интеллигенцию как своеобразное явление, отличное от Запада, существующее как духовно-социальное образование лишь в России.

Авторы «Вех» придают понятию «интеллигенция» узкий, социально-нравственный смысл [2, с. 122]. Веховцы при определении понятия «интеллигенция» не принимали во внимание тот или иной способ деятельности человека, ставя на первое место лишь идею. Самое главное, по их мнению, для русской интеллигенции – приверженность нравственным идеалам.

Представители социологического подхода к пониманию феномена интеллигенции на первый план выдвигали две её основные черты: образование и квалифицированный умственный труд. П.Д. Боборыкин, один из оппонентов «Вех», определял её как образованную и развитую часть общества. Дискуссия о путях развития российского государства привела к оформлению двух основных направлений в русской общественной мысли XIX века – славянофильства и западничества.

Важность обращения сегодня к славянофильским идеям выразил автор статьи под названием «Ревизия славянофильства», которая размещена на образовательном портале «Slovo». Он считает, что наша сегодняшняя задача, сохранив высокий духовный порыв, пафос славянофильской мысли, в то же время поставить её «на ноги», соотнести её выводы с опытом отечественной истории последних полутора столетий, выявить, где она работает, а где нет [3].

Западничество – направление в общественной мысли России середины XIX века, связывавшее культурно-историческое развитие России с усвоением западноевропейского опыта.

Славянофильство – направление в общественной и философской мысли России середины XIX века, делающее ставку на самобытные начала русского народа, его культуры, считающее неприемлемым для России опыт развития Западной Европы. Славянофилы не отрекались от западной культуры. Более того, основоположники этого направления были людьми европейски образованными, глубоко знавшими мировую и европейскую философию и культуру. Славянофильская линия в отечественной философии представлена творчеством А.С. Хомякова (1804–1860), И.В. Киреевского (1806–1856), К.С. Аксакова (1817–1860), Ю.Ф. Самарина (1819–1876). К «поздним славянофилам» принадлежат Н.Я. Данилевский (1822–1885), К.Н. Леонтьев (1831–1891), Ф.И. Тютчев (1803–1873).

Сторонники славянофильства сходились в том, что России предстоит заложить основы нового общеевропейского просвещения, опирающегося на подлинно христианские начала. Только православию, по их мнению, присуща свободная стихия духа, устремлённость к творчеству, оно лишено того рационализма, который свойственен западноевропейскому обществу с господством материальных интересов над духовными. Они идеализировали прошлое России и русский национальный характер. По их мнению, Россия призвана оздоровить Западную Европу духом православия и общественных идеалов.

Неустанный поиск путей к лучшему устроению мира, к восстановлению цельности человеческой жизни, забота об Отечестве и народе как члене общечеловеческой семьи народов – далеко не полный перечень тех задач, над разрешением которых тру-

© Белкина Т.Л., Янцевич И.А., 2012

дился русский философский гений в лице славянофилов. Наследие славянофилов не пропало, но, усвоенное в явной или неявной форме, оно продолжает жить, питая собой новые духовные поиски [4].

На позициях славянофилов стоял ряд мыслителей Костромской губернии.

Ф.Ф. Аристов (1888–1932) – литературовед из Варнавинского уезда, автор серии очерков «Библиотека карпато-русских писателей» Главная цель его труда – «восполнить пробел в науке путем ознакомления образованного общества с жизнью и деятельностью выдающихся писателей общерусского направления Галицкой, Буковинской и Угорской Руси». В 1907 году он основал Карпато-русский музей, просуществовавший до 1917 года.

В.А. Кокорев (1817–1889) – публицист, капиталист, уроженец города Солигалича. Анализируя экономические неудачи России в книге «Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 года», В.А. Кокорев дает оценку экономическим событиям за полвека, где доказывает, что они являются, как правило, результатом слепого копирования зарубежного опыта.

А.А. Потехин (1829–1908) – писатель, драматург, театральный деятель, дворянин из Кинешемского уезда, в цикле театральных драм, романов, а также в повестях отстаивал патриархальные устои, сохранявшие верность православно-христианским нравственным традициям.

В.В. Розанов (1856–1919) – писатель, мыслитель, публицист и литературный критик. Родился в городе Ветлуге. Все написанные им книги и статьи проникнуты мыслью о судьбе России. Розанов утверждал, что русский народ более чем цивилизован, он – культурен, ибо за его плечами более чем тысячелетняя духовная культура: «Русский народ и при безграмотности или малой грамотности есть уже культура, ибо культура – не в книжках, а в башке. Культура – в совести, душе, правде, Боге» [5].

Ф.В. Чижов (1811–1877) – предприниматель, мыслитель, писатель, общественный деятель. Один из разработчиков учения славянофилов, принял непосредственное участие в выработке славянофильского идеала будущего устройства Российского государства и отстаивал его в спорах с западниками на страницах книг и периодических печатных органов, пытался повлиять на принятие государственных решений в записках на имя царя. В печати он выступал с протекционистских позиций укрепления отечественной промышленности и последовательно подтверждал эти принципы собственной предпринимательской деятельностью. Славянофильский идеал «свободы земской жизни» он распространил на область свободного частного предпринимательства. Ф.В. Чижов рассматривал славянофильство как систему взглядов, призванную практически решать стоящие перед Россией проблемы, в течение всей жизни он был поглощен перспективами приложения достижений научной и технической мысли к нуждам родины.

Важно отметить, что провинция обладает важнейшей функцией: она носитель традиционности, что дает возможность сохранить в культуре национальное единство. Провинция – это мир человеческой повседневности. Прекрасно сказал о месте и роли провинции в нашей жизни академик Д.С. Лихачёв. Он считал, что именно провинция сохранила и продолжает сохранять национальный характер России, национальный уклад не только русских, но и всех народов, живущих в добрососедстве в России.

Ярким выразителем идей славянофилов был Нил Петрович Колюпанов (1827–1894) – историк, публицист и видный общественный деятель Ветлужского уезда, который занимался вопросами земского и городского самоуправления и начального народного образования. Значительным его трудом по истории славянофилов является «Очерк философской системы славянофилов», опубликованный в серии выпусков литературно-политического и научного журнала «Русское обозрение» за 1894 год [6]. В работе проанализированы положения теорий И.В. Киреевского, А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина, К.Д. Кавелина, К.С. Аксакова и дана трактовка ряда философских категорий.

Автор очерка подчеркивает важность философии славянофилов в развитии человечества. «Под философией славянофилы разумели не только одно теоретическое познание, так сказать школьную философию, но философию, как она понималась на первых порах, по этимологическому своему значению, как любовь к мудрости, любомудрие (этот термин сознательно употреблялся славянофилами), как науку жизни» [7]. Он подвергает критическому анализу отношение славянофилов к религии. «Философия не есть одна из наук и не есть вера. Она – общий итог и общее основание всех наук и проводник мысли между ними и верою. Философия есть не что иное, как переходное движение человеческого разума из области веры в многообразное приложение к жизни бытовой. <…> В религии славянофилы видели возможность выхода из неустойчивого, неопределенного, переходного состояния, в котором очутилась современная цивилизация, в особенности на Западе, вследствие распространившегося безверия» [8, с. 8]. Нил Петрович анализирует отношение славянофилов к идеализму (Гегель), и к материализму. Автор пишет: «Самарин предвидел в будущем огромную пользу от строго последовательного материализма. Он призван покончить со всеми попытками – на чем-нибудь утвердить идею нравственности (понятие долга, чувство человеческого достоинства) вне православия (разумея под этим не одну доктрину, но церковь как живой организм)» [8, с. 14].

Н.П. Колюпанов в очерке затрагивает тему духовного просвещения, основываясь на взглядах

Киреевского. «Характер просвещения, говорит Киреевский, стремящегося к внутренней, духовной целостности, тем отличается от просвещения логического, или чувственно-опытного, что последнее, не имея существенного отношения к нравственному настроению человека, не возвышается и не упадает от его внутренней высоты или низости, но, быв однажды приобретено, остается навсегда собственностью человека, независимо от настроения его духа» [9, с. 63].

Обращаясь к учению о нравственности, Нил Петрович подчеркивает, что отличительная черта нравственного учения славянофилов проистекала из применения к жизни догмы христианского учения, и отмечает, что значение нравственности выражено у К.С. Аксакова: всякая умственная, всякая духовная деятельность тесно соединены с нравственным вопросом. В своем очерке он приводит полемику Ю.Ф. Самарина и К.Д. Кавелина о взглядах славянофилов на нравственность. «Кавелин так формирует свою теорию нравственности: нравственность, не в смысле свода нравственных правил, а в смысле нравственного стремления, не нуждается в предпосылке религиозного свойства и может быть открыта, определена и формулирована, как обязательный для индивидуального человека закон или факт, путем положительного знания. <…> Самарин выступает против Кавелина с твердою верой в непоколебимость и исключительность религиозных оснований нравственности» [9, с. 64–66].

Одним из концептуальных положений философии славянофильства является понятие свободы. «Свобода есть могущество, и истинная цель есть победа и власть над миром внешности. <…> Но для настоящей, полной свободы человек должен иметь власть не только над природой внешнего мира, но и над своей собственной, а эту внутреннюю власть не может дать, то знание, которым ограничивается эмпиризм» [10, с. 21].

Подводя итоги анализа философии славянофилов, Колюпанов отмечает: «Цель истинной философии – содействовать в своей сфере, то есть в сфере знания, перемещению центра человеческого бытия из его данной природы в абсолютный трансцендентный мир, другими словами – внутреннему соединению его с истинно сущим». Подчеркивая их заслуги он отмечает, что «у них мысль не отделялась, а совершенно сливалась с делом, и верность раз принятым нравственными убеждениям, – что служило критерием для оценки внутреннего достоинства человека» [10, с. 22].

Западники, наоборот, хотели, чтобы Россия усвоила европейские науку и просвещение. Они мало интересовались религией, не видели достоинств в православии и отмечали недостатки русской церкви. Что касается социальных проблем, одни из них более всего ценили политическую свободу, а другие являлись сторонниками социализма в той или другой форме. Сторонники западничества предпочитали говорить о себе как о противниках славянофилов. Западничество – течение неоднородное, претерпевшее в своем развитии существенную эволюцию. Позднейшие его представители отличались склонностью к материализму. В самостоятельную социально-философскую концепцию западничество сформировалось в 40-е годы XIX века. Впервые западники заявили о себе в 1841 году: в журнале «Отечественные записки» были опубликованы две статьи В.Г. Белинского (1811–1848), ныне известные под общим названием «Россия до Петра Великого». В.Г. Белинский стал признанным вождем западников. Все движение объединялось вокруг руководимых им журналов «Отечественные записки» и «Современник». К западничеству относились А.И. Герцен, В.П. Боткин, Е.Ф. Корш, Н.В. Станкевич и Т.Н. Грановский. Западники были сторонниками конституционной монархии и свободы предпринимательства.

Анализируя дискуссию по принципиальным мировоззренческим проблемам между славянофилами и западниками, следует отметить, что речь шла о соотношении общечеловеческого и национального в историческом процессе. Общим для западников и славянофилов было то, что оба направления выступали за реформы – отмену крепостного права, ограничение царизма, прогрессивные преобразования. Однако есть и различия. Если западники подчеркивали первенство общечеловеческого начала, то славянофилы склонялись к преувеличению роли национального фактора в истории. Важным отличием было и отношение к духовным традициям православия.

Рассматривая общественно-политические течения, последователями которых являлась российская интеллигенция второй половины XIX века, необходимо сказать о «шестидесятниках», которые своим особым поведением и образом жизни определяют «колорит» первого пореформенного десятилетия. Формирование их мировоззрения осуществлялось под воздействием публицистических журналов «Современник» и «Русское слово». Наиболее известными литературными критиками и публицистами того времени были Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов и Д.И. Писарев. Именно они определяли умонастроение широких слоев русской интеллигенции в 60-е годы, с ними была связана история русского «реализма». Характерными чертами реализма была опора на науку и научные методы, важность знаний и действий, которые способны принести реальную пользу людям.

Одним из представителей «шестидесятников» был Святослав Федорович Лугинин (1837–1866). В русском биографическом словаре отмечается, что Святослав Федорович был предводителем дворянства Ветлужского уезда Костромской губернии, мировым посредником, основателем Ветлужского

статистического общества, первого из местных обществ такого характера в России, содействовал собиранию и разработке статистических сведений. Также «учредил в своем имении, селе Рождественском, ссудную кассу для крестьян, о чем упоминалось, как единственном примере, в отчете министра финансов, и, продолжая заботиться о двух школах в имении отца, уговорил крестьян нескольких волостей открыть новые школы и снабжал их книгами, подготовил карту Ветлужского уезда» [11].

А.В. Меркулов в книге «Братья Лугинины, пионеры кредитной кооперации и первый кредитный кооператив в России» (1918) излагает взгляды С.Ф. Лугинина, относя его к «шестидесятникам» дворянско-земской интеллигенции либеральных кругов. Автор отмечает ироничное отношение С.Ф. Лугинина к радикальному лагерю русской интеллигенции и противопоставляет его взгляды и предпочтения взглядам его брата В.Ф. Лугинина. С.Ф. Лугинин был сторонником идей А.И. Герцена, которые воплотил в деятельности на посту предводителя Ветлужкого уездного дворянства.

Мировоззрение Святослава Федоровича можно выразить рядом штрихов. Он находит умственный и нравственный уровень развития крестьянства весьма неблагоприятным, в чем сходится со своим братом Владимиром. «Умственное развитие крестьян, – по его словам, – недостаточно; трудолюбие, честность, личная самостоятельность не могли особенно развиваться в крестьянах при существовании крепостного права, при недостатках честности прежней администрации. Два года свободы, и то еще мало понимаемой, не могли переломить того, что вкоренилось веками»[12, с. 14].

Он не верил в то, что крестьянство само может справиться с ведением новых общественных дел. С.Ф. Лугинин был убежден, что крестьянству не подняться без содействия просвещённых помещиков и, вообще, образованной части общества. Он говорил о необходимости просвещения крестьян и благожелательной опеки со стороны интеллигенции, чтобы справиться с последствиями крепостного права. С.Ф. Лугинин не отрицал полезность использования западноевропейского опыта (по примеру Бельгии) в области устройства учебных и ткацких мастерских для обучения крестьянских детей, организации кредитных кооперативов для повышения материального благосостояния крестьян.

А.В. Меркулов называет С.Ф. Лугинина общественным работником по призванию, отдающим свою жизнь служению народу. «Это – просвещенный земец-конституционалист, высоко ставящий начала свободы, самодеятельности, автономности, горячо желающий поднятия материального и духовного уровня народа, но убеждённый в неизбежной медлительности процесса его возрождения и отводящий крупную роль просвещённому руководительству народною массою» [12, с. 17].

В 70-х годах XIX века оформилось общественно-политическое движение, именуемое народничеством. Интеллигенция отправилась в деревню, у нее была двойная задача: разделить тяготы жизни и участь народа, а также учить народ культуре, просвещать его и тем самым готовить почву для грядущей революции. В этом смысле народничество является синонимом демократизма, гуманизма и уважения к народу. Главными его идеологами были М.А. Бакунин (1814–1876), П.Л. Лавров (1823–1900), П.Н. Ткачев (1844–1886) и Н.К. Михайловский (1842–1904).

Выразителем народнических идей в Костромской губернии был дворянин В.Ф. Лугинин. Имя Владимира Федоровича Лугинина (1834–1911) занимает почетное место в плеяде деятелей науки и культуры России второй половины XIX – начала XX вв. Выдающийся ученый, исследователь, профессор, основатель лаборатории термической химии Московского университета и русской школы термохимиков, прогрессивный общественный деятель. Время его управления имением совпало с расцветом земского движения в Ветлужском уезде.

В юности В.Ф. Лугинин находился под сильным влиянием социалистических идей, которые стали популярными в России в конце 1850-х – начале 1860-х гг. Помимо произведений социалистов-утопистов, на сознание В.Ф. Лугинина и его поведение повлияло непосредственное наблюдение западноевропейской демократии, изучение опыта рабочего движения современной ему Европы.

Реформа 1861 года вызвала недовольство многих людей. В этот период В.Ф. Лугинин сотрудничает с А.И. Герценом, М.А. Бакуниным и Н.П. Огарёвым, разделяя их взгляды на крестьянскую революцию в России. Как многие реформаторы, В.Ф. Лугинин осознавал необходимость модернизации русского общества. Цель реформаторских усилий либеральных консерваторов состояла в том, чтобы утвердить в России основы гражданского общества и правового государства, способные обеспечить будущее развитие страны. Собственные действия либерал-консерваторы рассматривали исключительно в рамках законности и правопорядка. Для консервативных реформаторов характерно понимание своеобразия исторического пути России: отсутствие широкой социальной опоры в лице среднего класса собственников, заинтересованного в преобразованиях и одновременно в сохранении стабильности в обществе. В среде либералов Лугинин высказывал себя приверженцем конституционных принципов, что, прежде всего, выражалось в поддержке им идеи созыва Земского собора или Земской думы. Именно с земством Лугинин связывал возможный переход России на путь буржуазного парламентаризма и конституционного строя. Дума должна была юридически закрепить права и свободы граждан и одновременно предотвратить ре-

волюционный взрыв. В экономическом отношении земства выступали проводниками передовой агрокультуры, содействовали подготовке квалифицированных кадров, необходимых для сельского производства и быта.

Лугинин считал, что Россия не должна слепо идти вслед Европе, у нее свой особый путь, и для развития русского сельского хозяйства необходимая форма – коллективный крестьянский труд, «земледельческая ассоциация». «Он, как и многие народники, считал, что Россия может перейти к социализму через русскую крестьянскую общину», – отмечает Т.В. Войтюк [13, с. 120].

Активисты земского движения вполне законно отождествляли себя с созидательными силами русского общества. «С полным основанием можно сказать, что история русского земства – это история общественного саморазвития страны, история экономического и культурного роста России» [14, с. 294]. Многочисленные инициативы земств требовали соблюдения гласности при обсуждении государственных вопросов, введения гражданских свобод и создания единого всероссийского представительного органа от народа. Земцы призывали государя к сотрудничеству и готовы были разделить с ним ответственность за судьбу России. Следует отметить, что, несмотря на недовольство со стороны верховной власти по отношению к земским деятелям, которых отстраняли от должностей, подвергали административной ссылке, земцы сохраняли лояльность по отношению к самодержавию и надеялись на либерализацию внутренней политики государства, связывая надежды с хотя и ограниченной, но конституционной программой М.Т. Лорис-Меликова.

Убийство Александра II похоронило конституционный проект. Сторонники реформ, в том числе и В.Ф. Лугинин, потерпели полное фиаско в своих надеждах на смену правительственного курса. Характерной особенностью В.Ф. Лугинина является то, что он, с одной стороны, разделял конституционные взгляды и требования различных буржуазных партий начала XX века, с другой стороны – всегда был противником «крайних мер», способных нарушить хрупкое равновесие в обществе.

Следует отметить огромный интеллектуальный потенциал в сочетании с позицией честного человека, стремление к созидательной деятельности, развитую нравственную позицию, которая наиболее выпукло отражается в судьбе В.Ф. Лугинина. Свои идеи он реализовал в своих владениях и отразил в работах «Сельские ссудные товарищества. Их устройство и назначение» (1870), «Исторический очерк кооперативных учреждений в России» и других.

Важно подчеркнуть, что благодаря энтузиазму общественных деятелей, которым небезразлична судьба собственного народа, в провинциях России началось развитие земской агрономической помощи крестьянскому населению, в 70-е годы XIX века наблюдается рост числа ссудо-сберегательных товариществ, кредитных и потребительских кооперативов. Деятельность дворян Лугининых являлась в Ветлужском уезде Костромской губернии воистину двигателем прогресса.

Нужно отметить, что интеллигенция создаёт особое пространство духовной жизни, в котором происходит взаимодействие мировоззренческих, философских, нравственных и религиозных идей. Поиски истины представителями интеллигенции трансформируются в практическую деятельность в том или ином регионе российской провинции. В целом же российская интеллигенция оставалась влиятельной идейной силой общества, активным созидателем социокультурного пространства, духовно-нравственных ценностей провинции.

Библиографический список

1. Вехи: сб. статей о русской интеллигенции. Репринтное воспроизведение издания 1909 года. – М.: МАДК «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990. – 218 с.

2. *Волохова Н.В.* Зеркало интеллигентной сущности (к историческому осмыслению проблематики «Вех») // Интеллигенция в потоке времени: размышление и судьбы: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. А.В. Репринцева. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2004. – С. 122.

3. *Сергеев С.* Ревизия славянофилов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.portal-slovo.ru/rus/history/48/11705/.

4. *Благова Т.И.* Родоначальники славянофильства. А.С. Хомяков и И.В. Киреевский. – М.: Высшая школа, 1995. – С. 163.

5. Славянофилы. Историческая энциклопедия / сост. и отв. редактор О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – С. 450.

6. *Колюпанов Н.П.* Очерк философской системы славянофилов // Русское обозрение. – 1894. – Т. 28 (июль). – С. 6–22; Т. 28 (август). – С. 489–504; Т. 29 (сентябрь). – С. 85–104; Т. 29 (октябрь). – С. 547–565; Т. 30 (ноябрь). – С. 49–71.

7. *Колюпанов Н.П.* Очерк философской системы славянофилов // Русское обозрение. – 1894. – Т. 28 (июль). – С. 19–20.

8. *Колюпанов Н.П.* Очерк философской системы славянофилов // Русское обозрение. – 1894. – Т. 28 (июль).

9. *Колюпанов Н.П.* Очерк философской системы славянофилов // Русское обозрение. – 1894. – Т. 30 (ноябрь).

10. *Колюпанов Н.П.* Очерк философской системы славянофилов // Русское обозрение. – 1894. – Т. 28 (июль). – С.21.

11. Русский биографический словарь, издаваемый Императорским Русским Историческим Об-

ществом. Т. 10. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1914. – С. 710–711.

12. *Меркулов А.В.* Братья Лугинины, пионеры кредитной кооперации и первый кредитный кооператив в России. – М.: Издание Всероссийского Центрального Союза Потребительных Обществ, 1918.

13. *Войтюк Т.В.* Семья Лугининых // Ветлужская сторона. Историко-краеведческий сборник. – Кострома, 1995.

14. *Зайцева Е.А., Любина Г.И.* В.Ф. Лугинин. 1834–1911. – М.: Изд-во МГУ, 2012.

УДК 141

Васильев Алексей Александрович
Приволжский филиал Российской академии правосудия (г. Нижний Новгород)
nicnpa@mail.ru

ИНТУИЦИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ЮРИДИЧЕСКИХ)

Статья посвящена такому явлению, как интуиция. Практически каждый день в процессе взаимодействия друг с другом и с социальными институтами мы вступаем в правоотношения. Статья имеет целью показать наличие интуиции в этих взаимодействиях.

Ключевые слова: *интуиция, интуитивное право, правоотношения.*

Современное информационное общество характеризуется быстрым ростом объема информации и возрастающей сложностью социальных процессов, происходящих в обществе. Возникает проблема выбора и использования путей и способов принятия решений в различных областях жизнедеятельности человека. Социально значимые решения требуют оптимизации процесса принятия решений путем использования всех возможностей, которыми располагает человек [4, с. 4]. Одной из таких возможностей является интуиция.

Феномен интуиции с античности занимает умы философов, издревле отмечались проявления интуиции. Философы и ученые пытались и пытаются понять механизм интуиции, выявить закономерности, дают разные определения этого явления. Понятие «интуиция» в отечественной философии традиционно определяется как момент непосредственного усмотрения (созерцания) истины без предварительного логического обоснования. Однако это не означает, что интуиция возникает на голом месте, ей предшествует интеллектуальная деятельность. Архимед, Ньютон, Менделеев, Броун и др. получили интуитивное озарение тех вопросов, которыми они были озадачены в тот момент.

Интуиция пронизывает все сферы жизни общества. По мнению Я.А. Пономарева, интуиция является мостом из «психического» в «социальное» [6, с. 17]. Как писал А.С. Кармин, «общество есть не просто совокупность людей, но еще и реальная, объективно существующая совокупность условий их совместной жизни» [2]. Одним таким условием, и условием весьма существенным, является право, то есть юридические законы и иные нормативно-правовые акты, установленные государством. Правотворчеству, как и любому другому творчеству, присуща интуиция. Интуиция в правотворческой и правоприменительной деятельности, или по-другому юридическая интуиция, так или иначе затрагивает и общественное бытие, и общественное сознание.

Р.М. Грановская пишет, что в юриспруденции от судьи требуется знать не только «букву», но и «дух» закона. Он должен выносить приговор не только в соответствии с заранее предписанным количеством доказательств, но и согласно «внутреннему убеждению», поскольку в законе наряду с однозначной «буквой» присутствует и интуитивный «дух» [1]. В своем труде «Интуиция и искусственный интеллект» Р.М. Грановская рассматривает интуицию как следствие некоего скачка, разрыва в мышлении, когда человек обнаруживает результат, не вытекающий однозначно из посылок.

Когда, работая над задачей, человек получает решение и не может объяснить его с помощью осознаваемых логических шагов (реализуемых как экстра- или интерполяция), он поражается непредсказуемости результата и невозможности понять и объяснить способ его получения. Тогда он говорит: «это интуиция» [1].

А.С. Кармин и Е.П. Хайкин разделяют интуицию на концептуальную, которая формирует новые понятия на основе имевшихся ранее наглядных образов, и эйдетическую – строящую новые наглядные образы на основе имевшихся ранее понятий [3].

Другой исследователь феномена интуиции, Е.Л. Фейнберг, в своей работе «Две культуры. Интуиция и логика в науке и искусстве» различает интуицию как прямое усмотрение (созерцание) истины, не допускающее ни логического обоснования, ни логического опровержения («интуиция-суждение») и интуицию как вспомогательный элемент – угадывание, предвосхищение истины, которое допускает последующее «опосредование» – логическое или опытное установление (или опровержение) истинности этого интуитивного высказывания

© Васильев А.А., 2012

(Е.Л. Фейнберг называет её эвристической интуицией или «интуицией-догадкой») [7, с. 13].

Интуиция-суждение Е.Л. Фейнберга соответствует эйдетической интуиции А.С. Кармина и Е.П. Хайкина, а интуиция-догадка – концептуальной интуиции. Интуиция-суждение не допускает ни логического обоснования, ни логического опровержения, следовательно, не создает нового понятия. Интуиция-суждение созерцает имеющиеся понятия и на их основе, так же как и в эйдетической интуиции, создает новые образы. В свою очередь интуиция-догадка, так же как и концептуальная интуиция, способна создать новое понятие.

Е.Л. Фейнберг заявляет, что роль интуитивного суждения в области социальных отношений исключительно велика. Не случайно, например, корень самого слова «суждение» тот же, что в словах «суд», «судья». Принято говорить, что суд решает дело, руководствуясь строго доказательными доводами. Его задача – найти неоспоримые свидетельства, вообще данные, исключающие произвол в решении. И этот идеал, конечно, обязательная цель. Но даже в этом идеале заложен фундаментальный и неизбежный элемент, определяющий исход дела и сводящийся к чисто интуитивному суждению. Этот элемент – оценка убедительности, достаточности доказательств, обосновывающих решение [7, с. 68].

Интуиция в судебном процессе имеет место, однако юридические отношения судом не ограничиваются и интуиция в юридических отношениях проявляет себя не только у судей. Все мы являемся частью такой социальной системы, как государство. Государство в целях обеспечения надлежащего функционирования заботится о сохранении и поддержании правопорядка и устанавливает определённый порядок взаимоотношений между гражданами. Многие общественные отношения урегулированы нормами позитивного права, однако не все граждане знакомы с данными нормами, что не мешает им вступать в те или иные общественные отношения. Вот в этих случаях проявляет себя интуиция, или, как писал Л.И. Петражицкий, «интуитивное право». Во многих сферах социальной жизни интуитивное право играет более важную и существенную роль, чем позитивное право. Основой социального «правопорядка» и действительным рычагом социально-правовой жизни является в существе дела не позитивное, а интуитивное право. Данное обстоятельство связано с тем, что, вступая в отношения, связанные с соблюдением чужих прав либо с использованием своих прав, большинство людей руководствуется своим интуитивным правом, указаниями своей интуитивно-правовой совести.

Говоря об интуитивном праве, Л.И. Петражицкий полагал, что право как одно из явлений бытия принадлежит миру психики и представляет собой императивно-атрибутивное (обязательно-притязательное) переживание людей. Относительно интуитивного права он отмечал, что оно «имеет индивидуальный, индивидуально-изменчивый характер; его содержание (состав соответствующих диспозиций) определяется индивидуальными условиями и обстоятельствами жизни каждого, его характером, воспитанием, образованием, социальным положением, профессиональными занятиями, личными знакомствами и сношениями и прочее» [5, с. 383]. Таким образом, интуитивное право присуще каждому человеку, но в отличие от позитивного права оно не является одинаковым для всех, напротив, оно разнообразно: «по содержанию совокупностей интуитивно-правовых убеждений, интуитивных прав столько, сколько индивидов» [5, с. 383]. При этом допускается схожесть интуитивного права у разных индивидов, например у членов одной семьи, представителей одной и той же профессии, национальности, культуры и тому подобное, но здесь имеется не полная схожесть интуитивного права, а схожа лишь та часть интуитивного права, которая формируется под влиянием семьи, профессии, национальности, культуры.

Одновременное существование и действие интуитивного и позитивного права становится возможным только лишь при условии наличия согласия между ними «в общих и основных чертах», в случае перехода разногласия за установленные пределы происходит неизбежное крушение позитивного права, то есть позитивное право поставлено в некую зависимость от интуитивного права. Между позитивным и интуитивным правом существуют разные частные разногласия, и «они даже по природе вещей неизбежны» [5, с. 392]. Позитивное право не может полностью совпадать с интуитивным правом. Это связано с тем, что интуитивное право носит индивидуальный характер и у разных классов и групп людей оно разное. Если позитивное право будет сориентировано на удовлетворение интуитивно-правовых требований одной группы, то интуитивно-правовые требования других будут оставаться без удовлетворения. Интуитивное право постоянно развивается и непрерывно меняет свое содержание, развитие «позитивного права по самой природе этого права подвержено задержкам и разным иным отступлениям от непрерывно-постепенного развития» [5, с. 393]. В связи с этим позитивное право неизбежно в разных своих частях отстает от «развития интуитивного права и вообще расходится с ним по содержанию, вследствие специфических различий процессов развития» [5, с. 393]. Данное основание Л.И. Петражицкий называет историческим или эволюционным конфликтом. Кроме того, позитивное право согласно своей природе и социальной унификационной функции расходится с интуитивным правом по степени приспособляемости к конкретным обстоятельствам, оно должно устанавливать резкие границы, точно определенные объемы в области

объектов и релевантных фактов, игнорировать не поддающиеся контролю факты и прочее.

Из всего выше сказанного можно сделать вывод об отношении, возникающем между интуитивным и позитивным правом по содержанию. По содержанию между интуитивным и позитивным правом существует минимальный и максимальный пределы согласия либо разногласия. Соответственно для большего уважения и поддержки существующего социального строя и позитивного права степень согласия между интуитивным и позитивным правом должна быть высокой, при низкой степени согласия будет наблюдаться недовольство существующим строем и позитивным правом; чем ниже степень согласия, тем жестче будет проявляться недовольство. Для того чтобы степень соответствия была высокой, интуитивное право должно учитываться на стадии создания норм позитивного права, на стадии правотворчества.

Говоря о правотворчестве как о явлении социальном и юридическом, нельзя его ограничить лишь изданием нормативно-правовых актов. Оно охватывает более широкий круг процессов: выявление потребности в правовом регулировании тех или иных правообразующих общественных отношений, направление и характер регулирования, подготовка нормативного акта. В процессе выявления потребности правового регулирования тех или иных правоотношений проявляет себя интуитивное право, а точнее, несоответствие, которое вызывается тем, что то или иное правоотношение имеет место в социальном бытии, но не имеет должного закрепления и регулирования нормами позитивного права. Регулирование происходит исключительно нормами интуитивного права, а так как оно носит индивидуальный характер и отношение у разных индивидов к одному и тому же правоотношению разное, то и надлежащего регулирования не происходит. В данном случае мы можем говорить о некой бытовой эйдетической интуиции (интуиции суждения), так как у обывателя зачастую нет юридических знаний. Вместе с тем при отсутствии четких юридических знаний у каждого человека имеются свои представления и свои бытовые понятия относительно того или иного социального явления. Именно на этих понятиях строится бытовая эйдетическая интуиция, создавая многообразие интуитивных образов. Вот эта неспособность интуитивного права к единообразному регулированию правоотношений заставляет законодателя начать разработку норм позитивного права. Другими словами, имеющиеся наглядные образы побуждают субъект правотворческой деятельности создавать новое понятие, то есть здесь мы уже имеем дело с концептуальной интуицией.

Итак, интуиция в социальных отношениях проявляет себя через интуитивное право. Так или иначе, но мы ежедневно вступаем в различные правоотношения при совершении покупки, при оплате проезда и прочее. Большинство людей, вступая в правоотношения, руководствуется не нормой права, а указаниями своей интуитивно-правовой совести. Профессионалы, занятые в создании норм права и осуществления правосудия, тоже подвержены проявлениям интуиции. Правотворец может лишь интуитивно догадаться о конечном результате своей деятельности, интуитивно предвидеть некий идеальный образ еще не созданной нормы.

Библиографический список

1. *Грановская Р.М.* Интуиция и искусственный интеллект. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ddong.narod.ru/gran/index.htm.

2. *Кармин А.С.* Общество в свете системного подхода // В диапазоне гуманитарного знания: сб. к 80-летию профессора М.С. Кагана. Серия «Мыслители». Вып. 4. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/karmin/kagan_04.html.

3. *Кармин А.С., Хайкин Е.П.* Творческая интуиция в науке. – М., 1971. – 48 с.

4. *Переверзева Н.Ю.* Роль интуиции в принятии социально значимых решений: социально-философский аспект: Дис. … канд. филос. наук. – М., 2007. – 180 с.

5. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – Серия «Мир культуры, истории и философии». – СПб.: Издательство «Лань», 2000. – 608 с.

6. *Пономарев Я.А.* Психика и интуиция. – М.: Политиздат, 1967. – 256 с.

7. *Фейнберг Е.Л.* Две культуры. Интуиция и логика в науке и искусстве. – Фрязино: Век, 2004. – 288 с.

УДК 1 (091)

Кукунина Екатерина Викторовна
Общевойсковая академия Вооруженных сил РФ
cocko@mail.ru

ВООБРАЖАЕМОЕ В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА

В статье рассматриваются происхождение, становление и развитие категории воображаемого в философии И. Канта; анализируются различные коннотации термина «воображение» и делается попытка экспликации значения этого понятия в философии И. Канта.

Ключевые слова: *продуктивное воображение, воображаемое, воображаемые сущности, эмпирическое воображение, чистое воображение, трансцендентальное воображение, репродуктивное воображение.*

Интерес к проблеме воображения возникает со времен зарождения философии. Загадочная способность человека к воображению впервые развернуто тематизируется у Аристотеля. В его трактате «О душе» (кн. III, гл. 3) воображение появляется характерным образом, который окажется решающим для всей последующей философской рефлексии: в своем отличии одновременно от αἴσθησις и от νόησις – в традиционном переводе от ощущения и от мысли. Воображение помещается, следовательно, между чувством и умом. Для древнегреческого мыслителя – это фантазия (φαντασια). В обиходном русском языке фантазия – это что-то нереальное, выдуманное, воображаемое, некий нереальный образ. Для обозначения воображения И. Кант использует Einbildungkraft (сила воображения), это слово в немецком языке имеет такое же хождение, как воображение – в русском. «Воображение – действие воображающего; способность воображать в уме чувственные и отвлеченные предметы. Воображаемый – мнимый» [1, с. 169]. Такое определение дает В.И. Даль в своем толковом словаре. Таким образом, мы замечаем, что, с одной стороны, воображение – это вполне нам понятный термин, связанный с выдумыванием (фантазированием) нереальных сущностей, но, с другой стороны, способность к воображению – промежуточное звено между чувством и разумом. Подобное суждение требует пояснения: как возможно такое двоякое понимание? Что мы имеем в виду, когда помещаем воображение между умом и чувством? Для ответа на эти вопросы весьма полезным становится обращение к наследию И. Канта, так как именно Кант, с одной стороны, подводит некий итог рефлексии по поводу воображения в Новое время и в век Просвещения, а с другой стороны – определяет понимание воображения (магистральную линию продумывания) вплоть до настоящего времени. В рамках статьи это утверждение оставляется без должного комментария как изначальная посылка.

Итак, при прочтении текста И. Канта (а здесь нас интересует в первую очередь «Критика чистого разума» и «Антропология с прагматической точки зрения») вначале мы хорошо понимаем, о чем идет речь, текст кажется прозрачным, но под конец чтения у нас появляется такое чувство, что мы потеряли нить. «С истинно суеверным равнодушием относится он прежде всего к вопросам терминологии», – читаем о Канте у Э. Кассирера [4, с. 121]. Чтобы нащупать нить и достичь цельного и надежного понимания воображения, необходим комментарий и четкое определение понятий.

Способность воображения (у Канта очень важно, что воображение есть способность, человеческая способность, познавательная способность) – свойство вступать в отношения ко всему, что мы воображаем. Именно об этом пишет И. Кант, когда уточняет, что сила воображения состоит в том, чтобы иметь созерцание «и не в присутствии предмета» [2, с. 188]. Созерцание, в свою очередь, тоже понимается Кантом вполне конкретно, созерцание есть чувственное созерцание, то, которое мы получаем посредствам чувства. Но «созерцание» – это слово с двояким смыслом, смотря по тому, идет ли речь об эмпирическом или о чистом созерцании. Эмпирическое созерцание дано объектам, существующим перед нами (Gegenstand), тогда как чистое созерцание не дано никаким существующим предметом, но – как говорит Кант в «Критике чистого разума» (B 35) – имеет место в душе «a priori также и без действительного предмета чувств или ощущений, как чистая форма чувственности» [3, с. 63]. Иначе говоря, чистое созерцание независимо от всякого опыта настолько, что не выводимо из него из предшествующего опыта и даже делает возможным любой опыт.

В зависимости от того, является ли созерцание эмпирическим или чистым, должно различать воображение эмпирическое и чистое, в «Антропологии с прагматической точки зрения» в параграфе «О воображении» Кант называет их соответственно репродуктивным и продуктивным.

В обоих случаях воображение обнаруживает свою фундаментальную способность – *делать наглядным* без присутствия существующего объекта перед нами. В случае репродуктивного воображения отсутствие объекта означает просто, что объект был: некий существующий объект действительно был перед нами, и нам было дано его эмпирическое созерцание. Но стоит коренным образом различать воображение и память. Если память кон-

© Кукунина Е.В., 2012

ститутивно связана с существующим перед нами объектом как таковым, то воображение с самого начала свободно от исключительной привязки к тому или иному существующему объекту. То есть человек вспоминает конкретный стол, а воображает любой возможный стол. Иными словами, если мы способны вспоминать, то потому, что способность воображать в нас исходна. Но тогда это означает, что репродуктивное воображение не есть, собственно говоря, сила воображения. Что же такое продуктивное воображение? Обратимся к тексту § 28 кантовской «Антропологии»: «Воображение (facultas imaginandi) как способность… может быть либо продуктивной, т.е. способностью первоначального изображения предмета (exhibition originaria)…» [2, с. 188].

Данная фраза очень характерна для Канта, это чисто формальная фраза. Воображение, о котором тут идет речь, не соответствует, строго говоря, ничему из данного нам в опыте. Что, в самом деле, значит исходно произвести объект, существующий перед нами? Exhibere по-латыни значит «произвести, в смысле вывести наружу». Пожалуй, тут удобнее говорить о произведении как предъявлении, например, документов, тем более что exhibere имеет и этот смысл. Кант применяет латинское слово exhibitio для пояснения немецкого Darstellung (представление или может быть лучше предъявление), поскольку dar-stellen значит буквально выставить, то есть поставить тут, перед нами, таким образом, что выставленное становится отныне видимо всем.

Углубляясь в то, что здесь говорит Кант, мы неизбежно приходим к мысли, что это продуктивное, исходное воображение предъявляет объект, то есть делает его существующим перед нами. Таким образом, воображение, о котором идет речь, не есть, собственно, наше воображение. Наше воображение не имеет силы производить в бытии (творить) то, что оно себе воображает. Вот почему далее уточняется, что «однако продуктивное воображение все-таки не есть творческое» [2, с. 188]. Творческим воображением оказывается божественная способность создавать действительное бытие всего, что воображает творец. Только можем ли мы говорить, что Бог творит воображая? Как бы то ни было, нас сейчас интересует определение человеческого воображения, и мы не в состоянии помыслить такое продуктивное воображение, которое производит объект, пока еще просто воображаемый, как существующий.

Что же тогда должно значить продуктивное в случае человеческого воображения? Во-первых, не просто репродуктивное, зависимое от какого-то уже существующего объекта, но, во-вторых, и не абсолютно творящее, то есть ставящее перед нами существующий объект. Этим двойным ограничением Кант критически очерчивает самое существо воображения. Задача усложняется тем, что мы постоянно рискуем сбиться на привычную (обыденную) схему воображения, а она как раз соответствует тому, что Кант называет воображением репродуктивным.

Нас не интересует, существует ли абсолютно продуктивное воображение, способное произвести (сотворить) существующий предмет. Надо понять другое, что «чистое созерцание пространства и времени» [3, с. 56] (два единственных чистых созерцания, какими мы наделены, не эмпирических, не производных из предсуществующего перед нами предмета) принадлежит к «способности первоначального изображения предмета (предъявления, exhibitio)» [2, с. 188]. Что чистые созерцания пространства и времени принадлежат к тому типу произведения, который назван первоначальным, не предполагает, что воображение создает тут существующие перед нами предметы. В самом деле, пространство и время – не предметы, предстоящие нам. А поскольку они – не предстоящие нам предметы, воображение не может их воспроизвести (репродуцировать), точно так же, как не может оно их и произвести в существование, в смысле сотворения.

Каков же тогда статус пространства и времени? В самом конце трансцендентальной аналитики («Критика чистого разума», А 212, В 348) Кант подразделяет, классифицирует, упорядочивает понятие *ничто*. «Ничто как 1. Пустое понятие без предмета (ens rationis); 2. Пустой предмет понятия (nihil privativum); 3. Пустое созерцание без предмета (ens imaginativum); 4. Пустой предмет без понятия (nihil negativum)» [3, с. 269].

Для нас всего интереснее наименование ens imaginativum. *Ens* в философской традиции – это приблизительное восстановление в латинском языке причастия настоящего времени глагола быть, греч. τὸ ὄν, сущее, нем. das Seiende. Однако здесь *ens* скорее должно пониматься как нечто в его предельном смысле, ведь речь идет о *ничто*, то есть включая и нечто несуществующее и понимая существование как то, что может быть дано в опыте. Латинское imaginatio есть воображение, синоним греческого φαντασια. Ens imaginativum, таким образом, подразумевает *нечто воображаемое*.

Воображаемое есть некая *фигура Ничто*. Заметим, что Кант говорит (А 291, В 347): «Одна лишь форма созерцания (Anschauung) без субстанции сама по себе есть не предмет, а только формальное условие для предмета (как явления), как, например, чистое пространство и чистое время, которые, правда, как формы созерцания суть нечто, но сами они не предметы, которые можно созерцать» [3, с. 268].

То, что нас вело с самого начала, – а именно, желание вникнуть в смысл, в каком воображение понимается И. Кантом и определяет дальнейшее развитие философского понимания воображения, теперь обретает ясность. Итак, Кант различает два

вида воображения. Наше спонтанное понимание воображения, наоборот, односторонне: оно соответствует тому, что Кант называет репродуктивным воображением, то есть таким, которое, питаясь существующими перед ним предметами, способно уже без привязки к их действительному присутствию воспроизводить их составные части. Именно таким образом мы обычно объясняем, что такое воображать: сочетать, сводить вместе разрозненные компоненты, извлеченные из различных существующих предметов. Например, пегас (крылатый конь) есть образ, состоящий из уже имеющихся компонентов (образа крыльев и образа коня). Подчеркнем, что подобное репродуктивное воображение, во-первых, фабрикует сложения из разнородных составляющих, и, во-вторых, продукты этого воображения совершенно «не существуют», они фантастичны, вымышлены.

Перейдем к тому, что нас интересует здесь в первую очередь, – к воображению продуктивному. Воображение строит образы, а точнее, строит себе образы. Чистая форма созерцания располагается в душе, но при этом ее потенциальность заключается в том, что она держит себя в готовности для эмпирических созерцаний, а точнее, как говорит Кант, для того, чтобы «разнообразие всего являющегося нам могло быть в определенных отношениях приведено в порядок» [3, с. 268].

Без этих двух чистых форм созерцания, без пространства и времени, нам предстает лишь хаос неупорядоченных чувственных данных. Иначе говоря, чистые формы созерцания позволяют нам воспринять данность, упорядочивая ее. Без упорядочения данности она попросту не была бы воспринята. Чистые формы созерцания заключают в себе, таким образом, абсолютно первичное условие всякой возможности восприятия. С ними данность становится нам доступна благодаря вписыванию, если можно так выразиться, включению воспринимаемого в пространство и время, – которое, со своей стороны, само по себе не воспринимается и по этой причине именуется «чистой априорной формой созерцания» [3, с. 56].

Кант отмечает, что эта форма, в которой собственно происходит упорядочение всего чувственно воспринимаемого, сама в свою очередь не может быть чувственно воспринята. И здесь нам надо вернуться к обозначению пространства и времени как entia imaginaria – «воображаемых сущностей». Настоящее воображение по своей структуре не есть копия чего-либо уже существующего. Необходимо выяснить, в каком смысле Кант называет априорные формы созерцания воображаемыми сущностями?

Наше слово «сущность» удобно здесь тем, что оно обозначает какой-то совершенно минимальный способ бытия. Мы, например, никогда не назовем сущностью находящийся перед нами предмет, например стол, за которым мы сидим. Назвать пространство и время воображаемыми сущностями поэтому все равно что дать понять, что ни то ни другое – не существующие перед нами предметы, способные каким-то образом действовать на нас. Снова процитируем уже недавно отмеченное нами место («Критика чистого разума», A 291, B 347): воображаемая сущность – «одна лишь форма созерцания (Anschauung) без субстанции сама по себе есть не предмет, а только формальное условие для предмета (как явления)» [3, с. 268]. Формальное условие противопоставляется материальному условию. Как мы видели, материальные условия – суть чувственные данные, воздействующие на наши чувства. Но эти аффинирующие наши чувства данные не могут сами по себе одни образовать существующий перед нами предмет. Существующий перед нами предмет, Gegenstand, – чей способ бытия соответствует тому, что мы можем назвать «истинным бытием», или «действительным бытием», каковы все вещи, существующие в полном смысле слова, – есть синтез, две составляющие которого всегда a priori опознаваемы: синтез созерцаемого и понятийного. Существующий перед нами предмет (всё являющееся нам) = созерцание + понятие (понятие рассудка). Поэтому Кант отчетливо формулирует (A 51, B 75): «мысли (Gedanken) без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» [3, с. 90].

Этим, в обратном порядке, предполагается, что созерцания – то, что собственно видит, – не могут быть созерцательными, то есть ничего не видят, не имеют перед собой ничего являющегося, не привязаны синтетически к концептам. Почему так? Потому что по-нятия, как говорит само их название, – это то, что собирает, сводит всё в единство. Без понятий созерцания не видят ничего – просто потому, что созерцания сами по себе одни не поднимаются до формирования единства.

Теперь, если вернуться к первым страницам «Критики чистого разума», мы узнаем, что с самого начала в первом основании всякого эмпирического созерцания располагается нечто, называемое у Канта «априорными формами созерцания», чья роль заключается в том, чтобы привести в различных отношениях в порядок разнообразный материал эмпирического созерцания. Это абсолютно первичное приведение чувственного материала в порядок не имеет еще пока в себе ничего понятийного, но, безусловно, подготавливает и делает возможным синтез созерцания и понятия, единственно дающий чему бы то ни было возможность явиться нам в качестве существующего перед нами предмета.

Наша задача не в описании того, как достигается синтез созерцания и понятия, делающий возможным опыт действительного присутствия существующего познаваемого предмета. Нам достаточно

обнаружить, что в самой почве чувственного созерцания с необходимостью есть нечто, не воспринимаемое в созерцании, но позволяющее воспринимать все чувственное. Это нечто Кант квалифицирует как ***воображаемое.*** Никоим образом не будет излишним, если мы в свою очередь назовем это воображаемое первичным воображаемым. Первичное, однако, здесь берется в самом сильном смысле. В самом деле, первичное воображаемое первично не только в том смысле, что воображаемое продуктивного исходного воображения предшествует воображаемому репродуктивного воображения. Следуя за Кантом, мы, по сути дела, открыли воображаемое, которое первично по отношению ко всему, что мы называем реальной действительностью.

Библиографический список

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: илл. изд. – М.: ЭКСМО, 2010.

2. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Соч.: в 8 т. – М., 1994. – Т. 7.

3. *Кант И.* Критика чистого разума // Соч.: в 8 т. – М., 1994. – Т. 3.

4. *Кассирер Э.* Жизнь и учение Канта. – М., 1997.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 368.1

Моисеева Ольга Владимировна
Нижегородская правовая академия (институт) (г. Нижний Новгород)
nechaeva.olga@mail.ru

ЗАКОННОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ К ДОГОВОРУ ИМУЩЕСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ

На основе изучения и анализа актов судебной власти в статье рассматривается проблема применения законодательства о защите прав потребителей к договору имущественного страхования. Делается вывод о законности применения законодательства о защите прав потребителей к договору страхования гражданской ответственности.

Ключевые слова: *законодательство, договор страхования, защита прав потребителя, правовое регулирование, судебная практика.*

Ежегодно правовое регулирование договора имущественного страхования претерпевает существенные изменения, связанные, в первую очередь, с формированием правоприменительной и судебной практики в данной сфере. Значительное количество судебных споров о взыскании страхового возмещения требует обеспечения единства судебной практики по вопросу применения норм материального права законодательства Российской Федерации. Несмотря на это, позиция Верховного Суда Российской Федерации в отношении применения к договору имущественного страхования положений Закона РФ «О защите прав потребителей» неоднократно изменялась.

Приказом Министерства по антимонопольной политике РФ № 160 от 20 мая 1998 г. и разъяснением «О некоторых вопросах, связанных с применением Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей”» было установлено, что предметом договора страхования является осуществление страховой деятельности страховщиком, и, соответственно, по своему характеру договор страхования является договором на оказание услуг. Отношения, возникающие из договора страхования, регулируются главой 48 «Страхование» Гражданского кодекса Российской Федерации, а также специальным законодательством о страховании. С учетом изложенного и положений статьи 39 названного Закона РФ «О страховании» Закон РФ «О защите прав потребителей» применяется к отношениям, вытекающим из указанных договоров в части общих правил, а правовые последствия нарушений условий этого договора определяются Гражданским кодексом Российской Федерации и специальным законодательством о страховании [1].

Принятие ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», дав новый толчок к применению и развитию договора имущественного страхования, повлекло за собой увеличение количества судебных споров. В 2004 г. Верховным Судом РФ было вынесено решение ГКПИ 04-418, в котором был сделан вывод о том, что договор страхования не может быть отнесен к договорам, направленным на удовлетворение личных бытовых нужд гражданин. В указанном решении имеется ссылка и на Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 29 сентября 1994 г. «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей», из содержания которого следует, что в тех случаях, когда отдельные виды гражданско-правовых отношений с участием потребителей, помимо норм ГК РФ, регулируются и специальными законами Российской Федерации, то к отношениям, вытекающим из таких договоров, Закон РФ «О защите прав потребителей» может применяться в части, не противоречащей ГК РФ и специальному закону. Отношения, вытекающие из договора страхования, урегулированы специальным Законом РФ «Об организации страхового дела в РФ» и главой 48 «Страхование» ГК РФ. Договор страхования обладает спецификой, не позволяющей применить правовые последствия, предусмотренные главой третьей Закона РФ «О защите прав потребителей» определяющие последствия нарушения условий договора о выполнении работ (оказании услуг), то есть последствия нарушения условий договора об оказании страховых услуг, а поэтому он по своему характеру не подпадает под действие данной главы. Из этого следует, что к отношениям, вытекающим из договора страхования с участием гражданина, должны применяться общие правила Закона «О защите прав потребителей» о праве граждан на предоставление информации, о возмещении морального вреда, об альтернативной подсудности и освобождении от уплаты госпошлины. Правовые последствия нарушений условий таких договоров определяются Гражданским кодексом РФ и специальным законодательством по вопросам страхования [2; 3].

Таким образом, к отношениям по договору страхования стали применяться только положения Закона РФ «О защите прав потребителей» в части права граждан на предоставление информации,

© Моисеева О.В., 2012

о возмещении морального вреда, об альтернативной подсудности и освобождении от уплаты государственной пошлины.

Обзор законодательства и судебной практики Верховного суда РФ за первый квартал 2008 г. установил, что отношения по договору имущественного страхования не подпадают под предмет регулирования Закона РФ «О защите прав потребителей» и нормы данного Закона к отношениям имущественного страхования не применяются [4].

Указанный вывод был сделан в соответствии с Законом РФ «О защите прав потребителей», в котором установлено, что он регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав. Предоставленные ранее права на возмещение морального вреда, альтернативной подсудности и освобождении от уплаты государственной пошлины для страхователей были отменены.

Ответ на вопрос № 28 Обзора судебной практики за 1 квартал 2006 г. разъяснил вопрос применения к договору обязательного страхования гражданской ответственности положений Закона РФ «О защите прав потребителей», а именно, указанный ответ определял, что законодательство о защите прав потребителей не может распространяться на правоотношения, являющиеся предметом регулирования ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [5].

Однако на сегодняшний день разъяснение по вопросу № 28 отозвано в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [6]. Указанное Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации определило, что если отдельные виды отношений с участием потребителей регулируются и специальными законами Российской Федерации, содержащими нормы гражданского права (например, договор участия в долевом строительстве, договор страхования, как личного, так и имущественного, договор банковского вклада, договор перевозки, договор энергоснабжения), то к отношениям, возникающим из таких договоров, Закон РФ «О защите прав потребителей» применяется в части, не урегулированной специальными законами.

С учетом положений ст. 39 Закон РФ «О защите прав потребителей» к отношениям, возникающим из договоров об оказании отдельных видов услуг с участием гражданина, последствия нарушения условий которых не подпадают под действие главы III Закона, должны применяться общие положения Закон РФ «О защите прав потребителей», в частности о праве граждан на предоставление информации (ст. 8–12), об ответственности за нарушение прав потребителей (ст. 13), о возмещении вреда (ст. 14), о компенсации морального вреда (ст. 15), об альтернативной подсудности (п. 2 ст. 17), а также об освобождении от уплаты государственной пошлины (п. 3 ст. 17) в соответствии с п. 2 и 3 ст. 333.36 Налогового кодекса Российской Федерации [6].

Несмотря на принятое Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» и данные им разъяснения, существует и иная точка зрения судов на вопрос применения к договору страхования законодательства о защите прав потребителей. Так, в Определении Верховного Суда Республики Коми от 02 августа 2012 г. по делу № 33-3207АП/2012г. был сделан следующий вывод: отношения по имущественному страхованию не подпадают под предмет регулирования Закона от 07 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей», и положения данного Закона к отношениям имущественного страхования не применяются. В соответствии с п. 1 ст. 2 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» страхование – это отношения по защите интересов физических и юридических лиц Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков.

Целью страхования при заключении договора имущественного страхования является погашение за счет страховщика риска имущественной ответственности перед другими лицами или риска возникновения иных убытков в результате страхового случая.

Из анализа приведенных правовых норм следует, что отношения по имущественному страхованию не подпадают под предмет регулирования Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» и положения данного Закона к отношениям имущественного страхования не применяются.

Доводы апелляционной жалобы о том, что на отношения истца и ответчика распространяются требования Закона РФ «О защите прав потребителей», несостоятельны, основаны на неверном толковании действующего законодательства [7].

Исходя из того, что разъяснение по вопросу № 28 снято, а также учитывая формулировку Постановления Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» относительно применения Закона РФ «О защите прав потребителей» к договорам страхования как личного, так имущественного, следовало бы сделать вывод относительно применения законодательства о защите прав потребителя к договорам обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Однако существует несколько моментов, требующих дополнительного разъяснения. В частности, договор обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств является договором в пользу третьего лица. Статья 430 ГК РФ определяет, что договором в пользу третьего лица является договор, в котором стороны установили, что должник обязан произвести исполнение не кредитору, а указанному или не указанному в договоре третьему лицу, имеющему право требовать от должника исполнения обязательства в свою пользу.

К третьим лицам относятся потерпевшие, которых со страхователем по договору обязательного страхования гражданской ответственности связывают лишь деликтные обязательства, а обязанность произвести страховую выплату у страховщика возникает только при наступлении гражданской ответственности страхователя – причинителя вреда. Таков круг лиц договора страхования ответственности.

Закон РФ «О защите прав потребителей» указывает на то, что он регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав.

Потребитель – гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности [8].

Учитывая изложенное, потерпевший по договору страхования ответственности потребителем не является, из чего следует, что к договору обязательного страхования гражданской ответственности законодательство о защите прав потребителей применяться не может.

Говорить о том, что законодательство о защите прав потребителей может быть использовано при прямом урегулировании убытков, также нельзя, в связи с тем что на основании п. 4 ст. 14.1 ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» страховщик, который застраховал гражданскую ответственность потерпевшего, осуществляет возмещение вреда, причиненного имуществу потерпевшего, в размере страховой выплаты от имени страховщика, который застраховал гражданскую ответственность лица, причинившего вред (осуществляет прямое возмещение убытков) [9].

В связи с тем что роль судебной и правоприменительной практики в регулировании гражданских отношений является значительной, существует следующие возможные варианты разрешения изложенной выше спорной ситуации, в частности, более конкретное разъяснение Верховного Суда о применении к договорам страхования ответственности законодательства о защите прав потребителей либо, что уже имеет место, широкое толкование Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» и, как следствие, применение законодательства о защите прав потребителей к договорам страхования ответственности, с оставлением разрешения вопроса о том, насколько это соответствует Закону РФ «О защите прав потребителей», на усмотрение судьи.

Библиографический список

1. Приказ МАП РФ от 20.05.1998 № 160 (ред. от 11.03.1999) «О некоторых вопросах, связанных с применением Закона РФ “О защите прав потребителей”» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 1999. – № 2.

2. Решение Верховного суда Российской Федерации от 28 апреля 2004 г. ГКПИ 04-418 // Верховный Суд РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrf.ru/stor_text.php?id=7103822 (дата обращения: 18.10.2012).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 7 от 29 сентября 1994 г. «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей» // Верховный Суд РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrf.ru/second.php (дата обращения: 18.10.2012).

4. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2008 года // Верховный Суд РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=5336 (дата обращения: 16.10.2012).

5. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2006 года // Верховный Суд РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrf.ru/

vscourt_detale.php?id=4352 (дата обращения: 16.10.2012).

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Верховный Суд РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrf.ru/second.php (дата обращения: 19.10.2012).

7. Определение Верховного Суда Республики Коми по делу № 33-3207АП/2012г. // СПС Консультант-плюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru (дата обращения: 19.10.2012).

8. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 25.06.2012) «О защите прав потребителей» // Официальный Интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.10.2012).

9. Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (ред. от 28.07.2012) «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СЗ РФ. – 2002. – № 18. – Ст. 1720.

УДК 340

Рощин Борис Евгеньевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pravoborise@mail.ru

РОССИЙСКАЯ ТРУДОВАЯ ПОВИННОСТЬ В ПЕРВЫЙ ГОД СТАНОВЛЕНИЯ «ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ»: ИДЕОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ

В предлагаемой статье рассматриваются ключевые стадии процесса практического внедрения и развития конституционного принципа о всеобщей трудовой повинности на первоначальном этапе социалистической организации труда, в первый год становления советской власти. Анализируются соответствующие правовые нормативы, принятые новой властью и обеспечившие реальное применение принудительного труда в рассматриваемый период.

Ключевые слова: *всеобщая трудовая повинность, принудительный труд, биржа труда, трудовая книжка для нетрудящихся, идеологи большевизма, учет и распределение рабочей силы, первый российский КЗоТ.*

Нам надо заставить работать в новых организационно-государственных рамках… И мы имеем средство для этого… Это средство – хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность. Кто не работает, тот не должен есть…

В.И. Ленин

Современное российское трудовое право прошло достаточно сложный эволюционный путь и уходит своими «генетическими» корнями в историческое прошлое нашей страны. Российская «Конституция 1993» безоговорочно провозгласила свободу труда и право каждого «свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию». «Принудительный труд запрещён», – указывается в конституции (ст. 37). Данный принцип отечественного трудового права имеет свою «многострадальную судьбу» и довольно красноречиво свидетельствует о кардинальных изменениях в парадигме отечественного трудового права.

Целью работы является краткий анализ соответствующих правовых нормативов, принятых в первый год становления большевистской власти и послуживших реальной правовой базой для осуществления государственной политики по применению принудительного труда в массовых масштабах.

Началом правового регулирования государственного «посредничества» в трудоустройстве стало принятие декрета СНК «О биржах труда» (от 31.01.1918 г.), который заложил правовые основы формирования и функционирования советских бирж труда [10, ст. 319].

Специализированный пролетарский журнал «Вестник Народного Комиссариата труда» возвестил: «Огромная задача организации рынка труда, как показывает опыт Англии и Германии, успешно может быть разрешена только в государственном масштабе. На этот путь и стало Рабоче-Крестьянское правительство, которое законом, опубликованным 31 января 1918 года, предусматривает создание сети бирж труда» [8, с. 78].

Данные органы наделялись не только сугубо посредническими функциями. В их полномочия входило обеспечение общественно-государственных интересов на данном историческом этапе. Биржи труда (как местные, так и областные) создавались для достижения трех конкретных целей, соответствующих требованиям времени: 1) для точного учета и планомерного распределения рабочих рук, необходимых для всех отраслей народного хозяйства; 2) для упорядочения спроса и предложения труда на

© Рощин Б.Е., 2012

российском рынке труда; 3) для контроля безработных, получающих социальное пособие.

Данный нормативно-правовой акт устанавливал правовой статус бирж труда. Для достижения обозначенных целей местные биржи труда обязывались осуществлять определенные функции: 1) регистрировать всех нуждающихся в заработке лиц и безработных данной местности; 2) регистрировать все случаи спроса на труд; 3) оказывать посреднические услуги по найму рабочей силы; 4) вести текущую статистику спроса и предложения на труд; 5) устраивать столовые и общежития; 6) открывать в своих помещениях библиотеки, читальни и т.п. (то есть выполнять функции «ликбеза»); 7) собирать необходимые сведения о положении местного рынка труда. Данная функция местных бирж труда была особенно актуализирована в процессе работы II Всероссийского Съезда Комиссаров Труда, представителей Бирж труда и Страховых касс (18–25 мая 1918 г.), когда решался организационный вопрос об объективном обследовании положения дел на российском рынке труда.

Следует отметить ряд моментов:

1) до учреждения советских бирж труда на российском рынке труда наблюдается (что вполне объективно) «ряд отдельных разрозненных попыток, носящих местный характер и рассчитанных не на организацию рынка труда в целом, а на устроение отдельных групп безработных… Органы трудового посредничества… несомненно сыграли известную роль при обслуживании некоторых элементов безработной массы и вместе с тем способствовали обеспечению промышленных предприятий рабочим составом. Естественно, что эти разрозненные попытки строительства… не могли иметь большого влияния на рынок труда в смысле его организации и регулирования» [8, с. 78];

2) биржи труда (в данный период) становились единственными централизованными организациями, которые осуществляли планомерный учет и распределение рабочей силы (то есть осуществляли политику государства по данному вопросу). В то же время для российского населения биржи труда стали государственными органами трудового посредничества, которые обязывались обслуживать все виды труда наемных работников;

3) при вступлении в силу декрета «О биржах труда», подлежали закрытию все посреднические трудоустроительные организации (частные конторы, бюро по найму и т.п.), осуществлявшие свою деятельность за вознаграждение. За невыполнение данного требования предусматривалась юридическая (уголовная) ответственность и относительно-определенное уголовное наказание: до 6 месяцев тюремного заключения;

4) наем работников мог осуществляться только через биржу труда, что способствовало достижению провозглашенных целей. Так, в резолюции «Положение рынка труда и его организация», принятой на I Всероссийском съезде комиссаров труда (январь 1918 г.) особенно подчёркивалось, что отныне «в общей системе организации рынка труда главное место должно быть отведено Биржам Труда. Организациям и учреждениям, ведающим регулированием рынка труда, должно быть указано, как правило, что ни одна сделка между спросом и предложением труда, не может пройти мимо Биржи Труда» [8, с. 234]. Государство делало заметный шаг по овладению рабочей силой;

5) безработные, не зарегистрированные на местной бирже труда, были лишены права на получение соответствующего пособия (так как не имели статуса безработного), установленного положением «О страховании на случай безработицы» (от 11.12.1917 г.);

6) местные и областные биржи труда наделялись всеми правами юридических лиц и правами правительственных учреждений в отношениях с телеграфными, телефонными и почтовыми учреждениями;

7) биржи труда положили начало практическому внедрению в жизнь принципа всеобщей трудовой повинности и создали определенную «почву» для легализации применения принудительного труда.

Основной вопрос, продиктованный сущностью исторического момента, стоявший перед государством в целом и перед данными органами, состоял в выработке эффективных методов целенаправленного и целесообразного распределения и использования рабочей силы на общее благо общества и государства. Конкретно-исторические условия настоятельно требовали существенных изменений в способах трудоустройства (в методах привлечения к труду) всего трудоспособного российского населения.

Вопрос об ужесточении методов трудоустройства, путем практического внедрения принципа всеобщей трудовой повинности, реализация которого на практике вылилась в непосредственное принуждение к труду всего трудоспособного населения Российской Республики, возник не спонтанно. Данный принцип базировался на руководящих партийных установках РСДРП и соответствующих идеологических «предписаниях» марксистско-большевистских теоретиков (в частности, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина, отчасти – А.И. Рыкова и других). Так, в работе «Резолюция об экономических мерах борьбы с разрухой», опубликованной в московской большевистской газете «Социал-демократ» 25 мая 1917 г., В.И. Ленин доказывал, что «путь к спасению от катастрофы лежит только в установлении действительного рабочего контроля за производством и распределением продуктов… Лишь после осуществления указанных мер возможно и необходимо осуществление всеобщей трудовой повинности… Всеобщая трудовая повинность одна лишь в состоянии осуществить

наибольшую экономию сил народного труда» [2, с. 477]. Следует заметить, что данная работа была написана для предстоящей конференции фабрично-заводских комитетов и явилась некоторым «руководством к действию», так как 1 июня 1917 г. данная резолюция была принята конференцией ФЗК.

Выступая на I Всероссийском съезде представителей финансовых отделов областных, губернских и уездных Советов, проходившем в Москве 17–21 мая 1918 г., В.И. Ленин вновь затронул этот вопрос: «…Задача нашей финансовой политики сводится к введению трудовой повинности и регистрации имущих классов… Передовые страны Запада: Англия и Германия – перешли в связи с войной к строжайшему учету и контролю всего производства, они ввели трудовую повинность для неимущих классов, создав массу лазеек для буржуазии. Мы должны воспользоваться опытами этих стран, но начать с введения трудовой повинности в первую очередь не для бедных, принесших и без того достаточно жертв на алтарь войны, а для имущих, разбогатевших от войны» [3, с. 247].

Первая Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 г. на заседании V Всероссийского съезда Советов, провозгласила: «В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность» (п. «е» ст. 3); «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика признает труд обязанностью всех граждан Республики и провозглашает лозунг: “Не трудящийся, да не ест!”» (ст. 18) [6, с. 308]. «Принцип всеобщей трудовой повинности, незыблемо установленный основными законами РСФСР, должен ныне найти широкое и всестороннее применение на деле», – призывал Л.Д. Троцкий [5, с. 153].

Первые правовые предписания советской власти по вопросам трудовой повинности появились незамедлительно после взятия большевиками государственной власти. Так, уже 23.12.1917 г. постановлением СНК устанавливалась трудовая повинность «в районах всех железных дорог по очистке железнодорожных путей от снежных заносов для населения, проживающего в расстоянии не далее 10 верст от железной дороги» [9, с. 228].

Исторические условия второй половины 1918 года отнюдь не способствовали мирному хозяйственному строительству. В условиях Гражданской войны, отягощенной иностранной интервенцией, тотальной хозяйственной разрухи и т.д., советское правительство вынуждено было идти на крайне непопулярные, чрезвычайные меры.

Следующим шагом государства к овладению наличной рабочей силой всего трудоспособного населения России стало принятие декрета «О воспрещении безработным отказываться от работы» (от 3 сентября 1918 г). Согласно нормам данного декрета, безработный не имел права отказаться от предлагаемой ему работы в 5 случаях: 1) если предлагаемая работа соответствовала его специальности, а условия труда были не ниже, установленных профсоюзами; 2) при «дефиците» чернорабочих; 3) при временной работе; 4) для уборки хлеба и доставки продовольствия; 5) при перемещении в другую местность для работы по специальности.

За нарушение установленных данным декретом норм предусматривались соответствующие санкции: а) лишение социального пособия (деньгами и натурой), получаемого безработным, и потеря очереди на бирже, – при нарушении безработным 1, 2, 3, 5 основания; б) лишение безработного права зарегистрироваться на бирже труда и сообщение в соответствующие государственные органы о данном безработном как о лице без определенных занятий – при нарушении безработным четвертого и при вторичном нарушении 1, 2, 3 и 5 основания [11, ст. 704].

Не трудно догадаться, что принятие данного декрета было вызвано, в большей степени, массовыми отказами безработных от предлагаемых работ. Это подтверждают строки из доклада заместителя заведующего отделом рынка труда при НКТ А. Аникста: «Отказы от работ стали обычным явлением на всех биржах труда. Отказываются по разным поводам: по условиям работы, по характеру работы, из-за их кратковременности, из-за низких расценок, из-за неумения, из-за нарушений, будто бы, предпринимателем условий. Эти отказы вызваны самим составом современных безработных, где большинство – случайный элемент, не профессиональный пролетариат, а пришедший на биржу в поисках легкого заработка или пособия» [7, с. 88–89].

В конце сентября 1917 г., до прихода к власти большевиков, В.И. Ленин настаивал на необходимости введения рабочих (трудовых) книжек для всего российского населения. Он писал: «Советы введут рабочую книжку для богатых, а затем с постепенностью и для всего населения… Богатые должны получить от того союза рабочих или служащих, к которому ближе всего относится их область деятельности, рабочую книжку, они должны еженедельно, или через какой-либо другой определенный срок, получать удостоверение от этого союза, что ими добросовестно выполняется их работа; без этого они не могут получить хлебной карточки и продуктов продовольствия вообще» [4, с. 446]. Спустя год данная идея обрела законодательные формы.

5 октября 1918 г. принимается декрет «О трудовых книжках для нетрудящихся». Данный нормативно-правовой акт устанавливал единые трудовые книжки (взамен прежних удостоверений личности, паспортов и прочих документов) для отдельных категорий граждан: 1) живущих на нетрудовой доход, поступления с имущества, проценты с капитала; 2) использующих наемный труд для извлече-

ния прибыли; 3) являющихся членами советов и правлений акционерных обществ, компаний, товариществ; 4) являющихся частными торговцами, биржевыми маклерами, посредниками (торговыми и коммерческими); 5) лиц свободных профессий, «если они не выполняют общественно полезных функций»; 6) для лиц, не имеющих определенных занятий (бывшие офицеры, бывшие присяжные поверенные и их помощники и «прочие лица данной категории».

Порядок выдачи книжек устанавливался местными Советами рабочих и крестьянских депутатов. В данной книжке, не реже одного раза в месяц, производились отметки о выполнении определенных общественных работ и повинностей. Трудовая книжка давала право «нетрудовому элементу» на свободное передвижение по территории РСФСР и право на получение продовольственных карточек. Малолетние (до 14 лет) и лица старше 55 лет могли не иметь такой книжки, а вписывались в «трудовые книжки лиц, при которых они находятся» [12, ст. 792].

Таким образом, данный документ выполнял довольно универсальные функции: 1) служил единственно подлинным удостоверением личности для данных категорий граждан; 2) служил своего рода «пропиской»; 3) обеспечивал свободу передвижения; 4) позволял получать продукты питания по продуктовой карточке; 5) позволял осуществлять единый учет и контроль «нетрудового элемента»; 6) позволял осуществлять дифференциацию по налогообложению отдельных категорий граждан.

Общей целью принятия данного декрета стала практическая реализация конституционного принципа о трудовой обязанности всех граждан Российской Республики. За нарушение норм данного декрета устанавливались штрафные санкции и уголовная ответственность. Штраф до 10 тысяч рублей или «тюремное заключение до полугода» могли последовать за злостное уклонение от получения трудовых книжек, а также за дачу заведомо ложных сведений о своей деятельности.

Последовательная политика государства, направленная на усиление контроля за трудоспособным российским населением и «огосударствление» всей наличной рабочей силы, вызвала необходимость реформирования соответствующих государственных структур, осуществлявших данную политику. Так, осенью 1918 г. деятельность бирж труда сменили специальные отделы по распределению рабочей силы. Положением СНК от 29 октября 1918 г. «Об отделах распределения рабочей силы» [13, ст. 838], отменившим (ст. 16) соответствующий декрет «О биржах труда» от 31.01.1918 г., учреждались специальные отделы в качестве структурных единиц (органов) НКТ. Система данных органов складывалась из трех звеньев: 1) низовое звено – местные отделы; 2) среднее звено – областные отделы; 3) высшее звено – соответствующая коллегия «Отдела Рынка труда» НКТ.

Местные отделы создавались в поселениях с числом жителей не менее 10 тыс. человек, и это свидетельствует о том, что государство переходило от количественного контроля и учета к более качественному (тотальному учету). Если сравнить ситуацию с российскими биржами труда, то при аналогичных целях (в целях точного учета и планомерного распределения рабочей силы в РСФСР), биржи создавались в поселениях, где проживало не менее 20 тыс. человек.

Обязанность по созданию местных отделов распределения рабочей силы возлагалась на областные отделы распределения рабочей силы, а также на местные отделы труда. Если сравнивать с биржами труда, то их создание (в частности, местных бирж труда) поручалось местным объединениям профсоюзов. В данном случае, в результате чрезвычайной важности «исторического момента», несмотря на расширение полномочий российских профсоюзов и начала фактического их огосударствления, организационная функция возлагалась (по существу) на НКТ. В поселениях с числом жителей менее 10 тыс. человек данные органы также могли создаваться только с санкции (с разрешения) соответствующих областных отделов распределения рабочей силы либо самого «Отдела Рынка труда» НКТ.

Данным положением определялся правовой статус местных отделов. Так, в частности, эти отделы обязывались осуществлять следующие функции:

1) вести учет всех работающих по найму; 2) вести регистрацию всех безработных данной местности и желающих найти работу; 3) распределять места между безработными и ищущими работу; 4) вести регистрацию спроса на рабочую силу и осуществлять удовлетворение данного спроса в рамках конкретной территории.

Если сравнивать данные отделы с их предшественниками, то, безусловно, полномочия этих органов шире и конкретнее. Так, биржи труда не наделялись правом вести учет всех наемных работников, но зато были обязаны устраивать столовые и общежития, открывать библиотеки и читальни, что, вероятно, утяжеляло (размывало) работу данных органов и не способствовало достижению провозглашенных целей.

Процедура найма рабочей силы во все без исключения предприятия, организации, учреждения могла осуществляться только через данные отделы, что должно было способствовать более точному учету и распределению рабочей силы. Примечательно, что в период с января по ноябрь 1918 г. (несмотря на строжайший запрет декретом от 31.01.1918 г. «О биржах труда»), все еще продолжали функционировать всевозможные частные конторы, бюро по найму и другие организации, оказывавшие посредническую помощь в трудоустрой-

стве. Данное положение предписывало немедленное упразднение подобных организаций, порядок принудительной ликвидации которых определял «Отдел Рынка Труда» НКТ. Нарушение норм данного постановления предусматривало относительно-определенные штрафные и уголовные санкции двух видов: штраф до 10 тыс. рублей или лишение свободы на срок до шести месяцев за трудоустройство, минуя данные отделы, а также за невыполнение предписаний о ликвидации незаконных посреднических компаний по трудовому найму.

Развитие и дальнейшее практическое воплощение в реальной действительности конституционного принципа о всеобщей трудовой повинности оформилось в соответствующей инструкции НКТ «О проведении трудовой повинности» от 11.12 1918 г. [14, ст. 919]. Данный (подзаконный) нормативно-правовой акт устанавливал трудовую повинность для отдельных категорий населения Российской Республики, в частности, для лиц: живущих на нетрудовые доходы; не имевших определенных занятий; не зарегистрированных на бирже труда (так прописано в инструкции, хотя биржи труда уже были упразднены ст. 16 положения «Об отделах распределения рабочей силы» от 29 октября 1918 г.) Такое выборочное принудительное привлечение к труду преследовало определенную цель – использование нетрудового элемента на общественно полезных работах. Данная инструкция не подлежала применению по отношению к пролетарским слоям общества, к «сознательному авангарду российского пролетариата», пребывавшего (в данный период) в большом количестве в безработном состоянии, а применялось к разного рода «сомнительным элементам», для которых декретом от 5.10.1918 г. «О трудовых книжках для нетрудящихся» были введены соответствующие трудовые книжки.

Следует, ради объективности, отметить, что вышеупомянутая инструкция предусматривала ряд освобождений от трудовой повинности. Такой принцип «гуманизма» действовал по отношению к наиболее уязвимым категориям граждан: а) несовершеннолетние (до 16 лет) и лица старше 50 лет; б) учащиеся учебных заведений, согласно удостоверений, выданных им отделом народного образования, на случаи привлечения к трудовой повинности; в) беременные женщины, с 6-го месяца беременности и до 8-ми недель после родов; г) домашние хозяйки, не имевшие прислуги, если число членов ее семьи было более 2-х человек; д) непригодные по состоянию здоровья к выполнению принудительной общественно полезной работы, согласно соответствующему удостоверению (от бюро медэкспертизы при больничных кассах или от врачебной комиссии медико-санитарного отдела Совдепа) о физической либо психической непригодности к работе.

В рассматриваемой инструкции четко говорилось о том, что её нормы имеют юридическую силу только до издания соответствующего одноименного декрета, «устанавливающего нормы трудовой повинности в государственном масштабе». Таким образом, данная инструкция являлась ведомственным подзаконным нормативно-правовым актом временного характера, имевшим распространение на всей российской территории того времени, проложившим дальнейшую дорогу к дальнейшему внедрению и ужесточению принципа всеобщей трудовой повинности.

В декабре 1918 г. был принят первый российский КЗоТ РСФСР, ставший типичным продуктом своего времени, отразившим специфику «военного коммунизма». КЗоТ систематизировал соответствующие трудоправовые акты, принятые ранее, и «облачил» в правовые формы соответствующие идеологические принципы данного периода. Кульминацией развития доминирующего конституционного принципа о всеобщности труда стала легализация трудовой повинности.

Раздел I КЗоТ РСФСР «О трудовой повинности» устанавливал обязанности по несению данной повинности для всех трудоспособных граждан РСФСР, в возрасте от 16 до 50 лет, за исключением некоторых случаев, установленных законом. Так, из гуманных соображений, привлечению к трудовой повинности не подлежали лица: а) несовершеннолетние, в возрасте до 16-ти и лица старше 50 лет. В данном случае КЗоТ воспринял и легализовал норму, установленную инструкцией от 11.12.1918 г. «О проведении трудовой повинности»; б) нетрудоспособные пожизненно, из-за болезни или увечья.

Кодекс предусматривал временное освобождение от трудовой повинности следующих лиц: а) временно нетрудоспособных, из-за болезни или увечья, на восстановительный период; б) беременных женщин на период за 8 недель до родов и 8 недель после родов. Следовательно, беременная женщина на более ранних сроках беременности, а именно до 7-ми месяцев, подлежала привлечению к принудительному труду. Данная норма значительно менее «гуманна» (в формальном понимании), чем аналогичная норма, установленная инструкцией от 11.12.1918 г. «О проведении трудовой повинности». Так, инструкция запрещала привлекать к отбыванию трудовой повинности (по сути, к принудительным работам) беременных женщин, «начиная с 6-го месяца беременности и в продолжение 8-ми недель после родов». Кроме того, КЗоТ исключил из категории лиц, не подлежащих привлечению к трудовой повинности, домашних хозяек, не имевших прислуги, «если число членов их семейств превышает двух». Такая норма предусматривалась п. «д». ст. 3 инструкции «О проведении трудовой повинности».

Следует отметить, что КЗоТ РСФСР 1918 г. формально оставлял право гражданам «на приме-

нение труда по своей специальности и за вознаграждение, установленное для этого рода работы», но одновременно допускал исключения из данного правила и предоставлял возможность «районному пункту обмена отдела распределения рабочей силы, по соглашению с соответствующим профессиональным объединением… при неимении работы по специальности, направлять трудящихся и группы их на работы другой специальности» [15, ст. 905].

Таким образом, первый КЗоТ РСФСР легализовал всеобщую трудовую повинность, которая на практике нашла свое применение в различных формах принудительного труда и, в отличие от других положений данного кодекса, достаточно решительно и последовательно внедрялась в хозяйственный уклад российского общества. Причины легализации трудовой повинности вполне объективны и, по-видимому, неизбежны. Профессор И.Я. Киселев, характеризуя специфику трудового права в рассматриваемый период, отмечал: «Что же касается легализации и регламентации в КЗоТе принудительного труда, который некоторые публицисты называют “первородным грехом” советского трудового права, то он был вызван… конкретной исторической обстановкой того времени и, кроме того, соответствовал модели государственного казарменного социализма, которую большевики хотели ввести в России» [1, с. 40]. Данный принцип проявлялся достаточно отчетливо в различных формах и в последующие периоды развития нашего общества.

Библиографический список

1. *Киселев И.Я.* Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. – М.: Эксмо, 2005. – 608 с.

2. *Ленин В.И.* Сочинения. Т. 24. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1949. – 579 с.

3. *Ленин В.И.* О трудовом законодательстве. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1959. – 519 с.

4. *Ленин В.И.* Избранные произведения: в 4 т. Т. 2. – М.: Изд-во политической литературы, 1988. – 553 с.

5. *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. – М.: Изд-во политической литературы, 1990. – 447 с.

6. *Титов Ю.П.* Хрестоматия по истории государства и права России. – М.: Проспект, 1999. – 472 с.

7. Вестник Народного комиссариата труда. – 1918. – № 1.

8. Вестник Народного комиссариата труда. – 1918. – № 2–3.

9. Декреты Советской власти. Т. 1. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1957. – 625 с.

10. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 21.

11. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 64.

12. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 73.

13. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 80.

14. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 90.

15. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 87–88.

ЭКОНОМИКА

УДК 330

Бабаев Бронислав Дмитриевич,
Боровкова Наталия Владимировна
Ивановский государственный университет
politeconom@rambler.ru
Чекмарев Василий Владимирович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
tchekmar@ksu.edu.ru

О РЕКРЕАЦИОННОМ ОСВОЕНИИ ТЕРРИТОРИЙ: МЕЗОЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Выдвинут комплекс вопросов, касающихся рекреационного обустройства областей Верхней Волги.

Ключевые слова: *регионы Верхней Волги, рекреация, туризм, конкурентные преимущества, формирование межрегионального рекреационного комплекса как проект.*

В настоящее время в пространственной экономике (регионалистике) формируются новые перспективные исследовательские направления. К их числу относится проблематика формирования макрорегионов. В литературе уже говорят о становящихся Московском, Санкт-Петербургском макрорегионах и т.д. В рамках такого широкого подхода происходит актуализация также достаточно масштабных тем, к числу которых надо отнести и заявленный нами сюжет. Другое интересное научное направление – дифференциация потребностей населения в связи с ростом доходов, развитием глобализационных процессов и пр. В связи с этим также возникает вопрос о месте рекреационных потребностей (спрос на услуги рекреации) и о перспективах этого процесса.

Мы остановимся на разветвленной проблематике формирования рекреационного кластера в подмосковных регионах, имея в виду прежде всего четыре региона Верхней Волги – Владимирскую, Ивановскую, Костромскую и Ярославскую области. По нашему мнению, существует запрос на концепцию рекреационного освоения областей Верхневолжья, это исключительно масштабная работа, предполагающая привлечение специалистов десятков отраслей науки и практики. Мы выскажем отдельные замечания по поставленному вопросу, формируя их в конкретные блоки. При этом следует исходить из того, что сам процесс рекреационного освоения указанных областей идет уже многие годы, но при этом есть еще достаточно серьезные неиспользованные возможности. Еще один момент заключается в том, что Подмосковье, по сути, вступило в конкуренцию с такими известными рекреационными территориями, как Юг страны, Урал, Украина, ряд других стран зарубежья.

Первый блок наших размышлений связан с темой все возрастающих запросов прежде всего городского населения на рекреационные услуги. К последним мы относим туризм, оздоровление и лечение, отдых, развлечения, различные формы любительства (охота, рыболовство, сбор грибов и ягод). Можно также говорить об интересе отдельных категорий людей к научным симпозиумам, к организации и посещению выставок, не следует забывать о молодежных слетах и пр.

Востребованность в услугах рекреации областей Верхней Волги прежде всего связана с перенаселенной Москвой (свыше 12 млн. жителей), а также с крупными городами, промышленными центрами (Нижний Новгород, Ярославль и др.). Так, экологическая обстановка в столице, особенности жизнедеятельности в Москве с ее высокими стрессовыми нагрузками, повышенным темпом жизни, транспортными неурядицами, загазованностью и запыленностью и прочими «прелестями» современной цивилизации приводят к тому, что потребность в рекреационных услугах становится вровень с нуждами людей в пище, одежде, жилище. Человек, интенсивно проработавший 11 месяцев в большом городе, нуждается в отдыхе, а подчас и в лечении, без этого он не может полноценно продолжить свой следующий годичный трудовой цикл. Нужно иметь в виду, что в городах есть значительная прослойка населения (пенсионеры, дети, домохозяйки), которая может в силу наличия свободного времени длительное время отдыхать вне места постоянного проживания. Известно, что в деревнях, селах, малых городах подмосковных регионов в летнее время, зачастую с мая по октябрь, проводят время сотни и даже миллионы человек, многие из которых купили в деревнях свои дома или постоянно выезжают к свои знакомым.

Тема оздоровления и лечения также достаточно актуальна, в районах Верхней Волги существует ряд хорошо известных санаториев, например «Решемский», «имени Станко» в Ивановской области, «Лунёво» в Костромской области и т. д. Однако санаторная сеть все-таки недостаточно развита и не удовлетворяет в достаточной мере запросы населения. Кстати, это является одной из важных причин высоких цен на санаторные услуги, когда

© Бабаев Б.Д., Боровкова Н.В., Чекмарев В.В., 2012

цена одного дня пребывания в санатории составляет 3–5 тыс. рублей. Такие цены «отшибают» от рынка значительную часть населения, тем не менее, ввиду ограниченности санаторных мест, спрос превышает предложение. Обычный характер носят жалобы местных жителей: «Все путевки скупили москвичи».

Тема спроса на туристические услуги общеизвестна и в особых комментариях не нуждается. Интересно то, что туризмом интересуются не только молодежь и лица средних возрастов, но и пожилые люди, испытывающие потребность в посещении все новых и новых мест. Верхневолжье традиционно располагало неплохим туристическим потенциалом и в этом отношении обладало неплохой репутацией, однако возможности развития туризма в рассматриваемых нами регионах далеко не исчерпаны, да и существующая туристическая практика ставит много проблем, и люди не всегда довольны спектром и качеством предлагаемых им услуг.

По мнению специалистов, подмосковные регионы, если их в достаточной степени «раскрутить», а также сделать дополнительные вложения в развитие рекреационной сферы, могут привлечь многие сотни тысяч людей из-за рубежа, включая дальнее зарубежье.

В целом тема спроса на рекреационные услуги носит маркетинговый характер. Однако важно разобраться и в тех факторах, которые влияют на потребности населения в услугах рекреации. Мы уже отметили, что сам по себе большой город с его специфическим ритмом жизнедеятельности неизбежно формирует у людей потребность в отдыхе, лечении, временной смене обстановки. Эта потребность заметно возрастает за счет лиц пенсионного возраста и детей. Вообще, дети формируют особый сегмент рекреационного сектора, сегмент, дифференцированный в зависимости от возраста и некоторых других обстоятельств. Тема общественного здоровья, связанных с нею форм отдыха, лечения и др. в современных условиях настолько актуальна, что становится интересной не только для домохозяйств и государства, но и для предприятий и организаций. Последние проявляют интерес к пансионатам, используют различные формы для обеспечения организованного отдыха своих работников. Во всяком случае такого рода тенденция, когда предприятия в стратегию своего развития включают использование рекреационных объектов, реально просматривается в нашей жизни.

Существенным фактором спроса на услуги рекреации является свободное время людей, в особенности отпускное время. Но в то же время в условиях пятидневной рабочей недели люди (в особенности имеющие собственный автомобиль) используют эти дни для различных форм отдыха, туризма, развлечений, любительской деятельности. Ясно, что наличие собственного транспорта в условиях разветвленности дорог и сравнительной доступности бензина приходится понимать как фактор, формирующий спрос на услуги рекреации и туризма. К этому надо присовокупить тему обустройства автомобильных дорог, ибо это стимулирует использование населением собственных транспортных средств. К числу рассматриваемых факторов нужно отнести в целом и состояние инфраструктуры рекреационной сферы и сферы туризма. Эта мысль очевидна, пояснения не нужны. Разумеется, всегда приходится учитывать состояние бюджетов домохозяйств, наличие средств, которые можно выделить на отдых, лечение, туризм. Интерес людей к природе, к земле, в частности стремление иметь свои земельные участки, огороды, сады, в бесспорном порядке также нужно принять в расчет. Тут приходится говорить о садово-огородных товариществах, а также о том, что значительная часть городских жителей владеет домами в сельской местности и в малых городах, где и отдыхает в летнее время.

Надо видеть тенденцию – будет ли расти спрос на услуги рекреации, и если будет расти, то вследствие каких обстоятельств. Уже само перечисление факторов спроса дает возможность ответить на этот вопрос положительно.

Второй блок рассуждений, непосредственно связанный с предыдущим, касается рекреационного продукта как рыночного, при этом отдельно возникает вопрос о туристическом продукте. Эта тема не является исключительно экономической, однако любые размышления на экономические сюжеты не могут обойтись без выяснения, что же является продуктом того или иного вида деятельности. Рекреационные услуги, равно как и входящие в их состав туристические, не просто разнообразны, а чрезвычайно разнообразны, в силу чего было бы неблагодарной задачей стремиться их перечислить. Важны другие моменты.

Во-первых, тема приоритета. Он должен быть, бесспорно, отдан отдыху как способу восстановления людьми своих физических, умственных и иных возможностей и способностей, которые оказались в какой-то степени подорванными в результате выполняемой профессиональной деятельности, а также вследствие того, что человек живет в этом мире, испытывает давление окружающей среды, переживает, опасается, болеет. Современные формы отдыха зачастую увязываются с лечением, что порождает своеобразные рекреационные структуры, обеспечивающие выполнение обеих функций. Кроме того, распространенные формы физической, умственной, нервно-психологической разгрузки (отдыха) нередко связаны с туризмом. Такие вопросы надо понимать, видеть тенденции.

Другой важный момент, имеющий прямое отношение к услугам рекреации, – это комплексность предоставляемых услуг. В этом смысле наши рекреационные туристические системы явно дефицит-

ны, это болевые точки, на которые в реализации различных социальных программ следует обратить особое внимание. Приведем ряд простейших примеров для того, чтобы конкретизировать тему комплексности услуг. Так, нет должной заботы о стоянках для личного и общественного транспорта (имеются в виду гостиницы, музеи, спортивные комплексы, торговые центры, пункты общепита и пр.). В то же время существуют многочисленные примеры, показывающие, что если решена эта проблема, то дела конкретной организации идут более чем успешно. В качестве примера можно привести «Серебряный город» в Иванове, крупнейший торгово-развлекательный центр с многочисленными и разнообразными службами, действующий по принципу «все в одном месте». Проблемной не только в малых и средних городах, но и в областных центрах остается сфера бытовых услуг. Она оказалась сильно подорванной в результате стихийного перехода от плановой экономики к рыночной. В то же время многодневные путешествия людей порождают у них запросы на разные виды бытовых услуг, начиная от сапожных мастерских и парикмахерских и кончая юридическими и финансовыми услугами (последние мы тоже относим к бытовым, используя расширительную трактовку).

Еще одна тема в связи с рекреационным продуктом – удовлетворение дифференцированных запросов людей, которые сильно различаются с учетом возраста, пола, профессии и иных факторов. В данном случае можно ставить вопрос и об эксклюзивных услугах, конкретно ориентированных на определенных людей или на какую-либо их группу. Тут необходимо говорить и о культуре предоставления услуг; людей, занятых в рекреационной сфере, этому обычно специально обучают.

Повторим, что тема продукта, о котором мы говорим, «крутится» вокруг таких форм, как отдых, оздоровление и лечение, туризм, развлечения, формы любительства, иные виды жизнедеятельности (выездные научные семинары, выставки и пр.). Общая проблема заключается в том, что в рекреационном комплексе (кластере) Верхневолжья все эти формы реально представлены, однако вряд ли являются в должной степени оптимизированными. Это с одной стороны. С другой стороны – вряд ли они являются достаточно развитыми с точки зрения европейских и мировых требований. Но это уже тема для специального разговора специалистов между собой. В то же время это тема конкурентоспособности Верхневолжских регионов.

Следующий блок рассуждений – пути сообщения, транспорт, связь как важнейшие составляющие инфраструктуры. В целом Владимирская, Ивановская, Ярославская области обладают достаточно разветвленной, плотной сетью путей сообщения, прежде всего автомобильных дорог. В то же время существуют возможности комбинированного использования путей сообщения, когда совмещаются автотранспорт, железная дорога, речной транспорт, авиация. Правда, подобного рода комбинированные перевозки, получившие в советский период определенное развитие, в нынешних условиях заметно свернуты, однако определенный потенциал имеется. Особую остроту имеет вопрос качества автомобильных дорог, при этом имеются в виду даже трассы, соединяющие областные центры. В течение нескольких лет дорожное строительство активизировалось, однако тут проблем более чем достаточно. Особое значение имеют объезды вокруг крупных населенных пунктов, с этим во многих случаях дело обстоит не особенно благоприятно. Обустройство автотрасс, как показывает жизнь, идет стихийно; в специальной литературе справедливо ставится вопрос о необходимости наведения определенного порядка в этом отношении, имеется в виду реализация определенных проектов, где все взаимоувязано и рассчитано. Серьезнейшей проблемой являются дороги, соединяющие райцентры с сельскими поселениями, выполняющими административные функции, но еще более серьезной проблемой являются дороги третьего уровня – «деревня – деревня». В любом случае расширение сферы рекреационных услуг невозможно без такой системы путей сообщения, которая охватывала бы основную часть территории регионов. Люди интересуются ландшафтами, водоемами, примечательными местами, часто расположенными вдали от больших дорог, их может интересовать рыболовство, охота, народные промыслы, деревенские обряды и многое другое. А посещение этих мест связано с дорогами второго и третьего уровня. К тому же хорошие дороги – это и высокие скорости передвижения людей, комфортные для передвигающихся транспортных средств. В части мобильной связи в Верхневолжских регионах дело обстоит сравнительно благополучно, но в то же время и здесь есть свои специфические проблемы, которые носят особый характер и касаются связистов.

Еще один блок рассуждений касается инфраструктуры рекреационной сферы в целом. В данном случае для областей Верхней Волги характерно явление, которое можно назвать неодинаковостью развития. Такие города, как Владимир, Ярославль, Кострома, Иваново, по многим характеристикам удовлетворяют инфраструктурным рекреационным требованиям, хотя далеко не всем (нуждается в развитии гостиничное хозяйство, нельзя признать удовлетворительным дело с автостоянками, периодически возникают автомобильные пробки и пр.). Мы уже указали на то, что неравномерный характер носит обустройство автодорог (это прежде всего касается автозаправок, пунктов технического обслуживания автомобилей, гостиниц и пр.).

В отношении инфраструктуры рассматриваемой сферы актуальна тема системности формирования

и развития. То, что сейчас происходит, имеет в существенной степени стихийный характер. Это касается даже областных центров, у которых есть перспективные планы развития городов. Деловые люди оказываются в состоянии добиваться внесения изменений в эти планы и строить в городах то, что отвечает их коммерческим интересам, а не общим задачам развития населенного пункта, включая его рекреационную сферу.

В связи с инфраструктурой рекреационных услуг следует поставить вопрос о государственно-частном партнерстве. Это такая форма, которая позволяет решать проекты крупномасштабные и медленно окупаемые, например строительство дорог, мостов, канализационных систем, систем водоснабжения и пр. Эта тема в настоящее время приобрела повышенную популярность, из области общих рассуждений переводится в область конкретных проектов. По нашему убеждению, в инфраструктурном обустройстве областей Верхней Волги ГЧП призвано сыграть очень значительную роль. Заметим, что тема инфраструктуры чрезвычайно злободневна для областей Верхней Волги.

Теперь переходим к разделу о конкурентных преимуществах (и недостатках) регионов Верхней Волги. Имеется в виду, что в рекреационной сфере они конкурируют с другими регионами, в особенности с Югом и некоторыми зарубежными странами (Украина, Турция, Болгария, Прибалтика).

Сразу бросается в глаза, что регионы Верхней Волги подмосковные, этим уже многое сказано, комментарии не нужны. Если иметь в виду, что насыщенность личным транспортом в Москве чрезвычайно высока, а подмосковные области имеют разветвленные автотрассы, то можно смело сказать, что за счет этого Владимирская, Ярославская и другие области испытывают существенное рекреационное давление со стороны москвичей, в особенности в субботние и воскресные дни, а также в целом в летний период. Характерный пример. В Киржачском районе Владимирской области около 50 тыс. человек постоянного населения, а в летний период общая численность пребывающих в районе возрастает почти до 250 тыс. человек. Сами по себе земельные участки, пригодные для дачных целей, являются во Владимирской и других областях предметом ажиотажного спроса со стороны москвичей. Активно идет перевод земель из категории сельскохозяйственных в такие категории, которые позволяют строить коттеджи. В данном случае мы подчеркиваем значимость географической близости областей Верхней Волги к столице. Относительно густоты автомобильных дорог как преимущества мы уже высказывались. Исключение составляет Костромская область, где не менее трех четвертей территории, по сути, страдает от бездорожья. Средства мобильной связи сравнительно развиты – это заметный плюс, который отмечают многие. Сами объекты рекреации, как природные или историко-архитектурные объекты, весьма разнообразны, правда, принято обращать внимание на то, что региональные власти любят показывать приезжающим церкви и монастыри, которых в этой зоне очень много. В то же время значимость гражданских объектов, например эпохи советского конструктивизма, как объектов-достопримечательностей, недооценивается. В исследуемых областях очень много интересных для приезжих мест, имеющих серьезную известность, причем это не только Владимир, Ярославль, Суздаль, Кострома, но и такие небольшие населенные пункты, как Плёс, Палех, Карабиха, Щелыково и др. На этом можно строить большую туристическую политику. Рассматриваемые зоны насыщены водоемами, лесами, интересными природными объектами. Население в основном русское, социальная обстановка спокойная. Климатические условия – это условия умеренного климата, они позволяют оказывать многообразные рекреационные услуги круглогодично. Показательны не только высокая насыщенность областей историко-архитектурными памятниками и развитое музейное дело, но и то, что в пределах светового дня можно посетить несколько значимых и особо интересных объектов. В этом отношении познавательные поездки отличаются необходимой насыщенностью. Рассматриваемые регионы – это не только старопромышленные регионы, но и области с традиционной русской культурой. Есть что показать не только в историческом плане, но и с точки зрения современных достижений в различных сферах человеческой деятельности, включая сферу культуры, развлечений, духовной жизни в целом. Многие малые города не без успеха пытаются делать погоду на определенных проектах. Например, Палех начинает себя позиционировать в качестве «Родины Жар-Птицы», город Фурманов – в качестве «Родины Бабы-Яги», и т.д. Известен опыт Мышкина, Углича, Костромы и других городов. Серьезные преимущества заключаются в том, что приезжим обеспечивается необходимая безопасность. В то же время следует отметить, что эти и иные конкурентные преимущества можно использовать, фигурально выражаясь, «на полную катушку» лишь только в том случае, если, во-первых, будут вложены необходимые средства, измеряемые миллиардами рублей, во-вторых, если в организации рекреационного комплекса будет реализован принцип комплексности и системности, в-третьих, если будут использоваться современные технологии оказания услуг, сопровождаемые высокой культурой обслуживания, профессионализмом работников этой сферы.

В современных условиях необходимо выдвинуть идею межрегионального (грозящего перейти в национальный и даже международный) проекта «Рекреационное освоение областей Верхней Волги».

Вообще, тему можно расширить, имея в виду все подмосковные регионы, но это усложнит реализацию самого проекта. В то же время Владимирская, Ивановская, Костромская, Ярославская области имеют исторический опыт взаимодействия, например, в рамках Ивановской промышленной области, а также Верхневолжского Совнархоза с центром в городе Иванове (1960-е гг.). Необходимо создание инициативной группы из представителей четырех областей, которая взяла бы на себя бремя разработки концепции, а затем программы регионального обустройства четырех областей. В данном случае явно недостаточно общественной инициативы, нужны административно-распорядительные решения. Разумеется, группа должна получить соответствующий бюджет, иметь возможность им распоряжаться, нетрудно установить сроки выполнения отдельных этапов работы, формы отчетности и ответственности. Разумеется, должна быть и заинтересованность людей в эффективной разработке проекта.

Реализация проекта, как мы полагаем, пойдет в порядке взаимодействия «верха» и «низа». «Верхнее» действие означает реализацию определенных планов развития сферы рекреационных услуг с выделением туризма. Этот процесс в заметной степени пойдет на основе государственно-частного партнерства, возможно, даже необходимо и участие иностранного капитала. В данном случае предусматривается осуществление комплекса мероприятий в тех или иных географических пунктах и по каким-то направлениям. Например, таким подпроектом может быть обустройство Волги или развитие системы санаториев и пансионатов. Реализация «верхних» проектов возможна в случае, если сформируется соответствующая способная привлечь инвесторов управляющая структура, предоставляющая им определенные права и преимущества. Предполагается принятие соответствующих законов, введение в действие нужных нормативных актов. Что же касается движения «снизу», которое в настоящее время является преобладающим, то это означает инициативные действия различных физических и юридических лиц, заинтересованных либо в каких-то коммерческих проектах, либо в формировании объектов, нужных их трудовому коллективу.

Тему проекта рекреационного освоения Верхневолжья мы ставим в самом общем виде, требуется особая разработка, но она очень актуальна, будет иметь не только национальный, но и международный резонанс. Уже сейчас в рекреационной сфере крутятся миллиарды рублей, а если будут проведены широкомасштабные мероприятия, то уже будут крутиться многие десятки миллиардов, и уже не рублей, а долларов и евро.

В настоящее время есть существенный момент, сдерживающий приток людей в сферу рекреационных услуг. Показатель «цена/качество», если его сравнивать с соответствующими данными Юга или ближнего зарубежья, Турции, Болгарии, зачастую работает не в пользу Подмосковья. Это тема специального разговора, но решение этой задачи – одна из существенных предпосылок реализации проекта в целом. Важно обратить внимание, что рекреационная сфера, в том числе туризм, обладает колоссальным мультипликационным эффектом. Если в рекреации будут достигнуты масштабные изменения, то это позитивно отразится на десятках видах экономической деятельности, начиная от гостиниц и музеев, включая торговлю и общепит, и кончая сельским хозяйством и бытовыми услугами.

УДК 338.585

Брагина Зинаида Васильевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
bragzv@yandex.ru
Овсянников Александр Александрович
Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина
alejandro_85@mail.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ ТАРИФА НА ПЕРЕДАЧУ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

Показана возможность оптимизации величины инвестиционных затрат для распределительных электросетевых компаний по степени положительного влияния данных расходов на качество работы межрегиональных распределительных сетевых компаний.

Ключевые слова: *межрегиональные распределительные сетевые компании (МРСК), тариф на передачу электрической энергии, индикаторы качества работы распределительных электросетевых компаний, инвестиционные программы.*

Одним из важнейших факторов, влияющих на энергетическую эффективность экономики страны, является качество работы межрегиональных распределительных сетевых компаний (МРСК), входящих в электросетевой сектор электроэнергетики Российской Федерации. Отметим, что одной из важнейших характеристик качества работы данных компаний является их экономическая эффективность, уровень которой существенно влияет на величину тарифа на электроэнергию для всех категорий потребителей. В свою очередь известно, что затраты на электроэнергию составляют значительную долю в структуре расходов предприятий большинства отраслей экономики Российской Федерации, а их уровень, характеризующий энергетическую эффективность компаний, зависит не только от усилий самих предприятий, но и от стоимости киловатта электроэнергии. Таким образом, очевидно влияние экономической эффективности деятельности МРСК на энергетическую эффективность экономики страны. Для того чтобы определить основные факторы, влияющие на экономическую эффективность деятельности распределительных электросетевых компаний, рассмотрим составляющие необходимой валовой выручки (НВВ), принимаемой для расчета тарифа на передачу электрической энергии (формула 1.1.):

$$НВВ_i^Д = P_i + ВК_i + ДК_i + \Delta НВВ_i^С, \qquad (1.1.)$$

где: $НВВ_i^Д$ – необходимая валовая выручка, определяемая при установлении долгосрочных тарифов на год i; P_i – расходы, связанные с производством и реализацией продукции (услуг) по регулируемым видам деятельности, определяемые на год i; $ВК_i$ – возврат инвестированного капитала, определяемый на год i; $ДК_i$ – доход на инвестированный капитал, определяемый на год i; $\Delta НВВ_i^С$ – величина изменения необходимой валовой выручки, определяемого на год i, производимого в целях сглаживания тарифов.

Подобная структура НВВ связана с внедрением RAB – регулирования тарифов на передачу электрической энергии для МРСК, начатым в 2008 году. Главными отличительными особенностями данного метода тарифообразования являются:

– во-первых, то, что при наличии экономии операционных расходов, входящих в состав P_i, необходимая валовая выручка не пересматривается, что обеспечивает регулируемой организации получение выгоды от экономии операционных расходов до конца долгосрочного периода регулирования;

– во-вторых, то, что расходы, связанные с выполнением инвестиционных программ, включаются в НВВ не полностью, а только в части, необходимой для возврата инвестированного капитала ($ВК_i$) и платы за использование инвестированного капитала ($ДК_i$).

При внедрении RAB-регулирования предполагалось, что экономическая эффективность МРСК вырастет (за счет стимулирования экономии операционных расходов и снижения доли инвестиционных затрат, включаемых в НВВ), однако этого не произошло. Так, в Ивановской области рост тарифа на передачу электрической энергии в 2011 году по сравнению с 2010 годом варьировался от 32,07% до 64,53%, в зависимости от класса напряжения. Безусловно, среди причин роста тарифа были и объективные факторы, такие как повышение налоговой нагрузки на МРСК и другие предприятия, после повышения совокупной ставки по страховым взносам до 34%. Но, по нашему мнению, основной причиной столь значительного тарифного роста явилось избыточное стремление распределительных электросетевых компаний, пользуясь более благоприятными условиями (внедрением RAB-регулирования), ежегодно увеличивать свои инвестиционные программы, используя при этом далеко не самые дешевые источники финансирования. В то же время вопрос о целесообразности данной конкретной величины инвестиционных затрат для определенных распределительных электросетевых компаний и степени положительного влияния данных расходов на качество работы МРСК, в принципе, не рассматривается.

© Брагина З.В., Овсянников А.А., 2012

Решение данной проблемы лежит в плоскости поиска оптимального соотношения инвестиционных затрат и достигнутых показателей качества работы электроэнергетических систем, которое позволило бы определить оптимальную величину затрат на повышение качества функционирования МРСК. При этом индикаторами качества работы распределительных электросетевых компаний могут выступать следующие показатели:

1) индекс частоты возникновения перебоев в системе ($I_{ЧВП}$), рассчитываемый как соотношение общего числа отключений в электросетевой системе к общему числу потребителей (формула 1.2.):

$$I_{ЧВП} = \frac{\text{Общее число отключений}}{\text{Общее количество потребителей}} \quad (1.2.)$$

2) индекс средней продолжительности отключения потребителей ($I_{СПО}$), рассчитываемый как соотношение суммарного времени отключения потребителей к общему числу отключений (формула 1.3.):

$$I_{СПО} = \frac{\text{Суммарное время отключения потребителей}}{\text{Общее число отключений}} \quad (1.3.)$$

3) индекс средней продолжительности перебоев в системе ($I_{СПП}$), рассчитываемый как соотношение суммарного времени отключения потребителей к общему числу потребителей (формула 1.4.):

$$I_{СПП} = \frac{\text{Суммарное время отключения потребителей}}{\text{Общее количество потребителей}} \quad (1.4.)$$

Однако данные показатели сами по себе не являются критерием оценки необходимого уровня расходов на повышение качества работы МРСК, поскольку одинаковые значения рассматриваемых показателей могут базироваться на различной величине соответствующих затрат. Следовательно, в качестве критерия оценки необходимого уровня исследуемых расходов, необходимо рассматривать удельные величины ($i_{ЧВП}^{S_{КР}}$, $i_{СПО}^{S_{КР}}$, $i_{СПП}^{S_{КР}}$), характеризующиеся отношением соответствующих показателей ($I_{ЧВП}$, $I_{СПО}$, $I_{СПП}$) к затратам на повышение качества работы распределительных электросетевых компаний ($S_{КР}$), основными компонентами которых являются инвестиционные затраты, затраты на обслуживание источников финансирования инвестиций, а также затраты на ремонт и техническое обслуживание. Формулы для расчета удельных показателей качества работы распределительных электросетевых компаний выглядят следующим образом:

1) удельная частота возникновения перебоев в системе ($i_{ЧВП}^{S_{НФ}}$) рассчитывается по следующей формуле:

$$i_{ЧВП}^{S_{НФ}} = \frac{I_{ЧВП}}{S_{КР}} \quad (1.5.)$$

2) удельная средняя продолжительность отключения потребителей ($i_{СПО}^{S_{НФ}}$) рассчитывается по следующей формуле:

$$i_{СПО}^{S_{НФ}} = \frac{I_{СПО}}{S_{КР}} \quad (1.6.)$$

3) удельная средняя продолжительность перебоев в системе ($i_{СПП}^{S_{НФ}}$) рассчитывается по следу-

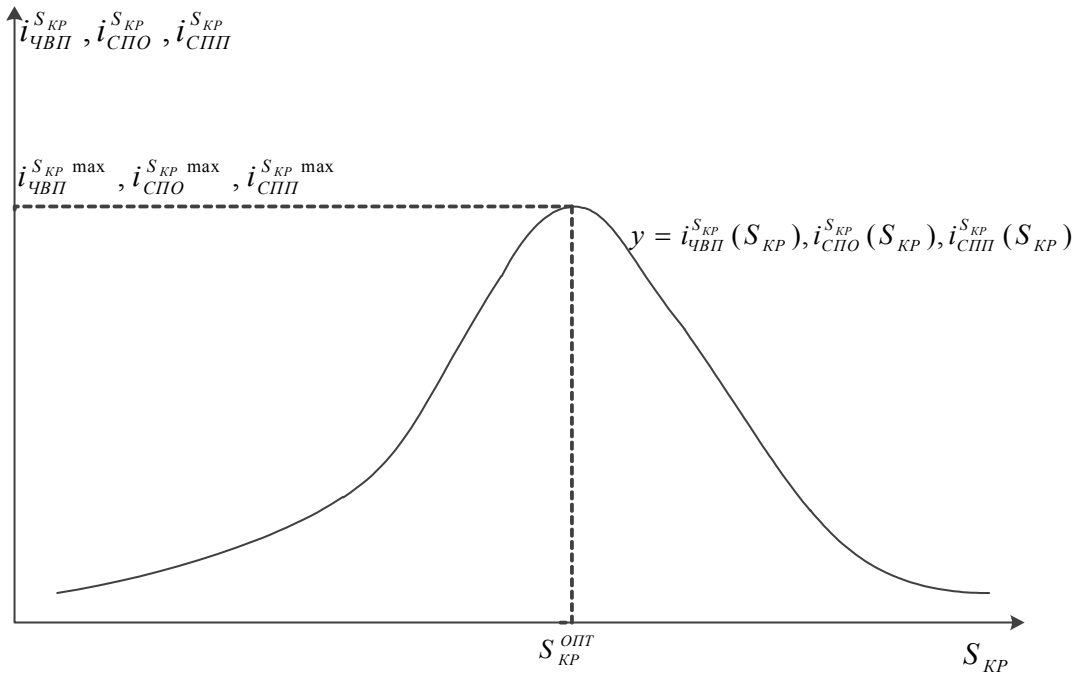

Рис. 1. Функциональная зависимость между удельными показателями качества работы и затратами на повышение качества работы

ющей формуле:

$$i_{СПП}^{S_{НФ}} = \frac{I_{СПП}}{S_{КР}} \qquad (1.7.)$$

Задача управления затратами на повышение качества работы МРСК в данном случае сводится к поиску такой величины $S_{КР}$, при которой показатели $i_{ЧВП}^{S_{КР}}$, $i_{СПО}^{S_{КР}}$, $i_{СПП}^{S_{КР}}$ достигают своего максимального значения. Рассматриваемый принцип оптимизации базируется на законе убывающей предельной полезности, согласно которому каждый следующий рубль, увеличивающий рассматриваемые расходы, оказывает все меньшее положительное воздействие на показатели качества работы МРСК ($\Delta I_{ЧВП}$, $\Delta I_{СПО}$, $\Delta I_{СПП} \to \min$). В свою очередь при $\Delta I_{ЧВП}$, $\Delta I_{СПО}$, $\Delta I_{СПП} = 0$; $i_{ЧВП}^{S_{КР}}$, $i_{СПО}^{S_{КР}}$, $i_{СПП}^{S_{КР}} = \max$, а $S_{КР}$ достигают оптимального уровня ($S_{КР}^{ОПТ}$). Таким образом, зависимость между удельными показателями качества работы и затратами на повышение качества работы можно представить следующей функцией (рис. 1).

При этом необходимо учитывать приоритет обеспечения надежной и бесперебойной работы электросетевого оборудования как главной стратегической цели распределительных электросетевых компаний, для того чтобы исключить случаи, когда искомое оптимальное соотношение достигается при меньшей величине расходов и низкой надежности работы МРСК. Для этого вводится ряд ограничений в целях отбора значений удельных показателей качества работы, участвующих в построении графиков функциональных зависимостей $i_{ЧВП}^{S_{КР}}$, $i_{СПО}^{S_{КР}}$, $i_{СПП}^{S_{КР}}$ от $S_{КР}$ (формула 1.8.):

$$\begin{Bmatrix} I_{ЧВП}^{МРСК,РСК} \le I_{ЧВП}^{МРСК,отр} \\ I_{СПО}^{МРСК,РСК} \le I_{СПО}^{МРСК,отр} \\ I_{СПП}^{МРСК,РСК} \le I_{СПП}^{МРСК,отр} \end{Bmatrix}, \qquad (1.8.)$$

где $I_{ЧВП}^{МРСК,РСК}$ – значение индекса частоты возникновения перебоев в системе распределительных электросетевых компаний (МРСК, РСК); $I_{СПО}^{МРСК,РСК}$ – значение индекса средней продолжительности отключения потребителей распределительных электросетевых компаний (МРСК, РСК); $I_{СПП}^{МРСК,РСК}$ – значение индекса средней продолжительности перебоев в системе распределительных электросетевых компаний (МРСК, РСК); $I_{ЧВП}^{МРСК,отр}$ – значение индекса частоты возникновения перебоев в системе в среднем по МРСК (если расчеты ведутся по РСК) или по отрасли (если расчеты ведутся по МРСК); $I_{СПО}^{МРСК,отр}$ – значение индекса средней продолжительности отключения потребителей в среднем по МРСК (если расчеты ведутся по РСК) или по отрасли (если расчеты ведутся по МРСК); $I_{СПП}^{МРСК,отр}$ – значение индекса средней продолжительности перебоев в системе в среднем по МРСК (если расчеты ведутся по РСК) или по отрасли (если расчеты ведутся по МРСК).

Таким образом, значения показателей надежности функционирования МРСК, РСК должны быть меньше или равны средним значениям по отрасли или МРСК. Это необходимо для достижения все-

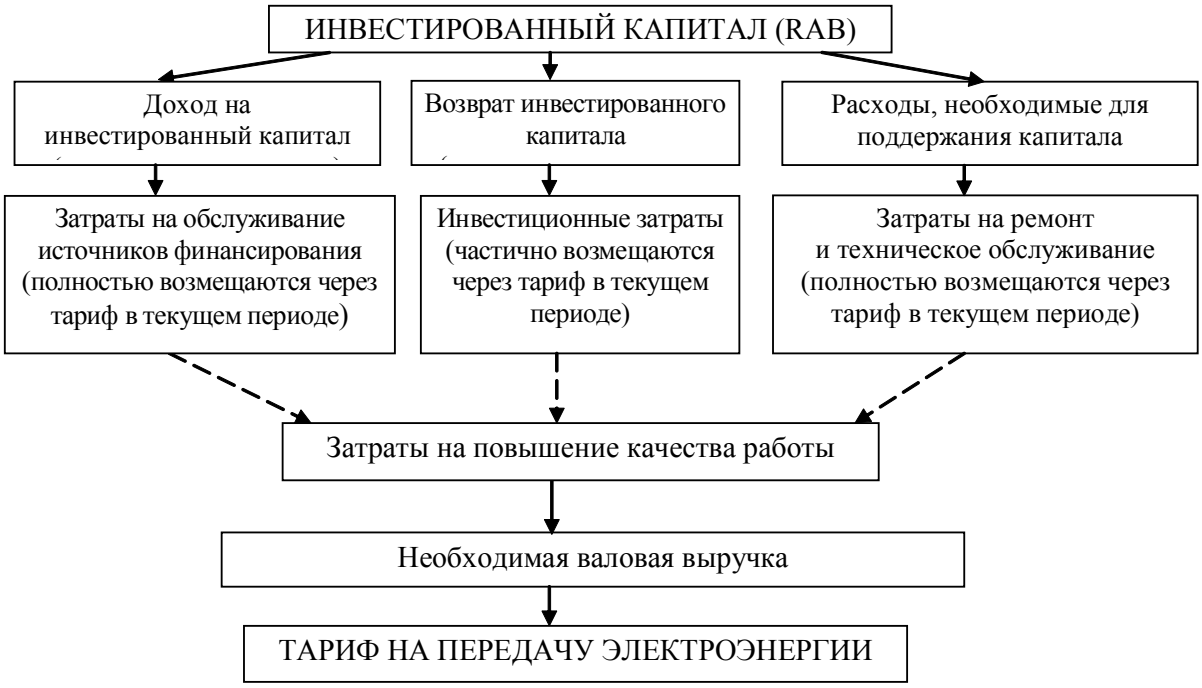

Рис. 2. Влияние оптимизируемых затрат на величину тарифа на передачу электроэнергии

ми рассматриваемыми распределительными электросетевыми компаниями необходимого уровня надежности функционирования. То есть частота возникновения перебоев в системе, средняя продолжительность отключения потребителей и средняя продолжительность перебоев в системе должны быть ниже среднего уровня по МРСК или отрасли за прошедший год (либо планируемого на следующий год среднего уровня).

Также, при необходимости, выделяются релевантные диапазоны затрат, на каждом из которых может достигаться индивидуальный уровень оптимальных расходов на повышение качества работы распределительных электросетевых компаний. Полученные значения $S_{KP}^{ОПТ}$ можно использовать при разработке проектов бюджетов и бизнес-планов МРСК, способствуя при этом снижению тарифа на передачу электрической энергии и контролю за его дальнейшим ростом, при использовании вышеприведенного метода в процессе оценки результатов деятельности электросетевых предприятий федеральной и региональными службами по тарифам при утверждении тарифов для данных компаний. Механизм влияния уровня затрат на повышение качества работы межрегиональных распределительных сетевых компаний на тариф на передачу электрической энергии приведен на рисунке 2.

Таким образом, трем составляющим, которые формируют величину инвестированного капитала (RAB) и необходимую валовую выручку МРСК, соответствует определенный компонент затрат на повышение качества работы распределительных электросетевых компаний. Оптимизация любого из компонентов исследуемых расходов автоматически приводит к снижению тарифа на передачу электрической энергии.

Предложенный принцип оптимизации затрат на повышение качества работы МРСК позволит нормировать, а следовательно, и контролировать инвестиционную компоненту в структуре тарифа на электроэнергию, что будет препятствовать его неоправданному росту и способствовать росту энергетической эффективности экономики страны.

УДК 338.43

Губин Владимир Анатольевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ОСОБЕННОСТИ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ

В статье рассматриваются социально-экономические проблемы, препятствующие эффективному развитию крестьянских (фермерских) хозяйств. Для повышения темпов и эффективности фермерского производства необходима реализация комплекса организационно-экономических мероприятий, поэтому законодательная и аграрная политика региона и федеральных властей должна быть ориентирована в значительной мере на динамичное развитие института фермерских хозяйств.

Ключевые слова: *агропромышленный комплекс, приоритетный национальный проект, крестьянское (фермерское) хозяйство, Костромская область.*

В современных экономических отношениях большое внимание уделяется фермерским хозяйствам, с одной стороны, как эффективному хозяйствующему субъекту и, с другой стороны, как фактору развития агропромышленного комплекса. Однако на данный тип хозяйствования значительное влияние оказывают правовые, социально-экономические, психологические факторы, которые обусловлены следующими обстоятельствами. Во-первых, несовершенством всей нормативно-правовой и экономической базы, несоблюдением и нарушением принятых законодательных норм, неотлаженным рыночным оборотом земель и рядом других правовых положений. Во-вторых, наличием в предпринимательской среде широко разветвлённого криминального бизнеса, сросшегося с местным чиновничьим аппаратом, что серьёзно сковывает работу фермеров и других мелких товаропроизводителей, не позволяет им открыто вести экономику собственного производства. В-третьих, отсутствием у многих селян необходимого стартового капитала для развития малой предпринимательской деятельности и организации крестьянских хозяйств (ещё один негативный фактор, препятствующий росту эффективного фермерского производства). В-четвертых, профессиональной и психологической неготовностью большей части селян к самостоятельному хозяйствованию. Боязнь всевозможных рисков, неуверенность в возможности справиться с многочисленным бюрократическими препонами в организации собственного дела сильно сковывают личную инициативу и предприимчивость крестьян-фермеров, не позволяют им раскрыть весь потенциал своих предпринимательских способностей и возможностей. В-пятых, слабой государственной поддержкой крестьянских хозяйств.

Закономерно напрашивается вопрос: какие следует принимать меры (своего рода ускорители) для того, чтобы в ближайшее время повысить темпы и эффективность фермерского производства? Исследования и накопленный опыт свидетельствуют

© Губин В.А., 2012

о том, что для этого необходима реализация комплекса организационно-экономических мероприятий.

Во-первых, надо постоянно совершенствовать нормативно-правовую базу, обеспечивающую социально-экономическую защищённость прав на земельную и другие виды частной собственности мелких товаропроизводителей и предпринимателей. Уже давно назрела необходимость разработки закона о частной собственности, который, помимо прочего, в обязательном порядке должен определять уровень её социальной защищённости. Особенно актуален этот вопрос в отношении земельной собственности. Важность решения этой задачи состоит в том, чтобы добиться реальной государственной защиты права собственности на землю тем, кто её возделывает. Практика показала, что рынок сельскохозяйственных угодий, включающий продажу, аренду земли и другие возможные сделки, в том числе и с земельными долями, пока ещё развит слабо и представлен преимущественно сделками по аренде паёв. Основными арендодателями для фермеров, как правило, остаются физические лица, сдающие принадлежащие им в близлежащих коллективных хозяйствах земельные паи за определённую плату, которая зависит от размера земельной доли и включает в себя выплату земельного налога, натуральную оплату (от 1-й до 2-х тонн фуражного зерна или фуража и иной продукции), а также весеннюю обработку (вспашку, культивацию) приусадебного участка, оказание помощи в доставке сена, соломы, предоставление различного рода социальных услуг и т.п. В денежном исчислении арендная плата с учётом всех её составляющих колеблется в пределах 900–1200 рублей за 1 га. Приобретение фермерами земли в собственность, а также в пожизненно наследуемое владение происходило преимущественно на первом этапе становления фермерского производства, потому что в начале 1990-х годов при организации крестьянского хозяйства земли передавались в собственность бесплатно. Сегодня этот процесс изменился, оформление земли в собственность в настоящее время требует значительно больше материальных и трудовых затрат. Вот почему к настоящему времени смогли оформить свои земельные доли в собственность только около 20% крестьян, а остальные с юридической точки зрения до сих пор остаются, по существу, безземельными и не могут расширить своё хозяйство. В результате не работает важнейший рыночный механизм – земельно-ипотечное кредитование. Это подтверждается следующим фактом: в ходе реализации приоритетного национального проекта в 2006 г. на всю страну было оформлено лишь несколько десятков ипотечных кредитов. Следует активнее развивать отношения собственности, включая рыночный оборот земли и земельную ипотеку, которые способствовали бы активизации частной инициативы и предприимчивости селян. И это хорошо доказано практикой. Ведь именно личный интерес является одним из самых важных факторов эффективности хозяйственных процессов.

Во-вторых, необходимо постоянно повышать уровень и совершенствовать экономический механизм поддержки крестьянских (фермерских) хозяйств на федеральном и региональном уровне, позволяющие создавать эффективные и конкурентоспособные модели частно-семейного производства. Причём в ближайшей перспективе государственную поддержку крестьянских хозяйств следует осуществлять на основе комплексного подхода по нескольким направлениям: в рамках приоритетного национального проекта и в системе целевых программ регионов, создавая им более благоприятную среду выживания и развития. Реализуемые сегодня на практике мероприятия в рамках приоритетного национального проекта «Развитие АПК», безусловно, окажут и уже начали оказывать положительное влияние на развитие частно-семейных форм хозяйствования и мелкого предпринимательства на селе. Но эти мероприятия не должны быть превращены в разовую компанию, а должны постоянно усиливаться и нести в себе мощный «заряд» и надежду крестьянам на скорый подъём аграрного производства во всех его формах хозяйствования. Но эта надежда сбудется только тогда, когда всё сельское хозяйство, все его формы организации, и крупные, и малые, будут признаны приоритетными, и не на 2–3 года, а на постоянной основе, пока российский крестьянин будет работать на земле. Причем масштабы охвата кредитной поддержкой малых форм хозяйствования, определённых рамками приоритетного национального проекта, должны быть увеличены многократно, а не оставаться на таком недопустимо мизерном уровне (1–2% от всех имеющихся крестьянских (фермерских) хозяйств и личных подсобных хозяйств), как это было реализовано в 2006 году. Сейчас же, по данным опроса, участниками приоритетного национального проекта являются в основном (до 60%) крупные высокотоварные крестьянские (фермерские) хозяйства.

В-третьих, как известно, ОАО «Россельхозбанк» является основным кредитором малых форм хозяйствования в рамках приоритетного национального проекта: по данным отчётности Россельхозбанка, им было оформлено 5455 кредитов крестьянским (фермерским) хозяйствам на сумму порядка 8,4 млрд. рублей. Средний размер кредита, выданного в 2006 году на развитие крестьянских (фермерских) хозяйств, составил 1,53 млн. рублей. Данные о кредитах, выданных по приоритетному национальному проекту «Развитие АПК» через программу финансирования под залог ОАО «Россельхозбанк», представлены в таблице 1 [1; 2; 4; 5; 6].

Таблица 1

Информация о кредитах, выданных крестьянским (фермерским) хозяйствам ОАО «Россельхозбанк» в рамках реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК» за 2006 год

Показатель	Выдано кредитов за 2006 год			Число К(Ф)Х, единиц	Удельный вес К(Ф)Х оформивших кредиты от общего числа хозяйств, в %
	Количество	На сумму, млн. руб.	Средний размер кредита		
Российская Федерация	5455	8363,5	1,53	255445	2,1
Центральный ФО	1351	1865,3	1,38	38767	3,5
Костромская обл.	200	391,3	1,96	3322	6,0

Из таблицы 1 видно, что в программу приоритетного национального проекта по развитию АПК включились 200 крестьянских (фермерских) хозяйств Костромской области. Достаточно высокий показатель свидетельствует об эффективности использования заёмных источников финансирования. Следует отметить, что за первый год реализации приоритетного национального проекта малым формам хозяйствования было выдано порядка 40 млрд. рублей, из которых 32% составляют кредиты, выданные крестьянским (фермерским) хозяйствам, 55% – кредиты, выданные гражданам, ведущим личное подсобное хозяйство, и остальные – сельскохозяйственным потребительским кооперативам. Положительным моментом является то, что реально повысилась доступность кредитов для малых предпринимателей, а их количество возросло в десятки раз по сравнению с уровнем 2005 года. Этим самым было положено начало созданию национальной кредитной системы в сельском хозяйстве, что уже дало положительный результат. Вместе с тем в процессе осуществления предложенных приоритетным национальным проектом мероприятий возникают определённые сложности. Поэтому важно постоянно совершенствовать систему кредитования фермеров с учётом тех негативных моментов, которые выявились в ходе реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК» в 2006 г. Так, в более тщательном анализе нуждаются требования, выдвигаемые банками относительно поручителей, а имеющееся залоговое имущество часто не обеспечивает получения желаемой суммы. Многие заёмщики выражают недовольство тем, что процентная ставка субсидируется лишь после выплаты основной суммы долга с начисленными процентами, в то время как положенная к возврату в течение трёх месяцев сумма субсидий могла бы быть включена в хозяйственный оборот, с тем чтобы и за счёт этого можно было приращивать доход. Попрежнему довольно сложной остаётся процедура оформления кредитов, из-за чего не все малые и даже средние предприятия могут получать необходимые им кредитные ресурсы. К тому же на практике значительная часть кредитов используется не по назначению (на покрытие текущих расходов, погашение долгов и т.д.), что, естественно, не субсидируется, да и не оказывает решающего влияния на развитие производства. Пока ещё очень мало кредитов от их общего числа оформляется в виде инвестиционных, которые должны стать стратегическим направлением развития крестьянских (фермерских) хозяйств и других малых предпринимательских структур. И наконец, негативной тенденцией в кредитовании малых форм хозяйствования является распространение бюрократизации на фоне кризисного состояния сельского хозяйства. В результате в процесс кредитования включается административный ресурс: навязывается целая система разрешений, проверок, ограничений деятельности малых форм хозяйствования, особенно после получения кредитов, что тормозит всю работу по реализации приоритетного национального проекта. В конечном счёте, как следует из приведённых в таблице 1 данных, существует большая дифференциация как по количеству выданных фермерам кредитов, так и по их размеру, и особенно по охвату фермеров, вовлечённых в процесс кредитования (даже в рамках одного федерального округа различия между отдельными регионами составляют разы). Ну и, конечно же, сам объём денежных средств, ежегодно утверждаемых в расходной части федерального бюджета страны на нужды АПК, следовало бы увеличить как минимум в 2 раза. Вместо принятого на 2007 год объёма в размере менее 1% довести его хотя бы до уровня лучших лет развития аграрного производства в России периода 80-х годов прошлого столетия. Только при таком отношении государства к сельскому хозяйству и ко всем живущим и работающим на селе российский крестьянин-фермер обретёт своё достойное место и уважение, а безработица и сельская бедность, надо полагать, уйдут в прошлое.

В-четвёртых, важно ускорить создание гарантированного рынка сбыта продукции мелких товаропроизводителей, направленное на создание более устойчивого и регулируемого производства. Актуально это потому, что на сегодняшний день устойчивых, стабильных хозяйственных связей, прочного партнёрства между крестьянскими хозяйствами, торговлей и потребителями просто нет.

Деятельность посреднических структур в существующих условиях приводит к неоправданному замедлению товародвижения, удорожанию конечной продукции, присвоению ими части прибыли, созданной производителями. Анализ сложившейся системы реализации продукции в крестьянских хозяйствах показал, что фермеры постоянно сталкиваются с проблемой оптового сбыта. У многих из них нет крупных покупателей. Число потребителей в среднем на одно хозяйство составляет менее 10–15 в год, причём сильно ограничено число постоянных потребителей, регулярно закупающих продукцию. Основными каналами сбыта для фермеров являются перерабатывающие предприятия, коммерческие заготовительные организации, частные предприниматели, и небольшая часть сельхозпродукции реализуется на местном и региональных рынках. По результатам опросов фермеров, среди разных каналов реализации одни выделяют сбыт продукции по индивидуальным скупщикам (в 2007 г. – 30,3%, в 2008 г. – 17,2%, в 2009 г. – 21,4%), перерабатывающим предприятиям (19,3%, 19,2% и 22,9% соответственно) и лишь 4% ответов в 2008 г. и 8% в 2009г. были отданы другим каналам сбыта, к числу которых были отнесены владельцы личных подсобных хозяйств, воинские части, оптовые фирмы, ярмарки и т.п. Почти 8% ответов фермеров – участников съезда АККОР в 2008 г. и 2009 г. – касались реализации произведённой в их хозяйствах продукции через сельхозпредприятия. Соответствующие данные отражены в таблице 2.

Для решения этой проблемы необходимо совершенствовать действующую систему государственных закупок. Одним из направлений деятельности в этой области является привлечение потребительских обществ Центросоюза России, включающего 3,5 тыс. потребительских обществ, около 60 тыс. торговых предприятий, 8,8 тыс. пунктов по приёму молока, 354 скотобойных пункта, свыше 9 тыс. производственных цехов для переработки сельскохозяйственной продукции, 2 тыс. специализированных приёмозаготовительных пунктов и 25 тыс. сельских магазинов по закупке сельхозпродукции и сырья у населения, около 650 рынков районного и регионального значения в 62 субъектах РФ. Целесообразно наладить работу по разработке и внедрению механизмов передачи и сдачи в аренду бездействующих производственных площадей, в том числе складов и хранилищ, мини-цехов по переработке сельскохозяйственной продукции и прочего имущества обанкротившихся и ликвидируемых сельхозпредприятий, незавершённых объектов производственного значения.

В-пятых, необходимо продолжать деятельность регионов по формированию рыночной инфраструктуры. Принятые к исполнению меры по изменению ситуации на розничных рынках продовольствия в настоящее время ещё не способствуют положительному решению проблемы доступа к ним мелких сельхозтоваропроизводителей. Как показала практика, самим фермерам возить урожай в областные центры невыгодно из-за высоких транспортных расходов, оформления необходимых документов на продажу, завышенной стоимости аренды торговых мест, а также, что оказалось самым важным для предпринимателя, вследствие больших затрат производственного времени. Из всего вышесказанного следует вывод о том, что посредник всё же нужен, но работать ему надо в интересах производителя и потребителя, а деятельность должна быть высокоорганизованной – в форме сбытовых кооперативов. Планово-централизованная работа потребительских кооперативно существенно облегчает деятельность субъектов малого предпринимательства района и концентрирует их усилия в основном на производстве сельскохозяйственной продукции, что оказывает в целом положительное влияние на развитие всего аграрного сектора.

И наконец, заметную роль в развитии фермерства должно играть местное самоуправление, на что указали 13,6% опрошенных фермеров – участников съезда АККОР в 2007 г., 12,4% – в 2008 г., 13,2 – в 2009 г. Основная задача органов сельского местного самоуправления должна заключаться в формировании благоприятной среды для развития эффективного и социально ориентированного аграрного предпринимательства на территории конкретного сельского муниципального образования. В качестве главных целей сельских администраций в процессе их деятельности по формированию

Таблица 2

Предпочтения фермеров в отношении каналов реализации произведённой ими сельскохозяйственной продукции (в % от полученных ответов; по результатам опроса фермеров – участников съезда АККОР) [3]

Каналы реализации	2007	2008	2009
Государственные структуры	11,7	23,2	11,4
Местные рынки	34,5	28,3	28,6
Перерабатывающие предприятия	19,3	19,2	22,9
Индивидуальные скупщики	30,3	17,2	21,4
Сельхозпредприятия	-	8,1	7,1
Другие	4,2	4,0	8,6
Итого	100	100	100

и развитию фермерского сектора можно назвать такие, как содействие и упрощение доступа крестьян к финансовым и имущественным ресурсам, поручительство при оформлении кредита, повышение уровня их информированности, социальное обустройство сельской местности, развитие на селе рыночной инфраструктуры.

Таким образом, особенностью функционирования фермерских хозяйств в современных условиях является их постоянная зависимость от всех субъектов агропромышленного комплекса. Грамотное управление факторами внутренней и внешней устойчивости предприятия должно повлиять на стабильность его деятельности, позитивное динамическое функционирование всей социально- экономической системы.

Библиографический список

1. Костромская область в цифрах: стат. сб. / Костромастат. – Кострома, 2011. – 148 с.

2. Костромская область. Стат. ежегодник: стат. сб. / Костромастат. – Кострома, 2010. – 450 с.

3. *Кудряшов В.И.* «Тормоза» и «Ускорители» фермерского производства // Вопросы статистики. – 2008. – №8. – С. 67–69.

4. Российский статистический ежегодник: стат. сб. – М., 2011. – 795 с.

5. Россия в цифрах. 2011: крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 581 с.

6. Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 446 с.

УДК 378

Еремин Виктор Николаевич
Ивановский государственный университет
decan_eco@ivanovo.ac.ru
Еремина Елена Викторовна
Ивановский государственный университет
e.eremina71@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ФАКТОРАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ ЧАСА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ

В статье приводятся результаты анализа влияния различных факторов на стоимость часа педагогической нагрузки при реализации внебюджетной формы обучения. Выявлено, что главным фактором повышения стоимости часа является количество студентов, однако эта зависимость имеет гиперболический характер. Фактором, определяющим темпы роста стоимости часа, является объем средней индивидуальной нагрузки, приходящейся на одного студента в год. Эта зависимость обратно пропорциональная.

Ключевые слова: *внебюджетные средства, стоимость одного часа, индивидуальная нагрузка, гиперболическая функция, дифференцированная рента, количество студентов.*

Распределению внебюджетных средств, поступающих в вузы за реализацию образовательных программ по подготовке специалистов на условиях полного возмещения затрат, всегда уделялось очень большое внимание. В начале 1990-х годов, когда эта деятельность получила широкое распространение, вузы в этом вопросе выбирали самостоятельно совершенно различные варианты. В одних все средства поступали в распоряжение ректората, а затем перераспределялись на нужды вуза по объективным (или субъективным!) критериям. В наиболее демократичных вузах, к коим относился и Ивановский государственный университет (ИвГУ), возглавляемый в то время профессором В.Н. Латышевым, средства пропорционально делились между централизованным фондом (ректорат) и фондом факультетов. Первое «Положение о порядке образования, распределения и использования фонда внебюджетных средств» было принято Ученым советом ИвГУ в 1992 году. На основании этого положения формировались Централизованный фонд внебюджетных средств (ЦФВС) и фонд внебюджетных средств факультетов (подразделений), осуществляющих внебюджетную деятельность, приносящую доход (ФВСФ). Распределение между фондами осуществлялось в следующих пропорциях: 70% – в ФВСФ, 30% – в ЦФВС. Эта пропорция была изменена в 1996 году на 65% и 35% соответственно.

В 1999 году было принято новое положение, которое распределило фонды на 60% ФВСФ и 40% ЦФВС. Но еще большую проблему для экономического факультета создало вновь введенное правило о составлении смет расходования ФВСФ отдельно по каждой специальности, если обучение ведется с различной стоимостью, что создавало основу для назначения различной стоимости одного часа преподавательской нагрузки на разных специальностях. Как декан экономического факультета, заручившись поддержкой ученого совета факультета, я писал служебные записки, выступал на заседаниях ученого совета ИвГУ в период обсуждения предлагаемых изменений. Наши доводы были следующими. Факультет является единым образованием, структурным подразделением вуза, которым реализуются учебные программы, при этом кафедры факультета ведут учебные дисциплины не только по своей (профильной), но и по всем

© Еремин В.Н., Еремина Е.В., 2012

другим специальностям факультета. Чрезмерное дробление, особенно для экономического факультета, на котором (в тот период) было семь специальностей, по каждой из которых реализовывалось от трех до четырех форм обучения (дневное, заочное, заочное ускоренное 3,5 и 2,5 года), привело бы к неоправданному дроблению и многократному увеличению плановой и отчетной документации. Но самым сложным будет ухудшение социального климата в коллективе, когда преподаватели одной и той же кафедры, имеющие одинаковую квалификацию, отработавшие одинаковое количество часов, но на разных специальностях, будут получать разную заработную плату. Возникнут трения по поводу закрепления нагрузки, «выгодных» и «невыгодных» учебных дисциплин. Объективно существующая дифференциация цен на обучение определялась различными конъюнктурными факторами: повышенным спросом на отдельные специальности, предложениями со стороны конкурентов на региональном рынке образовательных услуг, платежеспособностью потенциальных клиентов, экономической ситуацией в регионе и т.д. Однако все это – конъюнктурные составляющие. Но наши доводы не были услышаны, процесс размежевания преподавателей факультета на «богатых» и «бедных» был запущен.

Наконец, в 2000 году под руководством нового ректора В.Н. Егорова Ученый совет ИвГУ принял действующее до настоящего времени распределение внебюджетных средств в пропорции: 55% – ФВСФ и 45% – ЦФВС. Положение о разных ценах за час преподавательской нагрузки сохранилось, что послужило основой большого количества конфликтов в ежегодных обсуждениях и утверждениях смет и стоимости часа нагрузки на разных специальностях факультета.

Процесс постепенного сознательного выравнивания цен на разных специальностях факультета был начат на экономическом факультете в 2006 году, с 2009 года стоимость обучения, начиная с первого курса, по всем специальностям была установлена одинаковой. Однако доводы об уменьшении дифференциации стоимости одного часа преподавательской нагрузки воспринимались очень эмоционально. Разрешение этой ситуации стало возможным после более тщательного анализа факторов, влияющих на стоимость одного часа нагрузки. Это стало тем более необходимым, поскольку распоряжением ректора фонд оплаты труда преподавателей факультета, формируемый из ФВСФ, был уменьшен на 2011/2012 учебный год на 10%.

Стоимость одного учебного часа (Y) определяется на основе вышеуказанного «Положения о порядке образования, распределения и использования фонда внебюджетных средств» как частное от деления суммы средств, выделенных факультетом из ФВСФ на оплату труда преподавателей – фонд оплаты труда (ФОТ), на трудоемкость – общее число часов (Т), приходящихся по учебному плану на всех преподавателей, работающих на данной специальности:

$$Y = \frac{ФОТ}{T}.$$

ФОТ определяется как произведение доли средней стоимости годового обучения студента, приходящейся на ФОТ факультета (Р), на количество студентов, обучающихся на всех курсах по специальности (N): ФОТ=Р×N.

Трудоемкость (Т) определяется как сумма аудиторной нагрузки по учебному плану специальности (А) и произведения средней индивидуальной нагрузки, приходящейся на одного студента в год (I), на количество студентов, обучающихся на всех курсах специальности (N):

$$T=A+I\times N.$$

Следовательно:

$$Y = \frac{ФОТ}{T} = \frac{P \times N}{A + I \times N}.$$

Объемы аудиторной нагрузки (А) на весь период обучения по заочной сокращенной (3 года) форме обучения (получение второго высшего образования) и средней индивидуальной нагрузки на одного студента в год (I) по всем специальностям факультета приведены в таблице 1.

В аудиторную нагрузку включаются все виды групповых занятий: лекции, практические занятия, лабораторные работы, коллективные консультации и т.д.

В индивидуальную нагрузку включаются зачеты, экзамены, руководство курсовыми и дипломными работами, проверка контрольных работ и т.д.

Для более точного определения зависимости функции Y от N произведем некоторые преобразования указанной формулы:

Таблица 1

Объем нагрузки по специальностям факультета

Специальность / Нагрузка	1	2	3	4	5	Среднее значение
А	502	566	548	536	506	532
I	23,67	23,08	26,42	24,58	21,42	23,83

$$Y=\frac{P\times N}{A+I\times N}=\frac{PN\times IP}{(IN+F)\times IP}=\frac{P\times IPN}{I\times(IPN+AP)}=$$
$$=\frac{P}{I}\times\left[\frac{(IPN+AP)-AP}{IPN+AP}\right]=$$
$$=\frac{P}{I}\times\left(\frac{IPN+AP}{IPN+AP}-\frac{AP}{IPN+AP}\right)=\frac{P}{I}\times\left(1-\frac{AP}{IPN+AP}\right)=$$
$$=\frac{P}{I}\times\left[1-\frac{AP:AP}{(IPN+AP):AP}\right]=\frac{P}{I}\times\left(1-\frac{1}{\frac{I}{A}N+1}\right)$$

Примем $\frac{P}{I}=K_1$, причем $K_1>1$ всегда;

$\frac{I}{A}=K_2$, причем $K_2<1$ всегда.

График функции

$$Y=K_1\times\left(1-\frac{1}{K_2N+1}\right)=K_1\left[1-\frac{1}{K_2\left(N+\frac{1}{K_2}\right)}\right]$$

можно получить из графика функции $Y=\frac{1}{N}$ (обратной пропорциональности) с помощью следующих преобразований. N – независимая переменная, принадлежащая множеству натуральных чисел (или N>0).

1. График функции $Y=\frac{1}{N+\frac{1}{K_2}}$ из графика функции $Y=\frac{1}{N}$ получается параллельным переносом на $\frac{1}{K_2}$ единиц влево вдоль оси 0N.

2. График функции $Y=\frac{1}{K_2\left(N+\frac{1}{K_2}\right)}$ из графика функции $Y=\frac{1}{N+\frac{1}{K_2}}$ получается растяжением вдоль оси 0Y в $\frac{1}{K_2}$ раз.

3. График функции $Y=-\frac{1}{K_2\left(N+\frac{1}{K_2}\right)}$ из графика функции $Y=\frac{1}{K_2\left(N+\frac{1}{K_2}\right)}$ получаем симметрией относительно оси 0N.

4. График функции $Y=1-\frac{1}{K_2\left(N+\frac{1}{K_2}\right)}$ получаем из графика функции $Y=-\frac{1}{K_2\left(N+\frac{1}{K_2}\right)}$ параллельным переносом вдоль оси 0Y на 1 единицу вверх.

5. График функции $Y=K_1\left[1-\frac{1}{K_2\left(N+\frac{1}{K_2}\right)}\right]$ получаем из графика функции $Y=1-\frac{1}{K_2\left(N+\frac{1}{K_2}\right)}$ растяжением вдоль оси 0Y в K_1 раз. При этом прямая $Y=K_1$ является горизонтальной асимптотой нашей функции, так как $\lim\limits_{N\to\infty}\left(K_1\left[1-\frac{1}{K_2N+1}\right]\right)=K_1$.

В итоге мы преобразовали дробно-линейную или целевую функцию относительно переменной N, графиком которой является гипербола (рис. 1).

На основе таблицы 1 построим таблицу стоимости одного часа педагогической нагрузки (Y) в зависимости от количества обучающихся на специальности студентов (N) при P=10500 руб. Эта величина, определяемая существующим на настоящий момент в ИвГУ Положением о распределении внебюджетных средств, составляет 35% от стоимости годового обучения студентов, получающих второе высшее образование на экономическом факультете по ускоренной заочной форме (3 года). Yj –

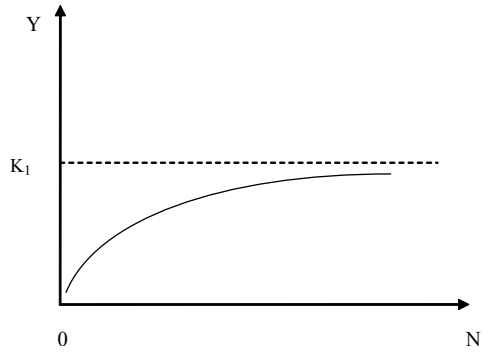

Рис. 1. График функции $Y=\frac{PN}{A+IN}$

Таблица 2

Стоимость часа (руб.) по специальностям в зависимости от N (чел.)

Y \ N	10	20	30	40	50	60	70	80	90	100	110
ΔY_1	+142,14	+73,16	+44,58	+30,02	+21,58	+16,27	+12,70	+10,19	+8,36	+6,98	+5,92
Y_1	142,14	215,30	259,88	289,90	311,48	327,75	340,45	350,64	359,00	365,98	371,90
ΔY_2	+131,78	+72,58	+46,96	+31,71	+23,20	+17,71	+13,97	+11,29	+9,32	+7,82	+6,66
Y_2	131,78	204,36	250,32	282,03	305,23	322,94	336,91	348,20	357,52	365,34	372,00
ΔY_3	+129,28	+65,81	+39,88	+23,63	+22,23	+14,43	+11,28	+9,02	+7,39	+6,16	+5,23
Y_3	129,28	195,09	234,97	258,60	280,90	295,3	306,58	315,60	322,99	329,15	334,38
ΔY_4	+134,31	+70,05	+43,01	+29,09	+20,99	+15,86	+12,40	+9,97	+8,18	+6,84	+5,80
Y_4	134,31	204,36	247,37	276,46	297,45	313,31	325,71	335,68	343,86	350,70	356,50
ΔY_5	+145,79	+78,95	+49,51	+33,94	+24,72	+18,81	+14,79	+11,94	+9,83	+8,25	+7,01
Y_5	145,79	224,74	274,25	308,12	332,91	351,72	366,51	378,45	388,28	396,53	403,54

стоимость одного часа на j-специальности (j=1, 2, 3, 4, 5); ΔYj – изменение стоимости часа при увеличение N на 10 студентов.

Анализ графика (рис. 1) и таблицы 2 позволяет сделать следующие выводы.

1. $K_1 = \frac{P}{I}$ определяет максимально высокую (но недостижимую!) стоимость одного часа учебной нагрузки (Y). При одинаковой P для всех специальностей «Y» будет тем больше, чем меньше объем индивидуальной нагрузки I.

2. Темпы роста стоимости одного часа на разных специальностях зависят также от величины индивидуальной нагрузки (I). Чем меньше I, тем больше темпы роста Y. Для наших условий это выполняется уже при N=22 и более.

3. Увеличение количества студентов (N) – главный фактор повышения стоимости одного часа нагрузки. Поскольку количество студентов, обучающихся на конкретной специальности, зависит в основном от конъюнктуры на рынке образовательных услуг (по крайней мере, на первом курсе), следовательно, это является по существу дифференцированной рентой, которую следует справедливо перераспределять на все остальные специальности факультета.

4. Решение вышеназванного предложения будет более «безболезненно» воспринято коллективом факультета, если будут выровнены объемы индивидуальной нагрузки по специальностям. Резервы, в первую очередь, видятся в пересмотре количества контрольных и курсовых работ по дисциплинам учебных планов специальностей.

5. Гиперболический характер кривой (рис. 1) ставит вопрос о приемлемом (для факультета) количестве студентов, обучающихся по коммерческой форме. За пределами 80 человек (по каждой специальности) по одной форме обучения рост стоимости сокращается до экономически нецелесообразного по сравнению с ростом общей педагогической нагрузки.

6. Увеличение количества студентов на каждые 10 человек требует увеличения 0,7 ставки, начиная от N=20 студентов. При N=80 количество ставок составит приблизительно 5,5 единиц. Поскольку факультет реализует коммерческую подготовку по всем пяти специальностям и направлениям по четырем формам, то при таких условиях факультет должен располагать (при индивидуальной нагрузке на одного преподавателя в размере 900 часов) 80–100 ставками. Или привлекать для обучения такого количества коммерческих студентов сторонних преподавателей. Общее количество коммерческих студентов будет при этом находиться в пределах 1500–2000, что создает проблемы и с аудиторным фондом.

7. Целесообразным (напряженным, но выполнимым) считаю N=60, то есть на каждом курсе по 20 студентов. В нашем примере рассматривается ускоренная 3-летняя подготовка. Напоминаю, N – число студентов, обучающихся по одной специальности одной формы обучения. При этом условии общее число студентов будет составлять ≈1200 человек, потребуется ≈60–65 преподавательских ставок. С учетом отсева неуспевающих студентов необходимо на первом курсе формировать группы по 25–30 студентов каждой специальности, направлению, профилю и форме обучения.

УДК 330

Ратькова Александра Борисовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ratkova.a@yandex.ru

КОРРЕКТИРУЮЩЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА НА ЭКОНОМИКУ: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

В статье рассматривается проблема корректирующего воздействия государства на экономику, а также границы этого воздействия в условиях свободного и реального рынка. Автор приводит дополнительные аргументы в пользу точки зрения, согласно которой проблема функциональной деятельности государства не ограничивается масштабами государственного корректирующего воздействия на экономику, а заключается также в обоснованности задач, которые ставятся, и способов, которые выбираются для их решения.

Ключевые слова: *государство, функции государства, «провалы» рынка, «провалы» государства.*

Углубляющаяся в XXI веке информационная, производственная, финансовая и цивилизационная интеграция вызывает необходимость корректирующего функционального воздействия государства на экономику. Наличие «провалов» рынка вызывают появление у государства особых функций, обусловливающих необходимость его участия непосредственно в процессе воспроизводства, хотя следует подчеркнуть, что их осуществление может принимать разные формы – от полного огосударствления до государственного контроля либо партнерства с частным предпринимательством. Функции, выполняемые государством по компенсации «провалов» рынка, составляют максимальные границы его вмешательства в экономику свободного рынка. Однако в экономике реального рынка эти функции образуют минимально необходимые границы его регулирования. Нерегулируемого рынка вообще не бывает, ибо в определенном воздействии со стороны государства нуждается даже идеальный свободный рынок. Корректирующими воздействиями государства в случае «провалов» рынка являются, прежде всего, создание нормативно-правовой среды, где регламентируются отношения собственности, контрактные отношения, права потребителей, антимонопольное законодательство и регулирование деятельности естественных монополий, качество работы судебных органов. Меры косвенного воздействия могут включать в себя налоги, субсидии, штрафы за причиненный ущерб, страхование рисков. Кроме того, в соответствии с понятием цивилизованности, участие государства в экономической жизни XXI века вызвано и определенными социальными условиями: заботой об инвалидах, детях, стариках, малоимущих, необходимостью регулирования рынка труда, принятия мер по сокращению безработицы. Обычно рынки слабо справляются с выполнением таких общественных задач, как здравоохранение, образование. Например, фирмы, производящие дешевые трудоемкие товары или эксплуатирующие природные ресурсы, зачастую не испытывают потребности в более квалифицированных кадрах и могут уделять мало внимания их здоровью, если на рынке труда существует избыток рабочей силы. Дело в том, что в реальном конкурентном рынке обнаруживаются новые области экономической жизни, где проявляется ограниченность механизма рынка. Возникает необходимость участия государства в хозяйственных процессах. Совокупность этих областей определяет максимально допустимые границы вмешательства государства в экономику:

1. Рыночная экономика влечет за собой значительное неравенство в распределении денежного дохода, а следовательно, и национального продукта. Неравномерность распределения доходов в условиях рынка определяется тем, что основу современной рыночной экономики составляет крупная частная собственность, которая сосредоточена в руках относительно небольшой части населения. Большинство граждан – наемные работники, для которых оплата труда является основным источником средств существования. Если государство не будет регулировать перераспределение доходов между собственниками и наемными работниками посредством налогов, то большая часть доходов неизбежно будет переходить в руки собственников. Кроме того, если для большинства работников основным источником средств существования в условиях рыночной экономики является продажа своего труда, то могут возникнуть ситуации, когда он не сможет этим воспользоваться (например, утрата трудоспособности с возрастом, в связи с болезнью, инвалидностью). Поэтому государство вынуждено создавать специальные страховые фонды, посредством которых оно концентрирует значительные финансовые ресурсы и тем самым обеспечивает надежную социальную защиту населения страны. Здесь минимальная граница вмешательства государства зависит от текущего состояния экономики, уровня жизни в стране. А максимальная граница определяется размером социальных выплат, которые должны быть согласованы с возможностями государства; размерами налогов, которые не должны подрывать экономические стимулы владельцев факторов производства.

2. Механизм рынка не реализует автоматически право на труд для тех, кто может и хочет работать. В рыночной экономике неизбежна безработица. Функцией государства становится регулиро-

© Ратькова А.Б., 2012

вание рынка рабочей силы с целью поддержания определенного уровня занятости, материального обеспечения людей, утративших рабочие места или не сумевших найти их.

3. Развитие фундаментальных научных исследований и связанных с ними крупных инвестиций с длительными сроками окупаемости, высокой степенью риска и неопределенностью в отношении прибыли практически не под силу рыночному механизму. Функцией государства является стимулирование структурной политики и научно-технического прогресса. Напротив, рынок эффективно работает при освоении перспективных видов новой техники и технологии.

4. Реализация национальных интересов в мировой экономике предполагает проведение государством соответствующей внешнеторговой политики, контроль над международной миграцией капиталов и рабочей силы, воздействие на валютные курсы, управление платежными балансами.

Таковы верхние максимально допустимые границы вмешательства государства в рыночную экономику. Эти рамки достаточно широки для того, чтобы разумный симбиоз государственного регулирования и эффективно работающего механизма рынка позволил решить основные социально-экономические проблемы современного общества. Проблема экономической роли государства и его функций не ограничивается масштабами государственного участия в экономике, а заключается также в обоснованности задач, которые ставятся, и способов, которые выбираются для их решения. Величина получаемого позитивного результата зависит во многом от оптимального сочетания государственного и рыночного регулирования. В контексте сказанного приведем выдержку из работы нобелевского лауреата Джозефа Стиглица: «Сегодня, говоря о роли государства, экономисты ставят вопрос не только о провалах рынка, но также и об ограничениях для правительства, чтобы предлагаемые им средства лечения не оказались дороже рыночных недомоганий» [4, p. 143–144]. Действительно, чрезмерное вмешательство государства подрывает действие системы саморегулирования и приводит к снижению эффективности. Кроме того, при чрезмерном вмешательстве само государство страдает от бюрократизма и коррупции, появляются так называемые «провалы» государства, то есть неспособность его обеспечить эффективное распределение ресурсов и соответствие социально-экономической политики принятым в обществе представлениям о справедливости. Наиболее детально концепцию о «сбоях» государства обосновал американский экономист Дж. Бьюкенен. [1]. Предпосылки к сбоям в функциональной деятельности государства заключаются в том, что чем сложнее экономика, тем более масштабный объем прав собственности экономические субъекты передают в руки государства. Для реализации своих задач по контролю над правами собственности (как и других сферах деятельности) государство неизбежно создает свою систему, в частности, аппарат государственных служащих. Им вверяется право осуществлять контроль за реализацией той или иной функции государства. Система функционирования аппарата служащих неизбежно связана с издержками своей деятельности. Одним из «провалов» государства, отмеченным институциональной теорией, являются искажения в передаче информации. Проблема несовершенства информации, ведущая к неэффективности рынка, не менее важна и для государства. Система контрактов между частным сектором и государством многозвенна. Это нередко приводит к искажениям в передаваемой информации. Не следует также забывать, что участники контрактов могут субъективно по-разному воспринимать одну и ту же информацию. Кроме того, в случае усложнения внутренней структуры государства растет численность государственных служащих и, следовательно, выше искажения циркулирующей внутри государственного аппарата информации. В свою очередь, сбои информации обусловливают отклонения результатов деятельности государства от поставленных задач.

Осуществляя регулирующее воздействие в случае «провалов» рынка и, прежде всего, предупреждая их, государство должно следить за возможными неблагоприятными последствиями своих действий и при необходимости корректировать их. Нужно учитывать то, что между принятием решений, их реализацией и результатами реализации возникают временные интервалы (лаги), которые также могут привести к «провалам» государства. В связи с этим важно помнить о законе непредвиденных последствий, суть которого заключается в том, что в результате осуществления каких-либо мероприятий желаемый результат не достигается, достигается с большими издержками или достигается противоположный результат. С течением времени взаимодействие государства и рынка приводит к одновременному видоизменению обоих механизмов. Следует обратить внимание, что наряду с государством, оказывающим существенное корректирующее воздействие на «провалы» рынка, наблюдаются элементы корректирующего воздействия механизмов рынка на «провалы» государства. Так интеграция в государственную структуру норм экономического поведения, свойственных рынку, сказывается на развитии рынка, что позволяет большинство проблем решать быстрее и эффективнее за счет компромиссных решений, выгоды от которых для рыночной системы больше издержек. Однако нельзя не отметить тот факт, что активнее становятся прямые и косвенные методы воздействия бизнеса на государство, позволяющие интересы тех или иных групп делать превалирующими [3, с. 155].

Это вызывает необходимость более ощутимого присутствия «видимой руки», под которой подразумевается процесс сознательного регулирования поведения экономических субъектов со стороны государства. Практика развитых стран Запада свидетельствует о значительном усилении роли государства в повышении конкурентоспособности отечественных предприятий на внешнем рынке, развитии инфраструктуры, науки, средств связи, сбора информации, модернизации и адаптации системы налогообложения. Несмотря на сокращение некоторых государственных функций, связанных с социальной защитой населения, управлением внешней торговлей и воздействием на национальную конъюнктуру, участие бюджета в ВВП остается неизменным, если не усиливается. Растет число экологических, санитарных и других технических норм и стандартов, которые государство включает в рамки своей структурной политики. Ужесточаются ограничения на иммиграцию рабочей силы. Исходя из данного контекста, более уместно говорить о реформе института государственного регулирования, чем его дерегулировании [2, с. 14]. Многие глобальные компании обязаны своим существованием большим общественным субсидиям и другим правительственным мерам, становится привычнее перенос убытков отдельных компаний на общество, при этом «не менее двадцати компаний из списка Fortune 100 не выжили бы, не будь они спасены своими правительствами, обобществившими их убытки» [5, s. 45]. В то же время о границах функциональной деятельности государства в экономике следует говорить исходя из конкретной социально-экономической и политической ситуации в стране, прошлых традиций и представлений, преобладающих политических настроений, а также стоящих перед страной задач. Из истории большинства стран мы видим, что очень часто государство, выполнив важную функцию, например, ускорителя экономического развития или решения крупных социальных задач, оказывалось в плену собственного успеха и переставало учитывать то, что издержки государственного вмешательства уже начинают перевешивать преимущества государственной поддержки национальной экономики или перераспределения национального продукта в пользу отдельных социальных групп.

В заключение следует отметить: если возрастание функций государства продиктовано спросом на них со стороны различных групп населения, необходимостью предоставления благ и услуг, которые не дает частный сектор, то усиление функционального воздействия государства имеет веские основания. Если же расширение функций государства деформирует способность общества к нововведениям и экономическому развитию, если государство стремится патронировать отдельных представителей экономической элиты в ущерб обществу, если оно начинает функционировать как некая самодостаточная структура в своих интересах, тогда деятельность государственных институтов наносит прямой ущерб обществу и расширение их функций нежелательно.

Библиографический список

1. *Buchanan J.M.* Freedom in Constitutional Contract. Perspectives of Political Economy. – London: College Station, 1997.

2. *Драшкович В., Драшкович М.* Неолиберальный миф о «минимальном государстве» // Экономическая наука современной России. – 2012. – №3.

3. *Ратькова А.Б.* Симбиоз государства и рынка // Воздействие институтов рынка на государственное регулирование экономики: монография. – Ярославль: НП ИЦ Издательский сервисный центр «Ярославль», 2011.

4. *Stiglitz J.* Principles of Macroeconomics. – Stanford University, 1996.

5. *Chomsky N.* Profit iznad Ijudi: neoliberalizam i globalni poredak. – Novi Sad: Svetovi, 1999 (*Хомский Н.* Прибыль на людях. – М.: Праксис, 2002).

УДК 338.24

Свиридов Николай Никитович
Блинов Михаил Владимирович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ИНСТИТУТЫ В СИСТЕМЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье освещаются функции институтов и их влияние на эффективность управления муниципальными образованиями.

Ключевые слова: *институты, муниципалитеты, эффективность, динамика развития.*

В повышении качества жизни возрастающая роль принадлежит первичным звеньям территориального управления – муниципальным образованиям. Неравномерность и значительные различия в социально-экономическом развитии регионов требуют по-новому взглянуть на эту проблему – с позиций методологии институционализма, имеющей значительный научный потенциал, который позволяет выявить резервы устойчивой динамики роста экономики и социального развития.

Задача данной статьи заключается, во-первых, в том, чтобы выявить специфические черты и характерные особенности формальных и неформальных институтов в системе муниципального управления. Во-вторых – показать дефекты институтов, существенно тормозящие эффективному использованию местного экономического, социального и человеческого капитала. И, в-третьих, обозначить направления по совершенствованию институциональной среды муниципальных образований.

Совершенно очевидно, что местное самоуправление формирует и региональное гражданское общество. Местное самоуправление является одной из основ конституционного строя, основополагающим принципом организации власти. Во всём мире вопросам местного самоуправления отводится значительная роль; оно рассматривается как высший уровень управления, неотъемлемый признак гражданского общества.

Основы реформирования местного самоуправления и муниципального управления заложены в Европейской Хартии местного самоуправления[1]. Содержащиеся в этом документе, принятом на Совете Европы в 1990 г., положения направлены на защиту и усиление независимости местной власти в различных странах Европы. Отметим некоторые из них:

– местное самоуправление является одним из главных фундаментов любого демократического режима;

– оно позволяет управлять эффективно, непосредственно соприкасаясь с населением;

– в основе реформирования местного самоуправления положены принципы демократии и децентрализации;

– компетенция, предоставляемая органам местного самоуправления, может ограничиваться государственными органами только в пределах, установленных законом;

– муниципалитеты имеют право на достаточные собственные ресурсы, которыми они могут свободно распоряжаться при осуществлении своей компетенции.

Местное самоуправление и муниципальное управление являются важными элементами конституционного строя демократических стран и фактором социально-экономического развития. Местное самоуправление представляет собой ту специфическую «ветвь власти», которая на местном уровне, с одной стороны, участвует в осуществлении задач государства, с другой – наиболее полно учитывает интересы населения. Муниципальные органы власти – это гарант основных демократических ценностей. Они, во-первых, наиболее доступны и отзывчивы для населения; во-вторых, максимально приспособлены использовать ресурсы территории для удовлетворения местных потребностей; в-третьих, могут способствовать укреплению государственной власти на местном уровне, делая её более гибкой и эффективной.

При расширении полномочий регионов происходит непосредственное отчуждение полномочий государства как юридического лица в пользу другого юридического лица, каковым является местный управленческий орган.

Децентрализованное управление не только демократичнее, но и эффективнее централизованного. В книге «Демократия в Америке» А. де Токвиль в первой половине XIX веке писал, что «правительство, выступающее как единственный гарант и арбитр народного счастья, создаёт лишь иллюзию своего всемогущества в разрешении всех проблем. Ему больше ничего не остаётся, кроме как принять на себя бремя думать за всех и самому преодолевать все трудности» [2, с. 22].

Положение о большей эффективности децентрализованных систем управления подтверждается выводами современной науки, например общей теорией систем Л. фон Берталанфи и эволюционной теорией Ж. Пиаже, о том, что любые системы, физические, биологические и социальные, являются саморегулируемыми. Саморегуляция выступает в виде совокупности институциональных действий системы, направленных на её самосохранение и развитие. Чем сложнее и динамичнее процессы, в которые включена какая бы то ни было система, тем большей степенью свободы она обладает в современном реагировании и адаптации к происхо-

© Свиридов Н.Н., Блинов М.В., 2012

дящим изменениям, в сохранении устойчивости. Существует лишь одно эффективное решение этой проблемы – расширение самостоятельности подсистем в пределах жизнеспособности системы как целого. Для социально-экономических систем это означает ослабление диктата «сверху», развитие самоуправления, в первую очередь регионального и местного, при одновременной демократизации управления. Именно эту цель и преследует местное самоуправление. Именно эти задачи решались и решаются в ходе реформирования органов местного самоуправления Великобритании, Франции, Италии, Германии, Швейцарии и других стран На это ориентированы и цели нового этапа российской муниципальной реформы. В обозначенных странах исторически под воздействием гражданского общества, борьбы за права человека, за длительный исторический период сформировались формальные и неформальные институты в системе местного самоуправления.

Современная Россия, в силу исторических и политических обстоятельств, в сущности, находится на начальном этапе формирования институциональной среды муниципальных образований.

Принятая законодательная база по организации местного самоуправления пока ещё не в полной мере отвечает потребностям современной России. Во многих законодательных и правовых нормах имеются существенные недостатки и противоречия. Отметим главные из них:

– слабая спецификация прав собственности и низкий уровень её институциональной защиты;

– значительные дефекты формальных институтов в части допуска местного населения к региональным ресурсам (земли, леса, вода, природные ископаемые и т.д.);

– неупорядоченность правомочий жителей муниципальных образований в организации социально значимых общественных благ (образование, здравоохранение, культура);

– слабая защита населения от местного монопольного бизнеса (ЖКХ, энергетика и т.д.), которые бесконтрольно формируют часто завышенную ценовую политику.

Отметим также, что неформальные институты, сформировавшиеся в прошлом, не способствуют ускорению модернизации социально-экономического развития муниципальных образований. Это, прежде всего, отсутствие инициативы местного населения в улучшении даже своей личной жизни; иждивенческое настроение и ожидание помощи от государства; отсутствие желания жителей региона в организации семейно-трудовых хозяйств, ремесленного производства и т.д.

Понятно, что главные звенья в формировании институциональной среды должны быть направлены на развитие местного бизнеса, разрешение земельного вопроса и борьбы с бедностью.

Ещё раз подчеркнём, что особое место в структуре регионального народнохозяйственного комплекса принадлежит малому предпринимательству. В экономически развитых странах этот институт экономики является одним из важнейших секторов, в котором занято более половины трудоспособного населения и производится большая часть ВВП. Так, в европейских странах на малых предприятиях занято около 70% от общей численности работающих, а доля малого бизнеса в ВВП составляет более 50%. Именно малые предприятия, ставшие массовой формой предпринимательства, обеспечивают условия социально-экономической стабильности и экономической безопасности страны, поэтому им и уделяется самое серьёзное внимание со стороны государства.

В российской и региональной экономике наблюдается стагнация сектора малого предпринимательства. Если в странах Евросоюза число малых предприятий на одну тысячу жителей достигает 40–45, то в России приходится лишь 6 таких предприятий. Низкие темпы развития малого предпринимательства препятствуют достижению главных социально-экономических целей рыночных реформ: повышения уровня жизни населения, создания новых рабочих мест, формирования среднего класса, сокращения социального расслоения населения страны.

Таким образом, в ускорении социально-экономического развития муниципальных образований особое место принадлежит цивилизованной институциональной среде.

Примечание

[1] Европейская Хартия о местном самоуправлении // Реформы местного самоуправления в странах Западной Европы. – М., 1993. – С. 115–126.

Библиографический список

1. *Свиридов Н.Н.* и др. Институт самоуправления в организации. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008.

2. *Токвиль А*. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992.

3. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

УДК 330

Субботин Виктор Олегович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
vitu6asubbotin@mail.ru

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Статья посвящена анализу вариантов развития гражданского общества в системе экономических отношений на постиндустриальном этапе общественно-экономического развития. В работе проанализированы сильные и слабые стороны развития, установлены негативные угрозы и возможности для позитивного развития; обозначены основные позиции и предложены возможные варианты развития гражданского общества.

Ключевые слова: *гражданское общество, экономические отношения, экономическая система, институты гражданского общества, возможности, угрозы, государство, влияние на государство, дифференциация общества.*

В ходе своего развития гражданское общество, а также уже созданные и ещё формирующиеся в нём институты проходят определённые уровни исторического развития или же ряд общественно-экономических формаций, каждой из которых свойственны свои отличительные особенности, способы производства, социальные и политические отношения, идеологическая направленность и юридические нормы. Со сменой общественно-экономической формации напрямую связаны и изменения экономической системы в обществе, так как в экономической системе первичную роль играют процессы производства в совокупности с процессами распределения, обмена, потребления. Общим для всех экономических систем остаётся то, что для производства требуются экономические ресурсы, а результаты хозяйственной деятельности распределяются, обмениваются и потребляются. История социума не может быть рассмотрена как примитивная общность историй отдельных социальных систем, а общественно-экономические формации – как единые стадии развития социальных структур, необходимые для каждого из них. Вся история становления гражданского общества – это одна целостная система, в которой для формирования единого целого необходимо всё разнообразие стадии и вариантов развития общественно-экономических формаций.

Следует обратить особое внимание на перспективный период развития гражданского общества – постиндустриальная общественно-экономическая формация, или в научной литературе можно встретиться со схожими по смыслу и структуре понятиями – стадия массового потребления, супериндустриальное общество, третичный сектор экономики, технотронное общество, постэкономическое общество, общество четвёртой формации, постмодерн и другие. Единой и общепринятой точки зрения по вопросу, касающемуся появления постиндустриального общества или же причин перехода от индустриальной общественно-экономической формации к постиндустриальной, не существует.

Постиндустриальное общество в экономическом плане характеризуется перемещением приоритета от товарно-производственного сектора экономики к производству услуг, в результате коренного качественного реформирования производственных сил, технического переустройства основ материального производства на основании превращения науки в главный фактор производства, путём сравнительно быстрого внедрения научных разработок. Для социально-экономической области свойственен существенный рост доходов населения, увеличение ценности таких качеств человека, как уровень образования, легкообучаемость, профессионализм, нестандартность и творческое мышление, готовность к созданию принципиально новых идей. На данном этапе развития экономики увеличивается роль знаний индивида и снижение значения капитала. Теперь наличие инновационных технологий, неординарных бизнес-идей способно самостоятельно привлекать инвестиции и нанимать капитал, который сам по себе не может обеспечить появление новшеств.

Превалирование доли услуг над материальным производством не означает снижение объёмов производства: зачастую данные объёмы в постиндустриальный период увеличиваются медленнее, чем рост объёмов оказанных услуг. Гражданское общество, с выросшими доходами населения, сосредоточилось на массовом потреблении накопленных благ, дав начало развитию сервисной экономики [1], и впоследствии способствовало стремительному развитию информационного сектора экономики.

Сфера услуг представляет собой не только торговлю, бытовое обслуживание и коммунальное хозяйство, но и государство, армию, право, финансы, транспорт, связь, здравоохранение, образование, науку, культуру, Интернет, производство и продажу программного обеспечения.

К постиндустриальным странам экономисты относят такие, в которых на сферу услуг приходится больше 50% ВВП. По данному критерию подходят: США, где, по данным на 2002 год, на сферу услуг приходится 80% ВВП США; Канада – с размером ВВП, на 70% состоящим из дохода от сферы услуг в 2004; Евросоюз – с 69,4% сферы услуг в ВВП на 2004 год; Австралия, где 69% ВВП приходилось на сферу услуг в 2003; Япония – с 67,7% ВВП, принадлежавшими сфере услуг в 2001; Рос-

© Субботин В.О., 2012

сия, по некоторым оценкам экономистов, с завышенной долей сферы услуг [2] в 58% от ВВП страны в 2007 году.

Рассмотрим сильные стороны постиндустриальной общественно-экономической формации, для того чтобы выявить положительные возможности развития гражданского общества на данном периоде развития. Особенности, которые следует отметить:

– переориентация экономики от сферы производства товаров к сфере производству услуг;

– изменения в качественной структуре и профессиональном уровне занятых работников, превалирование профессионалов и специалистов технического профиля;

– успех любого дела напрямую зависит от степени развития теоретических знаний;

– ведущая роль интеллектуальных институтов в гражданском обществе;

– появление и развитие нового класса в обществе – консультантов, экспертов;

– уменьшение времени между научно-техническим открытием и внедрением его в производство с целью повышения его эффективности;

– рост наукоёмких технологий, увеличение числа научных сотрудников и затрат на научные исследования;

– для производства характерна электронизация и автоматизация процессов;

– стремительное развитие биотехнологий;

– реформирование энергетического хозяйства, выявление и использование новых источников энергии, в том числе и природных (солнца, ветра, приливов и отливов и т.д.);

– применение в общественном производстве космических явлений и закономерностей, а также научных результатов их изучения; развитие ракетно-космической техники и ее внедрение в производственные отрасли; перевод на космическую орбиту Земли части производственно-технических комплексов.

К возможностям, которые предоставляет для развития гражданского общества постиндустриальная общественно-экономическая формация, следует отнести:

– совершенствование и внедрение технологий, механизации и автоматизации производства, позволяющего уменьшить долю членов гражданского общества, занятых в материальном производстве;

– переход к сфере производства услуг, снижающей долю работников физического труда;

– повышение внимания к профессионализму работников, усиливающее социальный статус, уважение грамотных, трудолюбивых, технически и научно развитых представителей гражданского общества и дающее стимул для развития своих знаний и способностей у других его членов;

– возможность предугадать успех предприятия и его дальнейшее развитие на основании теоретических знаний, применяемых на предприятии ноу-хау и уникальных технологий, снижение риска вложения ресурсов в предприятие и обеспечение стабильность его развития;

– популяризация и развитие интеллектуальных институтов в гражданском обществе, появление новых классов работников умственного труда, увеличение в дальнейшем общей научной и технической грамотности нации на мировой арене;

– быстрое внедрение в производство новых открытий, повышающих эффективность предприятия и способствующих его постоянному обновлению, что продлевает жизненный цикл предприятия;

– электронизация и автоматизация процессов, снижающих брак в процессе производства, увеличивающих внимание к занятости квалифицированных кадров, к числу научных сотрудников и затрат на научные исследования;

– стремительное развитие биотехнологий в области общественного питания, удешевляющих продукты питания, увеличивающих их доступность для малообеспеченных слоёв гражданского общества;

– обнаружение и использование новых естественных, природных источников энергии, способствующих сохранению экологии, снижению затрат на её выработку промышленными (ГЭС, АЭС и др.) способами;

– перемещение части производственно-технического комплекса на космическую орбиту Земли, позволяющее высвободить земное пространство для потребностей гражданского общества и способствующее обереганию экологии планеты;

– благосостояние значительной части гражданского общества выросло настолько, что интеллектуальный рост и развитие творческих способностей заняли важнейшее место в системе ценностей общества;

– если у члена постиндустриального гражданского общества, занятого в интеллектуальном труде, удовлетворены основные материальные потребности, он повышает спрос на услуги;

– получение качественно новых, безграничных возможностей для материального производства, как следствие – рост уровня жизни населения постиндустриальных стран;

– повышение доли квалифицированного труда приводит к тому, что основным «средством производства» становится квалификация работников. Это меняет структуру общества, а собственность на материальные «средства производства» утрачивает своё былое значение [3]. Образование становится центральным фактором, обеспечивающим человеку социальный статус и признание в гражданском обществе;

– новая система воспроизводства общественного достояния становится самодостаточной и самоподдерживающейся, так как для того, чтобы заслужить общественное признание и статус, индивид разви-

вает в себе интеллектуальные способности, которые одновременно являются главной производительной силой в данной формации и служат для удовлетворения собственных потребностей и нужд.

Стоит отметить, что перечисленные положительные черты, отмеченные при рассмотрении индустриальной общественно-экономической формации, отчасти в более прогрессивном виде свойственны и для данной постиндустриальной формации, и поэтому тут не рассматривались. Большее влияние уделяется ультрасовременным, футуристическим и экономическим аспектам и особенностям.

Информатизация проникает во все сферы жизни гражданского общества на данном периоде развития: производство благ и услуг, быт, культуру и искусство. На данной общественно-экономической формации важное значение придаётся ресурсосберегающим, наукоёмким, био- и информационным технологиям, таким как телекоммуникации, программное обеспечение, робототехника, микроэлектроника, развитие космических технологий и т.д.

Спецификой научно-технического прогресса в рамках данной формации становится замена механических взаимодействий электронными технологиями, проникающими во все сферы производства; генная инженерия.

Важнейшей отличительной особенностью изменения технологических процессов становится автоматизация, вытеснение неквалифицированного и замена его работой с использованием машин, роботов и компьютеров.

Не стоит оставлять без внимания слабые стороны, связанные с развитием гражданского общества на постиндустриальной общественно-экономической формации, а также следует рассмотреть негативные побочные или сопутствующие явления, появляющиеся при его развитии. К таким относятся:

– поэтапное уменьшение занятости населения в производственном секторе экономики и снижение объёмов промышленного производства в структуре регионального или национального экспорта;

– уменьшение временного периода между научно-техническими открытиями и внедрением их в производство приводит к постоянному устареванию средств производства, затратам на необходимое обновление;

– в рамках прогресса в военно-технической сфере происходит появление и совершенствование видов вооружения и экипировки;

– интеллектуальное расслоение общества, конфликт грамотной, хорошо образованной части гражданского общества с малограмотной, плохо образованной частью;

– увеличение бюрократического аппарата;

– разрастание нормативно-правовой базы;

– неспособность или низкие способности к высокоинтеллектуальному труду как отдельных индивидов, так и целых наций.

К угрожающим дальнейшему институциональному экономическому развитию гражданского общества факторам следует отнести:

– дефицит торгового баланса может привести к росту долга за импорт и, как следствие, падению промышленного производства.

– тестирование нововведений в сжатые сроки не даёт полной картины о надёжности новых средств производства и не позволяет полностью проанализировать вероятность нанесения вреда;

– уменьшение численности представителей гражданского общества, занятых в материальном производстве, физическом труде, вытеснение работников посредством электронизации и автоматизации производства, высокие требования к квалификации работников [4, с. 110–111] вместе с общим ростом численности населения способны породить массовую безработицу и бедность;

– в процессе производства товаров в конечном продукте уменьшается доля промышленного производства и увеличивается доля услуг;

– перемещение отдельных элементов производственно-технического комплекса на космическую орбиту Земли увеличивает масштабы загрязнения окружающей среды, возникает проблема утилизации космического мусора;

– в гражданском обществе происходит интеллектуальное расслоение, люди с низкими способностями к умственному труду оказываются оттеснёнными на самую окраину общества, а то и за его пределы [5, с. 131–132];

– страны, отстающие от научно-технического прогресса, оказываются неспособными самостоятельно развивать собственные национальные экономики, им необходимы импорт новых технологий, внешние инвестиции. Как следствие, нарастание напряженности на макроэкономическом уровне постиндустриальной общественно-экономической формации, зарождение предпосылок для раскола современной цивилизации;

– увеличение штата чиновников, управленцев и исполнителей государственных органов способствует разрастанию бюрократии, замедляет процессы демократических преобразований в гражданском обществе [6, с. 510], влечёт за собой разрастание коррупции [7, с.183–187];

– увеличение нормативно-правовой базы, обилие различного рода нормативных правовых актов, законов, усложняют процессы ориентирования в них, удлиняют периоды судебных разбирательств, вызывают сложности в применении норм законов, увеличивается количество коллизий среди нормативных правовых актов, кроме того, возрастают требования к интеллектуальным способностям работников, сталкивающихся с юридическим анализом документов, растёт непонимание и путаница в применении законов [8, с. 524–526] со стороны обычных граждан, не имеющих юридического образования;

– сохранились, а в некоторых направлениях получили ещё большее развитие в негативную сторону факторы, ранее представлявшие угрозу в индустриальном обществе.

Подводя итог перспективам развития гражданского общества в постиндустриальной общественно-экономической формации, следует отметить превалирующее значение информации для данного периода развития. Без информации не мыслим ни один институт общества, на данном этапе она пронизывает практически все сферы: передовых технологий, труда, научную, производственную и другие.

Индивид в данной формации является главной ценностью для общества и государства. Особо ценятся его умственные способности, творческое мышление, склонность к саморазвитию и самосовершенствованию. Одновременно растёт уровень требований к индивиду, необходимость в мобильности, динамичности саморазвития и сопутствующем общественном признании.

Разделение труда в рамках рассматриваемой формации приобретает более масштабный характер, нежели в индустриальном обществе. С развитием сферы услуг для каждого нового процесса в производственной сфере выделяется отдельное направление действий, объединяющихся в самостоятельную услугу. Широкое развитие в этом плане получает аутсорсинг, позволяющий выполнять различные процессы обособленно и автономно, не привязываясь к месту непосредственного производства общего целого товара, способствуя международному разделению труда, распределению производства по регионам, наиболее подходящим для конкретных видов деятельности.

В борьбе за рынок транснациональные компании стараются размещать свои производства по всему миру, в более выгодных, с их точки зрения, регионах. Повсеместно уменьшается территориальная привязанность производства к источнику сырья или основной группе потребителей. Производственные подразделения могут находиться в любой стране, а результаты производства, в том числе прибыль, – в стране размещения материнской компании. В постиндустриальном обществе меняется и схема потребления. Базой потребления остаются товары первой необходимости, но после обеспечения ими возникает увеличение потребления услуг в сравнении с потребления товаров, что ведёт к перераспределению доли производственной сферы и занятости населения в общей структуре экономики.

Объединение членов гражданского общества в институты на этапе постиндустриальной общественно-экономической формации приобретает форму разнообразных и многочисленных ассоциаций или заинтересованных групп, которые посредством лоббирования собственных интересов или гражданского давления оказывают воздействие на процесс формирования и принятия решений государственными деятелями и руководством страны.

Такие ассоциации – особые центры власти в обществе, они связывают представителей гражданского общества с государственной властью и создают своего рода баланс в противовес государственному инициативному большинству. Но интересы, защищаемые такими ассоциациями, не всегда отстаивают точку зрения всего гражданского общества в целом и поэтому могут нести с собой негативные последствия, несовместимость и борьбу между институтами внутри гражданского общества.

Институциональная борьба в гражданском обществе на данном этапе развития продиктована социально-психологическими параметрами. Кроме того, для него характерна значимая разнородность, проявляющаяся в противопоставлении высшего класса и низших социальных групп, основанном на качественном различии мировоззрений и ценностных систем, что дополняется беспрецедентными в новейшей истории проблемами, имеющими сугубо экономическую природу.

Библиографический список

1. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2000. – 304 с.

2. *Рюль К.* Структура и рост: рост без занятости // Ведомости. – 2004. – 17 мая. – №81(1121).

3. *Иноземцев В.* За пределами экономического общества: постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. – М.: Academia, Наука, 1998. – 640 с.

4. *Субботин В.О.* Особенности регулирования труда работников, работающих у работодателей – физических лиц // Ступени роста – 2005: тезисы науч.-практ. конф. студентов, Кострома, 1–27 апр. 2005 г. / отв. ред. А.Р. Наумов. – Кострома: ГОУ ВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – Ч. 1. – С. 110–111.

5. *Кудров В., Правдина С.* Сопоставление уровней производительности труда в промышленности России, США и Германии за 1992 год // Вопросы экономики. – 1998. – № 1. – С. 131–132.

6. Общая и прикладная политология: учеб. пособие / под общ. ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – М.: МГСУ; Изд-во «Союз», 1997. – 992 с. – С. 510.

7. *Субботин В.О.* Антикоррупционная деятельность прокуратуры в сфере надзора за исполнением трудового законодательства // Актуальные вопросы деятельности законодательных (представительных) органов власти в современных условиях (к 15-летию Костромской областной Думы): сб. материалов научно-практической конференции (25 марта 2009 года): в 2 т. – Кострома: ООО Поли-

графресурс, 2009. – Т. 2. – С. 183–187.

8. *Субботин В.О.* Особенности регулирования сделок в гражданском праве // Сборник тезисов работ участников Всероссийского конкурса молодежи образовательных учреждений и научных организаций на лучшую работу «Моя законотворческая инициатива». – М.: Государственная Дума ФС РФ, НС «ИНТЕГРАЦИЯ», 2006. – С. 524–526.

УДК 330.2

Чекмарев Владимир Васильевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
tcheckmar@ksu.edu.ru

АКСИОМАТИКА ПРИНЦИПОВ СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В статье предложена аксиоматика целесообразной экономической политики по обеспечению экономической безопасности.

Ключевые слова: *экономическая безопасность, стратегирование, конфликтно-компромиссные экономические отношения.*

Будем называть формирование стратегии развития государства термином «стратегирование». Далее сформулируем принципы стратегирования. Для их идентификации определим политико-экономическую сущность современного государства на основе аксиоматического подхода.

Аксиома 1. Роль государства в жизни общества характеризуется его эффективностью. Эффективность государства определяется: 1) сравнением фактической с нормативной (предусмотренной законами) ролью в части масштабов участия в развитии инфраструктуры, фундаментальной науки, образования, культуры и т.п.; 2) оценкой государственных механизмов социальной защиты, обороны, обеспечения законности; 3) способностью государства обеспечивать экономическую безопасность, защиту от внешних экономических и политических угроз; 4) обеспечением диалога власти с обществом.

Аксиома 2. Государству необходимо уйти полностью или существенно сократить своё присутствие в ряде сфер, где присутствие обусловлено почти исключительно интересами рентоориентированной бюрократии, занимающейся поиском ренты и оправданием собственного паразитического существование Научно доказано [1], что общественная безопасность обратно пропорциональна количеству полицейских чиновников.

Аксиома 3. Необходимо создание механизмов реального контроля за государством со стороны общества, которые бы заставляли бюрократию служить интересам граждан. Такие механизмы хорошо известны современной управленческой науке и отражены в конституциях ряда стран. Это политическая конкуренция, честные выборы, разделение властей, федерализм и местное самоуправление, гражданское общество, включающее свободные СМИ, самостоятельные общественно-политические объединения.

Аксиома 4. Сетевизация управления как механизм борьбы с оппортунизмом *системы* управления. Сетевизация является ключевым элементом, придающим одновременно устойчивость и динамизм конструкции современного государства. Это всеобъемлющая совокупность сдержек и противовесов и особым образом выстроенных конкурентных отношений, характеризующихся сопоставимостью и приблизительным равенством сил субъектов отношений. Возникающий при конкурентных отношениях процесс усложнения процедуры управления, увеличение издержек, связанных с подготовкой решений, дублирование части функций оправдываются повышением *качества* решений.

В дальнейшем такие особые конкурентные отношения будем называть термином «конфликтно-компромиссные экономические отношения».

Аксиома 5. Отсутствие процессов сетевизации блокирует *вертикальную мобильность,* останавливает ротацию кадров, что не только подрывает веру молодёжи в свои перспективы, но и создаёт множество «точек напряжения», порождаемых «альтернативными лидерами», не кооптируемыми легальной политической системой. В итоге страна безнадёжно проигрывает международное соревнование за людей, капиталы, за место в мировом экономическом пространстве и в *качестве жизни.*

Аксиома 6. Предоставление человеку не только *права,* но и реальной *возможности самостоятельно* определять свою судьбу. В этом, в конечном счёте, наряду с обеспечением безопасности, смысле существования государства качественное образование – залог способности делать осознанный, свободный выбор. Это – самоценность, к тому же повышающая потенциал общества (даже вне связи с требованиями производства).

Аксиома 7. Рассмотрение национальной культуры в качестве станового хребта сохранения идентичности современных народов в условиях глобализации.

© Чекмарев В.В., 2012

Аксиома 8. Глобальное разделение труда – неизбежность. Закрытость экономики означает воспроизводство отсталости. Только интеграция с наиболее развитыми странами в качестве равноправного партнёрства, наряду с привлекательными условиями жизни и экономической деятельности *внутри* страны, – залог долгосрочного успеха в устойчивом развитии страны.

Библиографический список

1. *Цуриков В.И.* Экономические корни коррупции. – Кострома, 2011. – 171 с.

УДК 334

Чистяков Сергей Витальевич
Колесов Евгений Вениаминович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ СЕТЕВОЙ ФОРМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Сетевая организация экономической деятельности требует нового мышления руководителей: отказа от всестороннего контроля, перехода к неформальному способу координации, взаимному доверию.

Ключевые слова: *стратегические сети, виртуальные, адхократические, интеллектуальные, обучающиеся организации, неформальный способ координации.*

Под стратегическими сетевыми структурами [2; 15; 17] понимаются организационные формы, пытающиеся реализовать конкурентные преимущества через кооперацию между юридически самостоятельными, но экономически зависящими друг от друга подразделениями. Возникающие отношения в большинстве случаев регулируются долгосрочными договорами. Фирма может быть задействована в различных стратегических сетевых структурах, что является частым случаем широко диверсифицированного концерна. Посредством данной структуры фирмы получают доступ к ресурсам, местным рынкам и инновациям.

Стратегическая сеть открывает шансы в получении конкурентных преимуществ. Сокращение времени на освоение рынка является основным мотивом для формирования и развития стратегических сетей. Использование ноу-хау в рамках всего концерна существенно укрепляет позиции фирмы. Стратегические сетевые структуры наиболее стабильны в случае, если отдельные части взаимно дополняют друг друга. Узкая компетенция и специфические конкурентные преимущества являются хорошей базой для создания стратегической сети. Эти качества являются важными предпосылками для успешной работы в условиях высокой динамичности и неопределенности на международных рынках. Стратегические сети позволяют добиться более быстрой реализации идей, быстрого обмена информацией. Освоение зарубежных рынков часто является возможным только посредством кооперационных отношений, позволяющих обойти ряд правовых и политических ограничений. Кроме того, происходит снижение уровня риска для отдельных участников. Посредством разумного использования индивидуальных сильных сторон снижается вероятность неудачи в целом.

На практике стратегические сети [4] возникают посредством объединения нескольких фирм, формирования совместных предприятий или стратегического альянса (например, соглашения в области технологий, лицензий, менеджмента и маркетинга). Переплетение капитала не является определяющим признаком сети, однако часто имеет место.

Стратегические сетевые структуры могут строиться как на вертикальных, так и на горизонтальных отношениях. Вертикальный уровень включает, например, связи с поставщиками, осуществлявшиеся ранее на рыночной основе. В качестве примера можно назвать характер взаимодействия между поставщиками и производителями в автомобильном секторе. В этой сфере на смену традиционным договорным отношениям все больше приходит кооперация, включающая часто совместные разработки и полную ответственность поставщиков за качество.

Создание сетевых вариантов «горизонтальных» экономических структур, которые обслуживают все разнообразие организаций в экономике, часто называют институциональными структурами и интерпретируют как системы соглашений между большей частью членов общества, которые определяют общие правила для наиболее типичных видов взаимодействий людей в обществе. К таким структурам относятся: торговая и финансовые инфраструктуры, система трудовых отношений, юридическая система и т.п. Главными действующими элементами горизонтальных структур являются связи между их отдельными звеньями и единые правила работы всех звеньев. Фактически горизонтальные структуры в экономике (так же как и рассмотренные выше «организации») уже представляют собой сети связей, которые с переносом в среду сети Интернет получают возможность работать более эффективно [2].

© Чистяков С.В., Колесов Е.В., 2012

Примером горизонтальной сети является фармацевтическая отрасль, в которой многие фирмы связаны через исследовательскую кооперацию посредством лицензионных или маркетинговых договоров [11] для получения сетевого эффекта и совместного использования каналов сбыта в различных странах [10]. Другим примером являются авиакомпании и создаваемые ими сети. Преимущества кооперации складываются из сотрудничества в маркетинговой сфере (совместные бюро и реклама), лучшего доступа к рынку, использования ресурсов и получения эффекта синергии.

Сокращение периода разработки инноваций является основным мотивом кооперации высокотехнологичных фирм. Другим существенным преимуществом является стратегическая гибкость. Посредством кооперации партнеров, каждый из которых специализируется на ведущих направлениях в сфере его интересов, можно быстрее и проще осваивать стратегически важные сферы деятельности и реализовать конкурентные преимущества.

Сетевые взаимодействия в производственных процессах реализуются в сетевой организации производства. Появляются информационно-технические сети. Как отмечается [1], информационно-технические сети видоизменяют трудовые отношения и процессы бизнеса на предприятиях. Внутренняя информационная сеть дает достаточно поводов для быстрого и гибкого реагирования организации на часто изменяющиеся пожелания клиентов, что возможно лишь в том случае, если сотрудники владеют актуальной информацией, самостоятельно принимают решения и несут большую ответственность за успех предприятия.

Наряду с вышеперечисленными типами сетевых взаимодействий, которые мы относим к сообществу экономических сетей, огромную значимость в экономике приобретают социальные сети. Социальная сеть [18] есть механизм объединения абстрактной концепции индивида с социальной концепцией личности (принадлежащей малой культурной группе).

Несколько иначе следует определять понятие «социальные сети» с позиций экономической теории, а точнее, с позиций новой политической экономии. Анализ социальных сетей предполагает наличие дискретного сетевого сотрудничества между узлами сетей. Возможность в сетевом сотрудничестве реализовать собственную индивидуальность – одно из объективных условий образования социальных сетей. Определение содержания понятия «социальные сети» возможно на основе использования понятия «сетевые взаимодействия». Приведем одну из трактовок этого понятия. Сетевые взаимодействия – это возможность принадлежать к нескольким иерархиям (системам) [8].

Исследование экономических отношений в их динамике заставляет нас обратиться к влиянию переходных процессов различного уровня. На экономическое поведение субъектов России начала XXI века оказывают влияние значительные изменения экономических процессов на мега-(мировой экономики), суб- (экономики ТНК), макро- (национальной экономики), мезо- (экономики региона или отрасли), микро- (экономики фирм), номо- (экономики домохозяйств), нано- (экономики физических лиц) уровнях хозяйствования [3]. Динамика экономических отношений на макроуровне выступает как развитие экономический системы в целом, совокупность экономических отношений в масштабе национальной экономики.

В известном смысле форма организации – это отсутствие случайности и присутствие устойчивых норм во взаимоотношениях объектов пространства [9]. В развитых странах вплоть до 1960-х годов предполагалось, что идеальной формой организации экономической деятельности является иерархия или бюрократия Вебера, поскольку она приводит к стабильному, рентабельному и массовому выпуску продукции. Считая, что внешняя среда является относительно стабильной, можно было планировать, управлять, координировать и контролировать выполняемые задачи и функции. Четкость распределения полномочий, стандартизированные процедуры и правила, механизмы контроля и учета обеспечивали возможность успешной деятельности. Совместимая с этой формой организации организационная культура характеризуется как формализованное и структурированное место работы. Ключевые ценности концентрируются вокруг поддержки рентабельности, надежности, быстроты обслуживания, непрерывности производственного процесса.

Снижение издержек производства на основе растущей специализации в функциональной структуре организации в известной степени нейтрализуется ростом координационных издержек. В этой ориентированной на потребителя ситуации создаются новые формы организации, которые могли успешно адаптироваться в новой экономике. К ним относятся виртуальные [12], адхократические [5], интеллектуальные, обучающиеся организации.

В то время как прежние организации отличались сложным вертикально интегрированным построением, современные организации отдают предпочтение наличию небольших, строго ориентированных операционных подразделений (звеньев), способных лучше реагировать на запросы своих клиентов. Компании по-прежнему становятся крупнее, а операционные подразделения меньше.

Основой, скрепляющей звенья сети, может быть общая заинтересованность в выполнении задания (в этом случае группу часто называют «рабочей»), взаимные симпатии друг к другу или же общность интересов в определенной области [15]. Независимо от того, на какой основе упорядочиваются взаимодействия, существование потоков межличност-

ных сообщений, носящих регулярный характер, придает неформальным коммуникациям предсказуемый характер.

Уровень сложности заданий и необходимые постоянные изменения в выборе решений приводят к необходимости принять децентрализованную структуру организации с разделением полномочий. Организация приобретает гибридную форму, основанную на сетях, объединяющих относительно автономные подразделения, причем решения здесь носят частично коллективный характер. Рассеяние власти выражено в наличии небольшого числа уровней принятия решений. Структура организации становится плоской иерархией.

В этих условиях кроме внутренней интеграции возрастающее значение в организации экономической деятельности приобретает интеграция рыночных партнеров в физические и виртуальные сети[1]. Некоторые связи в этих сетях имеют постоянный характер, другие – временный; характер связей может определяться характером конкретного проекта или требованиями клиентов. В основе этого перехода – от иерархии к организации сетей с горизонтальными связями – лежит следующее соображение: хотя большим числом самостоятельных единиц труднее управлять из одного центра, вместе они способны лучше удовлетворять запросы клиентов и оперативно реагировать на изменения конкурентной среды. Информационно-коммуникационные сети становятся все в большей степени основой интеграции деятельности и возникающих экономических отношений между предприятиями и клиентами, сотрудниками и деловыми партнерами. Эксперты считают, что развитие в направлении полностью информационно-сетевого хозяйствования находится пока в начальной стадии, однако в предстоящие годы оно будет постоянно ускоряться [7].

М. Кастельс отмечает: «Сетевая форма организации должна иметь собственное культурное измерение. В противном случае, экономическая деятельность будет выполняться в социально-культурном вакууме. Она составлена из многих культур, многих ценностей, многих проектов ...скорее лоскутное одеяло, сшитое из опыта интересов, чем хартия прав и обязанностей. Это многоликая виртуальная культура» [6].

Отличительным признаком сетевой формы сотрудничества является наличие у каждого участника ключевой компетенции, совокупность которых позволяет быстро выстраивать цепочки «поставщик – производитель – потребитель» при поступлении заказа и получать синергетический эффект за счет совместного использования информационных, финансовых, материальных, человеческих ресурсов. Степень приспособляемости и гибкости организаций зависит от способности как отдельных людей, так и целых организаций накапливать опыт и знания и обучаться на его основе. В условиях интеграции и реинтеграции отдельных трудовых процессов принципиальным становится не снижение производственных и транспортных издержек, а решение проблемы уменьшения координационных издержек ведения деловых операций.

Таким образом, сетевая организация экономической деятельности требует нового мышления руководителей: отказа от всестороннего контроля, перехода к неформальному способу координации, взаимному доверию. Установление связей – это стремление уменьшить неопределенность в ситуациях, когда результат не определен или когда цена достоверной информации слишком высока. Такие связи не сводятся ни к передаче приказа, ни к непосредственному контакту участников обмена в рамках определенного контракта, причем они устанавливаются в специфических для обеих процедур рамках.

Примечание

[1] Формой организации экономических взаимодействий работников виртуальной организации является сетевая форма. Следовательно, работники (сотрудники) виртуальной организации при выполнении возложенных на них функций (задач) должны представлять себе сеть и знать, какая ее часть необходима для выполнения задач.

Библиографический список

1. *Андреева В.Л.* Влияние информации и знаний на новые формы организации бизнеса // Информационная экономика и динамика переходных процессов: сб. науч. тр. / под ред. Е.Ю. Иванова, Р.М. Нижегородцева. – М.: Бизнес-Юпитер, 2003.

2. *Бэст М.* Новая конкуренция. Институты промышленного развития. – М.: ТЕИС, 2002. – 356 с.

3. *Гранберг А.Г.* Теория и модели пространственного экономического равновесия: по пути Августа Лёша // Август Лёш как философ экономического пространства. К столетию со дня рождения: сб. докл.: – М.: Эслан, 2007.

4. *Гуленков Д.Г., Филимонова Н.Н.* Сетевая кооперация в консалтинге. – М.: МАКС-Пресс, 2006.

5. *Друкер П.* Создание новой теории производства // Проблемы теории и практики управления. – М., 1991.

6. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М.: МГУ ВШЭ, 2000. – С. 60.

7. *Ковалев М., Курбацкий А.* Как измеряют готовность страны к сетевой экономике // ЭКОВЕСТ. – 2002. – № 2–3. – С. 400–417.

8. *Рюэгг-Штюрм Й., Янг М.* Значение новых сетеобразных организационно-управленческих форм для динамизации предприятий // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 6. – С. 106–109.

9. *Скаржинский М.И., Чекмарев В.В.* Методология экономической науки. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.

10. *Стрелец И.А.* Сетевая экономика: учебник. – М.: Эксмо, 2006. – 208 с.

11. *Третьяк О.А.* Маркетинг: новые ориентиры модели управления. – М.: ИНФРА-М, 2005.

12. *Чекмарев В.В.* Экономическое пространство и его сотово-сетевая организация. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2002.

13. *Чучкевич М.М.* Что такое сетевая организация? – М.: Издательство Института социологии РАН, 1999. – 54 с.

14. *Шапиро К., Вэриан Х.* Информационные правила: стратегическое руководство по сетевой экономике. – Изд-во Гарвардской школы бизнеса, 1998.

15. *Эдвиссон Л.* Корпоративная долгота: навигация в экономике, основанная на знаниях. – М.: ИНФРА-М, 2005.

16. *Яременко Ю.В.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. – М.: Наука, 2001.

17. *Jackson M., Wolinsky A.* A Strategic Model of Economic and Social Networks // Journal of Economic Theory. – 1996. – Vol. 71. – P. 44–74.

18. *White K.C.* Markets from Networks: Socioeconomic Models of Production. – Princeton: Princeton University Press, 2002.

УДК 330

Мамелин Олег Русланович

Руководитель бизнес-группы, ООО ИКБ «Совкомбанк» г. Кострома

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ И РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА. РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Автор статьи рассматривает вопросы необходимости исследования региональных банков как сравнительно самостоятельного элемента национальной банковской системы в контексте их взаимодействия с реальным сектором экономики.

***Ключевые слова**: банки, реальный сектор экономики, регион, взаимодействие, приоритетные направления развития.*

Одним из основных признаков инновационной экономики является эффективное функционирование системы финансово-банковских институтов во взаимодействии с реальным сектором экономики для обеспечения его ресурсами. Ключевой задачей в условиях инновационного развития экономики становится организация конструктивного взаимодействия реального и банковского секторов экономики. Этот процесс имеет ряд предпосылок, а именно, если обращаться к макроуровню экономических отношений: необходимость структурной перестройки национальной экономики; потребность в создании эффективной системы инвестирования; наличие в экономике значительного объема временно свободных финансовых ресурсов, не используемых в инвестиционном процессе. При этом большое значение имеет обоснование взаимодействия кредитно-банковского сектора и хозяйствующих субъектов экономики, соответствующее специфике рыночных отношений и раскрывающее возможности коммерческих банков как финансовых посредников с реальным сектором экономики, а также направленное на достижение устойчивого экономического роста [1].

Современная трактовка взаимодействия реального и финансового секторов экономики исходит их того, что финансово-банковский сектор является важным элементом рыночной экономики, а информационная природа рыночного финансирования определила институциональную обусловленность этого процесса. В свою очередь развитие кредитно-банковских учреждений не может осуществляться без реального сектора. При этом взаимодействие реального и банковского секторов экономики зависит от того, насколько успешно институциональная система аккумулирует информацию, необходимую для рыночного финансирования.

Особенности и формы взаимодействия банков и реального сектора как субъектов рыночной экономики с точки зрения составляющих ее элементов неизменны: субъектами (объектами) взаимодействия являются хозяйствующие субъекты и кредитно-банковские институты, между которыми происходит обмен денежными средствами. Взаимодействие может варьироваться по отдельным характеристикам элементов. Наличие разных характеристик, влияющих на дифференциацию элементов взаимодействия, сказывается на возникновении особых форм взаимодействия.

Развитие национальной банковской системы России в настоящее время обусловлено сложными и противоречивыми процессами, происходящими в мировой финансовой системе. Во-первых, открытые банковские системы с высоким уровнем присутствия иностранных банков сталкиваются с проблемой сокращения темпов и объемов кредитования. Во-вторых, развитие национальных банковских систем обусловлено процессом консолидации мелких банков с их более крупными конкурентами. В-третьих, кредитные организации сталкива-

© Мамелин О.Р., 2012

ются с проблемой долгосрочной ликвидности из-за сокращения возможности получения кредита на внешних рынках заемного капитала: процентные ставки по зарубежным заимствованиям выросли, а требования к заемщикам ужесточились. В-четвертых, недостаточная капитальная база региональных коммерческих банков, растущие операционные издержки, неустойчивость пассивов, сопутствующая высоким темпам роста активов, а также аккумулирование рискового потенциала и подверженность риску потери ликвидности ставят перед региональными коммерческими банками задачу поиска портфельных и стратегических инвесторов.

Также проблемными остаются отношения между банковским и реальным сектором экономики регионов: инновационная деятельность субъектов экономики ограничивается источниками финансирования, способными создать условия для эффективных инвестиций. Крупные банки в силу своего размера и институциональной сложности не имеют достаточной гибкости для обслуживания индивидуальных клиентов. Более мелкие банки, изначально созданные как банки развития своего региона, концентрируя средства населения и предприятий для финансирования инвестиционных проектов, имеют свои ниши, обслуживая население, малые и средние предприятия и другие экономические субъекты.

Полагаем, что проблема заключается в необходимости развития региональными банковскими институтами инвестиционной деятельности во взаимосвязи с инновационным развитием реального сектора экономики региона.

Двумя главными финансовыми ограничениями в инвестиционной деятельности региональных банков являются несовпадение сроков погашения активов и пассивов, а также низкие темпы накопления капитала. Эти ограничения на рост присутствуют у большинства банков РФ. Также причиной, сдерживающей развитие банковского сектора в регионах, помимо макроэкономических факторов, является неэффективная инвестиционная деятельность банковского сектора, выражающаяся в отсутствии доступа реального сектора экономики к необходимым финансово-кредитным ресурсам. В то же время исследования, проводимые в последние годы в ряде регионов, показали, что коммерческие банки имеют потенциальные возможности для активизации инвестиционных и инновационных процессов.

Методологическим фундаментом успешной деятельности банковского сектора (что одновременно является и условием роста всей экономики) должны, по нашему мнению, стать концепция системной организации банковской деятельности и соответствующий подход к управлению банковской системой как на общероссийском, так и, в первую очередь, на региональном уровнях.

В самом общем виде экономическая роль банковского сектора заключается в аккумуляции и инвестировании финансовых ресурсов всех секторов экономики в соответствии с уровнем спроса и предложения на них, в обеспечении движения товарных потоков денежными. В соответствии с ней определяется характер взаимосвязей между банковским сектором и экономикой на региональном уровне. От того, насколько эффективно исполняют указанную роль институты, представляющие банковский сектор на отдельной территории, зависят теснота взаимосвязи банковского сектора и региональной экономики и результативность их взаимодействия. Другими словами, в настоящее время все большее значение приобретает проблема сбалансированного развития банковской системы и реального сектора экономики региона. Отсутствие механизма регулирования направлений и темпов их развития приводит к возникновению рассогласования интересов банковской системы и реального сектора экономики.

Рассматривая банковскую систему страны с точки зрения ее формирования и развития, необходимо учитывать территориальный, региональный аспект функционирования. Характеризуя признаки региона, можно выделить такой его наиболее существенный признак, как субъект хозяйствования. Каждому национально-государственному образованию России, т.е. уровню республики, области, края, присуща свойственная только ему структура хозяйства, сферы которого имеют различную капиталоемкость, степень сбалансированности развития отдельных элементов, число активно развивающихся производств и т.д., что оказывает определяющее воздействие на формирование потребности в финансово-кредитных ресурсах. Деятельность банковской системы зависит от экономического положения сложившегося на территории национально-государственного образования. Основными источниками формирования кредитных ресурсов банков являются федеральный и областной (краевой, республиканский) бюджеты, предприятия и организации различных форм собственности, население данной территории. Потребность в денежных средствах, эмитируемых банком, определяется, прежде всего, деловой активностью: наличием реальных возможностей для развития производства, новых рыночных структур, поддержкой предпринимательской деятельности со стороны местных органов, а также инвестиционной политикой на территории национально-государственного образования.

Поэтому, в рамках рассмотрения указанной проблемы, под региональной банковской системой мы понимаем составную часть общенациональной банковской системы, представляющую собой совокупность функционирующих на территории субъекта Российской Федерации банковских институтов, характер операций которых в значительной мере оп-

ределяется приоритетами его экономического развития и потребностями экономических субъектов данной территории в банковских услугах.

Основой оптимизации взаимодействия банковской системы и реального сектора на региональном уровне является, по-нашему мнению, достижение определенного уровня развития банковской системы и экономики региона. Количественные и качественные параметры, характеризующие развитие банковского сектора региона, находятся в тесной взаимосвязи с показателями общего экономического развития. С одной стороны, на темпы развития банковской деятельности влияет региональная общеэкономическая конъюнктура, с другой стороны, степень развития банковского сектора определяет экономический уровень региона. Оценка адекватности масштабов развития банковской системы к уровню экономического развития региона может осуществляться путем сопоставления основных характеристик банковской системы и показателей уровня экономического развития региона[1].

Основным критерием возможности экономического роста и расширенного воспроизводства является обеспечение экономики достаточными инвестициями. Недостаточная инвестиционная активность может привести к разрушению экономических основ общества, к потери целых отраслей промышленности, усилению разрыва между банковским и реальным секторами экономики.

Современное состояние взаимодействия региональных коммерческих банков и реального сектора экономики можно оценить как недостаточно эффективное с точки зрения создания условий для устойчивого экономического роста. Накопленный банками опыт деятельности на кредитном рынке показывает низкую рентабельность реального сектора экономики и в связи с этим слабую заинтересованность в расширении отношений с ним.

Региональные коммерческие банки не могут в полной мере использовать весь спектр возможностей для привлечения дешевых ресурсов. Объективные сложности, возникающие при получении кредитов зарубежных банков и выпуске облигаций, отталкивают от региональных коммерческих банков крупных заемщиков - предприятий реального сектора экономики, оставляя им достаточно ограниченное пространство для маневра.

Предприятия реального сектора экономики находятся в тяжелом финансовом положении. Наблюдается высокая степень износа оборудования, значительный груз социальных расходов, потеря рынков сбыта, отсутствие привлекательных для потребителя торговых марок, высокий объем взаимозадолженности предприятий. Уровень рентабельности не позволяет широко использовать банковские кредиты, поскольку велик риск их несвоевременного возврата. Укрепление финансового положения предприятий реального сектора экономики как условия и основы развития их производственной деятельности становится настоятельной потребностью.

Для экономической политики важными являются задачи повышения конкурентоспособности национальной промышленности, вовлечения банковского сектора экономики в решение проблемы повышения эффективности реального сектора экономики России. В этой связи перед экономической политикой стоят вопросы разработки активной промышленной стратегии и переориентации банковского сектора на решение задач, отвечающим потребностям реального сектора экономики. Должна быть создана принципиально новая финансово-кредитная система, которая могла бы, способствуя удовлетворению растущего спроса на инвестиционные ресурсы, обеспечить устойчивое повышение капитализации экономики, что в свою очередь повысит устойчивость экономической динамики.

Возвращаясь к рассматриваемой проблеме, отметим, что в последние годы банковский сектор Костромской области, как и России в целом, развивался достаточно высокими темпами, что способствовало росту экономики, предпринимательской деятельности, реализации национальных и областных проектов [3].

Банковский сектор Костромской области представлен пятью региональными банками. Кроме того, активно работают филиалы иногородних банков. По количеству действующих самостоятельных кредитных организаций Костромская область входит в пятёрку лидеров в Центральном округе РФ (без учета Москвы и Московской области), наряду с Белгородской и Тульской областями.

Однако финансовый кризис внес свои коррективы в работу региональных банков и, прежде всего, в объемы и структуру активных операций. Так, например, за 2010 год объем предоставленных кредитов снизился на 16,2% в целом, в том числе довольно значительное сжатие произошло по потребительскому кредитованию, объемы которого сократились на 46,2%.

Объясняется это общей неблагоприятной экономической конъюнктурой региона. Наиболее существенными рисками банковского сектора являются кредитный риск и риск потери ликвидности. Нарастание кредитных рисков и достижение ими некоторого критического уровня – картина вполне реальная не только для Костромской области, но и для национальной банковской системы страны[2].

Тем не менее, преимущества и возможности коммерческих банков Костромской области позволяют не только провести анализ деятельности кредитных организаций, но и использовать их при разработке направлений инновационного развития региона, ориентиров деятельности банковского сектора региона, учитывая сильные стороны и возможности нивелирования слабых сторон и угроз внешней среды.

Направление воздействия может быть положительным и отрицательным в зависимости от специфических условий и параметров финансового климата. Существует ряд индикаторов финансового климата: средняя ставка процента, инфляция, налогообложение, финансовый мультипликатор, потенциал финансового рынка и др. Они оказывают влияние на взаимодействие реальной и финансовой сферы. Благоприятный финансовый климат способствует их эффективной взаимосвязи, позволяет реализовать экономические интересы участников каждого сектора. Неблагоприятный финансовый климат, естественно, является сдерживающим фактором, что проявляется в распространении и преобладании спекулятивных и краткосрочных тенденций как в реальном так и в финансовом секторах экономики.

К числу основных мероприятий, направленных на создание благоприятного финансово-инвестиционного климата и преодоление существующих противоречий во взаимодействии банковского и реального секторов экономики, можно отнести следующее:

– одной из стратегических задач кредитных организаций должно стать быстрое освоение методов инновационного банковского менеджмента и финансового инжиниринга, в том числе таких, как проектное финансирование и синдицированное кредитование, лизинг, факторинг, франчайзинг и др. Также важен качественный мониторинг реализации инновационных программ. Прогнозирование и стратегический мониторинг реализации проектов должны подкрепляться разработкой и внедрением механизмов мотивации всех участников процесса;

– взаимодействие посредством участия в капитале позволит снизить транзакционные издержки и достичь оптимального баланса интересов субъектов реальной и финансовой сферы. Анализ отношений собственности, возникающих при кредитовании, показывает, что эффективность ссудной сделки как экономического института достигается за счет спецификации отдельных правомочий между кредитором и заемщиком. Это позволяет и кредитору, и заемщику прийти к единому соглашению по поводу приемлемых условий по срокам, процентной ставке и объемам кредитования. Закрепление отдельных правомочий между инвестором и эмитентом позволяет инвестору принять рациональное решение о вложении свободных денежных средств с учетом риска и доходности, а эмитенту — получить достаточный объем финансовых ресурсов под приемлемый процент. Это достигается за счет диверсификации рисков, гарантии доходности, безопасности участников эмиссионной сделки.

Эффективным путем взаимодействия, как показывает практика, может стать интеграция банковского и промышленного капиталов, которая позволит банкам повысить качество кредитного портфеля, уменьшить риски и будет стимулировать развитие реального сектора, находящегося в инертном состоянии развития;

– повышению эффективности взаимодействия банков и реального сектора экономики в реализации инновационных проектов и программ будет способствовать развитие инвестиционно-финансовой инфраструктуры, включая создание широкой сети специализированных оценочных, страховых институтов;

– предоставление банками персонифицированных услуг на основе адаптации политики кредитной организации к динамично изменяющимся потребностям клиентов с учетом их финансового потенциала и ряда специфических проблем. Эта форма взаимодействия имеет цель сформировать долгосрочную и устойчивую клиентскую базу, повысить качество информационного обеспечения, обеспечить доступность банковских продуктов, развить инвестиционные и консалтинговые услуги, создать инфраструктуру рынка пластиковых карт;

– упрощение доступа предприятий к различным формам кредитных ресурсов, а именно: развитие вексельного кредитования, дисконтирование, внедрение механизмов финансирования инновационного процесса.

Таким образом, вопросы развития системы взаимодействия кредитно-банковского и реального секторов экономики, выбора ее модели и определения приоритетных направлений развития по-прежнему актуальны. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, внедрение инноваций сдерживается из-за отсутствия оптимального взаимодействия банковского и реального секторов экономики, что выражается в неразвитости финансовых механизмов для перехода на качественно новый инновационный уровень развития. С другой стороны, отсутствует механизм взаимосвязи изменений в финансово-банковской системе и реальном секторе экономики, т. е. роль институциональных и финансовых условий инвестиционного процесса в условиях перехода на этап инновационного развития. В связи с этим необходимыми становятся нормализация их взаимоотношений, определение перспективных направлений развития, оценка возможных и необходимых экономических и социальных издержек перехода к новому инновационному этапу развития.

Вопросы совершенствования системы взаимодействия региональных коммерческих банков и реального сектора экономики, выбора ее модели и определения приоритетных направлений развития являются достаточно важными в экономической, политической и социальной жизни. Выявление условий нормализации их взаимоотношений, определение перспективных направлений развития становится все более необходимыми для определения путей повышения эффективности современной экономики.

Сегодня необходим во многом принципиально новый подход к теоретическому и методологическому обоснованию взаимодействия региональных коммерческих банков и реального сектора экономики, который бы соответствовал специфике рыночных отношений и полнее раскрывал возможности региональных коммерческих банков, как финансовых посредников с реальным сектором экономики, способствовал достижению устойчивого экономического роста.

Примечания

[1] Как уже отмечалось, развитый рынок финансовых услуг в регионе создает предпосылки для инвестиционной деятельности, концентрации капитала внутри региона, увеличения платежеспособного спроса, что определяет перспективы развития регионального бизнеса, а следовательно, и региональной экономики. Помимо публикуемых ЦБ данных о банковской активности и концентрации капитала в регионе, значительный интерес представляет вопрос качества предоставляемых в регионе финансовых услуг. И в этой связи считаем отметить целесообразность и обоснованность подхода, предлагаемого И.К. Осяниным [2].

[2] Вопрос, является ли уровень просроченной задолженности по кредитам в 5% критическим, сегодня широко обсуждается. Некоторые эксперты считают, что даже рост доли просроченной задолженности до 10% подавляющему большинству банков не создаст проблем. Малые, средние и региональные кредитные организации обладают необходимым запасом прочности в форме накопленных резервов, прибыли по итогам года и избытка капитала сверх минимального уровня.

Библиографический список

1. *Гудов М.М., Гудов А.М., Федоткина О.П.* Взаимодействие коммерческих банков и реального сектора в условиях инновационного развития экономики региона // Регионология. – 2011. – №4.

2. *Осянин И.К.* Оценка качества финансовых услуг в сфере кредитования региона // Ярославский педагогический вестник. Том I: Гуманитарные науки. – 2011. – № 1.

3. *Шумакова О.Д.* Проблемы капитализации банковской системы в условиях роста кредитных рисков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kstu.edu.ru/science/misc/rio

УДК 334.7

Савельев Иван Александрович
Костромской государственный технологический университет
isavelev@yandex.ru

КЛАСТЕРНАЯ ФОРМА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Статья посвящена актуальной теме – кластерной форме пространственной организации экономических взаимодействий как важнейшему инструменту повышения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов в современных условиях. Кластерная модель развития является наиболее эффективной с точки зрения усиления конкурентоспособности, повышения кооперации и инновационной активности хозяйственных субъектов.

Ключевые слова: *кластер, интеграция, экономические взаимодействия, конкурентоспособность.*

В настоящее время кластерная политика и процесс кластеризации национальной экономики занимают одно из центральных мест в современной экономической науке. Кластеры рассматриваются в качестве интеграционных форм организации производства, обеспечивающих быстрые темпы экономического развития, а сам процесс кластеризации рассматривается как рыночный механизм качественного преобразования локальных экономических систем. Перспективы кластерной организации зависят от наметившихся макроэкономических тенденций в экономике, доминирующих на данной территории сегментов производства и существующих категорий потребителей. На основе формирующихся связей между участниками кластера образуется конкурентная среда.

Существующие точки зрения на понятие «кластер» можно условно разделить на две группы: в первую входят авторы, которые уделяют большое внимание на географическую составляющую кластера и во вторую, – которые при определении «кластера» географическую составляющую считают малозначительной. Основоположник теории кластерного развития М. Портер дает следующее определение кластеру: «кластер, или промышленная группа, – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере и характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга»[1]. Кластер представляет собой сеть поставщиков, производителей, потребителей, элементов промышленной инфраструктуры, исследовательских институтов, взаимосвязанных в процессе создания добавочной стоимости[2]. Формирование такой сети предполагает наличие положительных синергетических эффектов вслед-

 © Савельев И.А., 2012

ствие географической близости потребителя и производителя, концентрации определенных компетенций, знаний и технологий и пр. Границы кластера не зависят от границ административных образований и устанавливаются в соответствии с распространением экономических связей кластерной структуры. Достоинством этой теории является выделение принципиально нового структурного элемента в совокупности субъектов конкуренции, где «кластеры представляют новый и дополнительный способ организации экономики, её динамичного развития и принцип проведения государственной политики в регионах. Понимание состояния кластеров обеспечивает важное видение внутренних свойств производственного потенциала экономики кластеров и ограничений, существующих для их будущего развития». Следует заметить, что М. Портер не дает четких и однозначных ответов на вопросы о размере кластера, его качественном составе, границах. Кроме того, непонятно, почему «кластер-это система взаимосвязанных фирм и институтов, оказывающаяся в целом больше простой суммы своих составных частей»[3]. Этот вывод не подтвержден расчетами экономической эффективности и поэтому в достаточной мере интуитивен. Дэн Хааг определяет кластер как «индустриальный комплекс, сформированный на базе территориальной концентрации сетей специализированных поставщиков, основных производителей, связанных технологической цепочкой, и выступающих альтернативой секторальному подходу»[4]. Понятие «кластер» также может трактоваться в иной форме. Кластеры – группы взаимосвязанных отраслей промышленности, которые создают богатства в регионе, путем экспорта товаров и услуг. Понятие «промышленный кластер» отличается от классического определения «промышленный сектор» тем, что первое – представляет полную цепочку отраслей промышленности начиная от поставщиков, и заканчивая конечным продуктом, включая вспомогательные услуги и специализированные инфраструктуры. Предприятия в кластере географически сконцентрированы и связаны потоком товаров и услуг. По мнению С. Лозинского, кластер – это сочетание лидирующих фирм, которые производят продукты и услуги, поставщиков, которые существуют в регионе а также бизнес-климата[5]. С.И. Соколенко под кластером понимает территориальное объединение взаимосвязанных предприятий и «учреждений в пределах соответствующего промышленного региона, направляющих свою деятельность на производство продукции мирового уровня»[6]. Автор выделил детерминанты формирования кластеров: близость к рынкам; обеспечение специализированной рабочей силой; доступность специфических природных ресурсов; экономия за счет масштаба производства; низкая стоимость операция; возможность полного доступа к информации; возможность привлекать к сотрудничеству фирмы, дисперсно распределенные на территории региона. Характерной чертой такого трактования является то, что границы кластера определяются промышленным регионом, который уже сформировался ранее.

Вторая группа точек зрения на сущность кластера. В противоположность первой группе определений, по мнению В.М. Кутьина, «кластер – есть объединение регионов с похожим социально-экономическим положением»[7]. В своем исследовании он классифицировал уже существующие регионы России и воссоздал карту регионов заново, разбив их на семь кластеров с похожим экономическим положением. За основу классификации им были выбраны такие показатели как индекс промышленного производства, строительство жилья, продукция сельского хозяйства, оборот розничной торговли. В понимании В.М. Кутьина кластеры не обладают географическим детерминизмом, что он объясняет во-первых слабостью подавляющего большинства регионов России, а во-вторых, отмечается, что даже близко находящиеся на географической карте регионы настолько сильны отличаются ресурсным, людским потенциалами, что не позволяет отнести их к одному экономическому кластеру. А. Воронов, изучая данный вопрос, пришел к выводу, что кластер есть «упорядоченная совокупность специализированных предприятий, выпускающих конкурентоспособную продукцию»[8]. Отличным выглядит определение Р. Коха, который трактует понятие «кластер» как образующиеся внутри фирмы группы, куда входят работники различных функциональных профилей, работающие вместе на постоянной основе.

По предпосылкам формирования выделяют две категории кластеров[9]: 1. Самопроизвольные (спонтанные) кластеры. Такие структуры являются результатом спонтанной концентрации ключевых факторов возникновения кластеров. 2. Политически обусловленные кластеры. Возникновение таких кластерных организаций связано с принятием решением органов власти по формированию условий, благоприятствующих возникновению кластеров в экономике страны (региона). В зависимости от вида реализуемой политики они подразделяются на две группы кластеров: – политика промышленной реструктуризации; – политика промышленного развития. Спонтанные кластеры являются результатом спонтанной концентрации специфичных условий, без прямого вмешательства общественных агентов. Наиболее распространенными условиями для формирования таких кластеров являются: хорошая научно-исследовательская база, являющаяся результатом значительных общественных инвестиций в предшествующие годы; развитый механизм трансферта технологий, в том числе наличие фондов поддержки предпринимательства, технологических центров, венчурных структур, тесной связи

организаций с университетами и научными центрами; уровень распространенности предпринимательской культуры; распространение механизмов инновационных фондов; наличие соответствующей законодательной базы.

В научной экономической литературе существует несколько классификаций кластеров по различным признакам. По принципу устойчивости конкурентных позиций различают следующие виды: сильный кластер – его эффективная структура отражает важнейшие этапы производственного цикла. Активное взаимодействие между участниками создает устойчивое конкурентное преимущество; устойчивый кластер – его структура стабильно развивается, однако в настоящее время не накоплена критическая масса производственного потенциала для получения значительных преимуществ от агломерации, есть активные внутрикластерные взаимодействия; потенциальный кластер – его структура пока еще весьма фрагментирована, но интенсивно развивается; латентный кластер – существуют лишь отдельные кластерные структуры, не хватает коммуникативных взаимосвязей. Кластеры подразделяют также: на географические (региональные), соответствующие концентрации по территориальному принципу; различающиеся по характеру структурообразующей организации (чаще всего здесь речь идет о предприятии крупного масштаба и хорошо известном, но возможно и объединение вокруг организации, определяющей экономическое развитие, ассоциации, регионального агентства); различающиеся по ядру (три типа организаций): а) базирующиеся на сложной технологической основе, часто новой для данной территории; б) основанные на традиционных для этого региона видах деятельности; в) связанные подрядными отношениями; боковые (межотраслевые), охватывающие сразу несколько отраслей экономики, например мультимедийный кластер; мегакластеры – образованные сетью, т.е. большим количеством фирм, относящихся к различным секторам экономики и характеризующихся высокой степенью агрегации (например, «автомобильный мегакластер»).

Поскольку М. Портер считается основоположником теории кластеров, его позиция особо значима для нашего исследования. Согласно его мнению, кластеры – это сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, а также торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем и ведущих совместную работу. Географические масштабы кластера могут варьироваться от одного города и или штата до страны или даже ряда соседствующих стран. Кластеры принимают различные формы в зависимости от своей глубины и сложности, но в большинстве случаев включают компании готового продукта, или сервисные компании; поставщиков специализированных факторов производства, компонентов, машин, а также сервисных услуг; финансовые институты; фирмы в сопутствующих отраслях. Кластеры часто включаю также фирмы, работающие в низовых отраслях (т.е. с каналами сбыта или потребителями) производителей побочных продуктов; специализированных провайдеров инфраструктуры; правительственные и другие организации, обеспечивающие специальное обучение, образование, поступление информации, проведение исследований, и предоставляющие техническую поддержку (такие как университету, структуры для повышения квалификации в свободное время); а также агентства, устанавливающие стандарты. Правительственные агентства, оказывающие существенное влияние на кластер, могут рассматриваться как его часть. И наконец, многие кластеры включают торговые ассоциации и другие совместные структуры частного сектора, поддерживающие членов кластера. Определение составных частей кластера лучше начинать с рассмотрения крупной фирмы или концентрации сходных фирм, а затем выявить наличие цепочки связанных с ними по вертикали ниже- и вышестоящих фирм и организаций. Далее надо найти по горизонтали отрасли, проходящие через общие каналы или производящие побочные продукты и услуги. Дополнительные горизонтальные цепочки устанавливаются на базе использования похожих специализированных факторов производства или технологий или связаны между собой через поставки. Следующий шаг после установления входящих в кластер отраслей и фирм состоит в выделении организаций, обеспечивающих для него специальные навыки, технологии, информацию, капитал или инфраструктуру, а также любых групповых образования, в которые входят участники кластера. Завершающий шаг – это поиск правительственных или других законодательных структур, оказывающих существенное влияние на членов кластера.

Нанесение границ кластера достаточно часто оказывается непростой задачей, требующей творческого процесса на базе понимания наиболее важных связей и взаимного дополнения для разных отраслей и организаций. Границы кластеров достаточно редко подчиняются стандартным системам отраслевой классификации, неспособным охватить многих важных участников конкурентной борьбы и связи между отраслями. Границы кластеров постоянно изменяются по мере появления новых фирм и отраслей, сужения или спада существующих отраслей, а также с развитием и изменением местных организаций.

М. Портер выделил ряд причин, по которым, по его мнению, экономику следует рассматривать

Таблица 1

Сравнительный анализ традиционного и кластерного подхода

Параметры для сравнения	Кластеры	Традиционное группирование компаний
Отношение к конкуренции	Лучше согласуются с самим характером конкуренции и источником достижения конкурентных преимуществ. Большинство участников кластера не конкурируют между собой непосредственно, просто они обслуживают разные сегменты отрасли.	В отраслях из-за непосредственной конкуренции большой части участников существует вполне реальная опасность снижения интенсивности соперничества.
Связи	Кластеры лучше охватывают важные связи, взаимодополняемость между отраслями, распространение технологии, навыков, информации, маркетинг и осознание требований заказчика по фирмам	Слабо охватываются связи.
Значение инвестиций, дотация	Государственные и частные инвестиции, направленные на улучшение условий функционирования кластера, приносят пользу сразу многим фирмам.	В противоположность этому рассмотрение ситуации в мире с точки зрения отраслей или достаточно узких секторов, таких например, как продукты автомобильной промышленности, часто сводится к лоббированию интересов по вопросам выделения субсидий или облегчения налогового давления на участвующие в этих процессах компании. Получаемые в результате государственные инвестиции создают лихорадочное перетекание выгод в другие отрасли, и поэтому могут деформировать рынок

через призму кластеров, а не через более традиционное группирование компаний (см. табл. 1).

Также М. Портер дает ответ на вопрос о том, как кластеры влияют на конкурентную борьбу. Для этого существует три способа: а) посредством повышения производительности входящих в них фирм и отраслей; б) посредством повышения способности к инновациям и, таким образом, к повышению производительности; в) посредством стимулирования новых бизнесов, поддерживающих инновации и расширяющих границы кластера. Далее М. Портер замечает, что каждое их трех влияний кластеров на конкуренцию зависит в некоторой степени от межличностных взаимоотношений, личных контактов, а также взаимодействия между сетями частных предпринимателей и организаций. Еще один ключевой момент, который затрагивается в работе М. Портера, – это процесс рождения, эволюции и упадка кластеров. Выделяются следующие мотивы для образования кластера. Во-первых, это доступность общих фондов факторов, таких как специализированные навыки, ведение университетских исследований, удобное географическое положение или же особенно хорошая или подходящая для данного случая инфраструктура. Во-вторых, кластеры могут также возникать в результате необычного, сложного или повышенного местного спроса. В-третьих, это предшествующее существование отраслей по поставкам, родственных отраслей, или даже полностью связанных кластеров. В-четвертых, новые экономические корни кластера могут возникать из одной или двух новаторских компаний, стимулирующих рост многих других компаний. В-пятых, для зарождения кластера часто оказываются существенными и случайные события. Первоначальный этап формирования компаний в регионе часто отражает действия предпринимателей, которые невозможно полностью объяснить только наличием благоприятных местных условий. Несмотря на то, что гарантий развития кластера не существует, после начала процесса наблюдается нечто вроде цепной реакции, в которой достаточно быстро начинают прослеживаться причинно-следственные связи. Происходящий при этом процесс сильно зависит от эффективности действующих связей или цепочек обратных связей, от того, насколько хорошо, например, местные образовательные, законодательные и другие структуры реагируют на нужды кластера, или от того, насколько быстро откликаются на его потребности возможные поставщики. Особого внимания заслуживают три специальные области: интенсивность конкуренции в местных масштабах, общая среда для формирования нового вида экономической деятельности в данной местности, а также эффективность действия формальных и неформальных механизмов сведения вместе участников кластера. Существенной движущей силой в быстром совершенствовании и развития предпринимательства является сильная конкурентная борьба. Климат, в котором происходит развитие предпринимательства, очень важен, поскольку создание новых фирма

и институтов является неотъемлемой частью развития кластера. И наконец, необходимы механизмы организации и построения взаимосвязей. Поскольку существующие в кластере преимущества сильно зависят от связей и взаимодействия между индивидуалами и группами.

Внимание ученых и специалистов к кластеризации экономики как инструменту повышения ее конкурентоспособности объясняется эффективностью и гибкостью кластеров, что определяется следующими их преимуществами по сравнению с другими формами организации экономической деятельности: 1) значительное упрощение доступа предприятий к различным видам ресурсов; 2) снижение финансовых и кредитных рисков с одной стороны, и повышение стабильности и прогнозируемости денежных потоков – с другой; 3) повышение эффективности сбыта за счет устойчивости логистических потоков между предприятиями кластера; 4) снижение трансакционных издержек, которые рассматриваются как расходы на организацию бизнеса, получение информации, ведение переговоров, поиск поставщиков, заключение и оформление контрактов, обеспечение юридической защиты, выстраивание взаимоотношений как с внешними контрагентами предприятия, так и с внутренними участниками; 5) осуществление качественного скачка в инновационном развитии предприятий, входящих в кластер. Увеличение инновационной активности участников кластера связано с тем, что кластер выступает в роли своеобразного «хранилища» знаний, навыков и опыта талантливых людей, являющихся специалистами в сфере основной деятельности кластера. Накапливаясь и концентрируясь, новые знания становятся общепринятыми и подталкивают участников к генерации новых идей и созданию новых разработок, что значительно ускоряет осуществляемые в кластере инновационные процессы; 6) формирование внутри кластеров не только формальных, но и неформальных, личных взаимосвязей между его участниками, облегчающее ведение бизнеса и помогающее более эффективно координировать усилия для приспособления к постоянно меняющимся условиям внешней среды[10]; 7) осуществление прогнозирования и планирования инноваций на основе своевременного определения технологических тенденций; 8) развитие информационных и маркетинговых связей между предприятиями кластера на основе современных технологий, формирование в рамках межрегиональной экономической интеграции недостающих звеньев цепочки создания стоимости, общих стандартов производства, поставок и управления, активное развитие кластерных брендов. Однако кластеры по мимо преимуществ имеют ряд недостатков, а именно: 1) излишняя концентрация предприятий на внутренних связях и игнорирование среды за пределами кластера могут привести к устареванию технологий и снижению их конкурентоспособности; 2) замкнутость кластера может стать причиной снижения гибкости предприятий-участников; 3) отсутствие конкурентов в рамках отдельного кластера «уничтожает» необходимость постоянного совершенствования производственного и сбытового процесса; 4) уникальность каждого кластера приводит к значительному усложнению оценки эффективности его функционирования, так как отсутствует возможность для сравнения с другими кластерами; 5) зависимость результатов работы всего кластера от эффективности деятельности каждого из его участников.

Следует отметить, что кластеризация российской экономики не является абсолютно новым механизмом регионального развития, а является прообразом созданных в условиях административно-командной экономики территориально-производственных комплексов (ТПК). Формирование кластеров в национальной экономике, по сути, является «клоном» территориально-производственного подхода к размещению производительных сил в регионе. Таким образом, в российской экономике накоплен определенный опыт формирования подобных структур, однако в условиях создания и развития национальной инновационной системы процесс кластеризации приобретает особое значение и служит механизмом формирования национальную инновационную систему.

Итак, можно сделать вывод о том, что, во-первых, кластер – это принципиально новый элемент в структуре конкурентоспособности, во-вторых, это неформальное объединение хозяйствующих субъектов, в-третьих, именно кластерная форма пространственной организации экономических взаимодействий является фактором увеличения эффективности хозяйствующих субъектов и повышения уровня их конкурентоспособности.

Примечания

[1] *Портер Майкл Э.* Конкуренция. – М.: ИД Вильямс, 2003. – С. 207.

[2] *Портер М.* Международная конкуренция. – М.: Международные отношения, 1993.

[3] *Портер Майкл Э.* Конкуренция. – М.: ИД Вильямс, 2003. – С. 275.

[4] Cluster specialization patterns and innovation styles. – Den Haag, 1998. – P. 5.

[5] *Лозинский С.* О пользе кластеров // Невское время. – 25.02.2003 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nv.vspb.ru.

[6] *Соколенко С.* Промышленная и территориальная кластеризация как средство реструктуризации // Безопасность Евразии. – 2002. – № 1. – С. 435.

[7] *Кутьин В.М.* Территориальная экономическая кластеризация (классификация) регионов России: социально-географический аспект // Безопасность Евразии. – 2003. – № 1. – С. 525.

[8] *Воронов А., Буряк А.* Кластерный анализ – база управления конкурентоспособностью на макроуровне // Маркетинг. – 2003. – № 1. – С. 13.

[9] *Chiesa Vittorio.* Industrial Clusters in Biotechnology: Driving Forces, Development Processes and Management Practices, NJ, USA: World Sc ientific Publishing Company, 2004.

[10] Van den Berg L., Braun E., van Winden W. Growth Clusters in European Cities: An Integral Approach. Urban Studies, 2001.

СИСТЕМОТЕХНИКА

УДК 658

Токарева Ирина Васильевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ops@ksu.edu.ru

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ КОРПОРАЦИИ КАК ОБЪЕКТА УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассмотрена система базовых понятий корпоративного управления. Выявлены и систематизированы различные подходы (социальный, структурный, экономический) к определению понятия корпорация. Отмечены ключевые отличия корпоративного управления как системы управленческих отношений, предметом которых выступает гармонизация интересов участников корпорации в достижении их общей (корпоративной) цели.

Ключевые слова: *корпоративное управление, базовые понятия, управленческие отношения, систематизация.*

Анализ теоретических источников по проблемам корпоративного управления, модернизации, реструктуризации компаний в России [1–15 и др.] показывает, с одной стороны «единодушие» авторов в том, что эффективность корпоративного управления выступает одним из ключевых факторов, определяющих конкурентоспособность компаний и соответственно уровень общественного благосостояния. С другой стороны, рассматривая системы управления, авторы используют разнородный понятийный аппарат, концентрируются на разных направлениях в деятельности корпораций, и соответственно обосновывают свое видение решения ключевых проблем корпоративного управления.

На наш взгляд, обоснование актуальных проблем в данной сфере, разработка рациональных подходов и принципов их решения невозможны без системного анализа существующих теоретических воззрений, их отличий и взаимосвязей. Проанализируем содержание понятийного аппарата системы корпоративного управления и попытаемся систематизировать отличия в подходах различных авторов.

Базовыми понятиями в большинстве соответствующих теоретических источников являются «предприятие», «фирма», «компания», «корпорация», «корпоративное управление».

Предприятие как объект права рассматривает Гражданский кодекс РФ и определяет его как имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности. В соответствии с законодательством [1] предприятие должно обладать определенными признаками: имеет обособленное имущество (в собственности, в хозяйственном ведении или оперативном управлении); способно отвечать своим имуществом по обязательствам; способно выступать в хозяйственном обороте от своего имени; имеет право выступать истцом или ответчиком в суде; имеет самостоятельный баланс; имеет наименование, содержащее указание на организационно-правовую форму.

Таким образом, предприятие соединяет материальные, трудовые, финансовые ресурсы для преобразования их в конечный продукт.

В Современном экономическом словаре [9] понятие предприятия толкуется достаточно широко и определяется как хозяйствующий субъект с правами юридического лица, занимающийся различными видами хозяйственной деятельности (производство, оказание услуг, выполнение работ). В [12] при этом отмечается, что предприятии разных организационно-правовых форм и их объединения, наряду с домохозяйствами и государством, являются ведущими хозяйствующими субъектам, сосредотачивающими в своей собственности большую часть общественного капитала. Авторы [14] обозначают предприятия как коммерческие организации, занятые производственной и торгово-посреднической деятельностью, основная цель которых – извлечение прибыли. Б.З. Мильнер же отмечает, что предприятие как самостоятельный субъект хозяйствования проявляется лишь в условиях рыночной экономики [7].

Анализ вышеприведенных толкований позволяет утверждать, что под предприятием необходимо понимать самостоятельно хозяйствующий субъект различной организационно-правовой формы, созданный в соответствие с действующим законодательством, наделенный определенным имуществом, отвечающий по своим обязательствам, осуществляющий экономическую деятельность в целях удовлетворения общественных потребностей и получения прибыли для своих собственников.

Понятием «фирма» (англ. firm) в английском языке определяют любое коммерческое предприятие, корпорацию, частное предприятие, акционерное общество [10]. Достаточно часто под фирмой понимают крупную многопрофильную организацию со многими входящими в нее обособленными предприятиями, филиалами, организациями [14]. Под фирмой также могут понимать общее наименование учреждения в случаях получения фирменного названия при регистрации каждой организацией, признанной юридическим лицом [1]. Пиндайк Р., Рубинфельд Д. и др. [8] используют понятие фирмы для определения хозяйствующего субъекта как элемента, играющего существенную

© Токарева И.В., 2012

Таблица 1

Обзор подходов к определению понятия «корпорация»

Автор	Определение
Виханский О.С., Наумов А.И.	Особая система связи между людьми в процессе осуществления ими совместной деятельности, представляющей и обеспечивающей возможности для самого существования и воспроизводства той или иной социальной группы
Беляева И.Ю., Эскиндаров М.А.	Социальный институт с определенными обязательствами не только перед своими членами, но и перед обществом.
Белоусова О.М.	Объединение физических или юридических лиц и капиталов для осуществления социально-полезной деятельности. Специфическая институциональная система, координирующая деятельность людей, потоки материальных ресурсов, с определённым подчинением общей стратегии с целью роста стоимости капитала, являющаяся основой использования производственного, технологического, трудового потенциала.
Карасева М.В.	Постоянно действующее, добровольное объединение физических и юридических лиц, основанное на началах членства, предусматривающего самостоятельный юридический статус и сосредоточение функций управления в руках профессиональных управляющих, работающих по найму, отношения внутри которой регулируются внутренними административными правилами и решениями ее руководства, не противоречащими закону, иным правовым актам и обычаям делового оборота. Сложное организационное образование, состоящее из производственных и функциональных единиц, связанных в рамках единого процесса управления производством и капиталом.
Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.	Юридическое лицо, представляющее собой совокупность лиц, объединившихся для достижения общих целей, осуществления совместной деятельности и образующих самостоятельный субъект права.
Самуэльсон П., Нордхаус В.	Юридическое лицо, которое может самостоятельно продавать и покупать, занимать деньги, производить товары и услуги, вступать в контрактные отношения, иметь право ограниченной ответственности, в соответствии с которым инвестиции каждого из собственников корпорации ограничены определенным размером.
Мильнер Б.З.	Экономический субъект, основывающийся на закономерностях развития мирового производства: концентрации капитала, интеграции капитала, диверсификации форм и направлений деятельности. Материнская компания с сетью дочерних обществ, отделений, филиалов, имеющих различный юридический статус и разную степень оперативно-хозяйственной самостоятельности.

Таблица 2

Отличительные особенности понятий

Предприятие	Компания	Корпорация	Фирма
Самостоятельный хозяйствующий субъект различной организационно-правовой формы, созданный в соответствии с действующим законодательством, наделенный определенным имуществом, отвечающий по своим обязательствам, осуществляющим экономическую деятельность для удовлетворения общественных потребностей и получения прибыли.	Юридическое лицо, осуществляющее экономическую деятельность для удовлетворения общественных потребностей и получения прибыли, представляющее собой некое объединение хозяйствующих субъектов различных организационно-правовых форм.	Объединение капиталов физических и/или юридических лиц, организованное на началах долевого членства их участников для достижения общих целей (экономических и социальных), существенными признаками которого являются: юридический статус, отделение собственности от управления, ограниченная ответственность, передаваемое право собственности.	Общее обозначение хозяйствующего субъекта в экономике

роль в функционировании экономики, т.е. фирма – это синоним хозяйствующего субъекта. В России же понятием «фирма» обычно обозначают общее название хозяйствующего субъекта производственного и непроизводственного профиля.

Определение «компании» в Современном экономическом словаре [9] трактуется как объединение юридических и физических лиц, предприятий различных организационно-правовых форм для ведения экономической деятельности, имеющее статус юридического лица. Т.е. под компанией можно понимать юридическое лицо, осуществляющее экономическую деятельность в целях удовлетворения общественных потребностей и получения прибыли, представляющее собой некое объединение хозяйствующих субъектов различной организационной формы.

К определению «корпорации» так же существует множество различных подходов. Вообще термин корпорация происходит от лат. corporatio – объединение. Корпорации как тип организации обозначаются в [4] как замкнутые группы людей с ограниченным доступом, максимальной централизацией и авторитарностью руководства, противопоставляющих себя другим социальным общностям на основе своих узкокорпоративных интересов. Barron`s Dictionare of Banking Terms дает современное определение корпорации как деловой организации, рассматриваемой как независимое образование – искусственное лицо, отличающееся от его владельцев – в глазах закона, в которой собственность представлена долями в капитале [6].

По мнению И.Ю. Беляевой «теория фирмы» с ее нацеленностью на достижение максимальной прибыли и рост капитализации компании не позволяет определить природу зарождающихся организационно-хозяйственных структур, построить модель, позволяющую предсказывать поведение корпорации на рынке [3]. Б.З. Мильнер отводит корпоративным структурам роль создания каркаса индустриально-развитых стран и мирового хозяйства в целом.

Наиболее полное определение корпорации, на наш взгляд, представлено в «Большом коммерческом словаре»: корпорация – это широко распространенная в странах с развитой рыночной экономикой форма организации предпринимательской деятельности, предусматривающая долевую собственность, юридический статус и сосредоточение функций управления в руках верхнего эшелона профессиональных управляющих (менеджеров), работающих по найму. Из этого определения обязательность наличия нескольких принципиальных условий для успешного функционирования корпораций: развитость экономики, фондового рынка, освоенное населением предпринимательство, сосуществование различных форм собственности, достаточное количество профессиональных управляющих. Без выполнения этих условий и ряда нормативных, институциональных и экономических предпосылок эффективное корпоративное управление затруднительно или даже невозможно.

В таблице 1 систематизированы различные аспекты определения корпорации (социальный, экономический, структурный) различными авторами. В таблице 2 наглядно отражены понятийные отличия в определениях «предприятие», «компания», «корпорация», «фирма».

Действующие в России корпоративные образование в принципе ориентированы на указанные в таблицах формы образований, причем организационная структура большинства из них изменчива. Поэтому получают распространение такие современные формы корпоративных образований как холдинги и финансово-промышленные группы, в которых происходит реальное слияние финансового и промышленного капитала и повышение взаимной зависимости участников.

Таким образом, ключевым отличием корпорации, на наш взгляд, выступает объединение в своих рамках ряда экономических (хозяйствующих) субъектов, с целью достижения ими общей цели во многом за счет синергии от интеграции. Очевидно, что управление таким образованием априори сложнее, по причине наличия у участников корпорации субъективных интересов, индивидуальных приоритетов и задач.

Представляется справедливым утверждать, что корпоративное управление предполагает совокупность целей, механизмов и процедур реализации акционерами собственнических полномочий, взаимодействия акционеров с управляющими и остальными наемными работниками; а так же с кредиторами, поставщиками и покупателями. Следовательно корпоративное управление можно понимать как систему управленческих отношений между взаимодействующими в составе групп юридических лиц хозяйствующими субъектами по поводу гармонизации (оптимизации) интересов этих субъектов, достижения их общих целей и обеспечения синергии как их совместной деятельности, так и их взаимоотношений с внешними контрагентами. Тогда предметом корпоративного управления можно считать отношения по поводу эффективной организации взаимодействия членов корпорации между собой и внешней средой. Т.е. главная функция корпоративного управления (на практике) обеспечение работы корпорации в интересах акционеров, предоставивших корпорации финансовые ресурсы.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая и вторая. – М.: Издательство «СПАРК», 1996. – 424 с.

2. *Белоусова О.М.* Совершнствование стратегического управления корпорациями. Автореф. …

дис. канд. экон. наук. – Самара, 2000. – 32 с.

3. *Беляева И.Ю., Эскиндаров М.А.* Корпоративные формы хозяйствования в российской экономике и проблемы взаимодействия менеджмента и мелких акционеров // Финансы и кредит. – 2000. – №10. – С. 44–48.

4. *Виханский О.С., Наумов А.И.* Менеджмент: учебник. 3-е изд. – М. Гардарики, 2000. – 528 с.

5. *Карасева М.В.* Становление корпораций в России // Маркетинг. – 2000. – №2. – С. 84–95.

6. *Мелкумов Я.* Основа построения корпораций // Журналъ для акционеровъ. – 2000. – №12. – С. 28–36.

7. *Мильнер Б.З.* Теория организации. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 480 с.

8. *Пиндайк Р., Рубинфельд Д.* Микроэкономика / пер. с англ.; ред. В.Т. Борисович, В.М. Полтерович, В.И. Данилов и др. – М.: Экономика; «Дело», 1992. – 501 с.

9. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. – 2-е изд., испр.. – М. ИНФРА-М, 1998. – 479 с.

10. *Розенберг Д.М.* Бизнес и менеджмент. Терминологический словарь. – М.: МНФРА-М, 1997. – 464 с.

11. *Самуэльсон П.А., Нордхаус В.Д.* Экономика / пер. с англ. под ред. Л.С. Тарасевича, А.И. Леусского. – М.: БИНОМ-Кно-Рус, 1997. – 800 с.

12. Справочник директора предприятия / под ред. М.Г. Лапусты. – М.: ИНФРА-М, 1996. – 704 с.

13. *Фут Н., Хенсли Д., Лэндсберг М., Моррисон Р.* Роль управляющей компании [Электронный ресур]. – Режим доступа: http:www.vestnikmckinsey.ru

14. Экономика предприятия / под ред. О.И. Волкова. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 520 с.

15. *Якутин Ю.* Корпоративные структуры: вариант типологизации и принципы анализа эффективности // Российский экономический журнал. – 1998. – №6. – С. 70–83.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 808.2

Цветкова Елена Вячеславовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

XIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОНОМАСТИКА ПОВОЛЖЬЯ»

В статье сообщается информация об очередной Международной научной конференции «Ономастика Поволжья», которая явилась важным событием в научной жизни, способствующим развитию ономастической науки.

Ключевые слова: *ономастика, ономастика Поволжья, литературная ономастика.*

В Ярославле 12–15 сентября на базе ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского» состоялась XIII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья». Этот научный форум был организован Ярославским государственным педагогическим университетом имени К.Д. Ушинского, Волгоградским государственным социально-педагогическим университетом, институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

В оргкомитет конференции было представлено около ста докладов ономатологов из 31 города Российской Федерации (Арзамаса, Белгорода, Борисоглебска, Боровичей, Волгограда, Вологды, Воронежа, Екатеринбурга, Елабуги, Йошкар-Олы, Казани, Костромы, Махачкалы, Москвы, Пскова, Твери, Томска, Тюмени, Улан-Удэ, Ульяновска, Уфы, Чебоксар, Читы, Элисты, Якутска, Ярославля) и семь докладов зарубежных участников (из Китая, Польши, Казахстана, Белоруссии, Украины). Перед началом конференции был издан сборник её материалов. В программу конференции было включено 99 докладов. В работе конференции приняли участие также студенты и магистранты вузов Волгограда, Екатеринбурга, Смоленска, Элисты, Ярославля и учителя школ.

На торжественном открытии конференции выступили первый проректор ЯГПУ, доктор исторических наук, профессор Н.П. Воронин; сопредседатель постоянного оргкомитета конференции «Ономастика Поволжья», доктор филологических наук, профессор Волгоградского социально-педагогического университета В.И. Супрун; доктор географических наук, профессор Дагестанского государственного педагогического университета, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки Республики Дагестан Х.Л. Ханмагомедов; участница первой конференции «Ономастика Поволжья» – доктор филологических наук, профессор Щецинского университета (Польша) О.Т. Молчанова. В адрес конференции поступили приветствия от участника первой конференции «Ономастика Поволжья»: доктора филологических наук, почётного профессора Пензенского государственного педагогического университета, заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.Д. Бондалетова; доктора филологических наук, профессора Башкирского государственного университета А.Г. Шайхулова; кандидата филологических наук, доцента, зав. кафедрой татарской филологии Альметьевского государственного института муниципальной службы Л.Ф. Осиповой.

На конференции состоялось пленарное заседание, пять секционных заседаний («Теория и методология ономастических исследований. Вопросы антропонимики и этнонимики», «Топонимика, гидронимика и микротопонимика», «Городское онимическое пространство», «Ономастическая периферия и ономастическое пограничье. Ономастика в вузе и школе», «Литературная ономастика»), круглый стол «Волга в языках и культуре народов Поволжья» и заключительное заседание. В центре внимания участников конференции находились проблемы теории и методологии ономастических исследований, антропонимики, топонимики, литературной и переводческой ономастики, методических аспектов науки об именах собственных и других направлений ономастических исследований.

На закрытии конференции выступили руководители секций, члены оргкомитета, была принята резолюция конференции, прозвучало приветственное слово председателя следующей конференции «Ономастика Поволжья» кандидата филологических наук, доцента И.М. Ганжиной (Тверь). В решении конференции отмечается высокий научно-методический и методико-практический уровень докладов и сообщений, изданных материалов; рекомендуется всем участникам конференции способствовать исследовательской деятельностью распространению ономастических знаний; выражается благодарность организаторам конференции.

XIII Международную научную конференцию «Ономастика Поволжья», оставившую самые приятные впечатления, можно считать важным событием в научной жизни, способствующим развитию ономастической науки.

© Цветкова Е.В., 2012

ПАМЯТЬ

ЭПИТИФИ́Я, ИЛИ НОТА ВРЕМЕНИ ИСТОРИКА В.Н. МАИНА

Иисус, зная, что пришёл час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их.

Евангелие от Иоанна 13.1.

Люди сами делают свою историю, но они её делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбирают, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта

Ненасытная жажда общения – основная характеристика репутации Валентина Николаевича Маина. Верность своим идеям, способность к одинокому крепкому стоянию в боевой позиции, неуступчивость как и жажду общения доктор исторических наук, профессор Валентин Николаевич Маин выработал всей своей жизнью.

В отечественной истории отсутствуют времена, когда стране хватало бы специалистов, профессионалов, мастеров. Но в ещё бульшем дефиците честные с горящими глазами и сердцем, болеющие за свою страну граждане. Сейчас нам катастрофически не хватает людей, которым не нужны ни апартаменты из восемнадцати комнат, ни драгоценности на каждый день ценою в годовой бюджет целой области. Которые, по словам А. П. Чехова, знакомы с жаждой творчества (более всего ради общественного блага), по сравнению с чем все остальные блага смешны и несущественны.

Таких людей стало ещё на одного человека меньше.

На самом деле это вполне нормальный, ничуть не экзотический, не уникальный человеческий тип. Не праведник, просто достойный человек, страстный и непримиримый. Правда сегодня на дворе такое время, что он маловостребован. О нём не пишут романов и не снимают телесериалов.

В центре Москвы на стене знаменитым Шехтелем построенного здания сохранился барельеф наивной монументальной пропаганды – «вся наша надежда покоится на людях, которые сами себя кормят». Эта заповедь (может быть, утопическая?) по отношению к людям типа В.Н. Маина актуальна и сегодня. Ведь именно такие люди никогда не воруют. Они не способны остановиться и всегда хотят что-то полезное для других сделать.

Ушёл человек в мир иной. Общество в целом не изменилось. Да и не могло измениться. Когда общество меняется «в целом», происходит смена формаций или исторических эпох. И всё же с уходом В.Н. Маина, мы, знавшие и уважающие его, многое потеряли... Например, его голос... Есть всякие голоса. Отчего-то лучше слышны громкие, грубые и иногда глупые. А у Валентина Николаевича голос был мягкий. Иметь такой голос, может быть, и негодно, но почётно. Этот голос как-то сам собой вызывал воспоминания о временах, когда люди говорили, а не лаяли, когда плавность речи была обязательным свойством интеллигента и когда мягкая, доброжелательная ирония, словно морщинки в углу глаз, украшала мудрые лица.

Отчего же это фатальное отсутствие агрессии в голосе? Наверное, от горечи и любви к бедному, наивному, нелепому, кривому, родному миру...

Крик стал обыденностью, а тихий голос доброго человека – редкостью. Голос профессора Маина совсем затих... Но остался язык, язык, которым написано множество работ доктора исторических наук В.Н. Маина. Чужой язык кажется логичным, потому что ты учишь его грамматику. Свой – загадка, потому что ты его знаешь, не изучив. Что позволяет и что не позволяет язык научного творчества, определяет цензор, который сторожевым псом сидит в мозгу. Чтобы проникнуть в тайну языка работ В.Н. Маина, надо прислушаться к тем, кто о ней не догадывается. Где они – эти те? Откроем журнал «Волжский рубеж», основателем и бессменным редактором которого был Валентин Николаевич. Вот они – эти те – члены редколлегии журнала, авторы журнала. Те, которые читали работы профессора В.М. Маина, те, работы которых он редактировал. Многие, сами того не зная, не стали инвалидами русской речи в своих статьях благодаря его редакторскому таланту и его языку. Недуг инвалидности языка живёт в нас в форме наукообразия, путаности и нелогичности. Недуг этот не только невидим, но даже не слышан, ибо и те, кто говорят «без акцента» пользуются, зачастую, ущербным языком, чужим языком. На чужом языке мы уже и мельче...

Работам В.Н. Маина свойственен язык ясный, понятно-простой. Внутренне чувство языка сродни нравственному закону, который, согласно Канту, гнездится в каждом из нас, но неизвестно где и, как показывает жизнь, не обязательно у всех обнаруживается.

Язык научной работы вдвойне важен, если ты пишешь о Войне. Той войне, Войне-драме для всех, которая получила причудливое официальное название Великой. Война – всегда явление подлое. И официальное название «Великая Отечественная война» 1941–1945 годов скорее следовало бы переименовать в Великую Драму народов. Такая историческая характеристика является рефреном содержания публикаций Валентина Николаевича как доктора исторических наук. Наверное, не случайно он и был награжден золотой медалью «За заслуги» Академией военно-исторических наук (АВИН), организатором отделения которой на Костромской земле был В.Н. Маин.

Профессор много писал о роли интеллигенции в организации разгрома военного агрессора. И здесь вполне уместна строчка из стихотворения Натальи Горбаневской для оценки (характеристики) значимости творчества В.Н. Маина – «когда на площадь гонит стыд, а не желанье славы».

Двадцатый век с его потоками пролитой крови породил тотальное недоверие к пафосу в любых формах и проявлениях, вне зависимости от социальных, национальных, идеологических, нравственных и религиозных посылов, его порождающих и питающих. Все величайшие преступления прошлого столетия совершались пафосно во имя реализации великих идей, призванных осчастливить человечество, раз и навсегда решив сложные запутанные вопросы. Заслуженный учитель РФ Евгений Ямбург в статье «Кто и как учит извлекать уроки истории» («Новая газета», № 138) отмечает, что цена «окончательного решения» национального вопроса была наглядно явлена в нацистской Германии, а вопроса социального – в Советском Союзе. Оказалось, что на такой алтарь легко положить любое количество жертв. При этом совсем не важно, кто запускает этот молот ведьм: бесноватый фюрер или рациональный расчётливый генералиссимус. И в том, и в другом случае безостановочно работала налаженная репрессивная машина, опиравшаяся на страх. Но питалась-то она одухотворением и энтузиазмом людей, готовых добровольно пойти на заклание. Полагаю, что исследование историками добровольности как готовности делом служить Отечеству есть лейтмотив творчества В.Н. Маина как учёного-историка. В своих работах, посвящённых роли интеллигенции в организации Победы, он показал, что утрата смыслов неизбежно приводит к их поиску по умолчанию, и в силу этого сегодня становится крайне опасной, поскольку в жизнь уже вступили те поколения, которые на себе не испытали все «прелести» тоталитаризма. Некоторые представители этих поколений с легкостью принимают методы Гитлера и Сталина за спасение.

Вспомним, для примера, выставку в 2006 году красноярского художника Вадима Марьясова. На шокирующей, поразительной экспозиции посетителей встречал разгром, раскиданные по полу старые книги и партитуры со следами сапог – символ растоптанного культурного наследия, преодоления культурного запрета, ведь порвать книгу – всё равно что ударить ребёнка. И перед посетителями стоял выбор, и вели они себя по-разному. Кто снимал обувь. Кто поднимал книги, щурясь, вчитывался. Кто шёл, раздвигая ветхие тома. А кто-то шагал по ним. Стать палачом или жертвой – выбор неприятный, но это – выбор, и времена, когда его не избежать, повторяются.

Наверное, людям необходимы новые вызовы, новые трудности, чтобы обрести в преодолении смысл существования.

В силу названных причин крайне важна работа по созданию смыслов, представлений миллионов людей о жизни, о войне и мире. И Валентин Николаевич Маин – один из тех, кто посвятил себя этой работе.

Д-р экономических наук,
проф. каф. экономики
В.В. Чекмарев

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Yevgeniy V. Sal'nikov
Yaroslavl State Medic Academy
salnikov_evgeny@mail.ru
Fyodor A. Kuz'min
Nekrasov Kostroma State University
kuzminmedico@yandex.ru
Mikhail M. Fateyev
Yaroslavl State Medic Academy
fateev52@mail.ru
Aleksey V. Bogatushin
Yaroslavl State Medic Academy
bav333@list.ru

Index of summary degree of influence on heart rhythm in assessment of organism vegetative status at changing L-type slow calcium channels in rats that are in different states

Application of various blockers of calcium channels changes activity of parts of autonomic nervous system in different directions. Data of temporal and spectral analyses of heart rhythm are often inconsistent. The formula of calculation of total extent of influence of studied substance on heart rhythm is offered. At experimental chronic heart failure in rats long-term action of verapamil sharply increased tone of parasympathetic part, and nifedipine and cinnarizine slightly changed activity of autonomic nervous system therefore normalized heart rhythm more effectively.

Keywords: heart rate variability, chronic heart failure, autonomic nervous system, verapamil, nifedipine, cinnarizine.

Saleh İltizam oğlu Əliyev
Baku State University, Azerbaijan
alisaleh@rambler.ru

Ecological character of the macrozoobenthos from the rivers the Şabrançay and the Qudyalçay of Greater Caucasus

The species composition of macrozoobenthos of the rivers the Şabrançay and the Qudialçay located in the north-eastern slope of the Greater Caucasus within Azerbaijan have been studied. Particular attention is paid on the ecological character of the fauna, and hydrological and hydrochemical parameters of these rivers.

Keywords: macrozoobenthos, ecology, fauna, lithophiles, rheophiles.

Aleksandr V. Baranov
Nekrasov Kostroma State University
Nadezhda S. Baranova
Kostroma State Agricultural Academy
Irina I. Velichko
Kostroma State Agricultural Academy
irina19-1975@mail.ru

The improvement of the system of management in selection process in Kostroma cattle breed

Under breeding cattle breeds of small number, it is necessary to take into account that influence of maternal base on genetic potential can be realized both by means of dams and by means of breeding nucleus of bull-producing herds. Under selectional work with cattle, breeding nucleus density and structure is considered primarily with taking into account demand of selection, economy and subsequent optimization by their interaction.

Keywords: Kostroma cattle breed, breeding nucleus, selection intensiveness, selection level.

Yuriy P. Kirin
Perm National Research Polytechnic University, branch in the City of Berezniki, Perm Land
klu2010@mail.ru
Sergey L'. Krayev
Perm National Research Polytechnic University, branch in the City of Berezniki, Perm Land
ksl63@mail.ru
Vladimir V. Yakovlev
City of Berezniki
yvvhome@mail.ru

Decision support in titanium reduction process management

The way of decrease in energy consumption of process of reduction of titanium, based on heat transfer from the zone of exotermic reaction into the zones of heating of the device of reduction is offered. The criterion of energy consumption of zones of heating is formulated. The algorithm of support of the decision-making, providing energy saving management of zones of heating of the device of reduction is considered.

Keywords: titanium reduction process, exotermic reaction, energy consumption, heating zones, energy saving management.

Anna V. Nemchinova
Nekrasov Kostroma State University
nemanvic@rambler.ru
Aleksandr V. Khoroshev
Lomonosov Moscow State University
akhorosh@orc.ru
Il'ya N. Petukhov
Nekrasov Kostroma State University
xen8787@mail.ru
Natal'ya V. Ivanova
Pushchino State Natural-Science Institute
natalya.dryomys@gmail.com
Anna S. Koshcheyeva
Lomonosov Moscow State University
anna.koscheeva@erm.com

South-taiga landscapes properties ecologic-coenotic indication on the example of forests of the natural reserve 'Kologriv Forest'

On the example of forests of the natural reserve 'Kologriv Forest', significance of environmental factors for formation of vegetation with participance of broad-leaved tree species and herbal nemoral species in forest communities is tested.

Keywords: author myth, cosmogony, archetype,

binary oppositions, mythologema, calendarian mythology.

Igor' P. Popov
Kurgan State University
popov_ip@kurganobl.ru

Free harmonic oscillations in systems with elements of different physic nature

Inert-inductive and elastic-capacitive oscillatory systems and free harmonic oscillation emergence in them are considered. In inert-inductance system, the mutual transformation of kinetic energy of inert solid into the energy of the magnetic field of the inductive coil takes place. In elastic-capacitive system – potential energy of spring into the energy of the electric field of the condenser.

Keywords: inert, elastic, inductive, capacitive.

Süleyman Şakir oğlu Süleymanov
Institute of Zoology of NAS of Azerbaijan, City of Baku
suleyman.s@mail.ru
Mircəfər Mirtagi oğlu Seyid-Rzayev
Institute of Zoology of NAS of Azerbaijan, City of Baku

Characteristics of spawning Caspian shad (Alosa caspia caspia Eichwald) at coasts of Azerbaijan

The results of a study on spawning run of the Caspian shad (Alosa caspia caspia Eichwald) along the Western coast of the South Caspian Sea, on length and weight of fishes, age composition of the catch, sex ratio, nutritional status, growth, re-spawning are presented. Caspian shad spawning run begins in late March and continues until the beginning of May. The reasons for changes in biological indices of shad over the years are analyzed. Increasing in ratio of the Caspian shad (in herds of which the ratio of older individuals is increased) in total catches of Caspian herrings is observed.

Keywords: Caspian shad, South-Western Caspian Sea, spawning run period, number, distribution, age composition.

Erzhena O. Chimitdorzhiyeva
erzhena_ch@mail.ru
Galina D. Chimitdorzhiyeva
galdorj@gmail.com
Tuyana V. Davydova
maust678@mail.ru
Yuriy B. Tsybenov
Institute of General and Experimental Biology of Siberian department of Russian Academy of Sciences, City of Ulan-Ude, Buryatia
jur-cybenov@rambler.ru

Pure primary production of postagrogenic soils of the western Transbaikalia

NPP value is low in dry steppe. Arid climate limits organic substance production and destruction in soils, despite it there is intensive accumulation of carbon in postagrogenic systems. Participation of underground phytomass in formation of pure primary production is detected in all the communities.

Keywords: carbon, microbial biomass, chernozems, chestnut soil.

HISTORY

Ol'ga V. Gorokhova
Soviet Union Marshal Timoshenko Military Academy of Troops of Radiation, Chemical and Biologic Defense and of Engineer Troops, City of Kostroma
o.gorohova@gmail.com

Varnavin folk and public libraries: opposition or alliance?

Varnavin people's and public libraries, that almost simultaneously were founded in this small town, are described in the article as a historic and cultural phenomenon. The statutes of the libraries are published at the first time.

Keywords: folk library, public library, library statute, Varnavin, Kostroma Province.

Yelena S. Ivanova
Nekrasov Kostroma State University
eivanova.30@mail.ru

Senators' inspections of Kostroma province of the first half of the 19th century

The aim of the article is to study senators' inspections as one of the main forms to supervise self-administration authorities' activity. The author considers the reasons, the way and the results of the senators' inspections that were carried out in Kostroma province in the first half of the 19th century. The study is conducted on the basis of the Russian Empire legislation on senators' inspections and the materials of four senators' inspections of Kostroma province.

Keywords: self-administration, senators' inspection, governor, noble elections.

Pavel A. Komissarov
Nekrasov Kostroma State University
pavel88-11@mail.ru

The management structure of Kostroma diocese in the second half of 19th – early 20th century

The article investigates the functions of individuals and institutions that make up the system of diocesan administration by the example of Kostroma diocese and their interaction, both among themselves and with the highest ecclesiastical authority.

Keywords: diocesan administration, Bishop, Consistory, Synod.

Lapshin Alexander Gennadievich
The Stoletovs Vladimir State University
a-lapshin@vlsu.ru

Petrobrusian heresy

The article deals with an episode of history of Christian heresies in the Western Europe of Middle Ages. Peter of Bruys was the first in the typological rank of the so-called «new heretics». He carried out the sermon in the 20ies–30ies of the 12th century. The Roman church has condemned his activity. At life and after death of Peter of Bruys, he had many followers. The Petrobrusian heresy appealed to traditions of apostolic church and was display of development of critical religiousness.

Keywords: medieval heresy, religious dissidents, religiousness, Peter the Venerable, Peter of Bruys.

Vladimir B. Lobanov
Kirov Saint-Petersburg State Forest-Technic University
lobanov19772009@yandex.ru

The Terek river anti-Bolshevist revolt (June-November, 1918): modern view

In this article, the episodes connected with the fight against the Bolsheviks in the Terek river area at the first stage of the Russian Civil war (June–November, 1918) are considered. In its beginning, participation of the Terek Cossacks, part of the Ossets and the Kabardians in it, political orientation of its heads G.F. Bicherakhov, E.Mistulov, N.Fedyushkin were the main military-political forces of the revolt. Attempt to present the reason of defeat of the revolt is made, to reveal consequences for development of the Civil war in the North Caucasian region.

Keywords: the Terek Cossacs, Georgi Bicherakhov, Anton Denikin, Sergey Kirov, Andrei Shkuro, Volunteer Army, North Caucasus.

Il'ya S. Nagradov
Nekrasov Kostroma State University
nastavnik_kim@rambler.ru

The Old Believers in the context of liberalization of public policy in the 1860ies (on materials of Yaroslavl and Kostroma Provinces)

The article investigates the relationship between the Old Believers, Russian Orthodox Church and civil government in the 1860ies.

Keywords: Old Believers, Great Reforms, religious policy.

Yelena N. Shantseva
Bryansk State University
mjordon@yandex.ru

The initial stage of the Soviet Partisans' movement on Bryansk area

The initial stage of guerrilla struggle which begins in the course of the region occupation in August – October, 1941 is described and limited to end of the Battle of Moscow which have changed a situation in its territory. The process of formation of guerrilla groups is considered, decisions on the organization of destructive battalions in all areas and cities of area for struggle against enemy saboteurs are made.

Keywords: Great Patriotic war, partisan, guerrilla group, underground, diversions, resistance.

Sergey K. Redkov
VYuI Ivanovo branch of FSIN of Russia

Reforms of the 19th century and their influence on the legal culture of the Russian society

In the article, the analysis conducted by Russian state public-political reforms of late 19th–early 20th centuries. In the base of the analysis judicial reform is prescribed as background of whole reform of legal system.

Keywords: judicial reform, society legal culture, legal-creation and legal consciousness, legal policy, mass culture.

CULTURE SCIENCE

Viktoriya V. Volkova
The Volga State Academy of Water Transport,
City of Nizhny Novgorod
volk_vik@mail.ru

The methodological bases to understanding of subculture phenomenon

The article gives the understanding of the concept "subculture" and its relation to the official culture. The existing methods of subculture phenomenon studying are considered and the new view at research methodology of the given phenomenon is offered.

Keywords: subculture, culture, methodology, method, understanding, synergetics.

Mikhail M. Kizin
Russian Institute for Cultural Research
of the Ministry of Culture of the Russian Federation
kizine@bk.ru

The new stage in the development of Russian school of singing of the beginning of the 20th century

The article deals with the period of search of new artistic images of heroes of the Opera beginning of the 20th century. It discusses the importance of the creative union of composers, artists, singers. School of Russian singing is not a copyright work of individual leaders of vocal art. Russian vocal school is a fusion of music, theatre, visual and literary genres.

Keywords: Russian school of singing, opera, composer, theatre, music, diction, actor, singer, role, theatre director, artist.

Sergey V. Korol'kov
Laptsuy Salekhard Inter-Territorial Vocational School
of Culture and Arts, Yamalo-Nenets autonomous territory
pavel88-11@mail.ru

The traditions of bone carving of the Russian North by modern craftsmen

The article deals with the history of development of bone-carving trade of the small indigenous peoples of the Russian North and the contemporary interpretation of the heritage of the trade. The author observes the socio-economic, historical, geographic, and individual factors which made an impact on the art of bone-carving. The author concludes that the peculiarity of modern bone-carved sculptural groups lies in the skillful combination of the artistic intention of an artist-craftsman with the traditional practice.

Keywords: bone carving, bone-carver, school of bone-carving, trade centre, sculptural group, craftsman.

Nataliya Ye. Mazalova
Peter The Great Museum of antropology and ethnography of the Russian Academy of Sciences (the Cabinet of Curiosities), Saint-Petersburg
mazalova.nataliya@mail.ru

The female healer from Nerekhta

Ritual activity of the female healer from Nerekhta is considered in the article. The sacral knowledge of this healer is connected with representations of bio-energetics and other modern theories. The author investigates functions and the status of the ritual expert in modern society. The author draws a conclusion that social functions of modern healers are that their activity is aimed towards help to members of society in adaptation to conditions of dynamically changing social environment.

Keywords: ethno-medicine, healers, sacred knowledge, social status, social functions.

LINGUISTICS

Dmitriy A. Volotov
Nekrasov Kostroma State University
vadmit87@mail.ru

History of batal lexis of French origin: names of fortifications (on the material of Leo Tolstoy's novel «War and Peace»)

There are numerous examples of military vocabulary of the French origin in the Russian language of the 19th century. The analysis of the novel «War and Peace» by Leo Tolstoy helps to evaluate the degree of assimilation of the gallicisms which denote strongholds, e.g. battery, redoute, flash, to specify their semantics, their structural and functional peculiarities in the aspect of the history of the Russian literary language.

Keywords: gallicism, military, loanword, semantics, assimilation.

Lyubov' A. Yermakova
Nekrasov Kostroma State University
vestnik@ksu.edu.ru

Semantic field "woman" in lyrics by M. Tsvetaeva

Semantic field "woman" in lyrics by M.Tsvetaeva is analyzed in the article, peculiarities of her idiostyle as well as gender specifics of lexical-syntactic units that form the authentic image of the lyric heroin, are revealed.

Keywords: semantic field, lyric heroine, lingual means gender characteristics.

Irina O. Kosenkova
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
joss.17@yandex.ru

Subjective time in the novel "Buddha's Return" by Gaito Gazdanov

The article is about subjective time as significant aspect of time category in the novel "Buddha's Return" by Gayto Gazdanov. It is concerned with revealing time and life-and-death images and connection of them through perception of the main character – the narrator. The interpretation of life as time extension is considered.

Keywords: time, character-narrator, life interpretation, fluke, subjective time.

Galina D. Neganova
Nekrasov Kostroma State University
gantsovsky_n@kosnet.ru

Denominations of the lowland of Kostroma land-over-the-Volga in living dialect speech, and in the works by Kostroma writers

Dialect landscape lexis reflectes the natural, cultural and language distinguishing features of cultural landscape. A number of words in the lexicon of this group are presented in the works by writers born in, or otherwise connected with, Kostroma land. This article describes the denominationses of the lowland and their place in the reflection of the images of the cultural landscape of Kostroma land-over-the-Volga.

Keywords: landscape, cultural landscape image, landscape lexis, dialect lexis.

Nataliya I. Rets
Russian Academy for the Customs
nata717@yandex.ru

Causality field peripheral segment in hetero-structural languages

Ways to express semantic relations of causality in both Russian and Chuvash languages are analyzed. Typological study of individual differences in semantic groups and locative-case constructions of heterostructural languages clarifies the periphery of the microsystem.

Keywords: functional-semantic field, language tools, prepositional-pas of reliable construction, Russian and Chuvash languages, causal relationships, frequency, syntaxemes.

Nataliya I. Rets
Russian Academy for the Customs
Aleksey R. Gubanov
Russian Academy for the Customs
alexgubm@gmail.com

Intensive pragmatic attitude in complicated speech acts of conditionality

Constructions realizing communicative attitude of Speaker are studied. The problem of influence of intensive pragmatic attitudes on communicative intention of communicants is considered.

Keywords: speech act, intensiveness, pragmatic attitude, speaker, addressee, communicative intention, non-verbality.

Ol'ga N. Rumyantseva
Nekrasov Kostroma State University
olgaolga1005@mail.ru

Language means of nomination and description of punishments in Tsarist Russia in the second half of the 19th century in Russian folk tales

The paper presents an analysis of linguistic means of representation of power relations in the aspect of

the operation of rules, penalties for violations in the ordinary (traditional) understanding and formally adopted by the opinion. Dedicated power relations in the tales clearly distinguish between subject and object of authority, and the nature of their interaction. Confronting the tsar and the guy passed a number of linguistic patterns, stylistic figures.

Keywords: subject and object of power, punishment, supreme power, charismatic and authoritative power, Emperor's Sacred Person, antonimical relationships.

Yelena A. Rybakova
Moscow City Pedagogic University
rybakov68@mail.ru

The playing with the idioms in the language of the modern German youth

The problem of using the idioms in the language of the modern German youth is actuality, so long as youth vocabulary is developing actively and always needs analysis. The article also offers the analysis of the methods of the transformations of the idioms in the language of the German youth, it is devoted to the research of the playing function in the language of the youth that determines newness of the research.

Keywords: youth language, idioms, transformations of idioms, word-play, comic effect.

Yelena V. Tsvetkova
Nekrasov Kostroma State University
vestnik@ksu.edu.ru

On the question of structural-word-formational characteristics of toponyms

The article is dedicated to the questions of structural-word-formational analysis of toponyms that is considered on the toponymical material of Kostroma land. Since word-formation and semantics of toponyms are interconnected, revealing the peculiarities of toponyms' formation has significance for characteristics of both toponymical and lexical-semantic system of patois in whole.

Keywords: toponym, microtoponym, word-formation, toponym structure.

Yelena E. Yarenchuk
Kursk State University
elenayarenchuk@gmail.com

Interactive-analytical discourse as the determiner of communicative sabotage (on the evidence of talk-shows "Special Reporter" and "NTVists")

The article presents the results of the practical verbal and non-verbal talk-show content research. The peculiarities of the interactive-analytical discourse are described. The analysis of the material permits to determine criteria of the communicative sabotage usage in the interactive-analytical discourse.

Keywords: talk-show, discourse, interactive-analytical discourse, communicative sabotage.

SCIENCE OF LITERATURE

Valeriya G. Andreyeva
Nekrasov Kostroma State University
lanfra87@mail.ru

On some central antitheses in the novel "Resurrection" by Leo Tolstoy

The author of the article proves that opposition "work – inaction" organizes the central oppositions in the novel "Resurrection" at level of episodes, images, stages of life of moving heroes.

Keywords: antitheses, work, personality improvement, work poetry, people-changing force of work, moral degradation and resurrection of heroes.

Tamara P. Batalova
Moscow State Humanitarian Social Institute
slava964964@mail.ru

Dostoyevsky and Nekrasov: creating dialogue (semantics of motif of public affair in works of 1860-ies–1870-ies years)

The article aims at considering the mechanism of centralized realization of the linguistic policy in France represented as a multi-layered vertical.

Keywords: Dostoyevsky, Nekrasov, public affair, sacrifice, motif.

Alyona S. Dorokhova
Volgograd state university
das-das-87@mail.ru

Polylevelleness of «essaisaition» in the novel of 20th century: «The Glass Bead Game» by Hermann Hesse and «Night Train to Lisbon» by Pascal Mercier

This article is devoted to the qualities of esse and their appearence in the novels: «The Glass Bead Game» by H. Hesse and «Night Train to Lisbon» by P. Mercier. The author speaks about diffrent and common qualities of the «essaisaition» – the main characteristics which appears in the novels of the 20th century.

Keywords: essay, essayisation, essayism, essayistic ideation, formative role of essay.

Galina A. Zlenko
Kostroma State Technological University
zlenkoga@yandex.ru

Critical activity of V. Nabokov as embodiment of the dialogue of cultures

The article deals with literary and critical activity of V.V. Nabokov. It highlights the originality of the writer`s stay in the atmosphere of the Russian-language literature abroad when every participant of the dialogue is directly involved in the cross-cultural communication. By means of his critical works, literary studios, lectures and translations Nabokov integrated the Russian-language culture into the Western culture.

Keywords: cultural ambivalence, polilingual activity, synthesis of cultures, literary interpretation, integration of the Russian culture, methods of critical activity, interview.

Anna G. Maslova
Vyatka State Humanitarian University, City of Kirov
ag.maslova@mail.ru

N.M. Karamzin's poetry in the context of the 18th century masonic poetry

The article gives characteristics of individual features of Karamzin's interpretation of essential for the masonic ideology poetic images, presented in the poetry of the masonic magazines "Morning Light" (1777–1780) and "Evening Dawn" (1782): dark space of the earthly life and the light, heavenly world of eternity. It is shown that these images in the works of Karamzin are filled with new sences, essential to the author's conception of life, different from the masonic philosophy.

Keywords: Russian poetry of the 18th century, N.M. Karamzin, masonic poetry, philosophic lyrics.

Nikolay G. Morozov
Nekrasov Kostroma State University
vestnik@ksu.edu.ru

The value of A.A. Potebnya theory in explaining the phenomenon of updating the old forms of literary realism in the early 20th century

New interpretation of the doctrine by A.Potebnya about the latent form of an art word is offered in the article. Possessing the raised information density, such words carry out special communicative function: transfer topmost creations of the Russian classical literature of the 19th century to art texts of the beginning of the 20th century.

Keywords: A. Potebnya, word latent form, M. Bakhtin, J. Kristeva, R. Barthes, A. White, longevity of Russian Literature of 19th century.

Aleksandr K. Kotlov
Nekrasov Kostroma State University
ak_kotlov@inbox.ru

Folklore-mythological backgrounds of the chronotope of "Conventional Tale" by Oleg Pavlov

The article is dedicated to the research of some folklore and mythological bases of special chronotope of tale and parable in "Conventional Tale" by the modern prose-writer O.Pavlov.

Keywords: chronotope, folklore, mythology, motif, translation, O.Pavlov, "Conventional Tale".

POLITICAL SCIENCE

Aleksandr V. Zaytsev
Nekrasov Kostroma State University
aleksandr-kostroma@mail.ru

Political negotiations and dialogue between the state and the civil society: similarities and differences

This article describes the process of transformation of the similarity of the concept of "dialogue" and acquire the new value of the "negotiations". In connection with this dialogue between the state and civil society in Russia today beginning to be seen as a negotiation process. At the same time, these concepts are not only similarities, but also differences.

Keywords: dialogue, negotiation, mediation, state, government, civil society.

Aleksandr V. Zaytsev
Nekrasov Kostroma State University
aleksandr-kostroma@mail.ru
Larisa I. Nikovskaya
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, City of Moscow
nikovsky@inbox.ru
Vladimir N. Yakimets
Institute of Systemic of the Russian Academy of Sciences, City of Moscow
iakim@isa.ru

Public policy in Kostroma Region: actors and institutions (according to the sociological survey)

This paper describes the results of the public policy survey in Kostroma Region, conducted in May 2012. Evaluations of subjects, institutions and mechanisms of intersectoral partnership of regional government, business and NGOs are analysed, YaN-index is defined and assessment of public policies compared to the other Russian regions is given. The type of public policy in Kostroma region is identified and the anti-rating for actors and institutions of public policy is outlined.

Keywords: government, business, NGOs, public policy, YaN-index, actors, institutions.

Natal'ya A. Shvetsova
Perm Institute of Russia's Federal Service of Punishement Execution
natashvetsova@rambler.ru

Public policy in Kostroma Region: actors and institutions (according to the sociological survey)

The article views the peculiarities of the formation of political culture at the present stage of the development of Russian society, the main features of its content and structure. The features of the methods of political culture formation within the framework of humanitarian paradigm of higher education have been formulated by the author.

Keywords: political culture, political consciousness, political behavior, political interests, necessities, political activity.

SOCIOLOGY

Oleg N. Savel'yev
Design Bureau Company of Microelectronics, City of Kaluga
sawelewokbmel@yandex.ru

Innovations and their sociological maintenance (the case-study on the example of the joint-stock company «Design Bureau of Microelectronics»)

There is a speech about the case study method for innovations in the article. The purposes of sociological research of innovations are presented. Innovative processes at the concrete enterprise are considered.

Keywords: innovations, case study, sociology of innovations, sociology of management, sociological maintenance of innovations.

PHILOSOPHY

Tamara L. Belkina
Nekrasov Kostroma State University
vestnik@ksu.edu.ru
Inna A. Yantsevich
Nekrasov Kostroma State University

Participation of Kostroma Province intellectuals in Russian society transformation at second half of the 19th – early 20th centuries

It was shown that intellectuals of Kostroma Province as intellectuals of all Russia were divided in their views in different directions of society conceptions. Nevertheless, Kostroma intellectuals were worried of the ordinary people fate that was suggested by their practice.

Keywords: intellectuals, Slavophiles, Westernizers, populists, reforms, revolution.

Aleksey A. Vasil'yev
The Volga branch of Russian Academy of Justice, City of Nizhny Novgorod
nicnpa@mail.ru

Intuition in social relations (e.g. legal)

The article is devoted to such a phenomenon as intuition. Almost every day, in the course of interaction between the friend the friend and social institutes we enter in legal relationship. Article has the purpose to show intuition presence in these interactions.

Keywords: intuition, intuitive right, legal relationships.

Yekaterina V. Kukunina
Russia's Armed Forces General Military Avademy
pavel88-11@mail.ru

Something imagined in philosophy by I. Kant

Origin, becoming and development of I. Kant's something imagined is considered In the article. The author analyzes various connotations of the term «imagination» and makes attempt of an explication of meaning of this concept for I. Kant's philosophy.

Keywords: productive imagination, something imagined, imagined essences, empirical imagination, pure imagination, transcendental imagination, reproductive imagination.

JURISPRUDENCE

Ol'ga V. Moiseyeva
Nizhny Novgorod Academy of Rights (institute)
nechaeva.olga@mail.ru

Legality of application of the legislation on protection of the rights of consumers to the contract of property insurance

On the basis of study and analysis of judicial power, the article considers the problem of application of the legislation on the protection of the rights of consumers to a contract of property insurance. The conclusion is made about the legality of the application of the legislation on the protection of the rights of consumers to the contract of insurance of civil liability.

Keywords: legislation, contract of insurance, protection of consumer's rights, rule of law, judicial practice.

Boris Ye. Roshchin
Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru

Russian labour duty during the first year of the formation of «Dictatorship of the proletariat»: ideological and legal grounds

The article deals with the key steps of the process of practical introduction and development of the constitutional principle of the universal labour duty at the initial stage of socialist labour management, during the first year of the formation of the Soviet system. The author of the article analyzes the relevant legal standards which were accepted by the new government and thus provided the use of forced labour during the time period under study.

Keywords: universal labour duty, forced labour, employment agencies, service records for unemployed, ideologists of Bolshevism, management and allocation of labour force, first Russian labour code.

ECONOMY

Bronislav D. Babayev
Ivanovo State University
politeconom@rambler.ru
Vasiliy V. Chekmaryov
Nekrasov Kostroma State University
tchekmar@ksu.edu.ru
Nataliya V. Borovkova
Ivanovo State University
politeconom@rambler.ru

About the recreational development of Moscow Region

The article nominates a range of issues relating to the recreational areas of the Upper Volga.

Keywords: Upper Volga regions, recreation, tourism, competitive advantage, formation of inter-regional recreational complex as project.

Zinaida V. Bragina
Nekrasov Kostroma State University
bragzv@yandex.ru
Aleksandr A. Ovsyannikov
Lenin Ivanovo State Energetic University
alejandro_85@mail.ru

Optimization of investitional components in structure of tariff on electro-energy transmission

Possibility of investment costs optimization for switch power network companies, according to positive influence extent of given costs on the quality work of Interregional Distribution Grid Companies is shown.

Keywords: Interregional Distribution Grid Companies (IDGC), electrical energy transmission rate, indicators quality work of switch power network companies, investment programs.

Vladimir A. Gubin
Nekrasov Kostroma State University

Peculiarities of effective functioning of farm households

The article discusses social and economic problems preventing farms from effective development. The whole set of administrative and economic measures is required to increase the growth and effectiveness of farms. That is why federal and regional legislative policy should be aimed at the dynamic development of the farm institute. The findings can be applied in agriculture policy of the region or at organizing production process on farms.

Keywords: agricultural sector, national project of high priority, peasant (farm) household, Kostroma Region.

Viktor N. Yeryomin
Ivanovo State University
decan_eco@ivanovo.ac.ru
Yelena V. Yeryomina
Ivanovo State University
e.eremina71@mail.ru

On some results of evaluation of an hour cost of a teaching load

Results of analysis of influence of various factors on an hour cost of teaching load on realization of non-budgetary mode of study are given in the article. It is revealed that number of students is a primary factor of increase in an hour cost, however this relationship has hyperbolical nature. The factor that influences on rate of an hour cost increase is a volume of average individual load per student per annum. This relationship is inverse. Conclusions based on the results of the research are presented.

Keywords: non-budgetary funds, cost of one hour, individual load, hyperbolic function, differentiated rent, number of students.

Aleksandra B. Rat'kova
Nekrasov Kostroma State University
ratkova.a@yandex.ru

Correcting state influence on the economy: advantages and disadvantages

The problem of correcting the government's influence on economy, as well as the limits of this effect in free and real market is considered. The author gives additional arguments in favour of the view, according to which the problem of functional activity of the state is not limited to the scope of state corrective action on the economy, but also lies in the validity of the tasks that are set and the means that are chosen for their decision.

Keywords: state, functions of state, "failures" of market, "failures" of state.

Nikolay N. Sviridov
Nekrasov Kostroma State University
Mikhail V. Blinov
Nekrasov Kostroma State University

Institutions in municipal management system

Institutions' functions and their influence on municipal establishments management efficiency are enlightened in the article.

Keywords: institutions, municipalities, efficiency, development dynamics.

Viktor O. Subbotin
Nekrasov Kostroma State University
n.a.vitu6asubbotin@mail.ru

Patterns of development of civil society in post-industrial socio-economic structure

This article analyzes the options for the development of civil society in the economic system in the post-industrial stage of socio-economic development. Strengths and weaknesses of the development analyzed, negative threats and opportunities for positive development are set. Basic positions and possible options for the development of civil society are denoted and suggested. The questions mentioned in article are of scientific and practical interest.

Keywords: civil society, economic relations, economic system, civil society institutions, opportunities, threats, state, impact on state, differentiation of society.

Vladimir V. Chekmaryov
Nekrasov Kostroma State University
tcheckmar@ksu.edu.ru

Axiomatics of the strategy of ensuring economic security state

This article presents axiomatic appropriate economic policies to ensure economic security.

Keywords: economic security, strategy development, conflict-compromiss economic relations.

Sergey V. Chistyakov
Yevgeniy V. Kolesov
Nekrasov Kostroma State University

Basic principles of network model form of economic relations

The network organization of economic activities demands new thinking of heads: refusal of the all-round control, transition to an informal way of coordination, mutual trust.

Keywords: strategic networks; virtual, adhocratic, intellectual, learning organizations; informal coordination mode.

Oleg R. Mamelin

To a question of interaction of a banking system and real sector. Regional aspect

The author of the article examines the questions of necessity of research of regional banks as comparatively independent element of the national banking system in the context of their co-operating with the real sector of economy.

Keywords: real sector of economy, region, co-operation, priority directions of development.

Ivan A. Savelyev
Kostroma State Technological University
isavelev@yandex.ru

Cluster shape the spatial organization of economic interactions

The article focuses on an important subject – the cluster form of spatial organization of economic interactions as an essential tool for improving the competitiveness of the business entities in the modern world. The cluster model of development is the most effective in terms of increasing competitiveness, enhancing cooperation and innovation activities of businesses.

Keywords: cluster, integration, economic cooperation, competitiveness.

SYSTEM ENGINEERING

Irina V. Tokareva, Pavel G. Kowalski
Nekrasov Kostroma State University
ops@ksu.edu.ru

Sistem analysis of the corporation peculiarities as an management object

The article describes the system of basic concepts of corporate management. Different approaches (social, structural, economic) to the definition of corporation are identified and systematized. Key corporate management differences as a system of administrative relations, the subject of which serves the interests of corporate participants harmonization in achieving their common (corporate) goal, are shown here.

Keywords: corporate management, basic definition, administrative relations, systematization.

SCIENTIFIC LIFE

Yelena V. Tsvetkova
Nekrasov Kostroma State University
vestnik@ksu.edu.ru

The 13th International scientific conference "Onomastics of the Volga region"

In the article, information about International scientific conference "Onomastics of the Volga region" that has been held once again and has been the important event in scientific life that promotes onomastical science development.

Keywords: onomastics, Volga region onomastics, literary onomastics.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на-русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

Подписано в печать 12.08.2012
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 30,8 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 42.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**
Отпечатано: **КГУ им. Н.А. Некрасова**

Цена свободная